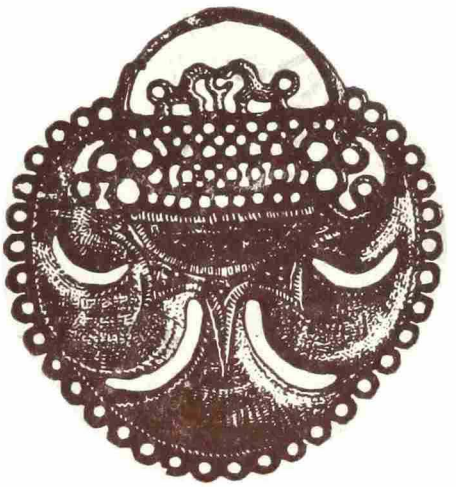
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1
1977

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
МОСКВА

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1
1977

Журнал основан в 1957 году

Выходит четыре раза в год

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский (главный редактор),
И. И. Артеменко, О. Н. Бадер, В. Д. Блаватский,
Ю. Н. Захарук (зам. главного редактора), *В. М. Массон,*
М. Г. Мошкова (отв. секретарь), *Р. М. Мунчаев,*
А. П. Окладников, Б. Б. Пиотровский, С. А. Плетнева,
Б. А. Рыбаков, В. П. Шилов

СОДЕРЖАНИЕ

А. А. Формозов (Москва). О критике источников в археологии 5
Х. Тодорова, Н. В. Рындина, Е. Н. Черных (София, Москва). Энеолитический металл из Голямо Делчево (Болгария) 15
А. А. Щепинский (Симферополь). Раковинные кучи на энеолитических стоянках Крыма 27
М. В. Андреева (Москва). К вопросу о южных связях майкопской культуры 39
Б. А. Шрамко, Л. Д. Фомин, Л. А. Солнцев (Харьков). Начальный этап обработки железа в Восточной Европе (доскифский период) 57
Л. Г. Хрушкова (Сухуми). Рельефная плита с изображением птиц из Цебельды 75
Л. В. Алексеев (Москва). О древнем Смоленске (к проблеме происхождения, начальной истории и топографии) 83
В. А. Буров (Москва). Печати при новгородском Наказе 1372 г. как исторический источник по изучению кончанской эмблематики Новгорода XIV в. 104
В. Л. Егоров (Москва). География городов Золотой Орды 114

Публикации

П. Э. Песонен (Петрозаводск). О двух древних поселениях в низовье р. Нива 126
Ю. П. Матвеев, А. Т. Синюк (Воронеж). Новые материалы к изучению бронзового века на Среднем Дону 139
В. С. Горбунов (Уфа). Курганы эпохи бронзы на правобережье р. Демы (Башкирия) 149
Ю. А. Морозов (Уфа). Новые сведения о заселении Приуралья срубными племенами 162
И. Н. Медведская (Ленинград). Могильник Кайтарие — новый памятник раннежелезного века Ирана 169
Э. А. Сымонович (Москва). Стеклянная посуда из поднепровско-причерноморских памятников черняховской культуры 176
В. Н. Пилипко (Ашхабад). Женские культовые статуэтки с берегов Средней Амударьи 187

© Издательство «Наука»,
«Советская археология», 1977 г.

В. И. Сарианиди (Москва). Памятники монументальной архитектуры Бактрии 203
А. И. Айбабин (Феодосия). Салтовские поясные наборы из Крыма . . . 225
М. К. Каргер (Ленинград). Храм-усыпальница в Евфросиниевском монастыре в Полоцке 240
А. П. Рунич (Пятигорск). Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины 248

Заметки

А. Е. Матюхин (Ленинград). Опыты по использованию чопперов и чоппингов в качестве рубящих орудий 258
Н. Н. Скакун (Ленинград). Экспериментально-трасологические исследования керамических орудий труда эпохи палеометалла (по материалам Алтын-депе и Теккем-депе) 264
А. Л. Никитин (Москва). Неолитическое поселение Плещеево IV 268
Н. Ф. Петрова (Саратов). Каменный топор из Саратовского музея . . . 275
В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев (Грозный). Клад бронзовых предметов из с. Советское (Чечено-Ингушетия) 276
С. А. Скорый (Симферополь). Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма 280
А. А. Моруженко, В. А. Косиков (Донецк). Курганы у с. Городное 281
А. М. Ждановский (Краснодар). Статуя половецкого воина из станицы Новомалороссийской 289
В. А. Иванов (Уфа). Погребения средневековых кочевников на территории Охлебининского городища 292

Критика и библиография

Ф. Д. Гуревич (Ленинград). A. Nowakowski. Górne Pobuże w wiekach VIII—XI. Lódz, 1972 296
Зарубежные рецензии на советские археологические издания 303

Хроника

М. А. Дэвлет (Москва). К столетию Минусинского музея 305
И. Р. Пичикян (Москва). Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья (Всесоюзная научная конференция в Тбилиси, 1975 г.) 309
О. Н. Бадер (Москва). Доклады археологов на IV Международном конгрессе финноугроведов в Будапеште, 1975 г. 312
В. Ф. Генинг (Киев). Проблема происхождения венгров (IV Международный конгресс финноугроведов в Будапеште, 1975 г.) 317
Татьяна Николаевна Книпович 322
Петр Николаевич Третьяков 323
От Отдела полевых исследований 325

ACADEMIE DES SCIENCES DE L'U.R.S.S.
INSTITUT D'ARCHEOLOGIE

Revue trimestrielle fondée en 1957

ARCHEOLOGIE SOVIETIQUE

№ 1
1977

Rédacteur en chef A. V. ARTSIKHOVSKI

SOMMAIRE

A. A. Formozov (Moscou). Critique des sources archéologiques 5
Kh. Todorova, N. V. Ryndina, E. N. Tchernykh (Sofia, Moscou). Le métal énéolithique de Goliamo Deltchévo (Bulgarie) 15
A. A. Chtchépinski (Simféropol). Amas de coquillages dans les stations énéolithiques de Crimée 27
M. V. Andréiéva (Moscou). La culture de Maïkop et ses liens avec le Sud 39
B. A. Chramko, L. D. Fomine, L. A. Solntsev (Kharkov). L'étape initiale du travail du fer en Europe orientale (période préscythique) 57
L. G. Khrouchkova (Soukhoumi). Plaque de Tsébelda portant la figuration d'oiseaux en relief 75
L. V. Alexéiev (Moscou). Le vieux Smolensk. Origine, histoire initiale, topographie 83
V. A. Bourov (Moscou). Les sceaux du Décret de Novgorod en date de 1372, source historique pour l'étude des emblèmes d'arrondissement à Novgorod, au XIVe siècle 104
V. L. Egorov (Moscou). La géographie des villes de la Horde d'Or 114

Publications

P. E. Pesonen (Pétrozavodsk). Deux anciens établissements de la basse Niva 126
You. P. Matvéiev, A. T. Siniouk (Voronej). De nouveaux matériaux pour l'étude de l'Age du Bronze sur le cours moyen du Don 139
V. S. Gorbounov (Oufa). Kourganes de l'Age du Bronze sur la rive droite de la Dièma (Bachkirie) 149
You. A. Morozov (Oufa). De nouvelles données sur l'occupation de la région de l'Oural par les tribus de la culture des tombes à charpente 162
I. N. Medvedskaïa (Léningrad). Le champ funéraire de Qeytharieh, un nouveau monument du début de l'Age du Fer en Iran 169
E. A. Symonovitch (Moscou). La verrerie des monuments de la culture de Tcherniakhovo, dans les régions du Dniepr et de la mer Noire 176
V. N. Pilipko (Achkhabad). Statuettes féminines cultuelles du cours moyen de l'Amou-Daria 187
V. I. Sarianidi (Moscou). Edifices d'architecture monumentale en Bactriane 203
A. I. Aïbabine (Théodosie). Ornements de ceintures de la culture de Saltovo, trouvés en Crimée 225
M. K. Kargher (Léningrad). Tombeau-chapelle dans le monastère de Ste-Euphrosine à Polotzk 240
A. P. Rounitch (Piatigorsk). Deux riches sépultures du haut Moyen Age dans la dépression de Kislovodsk 248

Notices

A. E. Matioukhine (Léningrad). Expériences sur l'utilisation de choppers et de choppings comme outils tranchants 258
N. N. Skakoun (Léningrad). Etude expérimentale traçologique des outils céramiques de l'époque paléométallique (sur des pièces d'Altyn-dépé et Tekkem-dépé) 264

A. L. Nikitine (Moscou). L'établissement néolithique de Pléchtchéiévo IV 268
N. F. Pétrova (Saratov). Une hache de pierre provenant de musée de Saratov 275
V. B. Vinogradov, S. L. Doudarev (Groznу). Le dépôt d'objets de bronze du village de Sovietskoié (Tchétchéno-Ingouchétia) 276
S. A. Skory (Simféropol). Une épée de haute époque scythe trouvé dans le village d'Izioumovka (environs de Stary-Krym) 280
A. A. Moroujenko, V. A. Kossikov (Donetsk). Les kourganes du village de Gorodnoié 281
A. M. Jdanovski (Krasnodar). Une statue de guerrier polovtsien découverte dans la stanitza de Novomalorossiskaïa 289
V. A. Ivanov (Oufa). Sépultures de nomades du Moyen Age sur le territoire du goroditché d'Okhlebininskoïé 292

Critique et bibliographie

F. D. Gourévitch (Léningrad). A. Nowakowski. Górne Pobuże w wiekach VIII—XI. Lódz, 1972 296
Publications étrangères sur les ouvrages soviétiques d'archéologie 303

Chronique

M. A. Devlet (Moscou). La commémoration du centenaire du musée de Minousinsk 305
I. R. Pitchikian (Moscou). Les traditions antiques, byzantines et locales dans les pays de l'Est de la mer Noire (Conférence scientifique de l'U.R.S.S. à Tbilissi, en 1975) 309
O. N. Bader (Moscou). Les rapports des archéologues ou IVéme Congrés international d'études finno-ougriennes à Budapest, en 1975 312
V. F. Ghenning (Kiev). Le problème de l'origine des Hongrois (IVème Congrès international d'études finno-ougriennes à Budapest, en 1975) 317
T. N. Knipovitch 322
P. N. Trétiakov 323

А. А. ФОРМОЗОВ

О КРИТИКЕ ИСТОЧНИКОВ В АРХЕОЛОГИИ

Подлинная наука учит нас сомневаться и при недостатке знаний — воздерживаться...

Клод Бернар

В 1907 г. в «Протоколах Туркестанского кружка любителей археологии» была опубликована заметка П. С. Назарова «Дополнение к сообщениям И. Т. Пославского о находках каменных орудий в Средней Азии». В ней говорилось, что автору известно местонахождение «к северо-востоку от Орска близ д. Идельбаевой на р. Губерле», где вместе с кремневыми орудиями встречены и «кости двух видов вымерших быков, лошади, волка, лося и северного оленя» [1].

Включенные в сводку И. А. Кастанье [2], эти сведения обратили на себя внимание археологов уже после революции. Б. Н. Граков был, кажется, первым, кто расценил находку у Идельбаева как палеолитическую стоянку, исходя из того, что северный олень мог обитать на Южном Урале только в ледниковую эпоху [3]. В дальнейшем Идельбаевская стоянка или Губерлинское местонахождение упоминалось во всех трех изданиях обобщающего труда П. П. Ефименко [4] и в добром десятке статей по палеолиту [5]. Очень невнятному сообщению П. С. Назарова была придана при этом некоторая определенность. П. П. Ефименко назвал Идельбаево крайним западным пунктом сибирской области палеолита. О. Н. Бадер датировал стоянку финальнопалеолитическим временем, поскольку на ней нет костей мамонта.

Между тем не требуется больших усилий, чтобы выяснить истинную ценность информации П. С. Назарова. Взглянув на карту, мы увидим, что

---

[1] *П. С. Назаров.* Дополнение к сообщениям И. Т. Пославского о находках каменных орудий в Средней Азии. Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии, год IX (1.I.1906—1.I.1907). Ташкент, 1907, стр. 78.

[2] *И. А. Кастанье.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Тр. ОУАК, XXII, 1910, стр. 39, 40.

[3] *Б. Н. Граков.* Ближайшие задачи археологического изучения Казакстана. Кзыл-Орда, 1930, стр. 8.

[4] *П. П. Ефименко.* Дородовое общество. М.— Л., 1934, стр. 473, 474; *его же.* Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 590.

[5] *Г. П. Сосновский.* Палеолитические стоянки Северной Азии. Труды II Международной конференции Ассоциации по изучению четвертичного периода Европы, вып. V. Л.— М.— Новосибирск, 1934; стр. 250; *П. П. Ефименко и Н. А. Береговая.* Палеолитические местонахождения СССР. МИА, 2, 1941, стр. 267; *О. Н. Бадер.* Первоначальное заселение Урала и Волго-Камья человеком. Уч. зап. ПГУ, т. V, вып. 2, 1947, стр. 131, 132; *Г. П. Сосновский.* О поисках палеолита в Казахстане. Изв. АН Казахской ССР, № 46, серия археологическая, вып. I. Алма-Ата, 1948, стр. 12; *С. С. Черников.* Находка палеолитических стоянок в Восточном Казахстане. Вестн. АН Казахской ССР. Алма-Ата, 1951, 12, стр. 63; *Н. А. Береговая.* Палеолитические местонахождения СССР. МИА, 81, 1960, стр. 73.

и Идельбаево, и Губерля расположены к западу, а не к северо-востоку от Орска, причем Идельбаево стоит на р. Кураган не менее чем в 42—45 *км* от Губерли. На этой реке есть села с похожими названиями, например Узенбаево, так что спутаны были, возможно, не реки, а названия деревень [6]. Уже эта грубая ошибка заставляет отнестись с осторожностью и ко всему остальному. П. С. Назаров не был ни археологом, ни палеонтологом. Никаких раскопок на месте своих находок он, вероятно, не производил, и надо еще доказать, что кремни и кости составляют единый комплекс, а не смешаны механически, что найдены действительно орудия, а не естественно расколотые куски камня. Не указано, кто определял кости животных. В архивах немногих русских ученых, занимавшихся палеонтологией в начале XX в., нет никаких данных об обработке коллекции из-под Орска. Скорее всего кости определял сам П. С. Назаров, а правильно ли — сейчас уже не скажешь. Но даже если виды животных определены верно, кости северного оленя ни в коей мере не свидетельствуют о палеолитическом возрасте местонахождения. Ведь северный олень жил на Южном Урале вплоть до XVIII в. н. э.[7]

Таким образом, информация П. С. Назарова не дает права ни на какие сколько-нибудь серьезные выводы. Максимум, что с ней можно сделать,— это включить Идельбаево в список сомнительных памятников, при случае заслуживающих проверки.

В той же статье О. Н. Бадера 1947 г., где шла речь о Губерлинском местонахождении, фигурирует как небезынтересный факт и так называемая Илецкая находка. И о ней мы знаем только из печати. В 1940 г. геолог В. В. Богачев поделился на страницах журнала «Природа» воспоминаниями своего детства. В 1886 г. в руки его отца попал череп человека, отличавшийся массивностью костей. Богачев-старший сравнил его с изображениями неандертальских черепов в книгах, имевшихся в Илецке, и установил, что более всего находка похожа на череп из Ла-Шапелль-о-Сен. К сожалению, в 1887 г. илецкий череп исчез. Слуга Богачевых — правоверный магометанин — выкрал его и зарыл на мусульманском кладбище [8]. Цена этого анекдота еще ниже, чем цена сообщения П. С. Назарова. Массивностью могут отличаться и современные черепа. Даже если поверить, что в конце XIX в. в Илецке можно было найти антропологические справочники и дилетант умел в них разбираться, точность воспоминаний В. В. Богачева ясна уже из того, что череп в Ла-Шапелль-о-Сен найден в 1908 г.[9] и видеть его изображение в 1887 г. было просто невозможно.

Статья О. Н. Бадера с упоминаниями об илецком неандертальце и идельбаевском палеолите была первой в большой серии его статей о каменном веке Урала. В позднейших публикациях сведения ни о той, ни о другой находке уже не приводились. Это понятно. В процессе успешных разведок и раскопок О. Н. Бадер исследовал на Урале бесспорные и интереснейшие памятники каменного века — Капову пещеру, стоянку Талицкого и др. Необходимость восполнить скудость источников хотя бы непроверенными сомнительными данными отпала.

Так бывает, однако, не всегда. Известны случаи, когда для очень неплохо изученных районов в литературе по традиции приводятся старые недоброкачественные сведения. Лучшим примером этого может служить так называемая Иркутская палеолитическая стоянка, или Военный госпиталь. Литература об этом памятнике обширна, во много раз больше,

---

[6] См., например, лист 41 десятиверстной карты России.

[7] *Н. К. Верещагин и И. М. Громов.* К истории фауны позвоночных района нижнего течения реки Урал. Тр. Зоологического ин-та АН СССР, т. IX, 4, 1952, стр. 1241.

[8] *В. В. Богачев.* Об одной утраченной палеоантропологической находке. «Природа», 1940, 9, стр. 97.

[9] *В. П. Якимов.* Ранние стадии антропогенеза. Тр. ИЭ АН СССР, XVI, 1951, стр. 71.

чем об Идельбаеве [10]. В некоторых отношениях положение дел с этим местонахождением благополучнее, чем с Губерлинским: мы довольно точно знаем пункт раскопок И. Д. Черского, не имеем оснований сомневаться в его определениях фауны, но недоуменных вопросов и здесь встает более чем достаточно. Изделия человека, найденные у Военного госпиталя, исчезли вскоре же после их находки. По традиции говорится, что они погибли при иркутском пожаре 1879 г., хотя это решительно ничем не подтверждается. Предметы из кремня опубликованы не были. И. Д. Черский упоминает о наконечниках стрел, более крупных и грубых по сравнению с тункинскими [11]. В позднем палеолите Сибири встречаются двустороннеобработанные наконечники копий, но тут, видимо, речь идет об очень небольших орудиях, поскольку длина неолитических тункинских стрел всего 2—3 *см* [12]. Отметил И. Д. Черский и находки глиняных изделий, черепков [13]. Наконец, наиболее известные находки у Военного госпиталя — украшения из бивня мамонта — не имеют никаких аналогий в палеолите и, по словам И. Д. Черского, «напоминают токарные работы» [14].

Все это вызывает сомнение, не было ли у Военного госпиталя механического смешения предметов разных эпох. В связи с этим иркутская находка долгое время считалась недостоверной. Положение изменилось в 30-е годы после открытия Мальты и Бурети. Ни на том, ни на другом памятнике нет ни двустороннеобработанных наконечников копий, ни изделий из глины, ни предметов, похожих на «токарные работы» из Иркутска, так что трудно понять, что же заставило проникнуться вдруг доверием к старой статье И. Д. Черского. Видимо, только то, что в Мальте и Бурети обнаружены произведения искусства из бивня мамонта, хотя они нисколько не похожи на иркутские, а использование мамонтовой кости для художественной резьбы известно в Сибири на протяжении многих веков, вплоть до сего дня.

Тем не менее Иркутская стоянка прочно вошла в основной фонд фактов о палеолите Азии. В первом томе «Истории Сибири», опубликованном в 1968 г., А. П. Окладников, опираясь на «наличие листовидных двустороннеобработанных клинков, напоминающих солютрейские наконечники или ножи Запада, в том числе из Костенок», конструирует «переселение солютрейцев» на тысячи километров из Европы на Ангару [15]. Вспомним, что солютрейские клинки достигают 20—30 *см* в длину, и мы поймем, насколько правомерно сопоставление их с иркутскими стрелами, только несколько большими, чем микролитические тункинские. В. Е. Ларичев выхватывает из текста И. Д. Черского другую фразу — об «оббитом куске кварца» — и говорит, что это чоппер, характерный для палеолита Азии [16]. И то и другое заключение делается о вещах, которые никто не видел ни в оригинале, ни в рисунках. Неточно передаются сведения и о фауне Военного госпиталя. П. П. Ефименко писал о найденных там костях носорога и мамонта, доказывающих глубокую древность памятника [17], хотя И. Д. Черский назвал только кости быка, лошади и оленя. В вышедшем тиражом 37 000 экз. учебнике «Археология СССР» для педагогических институтов А. И. Мартынов утверждает, будто «первые статуэтки, изоб-

---

[10] См. литературу у Н. А. Береговой и В. Е. Ларичева (*Н. А. Береговая.* Ук. соч., стр. 90 и *В. Е. Ларичев.* Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии, ч. I. Новосибирск, 1969).

[11] *И. Д. Черский.* Несколько слов о вырытых в Иркутске изделиях каменного периода. Изв. Сибирского отделения РГО, т. III, № 3. Иркутск, 1872, стр. 169.

[12] *А. С. Уваров.* Археология России. Каменный период, т. II. М., 1881, табл. I, рис. 4—11.

[13] *И. Д. Черский.* Ук. соч., стр. 169, 170.

[14] Там же, стр. 168.

[15] *А. П. Окладников.* Сибирь в древнекаменном веке. Эпоха палеолита. «История Сибири», т. I. Л., 1968, стр. 60.

[16] *В. Е. Ларичев.* Ук. соч., стр. 30.

[17] *П. П. Ефименко.* Первобытное общество, стр. 482.

ражающие женщин, были найдены в прошлом веке на палеолитической стоянке в Иркутске» [18]. В статье И. Д. Черского о подобных находках нет ни слова.

Не понятно, для чего это нужно. Ведь в районе Иркутска после успешных исследований сибирских и столичных археологов мы знаем целый ряд богатейших и широко раскопанных палеолитических поселений — Мальту, Буреть, Верхоленскую гору, Усть-Белую, Черемушник и др. Дополнять эти бесспорные материалы сомнительными, значит не усиливать свои позиции, а подрывать их.

До сих пор мы рассматривали случаи, когда старые материалы, описанные непрофессионалами, некритично используются современными археологами. Но аналогичный подход мы наблюдаем подчас и по отношению к коллекциям, хранящимся в музеях, собранным самими авторами статей и монографий. В недавно вышедшей книге (и докторской диссертации) В. Н. Даниленко «Неолит Украины» дана подробная периодизация основных культур Юга СССР. В частности, мы находим здесь периодизацию неолита с ямочно-гребенчатой керамикой на Украине. Выделено пять фаз в развитии этой культуры [19]. Только поработав в фондах Киевского исторического музея и Института археологии АН УССР, можно выяснить, что ни одного раскопанного, а тем более стратифицированного памятника в распоряжении В. Н. Даниленко не было. Все это подъемный материал, как правило, искусственно выделенный из массы разновременных кремней и черепков. В тексте работы это нигде не оговорено. Просто называются памятники (насколько они документированы, не указывается), декларируется периодизация (а есть ли в ее основе стратиграфические данные, понять нельзя) и вслед за тем широкими мазками набрасывается история этого круга культур с экскурсами в Приаралье, Западную Сибирь, Прибалтику и т. д. Неолит с ямочно-гребенчатой керамикой интересует многих археологов — и тех, кто работает на Оке и в Верхнем Поволжье, и тех, кто копает в Эстонии или в Карелии, и наших финских и польских коллег. Далеко не все они смогут побывать в Киеве и посмотреть сами материалы. Скорее всего читатели примут на веру все сказанное В. Н. Даниленко, и его тезисы, основанные на чистой интуиции, будут восприниматься как твердо доказанный факт, что неминуемо отразится и на выводах для других районов.

Это касается и остальных разделов книги. И то, что говорится о крымском неолите, и то, что сказано о днепро-донецкой культуре, базируется на ничтожных по количеству предметов коллекциях, большей частью собранных на поверхности. Только один раздел — об открытой В. Н. Даниленко буго-днестровской культуре — составлен иначе, с более или менее подробным описанием памятников этой культуры. Но и здесь мы видим, как трансформируются факты в процессе исследования. Только что выделенная культура, представленная очень бедными временными стоянками, получает подробнейшую периодизацию (пять фаз), крайне нечеткие следы очагов по ходу изложения превращаются в жилища твердо установленного типа и т. д.

Эта тенденция извлекать из материала гораздо больше, чем он может дать в действительности, распространена у нас достаточно широко. Молодой белорусский археолог В. Ф. Исаенко провел большую работу по обследованию дюнных стоянок в бассейне Припяти и систематизации коллекций, накопившихся в фондах Академии наук БССР. В результате этой работы В. Ф. Исаенко выдвинул схему, согласно которой Восточное Полесье характеризуется микролитическим мезолитом, Верхнее Поднепровье — макролитическим, Понеманье и Верхняя Припять — микро-макролитическим. Как рабочая гипотеза для самого себя эта схема может

[18] *А. И. Мартынов.* Археология СССР. М., 1973, стр. 48.

[19] *В. Н. Даниленко.* Неолит Украины. Главы древней истории Юго-Восточной Европы. Киев, 1969, стр. 37—45, рис. 6.

быть, и имеет право на существование, но В. Ф. Исаенко опубликовал ее в двух итоговых трудах как бесспорно установленный факт [20]. Опять-таки нужно поехать в Минск и пересмотреть множество коллекций, чтобы понять, насколько слабо аргументированы эти построения. Только тогда станет ясно, что автор использовал небольшой и исключительно подъемный материал, что мезолитический возраст многих памятников вообще под вопросом (ибо связанная с кремнем ранняя рыхлая керамика на развеянных дюнах могла разрушиться), что макролитами В. Ф. Исаенко называет вовсе не крупные двустороннеобработанные орудия типа пик и транше, а просто изделия из отщепов, даже мелкие. Если не знать всего этого, эффектная схема В. Ф. Исаенко должна произвести на читателей известное впечатление, и кое-кто из них, возможно, захочет в том же духе обработать материалы и своих разведок.

Идея макролитического мезолита была близка и А. Я. Брюсову. Отметая хорошо документированные в процессе раскопок материалы Елина Бора и подобных ему стоянок, А. Я. Брюсов противопоставлял им совершенно случайные находки без твердой датировки и стратиграфии (кремни из района с. Бехово на Оке, собранные в гравии дорог и в карьерах около них). Поражаясь, как можно сравнивать стоянки на Оке со свидерскими на территории Польши, сам он прибегал к еще более отдаленным и географически и типологически аналогиям, ссылаясь на блок-скребки из Швеции [21]. Идеи А. Я. Брюсова не получили признания у специалистов по каменному веку Европейской части СССР, хорошо знающих материал по мезолиту Русской равнины [22]. Но сибирские археологи поверили выводам А. Я. Брюсова, не имея подлинного представления, что за ними стоит [23].

Не будем умножать число примеров. И так ясно, что в археологической литературе достаточно обычными стали стремление получить от материала неизмеримо больше, чем в нем на деле содержится, и манера изложения, при которой читатели не в состоянии проверить степень обоснованности выводов автора. Что же из всего этого следует? На первый взгляд кажется, что речь идет об элементарных вещах: ученые должны более строго относиться к используемым материалам, тщательнее аргументировать свои выводы, оговаривать все спорные моменты и т. д. Одним словом, надо делать хорошо и не надо плохо. В действительности же мы столкнулись отнюдь не с простым явлением. Мы назвали имена ряда археологов — начинающих и уже окончивших свой путь, ставших классиками нашей науки, работников центра и периферии. Значит перед нами черта, свойственная не какой-то небольшой категории ученых, а очень многим из них. Всех их объединяет убеждение в том, что при отсутствии надежных фактов надо использовать любые другие, хотя бы и крайне сомнительные, а не воздерживаться от выводов и сказать, что вопрос пока решен быть не может.

Эта тенденция имеет глубокие психологические корни. Жизнь ученого коротка, а океан знаний безграничен, неисчерпаем. Грустно сознавать, что максимум, на что ты способен,— это вложить несколько кирпичей в стену строящегося здания, завершение которого ты не увидишь, что все твои идеи — лишь временные схемы, обреченные на скорую замену, часто

---

[20] *В. Ф. Исаенко.* Археологическая карта Белоруссии (вып. I. Памятники каменного века). Минск, 1968, стр. 9; *его же.* Мезолит. «Очерки по археологии Белоруссии». Минск, 1970, стр. 56—66, рис. 20—24.

[21] *А. Я. Брюсов.* Мезолитическая неурядица. ИАС, 1962, стр. 24—30; *его же.* Проблема происхождения культур каменного века в северной части Европейской территории СССР. СА, 1968, 4, стр. 7.

[22] Показательно, что вопрос о макролитическом мезолите обойден молчанием в сборнике работ учеников А. Я. Брюсова. «Окский бассейн в эпоху камня и бронзы» (Тр. ГИМ, 44, 1971).

[23] Сб. «Мезолит Верхнего Приангарья» (под ред. Г. И. Медведева), вып. I. Иркутск, 1972, стр. 232.

еще на твоих глазах. Хочется не только создать для себя какую-то модель своей области науки, но и убедить других, что благодаря твоим работам решены ее основные проблемы. Отсюда и тяга к обобщениям, даже в тех случаях, когда данных для этого мало, преувеличение ценности добытых тобой материалов, смелые гипотезы, яркие концепции, претендующие на объяснение сразу всех узловых проблем.

Эти слабости присущи, вероятно, всем людям науки. У археологов на это наслоились и некоторые привходящие обстоятельства. Археологическое изучение страны началось недавно, а отдельных районов ее — буквально на памяти нашего поколения. Для ряда обширных территорий фактов еще так мало, что для нас дороги любые случайные сведения — несколько кремней, собранных на выдувах в пустыне Каракум геологами, кусок вроде бы обработанной древесины, извлеченный из вечной мерзлоты на Крайнем Севере, и т. д., и т. п. 40 лет назад «Советская археология» могла опубликовать статью такого содержания: ко мне пришла незнакомая женщина и сказала, что нашла стоянку древнего человека на Сахалине. Она обещала принести на следующий день свои находки, но не пришла. Публикую то, что она сообщила при первой встрече [24]. Для севера Азиатской части СССР, Дальнего Востока, пустынь Средней Азии положение мало изменилось и сейчас. Наши сведения о древностях этих мест все еще скудны, и любая информация о них, даже сомнительная, вызывает интерес у археологов.

Для других областей — Русской равнины, Кавказа, Минусинской котловины — материала накоплено очень много, и вполне закономерно возникло стремление отобрать из него надежно документированные данные, комплексы из раскопок, подкрепленные стратиграфическими наблюдениями, отодвигая на второй план менее достоверные коллекции из старых, методически слабых раскопок, из сборов на поверхности и т. д. Строго критическому подходу к нашим источникам противопоставляется, однако, иное направление в науке. Кое-кто считает, что кажущуюся оторванность археологии от современной проблематики, ее «неактуальность» можно возместить только широтой постановки проблем, яркостью бегло набросанных картин, смелым решением труднейших задач. Поэтому нередко предпочтение отдается не тщательным отчетам о раскопках, не скрупулезному анализу керамики или кремневых орудий, не публикациям, а обобщениям, сенсационным выводам, освещению проблем этногенеза народов СССР, монографиям, названным «Древняя история». Нередко такие монографии появляются именно как итог и отчетов, и публикаций, и классификаций материала, но иногда они выходят в свет без этого и ничем подобным не подкрепляются и в дальнейшем. Читатель-неспециалист может с удовольствием узнать из этих книг, что все проблемы в древней истории его народа благополучно решены. Читатель-археолог тщетно листает эти тома, чтобы найти хоть какое-нибудь обоснование ответственнейших выводов.

Так возникла тенденция издавать свои рабочие схемы без оговорок и подробной аргументации как истину в последней инстанции, ссылаться на неопубликованные коллекции без расшифровки того, материал ли это из раскопок или сборы на поверхности, большая серия выразительных предметов или два с половиной черепка. Возьмем монографию А. Х. Халикова «Древняя история Среднего Поволжья». К каждой главе там приложена карта памятников той или иной культуры. Материала как будто всюду много — сотни памятников [25]. Только в музеях Казани или Йошкар-Олы вы сумеете разобраться, что подавляющее большинство пунктов — это материалы разведок — несколько черепков или кремней из сборов на дюнах. У А. Х. Халикова есть и большие ценные коллекции из раскопок, но

[24] *А. М. Золотарев.* Ногликовская неолитическая стоянка. СА, I, 1936, стр. 273, 274.

[25] *А. Х. Халиков.* Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, стр. 8, 43, 129, 184, 213, 242, 258, 272, 273, 292.

их не так много, и при подготовке своего итогового труда автор предпочел строить выводы не на этом бесспорном материале, а смешать его в одну кучу с ничтожными по количеству вещей сборами, увеличивающими зато общее число памятников. Достоверность выводов из-за этого не только не возросла, но явно уменьшилась.

Точно так же в монографии Д. Я. Телегина мы можем прочесть, что автор учел до 150 поселений днепро-донецкой культуры [26]. В тексте фигурирует, правда, значительно меньше памятников, но внушительная цифра все же произнесена. И тут нужно знакомиться с коллекциями музеев и фондов Института археологии АН УССР, чтобы разобраться, сколько же из этих поселений действительно чего-то стоят как исторический источник. Оказывается, очень немногие — десяток или полтора. Стоянка Заваловка, например, послужившая основанием для вывода об очень раннем проникновении днепро-донецкой культуры на север [27], представлена кучкой черепков всего от одного сосуда [28].

Так стремление издавать не столько факты и отчеты о раскопках, сколько исторические обобщения, защищать в качестве диссертаций не классификации материала, а «главы древней истории» привело к опаснейшему явлению. Подрывается источниковедческая база наших исследований. В науку проникает показуха.

Самое печальное при этом то, что существо вопроса совершенно не осознается многими археологами.

При обсуждении одного доклада о наскальных изображениях мне довелось услышать от автора: «Чего вы требуете от меня? Чтобы я к каждой фразе прибавлял «возможно» и «вероятно»? Но это и так ясно. Все, что мы, археологи, пишем, лишь возможно и вероятно. Это выносится за скобки». Не могу с этим согласиться. Да, разумеется, даже самая тщательная, аргументированная археологическая работа через сравнительно короткий срок устаревает. Специфика нашей науки такова, что у нас быстро появляются новые источники, заставляющие пересматривать, казалось бы, уже устоявшиеся концепции. И все же выводы настоящей научной работы в момент ее написания наилучшим образом отвечают данным наших источников и потому должны рассматриваться как единственно возможные. Иное дело, когда у нас так мало отправных точек для исследования, что открывается простор для любых фантазий. В приведенном примере предложенную автором расшифровку петроглифов, может быть, и нельзя считать абсолютно исключенной, но это лишь одна возможность из многих, пожалуй, даже одна из многих тысяч возможностей. В этом случае представляется более правильным, более научным, вообще воздержаться от выводов, а не пускаться фантазировать во все тяжкие, последовать совету Клода Бернара, вынесенному в эпиграф этой статьи. Иначе мы встанем на тот скользкий путь, который привел к появлению в нашей печати статей и книг об Атлантиде, космических пришельцах, снежном человеке и прочих псевдонаучных сенсациях. В основе их лежит то же стремление заменить отсутствие фактов «смелым полетом мысли».

Сторонники широких исторических выводов, слабо подкрепленных материалом, не учитывают и ряда других обстоятельств. Даже если сам автор сознает, что им предложена лишь гипотеза, рабочая схема и он готов потом ее всячески исправлять, читатели зачастую воспринимают это совсем не так. В полной мере сохранило свою силу замечание Пушкина: «Нам все еще печатный лист кажется святым. Мы все думаем — как может это быть глупо или несправедливо? Ведь это напечатано» [29]. Попав в печать, любое, в том числе и самое нелепое, построение получает какое-

---

[26] *Д. Я. Телегін.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, стор. 9, карта на рис. 1.
[27] Там же, стр. 49.
[28] Фонды Института археологии АН УССР.
[29] *А. С. Пушкин.* Опыт опровержения некоторых нелитературных обвинений. Полн. собр. соч. Изд. АН СССР. М.— Л., т. XI, 1949, стр. 167.

то признание, а нередко без всякой проверки принимается за доказанное и долгое время давит на психику исследователей (мы убедились в этом на примере с Идельбаевым и Иркутской стоянкой). Далеко не все авторы способны отказаться от своих опубликованных ранее выводов.

Прибавим к этому наши специфические трудности — археологические коллекции разбросаны по десяткам музеев, объехать которые ни один ученый не в состоянии. На периферии коллекции хранятся плохо, а иногда через какое-то время вообще утрачиваются. Полные публикации материалов раскопок выходят в свет очень редко. Таким образом, единственным источником информации для нас порой остаются тезисы, выдвинутые без сколько-нибудь развернутой аргументации, декларации, не поддающиеся никакой проверке. В этой ситуации от археолога требуется предельная объективность, предельная осторожность в выводах. Добиться же этого нелегко как из-за собственного затаенного желания дать картину пошире, так и из-за становящегося традицией написания сочинений определенного типа.

Что же можно противопоставить отмеченной нами безусловно опасной для науки тенденции? Только одно — критику. Профессиональную критику источников, отделяющую доброкачественные материалы от недоброкачественных. Критику работ наших коллег, позволяющую сказать, что ими твердо установлено, а что является лишь предположением, иногда заслуживающим проверки, а иногда явно несостоятельным. Надо ясно сознавать, что среди музейных коллекций есть и плохо документированные, спутанные, полученные неспециалистами или малоквалифицированными работниками, а в печать не столь уж редко проникает ложная информация, иногда от добросовестно заблуждающихся краеведов и любителей, а иногда и умышленная — от людей, жаждущих выдать свои находки и идеи за что-то чрезвычайно важное. К сожалению, в нашей среде не все воспринимают критику как жизненно нужное для науки дело.

Недавно вышли книги В. Е. Ларичева по истории изучения сибирского палеолита — двухтомная монография и популярная книжка «Охотники за мамонтами». Здесь собрано немало интересного, но бросается в глаза одна странная особенность в трактовке вопроса. У В. Е. Ларичева получается, что решающую роль в изучении палеолита Сибири сыграли неспециалисты, краеведы, а специалисты как раз всячески мешали их работе. Да, конечно, и Афонтова гора, и Томская стоянка, и сомнительный пункт у Военного госпиталя выявлены неспециалистами, и мы должны быть им за это признательны. Но, сделав полезное дело, они упустили из-за слабого знакомства с археологией многие важные детали, что и породило скептицизм по отношению к их находкам. Д. Н. Анучин, В. А. Городцов, Г. О. Оссовский, Б. Э. Петри, Г. П. Сосновский, Г. Мерхардт, критикуя И. Д. Черского, И. Т. Савенкова, Н. Ф. Кащенко, выступали не как зоилы-злопыхатели, а как подлинные ученые. Ими руководило желание выяснить все обстоятельства археологических находок, восполнить пока не поздно все пробелы. У В. Е. Ларичева почему-то все это выглядит по-иному. Скажем, Б. Э. Петри выразил неудовлетворение публикацией Н. Ф. Кащенко, роскошной по оформлению, но не содержащей нужных материалов о Томской стоянке. В. Е. Ларичев возмущен и берет издание Н. Ф. Кащенко под защиту [30]. Между тем Б. Э. Петри был абсолютно прав: в томе ин-фолио на меловой бумаге помещены изображения мамонтовых костей, и без того прекрасно известных палеонтологам, но в книге нет ни одного рисунка кремней, обнаруженных рядом с костями. Этот вопиющий пробел за три четверти столетия так и не был восполнен. Не издал орудий из единственной в Западно-Сибирской низменности палеолитической стоянки в своем сводном труде и В. Е. Ларичев.

[30] *В. Е. Ларичев.* Ук. соч., стр. 211, 212, см. также стр. 54, 56, 71, 99—102, 129, 130.

А вот в каком тоне пишет он в популярной книге о выдающемся польском геологе и археологе Готфриде Оссовском: «Оссовский недовольно поморщился ... вновь водрузил на нос пенсне ... нарочито небрежно бросил обломки костей на стол и торжественно удалился в угол» [31]. Все это, разумеется, чистейшая фантазия автора. А поводом к ней послужило законное желание Г. Оссовского уточнить у Н. Ф. Кащенко условия томской находки.

Таково отношение к спорам среди ученых предшествующих поколений. Так же воспринимается критика в современных работах. Автор этих строк опубликовал в 1969 г. книгу «Очерки по первобытному искусству». Одной из задач ее было дать критический обзор материалов о наскальных изображениях эпохи камня и бронзы на территории СССР. Как известно, эти памятники привлекали многих дилетантов, фантазий вокруг этой темы накопилась масса, и представлялось своевременным отсеять достоверные факты от сомнительных, а то и от явных выдумок. Для этого я в течение нескольких лет объехал районы с наскальными изображениями в СССР от Беломорска до Термеза и от Днестра до Амура. Увы, книга, подводившая итог этой нелегкой работы, была встречена коллегами очень прохладно. При этом говорилось не о тех или иных недостатках книги, которые у нее, наверное, есть, а об общей ее направленности. Я-де, мол, не сказал ничего нового, а только обругал тех, чьи выводы сам же заимствовал. Смысл критической проверки источников и пересмотра их всех под одним углом зрения от моих читателей, видимо, ускользнул.

Доцент Кемеровского пединститута А. И. Мартынов поучал меня, что надо вносить свой «позитивный вклад в науку», а не заниматься критиканством. Тут же утверждается, что мое пожелание видеть сначала публикацию материалов, затем их классификацию и систематизацию и только потом — «Древнюю историю» толкает нашу науку назад, к старому буржуазному вещеведению [32].

Этот отклик не случаен. Он отражает положение, сложившееся в археологии, когда считается наилучшим каждому иметь свой «домен», где можно делать все что хочется и где никто не в праве контролировать твою деятельность. Коллеги должны принимать твои выводы на веру. Если же кто-нибудь в чем-то усомнится и пожелает познакомиться со всей твоей аргументацией, то это неэтичный поступок, предосудительное вторжение в чужую область. Высказываясь по какому-нибудь сложному вопросу, лучше не вступать в полемику со своими предшественниками, а сделать вид, будто кроме тебя никто этим вопросом не занимался.

Такая ситуация, безусловно, очень удобна. Но наше время выдвигает диаметрально противоположные требования. Поток информации так велик и нарастает в таком стремительном темпе, что все больше ощущается необходимость в обзорных сводных работах и, разумеется, не формальных, а критических. Количество добытых фактов для многих территорий уже очень велико, и настоятельно необходимым стал отбор наиболее надежных, наиболее ценных из них и отсев плохо документированных сомнительных материалов. Критика источников для нас — археологов — сегодня первостепенная задача. Многие чувствуют, что наша наука стоит сейчас на пороге нового этапа, что пора подумать о путях развития на будущее. В этой связи я и хотел выразить свое мнение, что в нашей среде в целом и при воспитании нашей смены в особенности должно сложиться иное отношение к критике, чем сейчас. Надо не поощрять буйную фантазию, а почаще вспоминать заповедь Клода Бернара, учить молодежь критически относиться и к источникам, и к трудам пред-

[31] *В. Е. Ларичев.* Охотники за мамонтами. Новосибирск, 1968, стр. 188, 191.

[32] *А. И. Мартынов.* Петроглифы Сибири: анализ конкретных источников и всемирно-исторический масштаб. Изв. Сибирского отделения АН СССР (серия общественных наук), № 11, вып. 3. Новосибирск, 1971, стр. 113, 104.

шественников, учить и сомневаться, и говорить простые слова «не знаю». Надо стимулировать появление критических разборов, а не воздерживаться от их публикации. Надо отбирать твердо доказанное от внешне эффектных, но несостоятельных предположений, не расценивать работу над отчетами, публикациями, классификацией материала как низший жанр по сравнению с «древними историями», а видеть в этом основу нашей науки.

A. A. Formozov

CRITIQUE DES SOURCES ARCHEOLOGIQUES

Résumé

L'auteur fait remarquer que dans certains ouvrages sur l'archéologie préhistorique, à côté de sources sûres — les ensembles de fouilles,— on utilise largement, et d'une façon injustifiée, les trouvailles fortuites, les renseignements occasionnels sur des pièces découvertes au XIXe s., et maintènant perdues, et autres données de second ordre. Après avoir analysé quelques exemples de cette attitude privée de sens critique envers de telles sources, l'auteur invite les archéologues à faire un tri soigneux des faits, pour que dans la littérature scientifique ne s'introduisent pas des renseignements douteux, lesquels pour longtemps peuvent induire en erreur les chercheurs.

Х. ТОДОРОВА, Н. В. РЫНДИНА, Е. Н. ЧЕРНЫХ

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЙ МЕТАЛЛ ИЗ ГОЛЯМО ДЕЛЧЕВО (Болгария)

Поселение и могильник у села Голямо Делчево находятся на левом берегу р. Луда Камчия в Варненском округе (северо-восточная Болгария). Сам телль и связанный с ним некрополь в 1968—1970 гг. были полностью раскопаны археологической экспедицией под руководством Х. Тодоровой [1]. На поселении зафиксировано 17 строительных горизонтов, относящихся к эпохам от раннего неолита до позднего энеолита. Накопление культурного слоя сопровождалось рядом хронологических перерывов, связанных преимущественно с появлением новых культур [2] (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение горизонтов поселения у Голямо Делчево с культурами и их фазами

Эпоха	Горизонты	Культура	Фаза культуры	Количество металлических предметов
Поздний энеолит	XVII–XVI	Гумельница-Коджадермен-Караново VI	IIIб	1
	XV–XIV		IIIа	5
	XIII–XI		IIв	2
	X–VIII		IIб	5
	VII–V		IIа	1
Средний энеолит	IV–III	Варна	Переходная	3
Ранний энеолит	II	Сава	II	–
Ранний неолит	I	Цонево	II	–

В могильнике близ поселения, относящемся к концу II и III фазам Гумельницы (горизонты XI—XVIII), удалось вскрыть 31 погребение, в четырех из них были найдены шесть медных предметов (рис. 1, *1—6*). Таким образом, вместе с 17 металлическими находками из селища общая коллекция медных орудий и украшений составляет 23 экземпляра.

Медный инвентарь из Голямо Делчево далеко не самый многочисленный из тех, что мы знаем для энеолитических памятников Болгарии. В Русенской селищной могиле, например, найдено около 90 металлических предметов, в VI слое Каранова — около 70, богаче металлом и могильники близ Варны. Некоторые обстоятельства, однако, позволяют нам

[1] Полную публикацию результатов исследования поселения и могильника см.: *Х. Тодорова, Ст. Иванов, В. Василев, М. Хопф, Х. Квитта, Г. Кол.* Селищната могила при Голямо Делчево. Разкопки и проучвания, V. София, 1975.

[2] Характеристику культур Сава и Варна, материалы которых встречены на телле, см. также в работах: *H. Vaisova.* Stand der Jungsteinzeitforschung in Bulgarien. SA, 14.II.1966; *H. Todorova, G. Tončeva.* Die äneolitische Pfahlbausiedlung bei Ezerovo in Varna. Germania, 53, Hb. I, 1975.

обратить особое внимание на коллекцию медных предметов из Голямо Делчево. Во-первых, именно здесь был найден ряд очень важных в типологическом отношении орудий; во-вторых, их стратиграфическое положение в напластованиях селища было достаточно четким; в-третьих, семь орудий из Голямо Делчево — первые из энеолитических изделий в Болгарии, исследовались металлографически. Кроме того, металл 18 предметов был проанализирован методом спектрального анализа (табл. 2).

Обратимся вначале к краткому обзору типологического состава наиболее значимых металлических находок и их стратиграфического положения в поселении.

В XVII, самом верхнем горизонте найден топор-молоток (рис. 1, *10*, ан. 12694) так называемого типа «Видра», или же, согласно типологи-

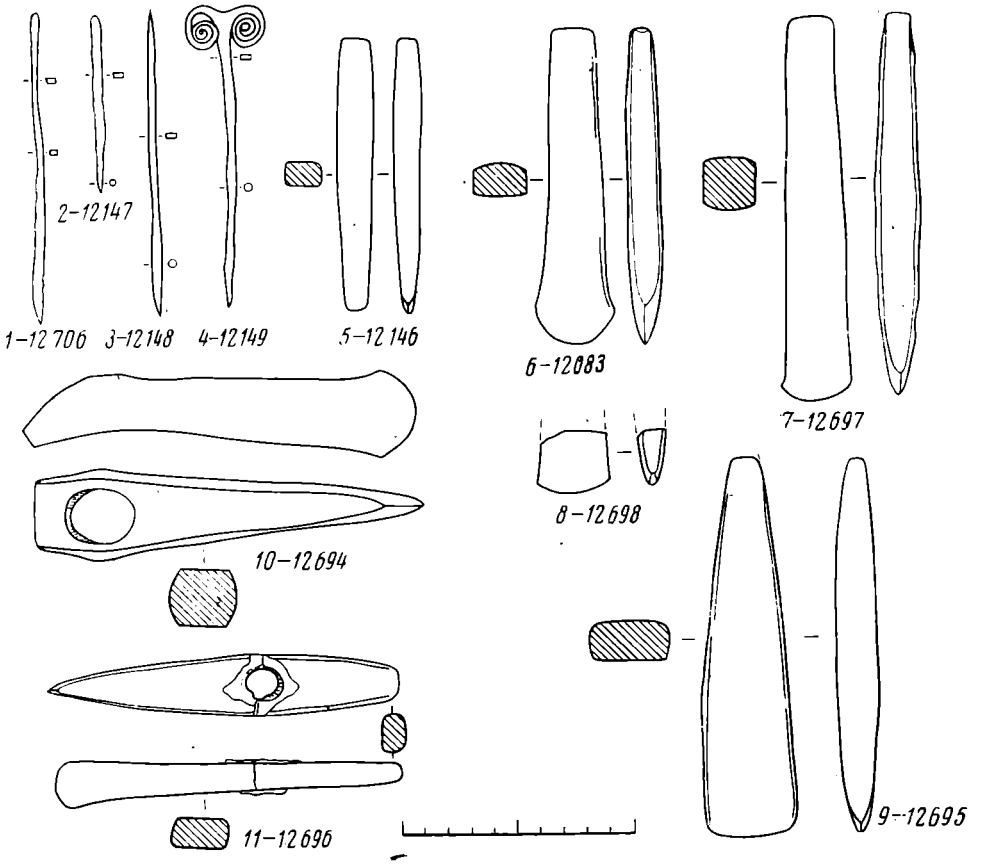


Рис. 1. Металлические находки из Голямо Делчево (через тире обозначен номер спектрального анализа в табл. 2). *1—6* — могильник; *7—11* — поселение

ческой номенклатуре болгарского энеолитического металла, тип ТМ-6[3]. На территории Болгарии ныне известно 12 орудий этого типа, распространенных преимущественно на северо-востоке страны и в Нижней Фракии (Варненский некрополь, Хотница, Руманя и др.). Несколько подобных орудий найдены и в румынском Нижнем Подунавье, а также в Трансильвании[4]. В целом это орудие характерно для памятников Гумельница-Коджадермен-Караново VI.

---

[3] Настоящая типологическая номенклатура, равно как и нумерация химических групп меди (см. ниже), предложена Е. Н. Черных в докладе «Древнейшая металлургия Болгарии», прочитанном в лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР в декабре 1975 г. Е. Н. Черных учел, обработал типологически и изучил спектрально практически весь энеолитический металл Болгарии (более 470 изделий).

[4] *A. Vulpe.* Inceputurile metalurgiei aramei în spaţiul carpato — dunareăn. SCIV, v. 24, 2, 1973, fig. 2, 7, *8*; fig. 3.

Таблица 2

Результаты спектрального анализа металла из Голямо Делчево

Шифр лаборатории	Наименование предмета и место находки	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Mn	Au
12083	Тесло-долото, некрополь, погр. 29	Основа	0,001	0,005	–	0,025	0,3	?	–	0,003	0,002	?	–	<0,001
12146	Долото » погр. 27	»	0,0007	0,001	–	–	0,04	–	?	0,2	0,006	–	<0,01	–
12147	Шило » » 25	»	–	0,025	–	0,004	0,05	–	–	0,01	0,001	–	<0,01	~0,003
12148	» » » 31	»	–	0,002	–	0,003	0,08	–	?	0,04	0,003	–	<0,01	<0,003
12149	Булавка » » »	»	0,001	–	–	0,002	0,07	–	0,12	0,05	0,015	–	<0,01	~0,001
12694	Топор-молоток, поселение, гор. XVII	»	–	0,005	–	0,003	0,03	0,006	–	0,17	0,008	–	<0,01	<0,001
12695	Тесло-долото » гор. X	»	0,001	–	–	–	0,002	–	–	0,003	0,001	–	–	<0,001
12696	Топор-молоток » гор. XV	»	0,001	0,004	–	–	0,15	0,05	–	0,008	0,006	–	?	–
12697	Тесло-долото » гор. X	»	?	0,02	–	0,003	0,025	0,03	–	0,001	0,0005	–	–	>0,001
12698	Фрагмент тесла-долота » гор. XI	»	–	0,15	–	0,009	0,02	0,04	–	0,012	0,0005	–	<0,01	<0,003
12699	Фрагмент шила (?) » гор. III	»	–	0,12	?	?	0,0005	–	–	0,7	?	–	0,02	–
12700	Фрагмент спирали ? » гор. XV	»	–	0,12	?	–	0,001	–	–	2	?	–	0,025	–
12701	» » » гор. XIV	»	–	0,03	–	–	0,0005	–	–	0,7	?	–	0,017	–
12702	Фрагмент браслета (?) » гор. IX	»	–	0,05	–	0,001	0,002	–	–	2,5	–	–	<0,01	–
12703	» » » гор. V	»	–	0,1	–	0,007	0,006	0,002	–	0,7	<0,0005	–	0,012	–
12704	Фрагмент бусины » гор. IV	»	0,003	0,1	0,018	0,003	0,015	?	0,06	2	0,001	–	0,02	–
12705	» » »	»	–	0,06	–	0,004	0,01	0,01	0,12	0,7	0,0005	–	0,017	—
12706	Шило, некрополь, погр. 27	»	0,001	0,007	–	0,003	0,025	0,005	–	0,05	0,0015	–	<0,01	<0,01

В XV горизонте был обнаружен сломанный по проушине топор-молоток (рис. 1, *11*, ан. 12696), являющийся промежуточным вариантом между типами Чока-Тибава и Плочник [5]. От первых он отличается отсутствием выгиба «спинки» топора, а от вторых — бóльшей грацильностью и легкостью. По предлагаемой типологической номенклатуре болгарских энеолитических орудий он обозначен типом ТМ-10. Восемь подобных предметов известно на территории Болгарии, и все они найдены на памятниках Варненского округа (Варненский некрополь, Повеляново, детский санаторий Варны), что, очевидно, свидетельствует об их местном производстве.

В этом же горизонте найдены фрагмент спирали (ан. 12700) и два шила, металл которых остался непроанализированным. Слой XIV горизонта содержал фрагмент спирали (ан. 12701), а в XI горизонте обнаружено шило и обломок тесла-долота (рис. 1, *8*, ан. 12698).

С горизонтом X связаны два тесла-долота (рис. 1, *7*, *9*, ан. 12695 и 12697). Тесло-долото (ан. 12697) относится к типу ТД-6, орудия которого характеризуются массивностью, относительно широкой «пяткой» и коротким лезвием. Среди болгарского энеолитического металла это самый распространенный тип орудий из категории тесел-долот (известно 23 предмета). Они рассеяны преимущественно по восточным районам страны (Караново VI, Виница и т. д.). Подобные орудия известны и в Румынии; А. Вулпе назвал их плоскими топорами типа Гумельница [6]. К этому же типологическому разряду относится и тесло-долото из Карбунского клада [7].

Второе тесло-долото из X горизонта (рис. 1, *9*, ан. 12695) ассоциируется с типом ТД-10. Последний характеризуется массивностью, относительно узкой пяткой и длинным лезвием. Аналогичных орудий в Болгарии известно всего пять. Все найдены на востоке страны (пос. Русе и Хотница, Варненский некрополь).

В IX горизонте обнаружен фрагмент браслета (ан. 12702), в горизонте VIII — два шила, в V горизонте — фрагмент детского браслета (ан. 12703), в горизонте IV — фрагменты бусин (ан. 12704, 12705) и, наконец, в III горизонте — шило (ан. 12699).

Таким образом, металлические находки встречались в слоях, относящихся только к энеолитическим культурам Варна и Гумельница.

Из шести металлических предметов, найденных в могильнике, наибольшее внимание привлекают долото (рис. 1, *5*, ан. 12146), тесло-долото (рис. 1, *6*, ан. 12083) и биспиральная булавка (рис. 1, *4*, ан. 12149).

Долото относится к типологическому разряду ТД-4, орудия которого отличаются зауженным лезвием и так называемым линзовидным профилем. В Болгарии известно всего 10 экземпляров подобных изделий, найденных исключительно в бассейнах рек Провадийской и Луда Камчия (Повеляново, Варненский некрополь, детский санаторий Варны и т. д.). Тесло-долото (ан. 12083) соответствует типу ТД-6, который был описан выше в связи с аналогичным орудием из X горизонта селища (ан. 12697). Биспиральная булавка (ан. 12149) аналогична другим восьми экземплярам, распространенным также в районах Восточной Болгарии (Русе, Караново, Чаталка и т. д.). Близкие находки известны и в Румынии [8].

---

[5] *F. Schubert.* Zu den südosteuropäischen Kupferäxten. Germania, 43, Hbd 2, 1965, Abb. 1; *J. Bognár-Kutzian.* The Early Copper Age Tiszapolgár — Culture in the Carpathian Basin. Budapest, 1972, fig. 26, 27, 28, A II_1, II_2.

[6] *A. Vulpe.* Op. cit., fig. 1, *1*.

[7] *Г. П. Сергеев.* Раннетрипольский клад у с. Карбуна. СА, 1963, стр. 137, рис. 2, *1*; *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, рис. 31, 279; *Н. В. Рындина.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971, рис. 5, *12*.

[8] *C. Renfrew.* The Autonomy of the South — East Europeen Copper Age. PPS for 1969, v. XXXV, 1970, p. 33.

Эти булавки характерны в основном для гумельницкой культуры Болгарии и Румынии.

Таким образом, типологический состав орудий из селища и некрополя у Голямо Делчево в целом характерен для памятников культуры Гумельница-Коджадермен-Караново VI, распространенных от Нижнего Подунавья до Родопских предгорий и от Черноморского побережья вплоть до центральной Болгарии. К аналогичному выводу приводят также и результаты спектрального анализа металла этих изделий.

Химический состав меди 18 предметов был изучен в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР (табл. 2). Шесть предметов (ан. 12083, 12146—12149, 12706) происходили из различных погребений могильника, 12 прочих — из слоев поселения. Результаты анализа показали, что все изделия из Голямо Делчево сделаны из меди, загрязненной в бо́льшей или меньшей степени примесями, перешедшими в металл из исходных руд. Такая же картина в целом была характерна и для всех прочих предметов энеолитического возраста с территории Болгарии.

Химический состав металла орудий и украшений IV тысячелетия до н. э., обнаруженных в памятниках типа Гумельница-Коджадермен-Караново VI, позволил разделить весь металл этого времени на шесть основных химических групп. Металл из Голямо Делчево, согласно своему набору примесей, распределился по пяти группам (I—V). К I группе относятся два образца (анализы 12699, 12701), ко II — четыре образца (анализы 12146, 12695, 12700, 12702), к III — также четыре образца (анализы 12083, 12147, 12148, 12703), к группе IV — пять образцов (анализы 12694, 12696, 12697, 12698, 12706) и, наконец, к V группе — три образца (анализы 12149, 12704, 12705). В Голямо Делчево отсутствуют образцы меди VI — самой малочисленной в коллекции болгарского энеолитического металла химической группы [9].

Исследованная коллекция из Голямо Делчево невелика, но пропорциональное распределение образцов по группам довольно близко тому, что можно было установить для всего энеолитического металла Болгарии. Специальные поиски древних рудных источников энеолитической меди установили наличие в Нижней Фракии ряда рудников IV тысячелетия до н. э. [10]. Из них, безусловно, наиболее яркое впечатление производит Ай бунар, благодаря прекрасно сохранившимся разработкам энеолитического возраста [11]. Предварительная привязка отдельных групп меди по их химическим характеристикам показала, что с рудой центральных выработок Ай бунара может связываться медь V группы. Медь III, IV и, видимо, VI групп, вероятно, была выплавлена из минералов периферийных выработок Ай бунара или же геохимически сходных с ними полиметаллических месторождений Северной Фракии — Тымнянки, Ракитницы, возможно, Бакырницы, где имелись явные или предполагаемые древние выработки. I группа сопоставляется, видимо, с рудником у с. Прохорово, где также была найдена энеолитическая керамика, и с месторождением Горно-Алек-

---

[9] Химическая группа I характеризуется особой чистотой меди, в которой концентрации серебра и некоторых других примесей встречаются преимущественно в тысячных и десятитысячных долях процента; во II группе серебро фиксируется преимущественно в сотых долях; в III группе кроме серебра в большинстве случаев представлен свинец, висмут и никель; IV группа отличается сравнительно высокими концентрациями сурьмы (>0,005%); V группа характеризуется наибольшей насыщенностью примесями (свинец, висмут, мышьяк, серебро, отчасти сурьма); к VI группе относится так называемая мышьяковистая медь, в которой мышьяк отмечается в десятых и целых долях процента.

[10] *Е. Черных, А. Радунчева.* Старите медни рудници около гр. Стара Загора. Археология, 1, София, 1972; *Е. Н. Черных.* О древних медных рудниках Болгарии. Тезисы докладов на сессии и пленумах ОИН и ИА АН СССР, посвященных итогам полевых исследований в 1971 г. М., 1972, стр. 56—58.

[11] *Е. Н. Черных.* Ай бунар — древнейший рудник Европы. «Наука и жизнь», 1974, № 3; *его же.* Аибунарский медный рудник IV тысячелетия до н. э. на Балканах. СА, 1975, 4.

сандрово. Группа II, по всей вероятности, может быть связана с месторождениями Странджанского горнорудного района на крайнем юго-востоке Болгарии. Последние активно разрабатывались в античное и раннесредневековое время; выработки I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э. могли уничтожить здесь более ранние, энеолитические.

Таким образом, на территории культуры Гумельница-Коджадерман-Караново VI существовало, безусловно, чрезвычайно развитое горнометаллургическое производство, и рассмотренная здесь коллекция предметов из Голямо Делчево является одной из наиболее типичных для памятников упомянутой культуры.

В связи с этим большой интерес представляют результаты технологического изучения семи медных орудий этой коллекции [12]. Два из них — шило и долото (рис. 1, *1, 5*) — обнаружены при погр. 27 в пределах некрополя. Остальные пять — три тесла-долота (одно сохранилось в обломках), топор-молоток типа ТМ-10 и топор-молоток типа ТМ-6 связаны с указанными выше позднеэнеолитическими горизонтами поселения (рис. 1, *7—11*).

При оценке технической культуры исполнения этих орудий использовались как результаты поверхностного рассмотрения следов их обработки, так и результаты металлографического исследования. Однако фиксация внешних технологических признаков даже с помощью бинокулярного микроскопа МБС-2 оказывалась не всегда доступной из-за поверхностной коррозии изделий. Поэтому излагаемые ниже выводы в основной своей части базируются на данных металлографического изучения, которое включало микроструктурный анализ металла при увеличении от 90 до 200 раз и измерение его твердости на различных участках корпуса орудий [13]. Проведенное исследование установило значительное сходство методов обработки изделий, происходящих с поселения и могильника.

Обратимся к наблюдениям, сделанным при анализе микроструктур трех тесел-долот поселения (рис. 1, *7—9*) и долота могильника (рис. 1, *5*). Металлографические шлифы получены подполировкой узких, боковых граней орудий, образующих лезвие. До травления на всех шлифах обнаружены сетчатые участки эвтектики Cu — Cu_2O, по расположению которых четко угадываются контуры сфероидальных ячеек дендритов литой меди (рис. 2, *1*). По мере приближения к лезвию эвтектические участки приобретают отчетливую вытянутость, волокнистость (рис. 2, *3*). Менее выражены эти изменения в расположении эвтектики лишь у одного из тесел-долот (рис. 1, *7*) из X горизонта поселения: почти на всем его шлифе удается уловить округлые очертания эвтектических включений. Судя по площади, занимаемой эвтектикой, содержание кислорода в металле орудий колеблется в пределах от 0,07 до 0,1%.

Отчетливо различимы на нетравленых шлифах литейные поры. В металле тесла-долота, от которого сохранилась только лезвийная часть (рис. 1, *8*), прослежены, кроме того, темные точечные включения свинца. Это наблюдение хорошо согласуется с результатами его спектрального анализа (табл. 2, ан. 12698).

После травления на шлифах всех четырех изделий обнаружена рекристаллизованная структура, состоящая из полиэдров и двойников, наложенных на сеть первоначальной эвтектики (рис. 2, *2*, *4—6*; 3, *1*) [14].

---

[12] Технологическое исследование проведено в лаборатории структурного анализа при кафедре археологии МГУ.

[13] Методические принципы металлографического изучения древних медных изделий подробно изложены в книге Н. В. Рындиной (см. *Н. В. Рындина.* Древнейшее металлообрабатывающее производство Восточной Европы. М., 1971), поэтому нет смысла вновь обращаться к ним в настоящей публикации.

[14] При микроструктурном изучении изделий из Голямо Делчево в качестве травителей использовались солянокислый раствор хлорного железа и аммиачный раствор хлорной меди. Наиболее удачные результаты удавалось получить при попеременном их нанесении на поверхность шлифов.

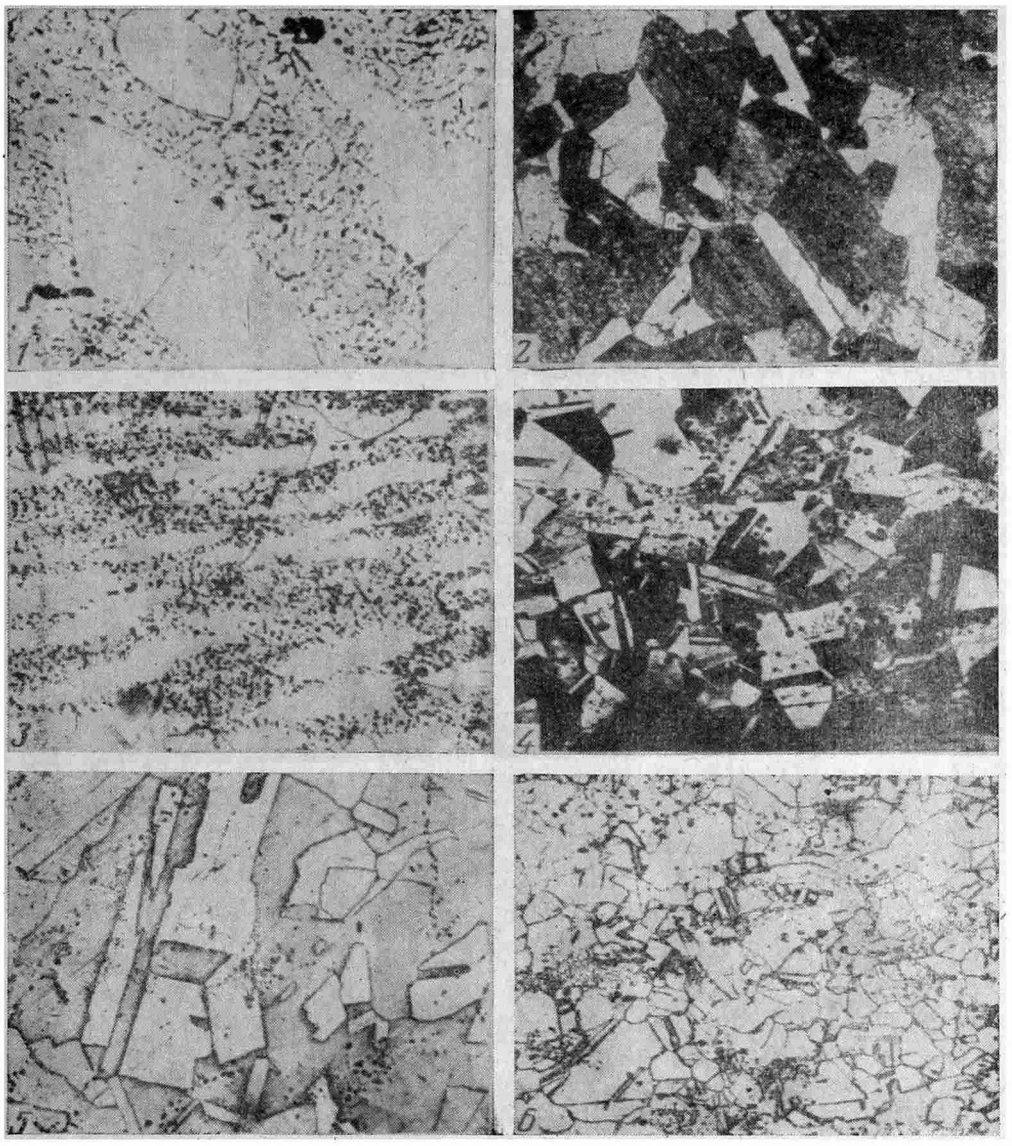


Рис. 2. Фотографии микроструктур (увел. 120): *1—4* — тесло-долото типа ТД-10 из X горизонта поселения (*1, 2* — вдали от лезвия, *3, 4* — у лезвия); *5—6* — долото типа ТД-4 из могильника (*5* — вдали от лезвия, *6* — у лезвия)

Обращает на себя внимание резкое колебание величины кристаллов даже в едином поле зрения микроскопа: рядом располагаются кристаллы и относительно крупные, и мелкие. Эта закономерность, свойственная всей площади подполировки, совмещается, однако, с общей тенденцией к измельчению структуры в направлении от обушной к лезвийной части орудий. Так, у лезвий преобладают зерна мелкие или средние (*б — в* по шестибалльной шкале величины зерен, рис. 2, *4, 6*), а у обуха и в центральной части изделий — крупные (*д — е*, рис. 2, *2, 5*) [15].

Суммируя результаты микроструктурного анализа, можно заключить, что клиновидные тесла-долота вначале отливались. Отливка скорее всего производилась в двусторонних литейных формах. Полученная литая заготовка дополнительно проковывалась при температуре выше порога рекри-

[15] Для контроля размеров рекристаллизованных зерен мы использовали шкалу эталонов микроструктур однофазных медных сплавов, опубликованную в книге И. И. Новикова и М. В. Захарова (*И. И. Новиков* и *М. В. Захаров*. Термическая обработка металлов и сплавов. М., 1962, стр. 104, 105, рис. 62).

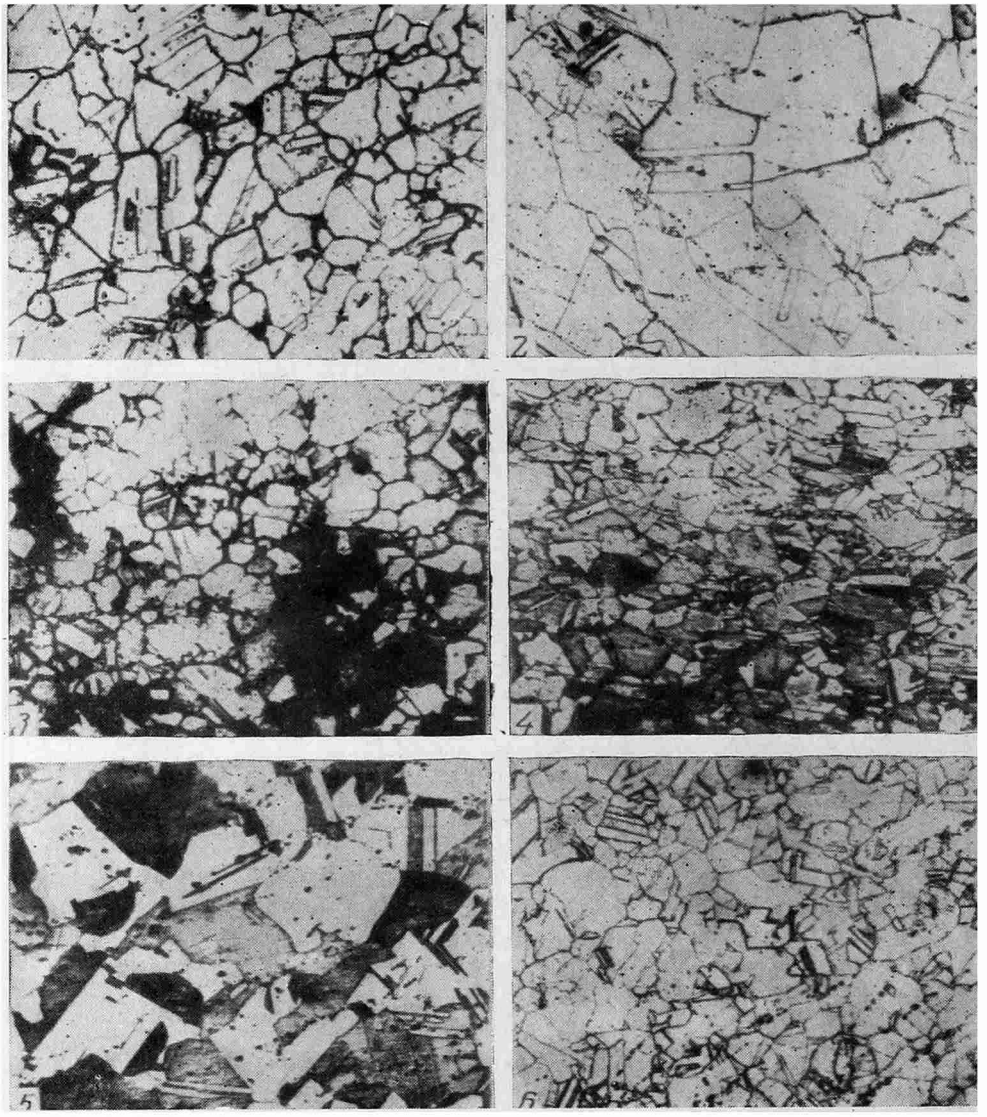


Рис. 3. Фотографии микроструктур (увел. 120): *1* — обломок тесла-долота из XI горизонта поселения; *2—4* — топор-молоток типа ТМ-6 (*2* — в центральной части корпуса топора, *3* — у края проушины, *4* — у лезвия); *5—6* — топор-молоток типа ТМ-10 (*5* — вдали от лезвия, *6* — у лезвия)

сталлизации меди (>300—350°) [16]. Горячей ковке было подвергнуто и тесло, сохранившееся в обломках (рис. 1, *8*), в металле которого в повышенных концентрациях присутствует свинец. Явление «красноломкости», возникающее при высокотемпературной деформации свинцовистой меди, отчетливо проявилось в данном случае: по границам наблюдавшихся в микроскоп полиэдрических кристаллов обнаружены многочисленные трещины (рис. 3, *1*). Они и явились причиной быстрой поломки орудия при использовании.

Заключительная кузнечная обработка тесел-долот не привела к исчезновению следов первоначального литья. Они отчетливо дают себя знать в металле основной части их корпуса (характер расположения эвтектики, литейные поры). Видимо, ковка прежде всего была связана с удалением литейных заусенцев, швов, поверхностных затеков.

[16] Для современной чистой меди порог рекристаллизации определяется интервалом температур 180—230°. Для более загрязненных примесями древних медей он значительно выше и связывается обычно с 300—350°.

Иной характер имела обработка лезвийной части орудий. Измельчание структуры в непосредственной к ним близости, исчезновение литейных пор, вытянутость эвтектических участков позволяют говорить о более сильном обжатии лезвий, а значит, о преднамеренном, упрочняющем характере их ковки. Это заключение подтверждается и результатами измерения твердости металла на трех из четырех рассматриваемых изделий. У лезвийной их части твердость достигает 92—95 *кг/мм²;* на середине расстояния от лезвия к обуху она не превышает 49—55 *кг/мм²* [17].

Не подвергнуто специальному упрочению только лезвие клиновидного топора из X горизонта поселения (рис. 1, *7*). И у лезвия, и вдали от него показатели твердости почти стабильны (57—60 *кг/мм²*). Меньшая тщательность в доработке рабочей части топора нашла отражение и в его структуре (отмеченный выше характер расположения эвтектики).

При технологическом исследовании шила (рис. 1, *1*) шлиф был изготовлен на продольном срезе его рабочего окончания. Полученная на срезе структура ничем принципиально не отличается от уже рассмотренной в связи с анализом топоров-клиньев: те же полиэдрические кристаллы и двойники на фоне сетки первоначальной эвтектики, та же отчетливая вытянутость эвтектических участков у острия и округлость их вдали от него, те же показатели концентрации в металле кислорода — 0,07%. Очевидно, что шило, так же как и топоры-клинья, отлито и доработано горячей ковкой. Не вызывает сомнений упрочняющий характер проковки острия (возрастание здесь твердости металла до 92 *кг/мм²*).

Обратимся к результатам технологического изучения топоров-молотков. Весьма важным оказался их поверхностный технологический осмотр.

На верхней и нижней гранях топора-молотка типа ТМ-6 (рис. 1, *10*) заметны остатки литейного шва, который идет от лезвия к середине проушины. Вокруг проушины хорошо виден тонкий, выступающий над корпусом орудия бортик металла. Это остатки не удаленного полностью литейного затека, образовавшегося по месту стыка створок формы со вставным стержнем. Факт использования формы со вставным стержнем подтверждается и результатами микроструктурного исследования этого топора-молотка. На подполированной, верхней грани изделия почти не нарушено расположение эвтектики Cu—Cu_2O по границам первоначальных литых кристаллов меди. Только у лезвия она разбита и вытянута в продольном направлении, у проушины никакого сильного деформирующего воздействия после отливки изделия она не испытала. Правда, в процессе травления на фоне типичной для деформированной меди рекристаллизованной структуры удалось уловить заметные колебания в величине слагающих ее полиэдрических кристаллов и двойников. В центральной части корпуса топора преобладают крупные кристаллы (*д* по шестибалльной шкале, рис. 3, *2*), в непосредственной близости к краю проушины и у лезвия — мелкие (*б — в*, рис. 3, *3*, *4*). В структурных зонах с измельченными зернами местами различимы линии сдвигов. Значит, доработка литой заготовки топора велась особенно тщательно поблизости от проушины и у лезвия. Однако отсутствие следов перераспределения эвтектики у проушины позволяет интерпретировать измельченность здесь полиэдрических зерен в связи с удалением оставшихся после разъема формы заусенцев, а не в связи с пробивкой или расширением отверстия с по-

---

[17] Английский исследователь Р. Тайлекот произвел серию опытных отливок из меди и бронзы разного состава в каменные формы, исполненные по образцу сохранившихся древних форм. Отлитые им заготовки топоров и мечей были подвергнуты упрочняющей ковке, сопровождаемой промежуточными нагревами. Оказалось, что наряду с резким возрастанием твердости такого рода доработка приводит к характерным структурным изменениям: появлению равноосных и двойниковых зерен, полному исчезновению следов литья, в том числе и остаточной пористости металла. (*R. F. Tylecote.* Casting Copper and Bronze into stone Moulds. Bulletin of the Historical Metallurgy Group. v. 7, № 1. London, 1973, p. 3.)

мощью пробойника. В этом убеждают и сравнительно низкие показатели твердости металла у выхода проушины, не превышающие 60 *кг/мм*^{2}.

Что касается лезвия, то его проковка привела не только к полному изменению структуры литого металла, но и повысила его твердость до 108 *кг/мм*^{2}. Нет сомнений, что она имела преднамеренно упрочняющий характер.

На основании визуального изучения топора-молотка типа ТМ-10 (рис. 1, *11*) можно заключить, что он также отливался в двусторонней литейной форме. Но получаемая при отливе заготовка орудия имела вид

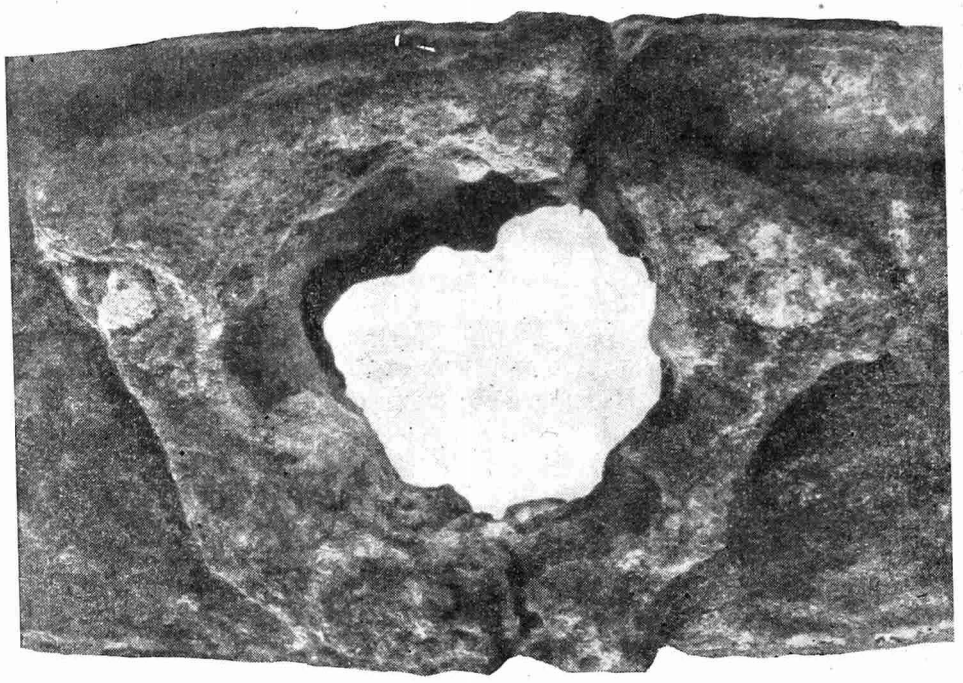


Рис. 4. Кольцевой выступ вокруг проушины топора-молотка типа ТМ-10 (макросъемка)

сплошного клиновидного бруска, отверстие в котором пробивалось в процессе последующей доработки. Указанием на вторичную пробивку отверстия служат следы наружной оттяжки металла по краям проушины. На нижней грани топора это обрамляющий проушину кольцевой валик, на верхней грани — это тот же кольцевой выступ, но отогнутый проковкой в сторону от проушины (рис. 4).

Лабораторные эксперименты по пробивке отверстий в массивных медных брусках, проведенные нами в связи с исследованием топора Карбунского клада, позволяют реконструировать этот процесс в следующем виде [18]. Предварительно нагретую заготовку топора-молотка укладывали на наковальню с цилиндрическим углублением в поверхности так, чтобы над отверстием располагалось намеченное для пробивки место. Сверху на него устанавливали медный пробойник. Ударами каменной кувалды пробойник вгоняли в заготовку. За счет выдавливаемого в цилиндрическую полость наковальни металла на нижней стороне заготовки образовывалась выпуклость. После этого заготовку переворачивали и повторяли ту же операцию, установив пробойник на середине выпуклости. Неоднократный нагрев заготовки снимал возникающие в металле напряжения, приводил к восстановлению его пластичности. Наносимые по пробойнику сильные

[18] *Н. В. Рындина.* Ук. соч., стр. 58—60.

удары приводили в конце концов к образованию «выдры», которая выбивалась в отверстие наковальни. В результате такого рода пробивки у выходов проушины и появились характерные кольцевые выступы.

К сожалению, вывод о вторичной пробивке отверстия на исследуемом топоре-молотке типа ТМ-10 мы не имели возможности проверить с помощью микроструктурного анализа. Металл у проушины оказался насквозь изъеденным коррозией и при подполировке верхней грани орудия обнажился только на значительном расстоянии от нее, ближе к лезвийной части изделия. На полученном подполировкой шлифе обнаружена обычная для деформированной меди структура, состоящая из крупных полиэдров и двойников (*е* — по шестибалльной шкале величины зерен, рис. 3, *5*). У самого лезвия кристаллы не только уменьшаются в размерах (*г*), но и приобретают размытый, обломочный характер (рис. 3, *6*). Местами внутри них различимы линии сдвигов. На фоне этой структуры видны включения эвтектики Cu—Cu_2O: вытянутые у лезвия, сфероидальные — вдали от него.

Очевидно, что после пробивки отверстия литая заготовка топора-молотка была прокована. Размытость кристаллов вблизи лезвия заставляет думать, что оно ковалось вхолодную. Это и позволило довести его твердость до 99 *кг/мм*^{2} [19].

Таким образом, первые металлографические исследования болгарского энеолитического металла приводят нас к заключению, что мастера гумельницкой культуры были знакомы с весьма совершенными приемами обработки меди. О высоком техническом уровне гумельницкой металлообработки свидетельствует прежде всего использование двусторонних литейных форм как для отливки простых шильев, клиновидных тесел-долот, так и сложнопрофилированных топоров-молотков. Важным показателем достижений литейной техники служит факт освоения двусторонних литейных форм со вставным стержнем, применявшимся для формовки втулки орудий [20].

Большого совершенства достигли мастера и в заключительной кузнечной доработке литых изделий, которая редко сводилась только к удалению пороков литья. Они осмыслили упрочняющий характер наклепа и потому особенно тщательно проковывали рабочие окончания орудий, сообщая тем самым повышенную твердость металлу.

Ценность сделанных технологических наблюдений определяется тем, что изучался весьма типичный для гумельницкой культуры материал. Мастера местной металлообработки овладели виртуозной техникой отливки изделий в той области Балкан, где совсем недавно стали известны колоссальные горнорудные разработки типа рудника Ай бунар, служившего источником громадного количества медных минералов. Видимо, не менее развитой была выплавка и обработка меди и на северо-востоке Балкан. Однако остается загадкой, почему при обилии металла, находимого в поселениях и могильниках, до сих пор ни здесь, ни в других областях Балкано-Карпатья не удалось обнаружить ни одной медеплавильни энеолитического времени.

---

[19] См. опыты по упрочняющей проковке меди в кн.: *H. H. Coghlan.* Notes on the Prehistoric Metallurgy of Copper and Bronze in the Old World. Occasional Papers Technology, N 4. Oxford, 1951, p. 43.

[20] Металлографическое изучение медных орудий IV тысячелетия до н. э. из других районов Подунавья (Венгрия) также показало наличие литья. Однако исследователи решаются говорить лишь об использовании открытых литейных форм. По их мнению, употребление двусторонних форм в то время по крайней мере проблематично и не подтверждается точными свидетельствами. (см.: *C. Renfrew.* Op. cit., p. 28—39; *P. Patay, K. Zimmer, Z. Szabó, G. Sinay.* Spectrographische und Metallographische Untersuchung Kupfer — und Frühbronzezeitlicher Funde. AAH, XV, 1963, S. 53, 54.)

Kh. Todorova, N. V. Ryndina, E. N. Tchernykh

LE METAL ENEOLITHIQUE DE GOLIAMODELTCHEVO (Bulgarie)

Résumé

On a procédé à l'étude spectrale et métallographique d'objets de cuivre de IVe millénaire av. n. è., provenant des couches énéolithiques d'un tell situé près du village de Goliamo Deltchevo (nord-est de la Bulgarie). Les pièces découvertes appartiennent dans l'ensemble à la culture de Gumelnitsa-Kodjadermen-Karanovo VI. L'analyse-spectrale du métal a révélé cinq groupes chimiques de cuivre, caractéristiques dans l'Est des Balkans rien que pour ce qu'on appelle «le foyer métallurgique de Gumelnitsa». L'étude métallographique a établi l'ampleur de la fonte du cuivre, qui se pratiquait aussi dans des moules bivalves (hache-marteau, gouge-burin). C'est la première fois qu'on remarque dans l'énéolithique balkanique l'emploi de moules de ce genre.

А. А. ЩЕПИНСКИЙ

РАКОВИННЫЕ КУЧИ НА ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНКАХ КРЫМА

Исследованиями последних лет установлено, что Южный берег Крыма был заселен человеком с мустьерского времени [1]. Помимо палеолитических памятников здесь известны стоянки эпохи мезолита, неолита, энеолита [2]. Особую группу составляют стоянки раковинных куч, которые некоторые исследователи, выделяя в особую культуру, сопоставляли с датскими «кучами кухонных остатков» — «kikkenmöddenger» [3]. В Крыму большинство раковинных куч в настоящее время сосредоточено на Южном берегу, на участке от Батилиманской бухты на западе до окрестностей Гурзуфа на востоке. Но и здесь их насчитывается не более двух десятков. Первые памятники этого рода выявлены и частично раскопаны еще в 1918 г. геологом А. С. Моисеевым, которому в районе Бати-Лимана, Ласпи, Фороса и Кикенеиза было известно шесть таких местонахождений [4]. В 1928 г. Б. С. Жуков при участии Г. Ф. Дебеца и А. Е. Алиховой продолжил начатые А. С. Моисеевым раскопки раковинных куч в Ласпинском заливе. В 1929 г. О. Н. Бадер и Б. С. Жуков изучали аналогичную стоянку в гроте под Мачтовой скалой в Ореанде [5]. К 1934 г. Г. А. Бонч-Осмоловским на Южном берегу зарегистрировано десять подобных местонахождений, бóльшая часть которых находится в районе Ласпи и Фороса.

После Великой Отечественной войны обследование раковинных куч проводилось Ю. Г. Колосовым [6] и А. А. Щепинским [7], а в последние годы — Д. Я. Телегиным [8]. К сожалению, результаты этих более чем 55-летних работ или не изданы, или сообщения о них носят информационный характер. До последнего времени оставались спорными как их культурная принадлежность, так и возраст. Например, А. С. Моисеев датировал раковинные кучи каменным веком, Г. А. Бонч-Осмоловский одну из стоянок у мыса Ласпи (Кардон) относил к азильской стадии, а остальные к тарденуазской, Ф. И. Шмидт считал их неолитическими [9], Д. А. Крайнов стоянку в бухте Ласпи датирует ямно-катакомбным временем (2500—

---

[1] *А. А. Щепинский.* Нові мустьерські місця знаходження Південного берега Криму. Археологія, 7, Київ, 1972, стор. 76 сл.

[2] *А. А. Щепинский.* Крымская охранно-археологическая экспедиция. АО — 1968, М., 1969, стр. 249.

[3] *Ф. И. Шмидт.* Археологический очерк. Работы на Южном берегу Крыма. ИГАИМК, 109, 1935, стр. 188; *Н. Л. Эрнст.* Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921—1930), ИТОИАЭ, IV, 1930, стр. 85, 88.

[4] *А. С. Моисеев.* Предварительный отчет о находках следов каменного века на яйле и Южном берегу Крыма. ИТУАК, 54, Симферополь, 1920, стр. 302, 303.

[5] *Н. Л. Эрнст.* Ук. соч., стр. 85.

[6] *Ю. Г. Колосов.* Исследования раковинных куч на юго-западном берегу Крыма. АИУ — 1967, Киев, 1968, стр. 75.

[7] *А. А. Щепинский.* Работы Северо-Крымской и Крымской охранно-археологической экспедиции. АО — 1970, М., 1971, стр. 232.

[8] *Д. Я. Телегин.* Обследование раковинных куч в Крыму. АО — 1973, М., 1974, стр. 349, 350.

[9] *Ф. И. Шмидт.* Археологический очерк, стр. 188.

1300 гг. до н. э.) [10], А. А. Щепинский [11], а вслед за ним и Ю. Г. Колосов [12] относят их к энеолиту. В связи с этим неясным для Южного берега оставался и вопрос о мезолите. Наличие последнего в этой части Крыма, и в частности в Ласпинской котловине, впервые, как видно из сказанного, отметил еще Г. А. Бонч-Осмоловский. Судя по подъемному материалу, стоянки этого времени на Южном берегу известны и нам, но значительно восточней Ласпи. Однако раскопкам подвергся только один такой памятник, а именно Ласпи VII (по Д. Я. Телегину). Исследования этой стоянки показали, что ее культурный слой состоит из более чем метрового слоя наземных раковин Helix, кремневых орудий (среди которых резцы на отщепах и пластинки с выемками) и остатков кострищ. В целом кремневый инвентарь этого памятника близок выделенной М. В. Воеводским поздней, мурзак-кобинской культуре мезолита Крыма [13], и в частности стоянке Мурзак-Коба [14]. Что же касается скопления раковин Helix, то для мезолита Крыма это также не редкое явление. Они в изобилии встречены в соответствующих слоях Буран-Каи, Кук-Река, Алимова навеса, Замиль-Кобы I, Замиль-Кобы II, Мурзак-Кобы, Шан-Кобы, Кара-Куш-Кобы, Мерд-вень-Тубю, Юсуф-Кобы I и др. В отдельных случаях, как, например, в Шан-Кобе [15] или Замиль-Кобе [16], раковины Helix vulgaris образуют отдельные скопления. Известны они и в позднепалеолитических (азильских) памятниках Юго-Западной Европы — Франции, Испании и т. д. [17].

Все эти стоянки справедливо никем не были отнесены к памятникам типа раковинных куч, для которых, как известно, характерно преобладание в культурном слое раковин не наземных, а главным образом морских моллюсков. Поэтому и не могут быть отнесены к раковинным кучам и стоянки типа Ласпи VII, в материалах которых основную массу находок составляют, как уже отмечалось, раковины наземных моллюсков Helix. Другое дело стоянки со слоями морских раковин. Для выяснения их возраста, даты и принадлежности автор в 1962—1973 гг. провел специальные полевые работы. Исследования показали, что все подобные памятники приурочены к берегу моря и далее чем на 0,5 *км* от него обычно не встречаются. Топографически они нередко располагаются в условиях, мало пригодных для долговременной жизни. Так, стоянка у с. Жуковки расположена на крутом каменном склоне глубокого оврага, далеко от выходов пресной воды. Слой раковин залегал здесь линзой шириной до 0,3 и длиной до 0,7 *м*. В Ласпинской котловине аналогичные стоянки расположены на высоте от 1—2 до 10—12 *м* над уровнем моря, часто сравнительно близко друг от друга (до 50 *м*). Судя по находкам раковин, протяженность стоянок колеблется от нескольких метров до нескольких десятков метров при средней толщине культурного слоя 15—30 *см*. Разная и глубина их залегания — от 0,5—0,7 до 15 *м* от современной поверхности. Стоянка на мысе Сарыч находится примерно в 200 *м* от кромки воды и на высоте 5—7 *м* над ней. Здесь слой раковин толщиной до 10—15 *см* залегает на глубине 0,8 *м* от поверхности и прослеживается на протяжении 5—6 *м* вдоль берега моря.

Иные топографические условия Гурзуфской стоянки, которая расположена на площадке в расщелине между двумя утесами скалы Дже-

---

[10] *Д. А. Крайнов.* Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа для периодизации послепалеолитических культур Крыма. МИА, 91, 1960, стр. 104, 105.

[11] *А. А. Щепинский.* Культуры энеолита и бронзы в Крыму. СА, 1966, 2, стр. 14.

[12] *Ю. Г. Колосов.* Ук. соч., стр. 78.

[13] *М. В. Воеводский.* Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, XXXI, 1950, стр. 114, 115.

[14] *Д. Я. Телегин.* Ук. соч., стр. 349.

[15] *С. Н. Бибиков.* Об использовании улиток Helix в позднепалеолитическое время. МИА, 2, 1941, стр. 140, 141.

[16] *Д. А. Крайнов.* Ук. соч., стр. 84, 85.

[17] *П. П. Ефименко.* Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 604.

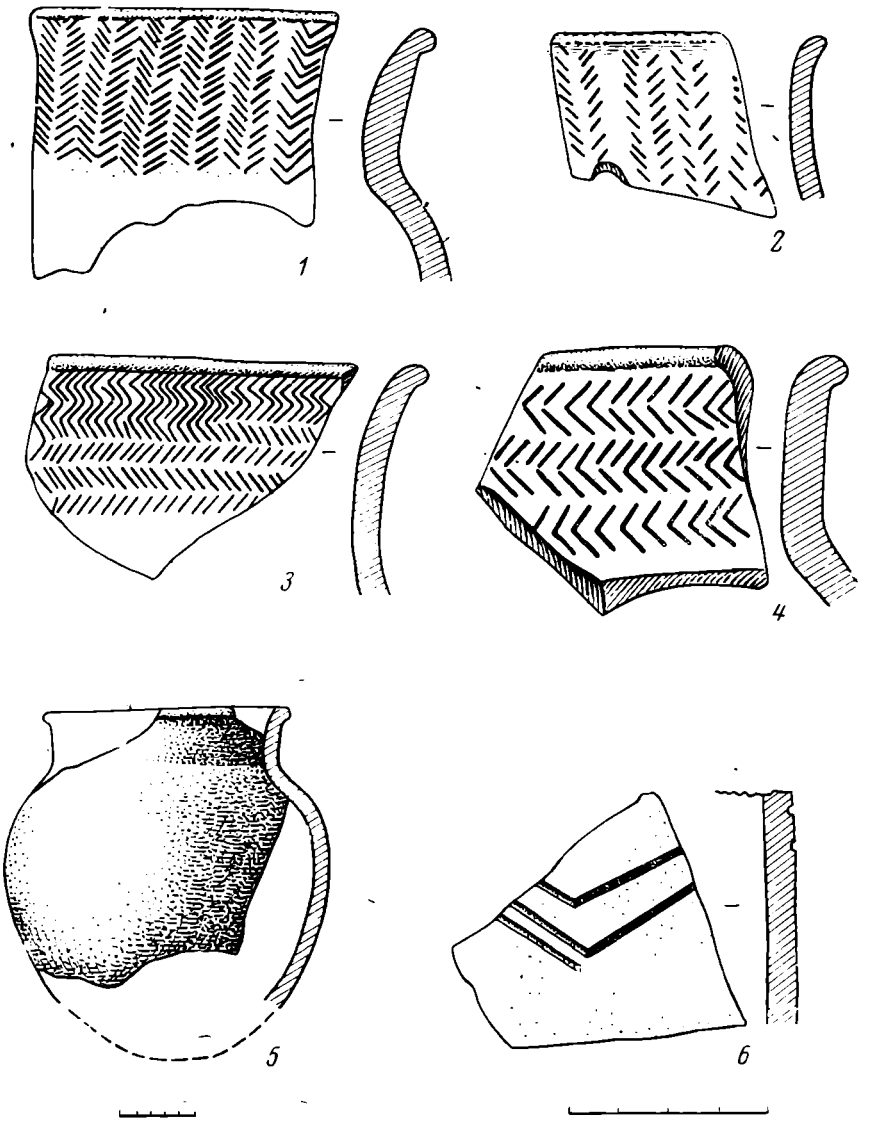


Рис. 1. Керамика Гурзуфской стоянки

невез-Кая, нависшей над отвесным многометровым береговым обрывом. Ее культурный слой залегает на стерильном суглинке, перекрытом почвой, между завалом мелкого камня и отдельными известняковыми глыбами. Площадка поселения, укрытая от ветров высокими скалами, имеет довольно покатую поверхность, верхним своим концом она примыкает к небольшому гроту. Энеолитический материал залегал главным образом под этим миниатюрным гротом и на площадке перед ним, а также спускался от нее вниз по склону длинным языком. Культурный слой толщиной до 0,25 *см* почти целиком состоял из морских раковин с немногочисленными обломками лепной керамики. Сверху он был перекрыт более поздним археологическим материалом, относящимся к эпохе раннего железа и средневековому времени.

Насколько удалось проследить, скопления раковин в плане обычно имеют неправильные очертания и в соответствии с рельефом местности часто лежат с бо́льшим или меньшим наклоном. Особо следует подчеркнуть, что в отличие от большинства раковинных куч другого времени и территории, в частности Дании, где все раковины обычно принадлежат исключительно взрослым особям, что указывает на их искусственный отбор, южнобережские скопления состоят из мелких раковин, часто от

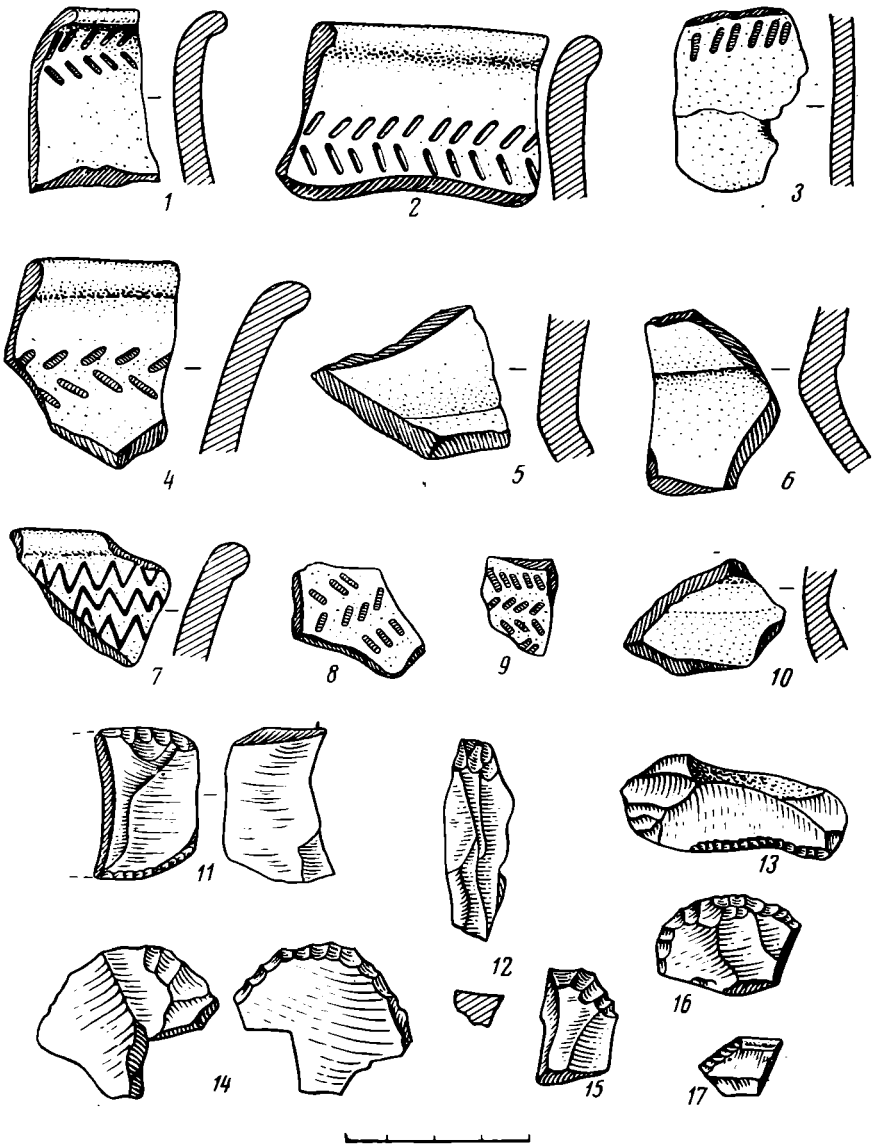


Рис. 2. Материалы Жуковской стоянки

1,5 до 2 *см* в длину. Крупные взрослые экземпляры здесь встречаются сравнительно редко. Створки многих раковин соединены, т. е. они не вскрыты. Это наводит на мысль о том, что раковинные кучи Южного берега могли являться или как бы сортировочными пунктами, или, как предположил ознакомившийся с этими памятниками А. Д. Столяр, заготовками для подкормки и приманки свиней, для которых моллюски — лакомство.

В слоях моллюсков основную массу составляют раковины устриц (Ostreoe edulis Siuue), мидий (Mutilus ga llopranneiales L.), патели, блюдечко (Pattelle pantica Mil.). Изредка попадаются расколотые кости животных и птиц, рыб, древесные угольки, остатки крабов.

Встречаются обломки тонкостенных, довольно хорошо обожженных лепных сосудов с примесью мелкотолченой ракушки, известняка или кварца в глине. Керамика имеет серую, коричневато-серую, красноватую или желтовато-серую лощеную или заглаженную поверхность. Хорошо представлены высокие прямые венчики, иногда с резко отогнутым наружу краем, как, например, на стоянке в Ореанде, Гурзуфе (рис. 1, *1—4*), Жуковке (рис. 2, *1, 4, 7*). Нередко по его наружной стороне проходит

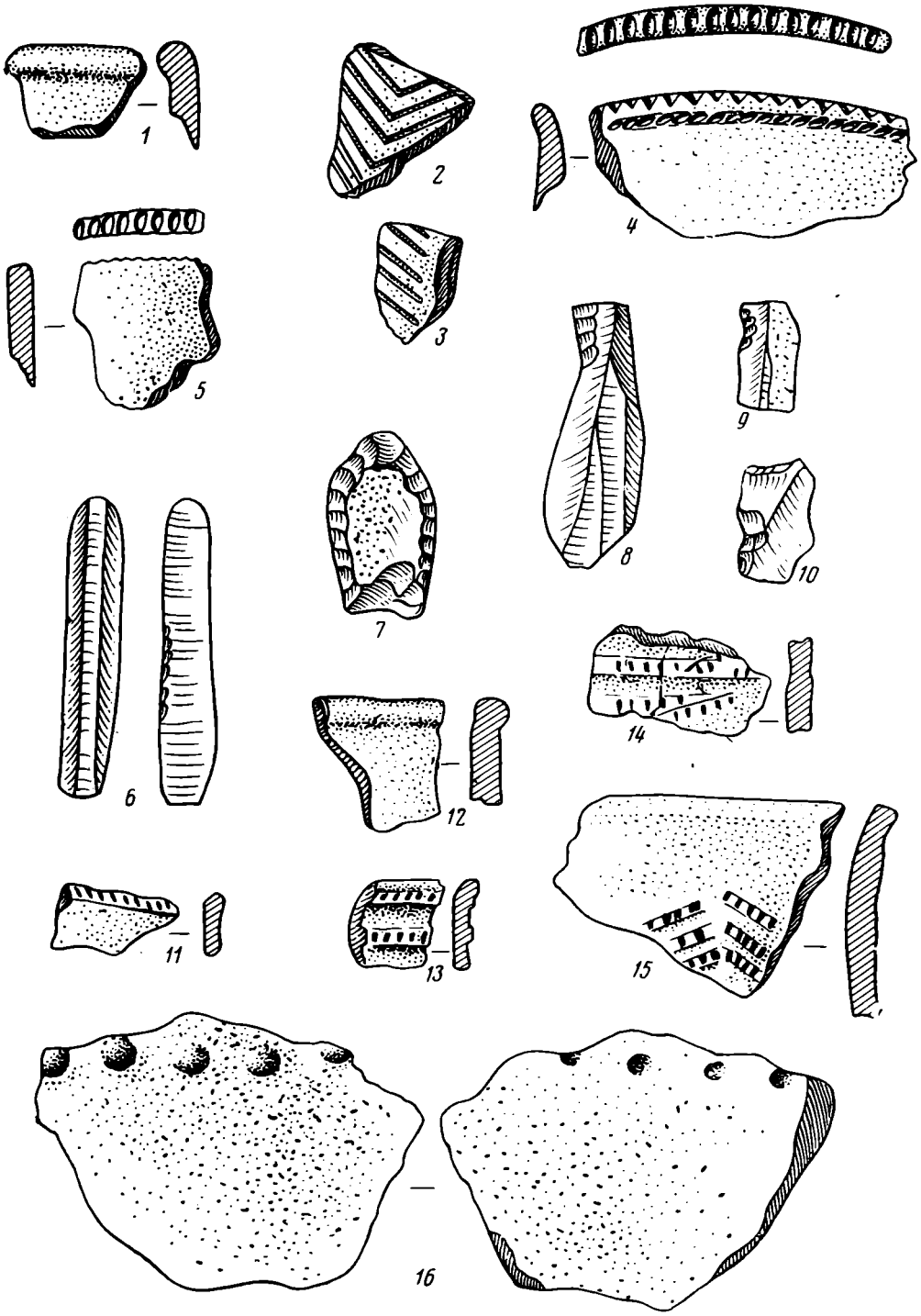


Рис. 3. Находки со стоянок раковинных куч юго-западного побережья Крыма (по Ю. Г. Колосову)

хорошо выраженный воротничок (рис. 1, *1*, *4*). Бока горшков выпуклые, дно, очевидно, округлое или слегка уплощенное (рис. 1, *5*). Верхняя часть сосуда часто украшена орнаментом из горизонтально или вертикально расположенных коротких врезных линий — елочный рисунок (рис. 1, *1—4*; 2, *4*, *8*, *9*). Имеются обломки с резными линиями, образующими свисающие углы (рис. 1, *6*; 3, *2*). Со стоянок в Ореанде и Жуковке происходят фрагменты сосудов с зигзагообразным орнаментом (рис. 2, *7*), обломки с насечками и овальными вдавлениями по срезу венчика (рис. 3. *4*, *5*, *11*). Особый интерес представляют сосуды с жемчужным орнамен-

том, нанесенным путем наколов с внутренней стороны стенки (рис. 3, *16*). Имеются обломки, украшенные оттиском гребенки или шнура (рис. 4, *1, 3*).

Вторую группу керамики составляют фрагменты сосудов, толщина стенок которых колеблется от 1 до 1,5 *см*, серого или коричневато-серого цвета, с хорошо заметными следами гребенчатого заглаживания. Орнамент представлен двумя-четырьмя горизонтально расположенными узкими рельефными валиками. В нескольких случаях между ними имеются небольшие налепы-жемчужины. Такая керамика происходит со стоян-

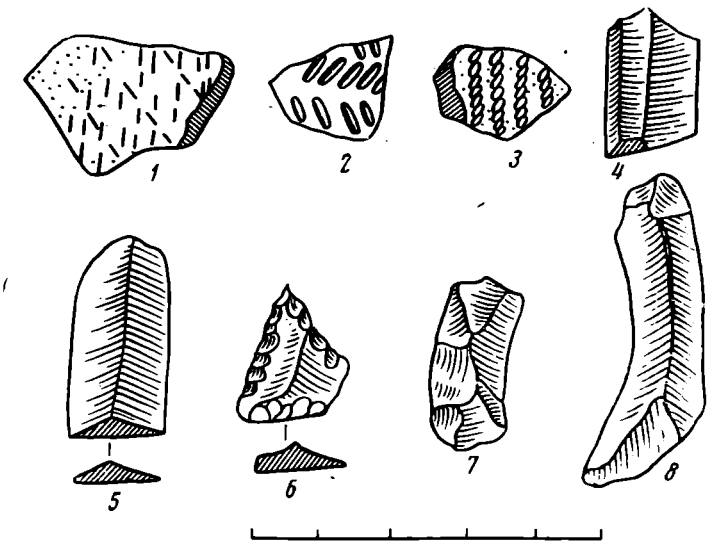


Рис. 4. Инвентарь стоянок раковинных куч: *1—4* — Ласпи III; *5, 6* — мыс Ласпи; *7, 8* — имение Тессели

ки в Ореанде (рис. 5, *7*). Реже встречается керамика с валиками, украшенными вертикальными насечками (рис. 3, *13*). Валики обычно нанесены по верхней части сосуда. Имеется керамика со сквозными отверстиями, проделанными, вероятнее всего, для починки.

Хорошо представлен кремневый материал, среди которого осколки, миниатюрные ножевидные пластинки длиной до 4—5 и шириной до 1 *см* (рис. 2, *12*; 4, *5, 7, 8*). Иногда пластинки имеют следы микроретуши (рис. 2, *13*; 3, *6, 8, 9*). На Ласпинской и Жуковской стоянках встречены небольшие скребки на отщепах овальной или полукруглой формы (рис. 2, *11, 14, 16*; 3, *7*). Имеются небольшие кремневые орудия на осколках или обломках ножевидных пластинок с одним подретушированным краем, придающим орудию заостренный конец (рис. 2, *15, 17*; 4, *6*). На одной из Ласпинских стоянок найдена «маленькая неолитическая стрелка» [18]. Найдены также сверла-проколки, наконечники стрел с двусторонней обработкой, пластины-ножи, резцы на отщепах, одна сломанная трапеция [19].

Керамика со стоянок раковинных куч Южного берега не типична как для неолита Крыма, так и для таких степных культур меди и бронзы, как древнеямная и катакомбная. В то же время по технике изготовления и характеру орнамента она имеет многочисленные аналогии в энеолитических слоях таких памятников, как Таш-Аир I (рис. 5, *12*), Таш-Аир III, Замиль-Коба [20], близкую керамику дают также верхний (энеолитический) слой Кук-Река, Фатьма-Кобы, Дружненской (рис. 5, *10, 14*) и

[18] *А. С. Моисеев.* Ук. соч., стр. 302.
[19] *Д. Я. Телегин.* Ук. соч., стр. 350.
[20] *Д. А. Крайнов.* Ук. соч., стр. 164.

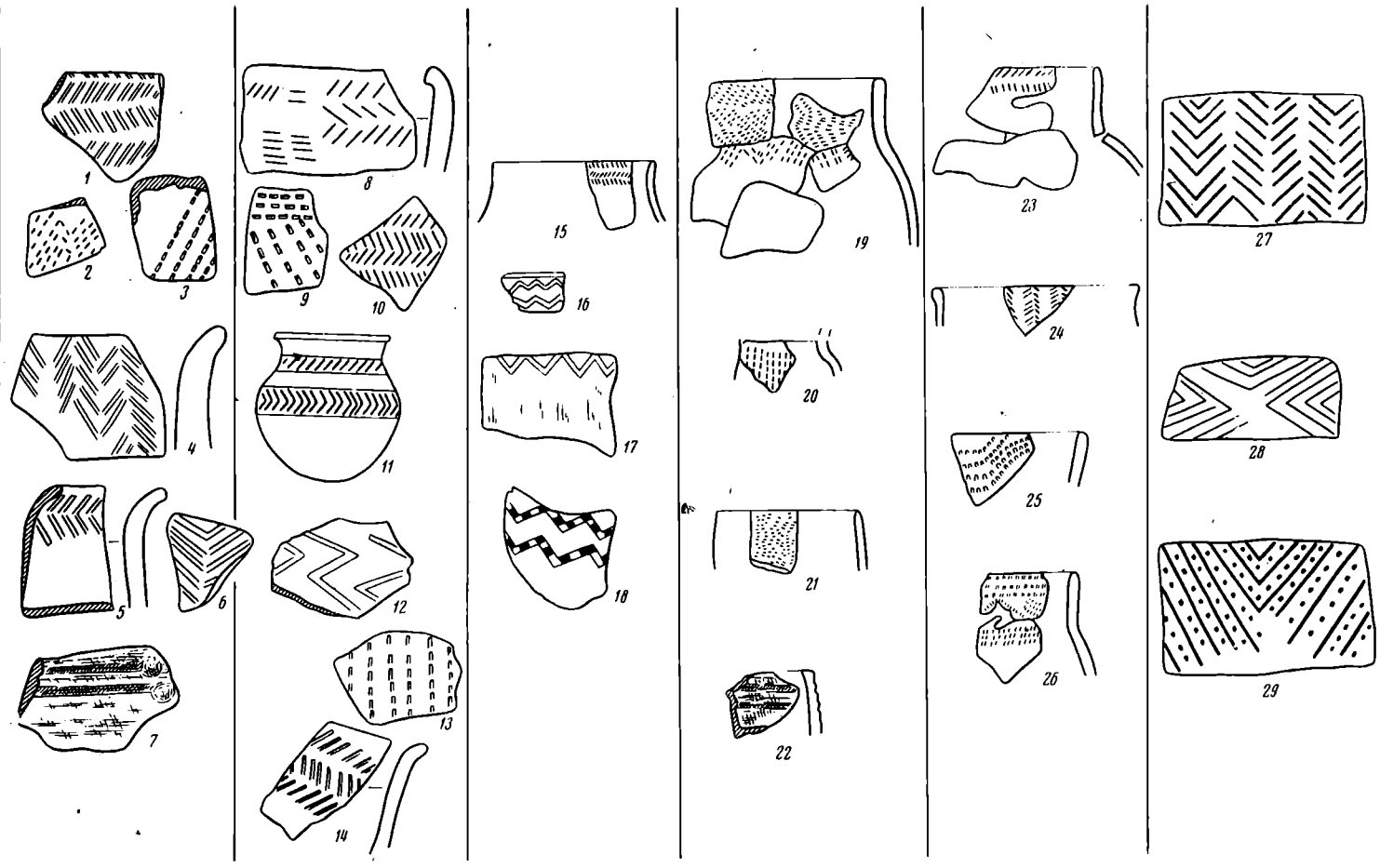


Рис. 5. Таблица сопоставления орнаментальных мотивов керамики со стоянок раковинных куч Южного берега (*1—7*), кеми-обинских памятников Горного Крыма (*8—14, 27—29*), Поднепровья (*15—18*); Приазовья (*19—22*) и Дона (*23—26*)

отчасти Курцовской стоянок Горного Крыма (рис. 5, *12*, *13*) [21]. Все эти памятники мы связываем с ранним этапом крымского варианта кеми-обинской культуры. Во всех перечисленных случаях она встречена в комплексе с кремневыми орудиями, в числе которых представлены изделия, аналогичные раковинным кучам [22].

За пределами Крыма, на территории Украины, близкий орнаментальный мотив дают памятники днепро-донецкой и среднестоговской культур [23]. Наиболее удачные аналогии орнаменту и форме сосудов дает нижний слой Михайловского поселения на Днепре (рис. 5, *15—18*) [24]. Все эти памятники хорошо датируются первой половиной и серединой III тысячелетия до н. э. Близкие комплексы, в особенности по керамике, дает Ливенцовское поселение на Дону (рис. 5, *23—26*) [25] и поселение у Раздольного в Приазовье [26], которые также датируются временем около середины III тысячелетия до н. э. Энеолитические материалы из поселений Михайловки, Ливенцовки и Раздольного мы также связываем с разными локальными вариантами кеми-обинской культуры. Схожие типы орнамента имеются в памятниках позднего триполья — этап С/II по Т. С. Пассек [27], где они относятся к концу III — началу II тысячелетия до н. э. К этому же времени относятся и фрагменты керамики с аналогичным орнаментом с энеолитических стоянок Черноморского побережья Кавказа [28].

Не противоречат такой датировке и фрагменты сосудов с жемчужным орнаментом, типичным для памятников Новосвободненского типа на Северном Кавказе, относящаяся, по последним данным, к 2300—2100 гг. до н. э. [29]

В Крыму керамика, близкая раковинным кучам, помимо поселений хорошо представлена и в кеми-обинских погребениях. Так, небольшой сосуд с елочным орнаментом происходит из каменного ящика кург. 6, в зоне Симферопольского водохранилища (рис. 5, *11*) [30], сосуд с геометрическим орнаментом находился в одном из каменных ящиков Мамайских курганов близ Евпатории. В погребальном деревянном ящике Новоромановского кургана у Симферополя и в каменном ящике из евпаторийских курганов имеются сосуды с узкими, рельефными валиками по верхней части. Не исключено, однако, что эти погребения несколько моложе раковинных куч.

Напоминаем также, что геометрический орнамент, и в частности в елочку,— излюбленный мотив росписи керамики кеми-обинских погребений в каменных и деревянных ящиках (рис. 5, *27*, *29*) [31]. Не противоречит энеолитическому возрасту раковинных куч и кремневый инвентарь; дву-

---

[21] *А. А. Щепинский.* О неолите и энеолите Крыма. СА, 1968, 1, стр. 123, 127, рис. 1, *4*.

[22] *А. А. Щепинский.* Энеолит Крыма. Автореф. канд. дис., Киев, 1975, стр. 10, 11.

[23] *Д. Я. Телегин.* Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, стор. 90; *его же.* Середньостогівська культура епохи меді. Київ, 1973, стор. 52.

[24] *О. Ф. Логодовська, О. Г. Шапошникова, О. Г. Макоревич.* Михайлівське поселення. Київ, 1962, стор. 33.

[25] *С. Н. Братченко.* Богатошарове поселення Лівенцівка на Дону. Археологія, XXII, 1969.

[26] *О. Г. Шапошникова.* Богатошарове поселення поблизу с. Раздольное на р. Кальмиус. Археологія, XXIII, 1970.

[27] *Т. С. Пассек.* Периодизация Трипольских поселений. МИА, 10, 1949, стр. 178, рис. 92.

[28] *В. В. Бжания.* Мачарское поселение эпохи энеолита и бронзы в Абхазии. СА, 1966, 1, стр. 122, рис. 5.

[29] *Е. И. Крупнов.* Древнейшая культура Кавказа и Кавказская этническая общность. СА, 1964, 1, стр. 38.

[30] *П. Н. Шульц* и *А. Д. Столяр.* Курганы эпохи бронзы в долине р. Салгира. КСИИМК, 71, 1958.

[31] *Е. Н. Черепанова, А. А. Щепинский.* Там, где пройдет Северо-Крымский. Симферополь, 1966, стр. 45.

стороннеобработанные наконечники стрел, округлые скребки на отщепах, ножевидные пластинки с микроретушью и т. д., т. е. изделия, которые на Юге СССР обычно датируются в пределах III тысячелетия до н. э. Однако по сравнению с кеми-обинскими стоянками Горного Крыма кремневого инвентаря здесь меньше, и в отдельных типах орудий он имеет свои особенности. Очевидно, это объясняется, с одной стороны, отдаленностью стоянок раковинных куч от месторождений кремня, а с другой — определенной хозяйственной спецификой стоянок, т. е. морским промыслом. Это, в частности, подтверждается и наличием большого количества кремневых сверл-проколок, которые, судя по материалам ласпинской стоянки, очевидно, служили специально для вскрытия створок раковин [32]. На стоянках Горного Крыма они нам не известны. При изучении раковинных куч Крыма исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью учесть материалы по проблеме раковинных куч в целом. Известно, что подобные памятники имеют широкий круг распространения. В СССР помимо Крыма отдельные стоянки раковинных куч имеются в северо-западном Причерноморье и на Черноморском побережье Кавказа [33]. Хорошо представлены они в районе северного побережья Японского моря, на юге Приморского края, где имеют дату не ранее конца II тысячелетия до н. э.[34] За пределами нашей страны они известны на побережьях Дании, ГДР, ФРГ, Англии, Франции, Португалии, Испании, на восточном и западном берегах Америки (Бразилии, Аргентины, Чили, Флориды (штат США), Австралии и Японии. В этих местах скопления морских съедобных раковин располагаются в виде слоев, пятен или куч различной толщины и протяженности. Преобладают следующие виды морских моллюсков: 1 — устрица (Ostrea edulis L.); 2 — мидия (Mytilus edulis L.); 3 — сердцевидка (Cardium edule L.) и др. Все они и сейчас употребляются в пищу. В этих же слоях встречаются, но в значительно меньшем количестве кости животных, рыб, ракообразных, птиц, а также угли, зола, лепная керамика, каменные или металлические изделия, остатки очагов из прокаленных или прокопченных камней и т. д.

Таким образом, объединяющими признаками всех рассмотренных раковинных куч является не материальная культура, а внешние признаки: 1 — топография — приуроченность к морскому побережью: бухтам, фиордам, 2 — наличие слоев морских (реже речных) раковин — кухонных остатков; 3 — специфика хозяйства, несомненно связанная с прибрежным промыслом. Все эти особенности и позволяют исследователям считать раковинные кучи становищами рыбаков. Что же касается археологического материала и его возраста, то он в каждом случае может быть разновременным — от мезолита или неолита и почти до наших дней. В разных частях света раковинные кучи имеют разный возраст и связаны с разными народами, культурами и племенами. Перечисленные признаки раковинных куч распространяются на территорию Крыма, где основная и наиболее выразительная группа памятников этого рода на основании приведенных аналогий датируется энеолитическим временем — III тысячелетием до н. э. и, вероятнее всего, не ранее его середины [35]. Однако мы не отрицаем, что при дальнейших поисках в Крыму могут быть выявлены и более ранние—неолитические стоянки раковинных куч. Что же касается памятников со скоплениями наземных раковин Helix, то, как мы уже отмечали, их из данной группы следует исключить. Тем не менее эти материалы для нас весьма существенны, так как позволяют проследить оп-

---

[32] *Д. Я. Телегин.* Обследование раковинных куч в Крыму.

[33] Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919—1956 гг., М., 1962, стр. 62; *И. И. Аханов.* Древняя стоянка в Геленджике. СА, 1961, 3, стр. 276—280.

[34] *Г. И. Андреев.* Некоторые вопросы культуры раковинных куч. СА, 1958, 4, стр. 10—22.

[35] В отдельных случаях, как, например, стоянка под Мачтовой скалой, не исключено наличие культурных слоев и эпохи ранней бронзы.

ределенные исторические процессы и лучше понять раковинные кучи. Мезолитические скопления наземных раковин и энеолитические морских, как мы увидим ниже, связаны с разными последовательно сменяющимися, закономерными историко-экономическими предпосылками. В связи с этим напомним, что, как пишет Г. А. Бонч-Осмоловский, массовое появление садовой улитки (Helix nemorolis) относится к азилю и в особенности к тарденуазу [36]. Это же отмечает Д. А. Крайнов для Таш-Аира I [37]. Наряду с другим материалом объясняется это изменением климатических условий, общим потеплением климата. Широкое же распространение Helix наряду с увеличением количества растительности, мелких животных и т. д. в свою очередь создало предпосылки для новой формы хозяйственной деятельности человека — усложненного собирательства с зачатками скотоводства и рыболовства [38]. Подчеркивая большую роль усложненного собирательства, С. Н. Бибиков также обосновывает это наличием в мезолите большого количества раковин Helix vulgaris, которых человек запекал в специальных ямках и даже запасал впрок [39].

Иначе обстоит дело со скоплениями съедобных морских раковин на энеолитических раковинных кучах. Как известно, к этому времени основой хозяйства становится скотоводство и земледелие, собирательство же и охота занимают второстепенную, вспомогательную роль. Поэтому надо думать, что раковинные кучи Южного берега оставлены небольшими группами населения, занимавшегося морским промыслом в прибрежных водах Черного моря. По-видимому, у них имелись излюбленные, обильные моллюсками и удобные для их промысла места. Последние посещались периодически, очевидно, в определенные времена года и определенными группами людей. Вероятнее всего, этим надо объяснить значительное скопление раковинных куч на небольшом участке побережья и наличие сравнительно большой площади, занятой одной из ласпинских стоянок. Не случайно, вероятно, и то обстоятельство, что основная масса этих стоянок сосредоточена на юго-западном побережье, и в частности в Ласпинской котловине. Именно здесь к побережью примыкают горные и предгорные районы Крыма с наиболее частыми и интересными памятниками кеми-обинской культуры (стоянками, погребениями, стелами).

Не случайно и на энеолитических поселениях горного, предгорного и степного Крыма встречались морские раковины. Напомним также, что на дне могил кеми-обинской культуры нередко имеются сплошные подсыпки из морских раковин устриц и сердцевидки съедобной (Corelium edule). Все это свидетельствует о тесных контактах, существовавших в энеолите между населением, обитавшим на побережье и других районах полуострова.

Естественно также предположить, что у энеолитического населения Крыма в соответствии с природными физико-географическими условиями происходит разделение труда по роду хозяйственной деятельности. Одни группы этого населения в предгорьях, яйле и долинах занимались преимущественно скотоводством и земледелием; другие в горных районах — в основном охотой и собирательством; третьи в степных районах — преимущественно скотоводством, четвертые, проникая через невысокие горные перевалы к побережью, занимались морским промыслом. В связи с этим для нас важно заключение Д. А. Крайнова о том, что с конца мезолита и, в особенности в неолите, первобытные коллективы, населявшие юго-западный Горный Крым, не имели единообразного хозяйства. Здесь намечается несколько локальных родовых групп с несколько различной

---

[36] *Г. А. Бонч-Осмоловский.* Итоги изучения крымского палеолита. Тр. II Междунар. конф. АИЧПЕ, вып. V. М.— Л.— Новосибирск, 1934, стр. 162.

[37] *Д. А. Крайнов.* Ук. соч., стр. 84, 85.

[38] *Г. А. Бонч-Осмоловский.* Ук. соч., стр. 167; *П. П. Ефименко,* стр. 603.

[39] *С. Н. Бибиков.* Ук. соч., стр. 140, 141.

формой хозяйства, что прослеживается по набору характерных кремневых орудий [40].

В энеолите, как нам кажется, это сказывается уже достаточно четко и хорошо прослеживается на археологическом материале. Так, в энеолитических слоях грота Водопадного и Кук-Река, расположенных в горах, встречены кости только диких животных [41]. В слоях того же времени Таш-Аира I и других аналогичных памятников, расположенных в предгорьях или привязанных к речным поймам, наряду с костями тех же диких животных в значительном количестве представлены уже и кости домашних животных [42]. На поселениях, примыкающих к относительно ровным участкам с плодородными почвами, наряду с тем же материалом значительно чаще встречаются зернотерки и серны, свидетельствующие об интенсивном занятии земледелием. Для прибрежных стоянок характерно наличие слоев раковин — свидетелей морского промысла.

Такое же прогрессивное разделение труда на основе наиболее эффективного использования локальных природных условий в одном районе родственными коллективами отмечает А. Д. Столяр для энеолита Северного Кавказа [43].

Интересно также отметить, что в Дании, на основе руководящих типов каменных орудий из раковинных куч, установлено наличие одновременных поселений той же культуры и внутри страны, при этом присутствие раковин на них необязательно. Этот факт исследователи объясняют тем, что внутри страны то же население занималось другими отраслями хозяйства.

В заключение можно предложить следующие выводы: 1) раковинные кучи Южного берега Крыма не могут быть выделены в самостоятельную культуру; 2) основная их масса относится к энеолиту — III тысячелетие до н. э. и связывается с кеми-обинской культурой; стоянки со скоплениями наземных раковин в рассматриваемый круг памятников включены быть не могут; 3) раковинные кучи — признак, характеризующий хозяйственную деятельность определенной группы населения. Они отражают один из моментов социально-экономического развития первобытного общества.

A. A. Chtchépinski

AMAS DE COQUILLAGES DANS LES STATIONS ENEOLITHIQUES DE CRIMEE

Résumé

De 1962 à 1973, l'auteur a étudié sur la côte méridionale de la Crimée des établissements à kjoekkenmoeddings, situés le long de la rive. Dans les couches de coquilles de mollusques comestibles prédominent les huitres, les patelles, et il s'y trouve des os d'oiseaux, de mammifères, de poissons, de petits morceaux de charbon de bois, des tessons, et des objets en silex: disques, grattoirs, outils à deux faces aménagées (fig. 1-3). On rencontre des pièces analogues dans les monuments de la culture de Kémi-Oba qui se trouvent dans les plaines et les montagnes de Crimée (Tach-Aïr, Zamel-Koba, Droujnaïa, Kourtzy), ainsi que dans les régions du Dniepr (Mikhaïlovka), du Don (Liventsovka) et de la mer d'Azov (Razdolnoïé). Les motifs ornementaux de la céramique nous sont bien connus par celle es tombes de Kémi-Oba (fig. 5). Les stations à amas de coquillages que nous étudions ici, remontent à l'énéolithique, et dans

[40] *Д. А. Крайнов.* Ук. соч., стр. 90, 97.

[41] *Ю. Г. Колосов.* Дослідження післяполеолітичніх стоянок Криму в 1958—1959 рр. Археологія, XVI, 1964, стор. 226.

[42] *Д. Я. Крайнов.* Ук. соч., стр. 49.

[43] *А. Д. Столяр.* Раскопки энеолитического поселения Мешоко. Тезисы докладов научной сессии Гос. Эрмитажа за 1962 г. Л., 1963, стр. 45.

l'ensemble datent du IIIe millénaire av. n. ère. L'auteur les rattache à la culture de Kémi-Oba. Il existe en U.R.S.S. des amas de coquillages sur le littoral de l'Ukraine, du Caucase, de la Province Maritime et, à l'étranger, au Danemark, en Allemagne, en Angleterre, en France, en Espagne, en Australie, au Japon, etc. Ils appartiennent à différentes cultures, et s'étendent du néolithique presque jusqu'à nos jours. Ces témoins ne sont pas classés par la culture matérielle, mais par les caractères extérieurs: 1 — topographie (appartenance à une côte maritime: golfe, baie, fjord); 2 — présence dans la couche culturelle de coquillages marins; 3 — économie spécifique, liée à la pêche. Ces documents sont la preuve que chez les tribus porteuses de la culture de Kémi-Oba, conformément aux conditions naturelles, existait la division du travail d'après le genre de l'activité économique: sur le littoral dominait la pêche; dans la montagne, la chasse; dans la steppe, l'élevage; dans les piémonts, les alpages; et dans les vallées fluviales, l'agriculture et l'élevage.

М. В. АНДРЕЕВА

К ВОПРОСУ О ЮЖНЫХ СВЯЗЯХ МАЙКОПСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Майкопская культура принадлежит к числу древнейших палеометаллических культур Кавказа, становление и развитие которых происходило в тесном взаимодействии с цивилизациями Древнего Востока. Изучение южных связей майкопских памятников не только представляет несомненный конкретно-исторический интерес, но и имеет большое значение для установления абсолютной хронологии энеолита — раннего бронзового века Северного Кавказа. К рассмотрению этого вопроса или одного из его аспектов неоднократно обращались русские, советские и зарубежные исследователи.

Наиболее явно следы контактов древнего населения Северного Кавказа с переднеазиатским миром запечатлены в комплексе основного погребения Большого Майкопского кургана, с раскопок которого и началась по существу история изучения майкопской культуры [1]. Внимание исследователей привлекли прежде всего многочисленные ювелирные изделия, выполненные в восточной манере: серебряные вазы с изображениями верениц животных, золотые бляшки в виде львов и быков, золотые и серебряные фигурки быков, розетки, кольца, бусы из привозных камней и др. Своеобразный «звериный» стиль майкопских шедевров в сочетании с грандиозностью погребального сооружения позволил первое время связывать БМК с кругом скифских памятников и, учитывая явный архаизм майкопских бронзовых орудий, датировать его предскифским временем [2]. Дальнейшее накопление материала привело к пересмотру хронологической позиции БМК. В 1910 г. В. А. Городцов отнес майкопские древности ко времени «начала бронзовых орудий» и указал на районы Месопотамии как на вероятный их источник [3].

Целенаправленные поиски этого источника путем сравнения стилей майкопского и древневосточного искусства различных эпох были предприняты Б. В. Фармаковским и М. И. Ростовцевым. Близкие аналогии майкопским изображениям животных Б. В. Фармаковский видел в хеттском искусстве, в связи с чем предположительно датировал БМК II тысячелетием до н. э.[4] Одновременно яркое сходство прослеживается и между стилем майкопских произведений и искусством додинастического Египта. Пространственная удаленность и огромный временной разрыв (более тысячелетия), разделяющие указанные Б. В. Фармаковским хеттские и древнеегипетские памятники, не позволили прийти к однозначному выводу относительно возраста майкопских находок и определить переднеазиат-

---

[1] ОАК за 1897 г. СПб., 1898, стр. 2—11. Далее в тексте Большой Майкопский курган сокращенно — БМК.

[2] *Я. И. Смирнов.* Восточное серебро. СПб., 1909, стр. 7.

[3] *В. А. Городцов.* Бытовая археология. М., 1910, стр. 252—260.

[4] *Б. В. Фармаковский.* Архаический период в России. МАР, 34, СПб., 1914, стр. 50—76.

ские центры, влияние которых распространялось на территорию Прикубанья. Это привело позднейших исследователей к мысли о непригодности произведений искусства для разработки хронологии, в связи с чем в работах последних десятилетий эта часть майкопского комплекса перестала быть объектом широких сопоставлений.

Иначе отнесся к этой проблеме М. И. Ростовцев [5]. На основе детального анализа особенностей сюжета, стиля и композиции майкопских изображений он пришел к выводу о принадлежности их к одному, совершенно определенному хронологическому горизонту — к концу «медного века» на Востоке. Памятники искусства этого времени, происходящие из Элама и Египта, дают изображения не только близкие, но подчас даже в деталях тождественные майкопским.

Возможность сравнения сокровищ БМК со столь широким территориально кругом памятников вытекала из исключительного характера указанной эпохи: именно в это время наблюдаются теснейшие культурные связи между различными районами древневосточного мира, в том числе между Египтом, Двуречьем и Эламом. Эти связи нашли свое выражение и в сходстве сюжетов и стилей изобразительного искусства.

Весьма важные выводы исследования М. И. Ростовцева впоследствии не подвергались критическому анализу и по существу не оспаривались. В то же время они не стали и отправной точкой в дальнейшей разработке проблемы. Причиной этого были, очевидно, высокие даты привлеченных исследователем древневосточных памятников (конец IV тысячелетия до н. э.).

Остальные категории предметов, входящие в комплекс БМК, не находили себе твердых датирующих аналогий. Это относится к бронзовым орудиям и оружию, переднеазиатский облик которых не вызывал сомнения [6].

Важную роль сыграло то обстоятельство, что после объединения А. М. Тальгреном основного погребения Майкопского кургана с дольменными погребениями у ст. Царской (Новосвободной) в группу «больших кубанских курганов» [7], майкопские памятники традиционно рассматривались как близкие новосвободненским в хронологическом, а позднее и в культурном отношении. Именно установление даты для Новосвободной (по увязкам характерных форм бронзового оружия с древневосточными образцами) имело решающее значение для определения позиции БМК независимо от того, в какой хронологической последовательности эти комплексы рассматривались [8].

Объединение дольменов и БМК в одну группу с самого начала носило в значительной степени условный характер: общим было только уникальное богатство погребений при несходстве погребального обряда и основных категорий инвентаря (бронзовое оружие, керамика). Это оставляло возможность поисков аналогий майкопским вещам и вне пределов, определяемых древностями Новосвободной [9].

---

[5] *M. Rostovzev.* L'age du cuivre dans le Caucase septentrional. RA, XII, 1920, p. 1—37; *idem.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 17—34.

[6] Г. Чайлд отмечал чрезвычайно широкий временной диапазон существования различных майкопских форм. *G. Childe.* The axes from Maikop and Caucasian Metallurgy. AAA, v. XXIII, 1936, p. 113. Аналогии (хотя и неполные) майкопским бронзам дают памятники не только Передней Азии, но и Эгейского мира, в частности, Крита (см. *P. Betancourt.* The Maikop Tools and Cretan metallurgy. AJA, v. 74, 4, 1970, p. 351—358).

[7] *A. M. Tallgren.* Die Kupfer und Bronzezeit in Nord- und Ostrussland. SMYA, XXV. Helsinki, 1911, S. 88—90.

[8] *A. K. Schmidt.* Die Kurgane der Stanica Konstantinovskaja. ESA, IV, 1929, S. 9—21; *А. А. Иессен.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, 120, 1935, стр. 77—92; *его же.* Археологические памятники Кабарды. МИА, 3, М., 1941, стр. 15—19.

[9] *Б. Е. Дегген-Ковалевский.* Проблема датировки «Больших кубанских курганов». КСИИМК, II, 1939, стр. 14—17.

Окончательно место майкопских комплексов среди северокавказских культур было установлено А. А. Иессеном [10]. Более 30 памятников, включенных исследователем в культурный круг «больших кубанских курганов», были разделены на две группы — майкопскую (раннюю) и новосвободненскую (более позднюю). Отдельные предметы из БМК и дольменов ст. Новосвободной сопоставлялись им с материалами Аладжи, Трои II, Кархемыша, Тиль-Барсиба, Урского некрополя. При этом на долю БМК, яркий ближневосточный облик инвентаря которого вслед за предшествовавшими исследователями отмечал А. А. Иессен, пришлось всего два сравнения: близость «стадиального характера» погребений Майкопа и Царского могильника Аладжи (при полном отличии инвентаря) и сходство отдельных деталей серебряных сосудов Майкопа и Трои II. На основе стадиальной близости к богатым анатолийским погребениям датировала БМК и М. Гимбутас [11].

Впоследствии с появлением новых публикаций раскопок переднеазиатских памятников удалось несколько расширить список аналогий. А. А. Формозов сравнивал комплекс БМК с материалами Трои, Аладжи, Тепе-Гиссара, Ура, Хафаджи, Лагаша и др.[12] Эти аналогии, однако, носят слишком общий характер, чтобы стать основой датировки: непригодны для этой цели топоры-тесла, долота, бусы, широко распространенные во времени и пространстве и не имеющие полной классификации; мотыга из Тиль-Барсиба не более похожа на майкопскую, чем все остальные подобные орудия, появившиеся на Востоке очень рано (Сузы С, Сиалк III); медный кинжал из Ура (черешковый) совершенно не похож на майкопский (бесчерешковый); техника рифления, в которой выполнен один из серебряных майкопских сосудов, известна с IV тысячелетия до н. э., и, следовательно, наличия рифленых сосудов в Аладже недостаточно, чтобы связать эти памятники; наконец, отдельные изображения животных (фигурки быков из Аладжи, гравировка на серебряной вазе Энтемены из Лагаша) выполнены в иной манере, чем майкопские.

Располагая подобным сопоставительным материалом, возраст Майкопа определить трудно: дата может варьировать в пределах IV—III тысячелетий до н. э. Поэтому надо признать, что широко вошедшая в литературу дата для БМК и близких ему памятников 2500—2300 гг. до н. э. до сих пор остается гипотетичной. В основе ее лежит предположение об отсутствии значительного временного разрыва между комплексами БМК и дольменов Новосвободной, что позволяло рассматривать их как практически одновременные по отношению к переднеазиатским стратиграфическим колонкам и черпать аналогии майкопским и новосвободненским вещам в одних и тех же древневосточных памятниках. Эта точка зрения долгое время подкреплялась незначительностью имевшегося в распоряжении исследователей материала.

За последнее десятилетие на Северном Кавказе было раскопано большое количество новых памятников раннебронзовой эпохи, что позволило более углубленно разработать предложенную А. А. Иессеном периодизацию и несколько иначе взглянуть на природу майкопских комплексов. На основе анализа материалов поселений (А. А. Формозов) и вновь открытых могильников (Р. М. Мунчаев) были предприняты попытки выделения наряду с основными хронологическими группами третьей, промежуточной группы памятников [13]. Исследованиями В. И. Марковина установлено, что дольмены ст. Новосвободной не являются самыми древними

---

[10] *А. А. Иессен.* К хронологии «больших кубанских курганов». СА, XII, 1950, стр. 157—200.

[11] *M. Gimbutas.* The Prehistory of Eastern Europe. Part I. American School of Prehistoric Research. Bulletin No. 20. Cambridge, Mass., p. 58, 59.

[12] *А. А. Формозов.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965, стр. 137—139.

[13] *А. А. Формозов.* Ук. соч., стр. 74—84; *Р. М. Мунчаев.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, стр. 314, 315.

дольменными памятниками на Северо-Западном Кавказе. Появлению их в этом районе безусловно предшествуют раннемайкопские памятники, и в том числе БМК. С другой стороны, дальнейшее изучение материала позволило поставить вопрос об отсутствии генетической связи между собственно майкопскими и дольменными памятниками. Мнение о разнокультурности комплексов БМК и новосвободненских дольменов, высказанное в начале 60-х годов Л. И. Лавровым и А. Д. Столяром, было поддержано Б. А. Латыниным и впервые получило детальное обоснование в работе Н. А. Николаевой и В. А. Сафронова[14]. Из мегалитических сооружений прочнее всего увязывается с позднемайкопскими погребениями по металлическому инвентарю (несколько более архаичных форм, чем новосвободненский) Нальчикская гробница[15].

Все это заставляет предполагать значительный период развития майкопской культуры на Северном Кавказе и существенный хронологический промежуток, разделяющий комплексы БМК и Новосвободной[16]. Последнее в свою очередь должно за собой повлечь изменение традиционных хронологических рамок сравнения майкопских древностей с переднеазиатскими.

Самым древним памятником, привлекавшимся к рассмотрению как А. А. Иессеном, так и А. А. Формозовым, был Царский могильник Ура. По находке копья с четырехгранным насадом с ним связываются комплексы новосвободненских дольменов, и, поскольку урский экземпляр — древнейший из известных на Востоке копий подобного типа, дата Царского могильника (около середины III тысячелетия до н. э.) принималась за terminus post quem для Новосвободной. В настоящее время нет, однако, оснований предполагать, что Урский некрополь непременно старше и БМК[17]. Наоборот, явный архаизм бронзовых орудий, отсутствие среди предметов вооружения копий и вообще черешковых форм побуждают искать аналогии вещам из раннемайкопских комплексов в памятниках более древних, чем Царский могильник.

Необходимость вновь обратиться к широкому сопоставлению материалов северокавказских и переднеазиатских памятников подкрепляется и результатами исследований отдельных категорий майкопских предметов. Анализ химического состава майкопского металла позволил Е. Н. Черных выделить группу изделий, изготовленных из высоконикелевой бронзы некавказского происхождения[18]. Чрезвычайно важным открытием явилось обнаружение следов применения гончарного круга на некоторых майкопских сосудах[19]. Становится очевидным, что связи с древневосточ-

---

[14] *В. И. Марковин.* Дольмены Западного Кавказа. Автореф. докт. дис., М., 1975, стр. 33; *Л. И. Лавров.* Дольмены Северо-Западного Кавказа. Тр. Абх. ИЯЛИ, т. XXXI, Сухуми, 1910, стр. 101, 178; *А. Д. Столяр.* Энеолитическое поселение Мешоко. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1959 г. Л., 1960, стр. 33—36; *его же.* Поселение Мешоко и проблема двух культур кубанского энеолита. Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам работы Гос. Эрмитажа за 1963 г. Л., 1964, стр. 31, 32; *Б. А. Латынин.* Молоточковидные булавки, их культурная атрибуция и датировка. АСб. ГЭ, 19, Л., 1967, стр. 95; *Н. А. Николаева, В. А. Сафронов.* Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа. В кн. «Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. Сообщения Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР», вып. VII, М., 1974, стр. 174—198.

[15] *И. М. Чеченов.* Нальчикская подкурганная гробница. Нальчик, 1973.

[16] Возможность длительного развития предполагал еще А. А. Иессен, отнесший начальные этапы сложения майкопской культуры к первой половине III тысячелетия до н. э. (*А. А. Иессен.* Майкопская культура и ее датировка. Тезисы докладов на заседаниях Отделения историч. наук АН СССР, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. М., 1962, стр. 20—22).

[17] Это предположение было основано отчасти на принятых раньше глубоких датах для Царского могильника Ура (ок. 3000 г. до н. э.).

[18] *Е. Н. Черных.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966, стр. 38—45.

[19] *А. А. Бобринский, Р. М. Мунчаев.* Из древнейшей истории гончарного круга на Северном Кавказе. КСИА АН СССР, 108, 1966, стр. 14—22.

ным миром далеко не ограничивались импортом готовых изделий из меди и драгоценных металлов. Необычно высокая техника изготовления майкопской керамики позволила в свое время А. А. Иессену предполагать неместный характер керамического комплекса Майкопа [20]. По мнению Р. М. Мунчаева, керамика из раннемайкопских памятников имеет «переднеазиатское или, точнее, месопотамское происхождение» [21].

Обращает на себя внимание своеобразное внутреннее единство раннемайкопских комплексов. Так, керамические формы майкопской посуды повторяются в серебряных и каменных сосудах и в свою очередь выполняются как бы в подражание металлическим. Близкое знакомство с металлургией серебра проявляется не только в широком использовании его в качестве ювелирного материала, но и в наличии искусственной примеси Ag в бронзовых изделиях [22].

Трудности строгого отделения «местного компонента» от «импортных» вещей и подражаний таковым усугубляются тем, что до сих пор неясным остается вопрос о непосредственных предшественниках майкопцев на Северном Кавказе.

Сильное переднеазиатское влияние, нашедшее свое выражение не только в находках уникальных предметов из БМК, но и в массовом материале, внутреннее единство различных категорий предметов из майкопских комплексов позволяют с большой степенью вероятности предполагать существование одного определенного центра в пределах древневосточного мира, под активным воздействием которого происходило сложение майкопской культуры.

Обращаясь сегодня к поискам этого источника влияния, необходимо прежде всего вновь установить их допустимый хронологический диапазон. Для ранних майкопских памятников, находящихся в центре нашего внимания, верхняя граница возможных сопоставлений определяется древностями Урского некрополя. Фиксировать нижнюю границу значительно сложнее. Развитый облик майкопской металлургии не позволяет отодвигать ее далеко в глубь энеолитических культур. Равным образом нет оснований предполагать, что майкопская культура могла существовать на Северном Кавказе в течение тысячелетий. Не слишком сужая хронологические рамки, можно ограничить рассмотрение переднеазиатских памятников серединой IV тысячелетия до н. э. Выбор этого условного рубежа подкрепляется следующими соображениями.

Во-первых, появление майкопских памятников на Северном Кавказе с большей вероятностью можно относить ко времени тесных культурных связей между различными районами древневосточного мира, засвидетельствованных впервые в широком масштабе для позднехалколитических комплексов второй половины IV тысячелетия до н. э. Во-вторых, именно это время характеризуется преобладанием нерасписной керамики в примыкающих к Закавказью районах Северной Месопотамии, Сирии и Анатолии. Впервые в этот период зафиксировано применение медленного круга при изготовлении посуды. Наконец, для второй половины IV тысячелетия до н. э. засвидетельствованы погребения, по богатству инвентаря сопоставимые с БМК (гробницы Гавры).

Комплексы майкопской культуры неоднократно подробно описывались [23]. Поэтому ограничимся кратким перечислением основных черт погребального обряда и инвентаря.

Ранние памятники майкопской культуры сосредоточены в основном в Прикубанье (Краснодарский и Ставропольский край) и Кабардино-

---

[20] *А. А. Иессен.* К хронологии..., стр. 175, 177.

[21] *Р. М. Мунчаев.* Ук. соч., стр. 329.

[22] *И. Р. Селимханов.* К исследованию металлических предметов из «энеолитических» памятников Азербайджана и Северного Кавказа. СА, 1960, 2, стр. 96, 97.

[23] Последнюю наиболее полную сводку майкопских памятников см. *Р. М. Мунчаев.* Кавказ на заре бронзового века. М., 1975, стр. 197—335.

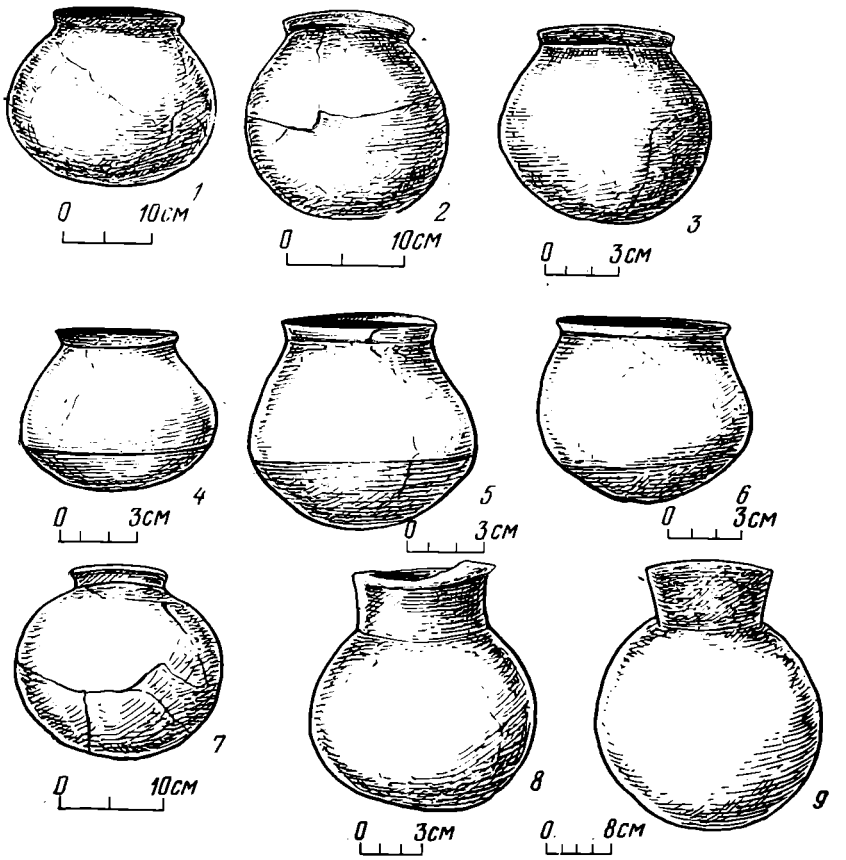


Рис. 1. Сосуды из майкопских памятников: *1—3, 7* — БМК; *4—6* курганы у ст. Усть-Джегутинской; *8* — курган в районе Армавира; *9* — курган у хут. «Рассвет»

Балкарии. Характерны подкурганные захоронения в ямах, окруженных кромлехами и каменными кольцами по основанию насыпи. Устройство погребальной камеры отличается большой тщательностью: яма правильной прямоугольной формы перекрывалась деревом, дно выкладывалось галькой или засыпалось песком, иногда делалась подстилка из камыша. Большинство погребений разрушено, поэтому судить о положении погребенных трудно; в ряде случаев устанавливается скорченное положение головой на юг. Ориентировка прослеженных ям (Усть-Джегутинский могильник) — СВ—ЮЗ.

Из северокавказских поселений лишь одно (Мешоко, нижний слой) дало материал, полностью увязывающийся с БМК [24]. Основная масса керамических и металлических предметов происходит из погребений.

Керамика отличается высокими технологическими качествами. Обычно отмечается «хорошо отмученная глина» без заметных примесей. При внимательном рассмотрении поверхности сосудов (неангобированной) и в изломе черепка все же видны следы тонкоизмельченной выжженной примеси — растительной или известковой. Кроме того, встречаются экземпляры с примесью песка или слюды. Майкопские сосуды обычно охристо-желтого, красно-оранжевого или серого цвета. При наличии ангоба и лощения цвет поверхности меняется соответственно на красный и черный. Посуда отличается тонкостенностью и прекрасным обжигом. Основные формы посуды представлены на рис. 1. Наиболее типична форма

[24] *А. Д. Столяр.* Мешоко — поселение майкопской культуры. Сборник материалов по археологии Адыгеи, т. II. Майкоп, 1961, стр. 73—98; *А. А. Формозов.* Ук. соч., стр. 70, 75, 76.

горшка с шаровидным или слегка вытянутым туловом, без шейки, с отогнутым наружу венчиком и слегка уплощенным дном. Кроме БМК, где этот тип представлен керамическими и металлическими образцами, подобные горшки встречены в кург. 3 у ст. Тбилисской на участке Зиссермана [25], в кургане у ст. Казанской [26], кург. 5 в Кепах [27], курганах у хут. «Рассвет» [28], курганах у ст. Усть-Джегутинской [29], курганах в «садках» в Нальчике [30] и более поздних майкопских памятниках. Иногда венчик почти не выражен, но встречаются и фигурно оформленные экземпляры. Аналогичные сосуды с намечающимся ребром на тулове происходят из Усть-Джегутинской. Иногда горшки имеют высокое горло (серебряные сосуды БМК, керамические из кургана в районе г. Армавира [31], погребения на п-ове Фонтан [32] и др.). Встречаются миски с загнутым внутрь и отогнутым наружу краем, с резким перегибом стенки.

Для майкопской посуды характерно почти полное отсутствие орнамента и ручек. Известны пластинчатые ручки с горизонтальным отверстием (курганы у ст. Раевской [33], Усть-Джегутинской) и орнамент в виде «глазка» или двух-трех параллельных насечек (ст. Усть-Джегутинская).

Серия металлических предметов сравнительно немногочисленна. Бронзовые изделия представлены оружием, орудиями, посудой.

Основная масса находок происходит из самого БМК. Уникальны топор-мотыга, мотыга, кинжал-бритва. Проушные топоры с невыделенным обухом и прямой лезвийной частью представлены экземплярами из БМК и из окрестностей Усть-Джегутинской [34]. Составляется серия ножей-кинжалов с невыделенным черенком (БМК; кург. 13 у ст. Усть-Джегутинской; курган в «садках» в Нальчике; кург. 3 у ст. Тбилисской; кург. 3 у хут. «Рассвет», случайная находка в окрестностях Моздока). Бесчерешковым является и кинжал-бритва, что указывает на наличие традиции, а не на один из возможных вариантов формы. Изделия из драгоценных металлов сосредоточены в БМК. Кроме того, серебряный сосуд с крышкой происходит из Старомышастовской [35]. Обломки серебряного же сосуда встречены и в рядовом майкопском погребении у с. Старый Урух [36].

Каменный инвентарь также представлен в погребениях сравнительно небольшой серией предметов. Это, однако, диктуется лишь спецификой комплексов, поскольку богатство каменного инвентаря на стоянках с майкопской керамикой указывает на преимущественное использование подобных орудий.

К числу изделий из камня относятся тесловидные топоры, песты, бруски, каменные браслеты. Интересны находки каменных сосудов в БМК (без дна, с накладным золотым цилиндрическим горлом и крышкой), кург. 7 у ст. Усть-Джегутинской (алебастровый, повторяет по форме типичные майкопские горшки), кург. 3 у хутора «Рассвет» (такой

---

[25] ОАК за 1900 г. СПб., 1901, стр. 42.

[26] ОАК за 1901 г. СПб., 1902, стр. 67.

[27] *Н. И. Сокольский.* Раскопки в Кепах в 1962 г. КСИА АН СССР, 103, стр. 115.

[28] *Ю. С. Крушкол.* Археологические исследования древней Синдики (Анапский район) экспедицией МОПИ им. Н. К. Крупской. Уч. зап. МОПИ, CXV, 1963, стр. 83—95; *Р. М. Мунчаев.* Кавказ на заре бронзового века, стр. 263—267.

[29] *Р. М. Мунчаев, А. А. Нечитайло.* Комплексы майкопской культуры в Усть-Джегутинском могильнике. СА, 1966, 3, стр. 133—151; *Р. М. Мунчаев.* Ук. соч., стр. 228—241.

[30] *А. А. Иессен.* Археологические памятники Кабарды, стр. 17, 18.

[31] ОАК за 1902 г. СПб., 1903, стр. 88, 89; *Р. М. Мунчаев.* Ук. соч., стр. 223, рис. 40, *5*.

[32] *М. М. Кубланов.* К истории азиатского Боспора. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 217—222.

[33] *В. И. Сизов.* Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии. МАК, II, 1889, стр. 94—97.

[34] *С. Н. Кореневский.* О металлических топорах майкопской культуры. СА, 1974, 3, стр. 14—32.

[35] ОАК за 1897 г. СПб., 1898, стр. 64, 65.

[36] *Е. И. Крупнов.* Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. Уч. зап. КБНИИ, V. Нальчик, 1950, стр. 224—229.

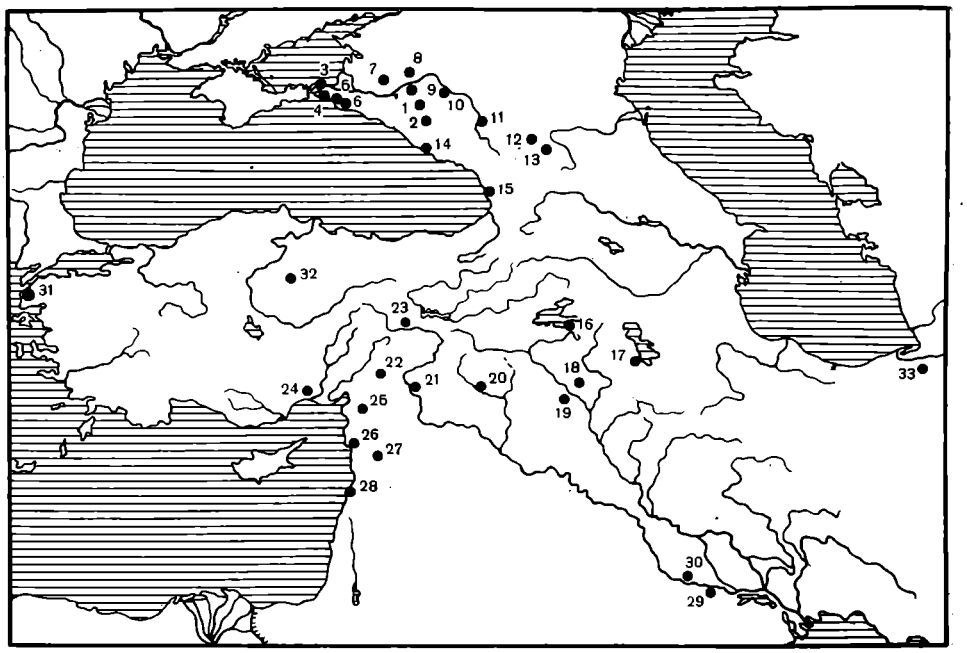


Рис. 2. *1* — БМК, *2* — Мешоко, *3* — Кепы, *4* — п-ов Фонтан, *5* — хут. «Рассвет», *6* — ст. Раевская, *7* — ст. Старомышастовская, *8* — ст. Казанская, *9* — ст. Тбилисская, *10* — г. Армавир, *11* — ст. Усть-Джегутинская, *12* — Нальчик, *13* — с. Старый Урух, *14* — Воронцовская пещера, *15* — Поти, *16* — Тилки-Тепе, *17* — Геой-Тепе, *18* — Гавра, *19* — Телул-ат-Талатат, *20* — Тель Халаф, *21* — Кархемыш, *22* — Сакче-Гезу, *23* — Арслан-Тепе, *24* — Тарс, *25* — Амук, *26* — Калаат-эр-Рус, *27* — Хама, *28* — Библ, *29* — Ур, *30* — Варка (Урук), *31* — Троя, *32* — Аладжа, *33* — тепе Гиссар

же, из белого известняка). Из БМК происходят кремневые ромбические стрелы и сегментовидные вкладыши. Довольно часты находки кремневых ножевидных пластин. Нужно отметить также значительное количество обсидиановых пластин и отщепов среди материалов поселений. Источник этого обсидиана находится вне пределов Северного Кавказа [37].

Основная область распространения майкопской культуры (рис. 2) отделена от переднеазиатского мира Кавказскими горами [38] и территорией Закавказья, занятой в рассматриваемую эпоху памятниками энеолита — ранней бронзы. Многочисленные следы контактов северо- и южнокавказских культур свидетельствуют, что Кавказский хребет не был непреодолимым препятствием для взаимопроникновений.

В Закавказье материал, сопоставляемый с майкопским, дают энеолитические памятники, сосредоточенные в основном в Западной Грузии: пещерные стоянки Самерцхле-клде, Самеле-клде, стоянка Сагварджиле (верхний слой), поселение Тетрамица [39]. Взятые в целом, комплексы названных памятников далеко не идентичны майкопским. В Самеле-клде, в слое с посудой, близкой майкопской (сосуды с овальным туловом и резко отогнутым венчиком, красноглиняные, лощеные), и аналогичным северокавказскому каменным инвентарем (клиновидные топоры с асим-

---

[37] *А. А. Формозов.* Ук. соч., стр. 112.

[38] Материалы майкопской культуры за Кавказским хребтом представлены случайными находками сосудов в р-не Поти и коллекцией Очажного грота Воронцовской пещеры у г. Адлера. *Л. Н. Соловьев.* Новый памятник культурных связей Кавказского Причерноморья в эпоху энеолита и бронзы — стоянки Воронцовской пещеры у г. Адлера. Тр. Абх. ИЯЛИ, XXIX. Сухуми, 1958, стр. 135—184.

[39] *А. А. Формозов.* Ук. соч., стр. 133—135; *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Древние культуры Южного Кавказа. М., 1970, стр. 46—48; *Г. И. Джавахишвили.* К истории раннеземледельческой культуры Западного Закавказья. Автореф. канд. дис. Тбилиси, 1971, стр. 5—15.

метричным профилем, кремневые наконечники стрел) были найдены и грубые сосуды баночных форм, кремневые орудия неолитического облика. То же можно сказать и о комплексе Самерцхле-клде [40]. Материалы Тетрамицы и Сагварджиле могут быть связаны с мойкопской культурой лишь по отдельным случаям сходства каменного инвентаря (каменные браслеты, клиновидные топоры и пр.) [41].

Остальные энеолитические памятники Южного Кавказа не содержат аналогий майкопским комплексам [42]. Исключение представляет Тилки-Тепе (Шамирамальти) у оз. Ван, на сходство керамики из верхних слоев которого указал А. А. Формозов [43]. Им было отмечено сходство внешнего облика сосудов (краснолощеные), характерных деталей (пластинчатые ручки с горизонтальным отверстием, идентичные ручкам на сосудах из ст. Раевской, Хаджоха и др.). К этому можно добавить общность технологических приемов в изготовлении керамики (толченая растительная примесь в тесте, ангоб), форм сосудов (шаровидное тулово и короткий отогнутый наружу венчик); близость обсидиановых орудий — большое количество пластин [44].

Несмотря на то что майкопский материал неоднократно сравнивался с энеолитом Закавказья и была отмечена близость верхних слоев Тилки-Тепе к керамическому комплексу Майкопа, до сих пор остается нерешенным вопрос о правомерности подобных сопоставлений. Это связано со сложившимся представлением о том, что ранние памятники куро-аракской культуры, относящейся к периоду ранней бронзы в Закавказье, древнее раннемайкопских. Значительная роль в этом принадлежит абсолютным датам нижних границ этих культур: рубеж IV—III тысячелетий до н. э. для куро-аракской и середина III тысячелетия до н. э. для майкопской. Поэтому интерпретация сходства, обнаруженного между северокавказскими и энеолитическими закавказскими комплексами, сильно затрудняется.

Кроме того, небольшие данные из разведочных по существу раскопок на Тилки-Тепе явно недостаточны для сколько-нибудь обоснованных построений. Однако интересующий нас материал верхних горизонтов этого памятника вовсе не представляет собой уникального комплекса: он совершенно аналогичен материалам теллей близлежащих областей Северной Сирии и Ирака, в связи с чем зарубежные исследователи включают Тилки-Тепе I—II в круг памятников Амук F — Гавра.

На рис. 3 и 4 представлены отдельные образцы посуды из различных районов Месопотамии, Сирии, Палестины в рамках рассматриваемого периода. Не ставя перед собой невыполнимую задачу проиллюстрировать более или менее полно керамические комплексы древневосточных памятников и свести их в подробную синхронистическую таблицу, приводим лишь две-три наиболее характерных формы для каждого периода, чтобы показать потенциальные возможности сравнения этих комплексов с майкопскими.

Среди широкого многообразия форм и приемов орнаментации формальная близость к майкопской посуде может быть отмечена лишь однажды — для керамики сирийских и северомесопотамских памятников второй половины IV тысячелетия до н. э., что побуждает прежде всего рассмотреть именно эти комплексы.

---

[40] *Л. Глонти, А. Джавахишвили, Г. Джавахишвили, Я. Киквидзе, Д. Тушабрамишвили.* Некоторые итоги полевых работ 1964 г. Урбнисской и Квирильской археологических экспедиций. ВГМГ, XXV. Тбилиси, 1968, стр. 3—9.

[41] *А. А. Формозов.* Ук. соч., стр. 134.

[42] Не дал вещественных аналогий и курган в Мильской степи, по ряду признаков сопоставляемый с майкопским. *А. А. Иессен.* Раскопки большого кургана в урочище Уч-Тепе. МИА, 125, 1965, стр. 182—190.

[43] *А. А. Формозов.* Ук. соч., стр. 138.

[44] *A. Ienny.* Schamiramalti. PZ, Bd. XIX, 1928, S. 280—304; *E. B. Reilly.* Tilkitepe ilk Kazilar, 1937. TTAED, IV, 1940, p. 145—178.

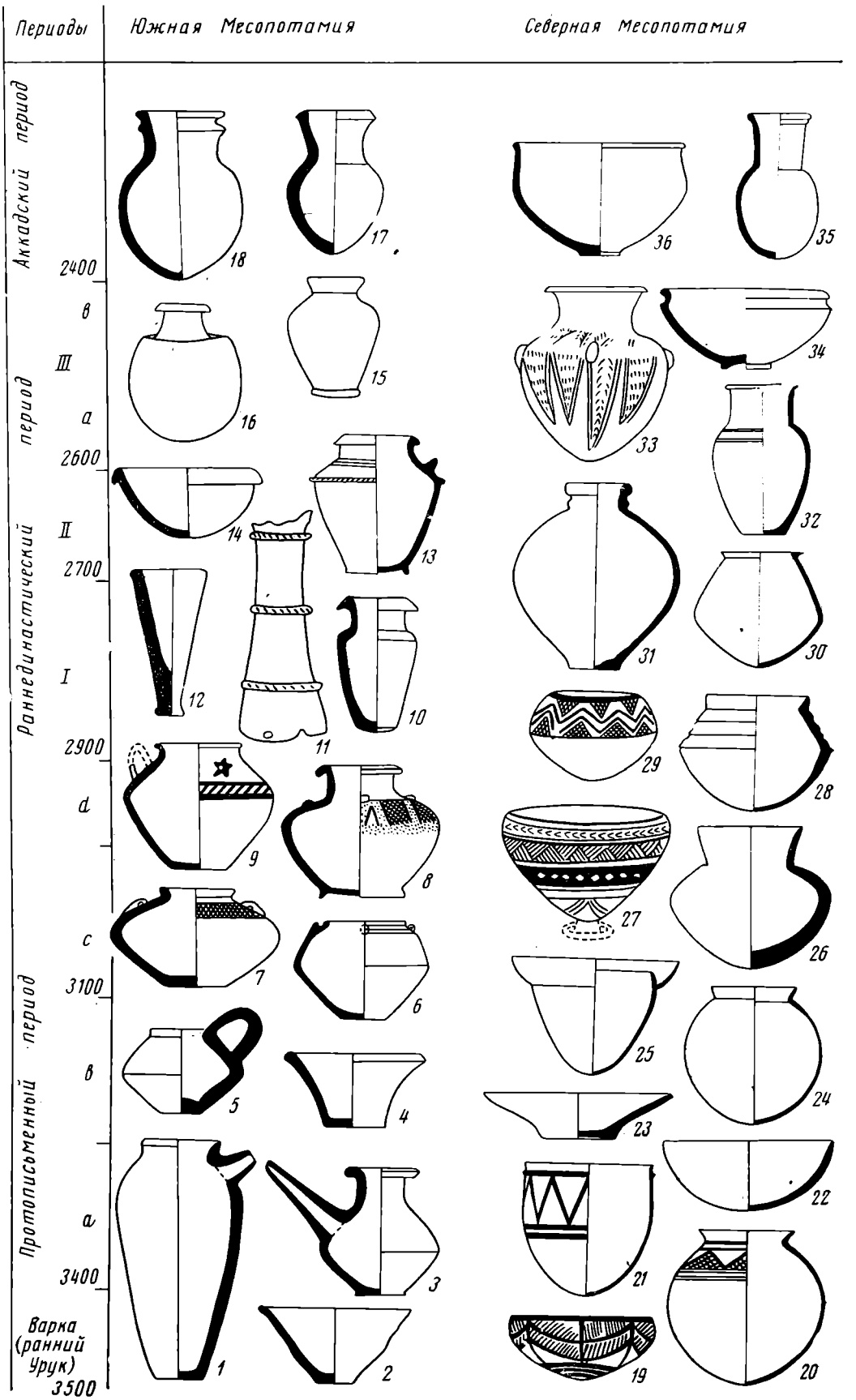


Рис. 3. Керамика южной (*1—18*) и северной (*19—36*) Месопотамии (по П. Делюгазу, А. Тоблеру, Э. Шпейзеру, М. Маллowану)

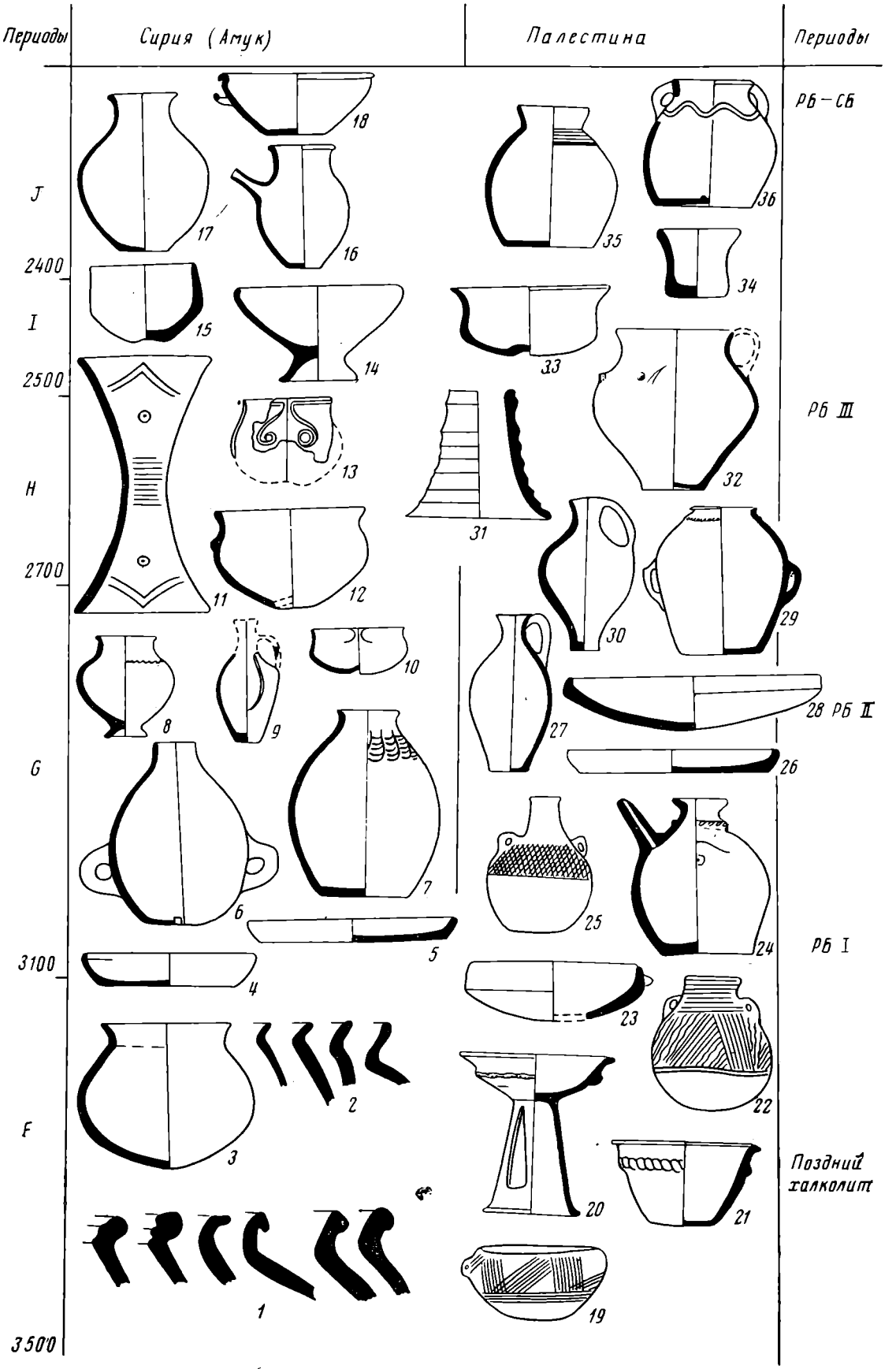


Рис. 4. Керамика района Антиохии (Амук) и Палестины (по Р.-Л. Брейдвуд и Р. Амиран)

В основу периодизации памятников Сирии была положена стратиграфия ряда теллей в районе оз. Амук (Амик) на равнине Антиохии. Сопоставление данных по ним позволило авторам раскопок разделить имеющийся материал (неолит — средняя бронза) на ряд фаз Амук А — J[45].

Материалы фазы F, синхронизируемой Р. Брейдвудом с периодами Урук — Гавра Месопотамии, открыты в Амуке на теллях Джудейде, Чатал, Дхахаб. В том же районе был раскопан еще один памятник, давший сходную стратиграфию — Табара-эль-Акрад (слои VII—V) [46]. К югу материал типа Амук содержат в значительном количестве памятники: Калаат-эр-Рус (слои 19—17) [47], Хама (слой К) [48], Библ (энеолитический некрополь) [49]. Среди более северных памятников керамику, аналогичную амукской, можно встретить в Тарсе (Киликия) — поздний халколит [50]; на телле Сакче-Гезу (слой V) [51]; на восточноанатолийских теллях — Арслантепе (район Малатья); памятниках района Элязыга [52]; равнины Муш [53]. Одним из восточных памятников этого круга является Тилки-Тепе. Тесно связаны с ним севромесопотамские телли — Гавра (XII—VIII) [54], Телул-ат-Талатат [55]. Находки отдельных сосудов типа Амук F сделаны в Кархемыше [56] и Тель-Халафе [57]. Наконец, несколько черепков, сходных с керамикой Тилки-Тепе, найдены в нижнем слое иранского Геой-Тепе [58].

Фаза F знаменует самый резкий прерыв традиции за всю историю существования амукских теллей. Это находит свое выражение в полной смене керамического комплекса (расписная керамика убейдского облика с ее характерными формами — полусферические чаши с росписью в виде лент в верхней части — исчезает, на смену ей приходит нерасписная посуда), в новом, своеобразном облике кремневой и обсидиановой индустрии (орудия на пластинах), в появлении первых бронзовых орудий и печатей с изображениями животных.

Керамика — самый массовый материал поселений. В целом посуда фазы F представляет собой гомогенный комплекс. Весь материал был разделен авторами раскопок в соответствии с технологическими характеристиками: 1 — посуда с гладкой поверхностью (две группы); 2 — посуда с заметной выжженной примесью в тесте (пять групп); 3 — кухонная посуда (две группы) [59].

Сосуды с гладкой поверхностью изготовлены из тщательно отмученной глины, хорошо обожжены. Цвет красно-оранжевый, реже — серый. Отмечены следы использования медленного круга. Изредка встречаются красноангобированные черепки. Основная же масса керамики представлена посудой с заметной выжженной примесью в тесте. Сосуды более толстостенны, несколько хуже обожжены (в изломе черепка видна серая прослойка). Большинство фрагментов красно-оранжевого цвета, но встречаются и серые; 6—11% черепков имеют красный ангоб на внешней по-

---

[45] *R. Braidwood, L. Braidwood.* Excavations at the Plain of Antioch. OIP, 61. Chicago, 1960.

[46] *S. Hood.* Excavations at Tabara el Akrad. AS, I, 1951, p. 121—122, 125—132.

[47] *A. Ehrich.* Early Pottery of the Jebeleh Region. Philadelphia, 1939, p. 65—67.

[48] *H. Inghold.* Rapport préliminaire sur sept campagnes de fouilles à Hama en Syrie. Kobenhaven, 1940, p. 17—21.

[49] *M. Dunand.* Fouilles de Biblos, t. I, Paris, 1939.

[50] *H. Goldman.* Excavations at Görlü Küle, Tarsus. v. II, Princeton, 1956, p. 87.

[51] *I. Taylor, M. Seton-Williams.* Excavations at Sakce — Gözu. Iraq, v. XII, p. 2, 1950, p. 56.

[52] *M. Mellink.* Archaeology in Asia Minor. AJA, v. 79, 1975, N 3, p. 202, 203, 206, 207.

[53] *C. Burney.* Eastern Anatolia in the chalcolithic and Early Bronze Age. AS, VIII, 1958, p. 160.

[54] *E. A. Speiser.* Excavations at Tepe Gawra. v. I. Philadelphia, 1935; *A. Tobler.* Excavations at Tepe Gawra. v. II. Philadelphia, 1950.

[55] *N. Egami.* Telul eth Talathat. Excavations of Tell II. Tokyo, 1959, p. 8.

[56] *L. Woolley, R. Barnett.* Carchemish, v. II, London, 1952, p. 217, 218.

[57] *H. Oppenheim.* Tell Halaf. Berlin, 1943, S. 94—99.

[58] *T. Burton-Brown.* Excavations in Azarbaijan, 1948. Lnd, 1951, p. 16.

[59] *R. Braidwood, L. Braidwood.* Op. cit., p. 229—243.

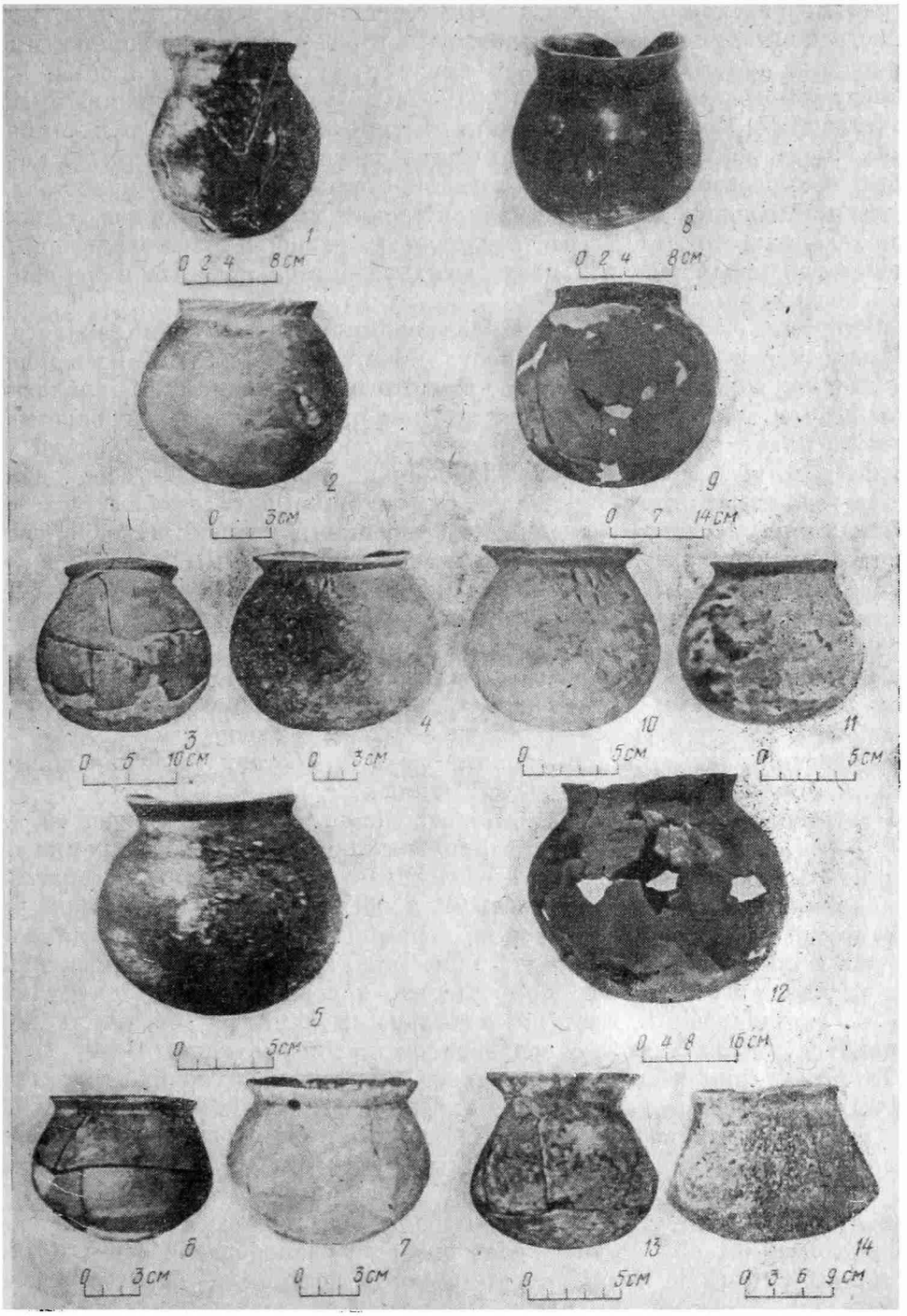


Рис. 5. Керамика из раннемайкопских и сирийских памятников: *1* — Хаджох, *2, 4, 6, 7* — ст. Уст-Джегутинская, *3* — Большой Майкопский курган, *5* — Кепы, *8* — Тель Халаф, *9* — Хама, *10, 11, 13, 14* — Библ, *12* — Амук

верхности, 5—10% залощены по ангобу. Под венчиком видны следы медленного круга.

Кухонная посуда не отличается принципиально от названных выше групп, выделяясь лишь более грубой лепкой (без применения круга, толстостенная) и худшим обжигом.

Кроме того, встречаются черепки с росписью, выполненной красной краской (пересекающиеся и параллельные линии, широкая полоса по краю на чашах).

Все перечисленные группы дают одинаковые формы посуды, устойчивые и немногочисленные. Выделяются горшки и миски. Горшки имеют шаровидное тулово и резко отогнутый наружу венчик, без шейки. У отдельных экземпляров несколько удлиненное тулово с заниженным «центром тяжести». Встречаются венчики фигурных форм, иногда с каннелюрами. Миски полусферические, со слегка отогнутым или загнутым внутрь краем; есть формы с резким перегибом стенки. На рис. 5 представлены формы майкопских и амукских (в широком смысле) сосудов. Близость технологии изготовления (растительная и редко минеральная примесь, красно-оранжевый и серый цвет, в случае ангоба красный и черный) и форм несомненна.

Интересно, что среди сирийской керамики есть близкие аналогии и керамической и металлической посуде Майкопа (миски с резким перегибом стенки, горшки с высоким, чуть отогнутым горлом). Совпадают и такие детали, как почти полное отсутствие ручек (известно небольшое количество пластинчатых ручек с горизонтальным отверстием, как на майкопских сосудах) и орнамента. Обращает на себя внимание совпадение и в отступлении от этого правила — случай орнамента (клейма?) в виде «глазка» или насечки, отмеченный на черепке из телля Джудейде, сосуда из Библа и горшках из Усть-Джегутинской (рис. 5, *4, 10*).

Металл впервые появляется в значительном количестве в фазе F. В самом Амуке найдено 12 бронзовых предметов, основную часть которых составляют четырехгранные шилья. Типичны бесчеренковые кинжалы (Амук, Библ) с отверстиями и заклепками для крепления рукояти, близкие по форме ранним майкопским. Отличие состоит в том, что сирийские экземпляры имеют ребро, майкопские — плоское лезвие.

Близость амукских и майкопских бронз по составу (высокая концентрация никеля) была отмечена Е. Н. Черных [60].

Полный прерыв в традиции по отношению к предшествующей фазе (убейдской) отмечен не только в производстве посуды, но и кремневой и обсидиановой индустрии: фазы F — H характеризуются так называемыми ханаанскими пластинами (кремневыми и обсидиановыми) с мелкой ретушью по краю. В этой связи можно вспомнить о находках обсидиановых пластин на Северном Кавказе и Тилки-Тепе. Остальной каменный инвентарь (исключая сосуды тех же форм, что и керамические), представленный топорами-теслами, пестами, точильными камнями, бусами, в целом незначительно отличается от материалов предшествующих фаз.

Таким образом, облик материальной культуры Амука F, представленной на теллях Сирии, Киликии, Восточной Анатолии, оказывается близким майкопскому: по керамике (технология изготовления и формы), металлу (химический состав и формы) и отчасти каменному инвентарю (индустрия на пластинах).

В отличие от гомогенного и достаточно замкнутого комплекса Амука F следующая фаза — Амук G дает большое разнообразие форм и типов керамики. Основную часть керамического комплекса фазы (представленной лишь материалами телля Джудейде) составляет гладкая простая посуда, изготовленная на кругу, прекрасно обожженная, светлая (коричневато-зеленоватых и красноватых оттенков), представляющая собой, очевидно, продукт массового гончарного производства. Ангоб встречается редко. Характерными формами являются плоские тарелки с загнутым внутрь краем, миски с резким перегибом профиля; чаши на кольцевых поддонах, большие амфоровидные сосуды с широким дном; вазообразные сосуды; так называемые сирийские бутыли (рис. 4).

Ни по формам, ни по технологии изготовления эта посуда не сопоставляется с майкопской. Из других групп керамики нужно отметить посуду, изготовленную в технике оставленного ангоба, посуду с нарезным и вдав-

[60] *Е. Н. Черных.* Ук. соч., стр. 45.

ленным орнаментом и с «расчесами» на внешней поверхности. Все эти сосуды по форме близки гладкой простой керамике [61].

Металлические орудия представлены в фазе G невыразительными формами (шилья). Очень интересна находка в верхних горизонтах фазы группы бронзовых мужских и женских фигурок [62]. Материал Амука G позволяет связать эту фазу со временем Джемдет-Наср — началом раннединастического периода в Южной Месопотамии. Фазы Амука H-*I* характеризуются преобладанием красно-черной лощеной лепной керамики, сопоставляемой по технологии изготовления, формам и элементам орнамента с посудой куро-аракской культуры Закавказья. Бронзовое оружие, относимое к этой фазе: копье с длинным черешком, тесло гораздо более развитых форм, нежели известное в Майкопе [63].

Эти периоды можно признать конечными для возможных сопоставлений майкопских древностей с сирийскими: следующая фаза — Амук J синхронизируется с аккадским периодом Месопотамии, с которым по металлу связываются новосвободненские комплексы.

Интересующий нас комплекс фазы F Амука, как уже говорилось, обнаруживает близость к материалам северомесопотамских теллей. На этом основании исследователи склонны видеть в Амуке периферийный вариант культуры Гавра [64], представленной на эпонимном памятнике слоями XIIA—VIII.

Вопрос о принадлежности XIIA—XII слоев Гавры остается спорным: Э. Перкинс включала их в свиту убейдских слоев [65]; по периодизации Э. Порада комплекс XII слоя характеризует раннегаврский период [66].

Посуда Гавры XII, сочетающая в себе некоторые черты убейдской и гаврской керамики, вместе с тем очень своеобразна. Характерны красноангобированные сосуды, часто расписанные коричневой краской; основные мотивы росписи — полосы, заштрихованные треугольники и ромбы, волнистые линии. Своеобразную группу составляют сосуды с росписью черной краской в виде «веточек». Присутствуют и отдельные сюжетные изображения, не свойственные убейдской керамике. Типичные формы: чаши (круглодонные, на кольцевых поддонах, плоскодонные) полусферические и с резким перегибом стенки, U-образные сосуды, горшки с шаровидным туловом и отогнутым венчиком (также круглодонные и на кольцевых поддонах) [67].

Керамический комплекс слоев XIIA—XII Гавры довольно сильно отличается от посуды вышележащих, собственно «гаврских» слоев XIA—XI (ранняя Гавра, по Э. Перкинс; средняя Гавра, по Э. Порада) и XA—VIII (поздняя Гавра). В XIA слое исчезают типичные формы и роспись Гавры XII. Впервые наблюдается преобладание нерасписной керамики. Посуда становится более толстостенной, в тесте отмечена примесь мелкорубленой соломы, толченого камня, раковины. Медленный круг применяется реже, чем в XII слое, поверхность сосудов часто залощена. Среди форм преобладают: чаши двух типов — плоскодонные с резко расходящимися стенками и круглодонные (иногда с носиком); сосуды с двойным краем; горшки с открытым (без венчика) устьем. Значительную группу составляют сосуды с шаровидным или овальным туловом и отогнутым венчиком, аналогичные по внешнему виду и технологии изготовления сосудам Амука F [68]. Близость этих сосудов Гавры к майкоп-

---

[61] *R. Braidwood, L. Braidwood.* Opt. cit., p. 259—294.
[62] Ibid., pl. 56—64.
[63] Ibid., fig. 263, *4*.
[64] Ibid., p. 513, 514.
[65] *A. Perkins.* The Relative Chronology of Mesopotamia, In: «Relative Chronologies in Old World Archaeology». Chicago, 1954, p. 46.
[66] *E. Porada.* The Relative Chronology of Mesopotamia. In: «Chronologies in Old World Archaeology». Chicago, 1965, p. 145—149.
[67] *A. Tobler.* Op. cit., p. 145—151.
[68] *A. Tobler.* Op. cit., p. 151—162.

ским горшкам была отмечена Р. М. Мунчаевым [69]. В IX слое впервые появляется посуда, изготовленная на быстром круге, преобладающая в VIII слое; подобная техника характеризует керамику более позднего комплекса Амука (G).

Незначительно число бронзовых предметов, происходящих из гаврских слоев. В раннем периоде выразительные формы представлены двумя теслами. Из VIII слоя происходят 22 бронзовых предмета, среди них серп, один из древнейших экземпляров в Месопотамии [70].

Северомесопотамские памятники связываются также с сирийскими и палестинскими по находкам ханаанских пластин (Гавра, Ниневия); источник этих орудий предположительно помещается исследователями именно в этом районе [71].

Гаврский комплекс явно богаче и разнообразнее амукского и лишь по некоторым типам сосудов может связываться с майкопской культурой. Сравнениям сильно препятствует также существенная разница в характере памятников. В рассматриваемое время Гавра представляла собой значительный в масштабах Месопотамии культовый центр: об этом свидетельствуют открытые здесь великолепные архитектурные памятники (укрепления и цитадель XIA слоя, серия храмов XI—VIII слоев).

Памятники последующих периодов (конец Протописьменного — Раннединастический) — Гавра VII—VI, Ниневия 5, телль Билла 6—7 и др.— дают образцы городской цивилизации с присущим ей высоким уровнем развития ремесла (храмовое и гражданское строительство, массовое гончарное и бронзолитейное производство и т. д.) и торговли.

Своеобразная керамика Ниневии 5, представленная на ряде теллей — Куюнджик (Ниневия) — слой 5 [72], телль Билла — слои 7—6 [73] и др.; — не встречена в других районах. Это светло-серая, тонкостенная, хорошо обожженная посуда, украшенная монохромной росписью (темно-красной и красной красками) или рельефным орнаментом. Мотивы росписи — геометрические фигуры, изображения животных и птиц. Основные формы — остродонные чаши, вазы на высоких поддонах.

В период Брак (аккадский) на смену этой посуде приходит нераспи-сная серолощеная керамика, также изготовленная на быстром кругу. Поверхность украшена каннелюрами и иногда налепными изображениями. Безусловно, обнаружить какое-либо сходство между майкопской и месопотамской керамикой последних двух периодов невозможно.

Поиски аналогий майкопским комплексам в памятниках более удаленных от Кавказа районов не дают положительных результатов (рис. 3, 4). В отличие от северных районов, где в рассматриваемое время наблюдаются определенные разрывы в культурных традициях, совпадающие с переходом от одного периода к другому, на юге Месопотамии развитие происходило более плавно, без резкой смены керамического комплекса. Характерные формы сосудов — с резкими перегибами профиля, подчеркивающими отдельные части (шейку, плечи, тулово), появившись впервые в урукское время, продолжают, постепенно видоизменяясь, существовать и в последующие периоды [74].

Материалы из памятников Палестины (поздний халколит — ранний бронзовый (РБ) век I—III) свидетельствуют о том, что культурное развитие этой области происходило довольно замкнуто. Для палестинских

[69] *Р. М. Мунчаев.* Кавказ на заре бронзового века, стр. 328, 329.

[70] *A. Tobler.* Op. cit., pl. XCVIII, *1, 2*; *A. Speiser,* Opt. cit., p. XLVIII, 2.

[71] *J. Hennessy.* The foreign relations of Palestine during the Early Bronze Age. London, 1967, p. 44.

[72] *R. Campbell-Tompson, M. Mallowan.* The British Museum Excavations at Nineveh, 1931—1932. AAA, v. XX, 1933, p. 171—175.

[73] *E. A. Speiser.* The Pottery of Tell Billa. The Museum Journal, v. XXIII, N 3, Philadelphia, 1933, p. 250, 253.

[74] *P. Delougaz.* Pottery from the Diyala Region. OIP, 63. Chicago, 1952, p. 34—105.

районов не характерны постоянные тесные связи с Месопотамией, засвидетельствованные для Антиохии. Спорадические контакты отмечены и с близлежащими районами Сирии и Ливана, причем аналогии палестинскому материалу редко можно обнаружить севернее Библа. Единственным случаем включения северных областей Палестины в широкий культурный круг переднеазиатских памятников является распространение в РБ III красно-черной лощеной керамики («хирбет-керакской»). Гораздо лучше документированы связи с Египтом в додинастический — раннединастический периоды [75].

Наконец, необходимо оговорить и невозможность сравнения массового майкопского материала с комплексами центральных и западных районов Анатолии. Она обуславливается не только несходством керамики из известных в настоящее время анатолийских памятников с майкопской посудой, но и главным образом спецификой культурного развития этой части Передней Азии. Отсутствие культурного единства на всей территории Анатолии, узколокальный характер памятников, малое число засвидетельствованных контактов даже для близлежащих районов не оставляют возможности для широких сопоставлений с более отдаленными областями [76].

Уникальное сходство, которое обнаруживает массовый раннемайкопский материал с данными восточноанатолийских, сирийских и месопотамских поселений второй половины IV тысячелетия до н. э., и полное отсутствие аналогий ему в более поздних комплексах позволяют говорить об определенной генетической связи между памятниками Майкопа и Амука F — Гавры. Важно, что названные переднеазиатские памятники находятся в примыкающих к Закавказью районах: они занимают территорию от оз. Ван на севере до Библа на юге и от Киликии на западе до оз. Урмия на востоке (рис. 2). Материалы входящих в этот культурный круг теллей в разной степени сопоставляются с майкопским. Естественные трудности возникают при сравнении разнородных памятников — погребений майкопской культуры, с одной стороны, и материалов теллей — с другой. Могильники вне поселений в рассматриваемых переднеазиатских районах не известны, хотя их существование и предполагается исследователями [77]. Погребения (чаще детские) совершались на поселениях. Широко распространен обычай захоронения в сосудах в скорченном положении. Кроме огромного некрополя в Библе подобные погребения открыты в Хаме, Амуке, Тарсе, Кархемыше, Телул-ат-Талатат, Гавре и др. На Гавре, кроме урновых захоронений, обнаружено большое количество погребений, совершенных в прямоугольных ямах, ориентированных по линии СЗ — ЮВ и СВ — ЮЗ (что согласуется с ориентировкой храмов), перекрытых циновками, сырцовым кирпичом, каменными плитами. Погребенные лежали в скорченном положении на правом и левом боку, руки перед лицом. Поскольку большинство раннемайкопских погребений разрушено, то детально сопоставить их с гаврскими не представляется возможным. Определенный интерес вызывает, однако, совпадение в традиционной ориентировке погребальных сооружений: так, усть-джегутинская и верхнеакбашская курганные группы вытянуты с СЗ на ЮВ при ориентировке основных погребений с ЮЗ на СВ.

В заключение можно подчеркнуть, что предположение относительно принадлежности майкопских памятников к кругу переднеазиатских позднеэнеолитических культур совпадает с выводами, сделанными М. И. Ростовцевым на основе анализа произведений искусства из БМК. Как уже говорилось, взятые в совокупности все типичные черты майкопского ис-

---

[75] *J. Hennessy.* The foreign relations of Palestine during the Early Bronze Age, London, 1967.

[76] *J. Mellaart.* The Chalcolithic and Early Bronze Age in the Near East and Anatolia. Beirut, 1966, p. 121—171.

[77] *A. Tobler.* Op. cit., p. 121.

кусства находят себе аналогию именно в памятниках второй половины IV тысячелетия до н. э.

Естественной интерпретацией обнаруженной близости комплексов Майкопа и Амука F — Гавры является предположение о проникновении групп переднеазиатского населения на Северный Кавказ. В настоящее время нет данных, которые помогли бы выяснить конкретные причины такого выплеска населения за пределы древневосточного мира, подробно проследить пути его проникновения в районы Прикубанья и точно датировать это событие. Исследование всех этих вопросов, несомненно, имеет большое значение не только для археологии Кавказа, но и для изучения культур Древнего Востока в переходный период от энеолита к ранней бронзе. Поэтому дальнейшая разработка проблемы южных связей майкопской культуры представляется сейчас особенно перспективной и важной.

M. V. Andréiéva

LA CULTURE DE MAIKOP ET SES LIENS AVEC LE SUD

Résumé

La culture de Maïkop est au nombre des plus anciennes cultures du Caucase septentrional, dont les monuments sont les témoins des liens étroits qui existaient entre cette région et le monde de l'Asie antérieure. L'analyse montre qu'un net faciès proche-oriental est inhérent non seulement aux objets exceptionnels du Grand kourgane de Maïkop, mais à toutes les catégories de pièces provenant des kourganes ordinaires. Le caractère homogène des premiers ensembles de Maïkop fait penser à l'existence d'une source unique d'influence, exercée sur les régions septentrionales du Caucase entourées par les cultures de l'Orient Antique. L'auteur de l'article place les comparaisons possibles dans un cadre allant du milieu du IVe su milieu du IIIe millénaire av. n. ère. La date la plus ancienne indique le début en Orient de la fabrication de la céramique à l'aide du tour de potier (fin de la période Oubeidyeh, début de la période Ourouk). Des traces d'emploi du tour ont été décelées sur la céramique de Maïkop. Au milieu du IIIe mill. av. n. è. (date récente), en Orient apparaissent des fers de lances à talon biseauté. Le plus ancien exemplaire de ces lances a été trouvé dans un dolmen, près de la stanitza de Novosvobodnaïa, monument dont l'âge plus tardif, par comparaison avec le kourgane de Maïkop, ne fait pas de doute. En étudiant, dans le cadre chronologique indigué, les ensembles de monuments de différentes régions de l'Asie antérieure (fig. 3-4), l'auteur en arrive à conclure que les monuments de Syrie (phase AmukF) et du nord de la Mésopotamie (période Gawra) offrent les pièces les plus semblables à celles de Maïkop. On peut remarquer la ressemblance de l'ensemble céramique (fig. 5), des armes de bronze, du mobilier lithique. Il est à remarquer que les monuments des autres territoires et périodes ne contiennent pas de pièces analogues à celles du Caucase septentrional.

Б. А. ШРАМКО, Л. Д. ФОМИН, Л. А. СОЛНЦЕВ

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ОБРАБОТКИ ЖЕЛЕЗА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

(доскифский период)

Для правильного представления об уровне развития производительных сил в самом начале железного века очень важное значение имеет изучение кузнечного ремесла. От мастерства кузнецов, от разнообразия, количества и совершенства их продукции в значительной мере зависели успехи и в других областях хозяйственной деятельности. Орудия кузнецов начала железного века были очень просты и довольно однообразны [1]. Поэтому лучшим показателем степени совершенства кузнечного производства тех или иных племен является сама продукция.

К сожалению, качество и технология изготовления железных изделий доскифской эпохи, происходящих из Восточной Европы и соседних областей Кавказа, с применением металлографических и других анализов изучались еще мало [2]. В зарубежной литературе также можно отметить небольшое количество работ, в которых сообщается о результатах такого всестороннего изучения железных вещей старшей гальштатской эпохи из Центральной и Западной Европы [3]. В данной статье делается попытка в какой-то мере заполнить этот пробел на основе исследования 20 изделий доскифского периода, преимущественно VIII — первой половины VII в. до н. э., которые были в разное время получены нами из коллекций Киевского государственного исторического музея, Археологического музея ХГУ, Полтавского, Черкасского и Грозненского краеведческих музеев, Института археологии АН УССР и Казанского института языка, литературы и истории [4]. Это дало возможность получить довольно разнообразный и выразительный материал, позволяющий сделать уже некоторые общие выводы об уровне развития и некоторых особенностях техники обработки железа в древнейший период железного века на территории Восточной Европы.

---

[1] *R. Pleiner.* Staré evropské kovářstvi. Praha, 1962, s. 62, obr. 10; *Б. А. Шрамко.* Орудия скифской эпохи для обработки железа. СА, 1969, 3, стр. 53—70.

[2] *Ф. Н. Тавадзе, Т. Н. Сакварелидзе, Ц. Н. Абесадзе, Т. А. Двали.* Химическое, металлографическое и технологическое изучение железного оружия, найденного в Самтаврском могильнике. ВГМГ, т. XVIII-А, 1959, стр. 21—23; *Б. А. Шрамко, Л. Д. Фомин, Л. А. Солнцев.* Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии. СА, 1963, 4, стр. 49—51 (копье из с. Бутенки); *их же.* Новые исследования техники обработки железа в Скифии. СА, 1971, 4, стр. 148, 149 (меч VIII в. до н. э.); *Г. А. Вознесенская, Б. В. Техов.* Технология производства кузнечных изделий Тлийского могильника (X—VI вв. до н. э.). СА, 1973, 3, стр. 153—162.

[3] *J. Piaskowski, T. Rózycka.* Badania Technologii wyrobów zelaznych na ziemiach Polski w okresie halstatchim i wczesnolateńskim. KHKM, VII, 3, Warszawa, 1959, s. 379—401; *R. Pleiner.* Schmiedetechnik der Hallstattzeit im Lichte der Untersuchung des Hortfundes von Schlöben. AR, XX, 1. Praha, 1968, s. 33—42 (см. здесь обзор литературы).

[4] Авторы выражают благодарность А. И. Тереножкину, А. Х. Халикову, Л. Н. Романюк, Ж. Я. Зязиковой, а также администрации указанных музеев и институтов за предоставление нам необходимых для исследования вещей, и Р. Б. Степанской за подготовку микрошлифов и других материалов.

Как известно, население Восточной Европы впервые познакомилось с новым металлом в виде самородного железа еще в бронзовом веке, во второй четверти II тысячелетия до н. э. К этому времени относится листовидный наконечник копья из никелистого метеоритного железа, найденный в кургане Бичкин-Булук у г. Элисты [5]. Он представляет собой очень простое изделие, процесс изготовления которого ограничивался обыкновенной холодной ковкой металла, известной еще со времен энеолита. Редкое использование самородного железа метеоритного или теллурического происхождения, конечно, знакомило мастеров бронзового века с некоторыми свойствами нового металла, но еще не могло привести к выработке специальных технологических приемов обработки железа, которые существенно отличаются от приемов, применявшихся при изготовлении различных изделий из цветных металлов [6] и даже из кричного железа, добытого из руды. В частности, в отличие от последнего при нагреве и охлаждении на воздухе никелистого и безуглеродистого метеоритного железа образуются структуры мартенситного типа, старение которых спустя некоторое время после окончания ковки может привести к образованию трещин. Поэтому первоначальный опыт знакомства с железом не способствовал выработке приемов горячей ковки. Метеоритное железо лучше было ковать не в горячем, а в холодном состоянии, поскольку содержание никеля в нем колебалось в очень широких пределах. Если говорить об основных металлах, то основой технологии бронзового века было литье, а железного века — горячая ковка.

Развитие новой технологии началось лишь тогда, когда местные металлурги научились добывать железо из руды. Первые достоверные следы местной добычи железа из руд на территории Восточной Европы относятся, судя по известным сейчас материалам, к периоду от середины до конца II тысячелетия до н. э. Это подтверждается целым рядом находок железных сыродутных шлаков, руды и железных предметов в памятниках первого периода срубной культуры в бассейнах Дона и Донца, абашевской культуры Дона и Западного Урала, позднего предкавказского варианта катакомбной культуры, белогрудовской культуры Приднепровья и материалами XI—IX вв. до н. э. на поселении бондарихинской культуры [7]. Одной из последних находок является железный нож, обнаруженный в землянке срубной культуры на селище у с. Любовка в бассейне р. Мерлы на территории Харьковской области в 1974 г.

До рубежа IX и VIII вв. до н. э. у племен Восточной Европы шел процесс освоения технологии добычи и обработки железа. В связи с этим древнейшие железные изделия представлены рядом небольших и очень простых с точки зрения техники изготовления вещей в виде ножей, долотец, шильев и т. п. Однако как бы ни были просты по конфигурации и малы по размерам железные изделия этого начального этапа, получение их требовало уже освоения горячей ковки и кузнечной сварки, так как

---

[5] *Б. Н. Граков.* Старейшие находки железных вещей в Европейской части СССР. СА, 1958, 4, стр. 7, 8; *Б. А. Шрамко, Л. Д. Фомин, Л. А. Солнцев.* Первая находка изделий из метеоритного железа в Восточной Европе. СА, 1965, 4, стр. 199—204.

[6] *Б. А. Шрамко.* Появление и освоение железа в Восточной Европе. Сб. «Из истории борьбы КПСС за построение социализма и создание коммунистического общества в СССР», вып. IV. Харьков, 1965, стр. 219—227.

[7] *Б. Н. Граков.* Старейшие находки железных вещей в Европейской части территории СССР. СА, 1958, 4, стр. 3—9; *А. А. Иерусалимская.* О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА, 1958, 2, стр. 46; *А. И. Тереножкин.* Предскифский период на Днепровском Правобережье. Киев, 1961, стр. 117; *Д. Я. Телегин.* Дослідження поселень епохи бронзи на Дінці. АН УРСР, т. VI, Київ, 1956, стор. 81; *П. Д. Либеров.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 68—81; *Б. А. Шрамко.* Появление и освоение железа..., стр. 219, 227; *А. М. Лесков.* О северопричерноморском очаге металлообработки в эпоху бронзы. Сб. «Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР». Киев, 1967, стр. 176; *С. С. Бережанська, В. А. Ілінська.* Мар'янівсько-Бондархинська культура. «Археологія Української РСР», т. І. Київ, 1971, стор. 370, 371.

даже само получение железной заготовки из крицы представляет собой неизвестный бронзолитейщикам и весьма сложный процесс [8].

В VIII в. до н. э. у племен Восточной Европы происходит решительный перелом в развитии металлургии и металлообработки железа. Широкое освоение сыродутного способа добычи нового металла сочетается с освоением технологии его обработки. В результате наблюдается не только увеличение количества железных вещей, но они становятся более

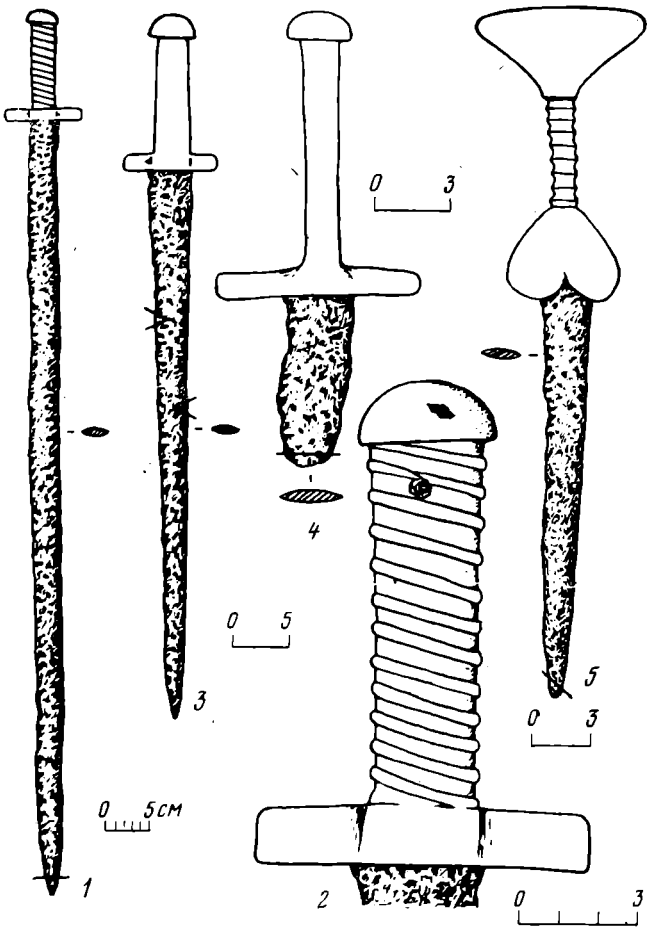


Рис. 1. Биметаллические мечи и кинжалы VIII—VII вв. до н. э.: *1, 2* — меч Субботовского городища, общий вид и рукоятка; *3* — меч из среднего Приднепровья; *4* — верхняя часть меча из с. Головятино; *5* — кинжал из с. Софиевка

крупными, разнообразными и совершенными. Для изучения этого процесса очень интересна группа, довольно широко распространенных в VIII—VII вв. до н. э. биметаллических мечей и кинжалов, имеющих бронзовые ручки и железные клинки [9].

Нам удалось исследовать всю коллекцию мечей и кинжалов этого типа из Киевского исторического музея, кинжал из Ахмыловского могильника

[8] *Б. А. Колчин, О. Ю. Круг.* Физическое моделирование сыродутного процесса производства железа. АИЕН, М., 1965, стр. 209.

[9] *А. А. Иессен.* К вопросу о памятниках VIII—VII вв. до н. э. на юге Европейской части СССР. СА, XVIII, 1953, стр. 76, рис. 16 и 17; *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 430, 434, 457; *А. И. Тереножкин.* Предскифский период..., стр. 137, рис. 91; *Е. К. Максимов.* Материалы из Хвалынского музея. СА, 1962, 3, стр. 288; *Н. В. Анфимов.* Кинжалы кабардинско-пятигорского типа из Прикубанья. МИА, 130, 1965; *А. Х. Халиков.* Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками из Волго-Камья. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 277, рис. 1, 1; *Vl. Podborsky.* Štramberska dýka s křižovym jilcem a otázka rozšiřeni, puvodu a datováni téchco dýk v Evrope. AR, XIX, 2, 1967, s. 194.

и любезно переданный нам для изучения меч, найденный А. И. Тереножкиным в 1971 г. на Субботовском городище [10]. Рассмотрим прежде всего хорошо сохранившийся меч из Среднего Приднепровья (КГИМ, № 3.704). Его длина 58 *см*, из которых 45,4 *см* приходится на двухлезвийный клинок (рис. 1, *3*). Уже при просвечивании меча рентгеновскими лучами [11] на снимках был замечен участок, показывающий, что клинок изготовлен из двух примерно равных полос путем кузнечной сварки внахлестку. Для уточнения этого наблюдения из участка, расположенного в средней части клинка, был вырезан образец, на котором исследовалась структура металла. Даже на макрошлифе хорошо виден сварной шов (рис. 2, *1*). Сварка выполнена удовлетворительно, хотя в отдельных местах наблюдаются крупные шлаковые включения вытянутой формы. Изучение микрошлифа показало, что структура в различных участках клинка неодинакова (рис. 3, *3*). Она изменяется от практически чисто ферритной до ферритно-перлитной с содержанием углерода около 0,3%. Видно, что для изготовления меча применялось первично неравномерно науглероженное кричное железо невысокого качества. Количество неметаллических включений в металле довольно большое. Микротвердость феррита 118—136 *кгс/мм*^{2}. Зерно неоднородное, размеры его колеблются от 4 до 7 баллов (здесь и далее микротвердость указана по ГОСТ 9450-60, а величина зерна — по ГОСТ 5639-65). Так как преобладают зерна некрупных размеров, можно полагать, что ковка производилась опытным кузнецом.

Важно было выяснить, каким образом древние мастера добивались прочного соединения бронзовых рукояток с железными клинками. Рентгенограмма в данном случае оказалась наиболее показательной. Снимок свидетельствует, что при изготовлении данного меча бронзовая рукоятка была прилита на железный черенок шириной около 11 *мм* без применения каких-либо особых приемов для уплотнения (рис. 4, *1*). Само соединение разнородных металлов было сделано со знанием дела и оказалось достаточно прочным. Древний ремесленник эмпирически установил и использовал тот факт, что сплавы меди, железо и сталь имеют различные коэффициенты линейного расширения (для меди он равен $16{,}5 \cdot 10^{-6}$, а для железа и стали $11{,}5 \div 12 \cdot 10^{-6}$). Поэтому при остывании металлов бронзовая рукоятка плотно охватывала стержень, образуя достаточно хорошее соединение за счет возникновения больших внутренних напряжений. Ориентировочные расчеты показывают, что сжимающие напряжения при таком соединении превышают 5 *кгс/мм*^{2}.

Хотя концы перекрестия меча уже его средней части, в данном случае обжимка бронзовой рукоятки нигде не производилась. Об этом свидетельствует то, что бронза рукоятки содержит большое количество рассеянных микропор правильной округлой формы как на поверхности, так и в глубине. После литья производилась только очистка и полировка рукоятки. Многочисленность раковин и пор дает основание предположить, что заливка производилась в малогазопроницаемую форму типа глиняной. На рентгенограмме хорошо видно место литка, расположенного у основания грибовидного навершия.

Меч из с. Головятино Черкасской обл. (КГИМ, № 27332, Б. 1789) очень похож на предыдущий, но сохранился хуже (рис. 1, *4*). Бронзовая рукоятка его немного тоньше, но и общий размер орудия был, видимо, меньшим, хотя точно установить это трудно из-за отсутствия значительной части клинка. Длина рукоятки 12 *см*.

[10] Вместе с мечом А. И. Тереножкин передал нам и небольшой кинжал, взятый у местных жителей. Предполагалось, что он такой же древний, как и меч. Однако когда на лезвии и рукоятке кинжала была взята проба на серу, то во всех случаях наблюдалась ярко выраженная ликвация ее в таком большом количестве, которая в древних металлах не наблюдается. Коррозия железа незначительна. Все это указывает на то, что кинжал является современным изделием.

[11] Использовалась установка РУП-120-5-1, напряжение 85—95 *кв*, сила тока 3—3,5 *ма*, экспозиция 2—3 мин., пленка РТ-1.

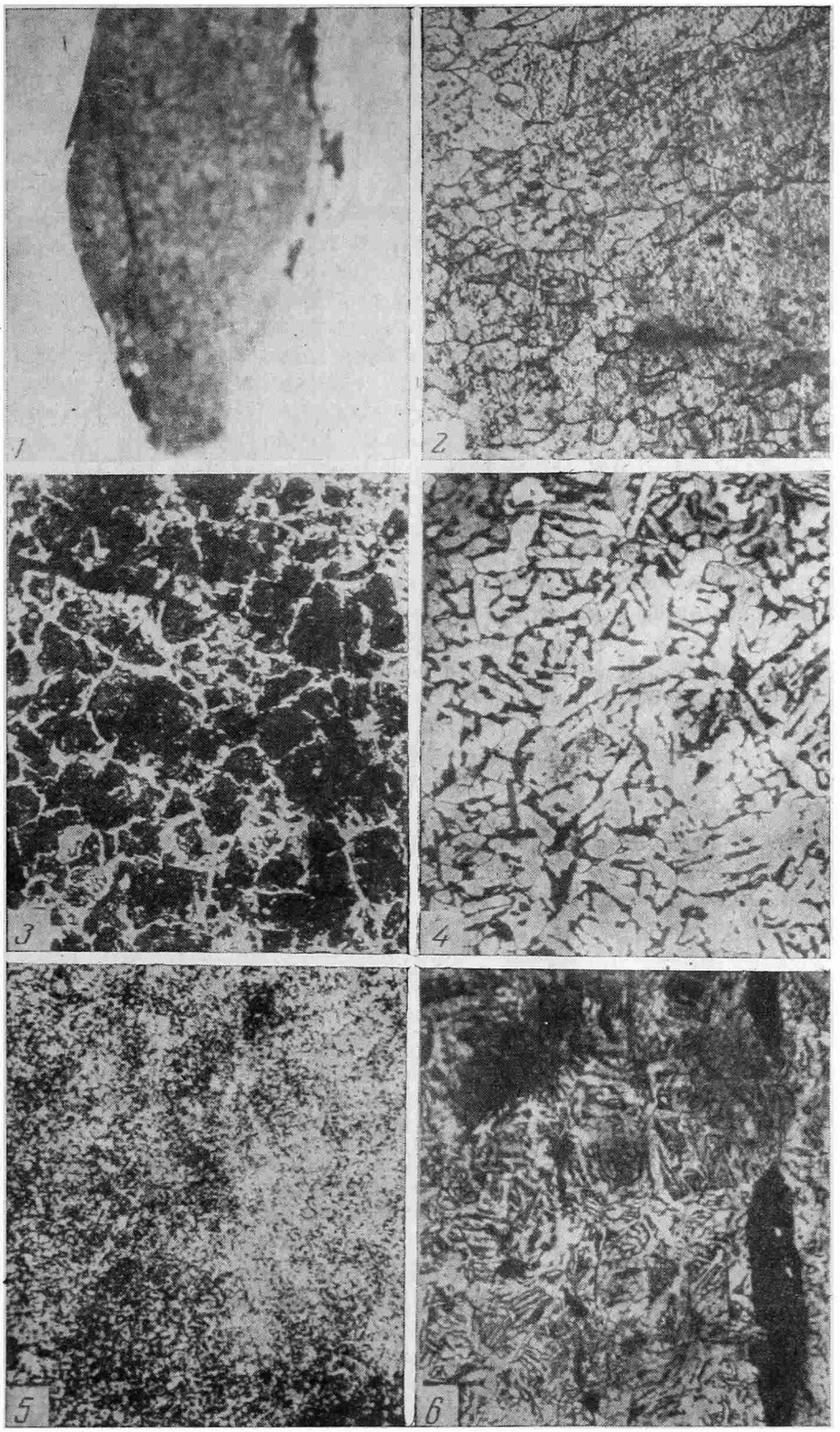


Рис. 2. Макрошлиф (*1*) и микрошлифы (*2—6*) изделий VIII—VII вв. до н. э.: *1* — меч из Среднего Приднепровья (×3); *2* — меч из с. Головятино; *3* — меч из Субботовского городища; *4* — кинжал из Софиевки; *5* — кинжальный клинок из В. Бишкиня; *6* — серп из Сержень-Юрта. *1, 2, 4, 5* — увел. 120, *3*—200

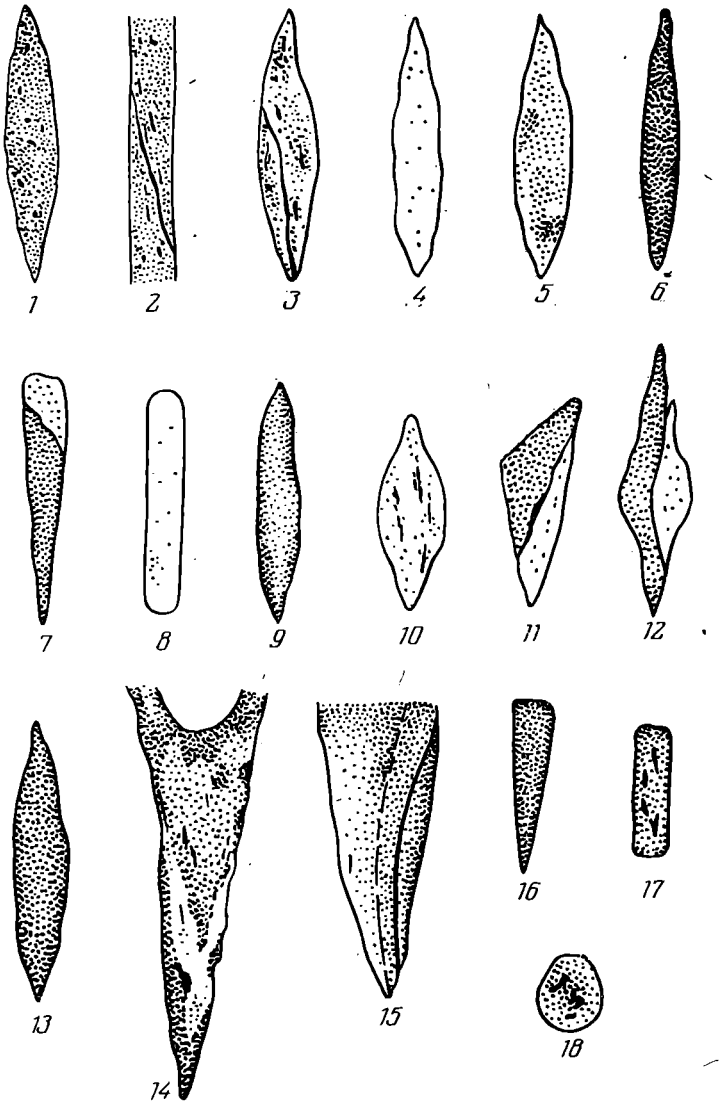


Рис. 3. Технологические схемы различных изделий VIII—VII вв. до н. э.: *1—2* — меч Субботовского городища; *3* — меч из Среднего Приднепровья; *4* — меч из с. Головятино; *5* — кинжал из Софиевки; *6* — клинок из с. В. Бишкинь; *7* — серп из поселения Сержень-Юрт; *8* — рукояточная часть обломка меча из Ахмыловского могильника; *9* — лезвие того же меча; *10* — кинжал из Полянского могильника; *11* — мотыжка из Ахмыловского могильника; *12* — копье из Полянского могильника; *13* — копье из Ахмыловского могильника; *14—15* — топоры из Ахмыловского могильника; *16* — нож из Ахмыловского могильника; *17—18* — псалий и обломок удил из Ахмыловского могильника

При исследовании этого меча было также применено просвечивание рентгеном. Однако, несмотря на использование разных режимов просвечивания, долго не удавалось получить ясную картину соединения рукоятки со стержнем. Вероятно, это связано с химическим составом металла рукоятки (Cu 95,8%, Sn 1,26%, Pb 0,18%), создающим почти одинаковое с железом поглощение лучей. Только применение особоконтрастных проявителей и бумаги позволило усилить резкость изображения и получить сравнительно выразительный отпечаток (рис. 4, *2*). Для уточнения устройства рукоятки в данном случае применялось еще сверление ее тонким сверлом. На конце обломка лезвия был взят образец для шлифа.

Выяснилось, что собственно рукоятка представляет собой отливку в виде бронзовой трубки толщиной 1,5—2 *мм*, которая охватывает железный черенок. Последний немного расширяется в верхней части, в то вре-

мя как у меча из Среднего Приднепровья черенок более широкий и в верхней части закругляется. Видимо, мастер, делавший меч из Головятино, стремился увеличить прочность соединения за счет расширения верхней части узкого черенка. Металлографический анализ показал, что лезвие этого меча имеет чисто ферритную структуру со сравнительно небольшим количеством шлаковых включений (рис. 2, *2*). Микротвердость феррита 100—130 *кгс/мм*². Зерно очень разнородное. Величина его колеблется от 1 до 7 баллов. Все это указывает на то, что завершающая ковка меча производилась с малой степенью деформации. Изготовлен он из обыкновенного кричного железа невысокого качества, что привело к изгибу, а затем и поломке лезвия (рис. 3, *4*).

Интересным образцом мечей рассматриваемого типа является меч, найденный в 1971 г. на Субботовском городище (рис. 1, *1*). Общая длина меча 108,5 *см*. Из них на рукоятку приходится 13,5 *см*. Как и в предыдущих случаях, была сделана рентгенограмма меча, затем от конца клинка отрезан образец для микроструктурного анализа, в ряде мест сделаны зачистки, чтобы можно было измерить твердость металла, на бронзовой рукоятке просверлено три отверстия, а навершие было зашлифовано и протравлено для выявления технологических деталей.

В результате изучения рентгеновских снимков и микроструктуры металла установлено, что обоюдоострый клинок субботовского меча стальной (рис. 3, *1*) и сделан при помощи кузнечной сварки (рис. 3, *2*) внахлестку концов двух полос. Сварная часть расположена на расстоянии 46 *см* от рукоятки. Микрошлиф показал, что сталь клинка содержит 0,4—0,6% углерода. По краям лезвия наблюдается обезуглероживание, получившееся в процессе ковки. Структура клинка феррито-перлитная видманштеттового характера (рис. 2, *3*). Металл прокован не очень хорошо, и местами в нем содержатся даже крупные шлаковые включения. Зерно неоднородное по величине, крупных и средних размеров. Балл его колеблется от 4 до 7 единиц. Твердость металла равна 180 HRB, а микротвердость 160—200 *кгс/мм*².

Таким образом, оказалось, что древний мастер не располагал достаточно большими заготовками для изготовления очень длинного монолитного клинка и вынужден был соединить при помощи кузнечной сварки концы двух полос стали. Сварка произведена внахлестку на протяжении 35—45 *мм*. Качество сварки хорошее, но общая проковка оставляет желать лучшего.

Монолитная на первый взгляд бронзовая рукоятка меча оказалась пустотелой и сделанной по довольно сложной технологии. На рентгенограмме (рис. 4, *3*) хорошо видно, что эта рукоятка в средней части имеет вид трубки со стенками толщиной около 5 *мм* и для увеличения прочности снабжена ребрами жесткости, образующими снаружи спиральный орнамент. Трубчатая часть ручки не соприкасается с оттянутым стержнем стального черенка. Последний постепенно расширяется к верхней части и заканчивается утолщением. Прочность скрепления бронзовой рукоятки со стальной частью меча обеспечивается соединением их на двух участках — у перекрестия и у грибовидного навершия. Кроме того, в данном случае после литья нижняя часть рукоятки, образующая перекрестие, была еще слегка обжата. Все это обеспечивало достаточную жесткость соединения клинка с рукояткой при небольшом весе последней благодаря ее пустотелости.

Исследования позволяют восстановить и технологию литья (рис. 5). Ручка, несомненно, отливалась по индивидуальной модели, сделанной из воска или иного выплавляемого материала. Вначале почти весь стальной стержень черенка покрывался формовочной глиной. На ней из воска лепилась модель цилиндрической части рукоятки с ребрами жесткости и перекрестие. В верхней торцевой части цилиндра делались два восковых выступа для соединения с навершием. После этого основная часть во-

сковой модели, кроме указанных выступов, вновь покрывалась глиной, образующей внешнюю рубашку литейной формы. С торцевой части на соединительные выступы накладывалась восковая модель грибовидного навершия толщиной 3,5 *мм*, соединявшаяся с верхней частью стержня стального черенка. Наконец, и торцевая часть покрывалась полностью глиной. После выплавки восковой модели и просушки формы производилась заливка металла. Литник был расположен на цилиндрической части вблизи навершия, а на самом грибовидном навершии имелся выпор для выхода газов. Отливалась рукоятка при горизонтальном или слегка наклонном положении меча. Затем литейная форма разламывалась, а находящаяся внутри отливки формовочная глина удалялась через отверстия между навершием и цилиндрической частью рукоятки. Литник и выпор отламывались и места их расположения зашлифовывались. При этом был допущен небольшой брак. При удалении выпора в навершии образовалось отверстие. Этот дефект был устранен путем вставления заклепки из свернутого в трубку кусочка бронзы.

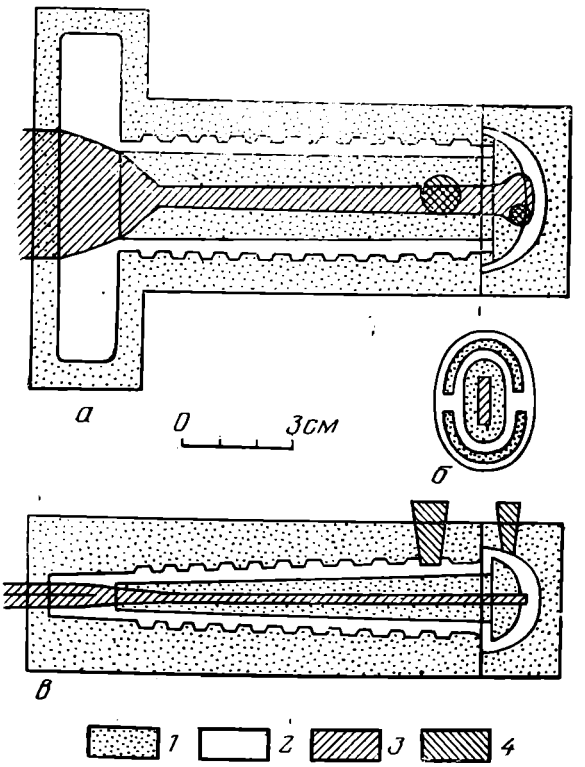


Рис. 5. Технологическая схема литья ручки меча из Субботовского городища: *а* — вид сверху, *б* — разрез у основания навершия, *в* — вид сбоку; *1* — литейная форма, *2* — бронзовая рукоятка, *3* — черенок клинка, *4* — литник и выпор

В целом меч Субботовского городища представляет собой один из лучших образцов биметаллических изделий киммерийской эпохи. Ни один из мечей этого типа не имеет такого большого клинка, выкованного к тому же не из железа, а из стали. Стремление к облегчению бронзовой рукоятки наблюдается и на некоторых других мечах и кинжалах, например найденных в Березовке [12] или Штрамберке [13]. Но в этих ажурных рукоятках, дополнявшихся иногда вставками из дерева или кости, клинок закреплялся менее надежно, так как был зажат только у перекрестия.

Кинжал из Софиевки (КГИМ, № Б. 1030) отличается от рассмотренных выше биметаллических изделий не только по форме (рис. 1, *5*), но и по технике изготовления, что позволяет предполагать происхождение его из совершенно иного производственного центра. На рентгеновских снимках видно, что бронзовая рукоятка монолитна и отливка плотно охватывает весь железный черенок (рис. 4, *4*). Последний оттянут в виде тонкого стержня, не имеющего расширения в верхней части. Судя по конфигурации ручки и отсутствию литейных швов, эта деталь отлита в глиняной форме, сделанной по восковой модели. Просвечивание рентгеновскими лучами показало также, что в бронзе верхней части рукоятки рядом с черенком расположена большая раковина. По-видимому, рукоятка была прилита к стержню, верхний конец которого уже успел остыть и захолодил бронзу. В связи с уменьшением жидкотекучести последней

[12] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа, табл. XII, *1*.
[13] *Vl. Podborsky.* Štramberska dýka..., s. 209.

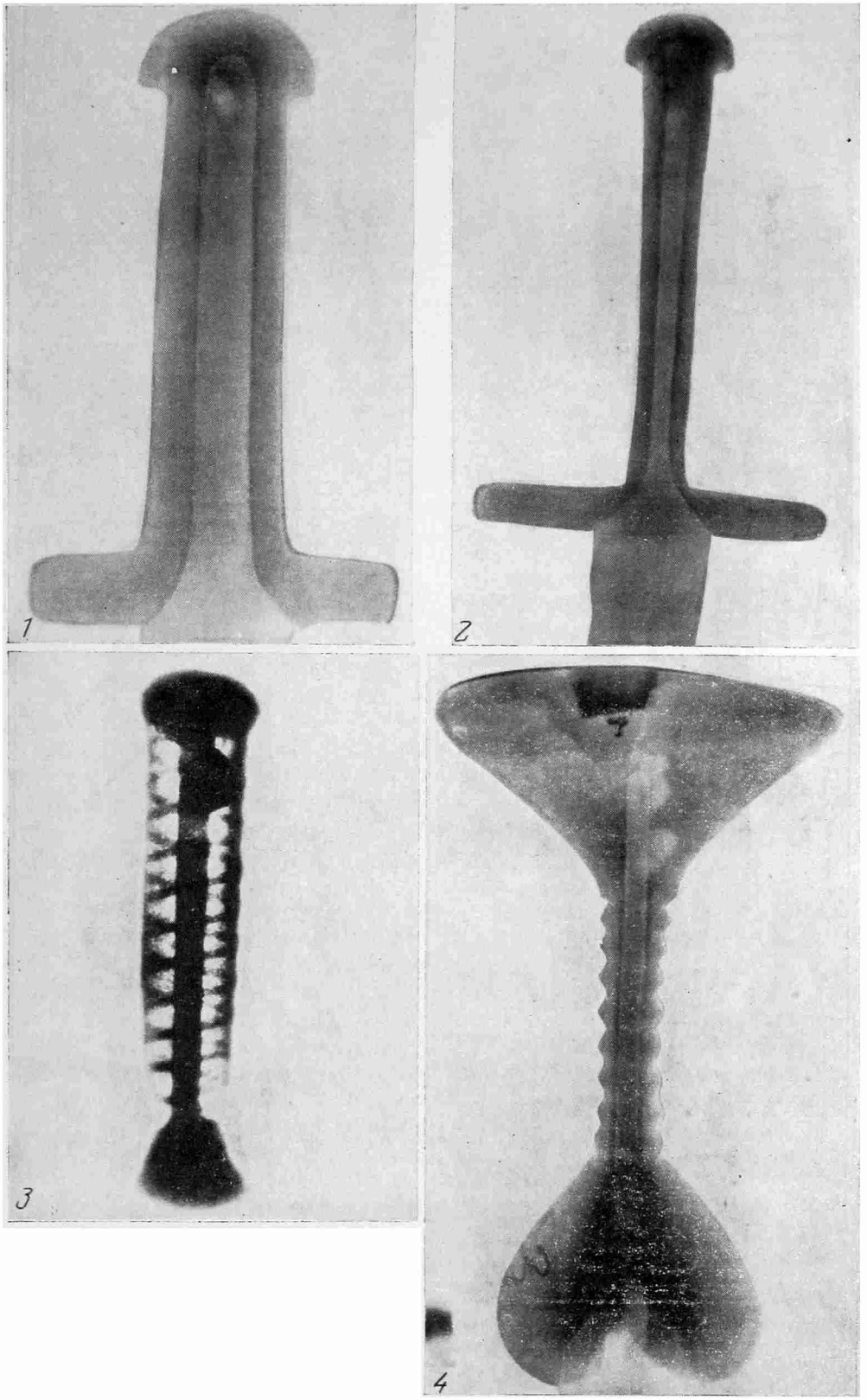


Рис. 4. Рентгенограммы рукояток биметаллических мечей и кинжала: *1* — меч из Среднего Приднепровья; *2* — меч из с. Головятино; *3* — меч из Субботовского городища; *4* — кинжал из Софиевки

и образовалась раковина. Крупный дефект литья имеется и в нижней части рукоятки, где бронза не полностью заполнила литейную форму. Поэтому перекрестие на одной стороне получилось незавершенным. В бронзовой рукоятке наблюдается большое количество мелких пор, которые сосредоточены преимущественно в средней (ребристой) части рукоятки, в навершии и у краев перекрестия. В средней части перекрестия металл уплотнен. Видимо, мастер не был уверен в прочном соединении отливки с клинком и перекрестие в средней части было подвергнуто обжиму при помощи ковки. Последняя производилась сразу же после литья, когда металл был еще горячим, так как поры в местах интенсивной проковки заварились.

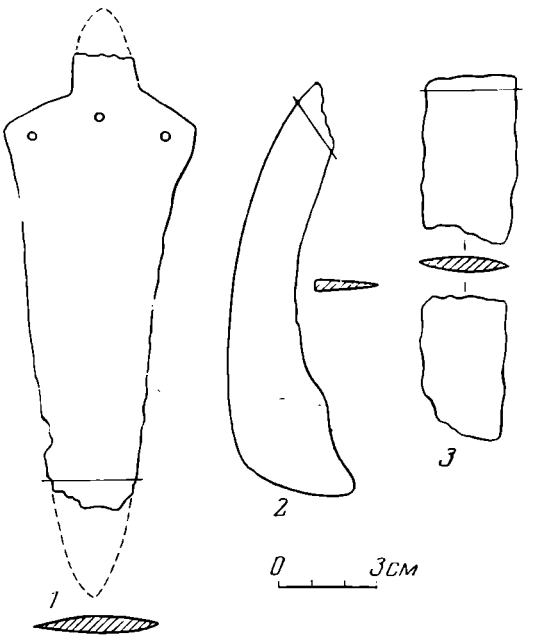


Рис. 6. Железные изделия VIII—VII вв. до н. э.: *1* — кинжальный клинок из с. В. Бишкинь; *2* — серп из Сержень-Юрта; *3* — обломки меча из погребения у с. Носачево

Металлографическое исследование клинка показало, что он выкован из стали, содержащей от 0,2 до 0,5% углерода (рис. 2, *4*; 3, *5*). Величина зерна колеблется от 5 до 7 баллов. Микротвердость структуры составляет 160—180 *кгс/мм*^{2}. Шлаковых включений сравнительно мало, они небольшие, вытянутой формы.

Если мастер, изготовивший этот кинжал, был не очень квалифицированным литейщиком, то кузнецом он был несомненно хорошим. Учитывая, что лезвие меча имеет довольно мелкое и однородное зерно, можно предположить, что ковка оканчивалась при температуре 900—950° С. Следовательно, заготовка должна была нагреваться перед ковкой примерно до температуры 1100—1150°. Все это указывает на то, что у местных мастеров уже в VIII—VII вв. до н. э. были кузницы с хорошими горнами, имевшими меха для дутья воздуха. Это обеспечивало достаточно высокий нагрев заготовок.

Весьма интересна и такая редкая для территории лесостепной Украины находка, как железный кинжальный клинок (рис. 6, *1*), найденный случайно школьниками в окрестностях с. Верхний Бишкинь в Харьковской обл. Верх черенка и кончик лезвия обломаны, но сохранившаяся часть оружия дает о нем достаточно хорошее представление. Бронзовые экземпляры кинжальных клинков этого типа известны еще в XV—XIV вв. до н. э.[14] Железные клинки наряду с бронзовыми встречаются в кобанской культуре XI—VIII вв. до н. э. на Северном Кавказе и в памятниках Центрального Кавказа[15]. В частности, железные кинжальные клинки IX—VIII вв. до н. э. с таким же треугольным лезвием и тремя отверстиями, как у нашего экземпляра, известны в Самтаврском могильнике[16]. Кинжал из Верхнего Бишкиня скорее всего привезен откуда-то с Кавказа, и его следует датировать VIII в. до н. э.[17]

[14] *А. М. Лесков.* О северопричерноморском очаге металлообработки..., стр. 170.

[15] *Б. В. Техов.* Раскопки Тлийского могильника в 1960 году. СА, 1963, 1, стр. 168.

[16] *Р. М. Абрамишвили.* К вопросу о датировке памятников эпохи поздней бронзы и широкого освоения железа, обнаруженных на Самтаврском могильнике. ВГМГ, т. XIX-А и XXI-В, 1957, стр. 139, 140.

[17] Позднекобанские лезвия VII—VI вв. до н. э. уже отличаются от нашего по форме и размерам. См. *Г. А. Вознесенская, Б. В. Техов.* Ук. соч., стр. 156, рис. 1, *15—19*.

Для металлографического исследования от лезвия был отрезан образец, из которого приготовлены макро- и микрошлиф. Структура лезвия (рис. 2, *5*) в сечении различна. В средней утолщенной части клинка наблюдается сфероидизированный перлит с очень малым количеством феррита. У поверхности виден обезуглероженный слой и сетка феррита видманштеттового характера. Шлаковых включений мало. Зерно по всему сечению мелкое, размером 5—6 баллов. Микротвердость 230—250 *кгс/мм*^{2}. Указанные данные свидетельствуют о том, что кинжальный клинок из Верхнего Бишкиня выкован из стали, содержащей 0,6—0,7% углерода. Ковка произведена удовлетворительно опытным кузнецом (рис. 3, *6*).

Очевидно, к VIII — началу VII в. до н. э. относится и серп (рис. 6, *2*), найденный в 1960 г. на Северном Кавказе на поселении Сержень-Юрт [18]. Шлиф, сделанный на поперечном разрезе, показал, что металл серпа имеет весьма неоднородную структуру с резкой разницей в смежных областях. На микрошлифе (рис. 2, *6*) видно большое количество вытянутых шлаковых включений, которые отделяют одну область структуры от другой. По всему сечению структура перлито-ферритная, но с различным содержанием углерода (от 0,3 до 0,6%). Величина зерна колеблется в пределах 5—7 баллов. Микротвердость 160—220 *кгс/мм*^{2}. В некоторых местах наблюдается видманштет, свидетельствующий о перегреве металла при ковке. Таким образом, исследование показывает, что серп сделан с применением кузнечной сварки. К малоуглеродистой, практически железной основе серпа, содержащей до 0,3% углерода, было приварено лезвие из высокоуглеродистой стали, имеющей 0,6% углерода (рис. 3, *7*). Это обеспечивало хорошие рабочие качества серпа.

Интересно, что позже, в скифское время, такая традиция изготовления серпов продолжалась. Часть серпов, как показали наши металлографические исследования, также делались при помощи наварки стального лезвия на железную основу. Данная технология вполне целесообразна для тонких, но длинных лезвий серпов, которые, судя по археологическим находкам, довольно часто ломались. В сварной конструкции железный обух придавал изделию достаточную вязкость и уменьшал вероятность перелома, а стальная наварка позволяла получать достаточно твердое лезвие.

Большая серия железных вещей была любезно передана нам для исследования А. Х. Халиковым. Эти вещи (рис. 7) происходят из средневолжского Старшего Ахмыловского могильника (VIII—VI вв. до н. э.) [19], который относится к одному из вариантов ананьинской культуры. В этой коллекции, пожалуй, особенно интересны три кинжала, которые, несомненно, принадлежат к числу изделий, характеризующих наиболее ранний этап обработки железа.

От одного кинжала или меча (А-63-1135) сохранилось три обломка, один из которых относится к рукоятке с небольшим навершием, но без перекрестия, а два других — к обоюдоострому лезвию (рис. 7, *2*). Судя по сохранившимся частям, в данном случае мы имеем дело с остатками оружия того типа, который хорошо известен по находке целого экземпляра в Симферопольском кургане VIII—VII вв. до н. э.[20] От двух обломков удалось взять образцы для получения шлифов, а третий оказался полностью прокорродированным. Микроструктура шлифа, вырезанного вблизи рукоятки (рис. 8, *1*; 3, *8*), состоит из феррита с третичным свободным цементитом. Содержание углерода здесь менее 0,1%. Микро-

---

[18] *Н. Я. Мерперт.* Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 году. КСИА АН СССР, 88, 1962, стр. 42.

[19] *А. Х. Халиков.* Очерки истории населения марийского края в эпоху железа. Казань, 1962; *В. С. Патрушев, А. Х. Халиков.* Ахмыловский археологический комплекс. АО — 1966, М., 1967, стр. 94.

[20] *А. А. Щепинский.* Погребение начала железного века у Симферополя. КСИА АН УССР, 12, 1962, стр. 58, рис. 2, *1*.

структура образца, вырезанного из нижней части лезвия (рис. 8, *2*; 3, *9*), неоднородна. Одни участки почти чисто ферритные с зерном, имеющим балл 5. На других участках наблюдается феррито-перлитная структура с преобладанием перлита. Величина зерна колеблется от 4 до 6 баллов. Содержание углерода на этих участках 0,4—0,5%. Микротвердость феррито-перлитных участков 150—175 *кгс/мм*^{2}. Во всех образцах наблю-

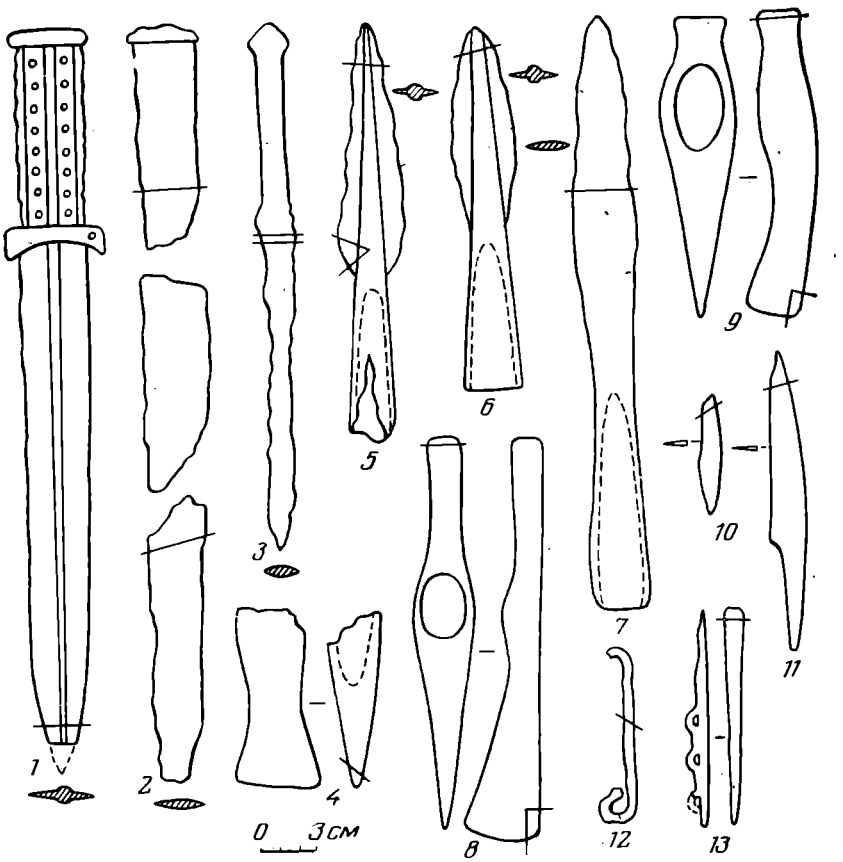


Рис. 7. *1* — биметаллический кинжал; *2* — обломки меча; *3* — кинжал; *4* — мотыжка; *5—7* — копья; *8—9* — топоры; *10—11* — ножи; *12* — обломок удил; *13* — псалий. *3, 5* — Полянский могильник. Остальные — Старший Ахмыловский могильник

дается большое количество шлаковых включений. Все это говорит о том, что данное оружие представляет собой весьма простое изделие, сделанное из очень неравномерно науглероженного металла невысокого качества. Стальная часть лезвия, возможно, получена путем цементации.

Второй кинжал (А-62-951), внешне хорошей сохранности (рис. 7, *1*), оказался в значительной степени коррозированным. Этот кинжал из Старшего Ахмыловского могильника, по классификации А. Х. Халикова, относится ко второму подтипу второго типа биметаллических кинжалов и датируется VII в. до н. э.[21] Плохая сохранность клинка не позволила вырезать образец для шлифа. Пришлось ограничиться визуальным исследованием и рентгенограммой (рис. 9, *1*). Оказалось, что кинжал был изготовлен по очень своеобразной технологии. Из железа был выкован клинок, снабженный вдоль осевой линии ребром жесткости, что может указывать на мягкость использованного материала. Рукояточная часть клинка была разрублена в двух местах. К этой железной основе была прилита бронзовая часть рукоятки, образующая две полосы собственно

[21] *А. Х. Халиков.* Железные кинжалы..., стр. 280, рис. 1, *6*.

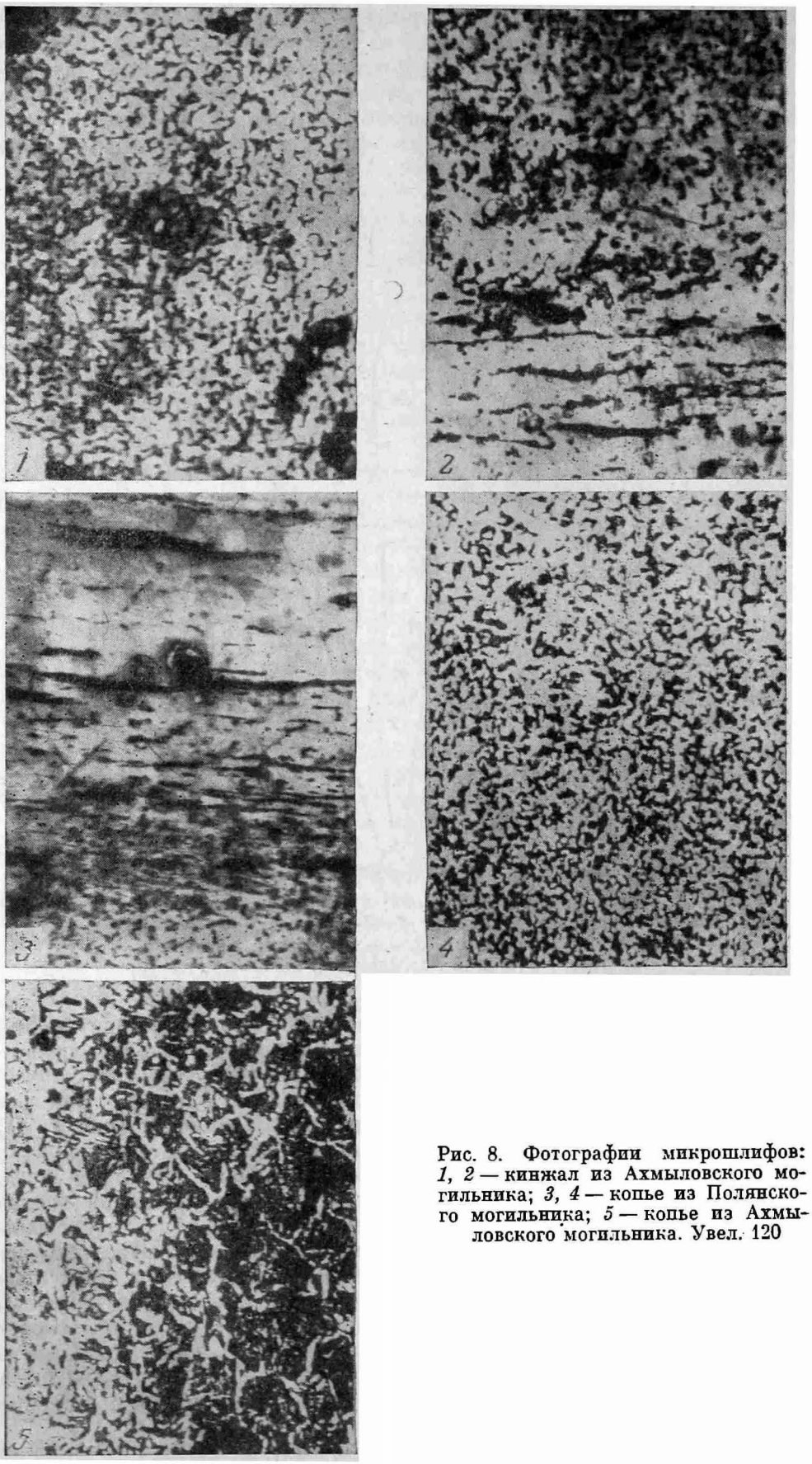
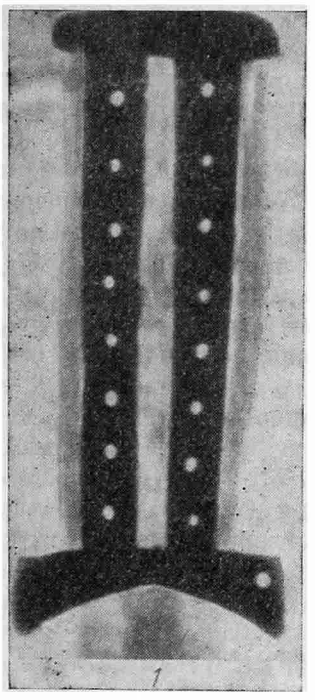


Рис. 8. Фотографии микрошлифов: *1, 2* — кинжал из Ахмыловского могильника; *3, 4* — копье из Полянского могильника; *5* — копье из Ахмыловского могильника. Увел. 120

ручки с орнаментом в виде кружочков, а также перекрестие и навершие. Литье производилось по восковой модели. Для окончательного закрепления рукоятки после отливки края перекрестия были сжаты с боков.

К этой же группе поволжских кинжалов относится и третий экземпляр (Пол. 62-6), происходящий из II Полянского могильника. Хотя лез-



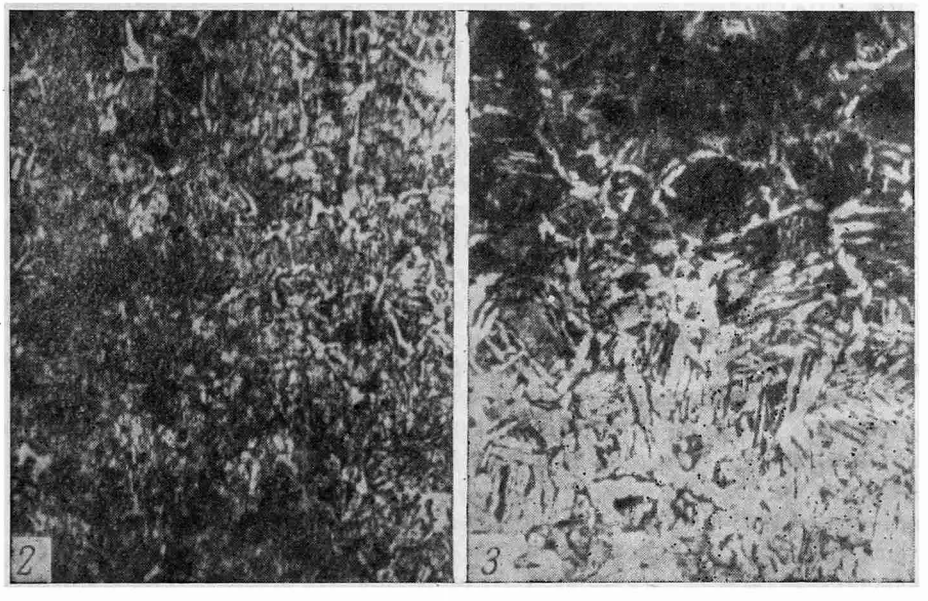


Рис. 9. Рентгенограмма меча (*1*) и фотографии микрошлифов топоров (*2, 3*) из Старшего Ахмыловского могильника. Увел. 120

вие и перекрестие его повреждены (рис. 7, *3*), но грибовидное навершие и цилиндрическая рукоятка указывают на генетическую связь этого цельножелезного кинжала с биметаллическими, типа того, что найден у с. Головятино. По времени он также должен быть близок к поздним образцам

кинжалов, которые А. Х. Халиков относит к первому типу [22]. Микроисследование шлифа, взятого в верхней части лезвия, показало, что металл имеет феррито-перлитную структуру со следами полосчатости. Микротвердость феррита невысока и равна 160—165 *кгс/мм*². Зерно имеет размер 4—7 баллов. Количество углерода 0,1—0,2%. В металле много шлаковых включений различной величины. Таким образом, кинжал изготовлен из простого кричного железа с заметно выраженной первичной неоднородностью (рис. 3, *10*).

Из Второго Полянского и Старшего Ахмыловского могильников VIII—VI вв. до н. э. происходят и три полученные нами для исследования наконечника копий (рис. 7, *5—7*), но один из этих наконечников (рис. 7, *6*, А.63-1236) был настолько изъеден ржавчиной, что его нельзя было изучать при помощи металлографического анализа. Очень интересным оказался наконечник копья из Второго Полянского могильника (Пол. 62-5), имеющий весьма архаичную форму (рис. 7, *5*). Через все лезвие наконечника этого копья проходит хорошо выраженное ребро жесткости. Для изучения макро- и микроструктур от кончика лезвия и верхней и средней части наконечника копья было вырезано два образца. На полученных двух шлифах отчетливо видны сварные швы с большим количеством вытянутых шлаковых включений. Сварены были две полосы. Одна из них имеет структуру феррита с зерном величиной 4—5 баллов (рис. 8, *3*). Микротвердость его 120—150 *кгс/мм*². Другая полоса имеет феррито-перлитную структуру (рис. 8, *4*), соответствующую стали, которая содержит около 0,4% углерода. Зерно мелкое, имеющее балл 7—8. Микротвердость 200 *кгс/мм*². Технологию изготовления этого копья можно представить следующим образом: из железа невысокого качества была сделана заготовка, часть которой расплющена и на оправке согнута во втулку. Затем на тот конец заготовки, который образует лезвие, была кузнечным способом приварена стальная полоса и произведена окончательная формовка наконечника (рис. 3, *12*). Такая рациональная сварка позволила получить наконечник копья очень высокого качества, с твердыми режущими краями и достаточно вязкой основой.

Другой наконечник копья (А.63-1574), происходящий из Старшего Ахмыловского могильника (рис. 7, *7*), сделан проще, но из хорошего материала. Образец, вырезанный из средней части копья, дал микрошлиф с однородной по всему сечению структурой перлита с сеткой феррита (рис. 8, *5*). Величина зерна колеблется от 5 до 7 баллов. Микротвердость перлита равна 280 *кгс/мм*². Таким образом, этот наконечник выкован из высокоуглеродистой стали, имеющей 0,6—0,7% углерода. Лишь поверхностный слой слегка обезуглерожен при ковке. Шлаковых включений сравнительно немного. Это высококачественное изделие из однородной твердой стали (рис. 3, *13*).

Здесь же следует отметить, что аналогичным оказался и наконечник копья VIII—VII вв. до н. э. из погребения у с. Бутенки Полтавской обл., который был исследован нами ранее [23]. Бутенковский наконечник копья также цельностальной, выкованный из хорошей стали, содержащей 0,5—0,6% углерода.

Интересные наблюдения удалось получить и при изучении двух топоров из Старшего Ахмыловского могильника. При исследовании этих орудий рассматривались их макроструктуры на обухе и на передней стороне, а также были вырезаны из лезвия образцы для микрошлифов. При этом никаких следов применения сварки при изготовлении проушин у этих топоров не обнаружено. Очевидно, каждый из них выкован из монолитной заготовки. Вес одного топора 320, а другого — 387 *г*.

---

[22] *А. Х. Халиков.* Железные кинжалы..., стр. 276.

[23] *Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фомин.* Технология обработки железа в лесостепной и степной Скифии. СА, 1963, 4, стр. 49—51.

Для первого топора (А.62-977) кроме макрошлифов было сделано два микрошлифа: первый непосредственно на торце обуха, а второй на образце, вырезанном из лезвия (рис. 7, *8*). В первом случае структура выглядела в разных местах различно. В центре она ферритная с отдельными участками сфероидизированного цемента. Остальная часть сечения имеет перлито-ферритную структуру, соответствующую стали, содержащей 0,4—0,5% углерода. Зерно по всему сечению мелкое, соответствующее 6—7 баллам (рис. 9, *2*). Во втором шлифе структура оказалась еще более разнообразной: от перлито-цементитной с содержанием углерода около 1,2% до феррито-перлитной с содержанием углерода около 0,2%. Соответственно менялся и балл зерна — от 2—3 в малоуглеродистой зоне до 7 в высокоуглеродистой. Твердость колеблется в пределах 106—162 НВ. Микротвердость ферритных и перлитных участков колеблется соответственно от 130—140 до 260—270 *кгс/мм*^{2}. Таким образом, металл топора представляет собой сталь хорошего качества, подвергавшуюся тщательной проковке, которая, однако, не была столь длительной, чтобы придать всему изделию однородную структуру. Для изготовления топора требовалась массивная заготовка, которой кузнец, очевидно, не располагал и поэтому вынужден был прибегнуть к пакетованию, создавшему указанную неоднородность (рис. 3, *14*).

У второго топора (А.62-1047) образец для микрошлифа был вырезан из лезвия (рис. 7, *9*). Кроме того, на торце обуха и на передней стенке лезвия были сделаны макрошлифы. Как при макроисследовании передней плоскости топора, так и на микрошлифе обнаружилась неоднородная структура (рис. 3, *15*), в которой перлито-ферритные участки, содержащие 0,5% углерода, чередуются с феррито-перлитными участками, имеющими около 0,3% углерода (рис. 9, *3*). Величина зерна колеблется от 2 до 8 баллов. В некоторых местах видны полоски вытянутых шлаковых включений. Микротвердость перлито-ферритных полос соответствует 225 *кгс/мм*^{2}, а феррито-перлитных — 130 *кгс/мм*^{2}. Твердость топора на лезвии колеблется от 178 до 170 НВ.

Все сказанное свидетельствует о том, что оба топора сделаны по одинаковой технологии. Они выкованы из пакетованных заготовок, сваренных из полос первично неравномерно науглероженной кричной стали. Первый топор подвергался более длительной ковке, и сварка здесь получилась более высококачественной. Заготовка для второго топора прокована при пакетовании менее тщательно, и на шлифах сварные швы местами хорошо заметны. Отверстия для рукояток у обоих топоров изготавливались путем прошивки (пробивки) их в горячем состоянии.

В некоторых случаях при изготовлении топоров VIII—VII вв. до н. э. уже применялась цементация. С применением цементации были сделаны два топора из могильника Верхняя Рутха на Северном Кавказе [24].

Псалий от уздечки (рис. 7, *13*; 3, *17*) и звено удил (рис. 7, *12*; 3, *18*) из Ахмыловского могильника имеют однородную перлито-ферритную структуру среднеуглеродистой стали, содержащей 0,4—0,5% углерода. Псалии, имевшие первоначально три отверстия (петля, образующая одно из них, обломана), подвергались более длительной ковке, в результате которой поверхность металла обезуглероделась. Отверстия псалий пробиты пробойником на выступах, которые предварительно сформированы ковкой. Поэтому противоположная сторона псалий гладкая. Микротвердость структур обоих предметов 190—200 *кгс/мм*^{2}. Структуры этих изделий настолько сходны, что можно предположить изготовление их из стали, взятой от одной заготовки.

Исследование одного из ножей Ахмыловского могильника (рис. 7, *11*; 3, *16*) показало, что он имеет однородную перлито-ферритную структуру

[24] *А. П. Васильева, Д. М. Нахимов.* Исследование древних металлических изделий. Сб. «Структура и прочность металлов и сплавов», № 5. М., 1953, стр. 29.

с небольшим обезуглероженным слоем на поверхности. Зерно по всему сечению мелкое, соответствующее 6 и 7 баллам. Таким образом, нож цельностальной и выкован из высокоуглеродистой стали, содержащей 0,6—0,7% углерода. Проковка выполнена тщательно. Количество шлаков незначительное. Второй нож из этого могильника имел сквозную коррозию, не позволявшую произвести металлографические исследования.

Наконец, из коллекции вещей Ахмыловского могильника происходит орудие типа мотыжки с вертикальной втулкой (рис. 7, *4*). Макроструктурное исследование боковой стороны мотыжки показало наличие сварного шва, по которому произошло частичное расслоение металла. Микрошлиф позволил установить, что основная часть мотыжки выкована из среднеуглеродистой стали, содержащей 0,3—0,4% углерода. Эта перлито-ферритная часть имеет мелкое зерно (балл 6—7) и микротвердость 280 *кгс/мм*^{2}. К данной основе приварено лезвие со структурой крупнозернистого феррита (балл 3), представляющее собой практически простое кричное железо. Микротвердость железной части около 150 *кгс/мм*^{2}. Кузнечная сварка выполнена не очень тщательно, и по месту сварки наблюдаются сплошные шлаковые включения. Такую сварку вообще нельзя считать целесообразной, так как она не улучшала рабочие качества орудия (рис. 3, *11*). Вряд ли такая операция была преднамеренно сделана при изготовлении мотыжки. По-видимому, это результат ремонта изношенного орудия неопытным кузнецом, который плохо различал виды металла или не имел под руками достаточно твердой стали.

Таким образом, металлографические исследования ранних железных изделий доскифского периода VIII—VII вв. до н. э., который условно можно назвать киммерийским, показывает, что к этому времени уже закончился длительный период первичного освоения железа. Металлурги этого времени уже умели получать металл различного качества — от простого кричного железа до высокоуглеродистой стали. Однако преобладают все же изделия из железа, в том числе первично неравномерно науглероженного. Простое железо встретилось в девяти образцах. Второе место занимает твердая высокоуглеродистая сталь, содержащая 0,6—0,7% углерода. Она зафиксирована в шести образцах. Немало изделий изготавливалось из стали средней твердости, содержащей 0,3—0,5% углерода. Такая сталь применена была в пяти случаях. Лишь в одном случае зафиксирована мягкая малоуглеродистая сталь. Получение стали, видимо, не представляло уже большой трудности, так как используется она широко, и иногда даже там, где вполне можно было применять обычное железо. Интересно, что в Закавказье, как и в Восточной Европе в VIII—VII вв. до н. э., преобладает не железо, а сталь[25], так как именно стальные орудия и оружие обладали такими высокими качествами, которые позволяли вытеснять бронзу при изготовлении многих вещей. Цементация изделий в этот период уже известна, но, очевидно, не везде и применяется еще очень редко.

Кузнецы киммерийского периода владели основными приемами свободной кузнечной ковки горячего металла и умели изготавливать высококачественные изделия. Формовочная ковка во многих случаях произведена хорошо. Мастер добивался хорошей структуры металла и обычно не перегревал его. Видимо, в течение многих столетий первичного освоения железа эмпирически были накоплены знания, позволявшие различать виды стали и степень нагрева металла по искре, цвету каления и другим признакам. Разнообразие используемых сведений, необходимость выработки определенных навыков, применение специальных орудий и оборудования говорят о специализации кузнечного дела. В то же время существование биметаллических изделий свидетельствует о том, что по крайней

---

[25] *Г. А. Вознесенская, Б. В. Техов.* Технология производства..., стр. 161.

мере в некоторых случаях один и тот же человек занимался и литейным и кузнечным ремеслом.

Кузнецы предскифской эпохи уже знали и успешно применяли некоторые виды кузнечной сварки, которая зафиксирована в шести случаях. Сварка применялась при получении заготовки из крицы, для увеличения размеров заготовки в длину и по толщине, а также с конструкционной целью, для улучшения режущих свойств орудий и оружия. Особенно важно появление преднамеренной целесообразной сварки железа и стали, которая зафиксирована в двух случаях (серп и наконечник копья). Сварка концов заготовок внахлестку отмечена в двух случаях на мечах, а сварка пакета для увеличения заготовки — в двух случаях при изготовлении топоров. Только в одном изделии (мотыжка) была применена при ремонте нецелесообразная сварка железа и стали. Ни одно из исследованных изделий не подвергалось после ковки специальной термической обработке. Железо и сталь ценились, видимо, еще высоко, и в ряде случаев из этих металлов делались только клинки мечей и кинжалов, в то время как рукоятки оставались еще бронзовыми. Однако, возможно, в некоторых случаях рукоятки из золотистой бронзы делались и из эстетических соображений. Нет никаких оснований предполагать для этого времени наличие сложной кооперации отдельно работающих кузнецов и литейщиков при изготовлении биметаллических вещей. Скорее всего, как отмечалось, именно эти изделия свидетельствуют об отсутствии строгой дифференциации профессий, о совмещении литейного и кузнечного ремесла в одних руках.

При нынешнем состоянии источников, когда многие важные для истории техники изделия происходят из случайных находок, и при сравнительно небольшом количестве вещей, подвергнутых специальному анализу, трудно еще окончательно решить вопрос о месте изготовления тех или иных железных предметов VIII—VII вв. до н. э. Во всяком случае, отмечаемое сходство форм рукояток некоторых биметаллических мечей с карасукскими бронзовыми экземплярами не имеет существенного значения, и нельзя на этом основании категорически утверждать, что «предскифские железные кинжалы и мечи ведут свое происхождение от карасукских форм» [26]. Во-первых, формы рукояток с грибовидным навершием ко времени появления биметаллических вещей были уже хорошо известны в Северном Причерноморье, и различные варианты их, кстати, далеко не всегда напоминающие карасукские, могут рассматриваться в это время как местные. Во-вторых, аналогичные сибирские мечи и кинжалы, как уже отмечал А. Х. Халиков [27], происходят из случайных находок и датируются по аналогии с европейскими. Поэтому нет никакой уверенности в том, что они сами являются не прототипами, а подражаниями. Наконец, хорошо известно, что при высоком уровне развития металлургии бронзы освоение железа в Сибири сильно задержалось. Даже на первой стадии тагарской культуры (VIII—V вв. до н. э.) здесь еще господствуют бронзовые орудия и оружие. Лишь со второй стадии наблюдается распространение местного производства железа и число изделий из нового металла возрастает [28]. В Средней Азии у племен VII—IV вв. до н. э. железные изделия встречаются также еще очень редко [29]. Поэтому, когда речь идет о предскифских железных изделиях, следует сказать, что производственные центры Сибири и Средней Азии никак не могли способствовать развитию новой отрасли металлургии и металлообработки в Восточной Европе, где это производство появляется гораздо раньше.

[26] *А. И. Тереножкин.* Бронзовые кинжалы предскифского времени. Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности». М., 1973, стр. 124.

[27] *А. Х. Халиков.* Железные кинжалы с бронзовыми рукоятками..., стр. 276.

[28] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1949, стр. 131, 160.

[29] *К. А. Акишев, Г. А. Кушаев.* Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963, стр. 92, 102.

Что касается места производства железных изделий VIII—VII вв. до н. э., в том числе и биметаллических мечей и кинжалов, то уже сейчас видные большие различия в технологии их изготовления позволяют говорить не об одном центре в киммерийской среде степей Северного Причерноморья[30], а о нескольких производственных центрах, расположенных на Северном Кавказе, в Среднем Поднепровье, в Волго-Камском районе распространения ананьинской культуры и, видимо, в других местах Восточной Европы. В частности, в конце этого периода в лесостепи выдвигается мощный производственный центр на Бельском городище[31]. И в раннескифское время, вплоть до V в. до н. э., основные местные центры металлообрабатывающего ремесла были сосредоточены в лесостепной Скифии, где обработка железа и бронзы успешно развивалась[32], опираясь на древние традиции, восходящие еще к бронзовому веку. Это, разумеется, ни в коей мере не отрицает наличия металлообрабатывающего ремесла и у степных кочевников-скифов. Однако в силу ряда обстоятельств развитие этого ремесла здесь шло медленнее. Только с появлением Каменского городища в степной Скифии возникает свой крупный центр металлообработки[33], деятельность которого выходила, видимо, уже за узкие рамки обслуживания небольшого круга местных жителей.

B. A. Chramko, L. D. Fomine, L. A. Solntsev

L'ETAPE INITIALE DU TRAVAIL DU FER EN EUROPE ORIENTALE

(Periode prescythique)

Résumé

En se basant sur l'étude de 20 objets en fer de la période préscythique (principalement des VIIIe et VIIe siècles av. n. è.), on donne ici une définition de la première étape du travail du fer. La fait qu'on connaissait le ferronickel seulement par les météorites, et ceci dès le deuxième quart du IIe millénaire av. n. è., ne permettait pas encore l'élaboration d'une technologie spéciale du traitement du nouveau métal. A partir du milieu du IIe mil. av. n. è. on commence à connaître le fer extrait de mines.

Vers le VIIIe s. av. n. è. se termine la longue étape aboutissant à la conquête du fer. Les métallurgistes savaient déjà obtenir un métal de différentes qualités, même de l'acier à forte teneur en carbone. Cependant, parmi les pièces fabriquées, dominent celles de fer pur. La seconde place revient aux objets d'acier à forte teneur en carbone. On connaissait la cémentation du fer, mais on y recourait rarement. Les forgerons de la période préscythique (cimmérienne) connaissaient d'une façon déjà professionnelle les principaux procédés d'un habile forgeage à chaud. On connaissait, et on employait avec succès, plusieurs genres de soudure du fer et de l'acier. On n'a pas trouvé de traces d'un traitement thermique spécial (trempe). Il est erroné d'affirmer que les premiers types de glaives en fer ont été fabriqués en Europe orientale, sous l'influence de la culture sibérienne (de Karasouk), étant donné que c'est seulement plus tard qu'on a commencé à utiliser le fer sur le territoire de la Sibérie. Les différences de technologie permettent actuellement de fixer l'existence des plus anciens centres d'extraction et de travail du fer dans le Nord du Caucase, le bassin du Dniepr et de ses affluents, et dans le bassin Volga-Kama. Déjà à la période préscythique apparaît un important centre artisanal de travail des métaux dans le goroditché de Belskoïe. Du début de la période scythe jusqu'au Ve s. av. n. è., les principaux centres de l'industrie des métaux étaient concentrés chez les tribus sylvo-steppiques. Le développement de l'artisanat chez ces agriculteurs sédentaires était basé sur d'anciennes traditions remontant jusqu'à l'Age du Bronze.

---

[30] *А. И. Тереножкин.* Бронзовые кинжалы предскифского времени..., стр. 124.

[31] *Б. А. Шрамко.* Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелоно-будинская проблема. СА, 1975, 1, стр. 65—85.

[32] *Б. А. Шрамко.* Господарство лісостепових племен на території України (VII—III ст. до н. е.). Український історичний журнал, № 1, 1971, стор. 53—61.

[33] *Б. Н. Граков.* Каменское городище на Днепре. МИА, 36, 1954, стр. 115 сл.

Л. Г. ХРУШКОВА

РЕЛЬЕФНАЯ ПЛИТА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПТИЦ ИЗ ЦЕБЕЛЬДЫ

В Абхазском государственном музее хранится известняковая плита с изображением двух птиц. Она была обнаружена несколько лет назад в развалинах [1] средневекового храма в окрестностях с. Цебельда. По всей вероятности, она украшала один из фасадов храма. Размеры плиты 46×33 см, толщина от 7 до 11 см; она расколота на две части, обратная поверхность сбита. На плите в слегка заглубленном виде (ширина рамки от 1 до 4 см) изображены две обращенные друг к другу птицы с хохолками, помещенные по сторонам фонтана с чашей наверху. С обеих сторон фонтан имеет по выступу, на них и сидят птицы (рис. 1).

Композиция, представленная на плите, восходит к известной древневосточной теме двух птиц по сторонам древа жизни. В эллинистическую эпоху особое распространение получила тема павлинов по сторонам сосуда — символ бессмертия,— часто встречающаяся в росписях гробниц (в частности, в Керчи), на саркофагах и стелах [2]. В раннехристианское время павлины первоначально сохраняли связь с погребальной символикой, иллюстрируя идею бессмертия души, обретенного путем приобщения к учению Христа; чаша мыслилась как евхаристический сосуд [3]. В первые века нашей эры эти идеи были известны и на Кавказе (в Грузии и Армении), о чем свидетельствует ряд памятников: стеклянная чаша III—IV вв., где павлин сопровождается евхаристической формулой «пей, живи», и серебряный ковш с павлинами приблизительного того же времени из Армазисхеви [4], рельеф из Двина V—VI вв. [5], капитель VI в. из Вашнари [6]. В значении апотропея павлин выступает в виде литой фигурки на бронзовой фибуле из цебельдинского погребения VI—VII вв.[7]

В V—VI вв. композиция павлинов (иногда других птиц), симметрично расположенных по сторонам чаши, креста или древа, широко распространилась во всех странах христианского мира [8]. В Грузии это Пи-

---

[1] *В. И. Стражев.* Руинная Абхазия. ИАНО, 1925, 1, стр. 16.

[2] *М. И. Ростовцев.* Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1914, стр. 146, 147.

[3] Подробно о семантике павлинов см. *Н. П. Кондаков.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929, стр. 108—110; *L. Réau.* Iconographie de l'art chrétien, t. I. Paris, 1955, p. 83, 84; *J. Villette.* La résurrection du Christ. Paris, 1959, p. 47, 48.

[4] *А. Апакидзе, Г. Гобеджишвили, А. Каландадзе, Г. Ломтатидзе.* Мцхета I. Тбилиси, 1958, рис. 38, табл. LXVII, стр. 88. Аналогичные сосуды известны в погребениях Северного Причерноморья в Италии.

[5] *Н. Степанян.* Декоративное искусство средневековой Армении. Л., 1971, табл. 17.

[6] Экспозиция Государственного музея Грузии.

[7] *Ю. Н. Воронов, В. А. Юшин.* Новые памятники цебельдинской культуры в Абхазии. СА, 1973, 1, рис. 13, *21.*

[8] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, стр. 240—244; *E. Kitzinger.* List of early byzantine animal and bird capitals, Dumbarton Oaks Papers,

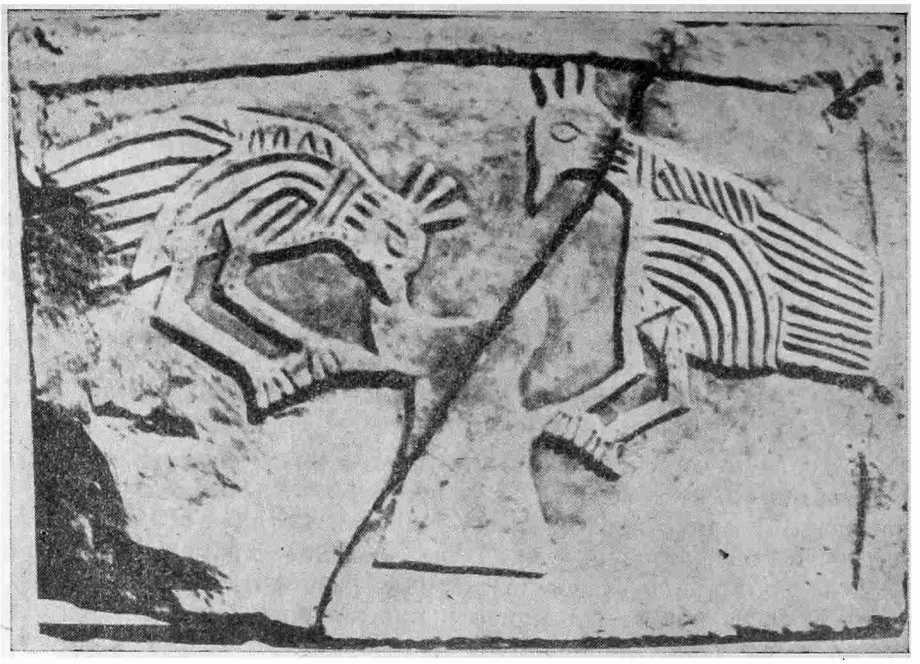


Рис. 1. Плита из церкви в Мрамба (Цебельда)

цундская мозаика второй половины V — первой четверти VI в.; рельеф капители Болнисской базилики V в.; стела Цверо Дабали из Восточной Грузии — VI в.; в Албании — рельеф из храма VI в. в Мингечауре, бронзовый кувшин VI—VII вв. [9]

Чрезвычайная популярность этого сюжета объясняется тем, что он позволял выразить обширный круг христианских представлений — идеи вечности, воскресения и райской жизни, приобщения к учению Христа. В ту эпоху символы также легко выражали мысль, как и слова; искусство «под оболочкою символа приучилось... постигать идеи христианства» [10]. На рельефе из Цебельды изображение построено так, чтобы подчеркнуть сакральный смысл происходящего действия. Массивный фонтан — смысловой центр композиции, все внимание сосредоточено на главном моменте — вкушении птицей живительной влаги; фон изображений оставлен полностью свободным. Не показаны хвосты — деталь, обычно придающая сцене особенную декоративность и пышность, резчик, видимо, считал их необязательными для характеристики действия. Возможно, что и число венчиков на головах птиц имеет символический смысл — их три в отличие от реального количества [11]. Изображение выглядит как знак, формула, предельно лаконичное обозначение действия, хорошо известного всем.

Можно полагать, что подчеркнутый символизм изображенной сцены до некоторой степени служит косвенным датирующим признаком. Исследователи неоднократно отмечали, что примерно с X в. зооморфные обра-

---

Washington, 1946, 3, № 72, 75, 81, 103—106; *Д. В. Айналов.* Мозаики IV и V веков. СПб., 1895, стр. 135.

[9] *В. А. Левкинадзе.* О древнейшей базилике Питиунта и ее мозаиках. ВДИ, 1970, 2, стр. 192; *Г. Н. Чубинашвили.* Болниси. ИИЯИМК, IX, Тбилиси, 1940, табл. IV; *Н. Г. Чубинашвили.* Хандиси. Тбилиси, 1972, табл. 56; *К. В. Тревер,* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.— Л., 1959, табл. 28, 31; Б. И. Маршак включает кувшин из Албании в группу изделий, созданных не ранее VIII—IX вв. (*Б. И. Маршак.* Бронзовый кувшин из Самарканда. Сб. «Средняя Азия и Иран». Л., 1973, рис. 14, *4*, стр. 80 сл.).

[10] *Н. П. Кондаков.* История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876, стр. 122.

[11] *Н. П. Кондаков.* Очерки и заметки..., стр. 113.

зы в значительной мере утрачивают прежний символический смысл, отходят от чисто догматической трактовки темы и приобретают декоративное значение [12]. В частности, смысл изображений павлинов становится более широким и общим; одиночный павлин в торжественной позе выражает идею величия и апофеоза. Изображения такого рода видны на фасадах армянского храма Креста первой четверти X в. в Ахтамаре, церкви в селе Даркви XI в. и в Свети Цховели XII в. в Грузии, Дмитриевского собора XII в. во Владимире, а также и в светских сооружениях, например в одном из залов дворца X в. в Ани [13]. Семантика павлина настолько изменилась, что с XI в. он воспринимается как символ тщеславия [14]. Если в период V—VII вв. композиций павлинов по сторонам сосуда множество, то в VIII—IX вв. их значительно меньше, а в XI—XII вв. они единичны [15], причем нередко носят характер явного подражания древним образцам, как на известной плите из Торчелло [16].

Процесс разрушения прежних семантических стереотипов в понимании рассматриваемой темы происходит параллельно с утверждением обычая украшать фасады храмов Кавказа пышным декором; зооморфные мотивы в значительной мере теряют свое самостоятельное значение, получая при этом более свободную и разнообразную трактовку. Так, в изображениях двух противостоящих птиц, нередко встречающихся на фасадах грузинских храмов XI в. (Никордцминда, Патара Они, Хциси, Вале, Пархали), древняя символика почти утрачена; наблюдаются черты, связанные с нецерковным кругом художественных представлений и традиций. В частности, некоторые птицы на фасадах Никорцминды близко напоминают мотивы сасанидских тканей и торевтики [17]. Отмеченные качества новой трактовки образцов птиц в значительной мере присущи и албанским рельефам XII—XIII вв. [18] и аналогичным композициям на фасадах армянских храмов XII—XIII вв. [19] Тенденция постепенной «десимволизации» образов в скульптуре [20] периода развитого средневековья означает прежде всего их освобождение от чисто религиозного значения, но апотропейное, доброжелательно-охранительное значение образов птиц, наиболее близкое народному восприятию, сохраняется в фасадной скульптуре Византии и тяготеющих к ней стран [21].

С изменением трактовки самих птиц связано и существенное изменение центрального мотива. На раннехристианских памятниках он всегда обладает глубокой символической значимостью. Часто это сосуд со священным вином или виноградной лозой — символом христианского вероучения и самого Христа; на Мингечаурском рельефе — древо с пальмет-

---

[12] *O. M. Dalton.* Byzantine Art and Archaeologie. N. Y., 1961, p. 708; *Н. П. Кондаков.* Путешествие на Синай в 1881 г. Одесса, 1882, стр. 73; *В. Н. Лазарев.* Три фрагмента расписных эпистилиев и византийский темплон. Сб. «Византийская живопись». М., 1971, стр. 133.

[13] *И. А. Орбели.* Избранные труды, т. I. Ереван, 1968, табл. XXIV; *Р. О. Шмерлинг.* Церковь в селе Даркви. Ars Georgica, Тбилиси, 4, табл. 77, *1*; *Р. Г. Гвердцители.* Мцхета. Тбилиси, 1962, табл. 24; *Г. К. Вагнер.* Скульптура Древней Руси. М., 1969, илл. 215; *Н. Я. Марр.* Ани. М.— Л., 1934, табл. XXXIV, *1*.

[14] *L. Réau.* Op. cit., p. 84.

[15] Так, об изображении птиц по сторонам вазы в декоре одной из каппадокийских часовен X—XI в. Жерфанион заметил: «Удивительно встретить этот древний мотив» — *G. Jerphanion.* Une nouvelle province de l'art byzantine. Les églises rupestres de Cappadoce, t. I, partie 1. Paris, 1925, p. 162.

[16] *Ch. Diehl.* Manuel d'art byzantin, t. I. Paris, 1925, fig. 213.

[17] *Н. А. Аладашвили.* Рельефы Никорцминда. Тбилиси, 1957, табл. 28, 30, 37—39, стр. 85—87 (на груз. яз.).

[18] *А. С. Башкиров.* Искусство Дагестана. М., 1931, табл. 35—37, 77.

[19] *Н. М. Токарский.* Архитектура Древней Армении. Ереван, 1946, стр. 269, 270, 274, табл. 77, *2*.

[20] *Г. К. Вагнер.* Ук. соч., стр. 56.

[21] *A. Grabar.* Sculptures byzantines de Constantinople (V—X 8, *s*). Paris, 1963, p. 124.

той в виде сакральной лилии; на албанском кувшине массивная подставка священного древа имеет форму зороастрийского жертвенника.

Во всех этих случаях центральный мотив несет значительную семантическую нагрузку. С X в. и позже центральный элемент или отсутствует (птицы даются в геральдической композиции), или, утратив прежнее значение, часто изображается в редуцированной форме (Никорцминда), иногда он сочетается с пышным орнаментом (Патара Они, Хциси). Здесь центральный мотив не имеет целью подчеркнуть символический смысл сцены, являясь декоративным элементом. Исходя из того что композиция цебельдинского рельефа дает подчеркнуто символическую трактовку павлинов в сакральной обстановке, что после X в. почти не встречается, представляется возможным связать его с кругом ранних памятников.

Для характеристики стиля данного памятника существенно отметить прежде всего грубость и ремесленное исполнение рельефа, что всегда затрудняет датировку. Основная черта рельефа — его плоскостность, рельеф поднят над фоном крайне незначительно, изображения и их детали располагаются в одной плоскости, моделировка полностью отсутствует. Силуэт создается жестким энергичным контуром, резкими угловатыми линиями показаны членения фигур, оперение птиц, их глаза и другие детали. Фигура правой птицы выполнена тщательнее: мастер сделал попытку передать округлость туловища с помощью простого приема — ряда закругляющихся врезных линий. Оперение спинки и хвоста передано бо́льшим числом линий, чем у птицы слева. Две черточки, отделяющие шеи птиц от их корпуса, возможно, изображают венец (ожерелье), нередко украшающий птиц в подобных композициях. Фонтан (сосуд) имеет нетрадиционную форму: выступы, на которых сидят птицы, заставляют вспомнить образ древа с ветвями. Несмотря на столь малоискусное исполнение рельефа, характер трактовки форм и способ их соотнесения с пространством, в котором они расположены, дают возможность говорить об определенной системе, обладающей собственными закономерностями и логикой взаимодействия составляющих ее элементов. Определяющим фактором здесь является крайне незначительная глубина пространственного пласта. Первый план отсутствует, изображение максимально приближено к зрителю. Сосуд стоит прямо на раме, которая служит условным обозначением линии почвы. Формы, размещенные в плоскости, ограниченной рамкой, не имеют возможности развиваться в глубину и представлены как бы в продольном разрезе. Такое силуэтное изображение определяет главную роль линии в передаче целого и частностей. Эти приемы, являясь стабильными для архаического (древневосточного) рельефа, нашли применение и в раннесредневековом искусстве [22]. Голова правой птицы касается верхней линии рамы; таким образом, масштаб изображений равен масштабу всей пространственной системы. Этим создается впечатление монументальности фигур и одновременно их застылости, жесткой связанности с рамой. Такие композиции, «только иероглифически намечающие сюжет, содержание, исполненные по материалу прочерченными линиями», характерны для грузинских памятников VIII—IX вв.[23] Стилистически близкими к цебельдинской плите являются грузинские памятники VIII—IX вв. Это Опизский рельеф Ашота Куропалата, стела из Усанети, плиты алтарной преграды из Гвелдеси [24] и др. Отмеченные стилистические черты рельефной пластики VIII—IX вв. не замыкаются рамками одной страны, они представляют

[22] *W. de Grüneisen.* La perspective. Esquisse de son évolution des origines jusqu'à la Renaissance. Mélanges d'archéologie et d'histoire. Paris — Rome, 1911, XXXI, p. 394, 398, 405.

[23] *Н. Г. Чубинашвили.* Грузинское чеканное искусство. Тбилиси, 1959, текст, стр. 605.

[24] *Н. Г. Чубинашвили.* Хандиси, табл. 85—89, 91.

собой характерное явление более широкого плана, известное по ряду памятников в странах, связанных с Византией. Ламбардские рельефы VIII—IX вв., архитектурный декор церквей Скрипу и св. Георгия IX в. в Беотии (Греция) обладают общими чертами: для них характерны зооморфные и орнаментальные мотивы, нередко повторяющие формы V—VI вв., неловкий рисунок зверей и птиц, лучше всего показывающий отход этих рельефов от моделей V—VI вв., совершенно плоские фигуры с выдающимися контурами. Все эти качества отличают рельефную пластику VIII—IX вв. как от предшествующего периода, так и от последующего [25].

Конечно, в провинциальных памятниках эти черты могли удерживаться длительное время, однако в произведении более позднего периода следовало бы ожидать, как свидетельствуют многочисленные рельефы с зооморфными изображениями, наличие орнаментальных мотивов декоративного характера, нередко заполняющих всю имеющуюся свободную поверхность. Кроме того, выраженная символика представленной на цебельдинской плите сцены, столь характерная для раннехристианского и близкого к нему времени, позволяет рассмотренную плиту предположительно датировать VII—VIII вв. Следует оговориться при этом, что точная датировка и классификация произведений такого рода, в том случае, если они не обнаружены в комплексе с соответствующим архитектурным памятником, всегда связана с значительными трудностями из-за отсутствия прямых датирующих признаков и необходимости привлекать свидетельства косвенные и не всегда достаточно четкие.

Можно предполагать, что тема противостоящих птиц павлинов была популярна в Абхазии. Об этом свидетельствуют произведения народного ткачества, часто сохраняющие до наших дней древние мотивы и сюжеты. На многих полотенцах, коврах и т. п. изделиях, хранящихся в Абхазском музее, можно видеть наряду с другими сюжетами, созданными древневосточным искусством (львы в геральдической позе, различные животные в процессии и др.), и мотив двух павлинов, стоящих по сторонам древа [26]. Характерно, что они часто представлены в типе, встречающемся в произведениях сасанидской торевтики, в рельефах Так-и-Бостана, а также рельефах христианских храмов (Никорцминда, Владимирский собор и др.), воспринявших некоторые сасанидские модели — ветку или отросток, отходящие от хвоста. И это не удивительно. Исключительная роль сасанидского шелка в распространении различных сюжетов по всему миру хорошо известна [27]. Шелковый путь и в VII—IX вв. как раз проходил по Северному Кавказу через Клухорский перевал и Цебельду к Черному морю [28].

Рассматриваемый сюжет на рельефе из храма в Мрамба дан в другой, западной версии; еще Н. П. Кондаков отметил, что «на востоке более держится изображение птиц по сторонам древа, ветки с плодами, а на западе — по сторонам чаши или сосуда» [29]. Не случайно на изделиях народного ткачества в подавляющем большинстве подобных композиций центральным элементом является древо. Древо жизни восходит к весьма

---

[25] *A. Grabar.* Op. cit., p. 90—99. Аналогичную характеристику группе рельефов VIII—IX вв., Северной Италии и Рима, нередко принадлежащих византийскому резцу, дает Г. Ривойра (*G. T. Rivoira.* Le origini della architettura Lombarda, v. I. Roma, 1901, p. 197). Композиция павлинов по сторонам вазы, креста или древа входит в репертуар памятников этого периода: *A. Grabar.* Op. cit., pl. XLI, *4*, XLIII, *3, 4*, LXIX; *G. T. Rivoira.* Op. cit., fig. 214, 268.

[26] *Е. М. Малия.* Народное изобразительное искусство Абхазии. Тбилиси, 1970, табл. XXVI, стр. 51, 114, 118—120; в фондах Абхазского гос. музея инв. № 71—107, 72—1812, 72—158, 72—210 и др.

[27] *O. M. Dalton.* Op. cit., p. 585.

[28] *А. А. Иерусалимская.* К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде. Сб. «Средняя Азия и Иран». Л., 1972, стр. 35.

[29] *Н. П. Кондаков.* Русские клады, т. I, СПб., 1896, стр. 207.

древним и устойчивым народным верованиям. Что касается мотива птиц с чашей, то он связан с относительно молодым комплексом представлений о бессмертии души и, трансформировавшись в догматическую формулу, вошел в число христианских символов; историческая жизнь его оказалась гораздо более краткой.

Интересно привести также фрагменты плит, недавно обнаруженные в развалинах той же церкви в Мрамба. Одна плита сохранилась почти полностью, ее поверхность несколько повреждена, но все изображения легко восстанавливаются [30]. От двух других плит сохранились незначительные фрагменты с изображениями (рис. 2). По манере исполнения

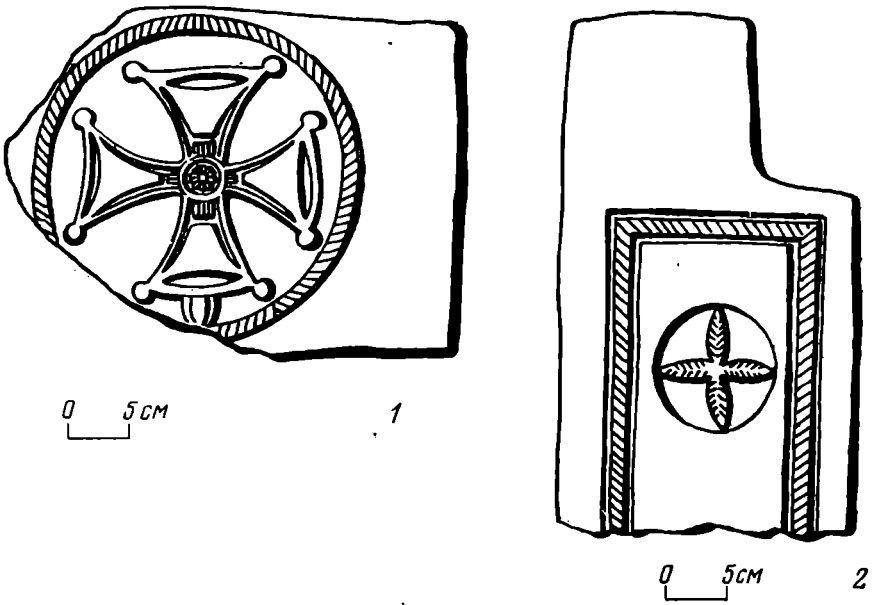


Рис. 2. *1, 2* — фрагменты плит из той же церкви

все эти фрагменты близки друг к другу: рельеф невысокий и плоский, рисунок четкий, уверенный, резьба тщательная и деликатная. На плите в центре изображен равноконечный крест с расширяющимися концами, в каждой его ветви помещена многолепестковая розетка; крест вписан в круг; по сторонам расположены виноградные кисти, по две с каждой стороны; видна птичка, клюющая виноград (на поврежденной части плиты, видимо, была и другая), и две вихревые розетки. Все эти мотивы достаточно древние, рельефные кресты близкой формы часто встречаются в архитектурном декоре храмов и на стелах V—VI вв. в Грузии [31]; в Армении подобные кресты украшают фасады храмов Ереруйка, Касаха, Адиамана, Лмбата и др., стелы Одзуна и Талина; известны они также в памятниках Сирии [32] и Коптского Египта [33] и всюду датируются в пределах V—VII вв. Следует отметить особенность креста на плите из Мрамба — шишечки на концах каждого рукава. И эту черту можно видеть на изображениях крестов в архитектурных памятниках VI в. Си-

---

[30] *Л. Г. Хрушкова.* О рельефах Анакопии. Сборник статей молодых историков Абхазии. Сухуми, 1974, рис. 5. Эта плита и два фрагмента, представленные на рис. 2 и 3, обнаружены Ю. Н. Вороновым, который любезно сообщил о них автору данной статьи.

[31] *Н. Г. Чубинашвили.* Хандиси, табл. 31, 32, 40, 47, 56 и др.

[32] *J. Lassus.* Sanctuaires chrétiens de Syrie. Paris, 1947, pl. XXVIII, *4*; *J. Lassus.* Inventaire archéologique de la région au nord — est de Hama. Beyrouth, t. II, 1936, pl. XIV, *1*; XL, *2*; XLIII, *3*; fig. 31, *73*; *H. C. Butler.* Early churches in Syria. (IV—VII cc.). Princeton, 1923, ill. 250.

[33] *В. Г. Бок.* Материалы по археологии Коптского Египта. СПб., 1901, рис. 96.

рии [34]. Мотив птиц, клюющих виноград, является излюбленным во множестве мозаик и других памятников V—VI вв., а в рельефах (Ломбардии, например) он нередко встречается и в VII—VIII вв. В Грузии близкой аналогией этому памятнику является плита, украшавшая дверь храма VI в. в Акванеба, с изображениями креста в круге и вокруг него винограда и птичек [35]. Отметим оригинальные черты композиции на плите из Мрамба, которые, возможно, говорят о ее принадлежности к несколько более позднему времени. Так, прием помещения розеток в рукавах креста не обычен для VI в., его можно интерпретировать как проявление свойственного более позднему времени стремления заполнить всю свободную поверхность декоративными элементами. Кроме того, мотив вихревой розетки в декоре христианских храмов V—VI вв. не встречается, он появляется лишь с VIII в.[36], в период наплыва восточных элементов в декоративной орнаментике стран средиземноморского ареала. Этот мотив, до наших дней распространенный в деревянной резьбе многих народов, является древним солярным символом (в частности, он известен уже в искусстве Египта). Мотив вихревой розетки неизменно связан с апотропеистическими представлениями, семантика птиц и винограда общеизвестна — это едва ли не самый популярный мотив раннехристианского искусства, как и литературы.

На следующем фрагменте (рис. 2, *1*) сохранилось изображение креста, заключенного в круг. Форма креста почти буквально повторяет тип, представленный на рассмотренной выше плите с виноградом, за исключением розеток, помещенных в рукавах креста. Этот фрагмент может быть датирован VI—VII вв.

Рассмотрим последний фрагмент (рис. 2, *2*), содержащий изображение части рельефной прямоугольной рамки, внутри которой помещен заглубленный диск с вписанной в него четырехлепестковой розеткой. Последняя выполнена в невысоком рельефе, лепестки отштрихованы резцом.

В качестве аналогии к мотиву диска с розеткой внутри можно назвать декор обрамления окна в храме VIII в. в с. Сирго (Грузия). Он украшен тремя подобными дисками, расположенными на лишенном орнамента фоне [37]. По мнению Лассю, розетки могли скрывать намерения символические или охранительные, нередко происходя из хризм [38]. Действительно, в памятниках V—VI вв. Сирии в декоре одинаковых по назначению архитектурных деталей равным образом встречаются как диски с розетками, так и диски с хризмами и крестами [39]. Аналогичные примеры имеются и в Грузии [40]. Таким образом, и наш фрагмент можно датировать VI—VIII вв.

Характер резьбы и качество камня плиты с павлинами отличаются как от плиты с виноградом, так и от фрагментов с крестом и розеткой. По всей вероятности, они принадлежали различным постройкам и при

---

[34] *J. Lassus.* Op. cit., pl. LX, *2*; *Ф. И. Успенский.* Археологические памятники Сирии. Изв. РАИК, VII, вып. 2—3. София, 1902, стр. 96, рис. 1; *P. Nautin.* La conversiou du temple de philae en eglise chrétienne. Cahiers Archéologiques, Paris, 1967, XVII, fig. 7, 8, 15, 16, 20 etc.

[35] *Л. Рчеулишвили.* Три неизвестных памятника грузинской архитектуры (на груз. яз.). Ars Georgica, 2, Тбилиси, 1948, рис. 15, табл. 24, *1*, стр. 36, 37.

[36] В Абхазии: плита алтарной преграды из Вороновской церкви (Цебельда): *П. С. Уварова.* Христианские памятники. МАК, IV, 1894, табл. VIII; рельеф фасада храма в Анакопии — Сборник археологических статей, поднесенных А. А. Бобринскому. СПб., 1911, рис. 3 на стр. 191. Этот мотив очень распространен в рельефах Ломбардии — *G. T. Rivoira.* Op. cit., fig. 213—216, 268, 269, 277.

[37] *Н. Г. Чубинашвили.* Архитектурный памятник на месте древнего селения Сирго. Сообщ. АН Грузинской ССР, IX, № 6, 1948, рис. 14, стр. 392.

[38] *J. Lassus.* Op. cit., p. 292.

[39] Ibid., p. 291; *Ф. И. Успенский.* Ук. соч., стр. 199.

[40] Обрамление окон храмов VIII—IX вв. в Сирго и Квабис-Хеви (*Н. Г. Чубинашвили.* Вопросы истории искусства, Тбилиси, 1972, табл. 64, *2*) имеют совершенно одинаковую декоративную схему, но в первом случае это диски с розетками, во втором — с крестами.

возобновлении храма в Мрамбе (1923 г.) были собраны вместе. Работы эти производились греками-переселенцами, которые, забыв символику древних изображений, использовали эти плиты как простой строительный материал, о чем говорит их случайное положение в кладе в момент находки.

В XVI в. абхазы, населяющие Цебельду, становятся мусульманами, поэтому позднее происхождение рассмотренных рельефов (и церквей, к которым они относились) следует исключить. Что касается архитектурной орнаментики храмов Цебельды периода развитого средневековья, ее характер хорошо известен по ряду памятников, изданных П. С. Уваровой [41], она не имеет ничего общего с рельефами из Мрамба. Поэтому датировка их VII—IX вв., основанная на рассмотрении семантики изображений, особенностей исполнения и приведенных аналогий, кажется наиболее вероятной.

Памятники, подобные цебельдинским рельефам, несмотря на свою незначительную художественную ценность, представляют исторический интерес. Они дают представление о том, какие мотивы и сюжеты были распространены на территории Абхазии, о ее исторических связях с другими областями тогдашнего культурного мира.

L. G. Khrouchkova

PLAQUE DE TSEBELDA PORTANT LA FIGURATION D'OISEAUX EN RELIEF

Résumé

Sur une plaque de calcaire sont figurés deux oiseaux encadrant une fontaine, ou plutôt un vase. Cette composition, qu'on peut relier à l'antique thème oriental des oiseaux entourant l'Arbre de Vie, s'est répandue à l'époque hellénistique, et a été utilisée par l'art chrétien primitif pour exprimer l'idée d'immortalité, de résurrection et de communion. Il s'est conservé un grand nombre de monuments portant ce motif, dans tous les pays chrétiens ainsi qu'en Géorgie (la mosaïque de Pitsounda, les reliefs des chapiteaux de Bolnici, et les stèles de Tsvéro Dabali). Le caractère intentionnellement symbolique du motif figuré sur la plaque de Tsébelda ne permet pas de lui attribuer une date postérieure au Xe s., époque quand la sémantique d'une telle composition a radicalement changé, s'éloignant d'une interprétation religieuse dogmatique. Plusieurs particularités de style permettent de situer la date de ce relief entre le VIIIe et le IXe siècle. L'exécution de l'oeuvre présente des analogies avec celle des monuments géorgiens, de même qu'avec celle des monuments de la plastique du monde byzantin aux VIIIe et IXe siècles. Ce relief aux oiseaux peut encore être comparé à une autre plaque de Tsébelda, au centre de laquelle est représentée une croix aux bras égaux, et sur les côtés sont figurés un sarment de vigne, des oiseaux et des rosaces aux lobes en spirales. Malgré le caractère très ancien de ces motifs (qui remontent au Ve ou VIe s.), la disposition et l'exécution technique du relief permettent de rapporter cette oeuvre à une date ne précédant pas la fin du VIIe s., et plus vraisemblablement de l'attribuer au VIIIe s.

Le motif des oiseaux (des paons) entourant un arbre ou une croix se rencontre fréquemment dans les oeuvres du tissage populaire abkhaze. La raison de la popularité de ce sujet en Abkhazie a été avant tout causé par la diffusion des tissus orientaux (sassanides), étant donné que, du VIe au VIIIe siècle, la «route de la soie» passait par Tsébelda. On doit faire remarquer que la composition des oiseaux encadrant un arbre fait partie de la tradition orientale; alors que celle des oiseaux entourant une coupe est liée à la tradition occidentale méditerranéenne.

[41] *П. С. Уварова.* Ук. соч., табл. VI, рис. 15, *17—24.*

Л. В. АЛЕКСЕЕВ

О ДРЕВНЕМ СМОЛЕНСКЕ

(к проблеме происхождения, начальной истории и топографии)

Древний кривичский центр Смоленск играл крупную роль в домонгольской Руси и неудивительно, что этому городу, истории его культурной и общественной жизни в науке уделяется большое внимание [1]. Однако неясными еще остаются весьма важные кардинальные вопросы его происхождения, начальных этапов развития, древнейшей топографии. В настоящей работе я пытаюсь подвести итог существующим ныне данным и наметить первые выводы.

Как известно, Смоленск упоминается в числе древнейших городов Руси. В недатированной части «Повести Временных лет» он назван племенным центром кривичей, занимавших верховья Волги, Двины и Днепра. Под 862 г. в Устюжской (Архангелогородской) летописи, сохранившей следы смоленского летописания, сообщается, что Смоленск «велик и мног людми и управлялся старейшинами». Плывшие мимо Аскольд и Дир не решились его взять и довольствовались захватом Полоцка и маленького тогда «градка» Киева [2]. В 882 г. Олег захватил Смоленск и даже посадил там «муж свои», но для этой операции потребовалось войско из варягов, словен, мери, веси и кривичей (вероятно, действительно, псковских) [3]. В 882 г. племенная независимость кривичского центра кончилась и летопись умолкает о нем на 133 года (до 1115 г.). И только из трактата Константина Багрянородного мы узнаем о Смоленске X в. Отсюда, оказывается, как и из других мест Северной Руси, сплавляются по Днепру однодревки, продаваемые в Киеве для оснащения и дальнейшего плавания по морю в Византию [4].

В IX—X вв. записи о событиях в Киеве и Киевской Руси не велись, местное же летописание могло начаться в Смоленске, вероятнее все-

[1] По археологии древнего Смоленска см.: *Д. А. Авдусин.* Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957; *его же.* Новый памятник смоленской архитектуры. СА, 1957, 2; *М. К. Каргер.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964; *Д. А. Авдусин.* К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии. В кн. «Смоленску 1100 лет». Смоленск, 1967; *Н. Н. Воронин.* К истории смоленского зодчества XII—XIII вв. Там же; *Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт.* Смоленский детинец и его памятники. СА, 1967, 3; *они же.* Раскопки в Смоленске в 1966 г. СА, 1971, 2; *П. А. Раппопорт.* Латинская церковь в древнем Смоленске. Сб. «Новое в археологии». М., 1972; *П. А. Раппопорт, Е. В. Шолохова.* Раскопки церкви в устье Чуриловки. КСИА АН СССР, 144, М., 1975; *П. А. Раппопорт, А. С. Смирнова.* Архитектурные достопримечательности Смоленска, М., 1976.

[2] Устюжский летописный свод. М.— Л., 1950, стр. 20; *А. Н. Насонов.* «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 161; *Н. Н. Воронин.* Следы раннего смоленского летописания. Сб. «Новое в археологии». М., 1972; *его же.* Два смоленских фрагмента в Устюжском летописном своде. ВИ, 1975, 2; ПСРЛ, IX, М., 1965, стр. 9.

[3] *А. В. Куза.* Новгородская земля. Сб. «Древнерусские княжества», М., 1975, стр. 149.

[4] «Памятники истории Киевского государства IX—XII вв.» Л., 1936, стр. 60.

го, не ранее создания епископии (1136 г.), поэтому ясно, что все относящееся к «дружинной эпохе», эпохе первых русских князей, летописцы черпали из устных преданий, местного фольклора и т. д., когда разновременные эпохи в памяти людей как бы сплющиваются в монолит, в котором преобладают черты, наиболее поразившие своей необычайностью. Каким же вырисовывался древний Смоленск его потомкам, жившим в XII в.? Это, прежде всего, огромный многолюдный город — центр крупнейшей части кривичей, управлявшийся (как, видимо, и вся эта часть кривичей) старейшинами. Можно думать, что здесь же находилось племенное святилище, притягивавшее к себе жителей со всех концов смоленско-кривичских земель. В 882 г. самостоятельность столицы кривичей пала, старейшины были заменены чиновниками Олега. Источники не сообщают о деятельности этих ставленников будущего киевского князя, но можно не сомневаться, что главнейшей их функцией была одна: они руководили бесперебойным поступлением дани, которая отныне со всех смоленско-кривичских земель поступала в Киев. Это все, что можно извлечь из письменных источников — летописей.

Что же дает археология? Где искать остатки этой древней столицы кривичей?

Раскопки, ведущиеся в городе свыше 25 лет, не обнаружили в Смоленске слоев IX—X вв. Нет и следов курганов. В средневековье часты случаи переноса города на другое место, что происходит тогда, когда с развитием жизни в нем его место становится неудобным. Так, в соседнем Полоцке городище первоначального города времен Рогволода после 980 г. было перенесено на другую сторону Полоты; Минск, получивший наименование от р. Менки (где есть остатки раннего города — детинец и окольный город), в XI в. был перенесен на современное место; Борисов — древний город на р. Бориссе (XII—XIII вв.) — лишь в XIV в. оказался на современном месте; летописные Луки XI—XII в. были перенесены на место Великих Лук (с добавлением «Великие»!) в XIII—XIV вв.; так же было и со многими другими городами Руси [5]. Не так ли произошло и со Смоленском?

«Гнездовский» Смоленск

В 10—12 *км* к западу от Смоленска, на берегу Днепра, расположен знаменитый Гнездовский комплекс памятников: крупнейший в мире курганный могильник (3862 насыпи+$^1/_5$ уничтоженных, следы которых были видны,— всего около 5 тыс. курганов) [6], одно городище, селище в 16 *га* (рис. 1), не менее восьми кладов арабских монет [7]. Первые исследования были начаты по инициативе еще А. С. Уварова М. Ф. Кусцинским (1874 г.) и затем продолжались В. И. Сизовым, В. Д. Соколовым, С. И. Сергеевым, Е. Н. Клетновой и др. Сейчас в течение многих лет

---

[5] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля. М., 1966, стр. 134 сл.; *Г. В. Штыхов.* Города северной и центральной Белоруссии. Очерки по археологии Белоруссии, ч. II. Минск, 1972, стр. 73, 82, 83, 92; *Л. В. Алексеев.* Раскопки в Друцке. АО — 1965, М., 1966, стр. 169; *А. В. Никитин.* Раскопки в Великом Устюге. КСИА АН СССР, 96, 1963, стр. 79.

[6] *А. Н. Лявданский.* Материалы для археологической карты Смоленской губернии. «Труды Смоленских государственных музеев», вып. 1, Смоленск, 1924, стр. 5. После картографирования курганов Д. А. Авдусиным оказалось, что их осталось всего 3 тыс. (*Д. А. Авдусин.* Археология СССР. М., 1967, стр. 231).

[7] Помимо общеизвестных кладов, найденных в 1867, 1885, 1909, 1966, 1968 и 1973 гг., в Гнездове было обнаружено еще два: 1889 г., переданный в Смоленский музей неким А. Г. Малеванóм («Смоленский Вестник», 1889, № 24) и 1890 г., из которого в тот же музей попало восемь разрубленных пополам монет (*С. Писарев.* Пожертвования в Смоленский историко-археологический музей. «Смоленский Вестник», 1890, № 14, стр. 3, 4). Подробную библиографию раскопок Гнездовских курганов см.: *Е. А. Шмидт.* Изучение археологических памятников на территории Смоленщины. МИСО, 3, Смоленск, 1959.

капитальное исследование гнездовского комплекса производится Д. А. Авдусиным. Важной особенностью Гнездовских курганов (как потом увидим, и всего комплекса в целом) является его необычайно узкая дата, определяемая X — началом XI в. (по Д. А. Авдусину) или IX — началом XI в. (по И. И. Ляпушкину, В. А. Булкину, В. А. Назаренко, С. С. Ширинскому), причем превалируют погребения второй половины X в. Гнездовское городище, одновременное курганам, расположено в самом центре

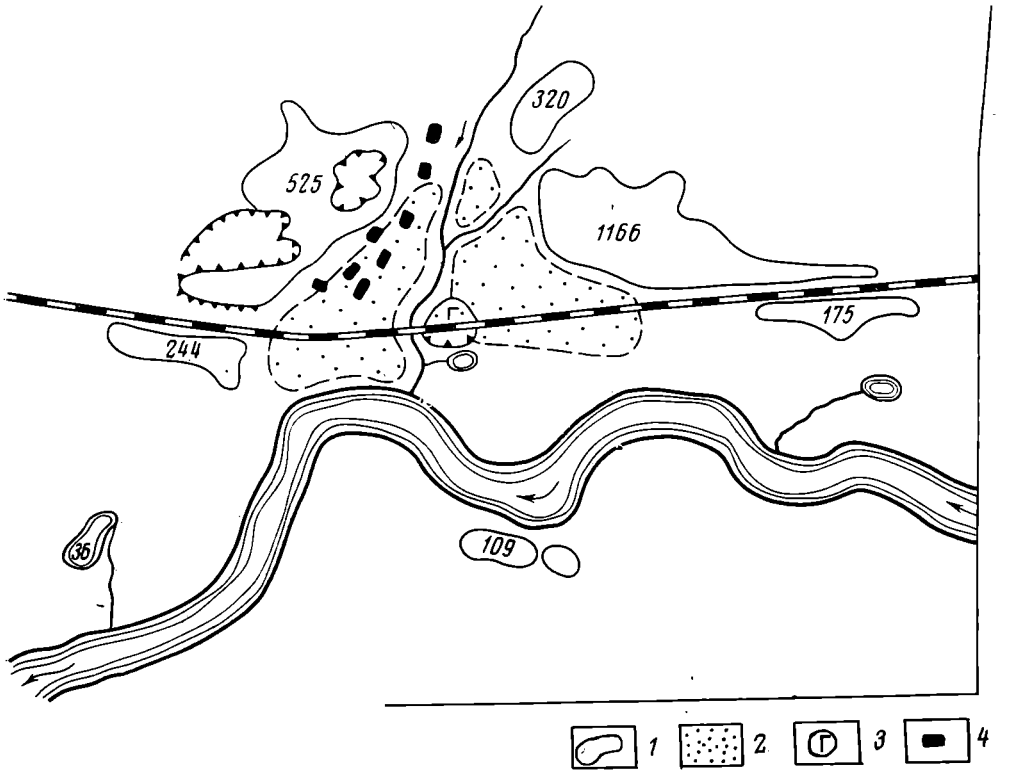


Рис. 1. Топография «Гнездовского» Смоленска (IX — начало XI в.): *1* — курганы (количество), *2* — селище, *3* — городище, *4* — современная д. Гнездово

памятника, вблизи устья р. Свинца, на ее правом берегу. По поводу назначения этого городища в науке существовало несколько мнений. В. И. Сизов предполагал, что оно, как и второе городище, расположенное западнее, служило укрепленным поселком, который тянулся «длинной полосой у правого берега Днепра». Раскапывавший оба городища Д. А. Авдусин пришел к выводу, что центральное из них (на р. Свинце) является поздним, а обнаруженные на нем предметы IX—X вв. попали туда в XVII в. при возведении епископского замка.

Если второе городище (на Ольше) действительно позднее, то с центральным оказалось иначе. Изучение документации раскопок С. И. Сергеева и Д. А. Авдусина позволило Т. А. Пушкиной установить «несколько этапов возведения укреплений», что в основе вала лежит «тонкая углистая прослойка, являющаяся, видимо, незначительным культурным слоем». На основании находок гончарной керамики вал, перекрывающий этот слой, она датирует «не ранее середины X в.» [8], а собственно слой, таким образом, относится к предшествующей поре — концу IX — первой половине X в.

Предположение В. И. Сизова о древнейших поселках у берега Днепра подтвердилось в 20-е годы, когда А. Н. Лявданский обнаружил между

[8] *Т. А. Пушкина.* Гнездовское поселение в истории смоленского Поднепровья (IX—XI вв.). Автореф. канд. дис. М., 1974, стр. 7, 8.

гнездовским центральным городищем и курганами обширный культурный слой [9]. Так было обнаружено Гнездовское селище, послужившее материалом для раскопок И. И. Ляпушкина и ряда других археологов [10]. Культурный слой селища во многих местах сильно нарушен, однако дата его сомнений не вызывает — оно полностью синхронно курганам и датируется IX — началом XI в. [11]

Что же собой представляло население гнездовского комплекса? Прежде всего, оно было в значительной степени полиэтничным. Помимо двух десятков курганов с захоронениями норманнов (их было, вероятно, больше, так как мужские захоронения не всегда этнически определимы) и одного финки с Верхнего Поволжья, в курганах найден ряд погребений с обрядом, напоминающим восточных балтов (типа Акатовского могильника V—VII вв.). От последних, как полагает Е. А. Шмидт, этот обряд воспринят населением, оставившим длинные курганы. Есть и другие захоронения, которые, по мысли того же исследователя, деталями инвентаря напоминают погребения восточных балтов и перенесены сюда как «субстратный» пережиток «ассимилированного местного населения» [12]. Та же картина наблюдается при исследовании гнездовского поселения: «орудия труда, приемы домостроительства, формы керамики имеют широкие аналогии в первую очередь среди древностей балтских и славянских (вероятно, точнее — славянских и балтских.— *Л. А.*) племен Восточной Европы» [13]. Норманнские древности обнаружены также на гнездовском селище. Исследовавшая его Т. А. Пушкина отмечает, что первоначальный гнездовский поселок был смешанным из славян и скандинавов и лишь к концу X в. «местные балты и пришлые скандинавы были уже ассимилированы мощным потоком славян» [14]. Действительно ли здесь имела место ассимиляция как балтских аборигенов, так и скандинавов (в равной мере) — неясно. Балты, конечно, ассимилировались, но норманны могли просто сократить свои торговые операции по пути из варяг в греки (на нем лежало гнездовское поселение), так как во второй половине X в. их начали энергично вытеснять кривичи, и об их ассимиляции, следовательно, говорить преждевременно.

Занятия населения Гнездова с отчетливостью выявляются как из раскопанных курганов, так и селища и городища. Остатки земледельческих орудий очень редки, больше свидетельств о ремесле и торговле. Благодаря работам И. И. Ляпушкина и других исследователей на селище найдено много остатков шлаков, тиглей, литейных форм и незаконченных вещей. Ювелиры Гнездова создавали свои изделия, по-видимому, из расчета на местный рынок. Спектральный анализ их продукции выявил ряд местных особенностей сплавов, которые частично напоминают сплавы Скандинавии и Прибалтики. Это, возможно, свидетельствует о едином источнике сырья, попадавшего в Гнездово путем торговли [15]. В разноэтничной среде мастеров появлялись изделия «смешанных видов». Клейма гончарной посуды, по предположению Т. А. Пушкиной, свиде-

---

[9] *А. Н. Лявданский.* Ук. соч., стр. 15—18.

[10] *И. И. Ляпушкин.* Новое в изучении Гнездова. АО — 1967, М., 1968; *его же.* Исследования гнездовского поселения. АО — 1968, М., 1969; *его же.* Гнездово и Смоленск. ПИФР, Л., 1971, стр. 36; *Д. А. Авдусин, Н. И. Асташова, Т. А. Пушкина.* Работы Смоленской экспедиции. АО — 1972, М., 1973; *И. В. Белоцерковская, Н. И. Асташова, В. Я. Петрухин.* Раскопки в Гнездове. АО — 1973, М., 1974; *Д. А. Авдусин, Т. А. Пушкина и др.* Раскопки в Гнездове. АО — 1974, М., 1975; *Т. А. Пушкина.* Ук. соч.; *Е. А. Шмидт.* К вопросу о древних поселениях в Гнездове. МИСО, VIII, Смоленск, 1974.

[11] *Т. А. Пушкина.* Ук. соч., стр. 13, 14.

[12] *Е. А. Шмидт.* Об этническом составе населения Гнездова. СА, 1970, 3.

[13] *Т. А. Пушкина.* Ук. соч., стр. 15.

[14] Там же.

[15] *Т. А. Пушкина.* Ук. соч., стр. 16.

тельствуют о нескольких гончарных мастерских [16]. Среди домашних промыслов материалы селища указывают на охоту, рыболовство, ткачество, обработку кости, домостроительство, изготовление ладей.

Торговля играла на гнездовском поселении едва ли не первую роль: памятник расположен в начале пути из Днепра в Двину и здесь, как мы говорили, найдено самое большое количество кладов (и отдельных находок) арабских монет на территории Смоленской земли и их численность ежегодно возрастает. В Гнездове, особенно в период его ранней истории, твердо ощущается его связь со Скандинавскими странами [17]. Весь характер памятника, как увидим, напоминает многие поселения Скандинавии. Перед нами стоит вопрос о размерах и типе гнездовского поселения, о его роли на Руси и его летописном имени.

Как известно, все это интересовало исследователей почти с самых первых раскопок гнездовских курганов. До революции самое большое внимание этим вопросам уделяли серьезнейшие русские археологи — В. И. Сизов и А. А. Спицын. В. И. Сизов наметил все основные выводы, к которым мы приходим только теперь, после раскопок на всем комплексе — курганов, городища и селища. Он определил, что гнездовское население жило здесь же. Это был поселок в основном кривичей, среди которых жили вперемежку и варяги (IX в.). Главным занятием населения была торговля с весьма отдаленными странами, но известную роль играла и «промышленность» (ремесло). Центральная часть могильника, по В. И. Сизову, была местом погребения наиболее зажиточных людей Гнездова — купцов-воинов. Отмечая, что наименование «Гнездово» (как показал С. П. Писарев) относится ко времени начала XV в., он установил, что древнейшее его население, хоронившее в курганах, жило в IX — начале XI в. Исследователь предположил, что в это время Гнездово было административной единицей — «погостом», подчинявшимся Смоленску, последний же был «острожком, или крепостью, где сидел правитель („муж княжой"), ездивший в полюдье, или принимавший дань или товар от окрестных мест. Население Смоленска было в то время незначительно и только административно-военное и потому оно не оставило после себя никаких ясных следов». «Только христианство,— добавлял В. И. Сизов,— прежде всего опиравшееся на административные центры, должно было поднять значение Смоленска как города и вместе с тем уничтожить значение языческого Гнездова». Исследователь полагал, что уничтожение Гнездова «было произведено крутыми административными мерами» и подтверждение этому видел в находке клада в валу городища Гнездова [18]. То, что не высказано было В. И. Сизовым в 1902 г., было выражено А. А. Спицыным: Гнездово, заключил он, не что иное, как древнейший Смоленск, который располагался на гнездовском городище, а оттуда Олег перенес его на центральное, и лишь при Ярославе город был вновь перенесен на современное место [19]. Мысль о том, что Смоленск был связан с Гнездовым, получила распространение и в различных вариантах длительно господствовала. Постепенно видоизменяясь, в 40 — 50-х годах она приняла частично иной вид: было признано, что Гнездовский могильник принадлежит Смоленску, расположенному на современ-

---

[16] *Д. А. Авдусин.* Гнездово и Днепровский путь. Сб. «Новое в археологии». М., 1972, стр. 167; *Т. А. Пушкина.* Ук. соч.

[17] *Д. А. Авдусин.* Варяжский вопрос по археологическим данным. КСИИМК, XXX, 1949; *его же.* Скандинавские погребения в Гнездове. Вестн. МГУ, 1974, 1; *Т. А. Пушкина.* О проникновении некоторых вещей скандинавского типа на территорию древней Руси.— Там же; *В. А. Булкин.* Гнездовский могильник и курганные древности Смоленского Поднепровья. Автореф. канд. дис. Л., 1973; *В. Я. Петрухин.* Ритуальные сосуды из курганов Гнездова и Чернигова. Вестн. МГУ, 1975, 2.

[18] *В. И. Сизов.* Курганы Смоленской губернии. МАР, 28, СПб., 1902, стр. 125, 126.

[19] *А. А. Спицын.* Гнездовские курганы в раскопках С. И. Сергеева. ИАК, вып. 15, СПб., 1905, стр. 7.

ном месте[20]. Но и это оказалось неудачным, поскольку напластований, отвечающих столь огромному некрополю, в городе нет, а отдельные вещи этого времени наперечет. Наиболее древние слои в современном Смоленске датируются не ранее второй половины — конца XI в.[21] Нет в Смоленске и следов курганов.

Как же интерпретируется теперь гнездовский комплекс? Главный исследователь гнездовских памятников — Д. А. Авдусин — считает, что утверждение о связи Гнездова и Смоленска «искажает исторические представления» о том и другом. Гнездово, по мысли ученого, возникло почти одновременно со Смоленском, в нем обосновалось кривичское население, к которому вскоре примкнули иностранцы, занимавшиеся торговлей и двигавшиеся по пути из варяг в греки[22]. Таким образом, нам предлагается считать, что огромное кривичское торгово-ремесленное поселение, где в течение почти целого века находилось (судя только по умершим и главным образом во второй половине X в.!) не менее четырех — пяти тысяч человек, в основном торговцев-воинов, которое было окружено крупнейшим в мире курганным могильником и на городище имело, вероятно, свое святилище, что поселение это не могло быть кривичской столицей на Днепре. А центр кривичей, который по летописи «велик и мног людми и управлялся старейшинами», должен был быть (исходя только из современного наименования!) на месте теперешнего Смоленска, где кривичская столица не заявила себя ничем: ни слоем, ни обилием вещей, ни следами курганов, ни даже кладами IX—X вв.[23] И это в городе, где постоянны в разных местах археологические раскопки, где за земляными работами ведутся наблюдения квалифицированными специалистами (Е. А. Шмидт с группой студентов), где, наконец, исстари приносят в местный музей найденные в городе древности! Вероятна ли в X в. десятикилометровая близость двух крупнейших центров почти городского типа? М. Н. Тихомиров первый отметил невозможность этого и, не зная об отсутствии в Смоленске соответствующих напластований, присоединился к мнению, что Гнездово — удаленный городской некрополь[24]. Гипотезу В. И. Сизова — А. А. Спицына подтверждают и иные данные. Как известно (правда, по поздним летописям), став киевским князем, Владимир Святой посадил в Смоленске своего десятого сына Станислава. Сведение это справедливо, так как (как указал уже А. А. Шахматов) греческая хроника свидетельствует, что в 1036 г. этот князь там и умер. Где же тот город, которым управлял Станислав? Остается предположить—в Гнездове. Действительно, именно там найдена

---

[20] См., например: *А. В. Арциховский.* Введение в археологию. М., 1947; *его же.* Основы археологии. М., 1954, стр. 203; *Б. А. Рыбаков.* Ремесло древней Руси. М., 1948, стр. 112, и др.

[21] *Д. А. Авдусин.* К вопросу о происхождении Смоленска и его первоначальной топографии, стр. 71 сл.; *Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт.* Смоленский детинец и его памятники, стр. 287 и др.

[22] *Д. А. Авдусин.* Гнездово и Днепровский путь, стр. 165.

[23] Клад 1909 г. происходит не из Смоленска (*В. М. Потин.* Топография находок западноевропейских монет на территории древней Руси. Тр. Г. Э., IX, 1967, стр. 299). а из дер. Жилино Вяземского уезда (*Т. В. Равдина.* Археологические замечания к нумизматическим работам. СА, 1975, 1, стр. 324) или даже просто из Гнездова, где в 1909 г. был найден также клад (Клад. К находке клада в Гнездове. «Смоленский Вестник», 1909, № 199, 200, 206; ИАК, Приб. к вып. 34, СПб., 1910). В Смоленске были найдены лишь единичные монеты: Н. Н. Мурзакевич сообщил о монете-диргеме, найденной при разламывании одной из башен смоленской крепости (*Н. Надеждин.* Геродотова Скифия. Записки ОИДР, I, Одесса, 1846, стр. 146). Вторая монета была найдена в городе в 1868 г. (Kungl. Vitterhets historie och antikwitets academiens manasablad. Stockholm, 1868, S. 194). В 1896 г. в музей передали найденную у п. Архангела Михаила чешскую монету XIII в. Венцеслава («Смоленский Вестник», 1892, № 23). Есть глухие сведения о кладе (?) в самом Смоленске — с вещами найдена монета-диргем 953/954 гг. (*Г. Ф. Корзухина.* Русские клады. М.—Л., 1954, стр. 87).

[24] *М. Н. Тихомиров.* Древнерусские города. М., 1956, стр. 28.

его тамга [25]. Гнездовский Смоленск, следовательно, предстает перед нами как центр-святилище смоленских кривичей, обнесенный, несомненно, какими-то укреплениями (деревянными и небольшими), и неудивительно, что писавший о городе далекий император Византии вполне мог принять этот крупнейший центр племени за большую крепость «Милиниски». Дань с днепровских кривичей в этом городе делилась с варягами, с Киевом (после похода Олега), а затем и с князем Станиславом. Он сам был еще слаб, с варяжской данью не боролся, а проезжавшие купцы вынуждены были быть и воинами (что отразили и курганы). Вполне правомерны сравнения Гнездовского Смоленска с северными европейскими пунктами Хедебю, Скирингссалем, особенно Биркой [26]. Судя по географическому положению, наличию отложений IX—X вв., топографическому сходству, можно предположить, что так же возник и ближайший к Гнездову, одновременный с ним и лежащий на другом конце того же волока, Витебск, а также и Полоцк и ряд других городов этого же времени [27].

Гнездовских скандинавов Д. А. Авдусин связывает с деятельностью варяжского купечества [28], что в основе безусловно справедливо. Но объяснения наличия в разных местах именно северной Руси женских скандинавских захоронений в науке до сих пор нет, хотя очевидно, что купцы своих жен в путешествия не возили. Г. Ф. Корзухина видела в этих погребениях «выходцев из Скандинавии, живших здесь постоянно», но что делали чужеземные семьи в нашей стране, исследовательница не разъяснила. В летописи сказано, что в 882 г. Олег «нача городы ставити и устави дани словѣномъ кривичѣмъ и мери и устави варягомъ дань даяти от Новагорода 300 гривен (серебра) на лѣто, еже до смерти Ярославлѣ даяше варягомѣ». В Новгородской летописи уточнено: дань варягам, оказывается, платили не только новгородцы, но словене, кривичи и меря. Под 885 г. выясняется, что радимичи — южные соседи кривичей — до этого года платили дань не варягам, а хазарам, а позднее — в Киев [29]. Значит, двигаясь по землям севернее, организовывая погосты, определяя дань варягам, варяжский конунг Олег выстроил там ряд пунктов для сбора дани, а погребения варяжских женщин (не случайно самая южная точка их — Гнездово) указывают на места поселения варяжских чиновников с семьями (а не торговцев). Приведенный летописный

---

[25] ПСРЛ, XV, М., 1965, ч. 2, стб. 113; *А. А. Шахматов.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 89, 90, прим. 2; *С. С. Ширинский.* Ременные бляшки со знаками Рюриковичей из Бирки и Гнездова. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 223. В работах М. Н. Тихомирова проскальзывает еще один аргумент в пользу изначального места Смоленска: по Житию Бориса и Глеба ладья Глеба, остановившаяся на Смядыни, якобы была видна из города, «эта подробность заимствована, видимо,— писал исследователь,— из рассказов очевидцев» (*М. Н. Тихомиров.* Ук. соч., стр. 30). Однако теперь мы знаем не только то, что в Смоленске не было слоя этого времени, но и то, что самая канонизация святых осуществилась только лишь в 1072 г. (*Н. Н. Ильин.* Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957; ср.: *М. Х. Алешковский.* Повесть Временных лет. М., 1971, стр. 83), когда рассказы об убийстве были слышаны уже от отцов и дедов. «Сказание об убийстве» было расцвечено вставками, «подгонявшими» его под шаблон, пришедший из Западной Европы (например, легенда об убийстве Вячеслава чешского X в.— *Н. Н. Ильин.* Ук. соч., стр. 52), вставками «благочестивого» характера (обоих святых убивали чуть ли не во время молитвы) и т. д. Удивительно ли, что колоритная деталь об «очевидцах» была также вставлена в текст в интересах вящей убедительности, причем «забывалось» действительное место существования в то время древнего города. Таким образом, «Житие Бориса и Глеба» не является полноценным источником для наших изысканий.

[26] *В. А. Булкин, Г. С. Лебедев.* Гнездово и Бирка. Сб. «Культура средневековой Руси» (к 70-летию М. К. Каргера). М., 1974; ср. *А. Я. Гуревич.* Походы викингов. М., 1966, стр. 48—64.

[27] *Д. В. Алексеев.* Полоцкая земля, стр. 168.

[28] *Д. А. Авдусин.* Гнездово и Днепровский путь, стр. 167, 168.

[29] *Г. Ф. Корзухина.* Курган в урочище «Плакун» близ Ладоги. КСИА, 125, 1971, стр. 63; ПВЛ, I, стр. 20; НПЛ, М.— Л., 1950, стр. 107.

текст указывает, что дань собиралась не варяжскими наездами, как иногда полагают [30], а в созданных Олегом (тогда еще не киевским князем!) специальных центрах. Заключение это подтверждается и иными соображениями. «В IX в. отдельные скандинавские погребения появляются в некоторых районах основных восточноевропейских водных путей, в тех местах, где в X в. нам известны уже группы, серии скандинавских погребений (Приладожье [31], район Смоленска, Ярославское Поволжье [32])», т. е. в первую очередь на землях словен, кривичей и мери, о которых и говорит летопись, касаясь варяжской дани [33].

«Затухание» Гнездова в начале XI в. Д. А. Авдусин склонен объяснять якобы открывшимся путем на Вопь [34]. Вопь была заселена еще в эпоху длинных курганов [35], и невероятно, чтобы о пути по ней не знали в IX—X вв. Путь этот был кружным и неудобным, но дело, кажется, еще и в другом. В 1054 г. варяжская дань кривичей прекратила существование — в их земле приступили к организации нового — Смоленского — княжества.

Создание такого княжества прежде всего ставило на очередь дня вопрос о материальном обеспечении смоленского князя, а также об укреплении цитадели, где он мог жить в безопасности и хранить это свое материальное «благополучие». В специальной работе я пытался определить объем дани первых смоленских князей. Оказалось, что в XI в. она собиралась с пунктов прежде всего на пути из варяг в греки, а также и с ряда пунктов, расположенных лишь на территории смоленских кривичей [36]. Иначе говоря, это была та кривичская дань, которая ранее поступала варягам, а теперь стала основным фондом первых княжеских доходов в Смоленской земле. Смоленскому князю было необходимо чувствовать себя вне опасности как в отношении варягов (у которых была только что отнята дань), так и в отношении своих же смоленских кривичей (с которых она теперь ему поступала). Гнездовское малоукрепленное поселение этим требованиям не удовлетворяло и крепость была выстроена на 10 *км* выше, на одном из отрогов высокого берега Днепра, на левой его стороне (вопросы торговли, волока и т. д. теперь, с «затуханием» международного значения пути из варяг в греки, отходили, как видим, на второй план). Так мы возвращаемся к прежней гипотезе В. И. Сизова — А. А. Спицына о «перенесении» Смоленска на новое место. Можно думать, что новая крепость в течение столетия постепенно перетянула жителей под свои стены, и «гнездовский» Смоленск окончательно захирел. Вопрос об интерпретации гнездовского комплекса как остатков древнего Смоленска все чаще встречается в литературе. Однако

---

[30] *В. Т. Пашуто.* Особенности структуры древнерусского государства. Сб. «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 85. Упуская данные археологии (погребения скандинавок), автор считает: «норманны не селились семьями, а женились на славянках и быстро ассимилировались» (см. *В. Т. Пашуто.* Внешняя политика древней Руси. М., 1968, стр. 23).

[31] *Л. С. Клейн, Г. С. Лебедев, В. А. Назаренко.* Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения. Сб. «Исторические связи Скандинавии и России». Л., 1970, стр. 243; *Е. А. Рыдзевская.* Старая Ладога в древнесеверной литературе. КСИИМК, XI, 1945.

[32] Ярославское Поволжье X—XI вв. М., 1963; *С. И. Кочкуркина.* Юго-восточное Приладожье в X—XIII вв. Л., 1973, стр. 57 сл. Автор пишет о крестьянской колонизации страны скандинавами, однако ближе к истине был Б. А. Рыбаков, указывавший на «укрепленные лагеря» варягов рядом с русскими городами, где «могли быть купцы и нанятые варяжские воины». Но и этот исследователь не ставил вопроса о варяжских женах и пунктах варяжского обложения (*Б. А. Рыбаков.* Обзор общих явлений русской истории IX—XIII вв. ВИ, 1962, 4, стр. 37).

[33] ПВЛ, I, М., 1950, стр. 20.

[34] *Д. А. Авдусин.* Гнездово и Днепровский путь, стр. 166.

[35] *В. В. Седов.* Длинные курганы кривичей. САИ, вып. Е1-8, М., 1974.

[36] *Л. В. Алексеев.* Устав Ростислава смоленского 1136 г. и процесс феодализации Смоленской земли. Сб. «S!owianie w dziejach Europy». Pozhań, 1974, str. 85—112.

нигде до сих пор (кроме работы И. И. Ляпушкина) оснований этому не приводилось [37].

Не обойдем и наименования «Гнездово». Здесь, как сказано, оно встречается сравнительно поздно, но вряд ли случайно, а в нашем толковании памятника приобретает и особый смысл. «Название «Гнездово» — писал М. Н. Тихомиров,— связывается с понятием «гнезда», по-древнерусски — рода. Вероятно, такого же происхождения и название одного из древнейших польских городов — Гнезно» [38]. Гнезно — столица древнепольского государства IX в. На денарии Болеслава Храброго (ок. 1000 г.) есть надпись «civitas Gnezdun» (город Гнездун), что, возможно подтверждает гипотезу М. Н. Тихомирова, чему не возражают и польские исследователи [39]. Гнездовский Смоленск был родо-племенным центром днепровских кривичей со святилищем и курганным некрополем. Наименование «Гнездово» от гнезда оно имело, возможно, одновременно с официальным наименованием города. В русской археологии известны еще случаи совпадения курганного могильника (где есть даже диргемы 900—906 гг.) с наименованием от гнезда — Гнездилово в Суздальском районе. Возможно также, что наименование Гнездово появилось после перенесения Смоленска на современное место, хотя известны случаи, когда старые части городов позднее получали особое наименование, которое сохранилось за ними навсегда [40].

Княжеский период истории Смоленска (место современного города)

Как проходило переселение жителей Гнездова под стены смоленской феодальной твердыни, мы не знаем. Кажется наиболее вероятным, что процесс этот протекал стихийно. Письменных источников о подобном переселении в интересующее нас время не сохранилось, судить о нем можно по более поздним аналогичным явлениям. Исследователи, к сожалению, обычно не используют серию интересных документов, рисующих возникновение и развитие Зарайска (XIII—XVI вв.).

«При соборе Николы Зарайского в первой половине XIII в. сложилась своеобразная, выводившая свой род из Корсуни, династия протопопов, которые от отца к сыну занимали свою должность. (...) Расположенная на высоких крутых берегах («Заразах») притока Оки — Осетра, крепость, сооруженная кругом собора, приобрела большое стратегическое значение как оборонительный пункт против татар. В первой половине XVI в. деревянные стены были заменены каменными и начиная с 1541 г. к «Николе Заразскому» стали назначаться воеводы. (...) На территории у стен «града» уже в первой половине XVI в. сложились значительные «посады», населенные «гражанами», которые в июле 1541 г. помогли с успехом отразить татар. Для защиты этих посадов был поставлен деревянный острог. Судя по описанию, произведенному в 1594—1597 гг., поселение «на

[37] *В. Л. Янин, М. Х. Алешковский.* Происхождение Новгорода. История СССР, 1971, 2, стр. 61; *М. Х. Алешковский.* Социальные основы формирования территории Новгорода IX—XV вв. СА, 1974, 3, стр. 110; *Г. С. Лебедев.* Путь из варяг в греки. Вестн. ЛГУ, № 20, вып. 4, 1975, стр. 41.

[38] *М. Н. Тихомиров.* Ук. соч., стр. 17.

[39] *W. Hensel.* Najdawniejsze stolice Polski. Warszawa, 1960, S. 15. Автор указывает еще подобное наименование под Пуцком — Гнежджево. Любопытно, что подобно Гнездову в Гнезно есть также свидетельства о племенном (?) святилище (Святое озеро, там же, стр. 11).

[40] *Е. И. Горюнова.* Этническая история Волго-Окского междуречья. М., 1961, стр. 192 и прим. 10. (Гнездилово). Во Владимире древняя восточная часть именовалась позднее Ветчаным городом, что понимается как старый, обветшавший (*Н. Н. Воронин.* Социальная топография древнего Владимира XII—XIII вв. и «чертеж» 1715 г. СА, VIII, 1946, стр. 154—158; ср. «Словарь русского языка XI—XVII вв.», т. II, М., 1975, стр. 127, 128). В рязанском говоре вѣтчанин — житель Вѣтки. Вѣтка — владельческий участок, вдающийся в чужое владение, что дает новый аспект пониманию термина («Живая Старина», СПб., 1898, вып. 2, стр. 209).

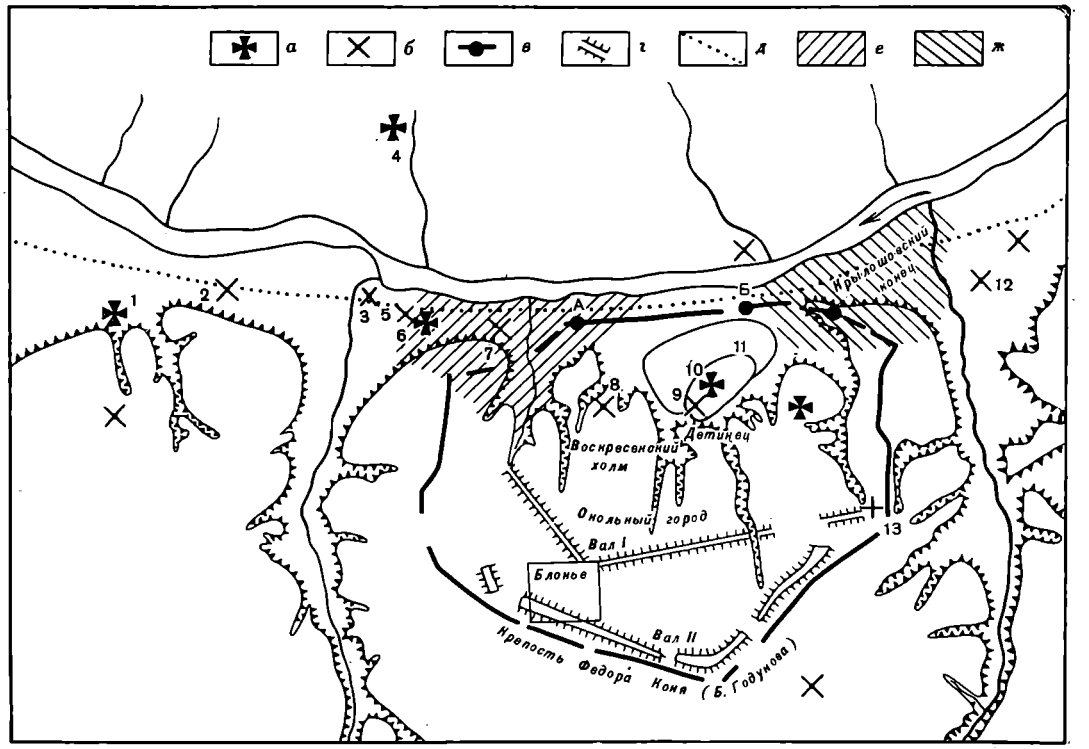


Рис. 2. Топография древнейшего «княжеского» Смоленска (реконструкция). Церкви: *1* — Архангел Михаил; *2* — безымянная на ул. Б. Краснофлотская; *3* — Кирилловская; *4* — Петра и Павла; *5* — «Немецкая божница» (ротонда), *6* — Иоанна Богослова; *7*— Пятницы на Малом торгу; *8* — на Воскресенском взгорке; *9* — капелла бесстолпная; *10* — Успенский собор Мономаха; *11* — «Терем»; *12* — на Большой Рачевке; *13* — Авраамиев монастырь. (*9—11* — на детинце Смоленска.) *а* — домонгольские церкви, сохранившиеся поныне; *б* — домонгольские церкви, известные по раскопкам; *в* — линия стен и башен крепости Б. Годунова (зодчий Федор Конь — XVI—XVII вв. А — Пятницкая башня, Б — Крылошанская башня); *г* — валы окольного города Ростислава (внутренний), эпохи развитого средневековья (внешний); *д* — предполагаемая улица Великая; *е* — предполагаемая территория Пятницкого конца; *ж* — предполагаемая территория Крылошовского конца

посаде, в остроге и за острогом (!)» было чисто городского типа. (...) Зарайский посад в конце XVI в. еще не вполне отделился от деревни» [41]. Вся эта картина, по нашему мнению, рисует наиболее вероятный путь обрастания смоленской крепости и собора Мономаха (1101 г.) посадом, который со временем был укреплен (так называемый Окольный город).

В современном Смоленске древности находят постоянно: остатки сооружений, каменные саркофаги, гробы в дубовых колодах, «каменные трубы» (?), отдельные вещи и монеты [42].

---

[41] *С. В. Бахрушин.* Научные труды, т. I, М., 1952, стр. 123.

[42] *И. Д. Белогорцев.* Новые исследования древнесмоленского зодчества. МИСО, вып. 1, Смоленск, 1952, стр. 88—92 (якобы 46 построек из плинф); *В. Правдин.* Интересная находка. «Рабочий путь», Смоленск, 1927, № 140 (деревянные сооружения); Отклики на заметки.— Там же, № 166 (по определению И. М. Хозерова, это настил дороги, изображенной на плане Гондиуса 1634 г.); *Н. Н. Мурзакевич.* Об открытии древней гробницы в окрестностях г. Смоленска. Труды и летописи ОИДР, М., 1837, т. VIII, стр. 307—309 (саркофаг из Смядынского монастыря); ИАК, прибавления к вып. 21, СПб., 1907, стр. 41 (перепечатка из «Нового времени» о находке крестьянами дер. Чернушки, очевидно, остатков Спасского храма Спасского монастыря с двумя саркофагами белого камня и костяками); Цікавая знаходка. «Савецкая Беларусь», Минск, 1927, № 257 (гробы из колод); «каменные трубы» найдены в 1889 г. на Кирочной ул. (Пушкинской). Ширина 1 ар. 6 в., высота 1 ар. 26 в. Исследованы на 88 сажень (дневниковая запись В. Грачева. Архив ГИМ, ф. 350 (В. И. Грачева), ед. хр. 2, л. 45). О находках отдельных вещей см., например: «Смоленский Вестник», 1889, № 204—205. В 1887 г. на р. Чуриловке была найдена часть энколпиона (*С. Писарев.* Пожертвования в Смоленский музей. «Смоленский Вестник», 1887, № 153).

Смоленск расположен на холмистом изрезанном берегу Днепра. В древнейшей его части имеется несколько холмов («гор»), между которыми протекают ручьи — среди холмов Соборного, Вознесенского, Воскресенского, Казанского и Георгиевского соответственно ручьи Пятницкий, Воскресенский и Егорьевский (рис. 2). Среди возвышенностей и ручьев между ними на правобережье главнейшие: Покровская гора, ручьи Городянка, Ильинский и Крупошевский.

Мысль, что древнейший Смоленск следует искать на Соборной горе, высказывалась давно. И. И. Орловский отмечал между Троицким монастырем и Соборной горой «сухой ров», через который некогда был перекинут мост [43]. Следы вала на Соборной горе виднелись еще в 1902 г., а в наше время заметно лишь небольшое «повышение уровня площадки в ее южной части» [44]. Овраги, окружавшие город, отчетливо видны на планах Смоленска 1765, 1781 и 1799 гг. [45]

На Соборной горе, где древнейшие культурные отложения датируются не ранее второй половины XI в., в домонгольское время было не менее трех каменных построек: Успенский собор Мономаха (1101 г., покоится под одноименным собором XVII—XVIII вв.); за современной оградой собора вблизи тупика Верхне-Митропольской (Школьной) улицы остатки светского здания из плинф со входом с угла; бесстолпная капелла на митрополичьем дворе (40-е годы XII в.) [46].

Дальнейший рост города начался, естественно, с территорий, примыкавших к детинцу непосредственно, и они, несомненно, вскоре были укреплены. При Мономахе, можно думать, окольный город был непосредственно за Сухим рвом, и его рельеф всего отчетливее читается на рисунке Гондиуса 1634 г. (наиболее точном из предшествующих, хотя ошибки видны и здесь, рис. 3) [47]. В 1135 г. этот «город» был уже, видимо, мал: Ростислав «устрои град великии Смоленскъ и церковъ созда с(вя)того Сп(а)са верху Смядыни и град Мстиславълъ онъ же созда» [48]. В одной из прежних работ П. А. Раппопорт полагал, что «град великии» занимал плато, «примыкающее с юга ко рву детинца (которое ограничено) с запада и востока большими оврагами. Мало вероятно, чтобы древние укрепления переходили на другую сторону этих широких и очень глубоких оврагов. Гораздо правдоподобнее, что стены окольного города проходили именно по краю оврагов и весь окольный город (...) занимал среднюю треть крепости XVI в.». По приложенному плану, окольный город занимал Авраамиев монастырь и достигал даже Молоховских ворот, что, как увидим, мало вероятно. К тому же, П. А. Раппопорт не учитывал, нам кажется, эрозии почв, которую за минувшие 800—900 лет, несомненно, овраги углубили и увеличили.

На изображении Смоленска 1627 г. (рис. 4) еще С. П. Писарев заметил вал, отсутствующий на позднейших зарисовках начиная с 1637 г. (в прошедшее десятилетие он был, видимо, срыт). «Начинаясь на востоке у Зеленого ручья,— писал историк,—вал шел к западу приблизительно по

---

[43] *И. И. Орловский.* Священник Н. А. Мурзакевич, обвиняемый в измене в 1812 г. «Русская Старина», СПб., 1903, вып. V, стр. 338.

[44] *И. И. Орловский.* Смоленская стена. Смоленск, 1902, стр. 3, 4; *Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт.* Смоленский детинец и его памятники, стр. 287—288.

[45] *Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт.* Ук. соч., стр. 288, прим. 4.

[46] Любопытно, что эта постройка интерпретируется Н. Н. Ворониным как терем, однако аналогичный «терем» Зд. Дурчевского в Гродно рассматривался им же как остатки укреплений, что более логично (*Н. Н. Воронин.* Древнее Гродно. МИА, 41, 1954, стр. 136).

[47] *П. П. Покрышкин.* Смоленская крепостная стена. ИАК, 12, СПб., 1904 (крайне схематично и условно дан детинец, который в действительности не холм, вмещающий лишь собор и какую-то постройку на склоне, но и большой митрополичий двор с церковью и т. д.).

[48] *Я. Н. Щапов.* Освящение смоленской церкви Богородицы в 1150 году. Сб. «Новое в археологии», стр. 282, приложение.

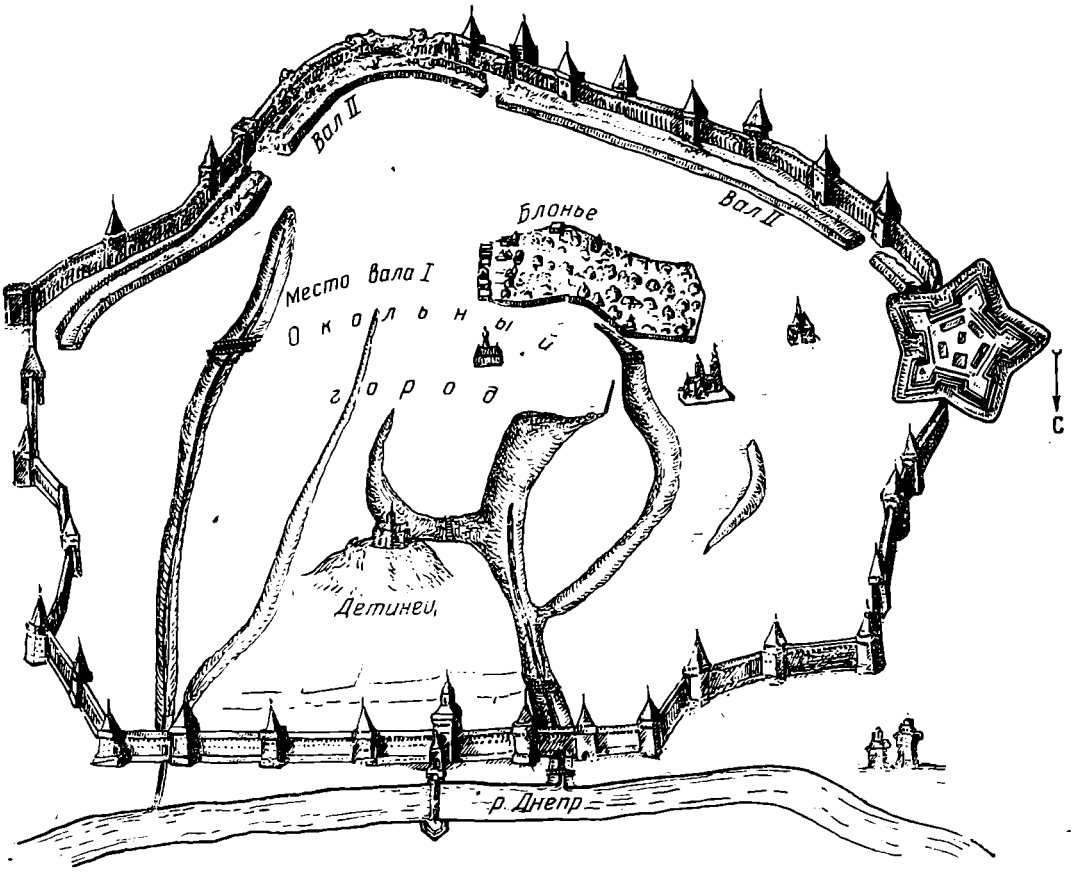


Рис. 3. Схема топографии Смоленка XVII в. по плану Гондиуса с дополнениями автора

теперешней улице Козловой горе (ныне ул. Ленина.— *Л. А.*), в Козловском овраге он пропадал, а на другой стороне снова появлялся. Далее, пересекая улицы, он имел переправы для проезда (видимо, места проездных башен. — *Л. А.*). Дойдя до Почтовой площади (ныне К. Маркса.— *Л. А.*), он круто повернул к северо-западу (...) и направился по окраине оврага за теперешнею Воскресенскою церковью (ул. Б. Воскресенская, ныне Войковская.— *Л. А.*), наконец, спустился к Днепру, к Пятницким воротам» [49]. В своей книге по истории смоленского зодчества М. К. Каргер, по-видимому прав, согласившись с этим. Справедливость такого предположения подтверждается и следующим: 1) Авраамиев монастырь, как и Блонье, оказывается за пределами города (что в первом случае соответствует житию святого, а во втором — смыслу наименования [50]); 2) в данной реконструкции укрепления пересекают лишь один овраг; 3) по многолетним наблюдениям местных специалистов (свидетельство Е. А. Шмидта), домонгольские вещи встречаются в городе от Днепра не далее ул. Ленина (т. е. упомянутой С. П. Писаревым Козловой горы).

---

[49] *П. А. Раппопорт.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв. МИА, 140, 1967, стр. 100; *С. П. Писарев.* Княжеская местность и храм князей в Смоленске. Смоленск, 1894, стр. 201.

[50] *С. П. Розанов.* Житие преподобного Авраамия смоленского и службы ему. СПб., 1912 (епископ Игнатий возвел монастырь вне города). «Блонье» на Руси всегда было вне города: «Изяслав (...) выправися весь из города и ста на болоньи» (1149 г.); «на болоньи бьяхуться, противу Вячьславлю полку» (1151 г.) (ПСРЛ., П. М., 1962, стб. 380, 432). Уроч. Блонье в Смоленске при Екатерине II было превращено в площадь для плац-парадов, а позднее в сад (*П. Никитин.* История города Смоленска. М., 1848, стр. 261).

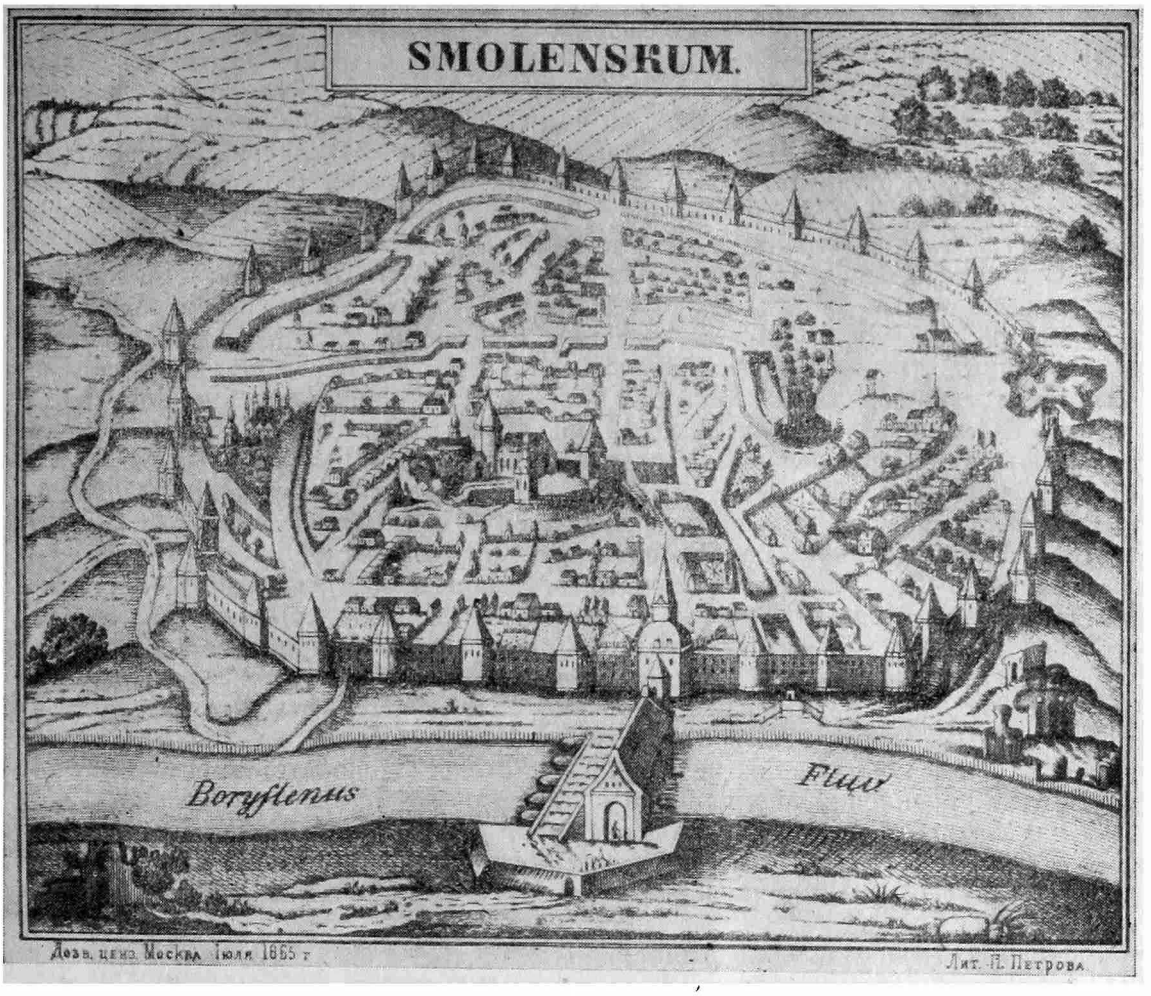


Рис. 4. План («чертеж») Смоленска 1627 г.

В северной части окольного города его укрепления проходили по кромке верхнего плато Соборной горы, за северной стороной ул. Нижне-Митрополъской. Судя по наименованиям расположенных ниже Армянской ул. (Соболева) и севернее, за стеной кремля, Армянской набережной, вся низинная часть до постройки годуновского кремля воспринималась единой территорией с единым, сравнительно, правда, поздним названием («Армянская Слобода»?). Другой единой территорией, относящейся к «митрополичьей» Соборной горе, были два плато ее северного склона с улицами Верхне- и Нижне-Митропольскими. Вал, следовательно, проходил между двумя этими едиными территориями. Наличие склона и дальше Днепра, можно думать, позволяло возвести здесь невысокий и неширокий вал.

Низинная церковь Пятницы на Малом Торгу (видимо, некогда он был основным) располагалась вне пределов окольного города, на Подоле (Подол упоминается в «Житии Меркурия Смоленского» — местном, хотя и позднем источнике). Рельеф местности показывает, что от упомянутой кромки Нижне-Митропольской улицы вал шел вдоль Воскресенского переулка к Воскресенскому холму (с церковью Воскресения первой половины XIII в., открытой Н. Н. Ворониным). Холм, таким образом, входил в окольный город. Слабые следы этой первой обороны города вне детинца видны еще на рисунке 1627 г. (рис. 4), однако оборонное значение ее было, видимо, утрачено и впоследствии на гравюры Смоленска она не попадала.

Здесь уместно поставить вопрос о втором вале Смоленска, описанном еще Н. Н. Мурзакевичем [51] и частично сохранившимся до наших дней. По всем гравюрам XVI—XVII вв. вал этот шел внутри годуновской крепости, у самых ее стен. Для Н. Н. Воронина почему-то несомненно, что «к XIII в. левобережный город имел уже два оборонительных пояса, прикрывавших его с напольной, южной стороны; они сохранялись еще в XVII в.», т. е. вал у стен Годунова возведен Ростиславом в 1135 г., а внутренний вал, по-видимому, Мономахом в начале XII в. Однако это означало бы, что стены Федора Коня (Годунова) прошли по «живому» городу, так как с XIII по XVI в. он не мог не развиваться вширь. Вместе с тем все рисунки Смоленска за пределами крепости никаких строений не изображают (рис. 3, 4). Их могли не нарисовать, но отсутствие города за крепостью подтверждает первая опись ее 1609 г.: из 38 башен поименованы лишь 12, расположенных вдоль Днепра, на местности исстари заселенной, остальные 26 в описи названы только в восьми случаях, либо, когда они были проездными (Копытенская, Молоховская, Еленовская, Авраамиевская), либо находились у какого-то известного здания (церкви, монастыря), урочища, возможно, местности (Стефановская, Городецкая, Заалтарная-Авраамиевская, Лучинская). Между ними было 18 башен, которые в начальный период существования крепости названий не имели: стены были проведены Годуновым по пустырю и были поименованы лишь позднее [52]. Ясно, что валы, включающие Блонье (вряд ли это наименование дошло до нас, если бы эту часть города поглотил окольный город еще в XIII в.), были возведены в XV—XVI вв., а кремлем Ростислава 1135 г. следует признать лишь первую систему укреплений, ближайшую к детинцу, укрепленному, возможно, Мономахом. Это был «Старый деревянный город», сохранивший это наименование до Годунова, когда было объявлено: «ездити в Смоленске в старом городе от Крылошовских ворот на Пятницкие и от Днепра на Духовские ворота» [53].

Кончанское деление было характерно для многих городов Руси. Сохранилось два наименования смоленских концов, которые значатся в письменных источниках: Пятницкий и Крылошанский. Есть глухие данные и о третьем конце — Ильинском [54]. Пятницкая и Крылошанская

[51] *Н. Н. Мурзакевич.* Достопамятности Смоленска, ЖМНП. 1835, № 12, стр. 11, прим. 24; *Н. Н. Воронин.* Два смоленских фрагмента в Устюжском летописном своде. ВИ, 1975, 2.

[52] Безымянные в 1609 г. башни получили со временем свои наименования, что и отразилось в более поздних описях: «меж Лучанской и Городецкой» стала наименоваться Поздняковской и еще позднее — Роговкой; «Первая от Авраамиевых ворот» (1609) — Долгочевской; «Другая от Авраамиевых ворот» (1609) — Зимбулка и т. д. (*П. П. Покрышкин.* Ук. соч., стр. 16—18). Городецкая башня выходила, как предполагалось, на древнее городище (*И. И. Орловский.* Смоленская крепостная стена). Любопытно наименование Лучанская. К востоку от Смоленска, юго-восточнее Дорогобужа на Угре, по письменным источникам известен Лучин-Городок — ныне дер. Городок, возле которого есть курганы и селище с домонгольской керамикой (*Л. В. Алексеев.* Исследования в древней Смоленщине. АО — 1972, М., 1973, стр. 49). Не к нему ли выводила догодуновская дорога (ликвидированная его кремлем) и сохранившаяся в названии башни? В этом случае и Городецкая башня могла бы быть в своем наименовании связана не с городищем, а именно с Лучиным-Городком (следов городища сейчас, по-видимому, нет, оно предполагалось). В своей последней работе П. А. Раппопорт приходит к тем же выводам: «кирпичные стены окружали весь Смоленск, а не были укреплением только его центральной части, поэтому совершенно неправильно, когда крепость эту иногда именуют кремлем» (*П. Раппопорт, А. Смирнова.* Архитектурные достопримечательности Смоленска, стр. 36).

[53] Извлечение из Актов исторических, т. II. СПб., 1842, стр. 146.

[54] *А. В. Арциховский.* Городские концы в древней Руси. ИЗ, вып. 16, 1945, стр. 3. В литературе уже отмечалось, что кончанское деление характерно для северных областей Руси, на юге же киевский Копырев конец является исключением. Соответствует ли он концу северно-русскому? Не просто ли это «окраинный конец городской территории», как уже предполагалось? (См.: *В. Л. Янин, М. Х. Алешковский.* Ук. соч., стр. 56). Вместе с тем «Копырев» у тюркоязычных народов имеет совершенно определенное значение: заносчивый, зазнавшийся (здесь, видимо, богатый, «аристократи-

башни кремля указывают, что первый конец лежал к западу от него, а Крылошанский — к востоку. Ильинский ручей — за Днепром, видимо, там только и мог существовать Ильинский конец. Пятницкий конец, очевидно, примыкал к окольному городу Ростислава и включал торг. Он, следовательно, был главнейшим и самым заселенным. Судя по топографии, он, по-видимому, охватывал все низинное пространство на правом и левом берегах Пятницкого ручья и доходил на востоке до основания Соборной горы. Крылошанский конец занимал всю низину над Днепром на левом берегу Рачевки и, возможно, заходил и на правую сторону, где есть домонгольские церкви на Большой и Малой Рачевках, в Окопном переулке и т. д. [55] Имевший, возможно, свою пристань, но удаленный от торга, Крылошанский конец был заселен менее интенсивно, чем Пятницкий, и в XV в. там еще существовали пустопорожние места. В документе 1497 г.: «сверх этого позволено церкви и епископу иметь в городе 8 дворов с людми (...) и дано место в Крылошовском конце на пристане Днепра» [56]. Сравнительно поздняя застройка конца домонгольскими церквями (не ранее XII—XIII вв.), видимо, тоже не случайна — в интенсивности жизни он отставал от Пятницкого. По С. П. Писареву, наименование конца следует производить от «епископских клириков, некогда (т. е. до 1497 г.) там поселенных» [57]. Но в 1497 г. клирики поселялись в конец, уже названный Крылошанским ранее. Возможно, конечно, что там жили члены церковного причта и ранее, но вероятна и другая этимология наименования конца. Удаленный от торга и, как увидим, княжеских хором, конец этот мог получить наименование от «крыла» в смысле фланга. Такое словоупотребление широко известно в древней Руси: под 1024 г. Мстислав «постави сѣвѣр в чело варягомъ, а с дружиною — по **крылома**», в 1096 г. «вдасть Мстислав стяг Володимеров половчину, постави и на правом **крилѣ**», в 1036 г. Ярослав поставил «на правой стороне кыяне, а на лъвомъ крылъ — новгородци» [58].

В Годуновской крепости не было башни Ильинской, и можно полагать, что ильинский конец (если он существовал) был за Днепром, где есть Ильинский ручей, у самого устья которого С. П. Писарев видел остатки домонгольского храма [59]. И. И. Орловский указал его на «чертеже» 1611 г., а в документе 1501 г. прямо говорится: «за Днепром в месте Смоленском близко церкви святого Ильи» [60]. Итак, вполне возможно, что, подобно первоначальному Новгороду [61], в Смоленске было три конца и один из них — за Днепром. М. Х. Алешковский думает, что они были в таком же виде перенесены еще из «гнездовского» Смоленска.

Как датируются поселения, примыкающие к детинцу? Датировка окольного города нам неизвестна, поскольку специальных раскопок не было. Лишь небольшая часть его затронута работами Д. А. Авдусина на верхней террасе склона Соборного холма, однако результаты, полученные здесь (Верхне-Митропольская, ныне Школьная ул.), нельзя распростра-

---

ческий»). (*Н. А. Баскаков.* Русские фамилии тюркского происхождения. СЭ, 1969, 4, стр. 18). Таким же географическим понятием, связанным с инородным населением (и не соотвесенным с происхождением города), в Киеве было «Жидове». (В 1124 г.: погоре Гора (...) и в городе и Жидове. ПСРЛ, II, М., 1962, стб. 288.)

[55] *С. П. Писарев.* Княжеская местность..., стр. 91; *Д. А. Авдусин.* Новый памятник смоленской архитектуры (церковь в Перекопном переулке). СА, 1957, 2; *Н. Н. Воронин.* Памятник смоленского искусства XII в. КСИА АН СССР, 104, 1965; *Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт.* Раскопки в Смоленске в 1966 году. СА, 2, 1969; *Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт.* Раскопки в Смоленске в 1967 г. СА, 2, 1971.

[56] *С. П. Писарев.* Княжеская местность...; АЗР, т. I, СПб., 1846.

[57] *С. П. Писарев.* Княжеская местность, стр. 53.

[58] ПВЛ, т. I, М., 1950, стр. 100, 101, 170.

[59] *С. П. Писарев.* Памятная книга города Смоленска. Смоленск, 1898, стр. 179, 180.

[60] *И. И. Орловский.* Борисоглебский монастырь в Смоленске на Смядыни и раскопки его развалин. «Смоленская Старина», вып. I, ч. 1, Смоленск, 1909.

[61] *В. Л. Янин, М. Х. Алешковский.* Происхождение Новгорода (к постановке проблемы). История СССР, 1971, 2, стр. 55.

нять на весь окольный город. Пятиметровый культурный слой на этой террасе оказался не старше XIII в.[62], чему удивляться не приходится, так как по грамотам епископии 1136 и 1150 гг. в XII в. какая-то часть холма (всего вероятнее, его склоны, террасы и т. д.) была занята огородами[63]. Более важной оказалась дата культурного слоя ниже, на Армянской улице (Соболева). Достигая 5,4 *м*, слой этот начал образовываться в то же время, что и детинец — во второй половине XI в. Он был оставлен, следовательно, теми жителями, которые перешли под стены нового мощного укрепления, бросив укрепления кривичского святилища в Гнездове, утратившем свое значение. Верные еще своей вере, первопоселенцы нового Смоленска перенесли сюда, возможно, и свое небольшое святилище, остатки которого были обнаружены в материковой яме в виде пяти положенных на бок деревянных чаш[64], что крайне напоминало раскопки святилища на Перыни под Новгородом[65].

Вдоль левого берега Днепра через городские концы к смядынской пристани и монастырю тянулась длинная дорога-улица, именовавшаяся в ряде других городов (Новгород, Полоцк, Витебск, Брячиславль-Браслав и др.)[66] Великой. Наименование это в Смоленске неизвестно, но можно думать, что для этой улицы оно существовало; в документе 1497 г. сказано: «Дали есмо к церкви Божой Пречистой Соборной (...) (место) от реки Большое Рачевы обапол **дороги Великое**, что идет перевозу»[67]. Если так именовалась восточная часть улицы (и у «перевоза» она не кончалась), то так она могла именоваться и западнее (ее поздние наименования: Богословская, Свирская, ныне обе они составляют Большую Краснофлотскую).

Помимо двух небольших по площади концов, подобно псковским — небольшим, тесно прижавшимся к реке[68], в Смоленске была, по-видимому, еще одна, густо заселенная территория, примыкавшая с запада к Пятницкому концу и тянувшаяся, как увидим, до церкви Архангела Михаила. Западная часть этой территории позднее именовалась Свирской слободой, однако при П. Свиньине еще помнили, что раньше слобода эта называлась Чуриловкой[69]. Речка Чуриловка впадает в Днепр почти сразу же за церковью Иоанна Богослова (XII в.), у ее устья возвышалась некогда домонгольская церковь, остатки которой (известные и ранее) были раскопаны П. А. Раппопортом и отнесены к XII— началу XIII в.[70] Упоминая этот памятник, М. К. Каргер отмечал, что никаких данных для установления его наименования нет. Н. Н. Воронин, вслед за местными историками-краеведами, называл его церковью св. Марии; П. А. Раппопорт в своих предварительных сообщениях о работе от атрибуции храма воздержался[71]. Однако наименование его очевидно. Исследования

[62] *Д. А. Авдусин.* Возникновение Смоленска. Смоленск, 1957, стр. 39.

[63] ПРП, т. II, М., 1953, стр. 39—43.

[64] *Д. А. Авдусин.* Смоленская археологическая экспедиция. АО — 1967, М., 1968; *его же.* Смоленская археологическая экспедиция. АО — 1968, М., 1969.

[65] *В. В. Седов.* Древнерусское языческое святилище на Перыни. КСИИМК, 50, 1953, стр. 92—103.

[66] *Б. А. Колчин.* Топография Неревского раскопа. МИА, 55, 1956, стр. 47; *Л. В. Алексеев.* К истории и топографии древнейшего Витебска. СА, 1964, 1; *его же.* Раскопки древнего Браслава. КСИА, 81, 1960, стр. 95; *его же.* Полоцкая земля, стр. 139.

[67] АЗР, т. I, СПб., 1846, № 144.

[68] *И. К. Лабутина.* К топографии городских концов Пскова в XV в. Сб. «Новое в археологии», 1972, стр. 265, 267 и рис. 1.

[69] *П. Свиньин.* Взгляд на достопримечательные здания в городе Смоленске и урочищах, находящихся в Смоленской губернии. «Отечественные Записки», 1826, сентябрь, стр. 310, 311.

[70] *П. А. Раппопорт, Е. В. Шолохова.* Смоленская архитектурно-археологическая экспедиция. АО — 1972, М., 1973; *они же.* Архитектурно-археологическая Смоленская экспедиция. АО — 1973, М., 1974; *они же.* Раскопки церкви у устья р. Чуриловки в Смоленске. КСИА, 144, 1975.

[71] *М. К. Каргер.* Зодчество древнего Смоленска. Л., 1964, стр. 92; *Н. Н. Воронин.* К истории смоленского зодчества XII—XIII вв., стр. 117.

П. А. Раппопорта установили, что других остатков церквей на р. Чуриловке нет. Чурило — по-древнерусски Кирилл [72], и не приходится сомневаться, что интересующая нас церковь носила именно наименование этого святого (откуда и название речки, а также и близлежащей слободы, населенной, видимо, ее прихожанами). После разрушения Кирилловской церкви приходским храмом, по-видимому, стала церковь Архангела Михаила, и древнее наименование слободы отошло на второй план.

Для понимания назначения этой части города необходим небольшой экскурс в историю Смоленской земли.

По смерти переяславского епископа Маркелла (1134 г.) Ростислав смоленский решил выполнить давнишнюю волю своего отца Мстислава Великого — выделить смоленскую церковь из переяславской епископии и создать свою собственную смоленскую епископскую кафедру. Для этого тогда же был создан особый документ, основывающийся на ряде предшествующих смоленских документов и гарантировавший епископии материальную базу. Официальную силу он приобрел в 1136 г. [73] Приняв это решение, Ростислав начал целый ряд преобразований в своей столице (и, как увидим, вообще земле). Уже в 1135 г. он укрепляет «град велик Смоленск» (т. е., как говорилось, окольный город) и отстраивает церковь Спаса «верх Смядыни» [74]. Приехавший в 1136 г. первый смоленский епископ Мануил получает на детинце среди других княжеских пожалований «огород с капустником» [75], т. е. в непосредственной близи с княжеской резиденцией. Почему? Не здесь ли на одной горе с князем находилось первое время и епископское местообиталище? Проследим дальнейшее строительство в городе. Оно теперь идет в двух направлениях. В 1145 г. Ростислав отстраивает в Смядынском монастыре каменный храм [76] (рис. 5). В эти же годы на детинце строится бесстолпная капелла, а также какое-то здание (терем или башня). В 1150 г. (15 августа) по какой-то причине происходит на детинце освящение собора Мономаха [77], а 30 сентября 1150 г. весь детинец уже официально передается епископу [78].

Если учесть, что в домениальных владениях в южной части земли Ростислав отстроил две крепости — одну, назвав своим именем Ростиславль, а другую в честь отца — Мстиславль, и в обеих возвел по каменной церкви (аналогичных по строительному материалу его церквам в Смоленске) [79], то можно признать, что этим князем владели крупные планы преобразования и укрепления Смоленской земли. Неизвестно, понимал ли он, укрепляя столицу, грядущую опасность княжеской власти — неизбежность ее борьбы с растущими силами горожан, но мы видим, что, постепенно передавая церкви старую крепость — городской детинец

---

[72] *Б. А. Рыбаков.* Древняя Русь. М., 1963, стр. 137; *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка, т. IV. М., 1973. Этимология наименования «Свирская слобода» вызывала различные, часто фантастические толкования (*С. П. Писарев.* Княжеская местность..., стр. 51). С нашим определением наименования церкви на р. Чуриловке — св. Кирилла П. А. Раппопорт согласился (*П. А. Раппопорт, Е. В. Шолохова.* Раскопки..., стр. 80).

[73] ПРП, т. II, М., 1953; *Я, Н. Щапов.* Смоленский устав князя Ростислава Мстиславича. АЕ — 1962, М., 1963; *А. В. Поппэ.* Учредительная грамота смоленской епископии. АЕ — 1965, М., 1966; *Л. В. Алексеев.* Устав Ростислава смоленского и процесс феодализации Смоленской земли.

[74] *Я. Н. Щапов.* Освящение..., стр. 282.

[75] ПРП, т. II, стр. 43.

[76] НПЛ, т. II, М., 1950, стр. 213.

[77] *Я. Н. Щапов.* Освящение...

[78] Дата 6659 и 14 индикт указывают на ультрамартовское исчисление (*А. В. Поппэ.* Ук. соч., стр. 64, прим. 21), следовательно, дата — 1150 г., а не 1151, как полагал П. В. Голубовский.

[79] *Я. Н. Щапов.* Освящение..., стр. 282 (о построении Мстиславля); *Л. В. Алексеев.* Древний Ростиславль. КСИА, 139, 1974; *его же.* Древний Мстиславль. КСИА, вып. 146, 1976; *его же.* Домен Ростислава смоленского. Сб. «Средневековая Русь». Памяти Н. Н. Воронина». М., 1976.

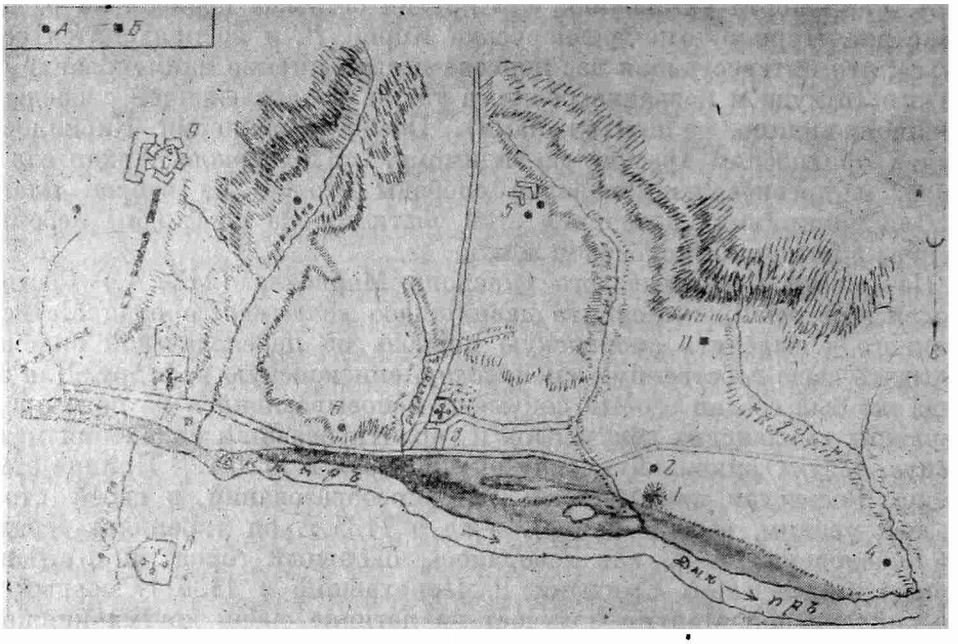


Рис. 5. План западной окраины Смоленска (рисунок Е. Н. Клетновой 1910-х годов, архив ЛОИА) с дополнениями автора: *1* — «курган» раскопок 1909 г. на Смядыни; *2* — Борисоглебский храм; *3* — Михаил Архангел; *4* — Троицкий монастырь на Кловке; *5* — Спасский монастырь; *6* — церковь на Б. Краснофлотской ул. (по Е. Н. Клетновой — Козьмодемьянский монастырь); *7* — Богословская церковь; *8* — Петропавловская церковь; *9* — так называемый «Королевский бастион»; *10* — Кирилловская церковь; *11* — Церковь в верховьях р. Кловки. А — Церкви, обозначенные Е. А. Клетновой; Б — Церкви, помеченные автором

(в 1136 г. только огороды и, возможно, некоторые строения у церкви Успения, а в 1150 г. весь холм), Ростислав усиленно возводил здания (и, вероятно, стены) смоленской святыни, «второго Вышгорода» — Борисоглебского монастыря на Смядыни и рядом еще монастырь. Заложив в 1145 г. основу — храм Бориса и Глеба, через пять лет в 1150 г., когда храм был готов, Ростислав смог, видимо, наконец окончательно оставить детинец и переехать в новую, удаленную от города резиденцию («филиалом» которой, по вероятному предположению Н. Н. Воронина, была еще и загородная, возможно летняя, резиденция в местах княжеской охоты — в 1136 г. упоминается его «тетеревник» с обслуживающим персоналом [80] и есть до сих пор церковь Петра и Павла, построенная этим князем), находящуюся за Днепром. «Загадочное» освящение епископского собора [81], видимо, объясняется весьма просто: храм ремонтировался при окончательной передаче детинца епископу.

Итак, к 50-м годам XII в. прославленный смоленский князь окончательно покинул первоначальную резиденцию смоленских князей в городе и, подобно полоцкому князю (в Бельчицах), обосновался либо вблизи, либо в самом Борисоглебском монастыре: наступала пора княжеских конфликтов с горожанами, и вне городских стен князь чувствовал себя свободнее... Теперь надлежит вернуться к слободе Чуриловке, для интерпретации которой потребовался весь этот экскурс.

Ростислав правил в земле 35 лет (1125—1160), за это время у него родилось пять сыновей и, можно полагать, существовали уже и внуки. Сыновья и их семьи неминуемо должны были выделяться. Многие из них

---

[80] ПРП, т. II, стр. 41; *Н. Н. Воронин, П. А. Раппопорт.* Раскопки в Смоленске в 1966 г., стр. 200—211.

[81] Ем. *Я. Н. Щапов.* Освящение...

получали, несомненно, земельные наделы и города в княжестве (в Торопце, мы знаем, позднее сидели князья младшей линии Ростиславичей), но не приходится сомневаться, что каждый Ростиславич, подобно уже упомянутому Давыду, имел свой двор в княжеской столице. Чуриловка была, по-видимому, той территорией вне пределов детинца и окольного города (оба были давно застроены), где селились князья. Лучшее место у самого торга занял, как говорилось, первенец Ростислава — Роман. При выделении этого княжича городские конфликты еще не сильно угрожали князьям. Двор Давыда с церковью Архангела Михаила был уже значительно дальше и ближе к Борисоглебскому монастырю. Ростиславичей было пять, и можно ожидать, что на Богословской и Свирской улицах (продолжавших одна другую и именуемых, по нашему предположению, в древности Великой) было еще три двора остальных княжичей и, вероятно, с особыми церквами, которые могли носить наименования по их христианским именам. Есть ли какие-либо данные об этих именах? Могли ли действительно по ним называться смоленские княжеские церкви?

Данные, которыми мы располагаем, позволяют говорить уверенно лишь о трех крестных именах Ростиславичей: судя по летописи, второго сына Ростислава звали Рюрик-Василий [82], есть данные о том, что первого Ростиславича, Романа, звали «в крещении» Борис, а третьего Глеб, крестные имена остальных сыновей Ростислава пока (до находок новых сфрагистических материалов) неизвестны [83]. В Смядынском монастыре при Романе уже стоял Борисоглебский собор, что и объясняет, почему он назвал отстроенный им храм храмом св. Иоанна Богослова, а Давыд по той же причине свой храм посвятил Архангелу Михаилу (патрональному святому отца). На интересующем нас участке города в Чуриловской слободе было еще два храма — церковь Кирилла и неизвестная по наименованию на Свирской улице (рис. 5). В Борисоглебском монастыре была еще церковь св. Василия. Последняя выстроена в 80-х годах XII в., чуриловские же церкви — в конце XII — начале XIII в.[84] В 1199 г. в киевском Вышгороде Рюрик Ростиславич возвел церковь во имя своего патрона — св. Василия. Можно полагать, что и в Борисоглебском монастыре церковь с этим названием была возведена им. Остаются две церкви в слободе Чуриловке, которые было бы очень соблазнительно связать со строительством двух последних сыновей Ростислава (имена их в крещении, к сожалению, неизвестны). Церкви могли бы в этом случае быть выстроенными на их дворах первоначально в дереве, а уже потом их сыновьями на рубеже XII и XIII в.— в камне. Однако для такого допущения строгих данных пока нет. Все же «Чуриловка» нам представляется «аристократической» частью древнего Смоленска: здесь на дороге между торгом, городской пристанью и одной из крупнейших русских святынь на Смядыни стояли княжеские (и, очевидно, боярские) хоромы, торговый двор немецких купцов с «Латинской Божницей» и, видимо, другие купеческие дворы. Особое развитие эта часть города, как и противоположная часть за Рачевкой, получила уже в то время, когда смоленская линия князей стала господствующей на Руси — в конце XII — начале XIII в. Недаром две церкви этой стороны и несколько той датируются именно этим временем. Середина XII — первая половина XIII в. были эпохой максимального расцвета древнего Смоленска. Мысль о таком «назначении» западной стороны современного Смоленска не нова. «Предание сохранило для нас сведение,— писал П. Никитин,— что в нынешней Свирской слободе находился княжеский

---

[82] ПСРЛ, т. II, М., 1962, стб. 711.

[83] *В. Л. Янин.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. I, М., 1970, стр. 91.

[84] Пользуюсь справкой по истории смоленской домонгольской архитектуры, любезно предоставленной мне П. А. Раппопортом.

дворец» и ссылался при этом на Н. А. Мурзакевича [85]. С. П. Писарев полагал, что «княжеская местность» была на Смядыни и смоленские князья появились там весьма рано. Ему возражал И. И. Орловский, резонно указывая, что первоначально смоленский детинец для князей был надежнее, и лишь позднее, опасаясь горожан (на что указывал уже С. П. Писарев), Смядынь стала и княжеской резиденцией [86]. Наличию княжеского двора (или, как в данном случае, дворов) при выезде из города, а не в нем удивляться не приходится: так расположены Бельчицы в Полоцке, княжеский двор на Любечской дороге в Чернигове [87] и т. д. Остается только открытым вопрос, где был такой двор под Смоленском: вблизи ли Борисоглебского монастыря, в позднейшей ли Свирской слободе (западная часть слободы Чуриловки)? Он может быть решен, нужно думать, только археологически. Пока же поиски культурного слоя в Смядынском монастыре дали незначительные результаты (любезное свидетельство П. А. Раппопорта). Храмы Спасского монастыря «верх Смядыни» (рис. 5) строились на «необжитом месте» [88].

Неясна еще древняя заселенность правобережья. Н. Н. Воронин думал, что вокруг церкви Петра и Павла была княжеская резиденция. Возможно, это и так. Но не следует забывать, что за Днепром давно зафиксированы и другие домонгольские храмы: у Ильинского ручья, у церкви Гурия, Самона и Авива, у ограды Гурьевского кладбища («мозаичный пол и мелкие изразцы»), под Печорской горой, на Крупошевом протоке и т. д.[89] Ильинская церковь здесь существовала вплоть до 1609 г.[90] В целом Смоленск был издревле опоясан многочисленными храмами и монастырями, обилие которых поражало иностранцев еще в первой половине XVI в.[91], и город был, следовательно, заселен на обеих сторонах Днепра. Отыскание этих остатков, как и изучение культурного слоя вокруг них,— неотложная задача сегодняшнего дня.

Подведем итоги. Центр формирования кривичей верховьев Волги, Двины и Днепра — древний Смоленск — возник в IX в. на месте современного с. Гнездово. В X в. это был уже обширный торгово-ремесленный и военный пункт, связанный с торговыми городами скандинавского Запада и близкий им типологически. Как и там, процесс классообразования зашел в нем достаточно далеко. Есть данные о трех группах населения — предводителях дружин, дружинниках и ополченцах. Известный процент населения составляли скандинавы, часть которых была представлена купечеством, а часть, как мы полагаем, чиновниками, контролировавшими сбор дани в пользу варягов. Расцвет «гнездовского Смоленска» второй половины X в. не мог оставить Киев равнодушным. Появление в конце этого столетия в Смоленске князя Святослава следует рассматривать как попытку наложить тяжелую руку Киева на этот город. Опыт этот оказался не совсем удачным — варяжская дань продолжала существовать. Со смертью Ярослава Мудрого (1054 г.) в Киеве возникло решение о создании самостоятельного смоленского княжения. Прежнее низинное место Смоленска, удобное для торговли, нового князя теперь уже не удовлетворяло. Его цитадель возникла в 10—12 *км* выше по

---

[85] *П. Никитин.* История города Смоленска. М., 1848, стр. 9.

[86] *И. И. Орловский.* Борисоглебский монастырь..., стр. 207.

[87] *Л. В. Алексеев.* Полоцкая земля. М., 1966, стр. 140, 207, 208; *Б. А. Рыбаков.* «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1871, стр. 126. Как и в Смоленске, в Полоцке, после ухода князя в Бельчицы, детинцем полностью завладел епископ (*Г. В. Штыхов.* Древний Полоцк. Минск, 1974, стр. 34).

[88] *Н. Н. Воронин.* К истории смоленского зодчества..., стр. 107.

[89] *М. К. Каргер.* Зодчество древнего Смоленска, стр. 119, 120.

[90] Акты исторические, т. II (издание Археографической комиссии). СПб., 1841, стр. 318.

[91] «В городском предместье (Смоленска.— *Л. А.*) заметны развалины многочисленных монастырей, выстроенных из камней»,— писал в XVI в. С. Герберштейн (*С. Герберштейн.* Записки о московитских делах. СПб., 1908, стр. 112).

Днепру (на высокой горе) и перетянула к себе гнездовское поселение, так как именно к этому времени экономическая основа его — варяжско-греческий путь — захирел. Есть данные, позволяющие полагать, что прежняя варяжская дань составила экономическую основу первых смоленских князей.

Домонгольский княжеский Смоленск, развившийся в XII в. в один из крупнейших городов Руси, имел кончанскую структуру [92]. Первоначальным экономическим центром его был торг, а политическим — детинец («Соборная гора»). С усилением роли горожан и веча смоленский князь (Ростислав) укрепляет окольный город, возводит близ Смядыни свою загородную резиденцию, а детинец в середине XII в. уступает епископу. Можно думать, что аристократическая часть Смоленска разместилась в его западной части — «Кирилловской слободе», где по дороге на Смядынь и к смоленской пристани сконцентрировалось основное количество древних княжеских (и боярских?) усадеб.

L. V. Alexéiev

LE VIEUX SMOLENSK ORIGINE, HISTOIRE INITIALE, TOPOGRAPHIE

Résumé

Smolensk, cet ancien centre krivitch, a joué un rôle important dans la Russie prémongole. Dans la chronique d'Oustioug, il est noté pour l'année 862 que la ville «est grande, que la population en est nombreuse, et qu'elle est administrée par des notables». En 882 la ville fut prise par le prince Oleg. Au Xe siècle Constantin Porphyrogénète la nomme. Au XIe s. elle devient le centre de la principauté de Smolensk. Se basant sur la fait que dans la ville contemporaine il n'existe pas de couches culturelles datant du IXe s., mais que celles — ci existent dans l'ancien village de Gniozdovo (à 10 km de Smolensk, en aval du Dniepr), lequel est entouré d'un des plus grands cimetières du monde, l'auteur soutient l'opinion des savants qui voient dans ce village les restes de l'ancienne Smolensk. Et réellement, dans la ville actuelle de Smolensk, les plus anciennes couches remontent seulement à la fin du XIe s., alors que de cette époque il n'en existe pas à Gniozdovo. L'auteur estime erroné le point de vue de D. A. Avdousine sur la coexistence de Smolensk et de Gniozdovo. Selon lui, la ville actuelle a été érigée au milieu du XIe s., lorsque le nouveau prince de Smolensk jugea indispensable d'avoir un point fortifié pour établir un puissant centre féodal. La ville princière se forma à partir de la Sobornaïa gora, à côté de laquelle apparut un «okolny gorod» ainsi qu'un «posad». Si l'on en juge par les sources conservées, il y avait à Smolensk deux «kontza» (Piatnitski et Krylochanski), quartiers dont l'existence ne peut pas être mise en doute, et encore un autre (Ilinski), connu seulement par la tradition orale.

---

[92] Попытка видеть в гнездовском Смоленске кончанскую структуру начинающегося города, которая затем полностью была якобы перенесена под стены княжеского Смоленска (*М. Х. Алешковский.* Социальные основы формирования Новгорода IX—XV вв. СА, 1974, 3, стр. 110), безусловно, интересна, но, как кажется, требует специальных доказательств.

В. А. БУРОВ

ПЕЧАТИ ПРИ НОВГОРОДСКОМ НАКАЗЕ 1372 г. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ КОНЧАНСКОЙ ЭМБЛЕМАТИКИ НОВГОРОДА XIV в.

В 1372 г. в Торжке между новгородцами и тверичами произошло крупное военное столкновение, которое закончилось пожаром города и гибелью сотен людей [1]. Чтобы урегулировать конфликт, в том же году от имени «посадника Михаила, от тысячкого Матфея, от бояръ, и от житьихъ людеи, и от чорныхъ людеи, и от всего Новагорода» был составлен Наказ послам Юрию и Якиму об условиях заключения мирного договора с тверским князем Михаилом Александровичем. К нему новгородцы «приложили» 12 печатей «изо всихъ пяти концевъ» [2] (рис. 1 и 2).

Исследователи неоднократно обращались к буллам грамоты 1372 г., пытаясь определить их место в кончанской сфрагистике. Однако на их пути стоял ряд трудностей, связанных прежде всего с детальной атрибуцией печатей. Если принадлежность печатей № 706 и 597 [3] степенному посаднику Михаилу Даниловичу и степенному тысяцкому Матфею Фалелеевичу была совершенно очевидна, то этого нельзя было сказать об остальных девяти буллах представителей концов [4]. Дело в том, что на некоторых из них (№ 599, 694, 699) читались имена, не известные в летописях и других письменных источниках. Кроме того, поражала пестрота оформления печатей: одни несли на обеих сторонах только многострочную надпись с указанием имени и должности (№ 585, 598), другие — только имя и отчество без указания должности (№ 673). Что касается третьей группы, то на одной стороне булл читалась надпись с указанием имени и должности или просто имени, а оборотная сторона несла изображение святого (№ 581, 582, 599, 685, 694, 699).

Разобраться в пестроте сфрагистического материала и провести его почти полную атрибуцию в значительной степени удалось В. Л. Янину. Исследователь определил персональную принадлежность четырех булл кончанских посадников и пяти булл кончанских тысяцких [5]. Он установил, что печати № 581, 582, 585, 685 и одна утерянная принадлежали соответственно посаднику Плотницкого конца Андреяну Захарьиничу, посаднику Прусской улицы Якову Хотову, посаднику Неревского конца Юрию Ивановичу, посаднику Славенского конца Селивестру Лентееву, боярину Прусской улицы Ивану Семеновичу (Муторице). Остальные пять печатей (№ 598, 599, 673, 694, 699) были определены В. Л. Яниным

[1] НПЛ, стр. 371, 372.

[2] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, М.—Л., 1949, стр. 32, 33.

[3] Нумерация печатей дана по книге В. Л. Янина (*В. Л. Янин.* Актовые печати древней Руси X—XV вв. М., 1970, т. 1, 2).

[4] Одна булла, десятая по счету, утеряна (см. *В. Л. Янин.* Ук. соч., т. 2, стр. 114).

[5] *В. Л. Янин.* Ук. соч., т. 2, стр. 113—115; *его же.* Новгородские посадники. М., 1962.

Рис. 1. Печати посадников при грамоте 1372 г.: *1* — Михаила Даниловича (№ 706); *2* — Селивéстра Лентеева (№ 685); *3* — Якова Хотова (№ 582); *4* — Андреяна Захарьинича (№ 581); *5* — Юрия Ивановича (№ 585)

Рис. 2. Печати тысяцких при грамоте 1372 г.: *1* — Матфея Фалелеевича (№ 597); *2* — Семена Андреевича (№ 673); *3* — Филиппа (№ 599); *4* — Олисея Ананьинича (№ 598); *5* — Ивана Еремьинича (№ 699); *6* — Степана (№ 694)

как буллы кончанских тысяцких: Олисея Ананьинича, Филиппа, Семена Андреевича, Степана, Ивана Еремьинича. Семен Андреевич представлял Плотницкий конец, Олисей Ананьинич — Неревский. Кончанская принадлежность Филиппа, Степана, Ивана Еремьинича так и осталась неизвестной.

Проделав работу по атрибуции печатей при Наказе 1372 г., В. Л. Янин пришел к выводу: «В 70-х годах XIV в. кончанское представительство еще не имело особого выражения в каких-либо сфрагистических типах. Буллы представителей концов, судя по грамоте 1372 г., были именными печатями этих старост, которые называли себя по имени, не оговаривая своей кончанской принадлежности» [6].

Данный вывод уже на более широкой основе закрепил положение, высказанное ранее А. В. Арциховским в работе «Городские концы в Древней Руси»: «Буллы при Наказе 1372 г. принадлежали просто отдельным боярам. Неизвестно, были ли уже в XIV в. специальные печати концов» [7].

На первый взгляд, такое заключение кажется бесспорным. Действительно, если бы принадлежность к концам была оговорена, то каждая булла кончанского должностного лица имела бы эмблему конца. Здесь же налицо чередование типа печатей, поля которых заполнены с двух сторон надписями, с другим типом, несущим на одной стороне изображение, а на другой — надпись. Причем есть группа печатей, которая несет изображения св. Селивестра, Филиппа, тезоименитых владельцам, что как будто бы указывает на использование личных булл.

Однако в этих аргументах есть противоречие, заключающееся в том, что булла тысяцкого Степана имеет изображение не святого Степана, а архангела Михаила; на печати тысяцкого Ивана Еремьинича мы не видим святого Иоанна, а различаем просто пешего воина — изображение явно светского характера. Наконец, печать посадника Андреяна Захарьинича несет образ Вседержителя, а не св. Андреяна. Названные изображения, не тезоименитые владельцам, остаются необъяснимыми. Они по своей системе оформления как бы выпадают из новгородской сфрагистики, так как личные буллы, судя по аналогии с печатями Селивестра и Филиппа, должны изображать святого покровителя своего владельца. Кроме того, при детальном знакомстве с иконографией святого Филиппа выявляется еще одно противоречие. Оказывается, что древнерусской иконографии неизвестен св. Филипп-воин, хотя ей хорошо знакомы его тезки: апостолы, царь Римский и его сын, мученики [8]. Очевидно, надпись «Филипп» рядом с воином указывает лишний раз на имя владельца и не связана с изображением. Данная мысль верна, тем более что рядом с именем отсутствует слово «агиос» — святой. Что же касается св. Селивестра, то по манере изображения он практически неотличим (если отсутствует надпись) от святых Николая и Павла Исповедника [9]. Между тем образы Вседержителя, всадника, воина с копьем и щитом присутствуют в качестве эмблем на печатях кончанских посадников и тысяцких XV в.[10] Все это и заставляет нас прийти к мысли, что изображения на печатях Наказа 1372 г. имеют прямое отношение к кончанской эмблематике.

Но если эмблемы концов появились не в XV, а в XIV в., как же в таком случае объяснить их отсутствие на печатях кончанского посадника Юрия Ивановича (№ 585) и кончанских тысяцких Семена Андреевича

---

[6] *В. Л. Янин.* Актовые печати..., т. 2, стр. 134.

[7] *А. В. Арциховский.* Городские концы в Древней Руси. ИЗ, 16, 1945.

[8] *Г. Д. Филимонов.* Иконописный подлинник сводной редакции XVIII века. М., 1874, стр. 132, 133.

[9] Там же, стр. 186, 207, 231; *В. Л. Янин.* Актовые печати..., т. 2 (ср. буллы № 759 и 763 на стр. 295, табл. 41).

[10] *В. Л. Янин.* Актовые печати..., т. 2, стр. 141—144, 290—294, табл. 36—40.

(№ 673), Олисея Ананьинича (№ 598), где присутствует лишь двусторонняя надпись? Ответ на этот вопрос не представляет особой сложности. Необходимо только вспомнить, как использовали печать в древнем Новгороде, скажем, в начале XV столетия. Ярким примером служит история печати № 590 [11], о которой подробно пишет В. Л. Янин.

Названная печать сохранилась при грамоте 1422—1423 гг. Новгорода Риге о претензиях Данилы Андреевича. Принадлежит она посаднику Василию Никитичу. На лицевой стороне буллы помещена надпись: «Печать Василья Микитинича», а на оборотной стороне — изображение воина, стоящего в полный рост, с копьем и щитом. По краю — слова: «Русского посадника». Вопреки сообщению буллы о том, что Василий Никитич был посадником Руссы, а не Новгорода, как замечает В. Л. Янин, грамота имеет чисто новгородское происхождение. В ее тексте Василий Никитич назван новгородским посадником и выступает от всего Великого Новгорода вместе с тысяцким новгородским. Весьма показательно, что в начале 1420-х годов Василий пользуется старой буллой, которая была изготовлена во всяком случае до 1416 г., т. е. до начала его посадничества в Новгороде (когда он занимал пост посадника в Руссе). Следовательно, делает вывод В. Л. Янин, переход Василия Никитича на новгородское посадничество не повлек за собой изготовление новых матриц, соответствующих его новому положению: он по-прежнему пользовался старой печатью [12].

Приведенное наблюдение для нас крайне важно, так как объясняет причину хаоса, царящего в кончанской сфрагистике грамоты 1372 г. Можно предположить, что буллы Юрия Ивановича, Олисея Ананьинича и Семена Андреевича с двусторонними надписями должны принадлежать соответственно бывшим степенному посаднику, степенному тысяцкому (кстати, печати и называют их новгородскими посадником и тысяцким) и еще какому-то должностному лицу, оказавшемуся в составе кончанского представительства в результате перехода с другой должности. В правоте нашей гипотезы нетрудно убедиться, обратившись к Новгородской Первой летописи. Под 1371 г. (Наказ составлен в 1372 г.) читаем: «Того же лета ездиша на съездъ Юрьи Иванович посадник новгородчьскыи, Селивестръ Лентеевич, Олисеи тысячкыи, Олександръ Колывановъ, и доконцаша миръ с Немци под Новымъ городкомъ» [13].

Таким образом, в 1371 г. Юрий Иванович действительно был новгородским посадником, а Олисей Ананьевич степенным тысяцким. Что касается Семена Андреевича, то мы признаем его бывшим двинским посадником. Атрибуция печатей с двусторонними надписями, включающими имя и отчество без указания должности, дана в приложении к данной статье.

Итак, нам удалось объяснить отсутствие эмблем на ряде печатей. Вывод, который можно из этого извлечь, очевиден: отсутствие изображения на трех кончанских буллах Наказа 1372 г. является не следствием отсутствия кончанской эмблематики в XIV в., а результатом традиции, согласно которой перемещение лиц с одной должности на другую сопровождалось употреблением печати прежней должности.

Для окончательного решения вопроса о существовании кончанской эмблемы во второй половине XIV в. обратимся непосредственно к буллам новгородского Наказа 1372 г.

Булла № 585 посадника Неревского конца Юрия Ивановича (рис. 1, *5*). Эмблема Неревского конца на ней отсутствует, поскольку данный посадник в 1372 г. использовал свою прежнюю печать периода степенного посадничества.

---

[11] Там же, стр. 279, табл. 25.
[12] *В. Л. Янин.* Актовые печати..., т. 2, стр. 95, 96.
[13] НПЛ, стр. 371.

Булла № 581 Андреяна Захарьинича, посадника Плотницкого конца (рис. 1, *4*). Судя по изображенному на ней Вседержителю, можно заключить, что образ его и был эмблемой Плотницкого конца. В правоте нашей мысли убеждают два факта. Во-первых, Вседержитель присутствует в качестве эмблемы данного конца на печатях XV в.[14] Во-вторых, существует еще одна печать (№ 580) с изображением Вседержителя и надписью: «Посадника печать Александрова новгородского»[15]. XIV столетие знает двух посадников с таким именем: Александрова Дворянинцева брата, занимавшего пост степенного посадника между 1346 и 1354 гг., жившего в Плотницком конце, и Александра Семеновича, брата посадника Ивана Муторицы, боярина Прусской улицы, посадничавшего между 1354 и 1360 гг.[16] Так как находка печати № 580 случайна, то мы лишены возможности говорить о времени употребления этой буллы. Во всяком случае она датируется В. Л. Яниным ранним сравнительно с 1370-м годом временем[17]. Что же касается ее принадлежности, то этот вопрос, на наш взгляд, решает эмблема Вседержителя, указывающая на Плотницкий конец. Следовательно, ее надо рассматривать как печать Александра Дворянинцева брата.

Булла № 582 Якова Хотова, посадника Загородского конца, боярина Прусской улицы, несет изображение святого всадника (рис. 1, *3*). Но ни один из святых Яковов (брат евангелиста Матфея, апостол, священномученик, отшельник, Персянин-мученик, преподобный епископ, пресвитер-мученик) не был воином и никогда не изображался с копьем в руке на коне[18]. Между тем для XV в. изображение всадника отмечено в качестве эмблемы Загородского конца, включавшего в свой состав и Прусскую улицу — местожительство Якова Хотова. Вряд ли это совпадение случайно, тем более что на найденной печати № 583 посадника Никиты Матвеевича тоже присутствует изображение святого всадника[19]. Но ведь этот боярин тоже жил во второй половине XIV в. на Прусской улице в Загородском конце[20]. Таким образом, эмблематика Загородского конца для XIV столетия очевидна — святой всадник.

Булла № 685 посадника Славенского конца Селивестра Лентеева несет изображение святого в кресчатых ризах. Расплывчатость изображения заставляет нас обратиться в поисках аналогий к эмблеме XV в. Славенского конца. Эмблемой Славны в XV в. было изображение святого Павла Исповедника, которое представлено на печати № 759. Правая рука святого находится в благословляющем жесте, в левой он держит икону. Видимо, и булла Селивестра при Наказе 1372 г. несет аналогичное изображение. Различить икону мешает нечеткость изображения как раз на этом месте.

Булла Ивана Семеновича (Муторицы) утеряна. Однако зная, что он представлял в посадничестве Прусскую улицу, а следовательно, и Загородский конец, имевший двойное представительство в посадничестве, нетрудно догадаться, что и на этой печати должна была находиться эмблема Загородского конца — святой всадник.

Печати кончанских тысяцких подтверждают нашу мысль об уже сложившейся эмблематике новгородских концов к 1372 г.

Булла № 598 Олисея Ананьинича, неревского тысяцкого, так же как и булла посадника этого конца, не позволяет узнать кончанскую эмблему. На ней читается лишь двухсторонняя надпись. Изображение отсутствует. На основании аналогий с сфрагистическим материалом XV в.

---

[14] *В. Л. Янин.* Актовые печати..., т. 2, стр. 141—144.
[15] Там же, стр. 197, табл. 24, № 580.
[16] Там же, стр. 95, 96; *В. Л. Янин.* Новгородские посадники, стр. 377.
[17] *В. Л. Янин.* Актовые печати..., т. 2, стр. 96.
[18] *Г. Д. Филимонов.* Ук. соч., стр. 168, 177, 184, 201, 234, 260, 284, 298, 300, 317, 413.
[19] *В. Л. Янин.* Актовые печати..., т. 2, стр. 197, табл. 24, № 583.
[20] *В. Л. Янин.* Новгородские посадники, стр. 202.

можно утверждать, что на печати неревского боярина был помещен образ святого Николая [21].

Булла № 673 Семена Андреевича, тысяцкого Плотницкого конца, как и предыдущая печать № 598, не содержит информацию о кончанской эмблеме по тем же причинам. Но нам уже известно, что эмблемой Плотницкого конца было изображение Вседержителя.

На булле № 699 Ивана Еремьинича изображен в полный рост светский воин с щитом и копьем. Неясно, какой конец представлял данный тысяцкий. Однако поскольку в XV в. изображение воина было связано с эмблематикой Людина конца, то очевидна и причастность Ивана Еремьинича к тому же концу.

Печать № 599 Филиппа с изображением светского воина в полный рост с щитом и копьем перекликается с только что рассмотренной буллой № 699 Людина конца XIV в. и печатями Людина конца XV в. Это и дает нам повод сделать вывод о том, что тысяцкий Филипп представлял, как и Иван Еремьинич, Людин конец, а двойное тысяцкое Людина конца компенсировало двойное посадничество Загородского конца во второй половине XIV в. Подобное разделение в представительстве, очевидно, происходило вследствие существенной социальной разницы между Прусской боярской улицей и торгово-ремесленным Людиным концом, который имел и второе название — Гончарский [22]. Напомним, что посадники и тысяцкие были связаны в XIV в. с разными социальными слоями Новгорода.

Булла № 694 Степана с изображением архангела Михаила, на первый взгляд, выпадает из кончанской эмблематики XIV в. Но не будем торопиться с выводами. Прежде всего установим, какой конец представлял тысяцкий Степан. Не ошибемся, если назовем Славенский конец, так как печати четырех других концов мы уже рассмотрели. Предположим, что перед нами вторая эмблема Славны — архангел Михаил. Предположение получает подтверждение в материалах кончанской сфрагистики XV в. Двойственность эмблематики для этого периода прослежена В. Л. Яниным. Исследователь отмечает, что в некоторых случаях в XV в. в качестве кончанских печатей использовали печати кончанских монастырей. Напомним, что кончанским монастырем Славны был монастырь Михайловский на Сковородке.

Подведем итоги: кончанская эмблематика сложилась не в XV, а в XIV в.

Предложенная реконструкция эмблем концов Новгорода во второй половине XIV в. выглядит следующим образом: эмблема Плотницкого конца — Вседержитель; эмблема Славенского конца — Павел Исповедник и архангел Михаил; эмблема Неревского конца — св. Николай (предположительно); эмблема Загородского конца — св. всадник; эмблема Людина конца — воин (святой или светский).

Кончанская эмблематика XIV столетия легла в основу эмблем концов Новгорода XV в.

Эмблемы концов в XIV в. находились еще в стадии своего становления. Об этом свидетельствует отсутствие статичной канонической иконографии изображений Вседержителя, воина, всадника, двойственность эмблемы Славны.

Во второй половине XIV в. двойное представительство Загородского конца в посадничестве компенсировалось двойным представительством Людина конца в тысяцком.

Определена кончанская принадлежность булл № 599, 694, 699. Буллы № 599, 699 принадлежат тысяцким Людина конца, печать № 694 — тысяцкому Славны.

---

[21] *В. Л. Янин.* Актовые печати..., т. 2, стр. 295, табл. 41, № 763; стр. 135.
[22] *А. В. Арциховский.* Ук. соч.

В качестве приложения к нашей статье предлагаем атрибуцию печатей двинских посадников

В новгородской сфрагистике существует группа печатей, на обеих сторонах которых обозначены имена и отчества их владельцев, но отсутствуют сведения об их должности. Эти печати принадлежат Семену Климовичу (№ 672), Семену Андреевичу (№ 673), Даниле Матвеевичу (№ 674), Кириллу Дмитриевичу (№ 676), Микифору Глебовичу (№ 677), Родиону Юрьевичу (№ 678), Иову Тимофеевичу (№ 679), Есифу Филипповичу (№ 680), Федору Павловичу (№ 680а) — рис. 3.

В. Л. Янин, занимавшийся изучением данных булл, не связывает их с определенным политическим институтом новгородской республики. Исследователь лишь обращает внимание на тот факт, что, судя по печатям, которые сохранились при грамотах, интересующая нас группа булл употреблялась как новгородским посадником (№ 672), кончанским тысяцким (№ 673), так и двинскими посадниками [23]. В. Л. Янин высказывает предположение, что указанные на печатях лица не принадлежали к числу высших руководителей республики и что такие печати употреблялись знаменитыми в новгородской истории боярами на начальных этапах их политической деятельности.

Выше мы уже указывали на одно из важнейших свойств применения буллы в Новгороде, которое заключалось в том, что с переходом на новую должность какого-либо лица его булла прежней должности не упразднялась, а продолжала использоваться. Создавалась ситуация, при которой документ исходил от представителя одной административной должности, а тип печати принадлежал совершенно иному институту. Если учесть это и принять во внимание однотипность, шаблонность оформления печатей, несущих имя и отчество без указания должности, то с нашей стороны вполне правомерна постановка вопроса о принадлежности данной группы булл определенному политическому институту Новгорода. Решить эту проблему можно методом исключения, так как нам известно использование данных печатей новгородским посадником, кончанским тысяцким и двинскими посадниками. Очевидно, к одному из перечисленных институтов и должна быть отнесена вся группа печатей. Рассмотрим подробно все девять печатей.

Булла № 672 сохранилась при договорной грамоте 1301 г. Новгорода с Любеком, Готским берегом и Ригою, которая исходит «от великого князя Анъдрея, от посадника Смена, от тысячкого Машка, от всего Новагорода» [24]. Однако отнести с полным основанием печать Семена Климовича к институту новгородского посадничества только потому, что в акте Семен значится посадником Новгорода, мы не можем. Дело в том, что печать новгородского посадника в XIII и в начале XIV в. имела совершенно иное оформление. Это видно из булл посадника Твердислава Михалковича (№ 689) и посадника Андрея Климовича (№ 681). Для обеих печатей характерно патрональное изображение [25]. Важно также отметить, что булла Семена Климовича (№ 672) 1301 г. моложе буллы Андрея Климовича (№ 681): последняя датируется 1303—1307 гг.[26] Тем самым исключается возможность смены посадничьей печати в начале XIV в. Оформление печати Семена Климовича, не свойственное институту новгородского посадничества, можно объяснить ее принадлежностью какому-то иному институту Новгорода, с которым и была связана деятельность Семена Климовича до избрания его новгородским посадником.

Булла № 673 Семена Андреевича, занимавшего в 1372 г. пост кончанского тысяцкого, как показано в статье, должна быть вычеркнута из

[23] *В. Л. Янин.* Актовые печати..., т. 2, стр. 113—115.
[24] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 34.
[25] *В. Л. Янин.* Актовые печати..., т. 2, стр. 117—119.
[26] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 36.

Рис. 3. Печати с надписями на обеих сторонах с обозначением имени, отчества их владельцев, но без указания должности: *1* — Семена Климовича (№ 672); *2* — Семена Андреевича (№ 673); *3* — Данилы Матвеевича (№ 674); *4* — Кирилла Дмитриевича (№ 676); *5* — Микифора Глебовича (№ 677); *6* — Родиона Юрьевича (№ 678); *7* — Иова Тимофеевича (№ 679); *8* — Есифа Филишовича (№ 680); *9* — Федора Павловича (№ 680а)

разряда кончанских, поскольку этот тысяцкий перешел с другой должности. Таким образом, остается признать, что мы имеем дело с печатями двинских посадников. Данная мысль получает полное подтверждение при рассмотрении оставшихся булл.

Булла № 679 Иова Тимофеевича сохранилась при грамоте первой четверти XV в. В. Л. Янин отмечает, что Иов был двинским посадником.

Булла № 678 Родиона Юрьевича и булла № 680 Есифа Филипповича также отнесены В. Л. Яниным двинскому посаднику.

Булла № 677 Микифора Глебовича датирована В. Л. Яниным на основании сходства с другими печатями последней третью XIV — началом XV в. При этом исследователь отмечает, что письменные источники не знают боярина с таким именем. Однако мы считаем вполне правомерным отождествить Микифора Глебовича с неким Микифором, чье имя фигури-

рует в грамоте Новгорода на Двину о поручении Печерской стороны в ведение Михаила для морского промысла. Датируется грамота 1328—1341 г.: «От великого князя от Ивана, от посадника Данила, от тысяцского Аврама и от всего Новагорода къ двинскому посаднику на Колмогоры и к боярамъ къ двинскимъ. Приказалъ есмь Печерскую сторону Михаилу, а ходить на море въ дватцати человекъ. А вы, бояре двинские, не вступаитеся въ гнездные потки, ни в места. А погост Кегрольскии и Волокъ ведаетъ Михаило по пошлина, како то было при моих дядях и при моемъ брате при стареишемъ. А Микифору не надобе вступатись ни во что же, атъ ходить Микифоръ в Михаилове ватазе» [27].

В грамоте Микифор постоянно противопоставляется приказному человеку князя — Михайле. Судя по содержанию документа, Микифором может быть лишь тот, к кому адресована грамота «К двинскому посаднику». Если двинский посадник первой половины XIV в. Микифор и Микифор Глебович одно и то же лицо (в этом мы не сомневаемся), то печать № 677 должна быть отнесена ко времени 1328—1341 гг.

Булла № 676 принадлежит Кириллу Дмитриевичу. Происходит из раскопок. Опираясь на новгородские летописи и актовые документы, В. Л. Янин подробно освещает главные этапы жизни этого человека, отмечая, что в 1403 и 1409 гг. Кирилл Дмитриевич был степенным тысяцким, а в зиму 1414—1415 года он умер уже посадником. Это, а также оформление печати, дают исследователю возможность предположить, что булла № 676, найденная на Неревском раскопе в слоях 1396—1423 гг., относится к сравнительно ранней поре, когда Кирилл Дмитриевич до избрания на степень был одним из руководителей кончанской администрации, скорее всего тысяцким своего конца [28].

Нам представляется иная трактовка должности Кирилла Дмитриевича в ранний период его деятельности. Весьма любопытно, что она была связана с Двиной. Так, в 1397 г., согласно Новгородской Первой летописи, новгородцы «послаша послове: посадника Богдана Обакуновича, Кюрилу Дмитриевича и житьих людеи князю великому». Данное посольство было вызвано тем, что великий князь «у Новагорода отъял еси Заволочье, Торжок, Волочкъ, Вологду, Бежичкыи верхъ» [29]. А в 1398 г. Кирилл Дмитриевич начал поход на Двину, на Орлец [30]. Эта связь с Двиной явно не случайна. Видимо, после похода на Заволочье (отторгнутое от Новгорода) против изменников-бояр Кирилл Дмитриевич и был избран на должность двинского посадника.

Булла № 674 Данилы Матвеевича найдена во время раскопок на Неревском конце. Ее дендрохронологическая дата 1409—1429 гг. В. Л. Янин отмечает, что имя Данилы Матвеевича в источниках неизвестно. На наш взгляд, этот факт уже знаменателен сам по себе хотя бы тем, что летопись могла обойти вниманием крупное должностное лицо в том случае, если его деятельность находилась вне пределов Новгорода, как мы полагаем,— на Двине.

Булла № 680а [31] **Федора Павловича** найдена в Новгороде недавно — в 1968 г. Имя его также неизвестно в письменных источниках. Дата печати, как полагает В. Л. Янин, рубеж XIV—XV вв.[32] Мы относим данную буллу к числу печатей посадников Двины.

На основании рассмотренных нами печатей можно составить хронологическую таблицу преемственности двинских посадников:

---

[27] Грамоты Великого Новгорода и Пскова, стр. 142, 143, № 85.
[28] *В. Л. Янин.* Актовые печати..., т. 2, стр. 115.
[29] НПЛ, стр. 390, 391.
[30] Там же.
[31] *В. Л. Янин.* Актовые печати..., стр. 242, 298. На стр. 242 и 298 досадная опечатка: булла значится под № 660а.
[32] Там же, стр. 238.

Конец XIII в.— Семен Климович
Около 1328—1341 гг.— Микифор Глебович
До 1372 г.— Семен Андреевич
Конец XIV в.— Родион Юрьевич
Конец XIV в.— Кирилл Дмитриевич
Начало XV в.— Есиф Филиппович
Первая четверть XV в.— Федор Павлович
Первая четверть XV в.— Иов Тимофеевич
Первая четверть XV в.— Данил Матвеевич

Конечно, приведенный нами список далеко не полный. Новые находки печатей двинских посадников внесут в него уточнения.

V. A. Bourov

LES CACHETS DE L'ARRETE DE 1372, SOURCE HISTORIQUE POUR L'ETUDE DES EMBLEMES D'ARRONDISSEMENT A NOVGOROD, AU XIVe SIECLE

Résumé

En 1372, à Novgorod, fut composé un Arrêté portant les 12 sceaux «de tous les cinq arrondissements» de la ville. Dans les ouvrages des spécialistes contemporains, ces bulles sont considérées comme le sceau personnel du possadnik (maire) de Novgorod, du tyssiatski (duc, chiliarque) de Novgorod, des cing possadniks d'arrondissement, des cinq tyssiatskis d'arrondissement. On estime que l'appartenance de ces bulles aux arrondissements de la ville est indiscutable. La présente étude constitue un essai de reconsidérer ce point de vue. L'auteur prouve que sur les sceaux de l'Arrêté de 1372 figurent les emblèmes des arrondissements et arrive à la conclusion que les armoiries d'arrondissement sont apparues non au XVe s., comme on l'estimait auparavant, mais au XIVe s. La reconstitution proposée par l'auteur de ces armoiries de Novgorod se présente de la façon suivante: l'emblème de l'arrondissement de Plotnitski, le Pantocrator; l'emblème de l'arrondissement de Slavenski, Paul le Confesseur; l'emblème de l'arrondissement de Nerevski, St. Nicolas (supposé); l'emblème de l'arrondissement de Zagorodski, un saint à cheval; l'emblème de l'arrondissement de Lioudine, un guerrier à pied (saint ou laïque) (fig. 1—2). En supplément à cet article, on donne une attribution des sceaux des possadniks de la Dvina. A ce type de sceaux on rapporte les bulles portant des inscriptions sur les deux faces avec mention du prénom et du patronyme, sans indication de fonction.

В. Л. ЕГОРОВ

ГЕОГРАФИЯ ГОРОДОВ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

Археологические исследования последних лет значительно расширили представления о градостроительной культуре Золотой Орды, позволив выделить ряд составлявших ее компонентов. Что же касается географии и общего числа золотоордынских городов, то этот вопрос специально пока не рассматривался. В известной монографии Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского констатируется, что «в Золотой Орде была очень развита городская жизнь» и список городов этого государства «мог бы произвести сильное впечатление» [1]. Однако авторы приводят названия лишь четырех городов, основанных самими монголами в XIII—XIV вв. Между тем имеющиеся источники позволяют с большей полнотой выявить наличие центров оседлости в Золотой Орде. Отметим свидетельства летописей, путешественников того времени, данные нумизматики, а также материалы археологических раскопок и разведок. Сохранившиеся карты Золотой Орды, составленные западноевропейскими купцами в XIV—XV вв., позволяют в значительной степени конкретизировать данные археологии и письменных источников и идентифицировать археологические памятники с конкретными населенными пунктами.

Прикаспийские и причерноморские степи искони были местом обитания кочевников и до прихода монголов не знали развитой градостроительной культуры. Несколько городов, появившихся здесь во времена Хазарского каганата, по своему виду «весьма напоминали обычное кочевье» [2]. Ко времени появления монгольских армий эти степи представляли собой огромный кочевнический остров, окруженный со всех сторон оседлыми городскими цивилизациями Руси, Волжской Булгарии, Хорезма, Северного Кавказа и Крыма.

Обосновавшееся здесь с 1242 г. новое государство в короткий срок изменило существующую картину. Правда, в 40-е годы положение оставалось прежним — монголы на первых порах использовали в своих целях существовавшие до их прихода города, находившиеся довольно далеко от собственно степных пространств. Наиболее ярким примером в этом отношении является Великий Булгар, где была начата чеканка первых золотоордынских монет. Плано Карпини, проехавший всю Золотую Орду в 1246—1247 гг. с запада на восток и обратно, не встретил на своем пути в степях ни одного города или поселка. Через шесть лет после него Золотую Орду посетил Рубрук, путевые заметки которого говорят о заметно оживившейся градостроительной деятельности монголов в самих степях. Он сообщает, что нашел на левом берегу Дона поселок, населенный русскими, «которые перевозят на лодках послов и купцов». Поселок этот был устроен по приказанию самого Бату. Далее Рубрук от-

[1] *Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский.* Золотая Орда и ее падение. М.— Л., 1950, стр. 141.

[2] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. М., 1967, стр. 50—71.

мечает, что ему сообщали о существовании другого такого же поселка ниже по течению реки, «где послы переправляются в зимнее время» [3]. На правом берегу Волги путешественники нашли еще один поселок, населенный русскими и саррацинами, на которых возлагалась обязанность перевозить послов через реку [4]. Если местонахождение двух поселков на Дону пока не выявлено, то населенный пункт, виденный Рубруком на Волге, можно отождествить с Водянским городищем у г. Дубовка Волгоградской области. Появление сразу трех населенных пунктов на наиболее крупных реках знаменует собой не только начало градостроительства в степях, но и прокладку нового торгового пути, обеспечивавшего необходимые удобства купеческим караванам. Возвращаясь из Монголии осенью 1254 г., Рубрук посетил заложенную Бату столицу Золотой Орды — Сарай [5]. Его сообщение является наиболее ранним свидетельством существования этого города. К новой столице и вел торговый путь, для которого были устроены переправы через Дон и Волгу.

Рубруку рассказали также, что старший сын Бату, Сартак, возводил на правом берегу Волги новый поселок с большой церковью [6]. Установить точное местонахождение его со слов Рубрука нельзя, можно только заключить, исходя из контекста, что он располагался ниже современного Волгограда. Этот поселок, видимо, должен был играть роль административного центра принадлежащего Сартаку улуса.

Сообщаемые Рубруком сведения рисуют самую начальную стадию развертывания градостроительства в прикаспийских и причерноморских степях. Крайне характерным в этом отношении является замечание Рубрука о том, что строить дома у монголов считается выгодным занятием [7].

Значительные изменения в градостроительной политике монголов произошли во время правления Берке, формальным толчком чему послужило распространение мусульманства. Золотоордынские города, и в первую очередь столица, принимают «восточный» облик, застраиваясь монументальными зданиями мечетей, минаретов, медресе, караван-сараев и т. д. Собранные в Золотой Орде ремесленники принесли с собой апробированные веками архитектурные каноны и строительные приемы, испытанные строительные материалы и технологию их производства. Огромное число угнанных в рабство пленных позволило в краткие сроки и в больших масштабах осуществлять строительство.

Ханы, правившие после Берке, не уделяли столь большого внимания строительству новых городов, довольствуясь имеющимися и их застройкой. Однако общее развитие и требования внутренней экономической и политической жизни государства вступили в такую фазу, когда прекратить эти процессы было уже невозможно. Безразличие ханов к вопросам расширения существующих и закладки новых городов могло только несколько замедлить их рост, но не остановить его.

Пышного расцвета градостроительство и архитектура достигли при Узбеке и занявшем престол после него Джанибеке. Это время характеризуется ростом территории городов и возникновением значительного числа новых населенных пунктов. Самым крупным из них был Сарай ал-Джедид (Новый), заложенный Узбеком в начале 30-х годов и ставший столицей. Появление в это время больших по размерам городов и более мелких поселков приводит к возникновению в степях обширных оседлых районов, тянущихся на десятки километров. Побережье Волги почти сплошь застраивается городами, поселками и деревнями. Вдоль левого берега Ахтубы (от самого ее истока до Сарая ал-Джедид и даль-

---

[3] Путешествия в Восточные страны Плано Карпини и Рубрука. (Редакция, вступительная статья и примечания Н. П. Шастиной). М., 1957, стр. 109, 110.

[4] Там же, стр. 118.

[5] Там же, стр. 185.

[6] Там же.

[7] Там же, стр. 143.

ше) появляется непрерывная оседлая полоса мелких городов, поселков и замков аристократии, окруженных возделанными полями. Такой же значительный по территории район возникает в месте наибольшего сближения Волги и Дона. В отдельных местах вырастают небольшие ремесленные поселки, по всей видимости базировавшиеся рядом с необходимым им природным сырьем.

В последние годы правления Джанибека и особенно при его приемнике Бирдибеке наблюдается постепенный спад градостроительства и резкое его прекращение с началом внутренних усобиц в 1360 г. С воцарением Тохтамыша феодальные распри прекратились, но и после этого городская жизнь продолжала медленно затухать. Окончательный удар золотоордынским городам нанес в 1395—1396 гг. Тимур. После этого подавляющее большинство их так и осталось лежать среди степей в развалинах: ни ремесленников, ни средств для их восстановления уже не было.

Хронологический подход к вопросам географии городов Золотой Орды в настоящее время применить невозможно, так как более или менее точно известны даты возникновения лишь двух-трех городов. Поэтому для рассмотрения удобнее всего разделить территорию государства на несколько условных историко-географических регионов. Так как Поволжье на протяжении всей истории Золотой Орды было наиболее оживленным в градостроительном отношении районом, то рассмотрим в первую очередь его (см. карту).

Бывшая Волжская Булгария, целиком вошедшая в состав золотоордынского государства, ко времени прихода монголов накопила значительный градостроительный опыт и имела хорошо развитые населенные пункты, известные далеко за ее пределами. Именно поэтому после монгольского завоевания градостроительство в данном районе сводилось не к закладке новых городов, а к восстановлению старых. Ускорению этого процесса способствовало наличие местных ремесленных кадров и поощрительное отношение к строительству Бату, при котором Булгар какое-то время играл роль административного центра государства. Естественно, что перемены, происшедшие с приходом монголов, отразились и на судьбах булгарских городов. Некоторые из них, например Ошель, так и не были восстановлены. Другие, подобно Сувару и Биляру, из-за резко изменившейся политической и экономической ситуации пришли в упадок и играли второстепенную роль. Наиболее процветающими в XIII—XIV вв. городами стали Булгар и Джукетау (русск. Жукотин). Великий Булгар быстро становится крупнейшим в Поволжье центром ремесла, торговли и культуры, застраиваясь монументальными каменными зданиями общественного и частного характера [8]. Его пригородный порт Ага-Базар превращается в оживленный торговый пункт, особенно процветавший в конце XIV — начале XV в.[9] Богатым городом становится и Джукетау, находившийся на Каме — торговой дороге, шедшей на Урал [10]. Неподалеку от Джукетау обнаружены остатки небольших населенных пунктов (у с. Змиева и в долине р. Грязнухи), которые относятся к XIV в.[11] Кроме перечисленных выше были восстановлены булгарские города Кременчук, Тубулгатау и Кашан, развивавшиеся на протяжении XIII—XIV вв.[12] В этом же районе, являвшемся значительное время центром оседлой цивилизации, было много мелких поселков и деревень, существовавших и в золотоордынскую эпоху [13], что дает нам право говорить о значительном преобладании здесь оседлости.

---

[8] *А. П. Смирнов.* Волжские булгары. М., 1951.

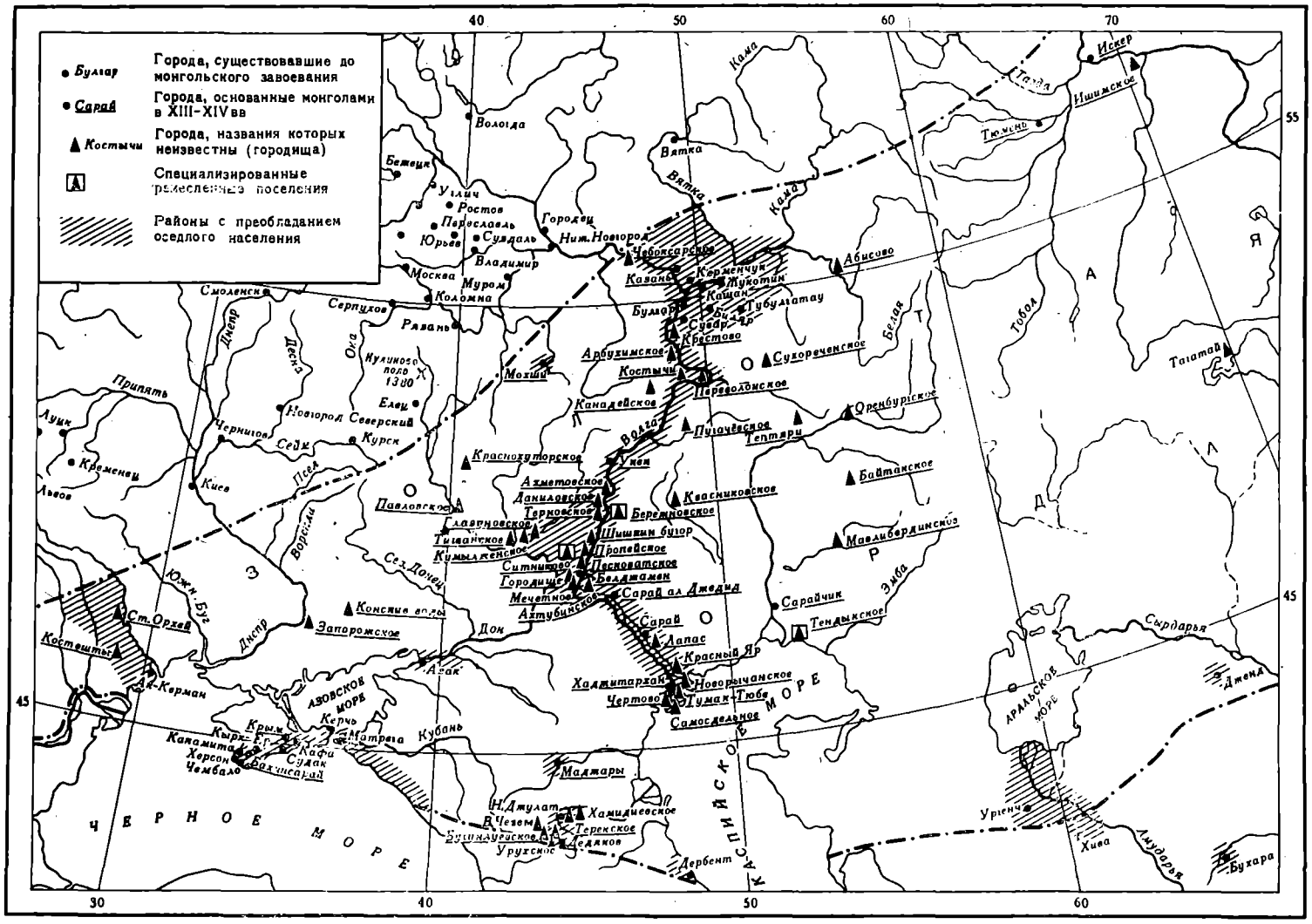
[9] *Б. Б. Жиромский.* Ага-Базар. МИА, 42, 1954, стр. 325.

[10] *А. П. Смирнов.* Ук. соч., стр. 267; *Т. А. Хлебникова.* Город Жукотин (Джукетау) на Каме. АО — 1970, М., 1971, стр. 172.

[11] *А. П. Смирнов.* Ук. соч., стр. 267.

[12] Там же, стр. 267—270.

[13] Там же.



Карта городов Золотой Орды в XIII—XIV вв. по археологическим данным (Составитель В. Л. Егоров, картограф Т. И. Райская)

Восстановленные булгарские города, игравшие видную роль в этом районе в XIII и первой половине XIV в., начинают терять свое значение после междоусобных войн 1360—1380 гг., во время которых часть из них была сильно разрушена и обезлюдела. В связи с этим появляются новые городские центры, расположенные на окраинах булгарских земель. Среди них можно отметить Чебоксары; в это же время начинает развиваться Казань.

Говоря о районе Волжской Болгарии, нельзя не упомянуть пограничную с ней Башкирию, тоже входившую в состав Золотой Орды. На территории Башкирии неизвестно остатков городов домонгольского периода — население ее было кочевым. Во второй половине XIII и в XIV в. Башкирия оставалась кочевой областью и градостроительство ее не затронуло. Пока здесь известно только одно крупное городище — Абисово, которое можно отнести к золотоордынскому периоду. Оно находится в 42 *км* от Уфы и представляет собой остатки довольно большого населенного пункта, площадь которого составляет около 500 тыс. $м^2$ [14]. Отсутствие городов здесь можно объяснить тем, что этот район находился в стороне от крупных транзитных торговых путей и представлял собой скорее всего сырьевую базу, снабжавшую золотоордынское купечество пушниной, медом, воском, кожей и другими продуктами, вывозившимися по рекам в приволжские торговые города. Подобная роль Башкирии в экономической жизни Золотой Орды наложила свой отпечаток на ее развитие, законсервировав общую традиционность кочевого быта.

Наибольший интерес при изучении золотоордынских городов представляет побережье Волги на всем ее протяжении — от границ бывшей Волжской Булгарии до Каспия — и междуречье Волги и Дона. Здесь появились первые собственно золотоордынские города, ставшие в короткое время оживленными политическими, ремесленными и торговыми центрами, привлекавшими внимание государственных деятелей и купечества Азии и Европы.

На территории Ульяновской обл. имеются два крупных городища, на которых не проводились планомерные археологические раскопки, что затрудняет их характеристику. Одно из них находится на левом берегу Волги, у дер. Крестово-Городище, несколько ниже Ульяновска. Другое, Арбухимское городище расположено на правом берегу, примерно в 20 *км* ниже населенного пункта Сенгилей [15]. Южнее, в районе Самарской излучины, зафиксированы остатки еще двух населенных пунктов. На правом берегу Волги, напротив Куйбышева, у дер. Переволок, отмечены следы бывшего города, имевшего вал протяженностью около 4 *км*, и видимые на поверхности земли развалины каменных домов [16]. На том же берегу, несколько выше Сызрани, у с. Костычи акад. И. И. Лепёхин отметил следы «татарского обиталища», представлявшие собой развалины сложенных из известняка построек [17]. Ниже по течению, на южной окраине современного Саратова, находился хорошо известный по письменным и другим источникам город Укек, остатки которого в настоящее время смыты Волгой или разрушены современным строительством. Городище Укека подвергалось раскопкам, давшим интересный материал, позволяющий считать этот город хорошо развитым, благоустроенным, крупным торгово-ремесленным центром, игравшим видную роль в XIII—XIV вв.[18]

---

[14] *А. П. Смирнов.* Железный век Башкирии. МИА, 58, 1957, стр. 99.

[15] *К. И. Невоструев.* О городищах Волжско-болгарского и Казанского царств. Тр. I АС, т. I, М., 1871, стр. 552, 556.

[16] Полное собрание ученых путешествий по России, т. 6 (записки путешествия академика Фалька И. П.). СПб., 1824, стр. 104.

[17] Там же, т. 3 (записки путешествия академика Лепехина И. И.). СПб., 1821, стр. 353.

[18] *Л. Л. Голицын, С. С. Краснодубровский.* Укек. Саратов, 1890.

Ниже, у с. Ахметовка, А. А. Спицыным в 1912 г. было обследовано еще одно городище того же периода [19].

Наиболее северным и крупным населенным пунктом в междуречье Волги и Дона был г. Мохши, городище которого находится у современного г. Наровчат Пензенской обл.[20] Судя по сохранившимся остаткам, город достигал значительных размеров и имел не только каменные общественные здания, но и был застроен кирпичными жилыми домами. Вероятно, это был административный и экономический центр одной из самых северных провинций Золотой Орды. Юго-восточнее Мохши, в нескольких десятках километров от Волги, у пос. Канадей, также отмечены видные на поверхности развалины зданий золотоордынского поселения [21]. Юго-западнее Мохши, в пределах современной Воронежской обл., зафиксированы остатки еще двух населенных пунктов. Один из них находится в Хреновском районе, на правом берегу р. Мечетки, у пос. Красный Хутор. Раскопками здесь были выявлены остатки кирпичного здания, по-видимому мавзолея, и горна для обжига кирпича [22]. Южнее этого пункта, у г. Павловска, находится еще одно довольно значительных размеров городище [23].

Междуречье Волги и Дона в пределах Волгоградской области представляло собой в золотоордынское время район сплошной оседлости. На этой территории в степи постоянно встречаются следы населенных пунктов XIII—XIV вв. Остатки их зафиксированы на правом берегу Хопра, у станицы Тишанской, на притоке Хопра Кумылге, на р. Медведице у ст. Глазуновской [24]. На правом берегу р. Иловли обнаружен целый производственный комплекс, содержащий остатки печей, шлаков и кузнечного инструмента [25]. У с. Городища близ Волгограда также выявлен памятник интересующего нас периода [26]. Отмечая насыщенность района золотоордынскими поселениями, один из исследовавших его археологов писал: «По всему пространству от реки Сала до Медведицы и особенно по речкам Иловле, Шеряю, Чиру, Цуцкану, Куртлаку, Царице и проч. видны следы прежних жилищ татарских» [27]. Посетивший эти места в конце XVIII в. акад. Лепёхин отмечает и другую интересную черту, свидетельствующую о широком распространении здесь оседлости. Он сообщает о виденных им в районе Царицына рощах из тутовых деревьев и, рассуждая об их появлении, пишет: «Начальное заведение сих тутовых деревьев никто не запомнит; да и никаких письменных свидетельств об них не находится. Развалины каменных строений, которыми, так сказать, вся степь унизана, несумненную дают догадку, что насадители сих дерев были татары, которые жительствовали в сей степи и под именем Золотой Орды были известны» [28].

Не менее насыщены золотоордынскими поселениями ограничивающие этот район с востока берега Волги. Во-первых, это знаменитый бугор Степана Разина, или Даниловское городище [29]. Ниже его, севернее Камышина, находится Терновское городище [30], напротив которого, на левом

---

[19] ОАК за 1912 год. Пг., 1916, стр. 73.

[20] *В. И. Лебедев.* Загадочный город Мохши. Пенза, 1958.

[21] *Ф. Ф. Чекалин.* Саратовское Поволжье в XIV в. по картам того времени и археологическим данным. Тр. СУАК, т. II, вып. 1, Саратов, 1889, стр. 21.

[22] *В. П. Левашова.* Золотоордынские памятники в Воронежской области. Тр. ГИМ, 37, 1960, стр. 175.

[23] Сведения 1873 г. о городищах и курганах. ЗРАО, т. 8, вып. 1—2. Новая серия. СПб., 1896, стр. 294.

[24] *Х. И. Попов.* Сведения о древних памятниках, находящихся в земле войска донского. Тр. I АС, т. I, стр. 174, 177, 181.

[25] Полное собрание ученых путешествий по России, т. 3, стр. 457, 458.

[26] *Ф. Ф. Чекалин.* Ук. соч., стр. 21.

[27] *Х. И. Попов.* Ук. соч., стр. 177.

[28] Полное собрание ученых путешествий по России, т. 3, стр. 470, 471.

[29] *Ф. В. Баллод.* Приволжские Помпеи. Пг., 1923, стр. 62—65.

[30] Там же, стр. 48.

берегу Волги, в устье Еруслана, было обнаружено небольшое по размерам поселение. Проведенные здесь исследования выявили остатки керамического производства — шлаки, бракованную посуду и значительных размеров кирпичный горн [31]. Видимо, здесь находился специализированный ремесленный поселок, располагавшийся рядом с залежами необходимого сырья.

Далее вниз по правому берегу известны следующие золотоордынские городища: «Шишкин бугор» (у Камышина), Пролейское (у с. Пролейка), Песковатское (южнее с. Песковатки), Водянское (у г. Дубовки), Винновское (у с. Винновки), Мечетное (ныне территория г. Волгограда), Погромновское (на левом берегу Волги, севернее г. Волжского) [32]. Остатки золотоордынских городов встречаются все чаще по берегам Волги по мере приближения к истоку Ахтубы. После ответвления Ахтубинского русла они располагаются уже не по Волге, а по левому берегу Ахтубы. Первое из них находилось у самого истока Ахтубы, напротив Мечетного городища [33]. В этом месте, видимо, была одна из самых оживленных переправ через Волгу, которая вела к столице — Сараю ал-Джедид. От самой Волги на десятки километров вдоль Ахтубы тянулась культурная полоса, сплошь занятая строениями, садами и возделанными полями, которая упиралась в благоустроенную столицу Золотой Орды, находившуюся у современной дер. Царев. Посетивший эти места в прошлом веке саратовский краевед А. Леопольдов писал, что вдоль Ахтубы «встречаются замечательные развалины каменных зданий. Начинаясь подле селения Безродного или Верхне-Ахтубинского, они тянутся верст на 70... Развалины сии то часты, то редки, то обширны и велики, то малы и незначительны, однако везде выказывают кирпич, глину, известь. Далее от с. Пришиба до деревни Колобовщины на 15 верст видны развалины почти сплошные и большею частью огромные» [34].

Далее по берегу Ахтубы, вплоть до с. Селитренного, в настоящее время неизвестны золотоордынские городища, что, возможно, является результатом недостаточной изученности этого района. Находящиеся у с. Селитренного остатки первой столицы государства, Сарая, занимают огромную площадь, что позволяет говорить об этом населенном пункте, как об одном из самых больших и благоустроенных городов средневековой Европы. Ниже Селитренного, на левом берегу Ахтубы и в дельте Волги, находятся следующие городища: Лапас, Красноярское, Новорычанское, Тумак-тюбе, Чертово и Самосдельное. На правом берегу Волги, несколько выше современной Астрахани, расположено городище Шареный бугор (в настоящее время почти полностью смытое рекой), где, вероятно, находился один из крупных золотоордынских городов — Хаджитархан.

В районе Северного Кавказа в XI—XII вв. существовало большое число аланских поселений [35], но монгольское нашествие не позволило им превратиться в развитые города. В золотоордынскую эпоху небольшие, но многочисленные населенные пункты сменяются несколькими быстро развивающимися крупными городами, которые в короткий срок становятся видными ремесленными и торговыми центрами. В первую очередь среди них нужно назвать г. Маджар [36] (у Прикумска). Два других крупных города были расположены южнее его, на Тереке. Остатки одного

---

[31] *И. В. Синицын.* Древние памятники в низовьях Еруслана. МИА, 78, 1960, стр. 107.

[32] *Ф. В. Баллод.* Ук. соч., стр. 15—47.

[33] Там же, стр. 16; рис. 2.

[34] *А. Леопольдов.* Историко-статистическое описание Заволжского края Саратовской губернии 1837 года. Материалы для статистики Российской империи, т. I, отд. II. СПб., 1839, стр. 97.

[35] *И. М. Чеченов.* Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969.

[36] *Н. Г. Волкова.* Маджары. Из истории городов Северного Кавказа. Кавказский этнографический сборник, т. V. М., 1972, стр. 41.

из них (городище Верхний Джулат) сохранилось у с. Эльхотово Северо-Осетинской АССР, другой находился у пос. Майский Кабардино-Балкарской АССР (городище Нижний Джулат). Кроме того, золотоордынские слои зафиксированы на Урухском, Терекском, Хамидиевском, Булунгуевском и Верхне-Чегемском городище Лыгыт [37]. Основанный задолго до прихода монголов Дербент продолжал играть крайне важную роль в военном отношении, особенно в условиях постоянной вражды между Золотой Ордой и Хулагуидским Ираном. Северокавказские города связывал оживленный торговый путь с расположенным в устье Дона Азаком, игравшим роль ворот, открывавших путь в самую глубь золотоордынских степей.

На территории Крыма в XIII—XIV вв. насчитывалось несколько крупных городов, возникших до прихода монголов. В их числе: Керчь, Кафа, Судак, Чембало, Херсон. Независимость итальянских торговых колоний Крыма (Кафа, Судак, Чембало) носила чисто номинальный характер. Внешним выражением ее было наличие вокруг городов крепостных стен, которые монголы уничтожали повсюду. Монголы, которым было выгодно иметь здесь западноевропейские торговые фактории, предоставили им самоуправление, посадив, однако, в городах своих представителей. При возникновении трений золотоордынские войска появлялись под стенами городов, и любой конфликт решался не в пользу итальянцев. Административный центр этого района — г. Крым — был основан самими монголами и достиг расцвета при Узбеке. В XIII—XIV вв. существовал и город Кырк-Ер (Чуфут-Кале) [38], возникший ранее.

Значительный город, видимо, игравший роль административного центра провинции, находился на Днепре, в 30 *км* южнее Запорожья [39]. Километрах в 60 восточнее Днепра, на правом берегу р. Конские Воды, зафиксирован еще один город, упоминаемый в Книге Большому чертежу [40]. В Молдавии известны остатки двух городов этого периода — городища Старый Орхей и Костешты. Южнее, на берегу Днестровского лимана, находился Ак-Керман.

Рассмотрим теперь районы, расположенные к востоку от Волги. Наиболее густонаселенной была территория Хорезма. Главным городом Хорезма остался Ургенч, быстро превратившийся в один из крупных центров Средней Азии. Вокруг него возобновилась жизнь более мелких поселений и деревень [41]. Разведки, проведенные в этом районе, выявили полтора десятка различных по величине поселений золотоордынского времени [42]. Из Ургенча в Поволжье вела хорошо оборудованная дорога, на всем протяжении которой были построены караван-сараи и вырыты колодцы [43]. Она приводила в г. Сарайчик, стоявший на правом берегу Урала. Сарайчик представлял собой соединительное звено, позволявшее золотоордынскому и западноевропейскому купечеству торговать со странами Азии. Ниже Сарайчика, в 10 *км* от Гурьева, обнаружены остатки двух небольших поселений, расположенных у бывш. пос. Тендык, побли-

---

[37] *И. М. Чеченов.* Ук. соч., стр. 19, 43, 48, 60, 61.

[38] *В. Г. Тизенгаузен.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 112.

[39] *В. Й. Довженок.* Татарське місто на нижньому Дніпрі часів пізнього середньовіччя. АП, т. X, 1961, стр. 175.

[40] Книга Большому чертежу. Подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.— Л., 1950, стр. 110.

[41] *С. П. Толстов.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

[42] *Q. А. Вишневская.* Археологические разведки на средневековых поселениях левобережного Хорезма. МХЭ, вып. 7. М., 1963, стр. 64.

[43] *В. Григорьев.* Описание Хивинского ханства и дороги туда из Сарайчиковской крепости. Тр. ОУАК, вып. XIX. Оренбург, 1908, стр. 183; *С. П. Толстов.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Тр. ХАЭЭ, т. 2. М., 1958, стр. 13—18.

зости друг от друга [44]. Небольшие размеры этих поселений и встреченные здесь в значительном количестве медные, керамические и стекольные шлаки позволяют считать их ремесленными поселками.

Северо-западнее р. Урал, на территории Саратовской обл., у с. Квасниковки, также зафиксировано городище золотоордынского времени [45]. Еще севернее, на р. Большой Иргиз, акад. Георги в XVIII в. было отмечено значительное по площади скопление золотоордынских кирпичных построек, стены которых были в то время хорошей сохранности [46]. В Куйбышевской обл., на р. Кинель, выявлено селище этой же эпохи, где раскопан хорошо сохранившийся горн для обжига керамики [47]. В 1970 г. на территории Оренбургской обл., у пос. Тептяри, были исследованы два стоящих рядом золотоордынских мавзолея, сложенные из обожженного и сырцового кирпича [48]. Следов поселений около них не обнаружено. Из сообщения акад. И. П. Фалька, посетившего эти края в конце XVIII в., следует, что на месте Оренбурга были видны «стены большой татарской мечети» [49]. Это может указывать на существование здесь населенного пункта в золотоордынское время. На территории Оренбургской обл. и прилегающих к ней районов Казахстана зафиксировано довольно большое число отдельно стоящих в степи мавзолеев, сложенных из обожженного кирпича или грубо обтесанных камней [50].

Согласно письменным источникам, восточная граница Золотой Орды находилась в Сибири и проходила где-то в районе р. Чулым [51]. Таким образом, весь северный Казахстан и зауральские степи являлись частью Золотой Орды, где располагался улус Шибана. На этой огромной территории сохранились остатки нескольких городов, причем некоторые из них были довольно значительными по площади. Два из них расположены в западном Казахстане: на одном (р. Б. Хобда, приток р. Илек) были отмечены «развалины зданий, полуизглаженные каналы и признаки пашен». На другом, находящемся несколько южнее, на р. Уиле, зафиксированы развалины 30—40 кирпичных зданий [52]. Значительно восточнее их, на р. Нуре, находятся остатки большого города, который тянулся «верстах на 10, и еще видны тут четвероугольные палаты наподобие замка так велики, что в округ сажен на 300. Тут же одна мечеть и весьма много развалившегося каменного строения» [53].

На территории Западной Сибири, в бассейнах Тобола и Иртыша, известно довольно много позднесредневековых городищ, бóльшая часть которых относится ко времени Сибирского ханства. Слабая изученность этих памятников пока не позволяет четко разделить городища XIII—XIV вв. и более поздние. По письменным источникам известно существование здесь в золотоордынское время города Тюмени [54]. В XIV в., по-видимому, появился и развившийся позднее Искер. Города эти, значительно удаленные от современных им центров развитого градостроительства, имели все же фундаментальные постройки, выполненные квалифицированными архитекторами. Об этом можно судить по наблюдению

---

[44] *М. С. Мерщиев.* Поселения XIII—XV веков в Западном Казахстане. Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969, стр. 153—161.

[45] *А. П. Смирнов.* Железный век Башкирии, стр. 99.

[46] *Ф. Ф. Чекалин.* Нижнее Поволжье на карте космографа XV в. Фра-Мауро. Тр. СУАК, т. II, вып. 2. Саратов, 1890, стр. 249.

[47] *Г. И. Матвеева и др.* Работы в Куйбышевской области. АО — 1971, М., 1972, стр. 193.

[48] *С. А. Попов.* Работы в Оренбургской области. АО — 1970, М., 1971, стр. 177.

[49] Полное собрание ученых путешествий по России, т. 6, стр. 246.

[50] *И. А. Кастанье.* Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Тр. ОУАК, вып. XXII. Оренбург, 1910, стр. 41—83.

[51] *В. Г. Тизенгаузен.* Ук. соч., стр. 236.

[52] *И. А. Кастанье.* Ук. соч., стр. 92.

[53] Там же, стр. 109; *П. Рычков.* Топография Оренбургская, ч. I, СПб., 1762, стр. 261.

[54] *В. Г. Тизенгаузен.* Ук. соч., т. II, М.— Л., 1941, стр. 133.

акад. И. П. Фалька, обследовавшего городище, находящееся на Иртыше, в 20 верстах ниже устья Ишима, и видевшего здесь «развалины обрушившейся мечетной башни и большого каменного дома» [55]. Подобные остатки каменных строений неоднократно отмечались путешественниками на различных сибирских городищах.

В качестве дополнения к археологическим данным рассмотрим картографические материалы, представляющие собой три географические карты, две из которых датируются XIV и одна — XV в. Изображенная на них территория включает большую часть известного тогда мира, отводя соответствующее место золотоордынским владениям [56]. Наибольший интерес представляет карта итальянских купцов Франциска и Доменика Пицигани, составленная в 1367 г. Карта братьев Пицигани — самая подробная из всех трех, на ней нанесено около 40 золоордынских городов, значительная часть которых расположена по берегам Волги. Карта Каталонского атласа 1375 г. менее подробна, и интересующие нас районы сделаны на ней в более мелком масштабе. На обеих картах Волга (Эдиль) берет начало за Уралом, в «Сибирских горах», у г. Себур, отождествляемого обычно с Искером. После Себура по берегу реки изображено несколько городов, названия которых трудно сопоставить с известными городищами. Однако их наличие на карте подтверждают археологические данные, свидетельствующие о наличии в Сибири в XIV в. нескольких значительных городов. В том месте, где Эдиль поворачивает на юг (т. е. Кама сливается с Волгой), на обеих картах помещен город Булгар, а на карте Пицигани ему предшествует Керманчук. Ниже Булгара по левому берегу реки на карте Пицигани нанесено восемь городов, из которых нам известен Сарай, помещенный у самой дельты. На правом берегу находятся четыре города во главе с Укеком. На Каталонской же карте кроме Булгара на левом берегу Волги обозначен лишь один Сарай, а на правом, в месте сближения ее с Доном, нанесен Берчиман. На карте Пицигани Берчиман помещен не на Волге, а на правом берегу Дона, в месте его наибольшего сближения с Волгой. Однако на карте Фра-Мауро мы снова находим этот город (в транскрипции Белчиман) на правом берегу Волги. Вне всякого сомнения, это Бельджамен, о котором Абульфеда сообщает в своей «Географии», что он расположен на Волге, ниже Укека [57].

На Каталонской карте ниже Бельджамена, в дельте Волги, помещены Хаджитархан и еще четыре города. Дальше на юг, вдоль западного побережья Каспийского моря, нанесено 12 населенных пунктов, последним из которых является пограничный Дербент. Археологически этот район изучен мало, поэтому трудно подтвердить данные карты наличием здесь соответствующих городищ. Однако посетивший эти места академик Фальк сообщает о виденных им здесь двух городищах — Тарки и Анши. Последнее он характеризует как развалины большого города, где были видны остатки каменной стены и каменных домов [58]. Что же касается названия «Тарки», то оно именно в этой форме фигурирует на Каталонской карте севернее устья Терека. Карта Пицигани на том же отрезке каспийского побережья помещает всего четыре населенных пункта, включая Дербент. Такой разнобой на картах при изображении отдельных районов скорее всего зависел от источников, бывших в распоряжении картографов.

---

[55] Полное собрание ученых путешествий по России, т. 6, стр. 395, 396.

[56] *Ф. К. Брун.* Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия. Записки Новороссийского университета, т. 9. Одесса, 1873; *Ф. Ф. Чекалин.* Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро.

[57] Abulfedae opus geographicum. Magazin für die neue Historie und Geographie, Bd. IV, Hamburg. 1770, S. 173; см. также: *В. Л. Егоров, М. Д. Полубояринова.* Археологические исследования Водянского городища в 1967—1971 гг. Сб. «Города Поволжья в средние века». М., 1974, стр. 39—79.

[58] Полное собрание ученых путешествий по России, т. 6, стр. 85.

На Дону карта Пицигани помещает кроме Азака еще два небольших поселка, расположенных на левом берегу. Их наличие здесь соответствует сообщению Рубрука о построенных по приказу Бату на левом берегу Дона двух поселках. Южнее Дона, на Таманском полуострове, отмечен пос. Матрега, находившийся на месте Тмутаракани.

Есть различия на обеих картах и в изображении районов, расположенных к востоку от Волги до Хорезма. На северном берегу Каспийского моря карты Пицигани обозначена р. Яик, хотя русло ее графически не изображено. На правом берегу Яика, у самой его дельты, помещен небольшой населенный пункт Лайете, который можно отождествить с упоминавшимся выше Тендыкским городищем, являвшимся небольшим ремесленным поселением. Вверх по течению Яика показаны два города без названий. Наибольший из них, видимо, должен обозначать Сарайчик. Восточнее Яика на берегу Каспия изображены города Конниликари, Трестаго и на Мангышлаке — г. Мелмеселак. Отождествить эти населенные пункты с определенными археологическими объектами пока не представляется возможным.

В пределах Хорезма отмечен Ургенч и небольшой поселок на берегу Каспийского моря. Каталонская карта на том же пространстве от Волги до Хорезма помещает населенные пункты только по берегу Каспия. При впадении Волги в море находится г. Кремис, за ним следуют уже известные нам три города — Католикати, Трестарго, Мелмеселак — и последним на Мангышлаке обозначен Коцинако. Далее, в стороне от моря, нанесен Ургенч. При этом знаками-рисунками обозначены только два города — Трестарго и Ургенч, остальные, видимо как более мелкие, обозначены лишь названиями.

На оконченной в 1459 г. карте Фра-Мауро, кроме уже известных нам пунктов, нанесен ряд новых объектов. Например, на правом берегу Медведицы при впадении ее в Дон отмечены два небольших поселка. На правом берегу Дона, выше устья Медведицы, помещен г. Нонх, а ниже ее устья — г. Тартария. На Волге, ниже Бельджамена, нанесен безымянный населенный пункт, соответствующий Мечетному городищу. Напротив него, на острове, отмечен еще один безымянный поселок. Наибольший интерес на этой карте представляет то, что на ней изображены на левом берегу Волги два Сарая — Сарай Грандо и ниже него просто Сарай, которые соответствуют Сараю ал-Джедид и Сараю, основанному Бату, называемому иногда на монетах Сарай ал-Махруса. На картах Пицигани и Каталонской помещен лишь один Сарай, хотя они и вышли в 1367 и 1375 гг., т. е. когда Сарай ал-Джедид уже существовал. Из этого можно сделать вывод, что обе карты основаны на материалах XIII — первой четверти XIV в. Другими словами, возникновение всех имеющихся на них населенных пунктов относится ко времени не позднее 20-х годов XIV в. В основу же карты Фра-Мауро легли более поздние материалы — второй половины XIV — первой половины XV в., что особенно подчеркивается появившимися на карте названиями: Россия, Волга, Московия. Это же подтверждается авторским пояснением к карте, где упоминается поход Тимура на Золотую Орду 1391 г.

Общее количество рассмотренных здесь городов и поселков Золотой Орды, как основанных самими монголами, так и вновь восстановленных после разрушения, составляет довольно внушительную цифру, превышающую 100 объектов. Причем 17 из них были крупными административными ремесленными центрами, о чем можно судить по имевшемуся у них праву чеканки монет с обозначением названия. Этого города: Булгар, Биляр, Сарай, Сарай ал-Джедид, Гюлистан, Азак, Крым, Кафа, Хаджитархан, Орда-Базар, Бек-Базар, Укек, Сарайчик, Мохши, Янги-Шехр, Маджар, Хорезм (Ургенч). Некоторые города, игравшие видную роль в жизни государства, не выпускали собственной монеты (например, Бельджамен).

Основываясь на летописных сведениях и данных археологических раскопок, можно выделить следующие стадии градостроительства в Золотой Орде: 1. Период восстановления и использования старых городов, существовавших до прихода монголов,— 40-е годы XIII в. 2. Начало градостроительства в степях во время правления Бату — первая половина 50-х годов XIII в. 3. Подъем градостроительства при Берке — до середины 60-х годов XIII в. 4. Период замедленного роста городов — с 70-х годов XIII в. до второго десятилетия XIV в. 5. Расцвет градостроительства при Узбеке и Джанибеке. 6. Затухание и упадок градостроительной культуры — 60-е годы XIV в.— 1395 г.

Каждый из этих периодов отражает основную линию политического и экономического развития Золотой Орды на определенном этапе ее истории. Начальная стадия возникновения городов носит ярко выраженную политическую специфику образования и упорядочения внутренней административной системы государства, без которой его существование, как целостного организма, было бы невозможно. В дальнейшем росте отдельных городов и общем расширении их сети на первый план выступают экономические факторы, связанные с развитием внешней и внутренней торговли, ремесленного производства и формированием определенных хозяйственно-экономических районов.

Жизнь подавляющего большинства золотоордынских городов была прервана в очень короткий срок — практически одновременно, во время второго похода Тимура на Золотую Орду. В течение 1395 и начала 1396 г. градостроительная культура Золотой Орды была полностью уничтожена и уже не смогла возродиться. В прикаспийских степях разрушению не подверглись лишь два города — Сарай и Сарайчик.

Рассмотренные здесь материалы позволяют характеризовать Золотую Орду как государство, где оседлая градостроительная культура стояла на высоком для того времени уровне. Однако в основе ее развития лежали культурные традиции и достижения покоренных монголами народов, создававших и усовершенствовавших на протяжении многих веков определенные архитектурные направления. Подчеркивая это, нужно добавить, что сами монголы все же внесли ощутимый вклад в золотоордынскую (особенно бытовую) архитектуру, что отчетливо видно при ее анализе [59]. Своеобразные причины и условия возникновения золотоордынских городов наложили также особый отпечаток на их планировку и социальную топографию, во многом отличавшиеся от феодальных образцов того времени в Азии и Европе.

V. L. Iégorov

GEOGRAPHIE DES VILLES DE LA HORDE D'OR

Résumé

En se basant sur des données archéologiques, cartographiques, et sur celles fournies par les chroniques, on étudie dans cet article la question de la répartition des villes sur le territoire de la Horde d'Or, du XIIIe au XIVe siècle. Les documents cités témoignent en faveur du développement important pris dans cet Etat par l'édification de villes. Dans la Horde d'Or, le nombre total des cités, grandes et petites, dépassait 100, dont 17 étaient d'importants centres d'artisanat et de culture, jouant un rôle en vue dans la vie économique de l'Europe et de l'Asie. Comme conclusion à l'article, il est donné une périodisation de la construction des villes sur le territoire de la Horde d'Or, qui reflète le développement politique et économique de cet Etat à des étapes déterminées de son histoire.

---

[59] *В. Л. Егоров.* Жилища Нового Сарая. Сб. «Поволжье в средние века». М., 1970, стр. 172.

Публикации

П. Э. ПЕСОНЕН

О ДВУХ ДРЕВНИХ ПОСЕЛЕНИЯХ В НИЗОВЬЕ р. НИВА

Первые сведения о древних поселениях в низовье р. Нива (Кандалакшский р-н Мурманской обл.) относятся к 30-м годам, когда геологом Г. И. Горецким здесь были открыты неолитические стоянки [1]. В результате геологического обследования береговых террас р. Нивы он пришел к выводу, что все нивские поселения должны располагаться на высоких террасах, не опускаясь ниже отметок 25—41 *м* над уровнем моря [2]. Тогда же он сделал попытку датировать памятники (по керамике), придерживаясь в основном хронологической схемы Ю. Айлио, и отнес стоянки ко второй и третьей фазам развития гребенчатой керамики, т. е. к 2000—1600 гг. до н. э. и 1600—900 до н. э.[3]

В 1946 г. Н. Н. Гуриной было обследовано южное побережье Кольского полуострова (Кандалакшский и Терский берега до пос. Умба). В районе Кандалакши ею отмечено несколько пунктов с находками [4]. Наибольший интерес представляет местонахождение № 10, на котором выявлен богатый набор сланцевых орудий, керамики и остатки четырехугольных опущенных в материк жилищ. Поселение располагалось на склоне третьей террасы (13 *м* над уровнем реки), в 1 *км* от устья р. Нивы, близ г. Кандалакши [5]. В настоящее время место стоянки уничтожено разросшимся городом.

С 1970 г. начато изучение археологических памятников по р. Ниве экспедицией Карельского филиала АН СССР. За эти годы здесь открыты новые стоянки различных эпох. Самые древние, мезолитические, расположены на высоких каменистых террасах до 52 *м* над уровнем моря. Инвентарь их изготовлен исключительно из кварца и близок по форме орудиям Аскола и Комса культур. Стоянки более позднего времени занимают песчаные террасы от 26 до 41 *м* над уровнем моря. На абсолютных отметках 39—41 м залегают памятники с ямочно-гребенчатой керамикой. Стоянки с асбестовой и пористой керамикой находятся на самых низких речных террасах с абсолютными высотами от 26 до 36 *м*, подтверждая вывод Г. И. Горецкого об относительной хронологии нивских стоянок по их высотному расположению.

В данной статье мы ограничимся рассмотрением двух стоянок — Нива X и Нива XII, наиболее полно раскопанных в настоящее время.

---

[1] *Г. И. Горецкий.* Некоторые данные о неолитических стоянках Кольского перешейка. Тр. АИЧПЕ, вып. III. Л., 1937, стр. 107—118.

[2] Там же, стр. 114.

[3] Там же, стр. 117.

[4] *Н. Н. Гурина.* Результаты археологического обследования южного побережья Кольского полуострова. КСИИМК, 21, 1947.

[5] *Н. Н. Гурина.* Ук. соч., стр. 56.

Поселение Нива X, открытое Ю. В. Титовым в 1972 г., занимает ровную площадку второй речной террасы левого берега р. Нива напротив города. Площадь его около 1000 *м*², высота над уровнем моря 34,1 *м*. За два полевых сезона (1972—1973 гг.) площадь раскопа достигла 396 *м*². Раскопки выявили следующую стратиграфию: 1) растительный покров и оподзоленный песок 5—8 *см*; 2) культурный слой — красноватый мелкозернистый сыпучий песок — на окраинах стоянки имел мощность 8—10 *см*, в центре достигал толщины 20—25 *см*, с западаниями до 35 *см*; 3) подстилающий слой — светло-желтый песок. По направлению к реке (краю террасы) мощность слоя увеличивалась, приобретая местами ярко-малиновый оттенок. В основном на поселении культурный слой однороден как вглубь так и по площади.

В восточной части раскопа расчищена каменная кладка длиной 8 *м* (запад — восток), шириной от 1 до 4 *м*. Сверху вымостка перекрывалась ярко-малиновым слоем песка, в котором наблюдалась примесь золы и мелких угольков. Сооружение залегало на глубине 10—15 *см* от современной поверхности на светлом материковом песке и представляло собой слой из мелких камней, пригнанных друг к другу. На восточном конце кладка была покрыта тонким (3—5 *см*) слоем глины площадью 1×1,2 *м*. В глине собрано большое количество мелких кальцинированных косточек, в основном птицы. Кроме этого скопления мелкие обожженные кости часто встречались по всей поверхности сооружения и среди камней. Большая часть каменного инвентаря и вся керамика в этой части раскопа также была собрана в малиновом слое, перекрывающем камни.

Создается впечатление, что на площадке разводили огонь: камни потрескавшиеся, в саже, песок среди камней с легкой примесью золы и мельчайших угольков. Назначение кладки пока неясно, аналогии ей нам неизвестны. Для очага она кажется слишком большой.

В 2 *м* к северу от вымостки расчищен каменный очаг, залегавший на материке. Своими очертаниями он напоминает подкову, западный конец которой сложен из мелких камней; восточная часть очага состоит из 11 довольно крупных валунов, расположенных по кругу. В круге и центре «подковы» зольно-углистая прослойка достигала толщины 10 *см*. Вокруг очага песок прокален до ярко-красного оттенка, в нем собрано несколько отщепов кварца и пережженные мелкие кости. В самом очаге находок не было.

С южной стороны каменной вымостки выявлен еще один очаг (1,2××0,9 *м*), выложенный из камней, лежащий на культурном слое. В очаге собраны мелкие кости животных, обломок сланцевого орудия, кварцевый скребок и отщепы кварца. Судя по залеганию, он относится к более поздней поре бытования стоянки, чем первый очаг. Помимо очагов в культурном слое поселения часто встречались кострища, углистые пятна, насыщенные мелкими костями.

Коллекция, добытая в результате раскопок, представлена каменным инвентарем и керамикой (всего 326 предметов). Керамика двух типов: орнаментированная, ромбически-ямочная (13) и неорнаментированная, по фактуре пористая (27 фрагментов). Кроме того, собрано 123 мелких черепка, относящиеся к этим типам. К сожалению, мы не можем восстановить ни формы, ни размеров сосудов из-за их большой фрагментарности.

Ромбически-ямочная керамика (рис. 1, *8—13*) желтого цвета, с примесью крупного песка в тесте орнаментирована вытянутыми ямками ромбовидной формы, расположенными в шахматном порядке. Фрагменты пористой керамики (рис. 1, *14—15*) украшены короткими тонкими зубчатыми вдавлениями, чередующимися с двумя рядами мелких круглых ямок. Ряд пористых фрагментов имеет под венчиком горизонтальную нарезную линию и круглые ямки. На большей же части черепков орнамент не сохранился. Пористая керамика относительно тонкостенная (0,3—0,4 *см*), с примесью органических веществ, которые при обжиге сосуда выгорают,

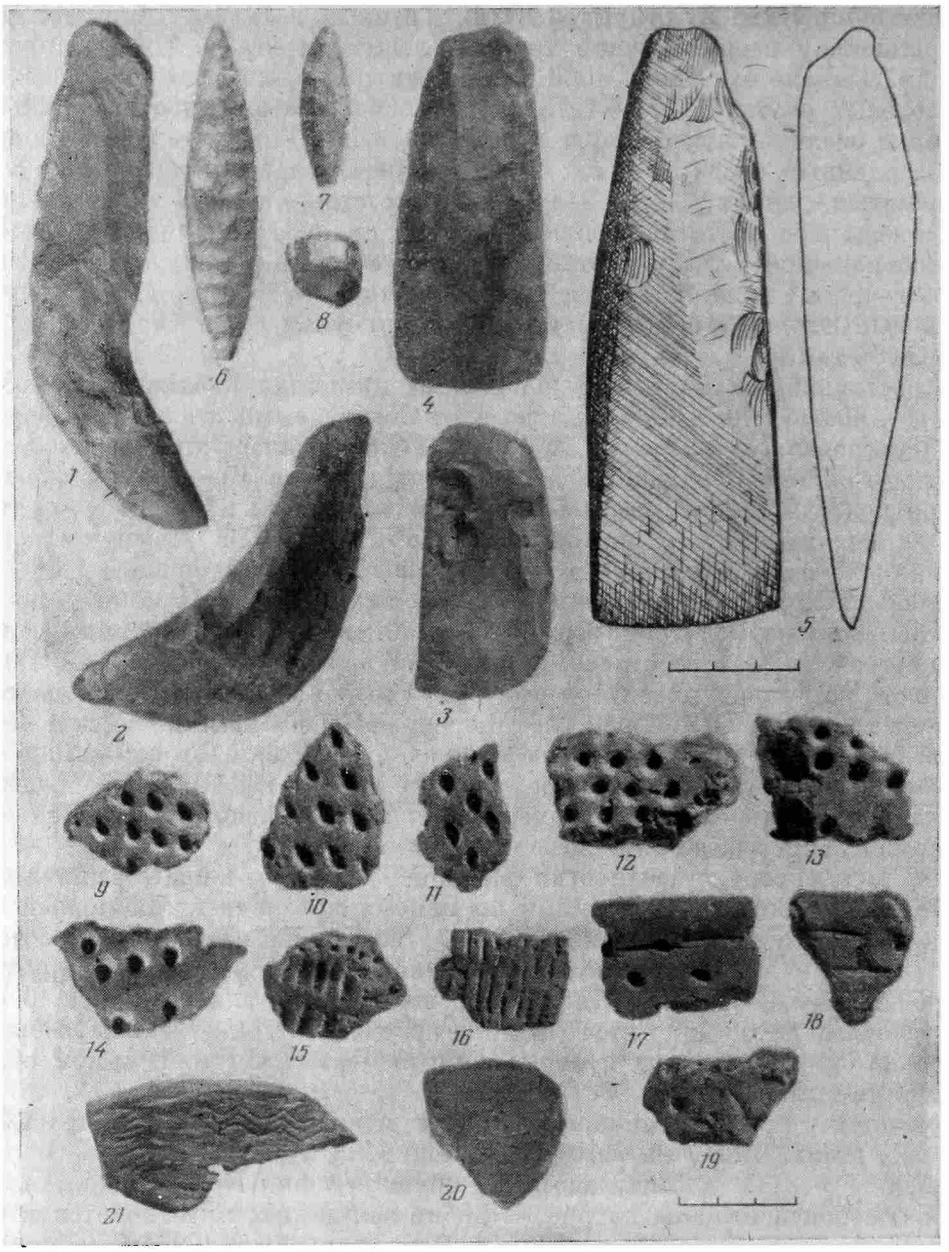


Рис. 1. Стоянка Нива X. Керамика и каменный инвентарь: *1, 2* — коленчатые ножи (сланец); *3, 4* — стамески (сланец); *5* — топор (сланец); *6, 7* — наконечники стрел (кремень); *8* — скребок (кремень); *9—14* — ромбически-ямочная керамика; *15—20* — пористая керамика; *21* — обломок сланцевого изделия с нарезным орнаментом

вследствие чего сосуды приобретают пористую структуру. В северных условиях эта керамика плохо сохраняется, и в руки археологов попадает незначительная ее часть и, как правило, в сильно измельчённом виде, с отслоившейся поверхностью.

Подавляющая часть каменного инвентаря представлена кварцевыми орудиями, а внутри этой группы самую многочисленную категорию составляют скребки (65), ножевидные пластины (18), резцы и отщепы со следами работы (34). Абсолютное преобладание скребущих и режущих инструментов, высокая техника обработки скребков говорят о широком применении данного вида орудий в хозяйстве обитателей поселения. Скребки (рис. 2, *2—9*) тщательно обработаны крутой отжимной ретушью;

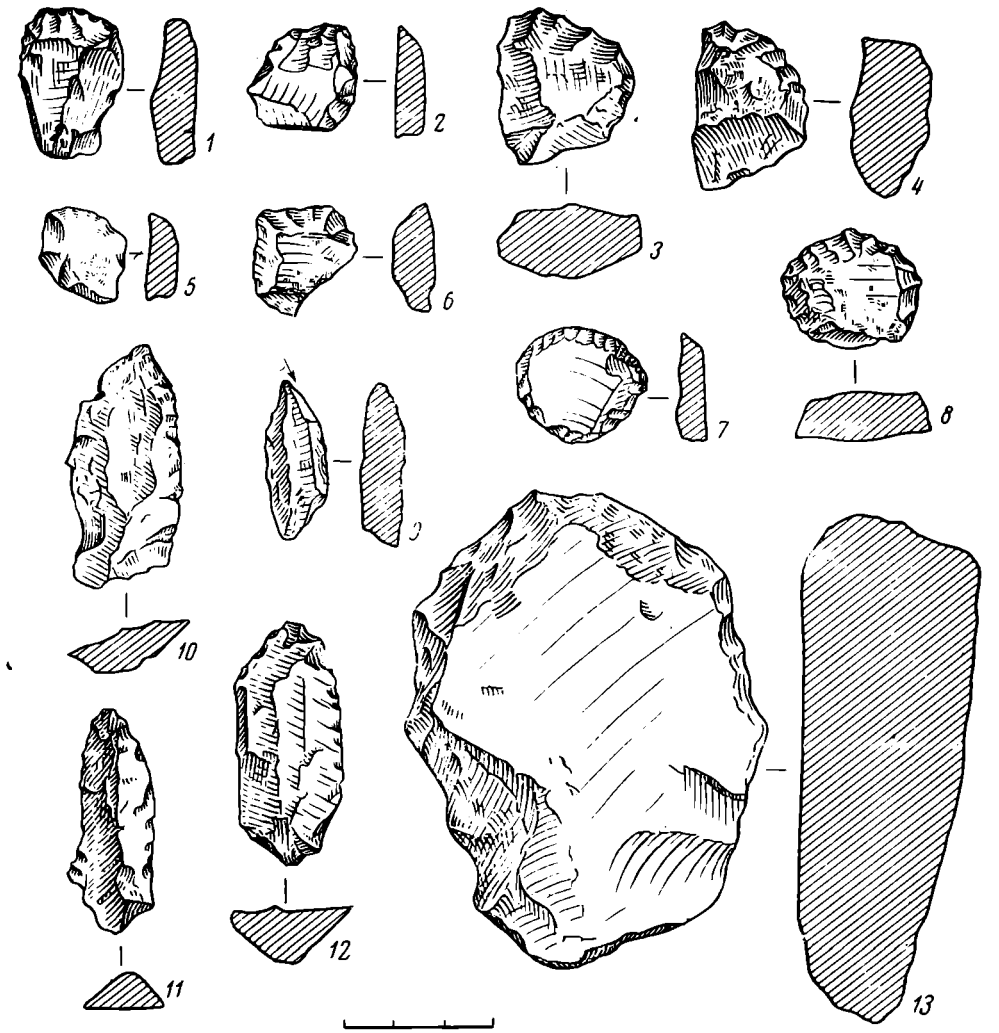


Рис. 2. Стоянка Нива X. Кварцевый инвентарь: *1—8* — скребки; *10—12* — ножи; *13* — скребло

их форма определялась формой заготовки, поэтому типы скребков разнообразны — подтреугольные, округлые с ретушью почти по всему периметру, подчетырехугольные, аморфные и т. д.

Оригинальными являются орудия (5 экз.), изготовленные из удлиненных отщепов со слегка вогнутым рабочим краем, иногда на обоих концах отщепа. Лезвие таких орудий сформировано мелкими сколами. По своей форме они больше напоминают желобчатые долотца, но их небольшие размеры (1,5—2 *см* длины) не позволяют отнести их к орудиям типа долот. Скорее всего они выполняли функцию скребков и использовались для обработки мелких округлых поверхностей, возможно, кости, древков и пр. Часто такие орудия сделаны из мелких нуклеусов. Эта форма скребка специфична для кольских стоянок [6], аналогичную форму можно встретить и в Карелии. Среди кремневых изделий они не известны.

Большая часть правильно ограненных ножевидных пластин без дополнительной обработки (рис. 2, *12*) использовалась в качестве ножей, на них четко видны следы сработанности в виде заглаженности, выщербин, трещин на прямых режущих краях, и, как правило, в этих орудиях использовалась лишь одна грань. Два кварцевых ножа изготовлены из уд-

[6] *Н. Н. Гурина.* Неолитические поселения Северного побережья Кольского полуострова. МИА, 20, 1951, стр. 152.

линенных отщепов (рис. 2, *11*, *13*). Лезвия их чуть закруглены и обработаны со спинки мелкой ретушью, скошенный верхний конец одного из них, видимо, использовался еще и в качестве резчика. Среди кварцевых орудий широко представлены резцы (23 экз.), выработанные из удлиненных грубых отщепов с 1—3 резцовыми сколами (рис. 2, *10*); напротив, скобели и проколки единичны.

Кремень на стоянках встречается чрезвычайно редко. При раскопках найдено всего два скребка, два наконечника стрелы (рис. 1, *5—7*) и заготовка наконечника копья. Аналогичные наконечники широко распространены на поселениях эпохи бронзы.

Сланцевые орудия, за немногим исключением, на нивских стоянках трудно определимы, так как из земли извлекаются сильно расслоившимися. По всей вероятности, это зависит от качества сланца (глинистый), из которого сделаны орудия, и климатических условий Крайнего Севера, влияющих на их сохранность.

Среди сланцевых орудий выделяются коленчатые ножи — два целых экземпляра и один обломок (рис. 1, *1—2*), по форме и размерам близкие ножам Финмаркена в Северной Норвегии[7]. Разнятся они лишь техникой изготовления: ножи из Финмаркена зашлифованы по всей поверхности, а у нивских отшлифованы только рабочие края. Остальная часть поверхности обработана сколами.

Рубящие орудия представлены одним топором (рис. 2, *1*), двумя шлифованными по всей поверхности теслами, сужающимися к обуху; тремя стамесками (рис. 1, *3, 4*), близкими по форме теслами и орудиями, типы которых трудно определимы из-за разрушения их поверхности. Имеется также много обломков орудий и их заготовок.

В числе прочих орудий следует назвать кварцевые скребла (6 экз., рис. 2, *14*); сланцевые проколки (2 экз.); отбойники и проколки (6) из кварца, в качестве которых часто использовались нуклеусы; абразивы из шифера, сланца, песчаника и грузило из гранитного валуна с канавками для привязывания веревки.

Таким образом, на поселении представлен многочисленный и разнообразный инвентарь, в котором преобладают орудия со скребущими и режущими функциями, что косвенно свидетельствует о промысловом характере хозяйства обитавшего здесь древнего населения.

На стоянке под культурным слоем обнаружено погребение. Могильная яма, перекрытая стерильной прослойкой толщиной 10—15 *см*, была заполнена песком со слабой примесью золы и мельчайших угольков, под ним залегал слой 3—5 *см* почти чистой темно-красной охры, которым был посыпан погребенный. Длина могилы 180 *см*, ширина 60—70 *см*, размеры охристого пятна несколько меньше — 150×40 *см*. В слое охры прослежены остатки зубов, по которым можно определить ориентировку погребенного головой на ЮЮВ.

В заполнении могилы собрано несколько кальцинированных косточек, в ногах погребенного под слоем охры лежало четыре небольших камня. В яме, в 80 *см* от южного ее края, лежал большой валун. Его размеры и положение говорят о том, что он не был специально сюда положен.

Погребение сопровождалось каменным инвентарем, лежавшим в куче около валуна (семь сланцевых предметов, рис. 3): украшение в виде шлифованного плоского кольца (внутренний диаметр 1,4 *см*, внешний — 3,1 *см*) и шесть рубящих орудий — тесло, стамеска, два желобчатых долота и две заготовки. Все орудия, за исключением одного долота, близки друг другу. Они имеют широкую лезвийную часть и сужение к обуху; в сечении — либо неправильная трапеция, либо овал. У тесла и стамески лезвийная часть чуть пришлифована, остальная поверх-

[7] *P. Simonsen.* Varanger-Funnene. II Fund og ungravminger på Fjordens Sydkust. Tromsø Museum, 1961, s. 355, fig. 153 (*f, h*).

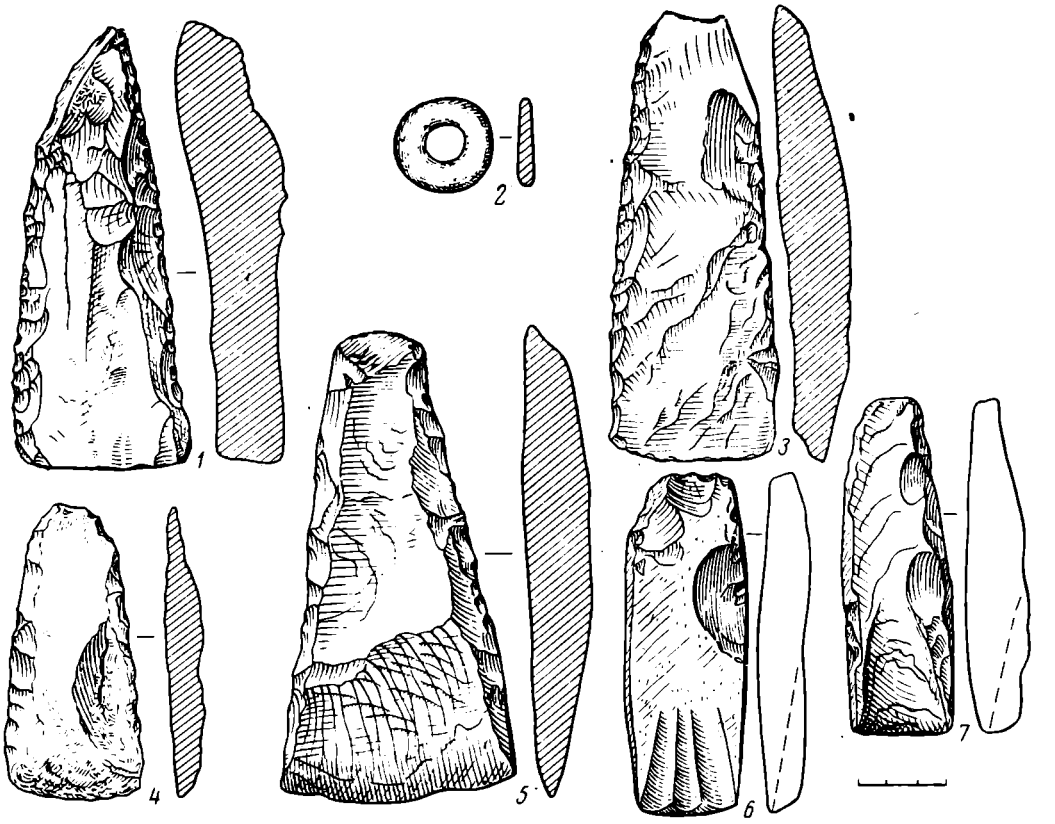


Рис. 3. Нива X. Погребальный инвентарь. Сланец: *1, 3* — заготовки орудий; *2* — шлифованное кольцо; *4, 5* — стамески; *6, 7* — желобчатые долота

ность обработана сколами. Желобчатые долота, напротив, были зашлифованы полностью. Одно из них (рис. 3, *6*) имеет оригинальной формы желобок из трех углублений, расходящихся несколько веерообразно. Судя по тому, что погребение было перекрыто стерильной прослойкой и ненарушенным культурным слоем стоянки, оно, несомненно, относится к более раннему времени, нежели поселение. Хотя отсутствие керамики в нем затрудняет датировку, все же типологически погребальный инвентарь позволяет отнести погребение к неолиту.

Стоянка **Нива XII** открыта автором в 1972 г., находится на левом берегу р. Нива, напротив г. Кандалакши, на высоком мысу древнего берега, ограничена болотистой низиной и безымянным ручьем. Высота стоянки над ручьем и низиной около 6 *м*, абсолютная ее высота 40,46 *м*, площадь, занятая поселением, составляет 220 $м^2$, раскопано 192 $м^2$.

Культурный слой залегал под тонким (5—10 *см*) дерновым и подзолистым слоем, распространялся в пределах раскопа неравномерно. В южной половине преобладал оранжевый слабогумусированный песок 10—12 *см* толщиной с редкими находками. Ближе к краю террасы (западная часть) слой имел темно-красный цвет, постепенно переходя в восточной части в малиновый песок. На глубине 10—12 *см* от поверхности культурный слой сохранялся лишь в восточной и западной частях, соединяющихся узкой полосой красноватого песка вдоль ручья. Здесь мощность культурного слоя достигала 20—25 *см*, с западинами до 30 *см* от дневной поверхности. Здесь же была сосредоточена основная часть находок.

Из бытовых комплексов на поселении обнаружены очаги, сложенные из камней. В северо-западном углу раскопа располагался небольшой очаг 60×60 *см*. Очажная яма глубиной 15 *см*, заполненная песком с мелкими угольками и золой, содержала небольшое число находок: фрагменты ямоч-

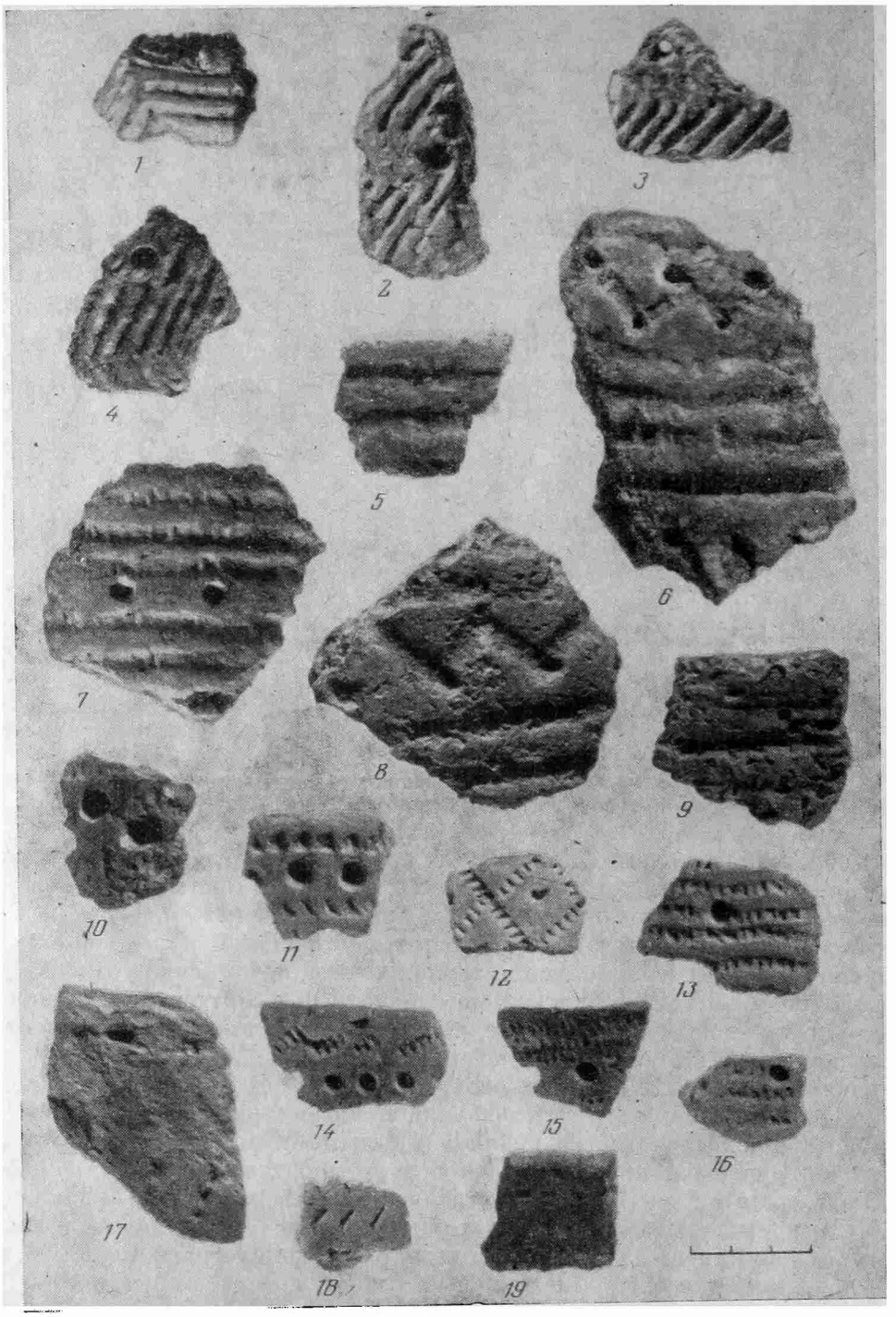


Рис. 4. Стоянка Нива XII. Керамика: *1—4* — сперрингс; *5—16* — ямочно-гребенчатая; *17* — асбестовая; *18* — пористая; *19* — эпоха раннего железа

но-гребенчатой керамики (рис. 4, *8—9*), кварцевый скребок, отщепы кварца. Такая же керамика собрана и среди камней очага.

Два очага, вскрытые в восточном секторе раскопа, залегали на культурном слое и относятся, видимо, к более позднему времени существования поселения. Об этом свидетельствуют и находки — фрагменты керамики эпохи раннего железа (рис. 4, *19*) со слегка профилированным венчиком и сланцевый шлифованный наконечник (рис. 5, *5*).

Керамический материал, хотя и немногочисленный, оказался разно-

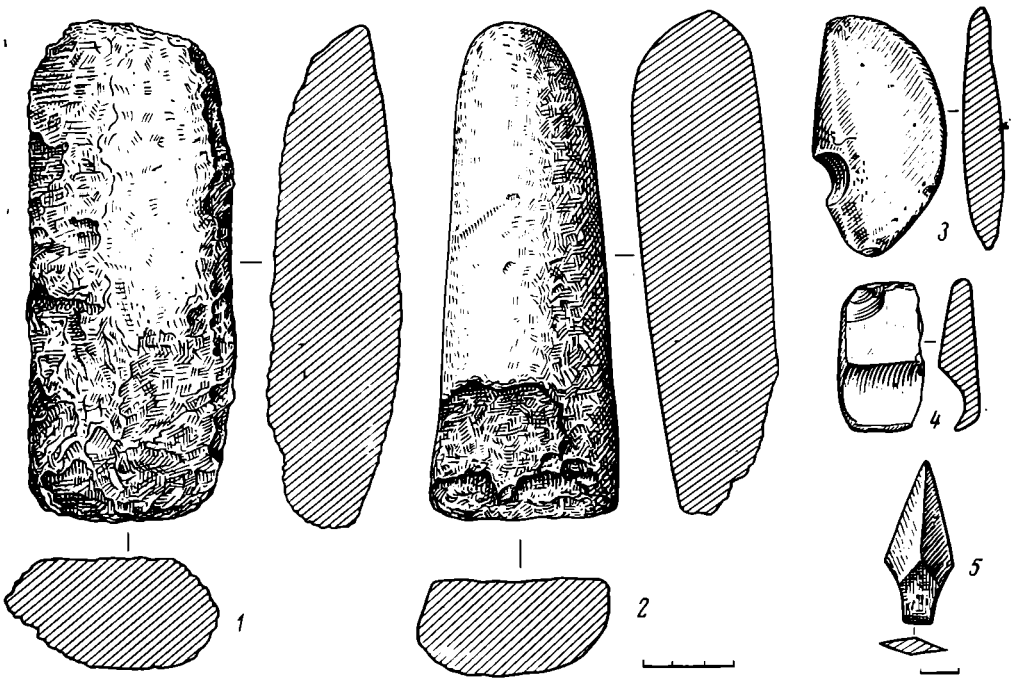


Рис. 5. Стоянка Нива XII. Каменный инвентарь: *1, 2* — песты (гранит); *3* — нож (сланец); *4* — когтевидное долото (сланец); *5* — наконечник стрелы (сланец)

типным и разновременным. Ранний представлен обломками от сосудов (15 крупных и столько же мелких фрагментов) с прочерченными линиями в виде «отступающей лопаточки» (рис. 4, *1—4*). Орнаментальный узор состоит из вертикального зигзага, поверх которого нанесены круглоконические ямки. Толщина стенок сосудов 0,9 *см*, обжиг средний, в качестве примеси к тесту служит дресва. Венчики и днища не сохранились. По орнаменту керамика аналогична некоторым сосудам типа сперрингс Карелии и Финляндии. Вся керамика данного типа была сосредоточена в восточной части раскопа и группировалась в могильных ямах.

На поселении преобладает ямочно-гребенчатая керамика (66 фрагм.), очень различная как по составу теста, так и по орнаменту. Выделяются черепки толстостенных сосудов (1,5 *см* толщиной) довольно хорошего обжига, с примесью крупной дресвы и органических веществ (рис. 4, *5—9*). Венчики сосудов прямые, край венчика закруглен и не орнаментирован. Основной узор состоит из оттисков широкого крупного зубчатого штампа. Широкие горизонтальные пояса разделяются одним рядом крупных ямок. Несколько черепков окрашено охрой. Единичными фрагментами представлена керамика, орнаментированная гребенчатыми вдавлениями (рис. 4, *10—16*).

Вторую группу составляет пористая и асбестовая керамика (20 фрагм.) (рис. 4, *17*, *18*). Плохая сохранность ее и мелкие фрагменты не позволяют проследить орнамент. Из глиняных изделий на стоянке найдена полая трубочка (бусина?) длиной 10 *мм* и диаметром отверстия 2 *мм*.

Если керамику можно хронологически расчленить, то с каменным инвентарем, за некоторыми исключениями, этого сделать нельзя (многие формы орудий, особенно кварцевых, существуют длительное время). Отсутствие стоянок с чистыми комплексами затрудняет выделение ведущих типов орудий для тех или иных комплексов.

На поселении абсолютно преобладают кварцевые орудия и почти нет кремня, за исключением двух изделий — скребка и пластинки с ретушью по всей спинке. Сланцевых орудий также немного, большая же часть изделий или неопределима, или представлена обломками орудий. Хорошую сохранность имеют лишь когтевидное долото и наконечник стрелы (рис. 5,

4, 5). Наконечник относится к типу, довольно часто встречающемуся в памятниках Карелии, Кольского полуострова и Северной Норвегии. Он имеет вытянуто-треугольную форму, ромбическое сечение и плоский черешок. Перо тщательно отшлифовано. Хуже сохранились обломок желобчатого долота и, вероятно, нож (рис. 5, *3*) полулунной формы, имевший когда-то шлифованную поверхность.

На долю кварца приходится 79,4% общего количества каменных изделий. Скребки (87), резцы (17), ножевидные пластины (11) и отщепы со следами работы (65) составляют основную массу кварцевого инвентаря. Наличие на стоянке большого числа отщепов, нуклеусов и кусков кварца свидетельствует об изготовлении орудий на месте. Наблюдения показали также, что многие отщепы использовались в качестве орудий без дополнительной обработки режущих или скребущих краев.

Самой многочисленной категорией являются скребки, выполненные из отщепов (рис. 6, *5—12*). Форма скребка предопределялась формой заготовки, поэтому на поселении можно встретить самые различные очертания их — концевые, косолезвийные, широколезвийные, округлые, полуовальные и т. д. Количественно преобладают овальные (35 экз.). Рабочие края их часто обработаны хорошей отжимной ретушью по одному или двум краям, реже по всему периметру.

Близки скребкам скребла — 6 экз. (рис. 6, *1—4*), которые отличаются от последних только размерами; они обычно массивны, а рабочие края сформированы мелкими сколами. Одно из орудий имеет крутую ретушь по лезвию. Скобели, так же как и скребла, не всегда обрабатывались ретушью. Из пяти орудий лишь на одном рабочий выем оформлен ретушью, у остальных лезвия обработаны только мелкими сколами; один из скобелей использовался также в качестве резца.

На стоянке довольно часто встречаются резцы (рис. 6, *18*), изготовленные из удлиненных отщепов, относящиеся к одному типу срединных с одним-тремя резцовыми сколами. Для данного района характерны срединные резцы. Два резца сделаны из горного хрусталя.

Ножевидные пластины, как правило, не имеют четких форм, большей частью они неправильного огранения. Основная масса пластин использовалась в качестве режущих орудий, так как на длинных сторонах их видны следы от работы в виде выщербин, выкрошенности, иногда заглаженности (рис. 6, *16, 17*). Хорошо выражены два ножа, выполненные из пластин длиной 4 *см*; у одного ножа боковая длинная сторона выпуклая и обработана плоской заостряющей ретушью со стороны спинки, у второго обе грани со стороны спинки обработаны мельчайшей ретушью (рис. 6, *14, 15*).

Не имея достаточного количества прочного материала для рубящих орудий, древнее население низовья р. Нивы часто изготовляло их (наряду со сланцем) из кварца, начиная уже с мезолита. Этот тип орудий продолжает существовать и в позднее время, вплоть до эпохи раннего железа. Наибольшее их распространение падает на мезолитическое время.

На поселении Нива XII обнаружено 6 экз. кварцевых рубящих орудий. По оформлению лезвия они напоминают небольшие сланцевые долота и стамески (рис. 6, *13*). Особенно четко выражены два изделия из плоских кусков кварца, представляющих в сечении прямоугольник и трапецию; лезвия их обработаны сколами. По форме они очень близки сланцевым стамескам с широким лезвием и сужающимся обухом, а также асимметричной заточкой лезвия. Часто рубящие орудия делали из небольших нуклеусов, обрабатывая только лезвийную часть.

Нуклеусы, за редким исключением, четких форм не имеют. На стоянке частыми находками являются расколотые кварцевые гальки и небольшие валуны. Они и служили основной сырьевой базой. Жильный кварц, превосходящий по качеству валунный, использовался редко, вероятно, потому, что вблизи стоянок нет его выходов. Среди изделий из камня часты

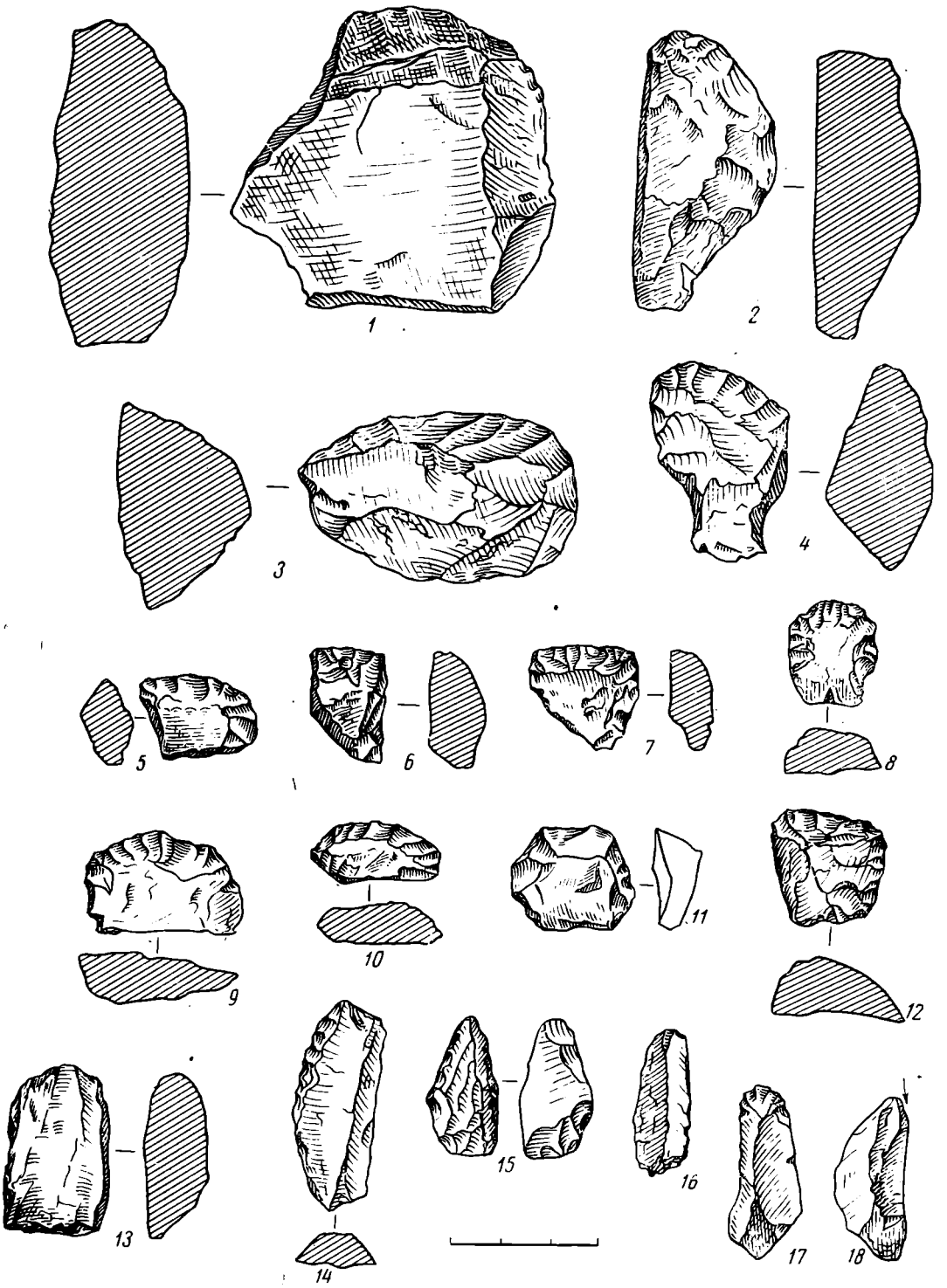


Рис. 6. Стоянка Нива XII. Кварцевый инвентарь: *1—4* — скребла; *5—12* — скребки; *13* — стамеска; *14, 15* — ножи; *16, 17* — ножевидные пластины; *18* — резец

абразивы, пилы, лощила и крупные (20 *см* длиной) гранитные песты (рис. 5, *1, 2*), используемые в качестве дробильных инструментов.

Таким образом, каменный инвентарь стоянки довольно разнообразен, строго дифференцирован, хотя и немногочислен. Хронологически расчленить его пока не представляется возможным.

На стоянке обнаружено три погребения, залегавшие под ненарушенным культурным слоем, в подстилающем его песке. По отдельным пятнам

чистого песка над могильными линзами можно предположить, что они были перекрыты стерильной прослойкой, которая затем была почти уничтожена появившейся здесь позднее стоянкой. Об этом же свидетельствует и керамика сперрингс из погребений, о которой говорилось выше. На поселении подобной керамики не обнаружено. Захоронения расположены в восточной части раскопа: два рядом параллельно друг другу, третье — несколько в стороне. Ориентировка их одинаковая — с запада на восток. Могильные ямы, засыпанные песком с примесью красной охры, хорошо прослеживаются на фоне светло-желтого подстилающего песка.

Погребение 1. Могильная яма (140×70 *см*) прорезала материк на глубину 40 *см* от древней поверхности, восточный конец ямы был на 15 *см* ниже. В этой западине располагалось зольно-углистое пятно, в котором найдено несколько фрагментов керамики сперрингс и отщепы кварца. Помимо этого скопления находки встречались по всей толще заполнения и состояли из фрагментов той же керамики, обломка сланцевого орудия, обломка шлифовальной плиты и отщепов кварца.

Погребение 2 располагалось в 40 *см* и параллельно первому. Могильная яма (160×60 *см*) углублялась в материк на 40 *см* от древней поверхности. В песке, заполняющем могилу, были собраны фрагменты керамики сперрингс, кварцевый скребок и отщепы кварца. Основная часть инвентаря была сосредоточена в восточном конце ямы, кварцевый скребок и три фрагмента керамики найдены на дне ямы на материке. В обоих погребениях кальцинированные мелкие косточки залегали по всей толще заполнения ям.

Около первой могилы с севера, у второй могилы с юга находились ямки, углубленные в материк на 20 *см* и заполненные темно-красным песком с примесью золы и угольков. В ямках встречались мелкие косточки и отщепы кварца. На наш взгляд, они не имеют никакого отношения к погребениям, поскольку состав культурного слоя в них тот же, что и на поселении. К западному концу обеих могил примыкает яма вытянутой формы, глубиной 20 *см* от древней поверхности. Она была заполнена зольно-углистым слоем и темно-красным песком. В ней найдены два фрагмента керамики того же типа, что и в погребениях, кварцевая ножевидная пластина, кварцевый скребок, мелкие кальцинированные кости и отщепы кварца. Состав находок свидетельствует о связи ее с погребениями. Очевидно, она имела ритуальное значение.

В 2,5 *м* к югу приходилось третье погребение. Могильная яма глубиной 25—30 *см* от древней поверхности и размерами 140×60 *см* была заполнена песком с примесью красной охры. В восточной части ее на дне залегало зольно-углистое пятно, в которой найдены фрагменты керамики сперрингс, отщепы кварца и полая глиняная трубочка. Редкие, того же характера предметы и в заполняющем яму песке. Вокруг могилы, огибая ее с восточной стороны, находились ямы с неопределенными очертаниями, самые глубокие из них имеют ту же глубину, что и могила, глубина других не превышает 10—15 *см*. Заполнены были ямы ярко-малиновым песком. Здесь собраны фрагменты той же керамики, кварцевые скребки, резец, обломки шлифовальных плит и отщепы кварца. Несомненно, что эти западины относятся к могиле. По форме и размерам могильных ям можно предположить, что все захоронения были одиночными.

Стратиграфические наблюдения позволили установить, что погребения были совершены раньше появившегося здесь поселения. По керамике их следует датировать не позднее первой половины III тысячелетия до н. э. Остается пока невыясненным вопрос, кто же совершил захоронения, так как ни на этой стоянке, ни на других поселениях низовья р. Нивы до сих пор на обнаружено керамики сперрингс.

Обычай захоронений с применением охры и наличием погребального инвентаря известен с обширной территории северных неолитических и

энеолитических культур [8] от Финляндии до Урала; сюда же мы можем отнести и погребения с указанных поселений.

Подводя итоги исследованиям поселений Нива X и Нива XII, мы можем отметить ряд черт, характерных для обоих памятников.

Обе стоянки приурочены к левому берегу р. Нивы, занимая ровные песчаные террасы, поросшие сосновым лесом. Удаленность их от моря составляет 4 и 4,5 *км*, от реки в настоящее время они отстоят на 200 и 150 *м* соответственно. Поселения имеют перемешанный инвентарь, распространенный в тонком одноцветном культурном слое, стратиграфически неразделенном. Разновременные комплексы прослеживаются главным образом только по разнотипной керамике. Что касается кварцевых орудий, то далеко не всегда имеется возможность расчленить их хронологически и синхронизировать с определенными типами керамики. Возникнув на одном из этапов развития материальной культуры, многие типы каменных изделий, как кварцевые скребки, резцы, долота и стамески, продолжают существовать и на последующих этапах вплоть до эпохи раннего металла. Поэтому каменный инвентарь, за исключением некоторых датируемых вещей, рассматривается суммарно и хронологически не расчленяется.

На обоих поселениях преобладают кварцевые орудия (до 80% их общего числа), а среди находок — огромное число (по отношению к готовым орудиям) отщепов, кусков, нуклеусов, сколов и желваков кварца, что свидетельствует о производстве орудий на месте. Несомненно, что какая-то часть их использовалась в качестве орудий без дополнительной обработки. В одних случаях заглаженность краев отщепов, в других выщербины и трещины на них ясно указывают на следы работы ими.

Орудия охоты на стоянках немногочисленны. Объясняется этот факт, по всей вероятности, широким использованием в хозяйстве костяных орудий, а кость, как известно, здесь не сохраняется. Рыбная ловля для древних обитателей поселений, расположенных на берегу реки, богатой ценными породами рыб еще в недалеком прошлом, являлась наряду с охотой основным занятием. Но материалы раскопок почти не дают свидетельств об этой стороне деятельности, за исключением одного грузила с канавкой для привязывания. Видимо, население знало какой-то иной способ рыбной ловли, не прослеживаемый в инвентаре. Жилища на стоянках не обнаружены.

Типологическое изучение найденных материалов, прежде всего керамики, и сопоставление их с материалами других районов Кольского полуострова, Карелии и Северной Норвегии позволяют установить относительную дату бытования рассматриваемых поселений и их место на археологической карте Севера.

Сравнивая толстостенную керамику, орнаментированную оттисками крупной гребенки и ямками, с керамикой других кольских поселений Ловозеро I—III [9], Цага I на озеро Ловозеро и Наволок на Терском берегу [10], можно обнаружить большое их сходство и по аналогии с ними начальный этап на стоянке Нива XII отнести ко второй половине III тысячелетия н. э. Для Цаги I и Наволока имеются радиокарбонные даты [11]. Позднее в эпоху раннего металла стоянка посещалась на очень короткое время. Следами этих кратковременных посещений являются немногие фрагмен-

[8] *М. Е. Фосс.* Древнейшая история Севера Европейской части СССР. МИА, 29, 1952, стр. 216; *E. Kivikoski.* Suomen historia. Iosa, Helsinki, 1961, s. 40, 41; *Г. А. Панкрушев.* Неолитические племена Карелии. Сб. «Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита». МИА, 172, 1973, стр. 71; *О. Н. Бадер.* Волго-Камская этнокультурная область эпохи неолита.— Там же, стр. 102.

[9] Материалы хранятся в фондах ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР.

[10] *Н. Н. Гурина.* Некоторые данные новых исследований в Европейском Заполярье. КСИА АН СССР, 137, 1973, стр. 80—88.

[11] *Н. Н. Гурина.* Древние памятники Кольского полуострова. Сб. «Этнокультурные общности...», стр. 53.

ты асбестовой и пористой керамики. Самая ранняя керамика сперрингс собрана лишь в погребениях; в слое стоянки она отсутствует. Пока это самый северный пункт с керамикой такого типа. Когтевидное долото со стоянки имеет аналогии в памятниках Карелии, Эстонии, каргопольской культуры [12]. Финские исследователи считают их типичным орудием эпохи гребенчатой керамики в Финляндии [13].

На поселении Нива X встречаются в комплексе два типа керамики — ромбически-ямочная и пористая. Датируется стоянка по керамике и в какой-то мере по высотным данным. Она расположена выше (34,1 *м* над уровнем моря), чем поселения с чистым комплексом пористой керамики, как, скажем, Нива XI (26,84 *м* над уровнем моря), и ниже, чем Нива XII (40,46 *м* над уровнем моря). Это уже подтверждает ее промежуточное положение между двумя поселениями. По ромбически-ямочной керамике ее можно отнести к рубежу неолита — раннего металла. Наличие в каменном инвентаре сланцевых коленчатых ножей, украшения в виде кольца свидетельствуют в пользу этой датировки. Данные предметы исследователи относят к культурам ямочно-гребенчатой керамики.

О связях, существовавших у населения низовья р. Нивы с соседними территориями, можно судить по керамике и некоторым типам кварцевых и сланцевых орудий. Большое сходство прослеживается, в частности, с северной Норвегией, на что указывают сланцевые колѐнчатые ножи, шлифованные шиферные наконечники стрел. Мы не можем сказать, был ли это импорт готовых вещей или лишь заимствование форм. В орнаменте керамики, в оформлении венчика ямочно-гребенчатых сосудов (прямой неорнаментированный) также наблюдается некоторое сходство с соседними областями. Из Карелии проникла на данную территорию керамика сперрингс, самой северной границей распространения которой там являются стоянки низовья р. Выг [14]. Распространение на многих поселениях южной части Кольского полуострова пористой керамики свидетельствует о связях через Карелию с беломорской культурой и дальше с Прикамьем.

Таким образом, археологический материал памятников низовья р. Нивы позволяет говорить о тесном общении его древнего населения с соседними племенами, обусловленном близостью территории, общностью географической среды и формой хозяйства.

P. E. Pesonen

DEUX ANTIQUES ETABLISSEMENTS DE LA BASSE NIVA

Résumé

Dans l'article on étudie deux établissements, Niva X et Niva XII, situés sur les anciennes rives en terrasses de la rivière Niva (péninsule de Kola), à 4 et 4,5 km de la mer. Leur hauteur absolue atteint 34,1 m et 40,46 m. La stratigraphie de ces deux établissements est semblable. La couche culturelle, un sable rougeâtre, du fait de la présence d'ocre, ne dépasse pas 20 à 25 cm, et est recouverte par une couche d'autre sable d'une épaisseur de 5 à 10 cm. Les objets découverts sont des ouvrages en quartz (fig. 2, 5), en schiste (fig. 1, 1-7; 2, 1; 5, 3-5), et des céramiques de différents types (fig. 1, 8-19, 4). Dans ces deux établissements on a dégagé des sépultures avec mobilier. Dans la station Niva XII, on a recueilli, dans trois tombes, une céramique du type Sperrings (fig. 4, 1-4) et des objets de quartz. Dans la sépulture de la station Niva X on a découvert des outils en schiste, et un objet de parure en forme d'anneau façonné (fig. 3). En se basant sur l'analyse typologique de la céramique et du mobilier lithique, ainsi que sur leur confrontation avec le mobilier des autres monuments de la péninsule de Kola, de Finnmarken (Norvège septentrionale) et de Carélie, on peut établir que l'établissement Niva XII se rapporte à la deuxième moitié du IIIe millénaire av. n. è., et Niva X à la première moitié du IIe millénaire av. n. è.

[12] *Г. А. Панкрушев.* Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. М.— Л., 1964, табл. 29; *Л. Ю. Янитс.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959, стр. 285; *М. Е. Фосс.* Ук. соч., стр. 53, 54.

[13] *E. Kivikoski.* Op. cit., s. 42.

[14] *Ю. А. Саввateев.* Неолитические поселения в низовье р. Выг. Сб. «Археологические исследования в Карелии». Л., 1972, стр. 90.

Ю. П. МАТВЕЕВ, А. Т. СИНЮК

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К ИЗУЧЕНИЮ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА СРЕДНЕМ ДОНУ

В 1973 г. нами проведены охранные раскопки трех курганов в зоне мелиоративных и строительных работ — у пос. Ольховатка и с. Караяшник Ольховатского р-на Воронежской обл.[1]

Курганы у пос. Ольховатка. Курганная группа расположена непосредственно у восточного конца поселка, в 150—200 *м* к югу от железнодорожной ветки. Через территорию могильника проложен мелиоративный канал шириной 25 *м*. Глубина его достигала 2 *м* от современной поверхности. Судя по обнажению берегов, черноземный слой на территории могильника не превышал 0,35—0,40 *м*, и, таким образом, материк — желтый суглинок — был срезан на 1,6—1,7 *м*. По рассказам местных жителей, еще при строительстве железнодорожного полотна здесь было уничтожено несколько древних насыпей. В группе насчитывалось 9 курганов (площадь могильника к моменту обследования находилась под посевами, ввиду чего фактическое количество насыпей могло быть бо́льшим). Два из них были в значительной степени разрушены каналом, что и вызвало необходимость их раскопок.

Курган 1. Вне пределов канала осталась часть северной полы, шириной около 2,5 *м*. Профиль ее не фиксировал какой-либо стратиграфии (однородный слой чернозема). Ориентировочный диаметр насыпи 25—30 *м*. При зачистке этой площади выявлено три погребения.

Погребение 1 обнаружено в северо-восточном секторе кургана, примерно в 5 *м* от его предполагаемого центра. Сохранилась лишь северная часть могильной ямы (рис. 1, *1*). Ширина ее 1,3, глубина 0,9 *м*[2]. Яма ориентирована длинными сторонами по линии С — Ю. Остатки перекрытия — деревянные плахи, диаметром 0,1—0,15 *м*, располагались на уровне материка в направлении с запада на восток. Погребение разрушено, удалось обнаружить лишь несколько обломков костей (на обломках челюсти человека — следы медной окиси) и фрагмент лепного сосуда, орнаментированный прочерченными линиями (рис. 2, *9*).

Погребение 2 расположено в северной половине кургана близ сохранившейся полы (рис. 1, *2*). Могильная яма прямоугольной формы со слегка закругленными углами, размерами 2,5×2,2 *м*, ориентирована длинными сторонами по линии СЗ — ЮВ. В юго-восточной части ямы на глубине 2,5 *м* имелась «ступенька» шириной 0,7—0,85 *м*. Пол ямы на 0,2 *м* ниже уровня ступеньки. Погребение полностью разрушено грызунами. В заполнении могильной ямы и на дне, у западного угла, обнаружены обломки большого лепного сосуда светло-желтого цвета, с приме-

---

[1] *Ю. П. Матвеев.* Отчет к открытому листу № 353. О раскопках курганов в правобережье Среднего Дона в 1973 году. Архив ИА АН СССР.

[2] Здесь и далее размеры глубин даются от уровня материка, фиксировавшегося в срезе сохранившейся полы кургана.

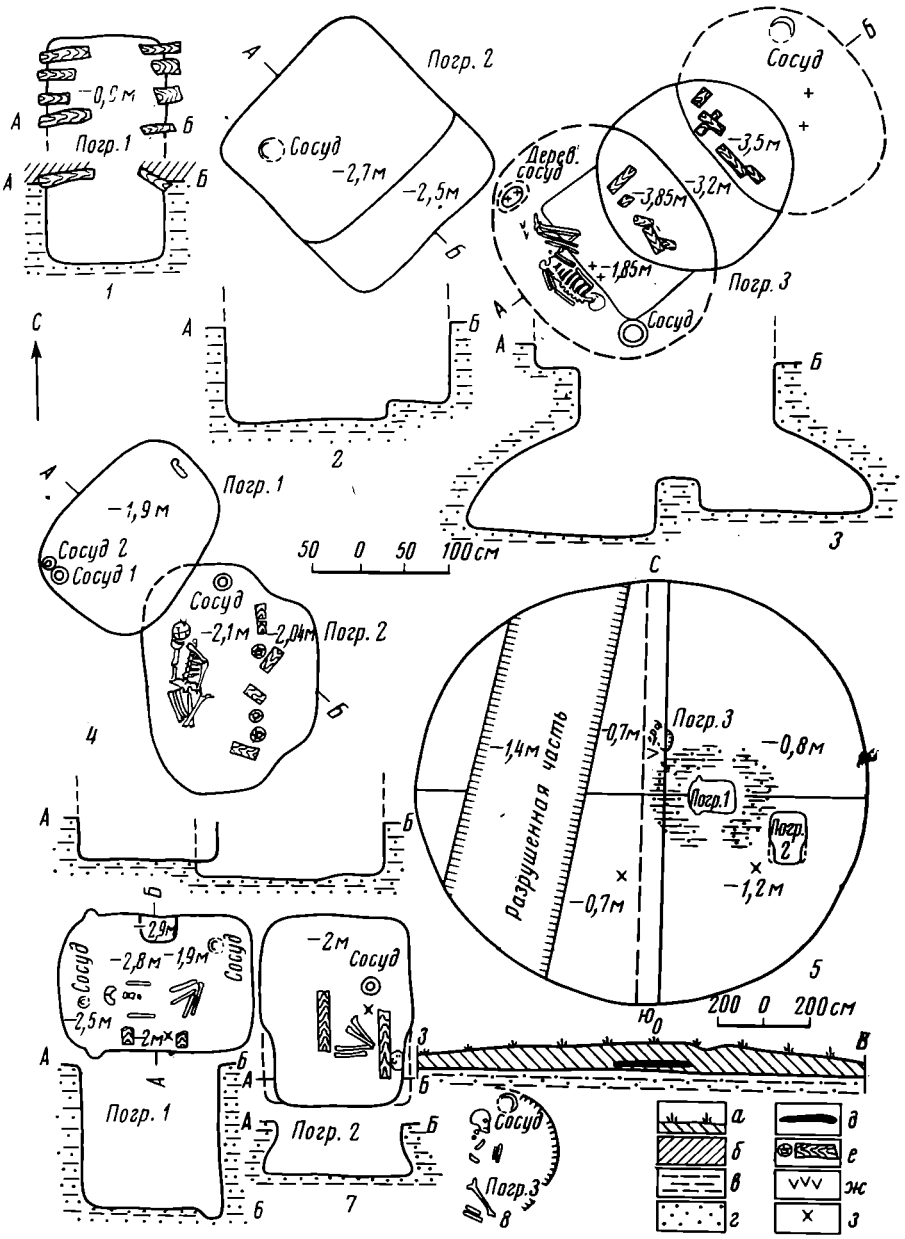


Рис. 1. Планы и разрезы погребений из курганов у сел Ольховатка и Караяшник. План и профиль кургана у с. Караяшник. *1—3* — Ольховатка, кург. 1; *4* — Ольховатка, кург. 2; *5—8* — Караяшник, кург. 1; условные обозначения: *а* — дерн; *б* — чернозем; *в* — глина; *г* — песок; *д* — материковый выброс; *е* — дерево; *ж* — охра; *з* — местоположение вещей

сью шамота в тесте (рис. 2, *10*). На нижней части его с внешней стороны имеются следы полосчатого сглаживания. Сосуд украшен волнистыми налепными валиками. На отдельных фрагментах отмечены вертикальные полосы, образованные вмазыванием в сырую поверхность сосуда темного вещества.

Погребение 3 обнаружено вблизи от предполагаемого центра кургана. Устройство могильного сооружения довольно сложное (рис. 1, *3*. У основания входной шахты, в противолежащих сторонах, пробиты две катакомбы (северо-восточная и юго-западная). Ствол шахты в нижней части цилиндрический (2,1×2 *м*), а в верхней части имел прямоугольную форму, на что указывает сохранившийся уступ длиной 1,6 и шириной по центру 0,5 *м*. Общая глубина входной шахты достигала 3,2 *м*. Северо-восточная катакомба в плане овальная, со сводчатым по-

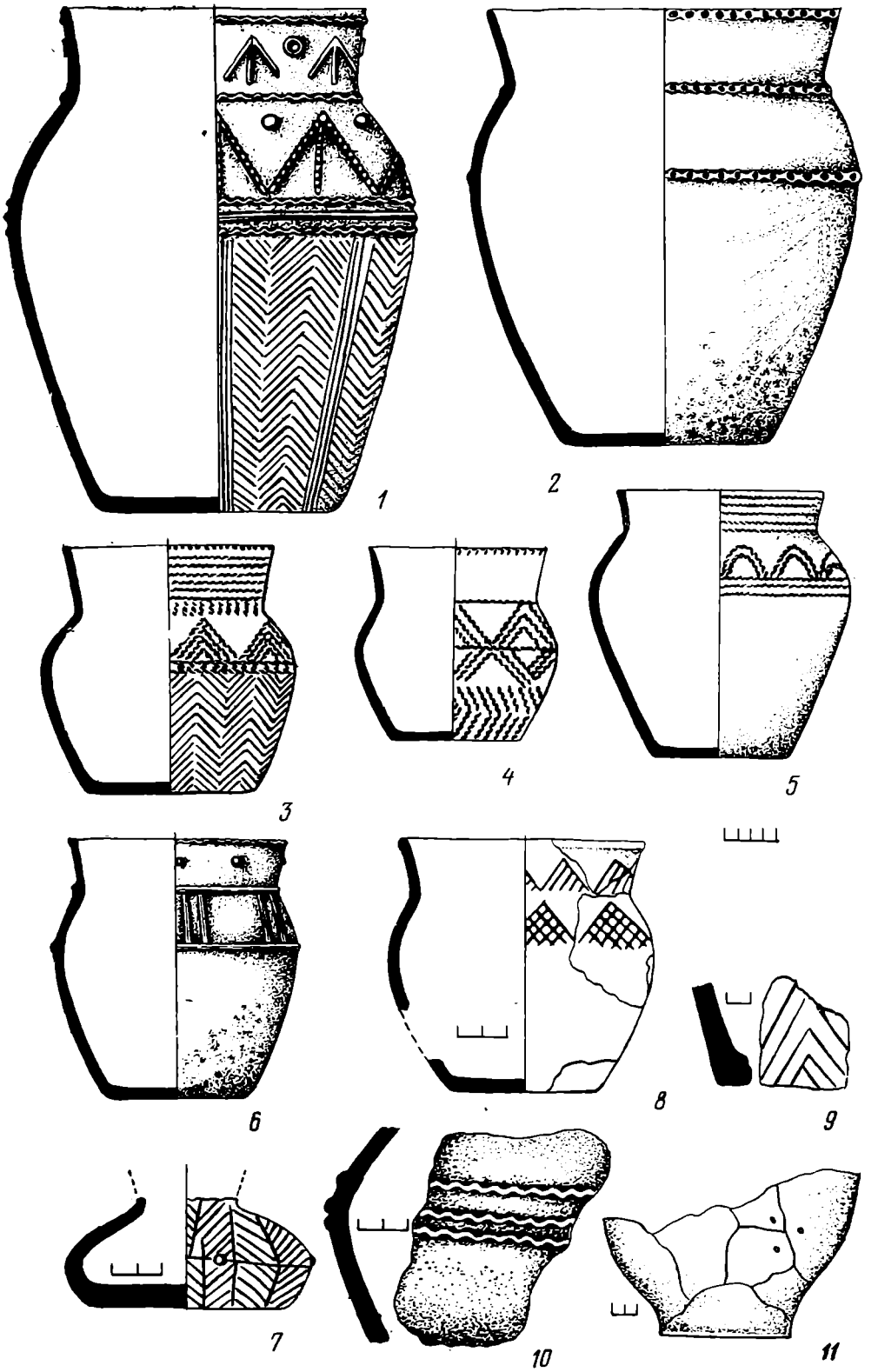


Рис. 2. Керамический материал из курганов у сел Ольховатка и Караяшник: *1, 2*— кург. 1, погр. 3 (Ольховатка); *3, 4* — кург. 2, погр. 1 (Ольховатка); *5*— кург. 2, погр. 2 (Ольховатка); *6* — кург. 1, погр. 2 (Караяшник); *7, 8* — кург. 1, погр. 1 (Караяшник); *9* — кург. 1, погр. 1 (Ольховатка); *10* — кург. 1, погр. 2 (Ольховатка); *11* — кург. 1, погр. 3 (Караяшник)

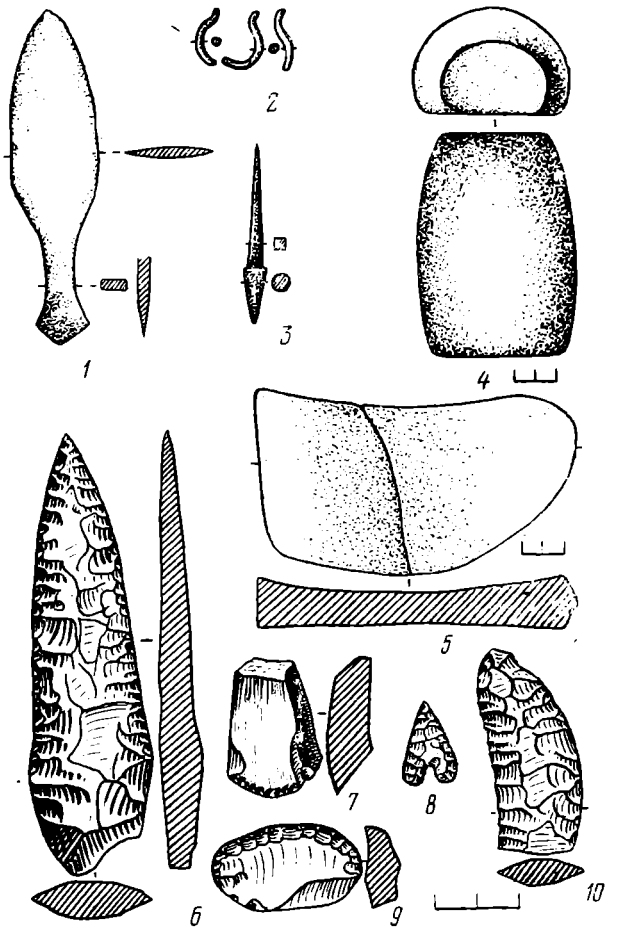


Рис. 3. Материалы из курганов у сел Ольховатка и Караяшник: *1—6* — кург. 1, погр. 3 (Ольховатка); *7* — кург. 1, погр. 1 (Караяшник); *8*— кург. 1, погр. 2 (Караяшник); *9, 10* — из насыпи кург. 1 (Караяшник) (*1—3* — бронза; *4—10* — камень)

толком, пол ниже основания шахты на 0,3 *м*. В устье катакомбы на дне обнаружено несколько истлевших плах — остатки перекрытия, лежавших без определенной системы.

Юго-западная катакомба по устройству аналогична первой, размеры ее 2,7×2,1 *м*, углублена от основания шахты на 0,65 *м*. На полу у устья также отмечены остатки бревен. В этой катакомбе находился костяк мужчины в скорченном положении на правом боку, ориентированный головой на ЮВ, лицом к устью катакомбы. Руки вытянуты вдоль туловища. У ступней отмечены вкрапления красной охры. В головах стоял глиняный сосуд; перед грудью лежал бронзовый нож и сильно разрушившееся изделие из бронзовой проволоки, определить первоначальную форму и назначение которого не удалось (рис. 3, *2*). В ногах стоял деревянный сосуд (возможно, корзина), присутствие которого устанавливалось по прослоям древесного тлена, сохранившим форму сосуда. Он имел овальное устье (0,4×0,3 *м*) и высоту около 0,4 *м*. Внутри лежали каменная зернотерка неправильной формы с вогнутой плоскостью (рис. 3, *5*), а под ней тщательно отполированный, бочонковидный в плане, с плоской рабочей стороной терочник из шокшинского песчаника (рис. 3, *4*).

Бронзовый нож (рис. 3, *1*) имеет удлиненно-овальное лезвие и сравнительно широкий черенок, раскованный на конце в виде треугольника. Длина ножа 8,5 *см*.

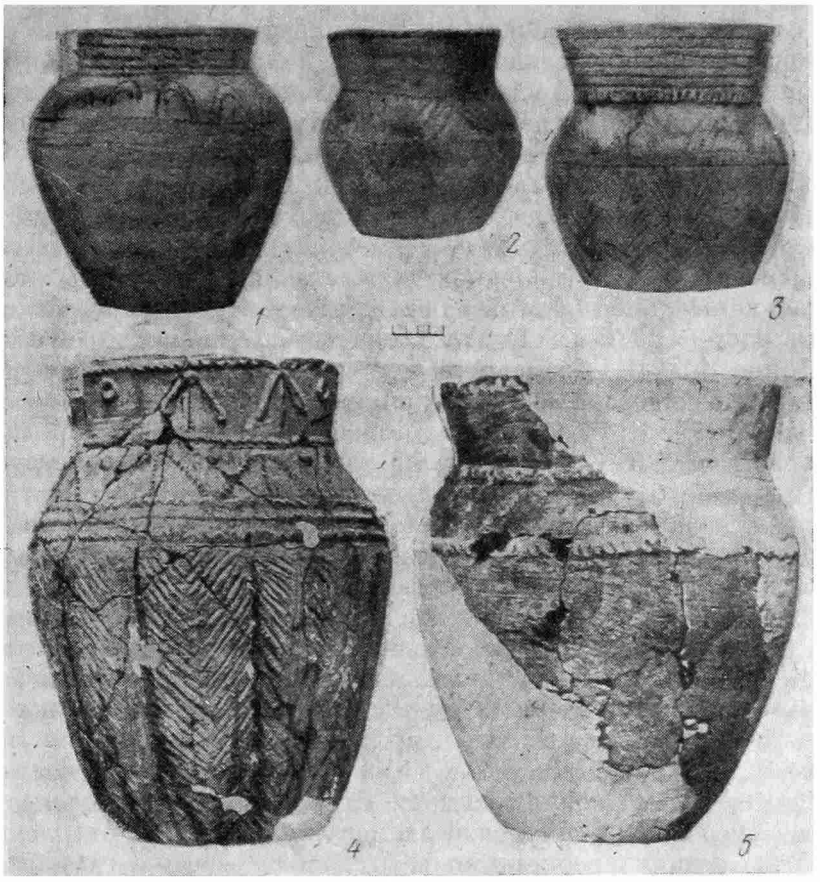


Рис. 4. Сосуды из курганов у с. Ольховатка: *1* — кург. 2, погр. 2; *2, 3* — кург. 2, погр. 1; *4, 5* — кург. 1, погр. 3

Глиняный сосуд (рис. 2, *1*; 4, *4*) — удлиненных пропорций, со слегка отогнутым высоким венчиком, покатыми плечиками и плоским днищем, имеет в тесте примесь шамота. Высота сосуда 42, диаметр устья 25, диаметр дна 19 *см*. Орнамент покрывает всю поверхность, составляя три горизонтальные зоны, образованные налепными валиками с защипами под срезом венчика, в основании шейки и на плечиках. Горло орнаментировано фигурами в виде стрелок из коротких налепных валиков; между «стрелками» круглые налепы с вогнутой поверхностью — «пуговички». Аналогична и следующая орнаментальная зона, только здесь валики расчленены насечками, а налепные шишечки не имеют вогнутости. От плечиков до дна сосуд украшен прочерченными линиями, сгруппированными в колонки по 3—4 линии в вертикальную «елочку». В нижней части сосуда имеются темные полосы, такие же, как на сосуде из погр. 2.

В северо-восточной катакомбе были найдены кремневый нож и бронзовое шило, а в северном углу — фрагменты глиняного лепного сосуда.

Нож (рис. 3, *6*) удлиненно-листовидной формы сделан на массивном отщепе из качественного мелового кремня путем двусторонней обтески и последующего ретуширования краев. У основания, в месте скрепления с рукоятью, имеется утолщение. Длина ножа 11 *см*.

Шило (рис. 3, *3*) четырехгранное, длиной 4,5 *см*, имеет на одном из концов конусовидное утолщение, круглое в сечении.

Сосуд (рис. 2, *2*; 4, *5*) вытянутых пропорций с высоким раструбовидным венчиком, резко отделенным от тулова, имеет в тесте примесь шамота, поверхность серо-коричневого цвета, со следами полосчатого сгла-

живания в нижней части. Высота сосуда 36, диаметр горла 29, диаметр дна 16 *см*, Под срезом венчика сосуд украшен пальцевыми защипами, а в основании шейки и на плечиках — по одному налепному валику, расчлененному ногтевыми вдавлениями.

Следов захоронения в данной катакомбе не обнаружено. Не исключено, что ее сооружение носило символический характер.

Курган 2. Располагался в 100 *м* к ВЮВ от предыдущего кургана. Сохранилась лишь небольшая часть северной полы. Здесь выявлено два погребения.

Погребение 1 (впускное) представляло собой могильную яму прямоугольно-овальной формы, ориентированную длинными сторонами по линии ЮЗ — СВ (рис. 1, *4*). Длина ее 2,1, ширина в средней части 1,55, глубина 1,9 *м*. В западном углу ямы на полу стояли два глиняных сосуда, а у северо-восточной стенки находились челюсть и кости коровы или быка. Это сооружение тоже, очевидно, являлось кенотафом.

Один из сосудов (рис. 2, *3*; .4, *3*) имеет высокий раструбовидный венчик, широкие бока и относительно широкое днище, в тесте примесь шамота, цвет поверхности серо-желтый. Высота сосуда 20,5, диаметр горла 17, диаметр дна 13,5 *см*. Орнамент покрывает всю поверхность, составляя три горизонтальные зоны, образованные поясками из коротких вертикальных шнуровых вдавлений. Шейку сосуда покрывают горизонтальные ряды оттисков шнура, средняя зона включает треугольники из таких же оттисков шнура, а нижняя зона заполнена рядами вертикальной «елочки» из прочерченных линий. Внешний край венчика орнаментирован насечками.

Второй сосуд (рис. 2, *4*; 4, *2*) по технологии изготовления и по форме близок рассмотренному выше. Схожи и орнаментальные построения. Здесь преобладает шнуровой элемент, образующий на плечиках треугольные композиции вершинами вверх, ниже — те же треугольники, но в первернутом виде, а под ними оттиски шнура составлены в горизонтальную «елочку». Под срезом венчика нанесены ногтевые вдавления. Высота сосуда 16, диаметр горла 14,5, диаметр дна 10,5 *см*.

Погребение 2 (основное) частично перекрывалось описанным выше. Стратиграфическое соотношение их определялось степенью различия цвета и плотности заполнений. Нижняя сохранившаяся часть могильной ямы овальной формы имела размеры 2,55×1,30 *м*, ориентирована в длину по линии С — Ю. С восточной стороны к ней примыкал «вход» (1,65×0,6 *м*). Это, безусловно, остатки катакомбного сооружения, где прирезка представляет собой слегка поднимающийся от камеры пол входной шахты (рис, 1, *4*).

Вход в катакомбу имел перекрытие, от которого сохранились остатки деревянных плах диаметром 0,1—0,15 *м*, стоявших вертикально. Глубина пола катакомбы 2,1 *м*[3]. У западной стенки лежал костяк женщины или подростка на правом боку, головой на север. Ступни ног подогнуты к тазу, правая рука вытянута вдоль туловища, левая согнута в локте. На теменной кости отмечено пятно охры.

В северо-восточном углу могилы, за головой погребенного, стоял глиняный лепной сосуд (рис. 2, *5*; 4, *1*). В тесте его — примесь шамота, на нижней части заметны следы полосчатого сглаживания. Сосуд имеет невысокий (около 1/6 высоты), слегка раструбовидный венчик, крутые плечики и относительно небольшое плоское дно. Высота сосуда 22, диаметр горла 17, диаметр дна 11 *см*.

Орнамент покрывает лишь верхнюю его часть. Он состоит из горизонтальных рядов оттисков шнура и расположенных между ними фестонов, основаниями вниз, из двойных шнуровых оттисков.

---

[3] Глубины брались от уровня материка, фиксировавшегося в срезе берега канала.

Курган у с. Караяшник. Исследованный курган (рис. 1, *5*) входил в группу из 11 насыпей, расположенную на высоком коренном берегу р. Черная Калитва, в 5 *км* севернее с. Караяшник. Раскопки кургана были вызваны начавшимся разрушением его западной половины в связи с добычей глины. Высота кургана 1,2 *м* от современной поверхности; диаметр 20 *м*. Курган исследовался с помощью бульдозера на снос, с оставлением центральной бровки (ширина 1 *м*) по линии С—Ю. Все замеры велись от нулевой точки, взятой в центре вершины кургана. Насыпь состояла из однородного чернозема; материк — желто-оранжевая супесь. Поверхность кургана была задернована (толщина дерна 10 *см*).

В процессе раскопок выявлено три погребения, а также не связанные с ними два кремневых предмета из насыпи. Один из них — овальный скребок (рис. 3, *9*), залегал на глубине 1, 2 *м*. Второй — обломок двусторонне обработанного серпа (рис. 3, *10*), найден в юго-западном секторе на глубине 0,7 *м*.

Погребение 1 (основное) фиксировалось еще по кольцевому материковому выбросу, появившемуся с глубины 0,8 *м* (рис. 1, *6*). Выброс позволил определить и толщину погребенной почвы — 0,3 *м*. Яма несколько смещена от центра кургана к востоку, имела правильную прямоугольную форму (2,1×1,5 *м*) со слегка скругленной западной стенкой. В длину яма ориентирована по линии З—В. Глубина ее 2,8 *м*, стенки отвесные. У середины северной стенки на дне выявлена прямоугольная ямка (бофр?) глубиной 2,9 *м* (0,1 *м* от пола могильной ямы). Выявлены также два вертикальных желоба по углам западной стороны могильного сооружения. Вероятно, они представляют собой углубления для столбов, поддерживавших перекрытие ямы. Остатки перекрытия — деревянные плахи — залегали на дне, а также встречались в заполнении ямы.

На дне ямы у южной стенки лежал скелет взрослого человека скорченно на спине, головой на запад. Сохранность его плохая. В заполнении ямы на глубине 2 *м* найдено тесловидное кремневое орудие (рис. 3, *7*), а на глубине 1,9 *м* — фрагменты темно-серого сосуда с необычно низким и широким туловом (рис. 2, *7*). Он орнаментирован врезными линиями, составленными в вертикальную «елочку», а по широкой части — сосцевидными налепами. В заполнении же ямы на глубине 2,5 *м* найдены фрагменты от другого сосуда, желтого цвета, с прямым горлом и слегка оттянутым наружу верхом, выпуклыми боками и плоским дном (рис. 2, *8*). Горло сосуда и бока орнаментированы рядами треугольников основаниями вниз из прочерченных линий.

Погребение 2 (впускное) выявлено в юго-восточном секторе кургана (рис. 1, *7*). Могильная яма была более узкой в своей южной половине (1,3 *м* против 1,7 *м*), причем место сужения выражено уступами, а стенки, расширяясь книзу, образовали легкие подбои. Такая конструктивная особенность заставляет предполагать наличие катакомбы, свод которой уходил в насыпь кургана и потому не мог быть прослежен. В этом случае становится понятным и присутствие деревянных плах, лежавших вдоль длинной оси ямы (непосредственно на уровне остатков скелета),— они перекрывали вход в катакомбу. Общая длина ямы 2,1 *м*, ориентирована яма по линии С—Ю. Пол на всей площади ровный, глубиной 2 *м* (0,6 *м* от уровня материка).

В южной части ямы, где предполагается катакомба, находились кости ног и череп взрослого человека, причем череп залегал выше костей ног на 0,3 *м*. Умерший находился в скорченном положении с восточной или юго-восточной ориентировкой (или захоронен сидя?). Справа от него лежал кремневый наконечник стрелы с глубокой выемкой в основании (рис. 4, *8*), а несколько далее, на выходе из катакомбы, стоял глиняный сосуд (рис. 2, *6*) с высоким, слегка отогнутым наружу венчиком, широкими боками и плоским днищем. Высота его 21,5, диаметр горла 17,5, диаметр дна 11,5 *см*. Край венчика оформлен пальцевыми защипами;

основание шейки и широкая часть тулова опоясаны налепными валиками, между которыми помещены вертикально налепные полоски. На горле расположены сосцевидные налепы, и здесь же два небольших отверстия для скрепления.

Погребение 3 (впускное) обнаружено в насыпи кургана, в северной части центральной бровки на глубине 0,7 *м* (рис. 1, *8*). Контуры ямы не прослежены. Костяк плохой сохранности, лежал скорченно на левом боку, головой на север. У головы погребенного обнаружена нижняя часть лепного сосуда без орнамента (рис. 2, *11*). Предположительно данное захоронение можно отнести к срубной культуре.

Таким образом, в трех курганах удалось выявить восемь погребений, семь из которых могут быть отнесены к кругу памятников катакомбного облика. Для проверки такого заключения обратимся к сравнению их с материалами Северского Донца, составляющими, согласно мнению ряда исследователей, наиболее выдержанный комплекс «катакомбных» признаков [4].

Из семи погребений по крайней мере три (Ольховатка 1/3, 2/2; Караяшник 1/2) [5] имели катакомбные сооружения [6].

Все конструктивные данные катакомб, включая форму, размеры, применение дерева для перекрытия устья и т. д., несут типичные признаки донецких традиций. В частности, и способ сооружения парных катакомб неоднократно встречался на Донце [7]. Соответствуют донецким стандартам и другие детали погребального обряда — положение умершего на правом боку [8], наличие охры. Наконец, состав погребального инвентаря подчеркивает это сходство: кремневые ножи, как и наконечники стрел с выемкой в основании, являются ведущими типами в группе катакомбных изделий [9]. Бронзовые ножи с расширенным концом черенка более характерны для раннеабашевских комплексов, но встречены и в катакомбных погребениях на Донце [10]. Труднее найти аналогии шилу (рис. 3, *3*), хотя как атрибут погребального инвентаря бронзовые шилья небольших размеров — явление, распространенное в памятниках этого типа [11].

Глиняная посуда рассматриваемых погребений также имеет черты сходства с донецкой. Это вытекает из сопоставления технологических приемов [12], формы и орнамента (трехзонность орнаментального поля, некоторые общие мотивы и элементы украшений). Однако своеобразие сосудов подчеркивается удлиненностью пропорций, заметной вариацией высоты и степени отогнутости венчика, треугольными построениями орна-

---

[4] *Л. С. Клейн.* О хронологических и генетических взаимоотношениях локальных вариантов катакомбной культуры. Сб. «Исследования по археологии СССР». Л., 1961, стр. 69—79; *П. Д. Либеров.* Древняя история населения Подонья. Автореф. докт. дис. М., 1971, стр. 19, 20.

[5] Здесь и далее числителем обозначен номер кургана, знаменателем — номер погребения.

[6] Не исключено, что и погр. 1/2 у Ольховатки имело аналогичное устройство, где «ступенька», всего на 0,2 *м* поднятая над полом ямы, могла быть полом входной шахты,— иначе трудно объяснить целесообразность ее присутствия.

[7] Подборка этих фактов наиболее полно приводится в статье Л. С. Клейна (*Л. С. Клейн.* О так называемых ямных погребениях катакомбного типа. СА, 1961, 2, стр. 59, 60).

[8] Положение костяка лицом в противоположную сторону от входа в катакомбу (Ольховатка 2/2) также находит параллели на Донце (см. *В. А. Городцов.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года. Тр. XII АС, т. 1. М., 1905, стр. 192).

[9] *Л. С. Клейн.* Катакомбная культура или катакомбные культуры? Сб. «Статистико-комбинаторные методы в археологии». М., 1970, стр. 168, 169.

[10] В. А. Городцов. Ук. соч., табл. VII, *9*; *Н. К. Качалова.* Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга. САИ, В4-12, М., 1974, стр. 46, табл. 12, *3*.

[11] *В. А. Городцов.* Ук. соч., табл. VII, *8*, *12*.

[12] В связи с этим интересно отметить сосуд из раскопок В. А. Городцова, имеющий в нижней части тулова темные вертикальные полосы (см. *В. А. Городцов.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года. Тр. XIII АС, т. 1. М., 1905, табл. XIII, *3*).

мента в верхней части сосудов, вертикальным расположением «елочки», а также элементами орнамента — валиками, сосцевидными налепами, нарезными линиями. Впрочем, следует оговориться, что в отдельных случаях и вертикальная «елочка», и валики имели место в украшениях донецких катакомбных сосудов [13].

Отмеченное своеобразие керамики имеет локальный характер, обусловленный, надо полагать, присутствием местных культурных традиций. Тем не менее проведенное выше сопоставление показывает, что эти погребения не могут быть выведены за рамки катакомбной культурной области и наиболее близки памятникам именно донецкой катакомбной культуры. Не составляют исключения в данном случае и погребения с многоваликовыми сосудами, где единственным отличительным признаком являются только сами валики (к тому же образующие тождественные «безваликовым» сосудам орнаментальные композиции).

Что же касается остальных погребений, то в них в большей степени заметна специфика, проявляющаяся не только в сосудах (они аналогичны сосудам из рассмотренных погребений), но и в обрядовой стороне: отсутствии катакомб, положении умершего скорченно на спине (Караяшник 1/1).

Для выяснения характера имеющихся отличий обратимся к стратиграфическим данным курганов. Здесь выявлены две стратифицированные группы погребений (Ольховатка 2/2 старше 2/1 и Караяшник 1/1 старше 1/2). В первой группе помимо разницы в устройстве могил наблюдается некоторое различие в форме и орнаменте сосудов. Так, сосуд из перекрытого погребения заметно вытянут, с невысоким венчиком, орнамент покрывает только верхнюю часть в виде линий и фестонов из оттисков шнура (рис. 2, *5*; 4, *1*). Сосуды из перекрывшего погребения приземистее, с более высокими раструбовидными венчиками и широкими днищами (рис. 2, *3, 4*; 4, *2, 3*). Как и в первом случае, они украшены оттисками шнура, но также и прочерченными линиями, а орнамент комбинируется в треугольники и «елочку».

Во второй стратифицированной группе основное погребение содержало сосуды с прочерченным орнаментом, образующим ту же вертикальную «елочку» (рис. 2, *7*) и треугольники по венчику (рис. 2, *8*). Кроме того, здесь присутствуют и сосцевидные налепы, которые нередко сочетаются с многоваликовой орнаментацией. Впускное же погребение дало сосуд с украшением из нерасчлененных валиков. По стилю орнаментации сосуды из основного погребения могут быть сопоставлены с сосудами из перекрывшего погребения первой группы, и, таким образом, намечаются три стратиграфическо-типологических горизонта.

Интересно, что сосуд первого (раннего) горизонта исключительно близок материалам катакомбного погребения кургана 2 у с. Н. Ведуга (правобережье Среднего Дона), где умершие лежали скорченно на спине. По мнению П. Д. Либерова, рассматривавшего вопрос о периодизации катакомбных погребений Подонья, они представляют раннюю группу [14]. Именно в отмеченных сосудах более всего сконцентрированы местные особенности, а сопутствующая им неустойчивость обряда положения умерших лишь подчеркивает, что процесс воздействия донецких катакомбных племен на местные энеолитические группы населения только начинал складываться. Видимо, можно ставить вопрос о синхронизации таких погребений с ранними памятниками катакомбной культуры Донца и датировать их не позднее начала II тысячелетия до н. э. [15]

---

[13] *В. А. Городцов.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде..., табл. IX, *2*; *его же.* Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде..., табл. XIII, *2*.

[14] *П. Д. Либеров.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964, стр. 102.

[15] *О. Г. Шапошникова.* Ук. соч., стр. 108, 109.

Ко второму горизонту помимо ранее отмеченных погребений следует отнести и погребение 1/1 у Ольховатки (фрагмент сосуда с вертикальной «елочкой»). Сосуды из погр. 3 этого же кургана как бы связывают в единую цепь материалы второго и третьего горизонтов (мотивы орнамента аналогичны первым, но в многоваликовом исполнении). Весь же комплекс погребения, включая каменные и бронзовые изделия, на основании приведенных выше сравнений может датироваться первой половиной II тысячелетия до н. э. К нему близко примыкает и погребение 1/2 у Ольховатки. Вероятно, сосуды с нерасчлененными валиками (третий горизонт) хронологически замыкают бытование катакомбных материалов, что соответствует по времени середине II тысячелетия до н. э.[16]

Естественно, что предложенная периодизация материалов нуждается в широкой проверке путем дальнейших археологических изысканий. Условность ее вытекает прежде всего из ограниченного объема источников, остается неясным соотношение по горизонтам особенностей устройства погребальных сооружений и положения умерших. Но несомненно, сам материал требует дифференцированного подхода с точки зрения хронологической и культурной интерпретации.

You. P. Matvéiev, A. T. Siniouk

DE NOUVEAUX MATERIAUX POUR L'ETUDE DE L'AGE DU BRONZE SUR LE COURS MOYEN DU DON

Résumé

Dans cet article on étudie les pièces provenant des fouilles de trois kourganes situés près des villages d'Olkhovatka et de Karaïachnik (district d'Olkhovatka), région de Voronej, rive droite du Don). On a dégagé huit sépultures de l'Age du Bronze. L'une d'elle appartient à la culture des tombes à charpente; les sept autres sont d'une époque plus ancienne. En se basant sur l'analyse de l'aménagement des tombes (où il se trouve des catacombes), sur des détails du rite funéraire, ainsi que du mobilier (objets en bronze et en pierre, vases d'argile), on peut ranger ces sépultures au nombre des monuments de l'aire historico — culturelle des catacombes.

Un aspect important de l'étude de ces kourganes est d'établir la correspondance stratigraphique de plusieurs sépultures. En se basant sur cela, ainsi que sur la comparaison avec les matériaux d'autres monuments, on peut rapporter ces sépultures à plusieurs étapes chronologiques, qu'on placera dans la première moitié du IIe millénaire av. n. è.

---

[16] *С. Н. Братченко.* Пам'ятки багатоваликової кераміки. «Археологія Української РСР», т. 1. Київ, 1971, стор. 342.

В. С. ГОРБУНОВ

КУРГАНЫ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ПРАВОБЕРЕЖЬЕ р. ДЕМЫ (Башкирия)

На территории Башкирии известно в настоящее время около двух тысяч археологических памятников различных эпох и культур [1]. Лишь незначительная часть из них подверглась стационарным исследованиям. По-прежнему неясным остается время возведения и культурная принадлежность большого числа курганных могильников.

Учитывая это обстоятельство, экспедиция Башкирского государственного университета летом 1973 г. поставила перед собой задачу проведения рекогносцировочных раскопок на целом ряде курганных могильников в бассейне р. Демы, левого притока р. Белой [2]. К числу памятников, на которых производились разведочные раскопки, относится первая курганная группа у дер. Новые Ябалаклы Чишминского района БАССР.

Результаты раскопок нашли отражение в небольшой информационной заметке [3], не дающей, однако, достаточно полного представления об этом могильнике, содержавшем уникальный набор бронзовых предметов женского украшения. Учитывая важность находок для изучения развитого бронзового века, автор счел необходимым дать возможно полную публикацию материалов данного памятника.

Курганная группа, состоящая из девяти насыпей, располагается в 0,8—1,0 *км* к югу от окраины дер. Новые Ябалаклы, на площадке высокого обрывистого правого берега р. Демы. Курганы размещены достаточно компактно. Однако сама площадка неровная. Западная ее часть представляет собой возвышенность, образовавшуюся в результате выхода известняковых пород. Возвышенность имеет вид холма, западный склон которого разрушен рекой, а остальные склоны пологие и задернованные. Высота холма по отношению к его подножью составляет 7—8 *м*.

На вершине возвышенности имеются три насыпи округлой формы (диаметр 12—18, высота 0,15—0,25 *м*) и одна овально-вытянутая (высота 0,3—0,4 *м*). Заполнение насыпей состоит из плотного спрессованного серого гумуса, смешанного с известняковой крошкой.

Северная и восточная части площадки относительно ровные, хорошо задернованные. Здесь располагаются четыре кургана с округлыми насыпями (высота 0,3—0,4, диаметр 22—26 *м*) и один овально-вытянутой формы (высота 0,5 *м*). С юга площадка ограничена глубоким оврагом (рис. 1).

---

[1] *Н. А. Мажитов.* Тайны древнего Урала. Уфа, 1973, стр. 8.

[2] Экспедицию возглавлял доцент кафедры истории СССР досоветского периода Башкирского университета С. М. Васюткин. Автор статьи являлся начальником первого отряда этой экспедиции. Раскопки I Ново-Ябалаклинских курганов проводились совместно с С. М. Васюткиным. Вещи из раскопок хранятся в кабинете археологии Башкирского государственного университета.

[3] *С. М. Васюткин, В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденнов.* Экспедиция Башкирского гос. университета. АО — 1973, М., 1974, стр. 139.

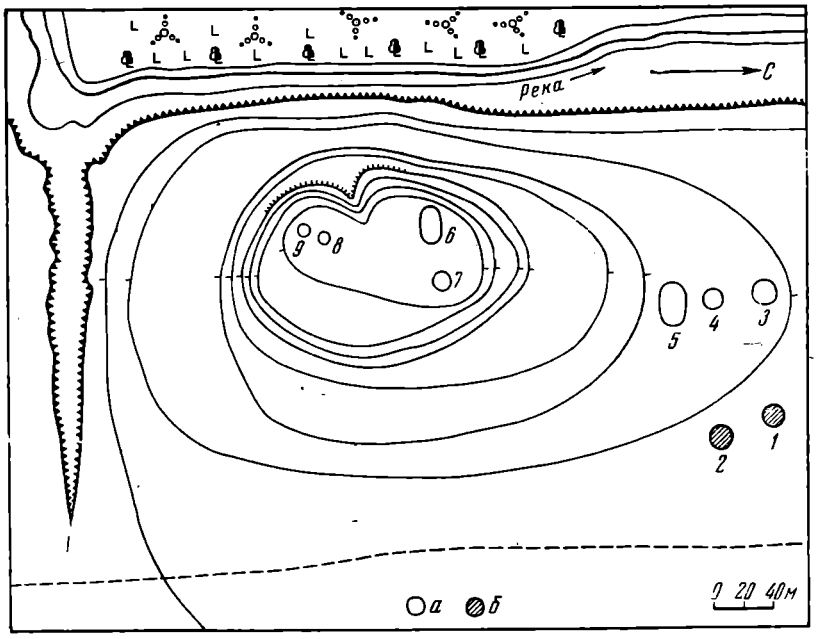


Рис. 1. План I Ново-Ябалаклинского могильника: *а* — нераскопанные курганы; *б* — раскопанные курганы

Памятник открыт в 1967 г. разведочным отрядом Башкирского университета. Летом 1973 г. раскопаны курганы 1 и 2 (рис. 1). Раскопки производились методом кольцевых траншей с разбивкой на два сектора и оставлением бровки, ориентированной по линии С—Ю.

Заполнéние насыпи и погребенная почва исследованных курганов почти не отличались по цвету. Линзы могильных выкидов на бровках очень тонкие, а в ряде случаев вообще не фиксировались. Однако тщательно проведенные наблюдения строения насыпей показывают, что все погребения кург. 1 являются одновременными. Насыпь очень однородна по структуре и не содержит свидетельств многократных досыпок. Что касается кург. 2, то, вероятно, одновременными являются погр. 1 и 3, имеющие единую систему выбросов. Выброс из могильной ямы погр. 2 не прослежен. Но не исключено, что данная могила могла быть впускной.

Курган 1 располагался в восточной части группы. Насыпь правильной округлой формы имела высоту 0,4 и диаметр 22 *м*; поверхность задернована. Толщина дернового слоя составляет 0,2 *м*, ниже идет слой мягкого темного гумуса мощностью 0,3—0,5 *м*, лежащего на погребенной почве, по цвету почти не отличающегося от заполнения насыпи. После выемки грунта на уровне материка было выявлено большое темное пятно в виде треугольной лопасти (рис. 2, *1*). При расчистке пятна установлено, что в конце каждой лопасти располагалось по одной могиле. Вся остальная часть пятна представляла собой незначительно углубленную в материк (на 0,1—0,2 *м*) выемку, очевидно, естественного происхождения.

Погребение 1 расположено в восточном секторе. Могильная яма прямоугольной формы со слегка закругленными углами. Длина ее 1,6, ширина 1,2, глубина 0,45 *м*[4]. Могила ориентирована по линии С—Ю. На дне находился скелет взрослого человека. Погребенный лежал в скорченном положении на левом боку, головой на север. Кисти рук располагались у лица, ноги согнуты в коленях под острым углом. Часть ребер и мелкие фаланги пальцев сгнили. Череп, позвоночник и мелкие кости конечностей хорошей сохранности. В изголовье погребенного, чуть выше кистей рук, находился развал глиняного сосуда (рис. 2, *3*). Сосуд ба-

[4] Все размеры глубины могил даются от уровня материка.

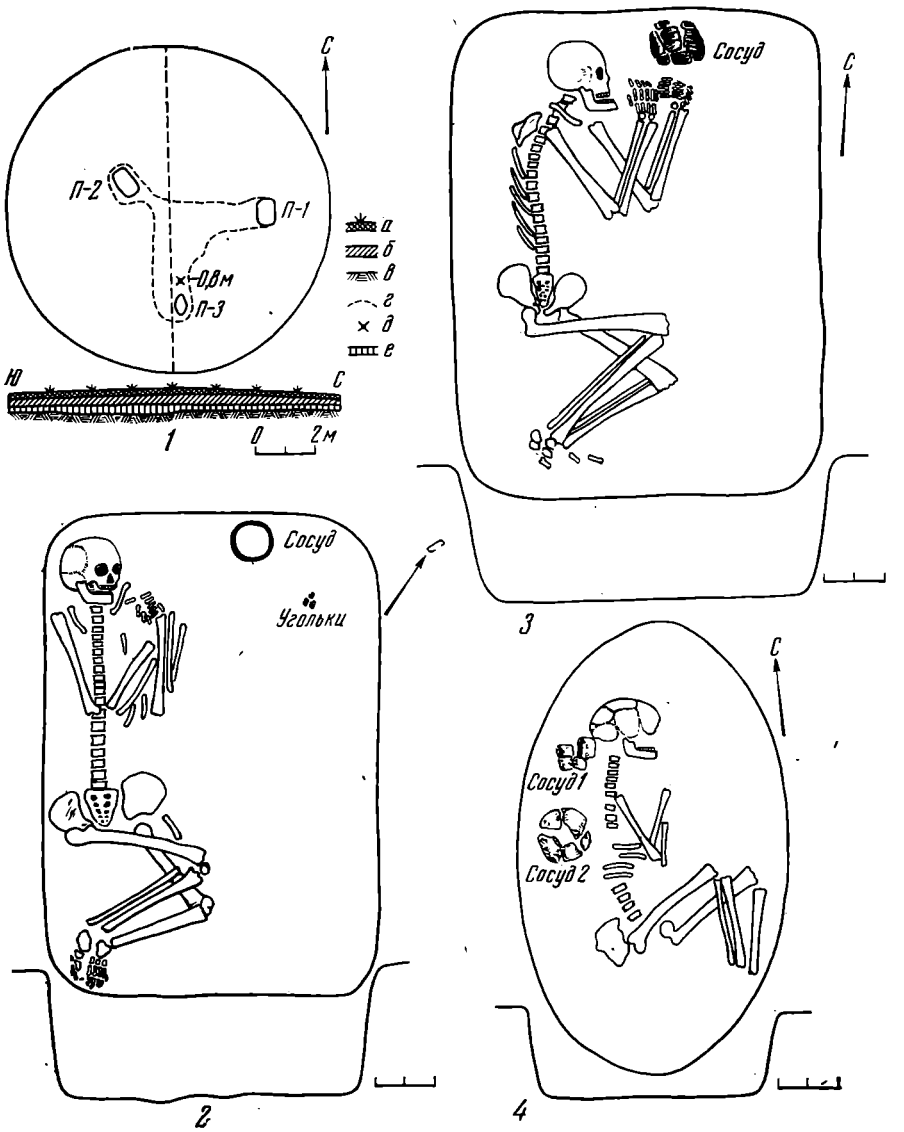


Рис. 2. Планы погребений и кургана 1: *1* — кург. 1; *2* — погр. 2; *3* — погр. 1; *4* — погр. 3; *а* — дерн, *б* — насыпь, *в* — материк, *г* — очертания естественного углубления, *д* — глиняный сосуд, *е* — погребенная почва

ночной формы, темно-серого цвета, неорнаментированный (рис. 3, *5*). Высота банки 9,8, диаметр по венчику 14, диаметр дна 11,8 *см*. Снаружи сосуд тщательно заглажен вертикальной штриховкой, изнутри грубее. В глиняном тесте примесь шамота и растительных остатков.

Погребение 2 обнаружено в северо-западном секторе. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, глубиной 0,4 *м*, ориентированная по линии СЗ—ЮВ. Длина могилы 1,6, ширина 1,1 *м*. На дне ее у западной стенки лежал скелет взрослого человека, на левом боку скорченно, со свалившимися на сторону ногами, головой на северо-запад. Руки сложены перед грудью. Почти на уровне лица у северной стенки могилы стоял глиняный сосуд горшечной формы (рис. 3, *6*) высота 9,3, диаметр по венчику 14,8, диаметр дна 8 *см*. Цвет желтовато-серый. Поверхность снаружи тщательно заглажена и подлощена. Под венчиком орнамент состоит из оттисков мелкозубчатого штампа в виде зигзага. Орнаментом покрыт лишь небольшой участок, остальная часть пространства под венчиком не орнаментирована. Украшена и кромка венчика. Орнамент состоит из отпечатков крупнозубчатого штампа (рис. 3, *6*).

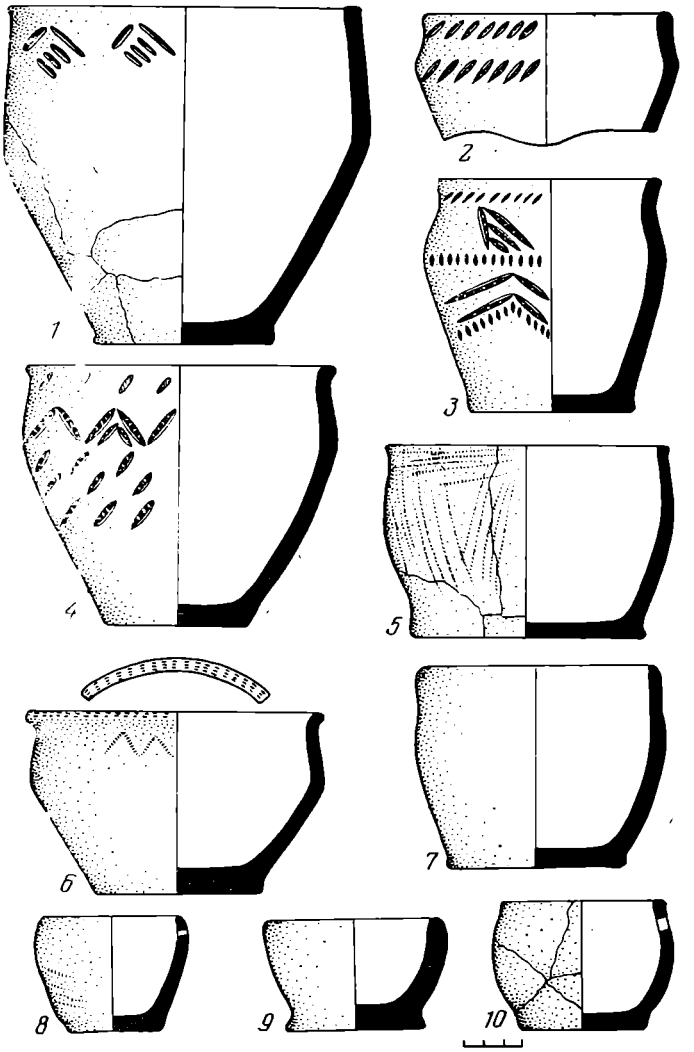


Рис. 3. Керамика I Ново-Ябалаклинского могильника: *1* — кург. 1, погр. 3; *2* — кург. 1, погр. 3; *3* — кург. 2, погр. 2; *4* — кург. 2, погр. 1; *5* — кург. 1, погр. 1; *6* — кург. 1, погр. 2; *7* — кург. 2, погр. 3; *8* — кург. 1, из насыпи; *9* — кург. 2, погр. 2; *10* — кург. 2, погр. 1

По венчику изнутри и снаружи следы нагара. В глиняном тесте примесь шамота и растительных остатков. В нескольких сантиметрах восточнее сосуда было встречено небольшое скопление мелких угольков (рис. 2, *2*).

Погребение 3 обнаружено под бровкой в южной части насыпи. Могильная яма овальной формы. Максимальные размеры могилы 1,5×0,9 *м*², глубина 0,3 *м*. На дне ее помещался скелет взрослого человека в скорченном положении на левом боку, головой на север. За спиной погребенного лежали обломки двух сосудов. Один располагался чуть ниже затылка, а второй — посередине позвоночника (рис. 2, *4*). Первый сосуд светло-серого цвета, горшечной формы. Диаметр по венчику 12 *см*. Высоту установить не удалось в связи с тем, что днища не было. Поверхность хорошо заглажена. Верхняя часть горшка украшена двумя параллельными рядами оттисков зубчатого штампа (рис. 4, *2*). Второй сосуд также светло-серого цвета. По форме — остроребериый горшок высотой 16,8 *см*, диаметр по венчику 17,5, диаметр дна 9 *см*. В глиняном тесте примесь шамота. Поверхность хорошо заглажена. Орнамент выпол-

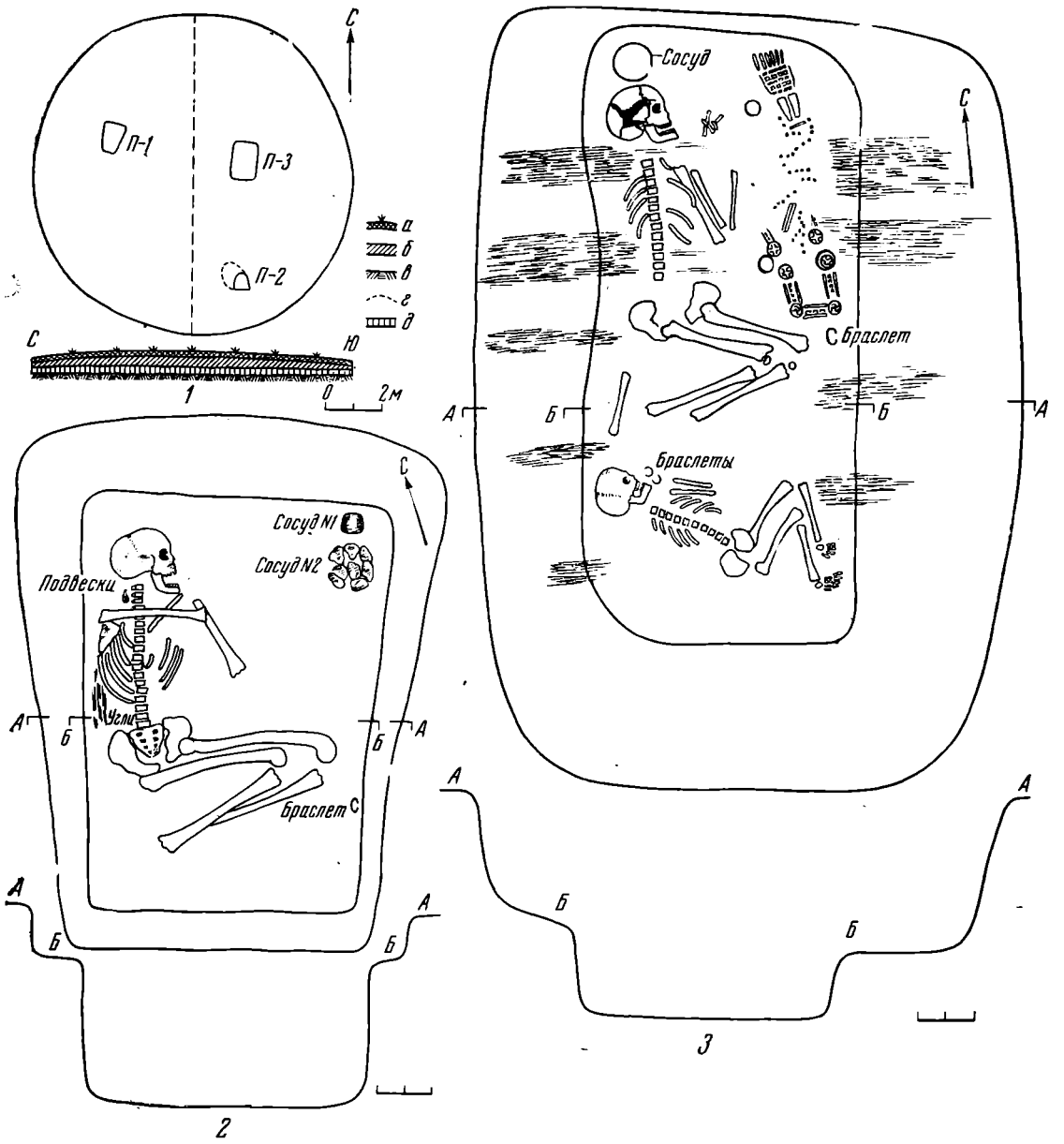


Рис. 4. Планы и разрезы погребений и кургана 2: *1* — кург. 2; *2* — погр. 1; *3* — погр. 3
Условные обозначения: *а* — дерн, *б* — насыпь, *в* — материк, *г* — грабительский вкоп, *д* — погребенная почва

нен гладким штампом и состоит из заштрихованных треугольников (рис. 3, *1*).

В 1 *м* к северу от погр. 3 на глубине 0,8 *м* от нулевой отметки в насыпи был обнаружен маленький неорнаментированный сосуд баночной формы (рис. 2, *1*). Венчик слегка отогнут внутрь сосуда, почти у самой его кромки проделаны два параллельных круглых отверстия диаметром 0,2 *см*. Высота сосуда 5,9, диаметр по венчику 7,1, диаметр дна 4,7 *см*. Цвет темно-серый. В глиняном тесте примесь шамота. Поверхность неровная, бугристая (рис. 3, *8*).

Курган 2 располагался приблизительно в 20 *м* к юго-востоку от первого (рис. 1). Диаметр 24, высота в южной части 0,6, в северной — 0,4 *м*. Насыпь правильной круглой формы, задернована. Слой дерна имеет толщину 0,2 *м*, ниже идет слой темного мягкого гумуса мощностью до 0,6—0,7 *м*. Погребенная почва определялась очень слабо на уровне 0,9 *м*

от нулевой отметки. Толщина погребенной почвы 0,2—0,3 *м*. Материк состоит из светло-желтой мягкой глины. После снятия насыпи на уровне материка было выявлено три могилы (рис. 4, *1*).

Погребение 1 обнаружено в западном секторе. Могильная яма подпрямоугольной формы. Могила, длиной 2,0, шириной в северной части 1,6, в южной — 1,15 *м*, ориентирована по линии СЗ—ЮВ. На глубине 0,2 *м* от ее края сделана ступенька (рис. 4, *2*). Ширина ступеньки не одинакова и колеблется от 0,1 до 0,3 *м*. Общая глубина могилы 0,74 *м*. На дне ее находился скелет взрослого человека, лежавшего в скорченном положении на левом боку, головой на северо-северо-запад. У костяка отсутствовали кости стопы ног, предплечья и кистей рук (рис. 4, *2*), хотя сохранность костей достаточно хорошая.

В северо-восточном углу находились два глиняных сосуда (рис. 4, *2*). Первый сосуд горшечной формы со слабо отогнутым наружу коротким венчиком; высота 13, диаметр по венчику 15,5, диаметр дна 7,2 *см*. Цвет светло-серый, в глиняном тесте примесь шамота. Поверхность заглажена и покрыта орнаментом в виде параллельных рядов вертикальных оттисков зубчатого штампа и зигзага в верхней части сосуда (рис. 3, *4*). Второй сосуд баночной формы, желтовато-оранжевого цвета; высота 6,5, диаметр по венчику 8, диаметр дна 6,4 *см*. В глине примесь шамота. Поверхность тщательно заглажена снаружи и изнутри. Чуть ниже кромки венчика проделаны два параллельных круглых отверстия диаметром 0,6 *см* (рис. 3, *10*). У черепа погребенного, ниже затылка, в области шеи и под черепом находились две серебряные височные подвески в полтора оборота, покрытые с одной стороны орнаментом в виде параллельных насечек (рис. 5, *1*, *2*). У восточной стенки могилы напротив сгиба коленей был встречен узкий бронзовый желобчатый браслет[5] (рис .5, *3*). По краю западной стенки прослеживался тлен дерева (рис. 4, *2*).

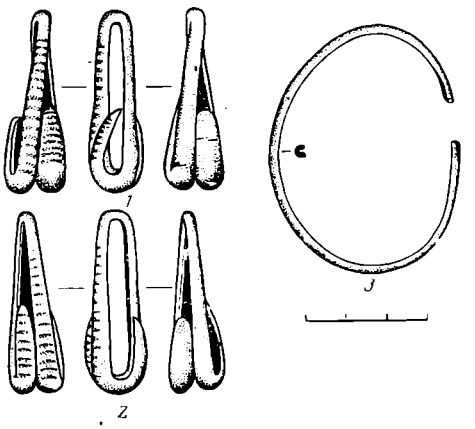


Рис. 5. Предметы из металла I Ново-Ябалаклинского могильника: *1—3* — кург. 2, погр. 1; *1*, *2* — серебро, *3* — бронза

Погребение 2 находилось в южной части восточного сектора. Могильная яма подпрямоугольной формы глубиной 0,45 *м*; длина ямы 1,4, ширина 1,2 *м*. Ориентирована яма по линии С—Ю. На дне могилы находилась верхняя часть скелета взрослого человека. В северо-западном углу стоял целый глиняный сосуд, а рядом развал второго. Первый сосуд горшечной формы светло-серого цвета. Высота 11,8, диаметр по венчику 11, диаметр дна 8,1 *см*. В глиняном тесте примесь шамота. Орнамент состоит из ямочных вдавлений, расположенных двумя рядами — в верхней части венчика и по плечикам. Между ними помещены заштрихованные треугольники, а ниже зигзаги, выполненные зубчатым штампом. Снизу зигзаги обрамлены ямочными вдавлениями (рис. 3, *3*). Второй сосуд представляет собой неорнаментированную банку светло-серого цвета; высота 5,6, диаметр по венчику 9,1, диаметр дна 6,8 *см*. В глиняном тесте примесь шамота, поверхность заглажена (рис. 3, *9*). По всей видимости, покойник был похоронен в той же позе, что и в остальных могилах — в скорченном положении, на левом боку, головой на север. На запястье правого предплечья сохранились обломки узкого бронзового

[5] Пробы со всех предметов I Ново-Ябалаклинского могильника переданы в лабораторию спектрального анализа ИА АН СССР.

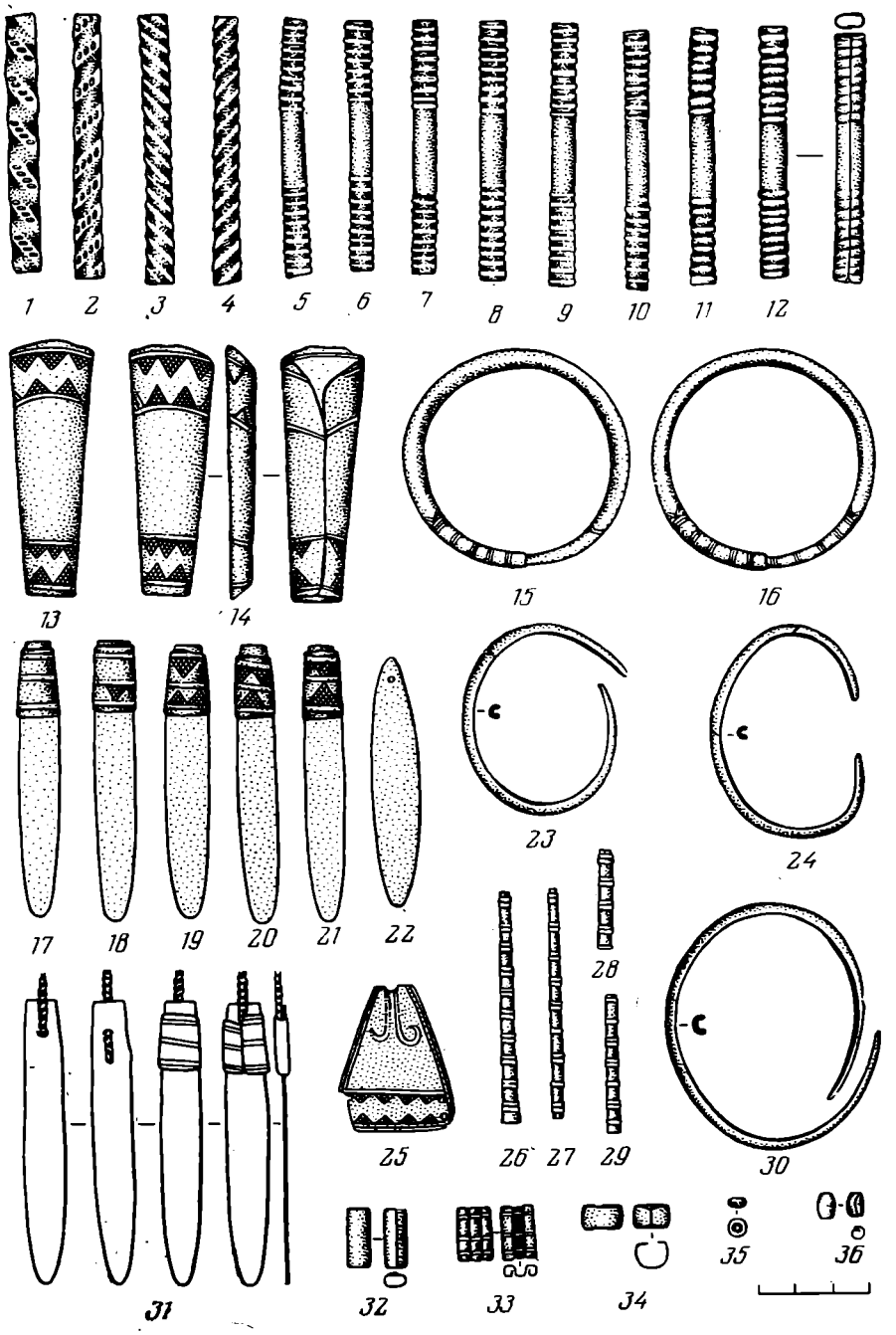


Рис. 6. Металлические предметы из I Ново-Ябалаклинского могильника: *1—36* — кург. 2, погр. 3. *1—14, 17—36* — бронза; *15—16* — бронзовые кольца, обложенные золотой фольгой

желобчатого браслета. Очевидно, погребение было потревожено еще в древности.

Погребение 3 располагалось в 2 *м* к востоку от центра кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентированная по линии С—Ю. Длина ямы 2,9, ширина 2,1, глубина 0,6 *м*. На глубине 0,35 *м* от края могилы имелась ступенька. В слое земли над ступенькой прослеживались истлевшие куски дерева. Судя по волокнам, плахи перекрывали погребение поперек. На дне могилы находились два скелета — взрослой женщины [6] и ребенка (рис. 4, *3*). Скелет

[6] Погребение можно считать женским на основании бронзовых украшений.

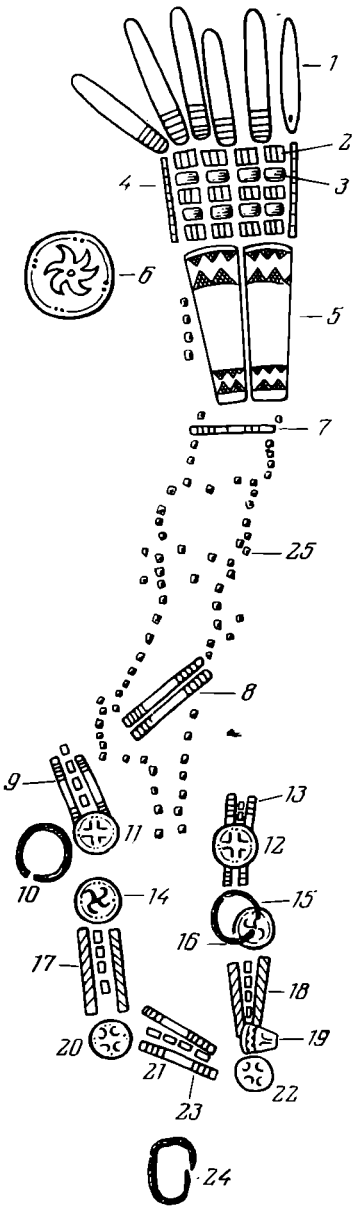


Рис. 7. Схема размещения предметов украшения из погр. 3 I Ново-Ябалаклинского могильника

1 — накосники, *2* — тройные пронизки; *3* — короткие пронизки бочонковидной формы *4*, *7* — длинные узкие орнаментированные трубочки; *5* — широкие пронизи в виде раструбов; *6* — крупная круглая бляха, *8*, *9*, *13*, *17*, *18*, *21* — длинные орнаментированные пронизи; *10*, *15* — кольца, обложенные золотой фольгой; *11*, *12*, *14*, *16*, *20*, *22* — круглые бляхи; *19* — трапециевидная подвеска; *23* — пронизки короткие узкие; *24* — браслет; *25* — бронзовые бусы. *1—9*, *11—14*, *16—25* — бронза; *10*, *15* — бронза, золотая фольга.

взрослого человека занимал две трети могилы, в ногах помещался скелет ребенка. Женщина лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на север. Ноги умершей были сильно согнуты в коленях, руки сложены перед грудью. Отсутствовали кости стопы и рук. В северо-западном углу у затылочной части черепа стоял глиняный неорнаментированный сосуд баночной формы. Высота банки 10,4, диаметр по венчику 12, диаметр дна 8,9 *см*. Цвет грязно-желтый. В глиняном тесте примесь шамота и растительных остатков. Поверхность тщательно заглажена изнутри и снаружи (рис. 3, *7*). Вдоль восточной стенки располагались металлические вещи. У северной стенки находилось шесть накосников (рис. 4, *3*; 6, *17—22*; 7, *1*), представляющих собой удлиненные пожевидные привески, изготовленные из бронзовых пластинок толщиной 0,7—0,75 *мм*. Длина их 66—75 *мм*, ширина 10,5—13 *мм*. Свободный конец привески уже середины и слегка округлен. Противоположный конец у пяти накосников прямой, а у одной пластинки он приострен. На этих концах у всех предметов имеется по одному круглому отверстию, закрытому скобочкой. Скобочки представляют собой прямоугольные пластинки с выдавленными на них тремя рядами поясков, между которыми помещены треугольники из насечек, нанесенных тонким чеканом. Линии насечек параллельны боковым сторонам и представляют собой мелкую сетку (рис. 6, *18—21*). На двух пластинках орнамент не прослеживается — патина изъела поверхность. Скобочки предназначены, очевидно, для того, чтобы закрепить на накоснике шнур или ремешок, следы от которых сохранились на ряде подвесок. Принцип крепления ремешка показан на схеме (рис. 6, *31*). Со стороны крепления ремешков накосники соприкасались с тремя рядами тройных пронизей, между которыми помещались широкие короткие пронизи с бочонковидными боками (рис. 4, *3*; 7, *13*). Тройные пронизки изготовлены из бронзовой пластинки толщиной 0,5 *мм*. На их поверхности выдавлено три параллельных пояска. Изготовлялись они вероятно, следующим образом: концы заготовки с нанесенным орнаментом сгибались в трубочку, а затем на цилиндрической матрице середину пластинки изгибали и подгоняли под размеры крайних трубочек (рис. 6, *33*). В каждом ряду находились по четыре таких пронизки (рис. 7). Находившиеся между ними короткие широкие пронизки очень просты по форме (рис. 6, *34*) и выполняли роль соединительных колечек, через которые проходили ремешки от накосников к тройным пронизкам. С боков все пронизки фиксировались длинными узкими трубочками, согнутыми из бронзовой пластинки толщиной 0,6 *мм* и украшенными выпуклыми поясками (следы чекана-пунсона с внутренней стороны) по три в группе (рис. 6, *26*, *27*; 7, *4*). Ко всей этой группе предметов примыкали две широ-

кие пронизи в виде сплющенных раструбов (рис. 7, *5*). Изготовлены предметы из бронзовой пластинки толщиной 0,6 *мм*. Первоначально была вырезана заготовка, затем был нанесен орнамент, в котором можно условно выделить две зоны: верхнюю и нижнюю. Сверху по округленному и более широкому краю выдавлено два пояска параллельно этому краю и отстоящих один от другого на расстоянии 12 и 15 *мм*. Два таких пояска выдавлены параллельно нижнему краю. Между поясками мелким чеканом нанесен орнамент в виде заштрихованных треугольников вершинами внутрь зоны. После нанесения орнамента заготовки были согнуты и слегка сплющены так, что образовали своеобразные плоские раструбы (рис. 6, *13*, *14*). Надо полагать, что все ремешки, продернутые через мелкие пронизки, проходили через широкие раструбы и соединялись с бронзовыми бусами. Бусины различаются лишь размерами, по форме все они бочонкообразные (рис. 6, *35*, *36*). На дне могилы бусины находились на разной глубине в пределах 2—3 *см*. Точная фиксация их затруднялась тем, что после снятия одного слоя внизу находились новые бусины. Однако в целом можно проследить двойную цепочку из них, соединяющую первую группу украшений со второй, названной так условно. Сюда входят следующие вещи: шесть круглых блях, 12 длинных орнаментированных пронизей, трапециевидная подвеска, два кольца с золотой обкладкой, 15 коротких пронизок, бронзовый желобчатый браслет и часть бус (рис. 7). Для удобства дальнейшего оперирования с ними дадим их описание, а затем покажем, как они размещались в могиле.

Бляхи круглые (рис. 8, *1—7*). Шесть таких блях имеют одинаковый диаметр 4,1 *мм*. Форма правильная, круглая, но в ряде мест имеются сглаженные зазубрины, образовавшиеся в процессе обработки краев. Бляхи изготовлены из медной или бронзовой пластинки толщиной 0,7 *мм*, вероятнее всего, методом вырубания; заусеницы подправлены на камне. Все они имеют по краям по четыре пары отверстий, расположенных относительно симметрично по отношению друг к другу. С обратной стороны имеются грубые заусеницы, образующиеся при пробивании в металле отверстий. Приблизительно в 2—2,5 *мм* от края с лицевой стороны чеканом нанесен круг, параллельный краю пластинки. По орнаменту можно выделить три пары: 1) бляхи с крестообразным орнаментом. Крестообразная фигура получилась в результате нанесения с оборотной стороны чеканом углов, охватывающих парные отверстия. Со стороны четыре выпуклых угольника образуют крест. В центре имеется круглая выпуклина (рис. 8, *5, 6*), след от полушарного штампа; 2) бляхи с орнаментом в виде серповидных с закрученными концами выпуклин, образующих фигуру, напоминающую мальтийский крест. В центре также имеется небольшая жемчужина (рис. 8, *3—4*); 3) декор блях третьей пары представляет собой четыре изогнутых в левую сторону треугольных луча, образующих свастикообразную фигуру. В центре, как и на первых двух парах, небольшие жемчужины (рис. 8, *1, 2*). Технология нанесения орнамента единая. Главным инструментом служили, вероятно, различного вида чеканы-пунсоны.

Выделяется круглая бронзовая бляха несколько больших размеров: диаметр круга 5,1 *см*, толщина пластинки 0,7 *мм*. Так же как и у блях меньших размеров, с лицевой стороны по краям пробито четыре пары подпрямоугольных отверстий, с оборотной — те же грубые заусеницы. Параллельно краям бляхи чеканом очерчен круг, проходящий через отверстия. Орнамент имеет сходные элементы с декором блях третьей пары. Узкие треугольные лучи, загнутые в левую сторону, образуют уже не свастику, а более сложную фигуру, напоминающую медузу, имеющую шесть отростков (рис. 8, *7*).

Кольца бронзовые с золотой обкладкой (рис. 6, *15, 16*). Внешний диаметр 6, внутренний — 4,9 *см*. В сечении представляют эллипс. Изготовлены из бронзовой пластинки следующим образом. Вначале была изго-

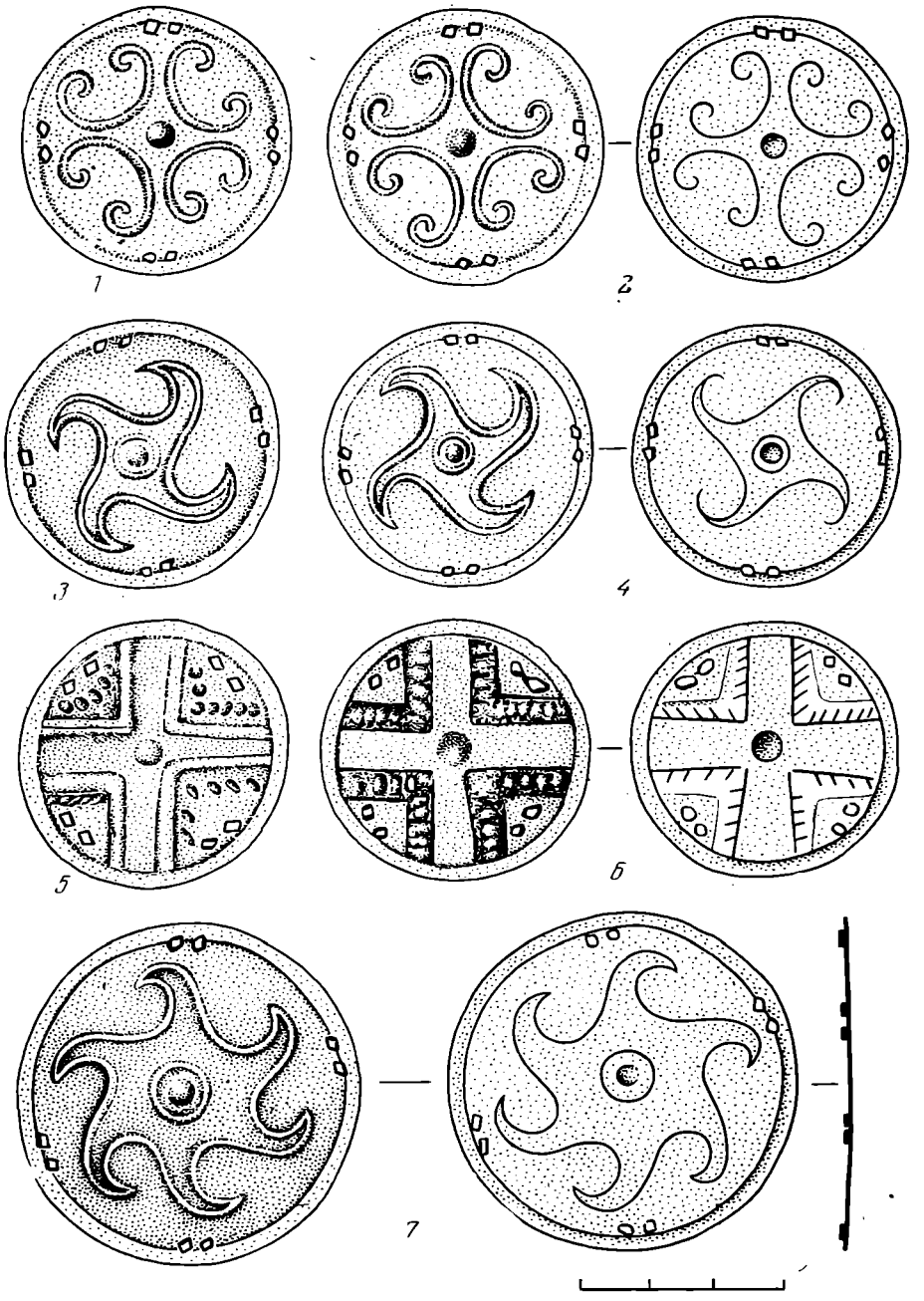


Рис. 8. Круглые бронзовые бляхи из I Ново-Ябалаклинского могильника
1—7 — кург. 2, погр. 3

товлена бронзовая пластинка подпрямоугольной формы, сужающаяся к концам. Затем па нее был наложен листок золотой фольги 0,15 *мм* толщиной, повторяющий форму бронзовой заготовки, но с боков края ее несколько выступали. Следующей операцией был загиб выступающей части золотой фольги на бронзовую основу. Вероятно, тогда же был нанесен орнамент в виде тройных параллельных линий, охватывающих кольца у концов. Изготовленную таким образом пластинку свернули в виде трубочки и согнули в виде кольца. Причем один конец кольца меньшего диаметра легко мог входить в другой. В результате окисления бронзы в ряде мест фольга была нарушена.

Пронизи длинные изготовлены из бронзовой или медной пластинки толщиной 0,5 *мм*. Длина колеблется от 65 до 71 *мм*. Так же как и у прочих пронизей, орнамент нанесен прежде, чем им придали определен-

ную форму. По орнаменту выделяются три группы. Первая, самая многочисленная, состоит из 8 штук. Орнамент занимает 2/3 всей поверхности и нанесен на концах пронизок, в то время как середина не орнаментирована. Декор представляет собой гофрированную поверхность, образовавшуюся в результате обработки с внутренней стороны пунсоном определенной конфигурации (рис. 6, *5—12*). Две пронизи имеют декор в виде наклонных параллельных гофрированных отпечатков, покрывающих всю поверхность (рис. 6, *3—4*). Две остальные имеют наиболее сложную орнаментику, где косые гофрированные линии имеют мелкие вытянутые выпуклинки, оставленные чеканом-пунсоном при обработке с оборотной стороны (рис. 6, *1—2*).

Трапециевидная подвеска изготовлена из бронзовой или серебряной пластинки толщиной 0,5 *мм*. Верхняя часть и нижние углы разрушены, но на них видны следы имевшихся там отверстий. Декор состоит из выдавленной чеканом-пунсоном рамки, параллельно каждой из сторон. У основания выдавлен еще один поясок, а в свободном пространстве орнамент состоит из мелких заштрихованных треугольников вершинами внутрь. От вершины опущены два крючка, завитками в разные стороны (рис. 6, *25*).

Короткие пронизки из этой части украшения имеют простую форму, в виде сплющенного цилиндра (рис. 6, *32*).

Бронзовый желобчатый браслет обычного срубного типа (рис. 6, *30*).

Рассмотрим теперь, как эти вещи размещались в могиле. Общее представление можно получить из схемы на рис. 7. Ближе к первой группе находились две длинных пронизи с орнаментом на концах (рис. 7, *8*). Ниже располагались два ряда круглых блях, по три в каждом ряду. Под двумя верхними бляхами помещалось по паре длинных пронизок с орнаментом на концах, между которыми находилось по четыре коротких прямоугольных пронизки (рис. 7, *9*, *11—13*). Рядом с левой верхней бляхой было встречено кольцо с золотой обкладкой (рис. 7, *10*). Остальные четыре бляхи соединялись между собой двумя парами длинных пронизей: с боков с винтовым орнаментом, а нижние — с орнаментом на концах. В середине между парами длинных пронизей помещались короткие, прямоугольной формы. На средней бляхе правого ряда помещалось второе кольцо, обложенное золотом (рис. 7, *15*). Рядом с нижней бляхой правого ряда была найдена трапециевидная подвеска (рис. 7, *19*). У колена погребенной находился бронзовый желобчатый браслет (рис. 7, *24*).

Ниже мы приводим полный перечень всех предметов данного украшения:

Предмет	Количество, шт.
1. Кольца с золотой обкладкой	2
2. Бляхи круглые	7
3. Накосники	6
4. Широкие пронизи в виде сплющенных раструбов	2
5. Пронизи длинные узкие с орнаментом	3
6. Пронизи тройные	12
7. Пронизи короткие широкие	8
8. Пронизи короткие узкие	15
9. Трапециевидная подвеска	1
10. Пронизи длинные с выдавленным орнаментом	12
11. Бусы мелкие бронзовые	105
12. Браслеты	1
Итого	174

Вне всякого сомнения, мы имеем дело с уникальным женским украшением. По всей видимости, оно состоит из двух частей: группа предметов с накосниками украшала волосы и спину, а бронзовые бляхи, составлявшие определенную композицию, располагались на груди.

В ногах взрослого покойника размещался скелет подростка; судя по находкам браслетов у кистей рук и нескольких бронзовых бусин в об-

ласти шеи, скелет мог принадлежать девочке. Погребенная лежала на левом боку, в скорченном положении, головой на запад. Кисти рук не сохранились, на их месте у нижней челюсти найдено два небольших желобчатых браслета (рис. 6, *23, 24*). В области шеи было встречено несколько сильно истлевших мелких бронзовых бусин.

Культурная принадлежность погребений I Ново-Ябалаклинского могильника сомнений не вызывает. О том, что памятник оставлен племенами срубной культуры, свидетельствуют конструкция насыпи и могильных ям, скорченное положение покойника на левом боку, северная ориентировка, характерная глиняная посуда, являющиеся одним из основных критериев определения культурной принадлежности.

По форме сосуды делятся на горшковидные (рис. 3, *1—4, 6*) и баночные (рис. 3, *5, 7—10*). Горшковидные сосуды украшены орнаментом, выполненным зубчатым или гладким штампом и покрывающим лишь верхнюю часть сосудов, состоящим из несложных композиций — заштрихованных треугольников, зигзагов, наклонных отпечатков короткого зубчатого штампа. По этому признаку такая керамика может быть отнесена к первому периоду срубной культуры, по периодизации О. А. Кривцовой-Граковой, которую она относит к XVI—XII вв. до н. э.[7] Баночные сосуды не орнаментированы (рис. 3, *5, 7—10*). Два из них имеют отогнутый внутрь венчик, у верхней кромки которого проделаны по два сквозных параллельных отверстия (рис. 3, *8, 10*). Общим для всех сосудов является наличие в глиняном тесте шамота, иногда вместе с растительными остатками, и тщательно заглаженная поверхность. По форме и орнаментике посуда I Ново-Ябалаклинского могильника находит близкие аналогии на срубных могильниках Башкирии[8].

Что касается женского украшения, состоящего из большого числа металлических предметов, то в памятниках срубной культуры они не известны. Однако отдельным вещам можно найти аналогии. Ножевидная подвеска для кос обнаружена на I Береговском поселении[9]; несколько накосников происходят из курганов у г. Чардыма[10]. Известны единичные случаи находок круглых блях в памятниках срубной культуры. Так, одна круглая бронзовая бляха найдена около черепа девушки-подростка в I Бережновском могильнике (погребение 6 кургана 25)[11]. Бляха диаметром 4 *см* сделана из тонкого листа бронзы. Орнамент представляет штампованную шестиконечную звезду обрамленную концентрическим кругом. По краям пробиты четыре пары маленьких отверстий, расположенных крестообразно. Это наиболее близкая аналогия ябалаклинским бляхам как по декору, так и по технологии изготовления. Значительно больше таких блях известно на андроновских памятниках. В частности, одна из них происходит из Алакульского могильника[12]. Известны они и в памятниках эпохи бронзы в Казахстане[13]. Однако по богатству вещей погр. 3 из I Ново-Ябалаклинского могильника может быть сопоставимо лишь с погр. 13 Алексеевского могильника андроновской культуры[14]. Здесь обнаружены весьма близкие по форме и исполнению вещи: привески для кос, различные бусы из бронзы и короткие пронизки, круглые серебряные кольца с насечками на концах, очень похожие на ябалаклинские,

[7] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1955, стр. 38.

[8] *К. В. Сальников.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 196—209.

[9] Там же, рис. 22, *8*.

[10] *П. С. Рыков.* Очерки истории Нижнего Поволжья по археологическим данным. Саратов, 1936, стр. 46; *О. А. Кривцова-Гракова.* Ук. соч., рис. 15, *2, 3*.

[11] *П. В. Синицын.* Археологические исследования Заволжского отряда. МИА, 60, 1959, стр. 194, рис. 25, *4*.

[12] *К. В. Сальников.* Курганы на озере Алакуль. МИА, 24, 1952, стр. 54—56, рис. 5, *7*.

[13] *А. М. Оразбаев.* Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ АН Казахской ССР, V. Алма-Ата, 1958.

[14] *О. А. Кривцова-Гракова.* Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, XVII, 1948, стр. 68.

круглые бляхи [15]. Всего в погр. 13 найдено девять блях, восемь из которых имеют орнамент в виде концентрических кругов, а самая крупная украшена орнаментом в виде креста [16]. Сходна и техника нанесения орнамента при помощи чеканов на матрице. Однако предметы украшения из погр. 3 I Ново-Ябалаклинского могильника значительно разнообразнее. В орнаментике вещей здесь используется такой широко распространенный у племен срубной культуры элемент, как заштрихованный треугольник (рис. 6, *13, 14, 18—21, 25*). Типично срубными украшениями являются желобчатые браслеты. Одну из составных частей ябалаклинского украшения составляют тройные пронизки, подобные происходящим из Покровского могильника близ г. Энгельса [17]. Все перечисленные вещи из описываемого могильника хорошо датируются по аналогичным им вещам третьей четвертью II тысячелетия до н. э. Не противоречит этому и глиняная посуда, относящаяся к первому периоду срубной культуры, т. е. также к третьей четверти II тысячелетия до н. э.

Значение находок подобного украшения в срубном могильнике трудно переоценить, потому что они позволяют проследить степень дифференциации у племен срубной культурно-исторической общности. Обращает на себя внимание еще и тот факт, что и на I Ново-Ябалаклинском, и на Алексеевском могильнике выделяются своим богатством женские погребения, а это не может не говорить о роли и месте женщины в обществе развитого бронзового века.

V. S. Gorbounov

KOURGANES DE L'AGE DU BRONZE SUR LA RIVE DROITE DE LA DIEMA (Bachkirie)

Résumé

Au cours de l'été 1973, une expédition archéologique de l'Université de Bachkirie a procédé aux fouilles de deux kourganes situés près du village de Novyé-Yabalakly, dans la région de Tchichminsk (République de Bachkirie). Sous chacun des tertres se trouvaient trois sépultures appartenant à la culture des tombes à charpente. Dans les sépultures du kourgane I les squelettes gisaient en position repliée, sur le côté gauche, la tête au nord ou au nord buest. Les morts étaient accompagnés d'un ou deux vases d'argile du type de la culture «à charpente». La sépulture 2 du kourgane 2 avait été pillée. Dans la sépulture I de ce kourgane, outre deux pots d'argile, on a trouvé près du crâne une paire de pendeloques d'argent, et à un genou un cercle de bronze.

La sépulture 3 du kourgane 2 offre un grand intérêt. Dans la fosse tombale, en position fléchie sur le côté gauche, avaient été inhumées deux personnes: une femme adulte et un adolescent. Le corps de l'adulte était orienté la tête au nord, tandis que l'adolescent avait la tête à l'ouest. La tombe présente des degrés sur les côtés; sur le dessus on remarque des restes de plafond en bois. Au chevet du squelette de la femme se trouvait un vase d'argile; et contre la paroi Est, sur le sol de la fosse, était déposée une parure composée de 174 objets de métal (pl. 2), parmi lesquels se trouvaient deux anneaux de bronze plaqué d'or (fig. 6, 15, 16), sept plaques rondes ornementées, ayant quatre paires de trous sur les bords (fig. 8), six ornements à mettre dans les tresses (fig. 6, 17—22), deux larges ornements en forme de tubulures (fig. 6, 13, 14), douze autres «tubulures», portant à la surface un ornement estampé (fig. 6, 1-12), et trente — neuf «tubulures» de différents genres (fig. 6, 26-29, 32—34), une pendeloque trapézoïdale (fig. 6, 25), un bracelet (fig. 6, 30), cent cinq perles de bronze de différents types (fig. 6, 35, 36). Ces ornements, selon toute vraisemblance, avaient été cousus sur les vêtements de la mère, et se composaient de deux parties, l'une ornant la poitrine et l'autre le dos. Jusqu'à présent on n'avait pas trouvé de parure semblable dans les monuments appartenant à la culture des tombes à charpente.

Ce monument date du troisième quart du IIe millénaire avant notre ère.

[15] Там же, стр. 112, рис. 39; рис. 36, *7—9, 11*; стр. 68, рис. 37, *3*; стр. 68, рис. 41.
[16] Там же, рис. 41, *3*.
[17] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.

Ю. А. МОРОЗОВ

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЗАСЕЛЕНИИ ПРИУРАЛЬЯ СРУБНЫМИ ПЛЕМЕНАМИ

В археологической литературе уже неоднократно отмечался факт стратиграфического залегания абашевской керамики под срубной на поселениях Южного Урала [1], в районе Средней Волги [2] и в Подонье [3]. Интересное стратиграфическое расположение абашевских и срубных погребений обнаружено в кург. 27 Старо-Ябалаклинского могильника. Новый материал, полученный в результате исследования, позволяет уточнить время заселения срубными племенами центрального района БАССР.

Курганный могильник расположен в 1,5 *км* к югу от дер. Старые Ябалаклы Чишминского р-на Башкирской АССР, на высокой террасе, образованной левым притоком р. Удряк и поймой р. Дёмы. Он насчитывает более 100 насыпей, протянувшихся вдоль террасы с севера на юг. О нахождении срубного погребения на краю указанной деревни известно было давно [4]. При проведении дополнительных разведочных работ в 1973 г. экспедицией Башкирского государственного университета южнее деревни был обнаружен курганный могильник и вскрыто 18 насыпей [5]. Предварительные раскопки показали, что северная часть могильника содержит погребения абашевских племен, южная — срубных. В 1974—1975 гг. в южной части нами было вскрыто еще 35 насыпей [6]. В среднем диаметр курганов 8—14 *м* при высоте 0,2—0,6 *м*; под насыпью располагалось в основном от одного до трех захоронений. Даже предварительные исследования показывают, что погребальный обряд отражает все характерные особенности, присущие абашевским и срубным захоронениям.

Курган 27 расположен на южной оконечности могильника, его диаметр 13,5, высота 0,43 *м*, верхняя часть уплощена. Под земляной насыпью обнаружено каменное кольцо, выложенное из известняковых плит, эллипсоидной формы, вытянутое по линии СЗ—ЮВ. В северной части кургана плиты стояли под углом 45°, в других местах такого расположения кам-

---

[1] *К. В. Сальников.* Некоторые сведения об эпохе бронзы Южной Башкирии. БАС, 1959, стр. 30—46; *его же.* Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, стр. 104.

[2] *А. Д. Пряхин.* Абашевские поселения в Поволжье. Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание. Казань, 1974, стр. 15; *И. Б. Васильев.* Новые абашевские памятники Куйбышевской области.— Там же, стр. 16.

[3] *А. Д. Пряхин.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971, стр. 82, 83; *его же.* Древнее население Песчанки. Воронеж, 1973, стр. 14—58.

[4] *Б. А. Коишевский.* Итоги археологического изучения БАССР. ИАС. М., 1948, стр. 165; *Р. Б. Ахмеров.* Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии. КСИИМК, 59, 1955, стр. 81—90; *А. П. Смирнов.* Железный век Башкирии. МИА, 58, 1957, стр. 11; *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 156.

[5] *В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденнов, В. К. Калинин.* Старо-Ябалаклинский курганный могильник. АО — 1973. М., 1974, стр. 147.

[6] *Ю. А. Морозов, Р. А. Нигматуллин.* Раскопки Старо-Ябалаклинского могильника. АО — 1974, М., 1975, стр. 165; *они же.* Исследование памятников эпохи бронзы в Башкирии. АО — 1975, М., 1976.

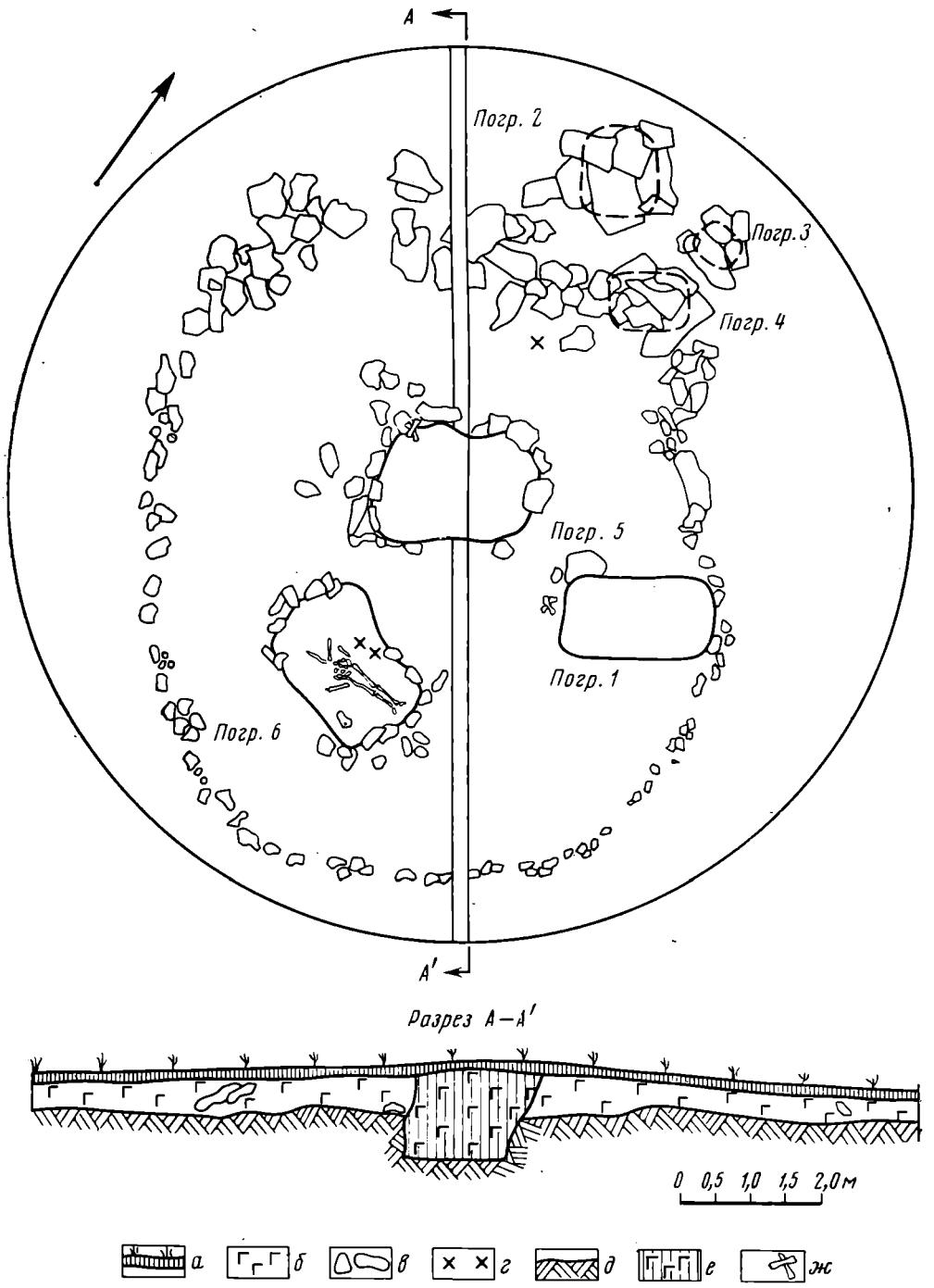


Рис. 1. План раскопа кургана № 27 Старо-Ябалаклинского могильника: *а* — дерн; *б* — чернозем; *в* — камни; *г* — фрагменты керамики; *д* — материк; *е* — грабительский вкоп; *ж* — кости животных

ней не прослеживается. Под насыпью обнаружено шесть погребений, три находятся внутри каменного кольца (погр. 1, 5, 6) и три — за его пределами (рис. 1).

Погребение 1, размеры могильной ямы 200×90 *см*, ориентировка ЮЗ—СВ, углублена в материк на 80 *см*. В засыпке и на дне могилы ничего не обнаружено, лишь над юго-западной стенкой в черноземе найдено небольшое скопление костей.

Погребение 5 расположено в центре кургана. Размеры могильной ямы 210×140 *см*, глубина 55 *см*, ориентировка ЮЗ—СВ, стенки мо-

гилы были обложены камнем, но в результате грабительского хода южная часть разрушена. На северо-западном краю могилы было обнаружено шесть челюстей коровы и семь альчиков, лежащих на камнях, других находок не встречено.

Погребение 6 находилось южнее погр. 5. Размеры могильной ямы 125×130 *см*, глубина 50 *см*, ориентировка З—В. Могила также была обложена камнем, но при ограблении кладку разрушили. На дне находился полуразрушенный костяк взрослого человека. Погребенный лежал на спине в вытянутом положении. Оба колена обожжены, на правом коленном суставе обнаружены следы обгорелого дерева и остатки березовой коры. Находок на дне могилы не обнаружено, лишь в засыпке найдены два фрагмента керамики абашевского облика.

Следует отметить, что в кургане прослежен хорошо заметный грабительский ход, который затронул центральные погребения 5 и 6, разрушил каменную обкладку могил и костяки. Подтверждением этого являются и фрагменты абашевских сосудов, найденные в насыпи. Несмотря на плохую сохранность центральных погребений, принадлежность их абашевским не вызывает сомнений. Об этом свидетельствуют оградки из каменных плит по окружности кургана, а также укрепление стенок могилы камнем, что является характерной чертой для памятников Башкирии [7]. Аналогичные конструкции могил наблюдались на могильнике Метев-Тамак [8], Нижне-Чуракаевском [9], Чукраклинском [10]. В Ярославской области был раскопан Кухмарский могильник, где отмечено наличие в могиле каменных плит [11]. Вероятно, ограждение погребальной площадки было обычным явлением у абашевцев, вспомним хотя бы деревянные оградки, встреченные в могильнике у дер. Пикшик в Северной Чувашии [12].

Необычным на первый взгляд выглядит расположение погребенного в вытянутом положении, однако такое явление — не исключение для памятников Башкирии: мы можем указать на Юкалекулевский могильник, где 10 костяков лежали в вытянутом положении [13]. Аналогичные захоронения отмечены В. Ф. Смолиным в Чувашии [14], три захоронения зафиксированы в кург. 2 у дер. Бишево-Катергиной [15] и на Дону [16]. Не менее характерным признаком для абашевских погребений является наличие скоплений угля, золы или кострищ в засыпке кургана, что, несомненно, связано с особой ролью огня в погребальном обряде [17]. Напомним, что в погр. 5 рассматриваемого кургана сохранившиеся кости ног были обожжены. Весьма обычны и скопления костей животных на перекрытии могильной ямы [18] и присутствие в погребальной камере бересты [19].

---

[7] *К. В. Сальников.* Некоторые проблемы изучения эпохи бронзы в Башкирии. III Уральское археологическое совещание в Уфе. Уфа, 1962, стр. 31.

[8] *А. В. Збруева.* Могильник Метев-Тамак. КСИИМК, 72, 1958, стр. 28.

[9] *Г. И. Матвеева.* Памятники эпохи бронзы на р. Деме. Сб. «Из истории Башкирии». Уфа, 1963, стр. 82—90.

[10] *В. С. Горбунов.* Чукраклинские курганы. Первое археолого-этнографическое Поволжское совещание. Казань, 1974, стр. 17, 18.

[11] *Д. А. Крайнов.* Кухмарский курганный могильник. КСИА АН СССР, 88, 1962, стр. 51—63.

[12] *Н. Я. Мерперт.* Абашевские курганы северной Чувашии. МИА, 97, 1961, стр. 150.

[13] *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 30—32.

[14] *В. Ф. Смолин.* Абашевский могильник в Чувашской республике. Чебоксары, 1928.

[15] *П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков.* Абашевская культура в Поволжье. МИА, 97, 1961, стр. 102.

[16] *А. Д. Пряхин.* Абашевская культура..., стр. 128, 129.

[17] *О. Н. Евтюхова.* К вопросу о погребальном обряде абашевской культуры. МИА, 97, 1961, стр. 32.

[18] *П. П. Ефименко, П. Н. Третьяков.* Ук. соч., стр. 56; *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 22; *А. Д. Пряхин.* Древнее население..., стр. 90.

[19] *О. Н. Евтюхова.* Ук. соч., стр. 31.

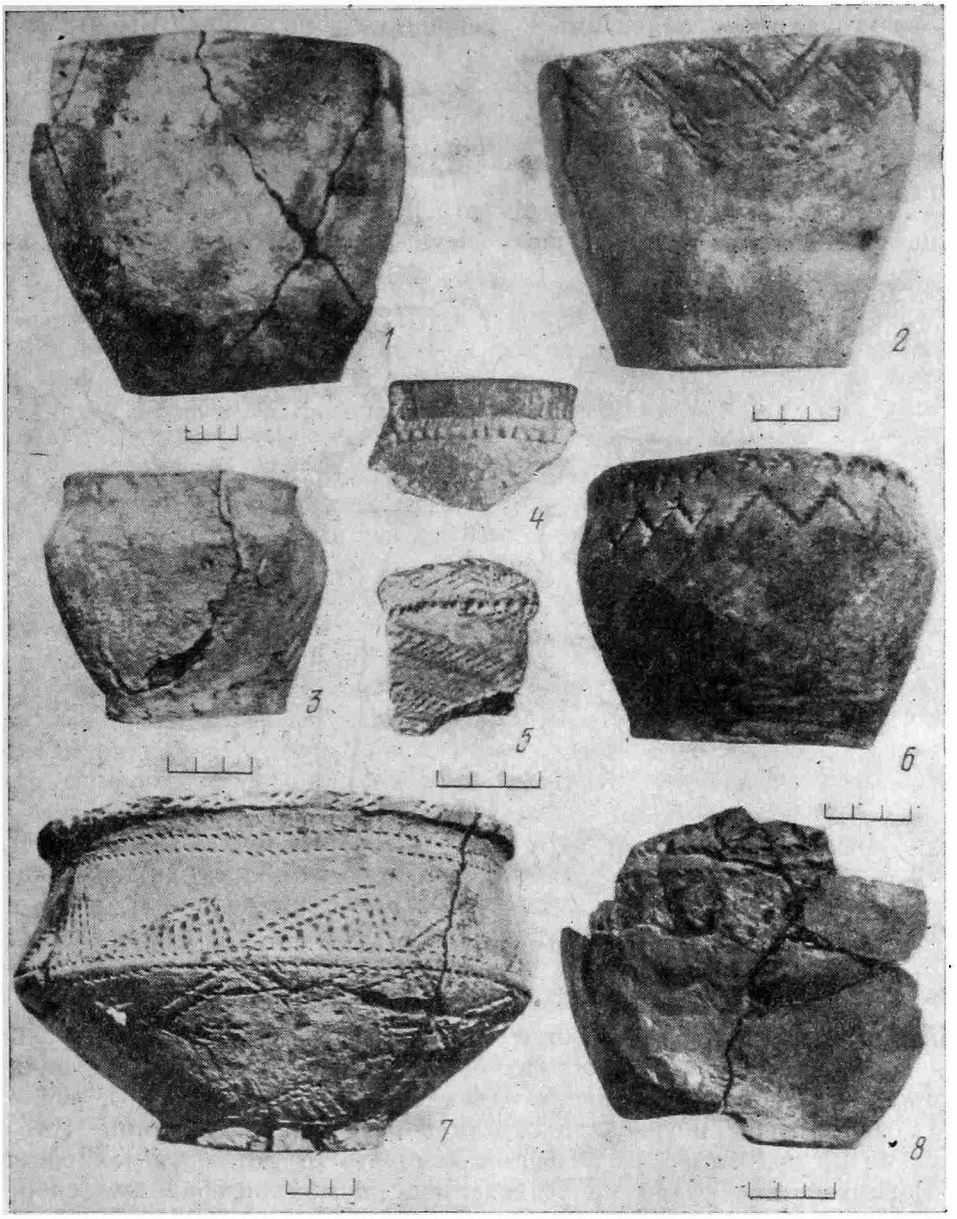


Рис. 2. Керамика из Старо-Ябалаклинского могильника: *1* — погр. 2; *2* — 3; *3*—4; *4, 5* — фрагменты из разрушенных абашевских погребений кург. 27; *6, 7* — сосуды из погр. 3 кург. 23; *8* — сосуд из кург. 21

Вторая группа, состоящая из трех погребений, располагалась за каменным кольцом в северной части кургана.

Погребение 2. Сверху могильная яма была перекрыта известняковыми плитами, взятыми из ограды абашевского кургана. Размеры ямы 120×111 *см*, глубина 35 *см*, ориентировка ССЗ — ЮЮВ. Скелет не сохранился. У восточной стенки найден неорнаментированный сосуд баночной формы (рис. 2, *1*). Его высота 16,8, диаметр венчика 15,9, дна — 9,2 *см*; в тесте примесь шамота.

Погребение 3 сверху также было покрыто каменными плитами. Размеры могильной ямы 60×45 *см*, глубина 10 *см*; ориентировка В — З. От костяка остался чуть заметный беловатый тлен. На дне могилы у южной стенки стоял сосуд баночной формы (рис. 2, *2*), верхняя часть его была орнаментирована ломаными линиями в виде незамкну-

тых треугольников, нанесенных гребенчатым штампом. Высота сосуда 12,2, диаметр венчика 14,1, дна — 8,4 *см*; в тесте примесь шамота.

Погребение 4 расположено несколько южнее погр. 3, сверху перекрыто плитами. Размеры могильной ямы 120×80 *см*, глубина 25 *см*, ориентировка СВ — ЮЗ. Костяк не сохранился. У северо-западной стенки стоял небольшой сосуд (рис. 2, *3*); его высота 8,2, диаметр венчика 6,9, дна — 5,2 *см*; в тесте примесь шамота. Здесь же, у юго-западной стенки, найден фрагмент абашевского сосуда, который попал в погребение,

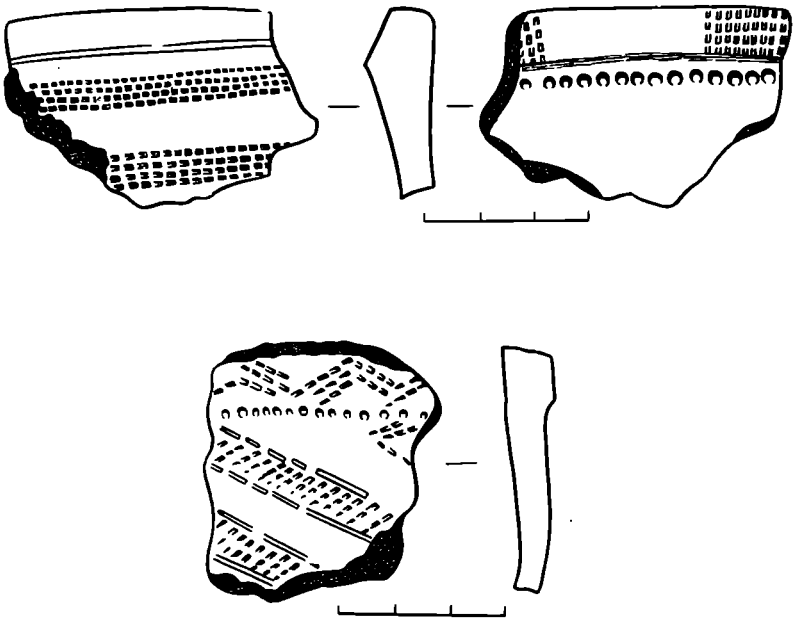


Рис. 3. Прорисовка фрагментов керамики из разрушенных абашевских погребений кург. 27 (см. фото на рис. 2, *4*, *5*)

вероятно, в момент его засыпки из ранее разрушенных центральных абашевских погребений. Фрагмент орнаментирован мелким гребенчатым штампом, в тесте примесь мелкотолченной ракушки (рис. 2, *5*, рис. 3).

Малые размеры погребальных камер и небольшая глубина (что сказалось на их сохранности) позволяют считать их детскими захоронениями. Вероятно, для детей не создавались новые погребальные сооружения, их хоронили в полы существующих курганов. Соблюдение в погребальном обряде всех черт, присущих срубной культуре,— устройство камер без обкладки камнем, северная и северо-восточная ориентировка могил, баночная форма сосудов и расположение их у стенок — сближает описанные погребения с памятниками исследуемой культуры Приуралья [20].

Как уже указывалось, в насыпе кургана найдены два скопления костей животных и мелкие фрагменты сосуда (рис. 1), один из них — венчик типично абашевского облика (рис. 2, *4*, рис. 3). Край отогнут с резким ребром изнутри, орнамент, как и у ранее найденного фрагмента, выполнен мелким гребенчатым штампом и оттисками округлого острия, в тесте примесь толченых раковин. Аналогией им являются сосуды, выделенные К. В. Сальниковым в башкирскую группу памятников абашевской культуры [21].

---

[20] *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 155—168; *А. В. Збруева и Б. Г. Тихонов.* Памятники эпохи бронзы в Башкирии. Сб. «Древности Башкирии». М., 1970, стр. 58—72; *Ю. А. Морозов.* Новые памятники срубной культуры в Башкирии. Первое Поволжское археолого-этнографическое совещание. Казань, 1974, стр. 18.

[21] *К. В. Сальников.* Очерки..., стр. 75—78.

Как следует из описания, нетрудно заметить отличия в устройстве погребальных ям внутри кольца и за ее пределами и их ориентировке. Центральные погребения принадлежали абашевскому населению и, несомненно, были разрушены до впускных захоронений, о чем свидетельствует нахождение абашевского черепка в засыпке погр. 4. Следует заметить, что шесть ранее исследованных абашевских курганов оказались ограбленными [22], в то время как в срубных, разрушенных могил не встречено.

Результаты исследования могильника дают основание говорить о процессе проникновения срубного населения на территорию ранее занятую абашевскими племенами. На смену абашевского населения срубным в свое время указывал на материале Береговского селища К. В. Сальников [23]. Таким образом, есть основание утверждать, что срубный могильник возник здесь в то время, когда абашевский уже перестал существовать.

На раннюю дату проникновения срубных племен в эти районы указывает материал близлежащих срубных курганов. В кург. 21 обнаружена часть сосуда с архаическим элементом орнамента — оттиском веревочки (рис. 2, *8*). Аналогичный сосуд найден в погр. 3 кург. 23 (рис. 2, *6*), он украшен рядом зигзагов по венчику и рядом петель под верхним врезом сосуда, выполненных вдавлением перевитой веревочки. Высота его 11,2, диаметр венчика 10,5, дна — 7,5 *см*; в тесте примесь шамота. В этом же погребении находился остроребериый сосуд (рис. 2, 7), который выше ребра был орнаментирован заштрихованными треугольниками, а ниже — незаштрихованными. Такие же треугольники находились у дна сосуда, венчик по верху был украшен этим же чеканом. Высота сосуда 16,1, диаметр венчика 21, дна — 10 *см*; в тесте примесь шамота.

Приведенная выше керамика характерна для раннесрубных памятников Поволжья, где, по классификации О. А. Кривцовой-Граковой, она относится к первому периоду срубной культуры, которая сохранила и в форме посуды, и в способе нанесения орнамента элементы полтавкинского времени [24].

Говоря о соотношении срубного и абашевского могильников, мы исходим из того, что срубная культура хронологически следовала за абашевской. Есть определенное основание полагать, что хронологический разрыв между абашевскими и срубными погребениями на Старо-Ябалаклинском могильнике существовал. но, вероятно, был невелик. Первые захоронения срубного населения на исследуемом могильнике можно отнести к середине II тысячелетия до н. э., во всяком случае не позднее начала третьей четверти II тысячелетия до н. э.

Таким образом, если ранее лишь предполагалось проникновение срубных племен на территорию Башкирии в середине II тысячелетия до н. э.[25], то сейчас мы имеем материал, позволяющий уточнить время и районы их расселения.

---

[22] *В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденнов, В. К. Калинин.* Отчет об археологических работах Башкирского ун-та за 1973 г. Архив ИА АН СССР, р-1, 5185, стр. 4—42.

[23] *К. В. Сальников.* Некоторые сведения..., стр. 30—46; *его же.* Очерки..., стр. 103—106.

[24] *О. А. Кривцова-Гракова.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, 46, 1965, стр. 33—38.

[25] *А. В. Збруева и Б. Г. Тихонов.* Ук. соч., стр. 43.

You. A. Morozov

DE NOUVELLES DONNEES SUR L'OCCUPATION DE LA REGION DE L'OURAL PAR LES TRIBUS DE LA CULTURE DES TOMBES A CHARPENTE

Résumé

En 1973 ont été commencées les fouilles du champ funéraire de Staryé Yabalakly, qui se trouve à 1,500 km du village du même nom, dans la région de Tchichminsk (République de Bachkirie). Les kourganes sont situés sur une haute terrasse de la rivière Déma, et ont plus de 100 tertres.

Leur étude a montré que dans la partie nord du champ funéraire sont concentrés les kourganes abachéviens, et dans celle du sud ceux des tombes à charpente.

Le kourgane 27 est particulièrement digne d'intérêt: sous le tumulus, ceint d'une clôture de pierre, six sépultures ont été mises au jour. Les trois tombes du centre, situées à l'intérieur de la ceinture de pierre, appartiennent à des porteurs de la culture d'Abachevo; alors que les trois inhumations placées en dehors sont celles de porteurs de la culture des tombes à charpente; de plus, elles avaient été recouvertes de dalles de pierre prises à l'enceinte du kourgane abachévien.

Les résultats des prospections permettent d'affirmer que le champ funéraire des tombes à charpente s'est constitué à cet endroit lorsque le cimetière abachévien avait cessé d'être utilisé. On y a découvert des poteries de la culture «à charpente», présentant des détails archaïques d'ornementation qui permettent de préciser ce moment. On peut donc établir que ce cimetière de tombes à charpente a servi vers le milieu du IIe millénaire av. n. è., et pas plus tard que le début du troisième quart du IIe millénaire.

И. Н. МЕДВЕДСКАЯ

МОГИЛЬНИК КАЙТАРИЕ — НОВЫЙ ПАМЯТНИК РАННЕЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ИРАНА

Среди наиболее активно разрабатываемых проблем иранской археологии в последнее десятилетие является проблема происхождения, становления и развития материальной культуры раннежелезного века, одним из ярких признаков которой является керамика серого цвета специфических форм.

Базой для изучения культуры раннежелезного века служат главным образом материалы могильников. Исключение составляют материалы поселений Иранского Азербайджана, где эти памятники раскапываются наиболее интенсивно. Однако в целом накопление памятников этого периода идет медленно и неравномерно. По существу большинство их сосредоточено на северо-западе Ирана, в то время как для южной и юго-восточной территории их распространения опорными по-прежнему являются лишь данные довоенных раскопок Р. М. Гиршмана (тепе Сиалк и Гиян). А для северо-восточной территории (район Тегерана) известны только комплексы 14 могил Хурвина, раскопанных Ванден Берге, не считая частной коллекции Малеки.

Поэтому так важны новые материалы недавних раскопок могильника Кайтарие на окраине Тегерана. Этот могильник не только по количеству добытого материала, но и по его характеру займет важное место среди памятников раннежелезного века Ирана. В связи с этим кажется целесообразным ввод в научный оборот уже сейчас частично изданных материалов могильника, тем более что их публикация сделана в малодоступном издании на персидском языке.

Могильник Кайтарие, раскопанный в 1969—1971 гг., находится на западной окраине Тегерана, в районе новой застройки. Могилы были открыты случайно во время строительных работ, и туда была направлена Иранская археологическая экспедиция во главе с Камбахш Фардом. Работы носили спасательный характер и велись на еще незастроенном участке, поэтому трудно установить, весь ли могильник в результате был раскопан или часть его оказалась под построенными домами.

Местность, в которой расположен грунтовый могильник Кайтарие, представляет собой ряд естественных оврагов у подножия г. Эльбурз. Могилы не имеют наземных признаков, поэтому раскопки производились шурфами — квадратами площадью 25 $м^2$. Всего вскрыто 350 могил и обнаружено 2500 сосудов [1].

[1] *Kambahch Fard.* Fouilles dans les tombes anciennes de Oheytaryeh. Bastan Chenassi va Honar-e Iran. 2, 1969 (на перс. яз.). Перевод сделан Н. Васильевой, которой приношу благодарность. Статья Камбахш Фарда написана до окончания работ; мною получены дополнительные сведения об этом могильнике от В. Г. Луконина, который осенью 1973 г. ознакомился с этим материалом в Иране. Камбахш Фард также любезно прислал фотографии и описания двух комплексов неопубликованных могил и фотографии нескольких сосудов, которые с его разрешения включены в настоящую заметку.

Погребения совершались в земляных ямах. Камбакш Фард указывает их размеры: ширина ям от 0,35 до 0,50 *м*, длина 1,2—1,3 *м*. Но судя по публикуемым фотографиям, это размеры площади, занимаемой костяком. В процессе раскопок погребение оставалось на останце, а вся окружающая почва удалялась. При такой методике раскопок проследить стенки ямы и соответственно ее размеры затруднительно. Скелеты обнаружены на глубине от 0,2 до 0,7 *м* (эти размеры указаны автором как глубины ям). Умерших хоронили в слабо скорченном положении на правом или левом боку. Постоянной ориентировки нет, практически зафиксированы все стороны света.

Погребальный инвентарь состоит из посуды, немногочисленных бронзовых изделий: ножей, наконечников копий и стрел, зеркал, заколок, колец и браслетов и единичных золотых вещей. Вместе с погребальным инвентарем находилась жертвенная пища: мясо быка, барана и козла. Обычно ее клали в сосуды.

Основную часть погребального инвентаря составляет керамика. В среднем в могилы ставилось 6—7 сосудов. Большинство сосудов изготовлено на гончарном круге, глина тщательно отмучена, применялся высокотемпературный обжиг. Преобладают сероглиняные изделия, но значителен процент красно- и желтоглиняных. Расписных сосудов нет.

Характерной чертой керамики могильника является небольшое разнообразие форм сравнительно с общим количеством сосудов. Ниже дается описание форм всех доступных нам сосудов, бóльшая часть которых наиболее представительна в могильнике (рис. 1).

I. а) Чайники со свободно стоящим длинным изогнутым сливом и характерным утолщением у его основания, без ручек. Тулово сферической формы. Венчик или низкий, или имеется высокая горловина; б) чайники со свободно стоящим желобчатым сливом, но последний значительно короче и без выступа у основания. На месте ручки иногда миниатюрная петелька.

II. Чайники с цилиндрическим сливом и ручкой, как у корзинки.

III. Сосуды с открытым сливом, отходящим от края венчика, «соусники», по терминологии Р. М. Гиршмана: а) без ручки, слив имеет чуть изогнутый силуэт; б) с ручкой и прямым сливом. В обоих случаях сосуды расширяются в верхней части.

IV. Одноручные бокалы с сильно раздутым туловом и высокой, чуть расширяющейся кверху горловиной: а) на высокой ножке с широким основанием, на тулове каннелюры; б) на высоком поддоне, ири переходе от тулова к поддону иногда имеется валик.

V. Чашки: а) с округлым туловом и выделенным поддоном, ручка прикреплена к венчику и к середине тулова; б) горшковидные чашки с раздутым туловом и выделенной горловиной, венчик слегка отогнут, ручка прикреплена к краю венчика и самому широкому месту тулова.

VI. Триподы: а) глубокие, чашевидные, заостренные книзу ножки прикреплены наклонно к нижней части сосуда; б) мисковидные мелкие триподы, прямые толстые ножки, чуть суженные книзу, на конце имеют небольшие утолщения. В отличие от типа а ножки прикреплены к венчику сосуда.

VII. Кувшины отличаются разнообразием форм:

а) с высокой, чуть расходящейся кверху горловиной, ее длина соответствует половине высоты всего сосуда. Ручка прикреплена к нижней половине горловины и плечику. Тулово в форме чуть сплющенного шара. В одном случае кувшин украшен круглыми налепами и двумя валиками у основания горловины, в другом — на дне три сосцевидных выступа. Разновидностью этого типа является кувшин, у которого вместо ручки два фигурных выступа с отверстиями — один на венчике, другой на плечике кувшина. Плечики украшены горизонтальными валиками, тулово каннелировано;

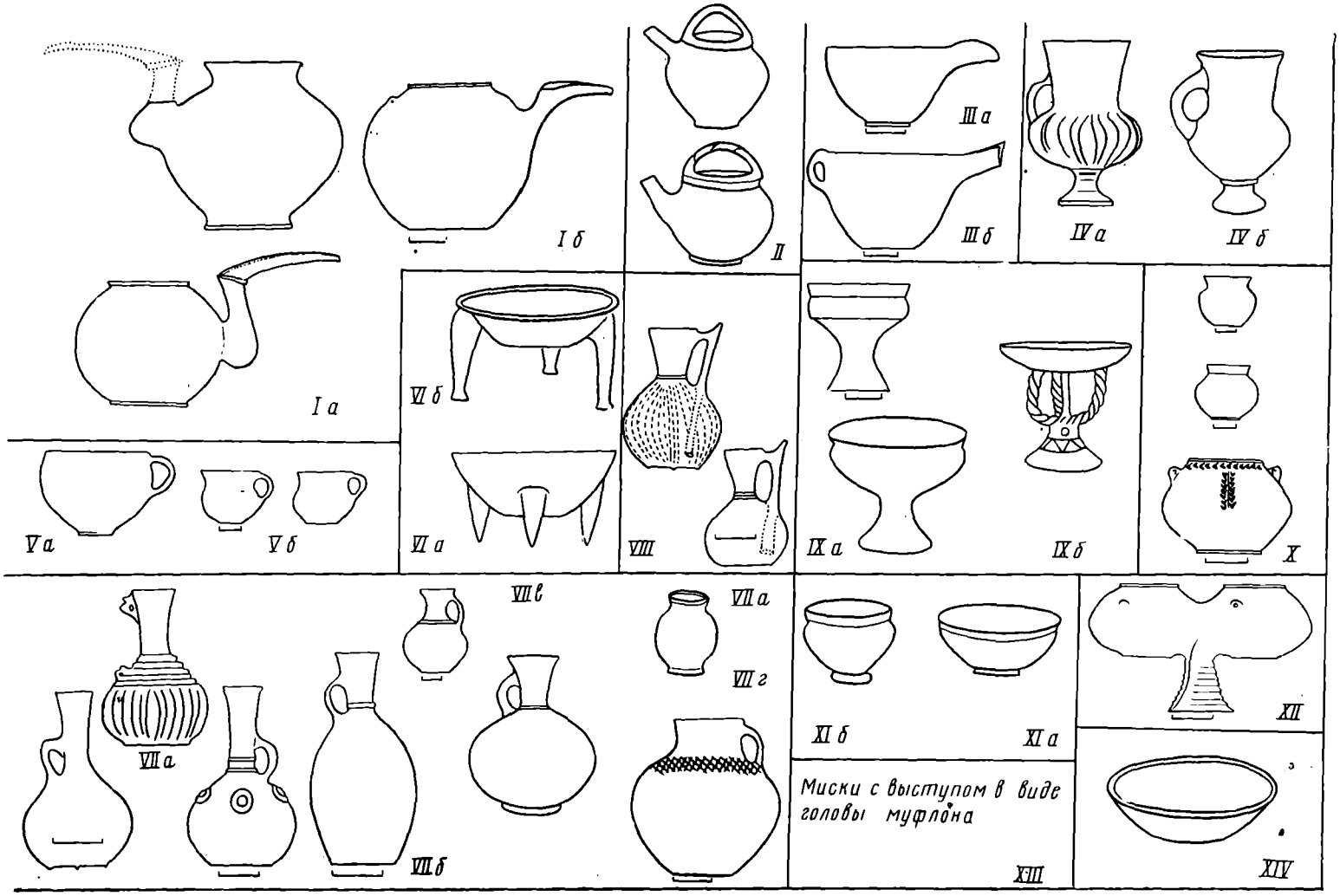


Рис. 1. Типы керамики из могильника Кайтарие

б) с относительно высокой расширенной кверху горловиной и удлиненным яйцевидным туловом. Ручка прикреплена одним концом к середине горловины и другим к плечику. Основание горловины украшено валиком;

в) с раздутым туловом и воронкообразной горловиной, основание которой украшено валиком. Ручка прикреплена к середине горловины и чуть ниже ее основания на плечике. Его разновидностью является кувшин с более широкой горловиной;

г) с шаровидным туловом и прямой горловиной. Ручка прикреплена ниже венчика и на плечике. По плечикам сетчатое лощение;

д) с невысокой прямой горловиной и горизонтально отогнутым венчиком, без ручки.

VIII. Кувшины с воронкообразной горловиной и вертикальным сливом, прикрепленным при помощи горизонтальной перемычки к венчику, другой конец слива прикреплен к плечику. Основание горловины украшено одним или двумя валиками. В одном случае дно имеет три сосцевидных выступа, как и у кувшина типа VIIa.

IX. Вазы: а) чашевидные на высоком поддоне-ножке; б) мисковидная мелкая ваза на четырех ножках, которые, соединяясь, переходят в общее основание. При этом одна ножка, прямая, прикреплена к центру дна резервуара, три других — изогнутые, витые.

X. Горшки.

XI. Чаши: а) с широким устьем; б) глубокие чаши-кубки на поддоне с отогнутым венчиком, нижняя часть тулова конусовидная.

XII. Сдвоенный сосуд на высокой рифленой ножке.

XIII. Миски с выступом в виде головы муфлона [2].

XIV. Большие блюда.

Недостатком публикации могильника является отсутствие комплексов. Поэтому в настоящую заметку были включены фотографии двух наиболее типичных комплексов могил, дающих представление о стандартном наборе керамики. В могиле LVI-XXXV он состоит из типов IVб, Iб, II, XIV. В могиле L-I это типы I, II, IV, Vб, VIIв и, вероятно, VIa.

В могильнике Кайтарие керамика была в основной массе неорнаментированная, но, по словам автора, встречаются сосуды с зигзагообразными и параллельными линиями. Опубликованные сосуды украшены главным образом валиками, каннелюрами, налепами. Есть указания на рельефные изображения козла и орла. Плечики сосудов иногда украшались сетчатым лощением. Применялся оригинальный прием украшения: на сырую глину налеплялись зерна, образующие узор, во время обжига они выгорали и получался своеобразный полый орнамент.

В могильнике найдены кроме керамики немногочисленные бронзовые изделия (рис. 2).

1) Небольшие ножи с отверстием на черенке для прикрепления рукояти и с клинком треугольных очертаний. Их размеры около 12 *см*.

2) Двухлопастные наконечники стрел с жилкой и опущенными жальцами и наконечники копий подобной формы.

Находки из железа не упоминаются.

Из предметов украшения и туалета найдены бронзовые спиралевидные браслеты в три оборота, а также браслеты с незамкнутыми концами, зеркала с боковой ручкой, кольца, иголки или шилья.

Среди золотых изделий встречаются серьги в виде плодов граната.

Формы сосудов (особенно типы I, II, IV, V, XIII) [3], орнамент в

---

[2] Сосуд не опубликован, но по описанию и зарисовке В. Г. Луконина он близок по форме сосудам из могильников Гиян I и Сиалк А. *R. M. Ghirshman.* Fouilles de Sialk, prés de Kasnan, v. II. Paris, 1939, p. 14, fig. 1.

[3] Важной особенностью могильника является совстречаемость в могилах типов I и IV. Только в Иранском Азербайджане еще в двух случаях они встречались вме-

виде сетчатого лощения, серый цвет керамики, серьги в виде плодов граната, бесспорно, указывают на принадлежность могильника ко времени раннежелезного века Ирана.

Камбахш Фард специально не останавливался на вопросе датировки могильника. Он лишь отметил, что схожие материалы известны на памятниках Сиалк A и B, Гиян I, Хасанлу IV, Геой-Тепе и Хурвин, которые относятся к периоду ЖВ I—II (железный век I—II).

Однако между этими двумя периодами существуют различия. В период ЖВ II для изготовления орудий и оружия уже широко использовалось железо. Заметны изменения в керамике: у чайников слив стал

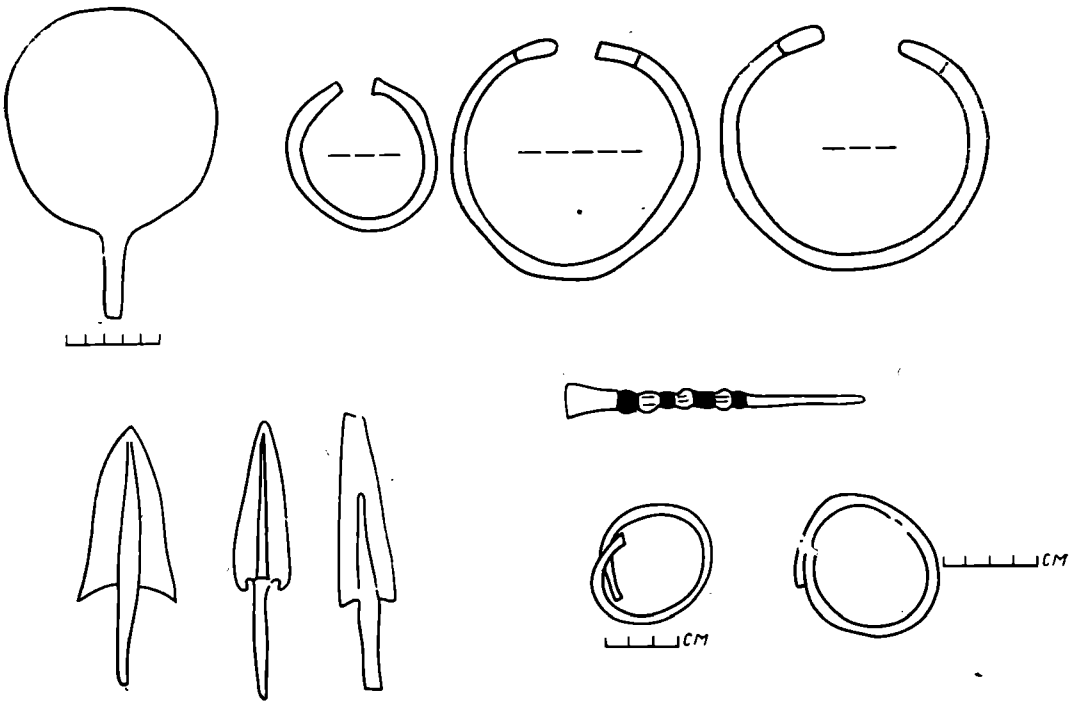


Рис. 2. Бронзовые изделия из могильника Кайтарие

прикрепляться к венчику перемычкой, бокалы исчезли. Все эти новшества периода ЖВ II в могильнике Кайтарие неизвестны. Немногочисленное оружие, ножи сделаны из бронзы. Сосуды типа II, которые Камбахш Фард сравнивал с Хасанлу IV (ЖВ II), на самом деле появились уже в период ЖВ I (Динха III, Хурвин) [4], и в могильнике Кайтарие они найдены с типичными для периода ЖВ I сосудами.

Немногочисленные металлические изделия не могут помочь в выделении этих периодов. Бронзовые зеркала с боковой ручкой были широко распространены на Древнем Востоке, и эта форма без изменений сохранялась в течение многих столетий [5]. Поэтому они не могут служить основанием для уточнения датировки могильника, когда речь идет об одном-двух столетиях. В Иране подобные зеркала были найдены в могильниках Сиалк B [6] и Марлик [7].

Золотые серьги в виде плодов граната, найденные в могильнике Кайтарие вместе с керамикой ЖВ I (мог. L-I), известны в Марлике [8].

сте в мог. VII-2 Динха III и в неопубликованном погребении в Хаджи Фируз, см. *O. W. Muscarella.* The Iron Age at Dinkha Tepe, Iran. MMJ, 9, 1974, fig. 3, p. 49.

[4] *O. W. Musacarella.* Op. cit., fig. 7, p. 43, fig. 17, p. 47.

[5] *E. E. Кузьмина.* Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. САИ, В4-9. М., 1966, стр. 68.

[6] *R. Ghirsman.* Op. cit., pl. LII, LXV, LXIX, LXVIII.

[7] *E. O. Negahban.* Preliminary report on Marlik. Tehran, 1964, photo 126.

[8] Ibid., pl. III, VI-C, photo 78.

Рис. 3. Могильник Кайтарие, погребение LVI-XXXV

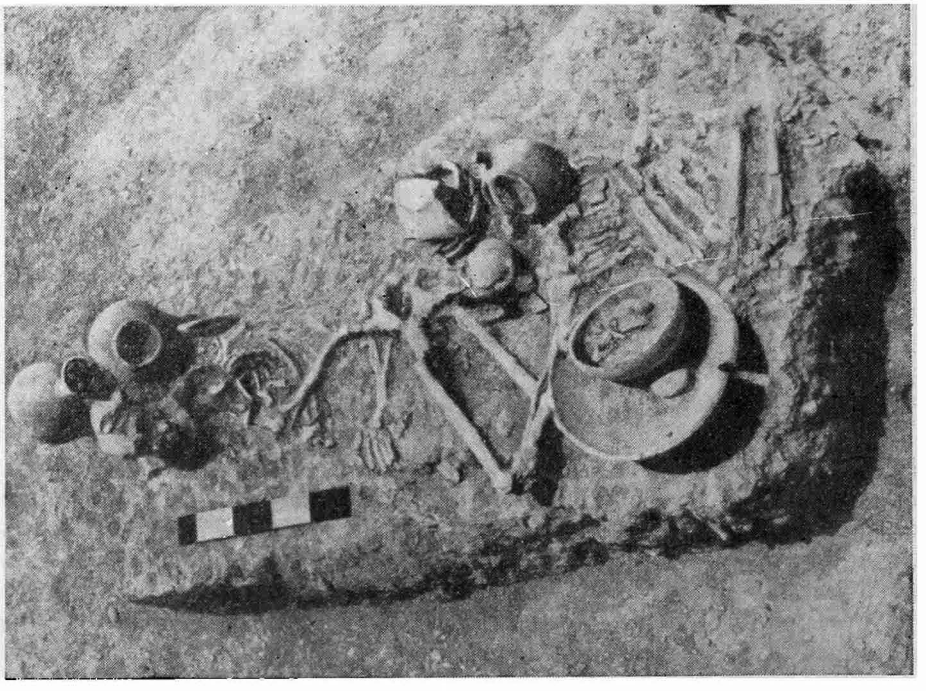


Рис. 4. Могильник Кайтарие, погребение L-I

Бронзовые наконечники стрел все черешковые с опущенными жальцами. Типология и хронология иранских наконечников стрел не разработана. Наконечники стрел подобной формы находятся в памятниках Западного и Северного Ирана, которые датируются концом II — началом I тысячелетия до н. э.[9]

[9] Ссылки на литературу см. *P. R. S. Moorey.* Catalogue of the ancient persian bronses in the Ashmolean Museum. Oxford, 1971, p. 84, fig. 17.

Итак, предварительные материалы позволяют пока определенно говорить о датировке могильника периодом ЖВ I. И лишь полная их публикация позволит решить вопрос о существовании его в период ЖВ II.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание комплексов двух погребений могильника Кайтарие, сделанное Камбахш Фардом (в скобках даны пояснения к фотографиям автора раскопок).

Могила LVI-XXXV — Мужское погребение (рис. 3).

1) 4857 — Сосуд с круглым туловом пепельного цвета, с одной ручкой, на ножке. Диаметр венчика 9,5 *см* (тип. IV, у костей ног).

2) 6033 — Сосуд пепельного цвета, похожий на графин (бутылку). Диаметр венчика 4,5 *см* (лежит в миске).

3) 5102 — Сосуд кофейного цвета с желобчатым сливом, диаметр горла 10,5 *см*, стоит на блюде (тип I б).

4) 6108 — Сосуд, похожий на блюдо для фруктов на ножке, диаметр венчика 37,5 *см* (тип XIV, под сосудом 3).

5) 5416 — Сосуд пепельного цвета с цилиндрическим сливом, похожий на корзинку, диаметр венчика 14,5 *см*, стоит у головы (тип II).

6) 8787 — Сосуд в виде миски, похожей на касу, серого цвета (рядом с № 1).

Могила L-I — Погребение женщины с ребенком (рис. 4).

1) 4832 – Сосуд с ручкой, на ножке, кирпичного цвета, диаметр венчика 7,3 *см*, лежит на боку у тазовых костей (тип IV).

2) 4634 — Одноручный кувшин для воды, пепельного цвета. Диаметр венчика 11 *см* (разбитый?).

3) 4677 — Одноручный кувшин пепельного цвета. Диаметр венчика 8,5 *см* (поскольку его диаметр меньше, чем у кувшина 2, то, видимо, это кувшин, лежащий у головы,— тип VIIв).

4) 5223 — «Чайник» с желобчатым сливом. Диаметр венчика 0,7 *см* (тип Iб, у головы).

5) 5468 — Чаша пепельного цвета, венчик отбит. Диаметр 39 *см* (тип XIV, у ног).

6) 5079 — «Чайник» с цилиндрическим сливом и ручкой, как у корзинки. Диаметр венчика 11 *см* (тип II, рядом с № 1).

7) 5752 — Кувшинчик пепельного цвета с ручкой, лежит внутри № 8 (тип Vб).

8) 5825 — Сосуд пепельного цвета на трех ножках (на фото ножки не видны, стоит в № 5 — тип VIa?).

9) 6263 — Две золотых серьги в виде плодов граната.

10) — Два бронзовых браслета.

На фотографии среди костей ребенка виден двухлопастный наконечник стрелы листовидной формы с черешковым насадом.

I. N. Medvedskaïa

LE CHAMP FUNERAIRE DE QEYTHARIEH, UN NOUVEAU MONUMENT DU DEBUT DE L'AGE DU FER EN IRAN

Résumé

Dans l'article on étudie les pièces, en partie publiées, provenant d'un champ funéraire récemment fouillé en Iran, celui de Qeytharièh. L'auteur des fouilles le date préalablement de l'Age du Fer I-II. Mais l'auteur de l'article est enclin à croire que vraisemblablement la principale période d'utilisation de ce lieu de sépultures se place à l'Age du Fer I. En faveur de cela témoignent l'absence d'objets de fer, une plus ancienne apparition ici de certaines formes de vases, l'absence de monuments de l'Age du Fer II. Tout ceci est avancé sous forme de supposition, car seule une complète publication du matériel permettra de trancher la question de la date de ce champ funéraire.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

СТЕКЛЯННАЯ ПОСУДА ИЗ ПОДНЕПРОВСКО-ПРИЧЕРНОМОРСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Сравнительно большое количество находок стеклянной посуды в пределах бассейна Днепра и в районах Причерноморья, принадлежащих к его устью, а главное, значимость этих находок для датирования черняховских памятников требует итогового обобщения материала. Рассматриваемые нами находки (51 экз.) не отражают всего количества обломков стекла. Не принимались во внимание невыразительные фрагменты, куски оплавленного стекла, когда трудно установить следы ли это спекшихся бус, игрально-счетных жетонов или остатки сосудов [1]. Между тем обломки определенно стеклянных сосудов, в том числе оплавленных, отмечены при раскопках многих черняховских памятников, начиная с первых работ В. В. Хвойко. И все же число стеклянных сосудов несоизмеримо с керамикой. Так, на поселении Журавка ольшанская на тысячи обломков глиняной посуды с площади 6500 $м^2$, вскрытой на селище, приходится 17 фрагментов стеклянных сосудов. В могильнике в 124 исследованных могилах было найдено только пять кубков из стекла с полным профилем. Даже в Причерноморье, где в античных центрах в первые века нашей эры употребление стекла носит массовый характер, на черняховских памятниках количество фрагментов и целых стеклянных сосудов не столь уже велико. Так, в Викторовке II и в Коблеве были встречены и на поселениях и в могильниках только единичные обломки стеклянной посуды (рис. 1, *8, 10*). То же относится к поселению возле с. Ранжевого Одесской обл., в могильнике которого было отмечено, пожалуй, наибольшее в процентном отношении к глине количество стеклянных кубков. В 20 могилах там было найдено три целых сосуда. Сравнительную редкость находок из стекла для памятников культуры полей погребений подтвердили и раскопки на Нижнем Днепре. В могильнике у овчарни совхоза «Приднепровский» на 96 могил с сожжением и трупоположением приходилось всего три реконструируемых целиком кубка (рис. 1, *6, 23*).

Встречаются сосуды бесцветного, довольно прозрачного стекла хорошего качества, например, один из фрагментированных кубков из могильника у овчарни совхоза «Приднепровский» (рис. 1, *6*) [2], а также почти непрозрачные, типа находки в Ранжевом (рис. 1, *25*). Наиболее распространены сосуды из полупрозрачного стекла зеленовато-желтоватого цве-

[1] Публикации стекла Причерноморья и Приднепровья см. в работах: *В. В. Кропоткин.* Римские импортные изделия в Восточной Европе. САИ, ДТ-27, М., 1970, стр. 102—110; *Э. А. Сымонович.* Стеклянная посуда середины I тысячелетия нашей эры с Нижнего Днепра. КСИА АН СССР, 69, 1957, стр. 23, рис. 4, *8—10*; *его же.* Стеклянный кубок из-под Одессы. ВДИ, 1966, 1, стр. 105—109, рис. 3; *его же.* Стеклянные кубки из Журавки. КСИА АН СССР, 102, 1964, стр. 8—10.

[2] *Э. А. Сымонович.* Раскопки могильника у овчарни совхоза «Приднепровский» на Нижнем Днепре. МИА, 82, 1960, стр. 218, 229, табл. IX, *12*.

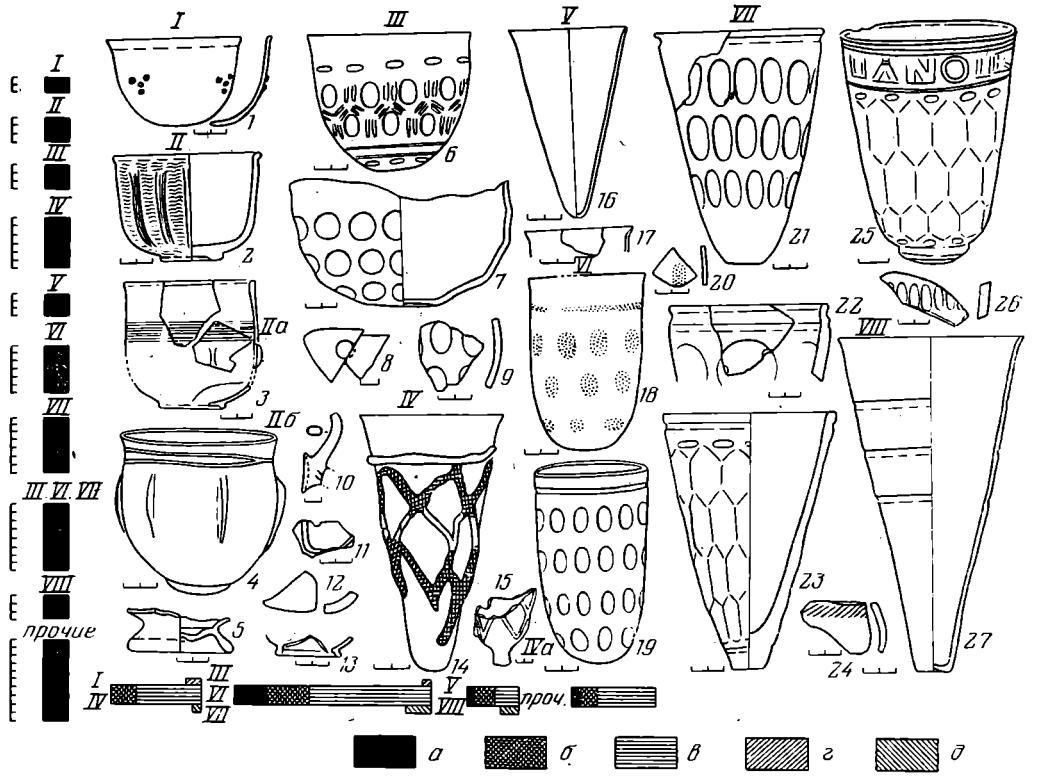


Рис. 1. Образцы стеклянной посуды из поднепровско-причерноморских памятников черняховской культуры (группы I—VIII). *1, 5, 14, 16, 18, 21* — Журавка ольшанская; *2, 7* — Переяславль-Хмельницкий; *3* — Привольное; *4* — Черняхов; *6, 23, 26* — овчарня совхоза «Приднепровский»; *8, 10* — Викторовка-II; *9* — Слободище; *11* — Маркушп; *12* — Червона Слобода; *13* — Каменка Днепровская; *15* — пос. Красный Маяк (бывш. Бизюков монастырь); *17, 24* — Кут; *19* — Николаевка-Казацкое; *20* — Тилигуло-Березанка; *22* — Червоный Яр; *25, 27* — Ранжевое. Условные обозначения: слева помещены диаграммы, характеризующие количество сосудов в группах. Внизу — диаграммы, поясняющие территориальное распределение сосудов разных групп. *а* — Причерноморье; *б* — Нижнее Поднепровье; *в* — Среднее Поднепровье; *г* — Волынь; *д* — Левобережье

та. Чаще всего встречаются толстостенные сосуды, что связано, видимо, с их большей прочностью. Однако в позднеантичный период известна и тонкостенная посуда. Так, на одновременном черняховском памятнике в Крыму Озерное III в могильнике IV в. н. э. были найдены целые тонкостенные сосуды — кувшины, бутыли и миски. Там они уцелели благодаря тому, что были помещены в нишу склепа. Можно также предполагать, что такие сосуды иногда сохраняются в крымских памятниках благодаря иным почвенным условиям, чем в поднепровской Украине. Неоднократно было отмечено, что лёссовые почвы, подстилающие украинские черноземы, не раз превращали даже довольно толстостенные стеклянные сосуды в мелкую крошку. Так было, например, со стеклянным кубком в одной из могил у овчарни совхоза «Приднепровский» [3], в Журавке ольшанской [4], в Переяславле-Хмельницком [5], в Коблеве и пр. Надо думать, многое зависело от качества стекла, анализы которого с черняховских памятников еще недостаточны [6]. В этой связи не очень надежной будет статистика соотношения толстостенных и тонкостенных

[3] Там же, стр. 211.

[4] *Э. А. Сымонович.* Стеклянные кубки..., стр. 10, рис. 2.

[5] *В. К. Гончаров, Е. В. Махно.* Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького. Археологія, XI, 1957, стор. 134—136, табл. II, *10*.

[6] *Ю. Л. Щапова.* Результаты спектрального анализа кубка из собрания ГИМ. КСИА АН СССР, 89, 1962, стр. 107.

сосудов на черняховских памятниках. Сохранялись только прочные стеклянные изделия [7].

Наблюдения над функциональным назначением стеклянных сосудов в лесостепной полосе показывают, что туда ввозили преимущественно не очень большие и прочные кубки для питья. Иногда их использовали в ритуальных целях. Об этом свидетельствуют находки кубков в больших мисках-вазах, куда клали обыкновенно глиняные с символическими изображениями кубки, по форме близкие стеклянным.

Редки для черняховских памятников стеклянные сосуды типа чашечек и мисок. Донышко такого рода сосуда с широко расходящимися стенками было найдено в Журавке ольшанской (рис. 1, *5*), другое, меньшего диаметра, происходит из Кута (рис. 1, *13*). Задача систематизации стеклянных сосудов из памятников черняховской культуры облегчается не только довольно полной публикацией находок, но и большой работой, проделанной как у нас, так и за рубежом по изучению стекла. На рис. 1 отражены наиболее выразительные находки стеклянных сосудов, слева помещены диаграммы, показывающие количество типов и подтипов той или иной посуды, а внизу графически выражено распространение стекла в Среднем, Нижнем Поднепровье и Причерноморье.

Наиболее редки кубки, украшенные напаянными стеклянными глазками (группа 1, рис. 1, *1*). Полусферические и стаканообразные сосуды подобного рода принято датировать второй половиной III—IV в. н. э. По стеклу и форме полусферический кубок из Журавки ольшанской сходен с сосудами, время существования которых во второй половине III в. н. э. не вызывает сомнений. О возможности такой датировки говорила Н. П. Сорокина, хотя и отмечала, что орнаментированные подобным образом сосуды более характерны для IV и даже начала V в. н. э.[8]

В Керчи сосуды с накладным узором датировались III—IV вв. н. э.[9] В новых западноевропейских изданиях кубки с цветными налепами датируются временем от конца III—IV в. н. э.[10]

Меньшее внимание в доступной нам литературе уделялось сосудам с вертикальными накладными ребрами. Известные экземпляры происходят из Черняховского могильника (группа II, рис. 1, *4*) и из Переяславля-Хмельницкого (рис. 1, *2*), где точно фиксирован сопровождавший сосуд комплекс глиняной посуды [11]. Есть основания сюда же присоединить неопубликованную находку фрагментированного стеклянного кубка из с. Привольного (судя по этикетке Киевского исторического музея, он происходит «из сада Петрова, из шурфа 150-го», рис. 1, *3*, по нашей типологии — IIа). Стекло полупрозрачное красноватого цвета. Поверхность украшена тонкими параллельными напаянными горизонтальными нитями и под ними небольшими вертикальными выступами. Сосуд частично реконструируется, но количество вертикальных оттянутых выступов определить нельзя. Типологически сосуд примыкает к находкам из

---

[7] *Б. Н. и В. И. Ханенко.* Древности Приднепровья, вып. V. Киев, 1908, табл. XXXV, № 261.

[8] *Н. П. Сорокина.* О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья. СА, 1971, 4, стр. 90; *ее же.* Позднеантичное стекло из Ольвии. Сб. «Художественная культура и археология античного мира». М., 1976, стр. 204.

[9] *Н. П. Сорокина.* Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1959 гг. МИА, 103, 1962, стр. 210—236; *ее же.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища. Сб. «Керамика и стекло древней Тмутаракани». М., 1963, стр. 135, 136; ОАК за 1904 г., СПб., 1907, стр. 77.

[10] *R. Degen.* Zu einem frühchristlichen Grab aus Aventicum. Helvetia Antiqua, Zürich, 1966, S. 262.

[11] *В. К. Гончаров.* Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого. КСИА АН УССР, 4, 1955, стр. 38, рис. 2; *Е. В. Махно, В. К. Гончаров.* Могильник черняхівського типу біля Переяслава-Хмельницького. Археологія, XI, 1957, стор. 136, табл. II, *16*.

Черняхова и из Переяславля-Хмельницкого [12]. Черняховский кубок имел более закругленную нижнюю часть, чем два описанные выше и отличался зеленоватым цветом стекла (IIб, рис. 1, *4*). Однако, как и в Привольном, у него в верхней части под венчиком располагались два горизонтально идущих валика-налепа [13]. Техника украшения стеклянных сосудов вертикальными налепами восходит к так называемым Rippenschalen и им подобным сосудам I—III вв. н. э.[14] Некоторые формы подобных сосудов продолжали свое существование и в более позднее время [15]. Кубок из Переяславля-Хмельницкого напоминает ранние причерноморские находки [16]. Переяславльская находка происходит из погребения, где в заполнении разрушенной в древности могилы были найдены глиняные сосуды и костяной многочастный гребень, не позволяющий относить захоронение ко времени ранее III в. н. э.[17]

Сосуды с полихромными напаянными нитями представлены на рис. 1, *14* экземпляром из Журавского могильника (группа IV). Сосуд изготовлен из тонкого прозрачного светлого стекла [18]. Найденные в Поднепровье кубки, украшенные напаянными нитями, имеют другое оформление дна (находка из могильника бывш. Бизюкова монастыря — пос. Красный Маяк), сохраненная в издании В. И. Гошкевичем (рис. 1, *15*) [19]. А. Т. Смиленко приводит в качестве параллели этому сосуду находку из Бильче-Злотей на Тернопольщине. Датировка находки — III в. н. э.[20] Впрочем, высокая ножка-поддон у нижнеднепровской находки дает основания предполагать и более позднее существование приведенного сосуда [21]. Следует также обратить внимание на находки сосудов, украшенных напаянными нитями с территории Волыни. К этой группе относится, видимо, утраченный кубок из «княжеского» погребения в Рудках. Комплекс, содержащий находку полусферического кубка с напаянными нитями, опубликован М. А. Тихановой, но описан очень кратко [22]. Другая находка с Волыни, изданная И. С. Винокуром, неясного происхождения (рис. 1, *11*) [23]. О том, что орнамент из налепных нитей на стеклянных кубках встречается и в период, последующий за III в. н. э., говорит

---

[12] Кубок из могильника Переяслава-Хмельницкого украшен вертикальными, идущими сверху донизу ребрами, которые хорошо видны на фотографии при первой публикации сосуда. (Ср. *В. К. Гончаров.* Могильник культуры полей погребений..., стор. 38, рисунок и *Е. В. Махно, В. К. Гончаров.* Ук. соч., стор. 136, табл. II, *16*). Цвет этого сосуда зеленоватый с волнисто-горизонтальной структурой стекла.

[13] *В. П. Петров.* Черняховский могильник. МИА, 116, 1964, стр. 63, рис. 8, *2*.

[14] *Н. П. Сорокина.* К вопросу об экономических связях государств Северного Причерноморья в I в. н. э. Сб. «Древности Восточной Европы». М., 1969, стр. 220; *E. B. Dusenbery.* Ancient glass from the cemetries of Samothrace. Journal of Glass studies, v. IX. New York, 1967, p. 34—49.

[15] *R. Noll.* Kunst der Römerzeit in Österreich. Salzburg, 1949, S. 27.

[16] *Н. П. Сорокина.* Стекло из раскопок..., стр. 216—218, рис. 3 и 5.

[17] *B. Schmidt.* Das Glas. Berlin und Leipzig, 1922, S. 22.

[18] *Э. А. Сымонович.* Стеклянные кубки..., стр. 8, 9, рис. 1, *2*. На цветной таблице цвет стекла не передан.

[19] *В. И. Гошкевич.* Древние городища по берегам низоваго Днепра. ИАК, 47, СПб., 1913, стр. 135, 136, рис. 36. Об обстоятельствах находки В. И. Горшкевич сообщал, что «при одном скелете вместе с горшками найден кубок из толстого зеленоватого стекла...» (стр. 136).

[20] *А. Т. Сміленко.* Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. Археологія, VI, 1952, стор. 62, 63, табл. III, *5*.

[21] ОАК за 1904 г. СПб., 1907, стр. 77, рис. 121, где представлен близкий нижнеднепровскому кубок III—IV вв. н. э.

[22] *М. А. Тиханова.* Локальные варианты черняховской культуры. СА, 1957, 4, стр. 191, рис. 17, *6*.

[23] Опубликованный обломок стеклянного кубка с напаянной нитью в одном издании обозначен как предмет из Иванковцев, а в другом, как найденный в Маркушах (ср. МИА, 116, 1964, стр. 179, 182, рис. 4, *12* и *І. С. Винокур.* Старожитності східної Волині. Чернівці, 1960, стр. 41, 91, табл. XIII, *9*).

находка, сделанная С. И. Капошиной под Новочеркасском[24], а также сосуды из западноевропейских могильников[25].

Самыми многочисленными являются кубки со шлифованными плоскостями (рис. 1, группы III, VI, VII). Поскольку таким образом украшалась почти вся поверхность сосудов, можно даже по мелкому обломку определить принадлежность к данной группе. Нами учтено 24 экз. Выделяются разные типы сосудов как по форме, так и по способу фигурной шлифовки.

К группе III относятся полусферические кубки. Их популярность засвидетельствована прямыми подражаниями в глине (Компанийцы, Ново-Александровка, Никольское и др.)[26]. Только три стеклянных сосуда с полным профилем этого типа известны нам в Поднепровье. Это находки из могильника у овчарни совхоза «Приднепровский» (рис. 1, *6*), в Переяславе-Хмельницком (рис. 1, *7*) и Новых Сенжарах. М. А. Тиханова в отчете о работах в Лепесовке за 1957 г. к таким же сосудам причисляет фрагмент венчика.

Наиболее ранним следует считать сосуд из разрушенного погребения с сожжением в могильнике у овчарни совхоза «Приднепровский». Остатки кубка были найдены в могильной яме черняховского погребения с трупоположением вместе с кальцинированными костями[27]. Сосуд из тонкого прозрачного стекла имел отлично выполненные узоры из четких слегка овальных плоскостей, разделенных двойными параллельными, врезанными в стекло, линиями. Сосуды такого типа Ф. Фремерсдорф и К. Иссинг относят к III в. н. э.[28] В принципе ту же систему сочетания округлых плоскостей и врезов в различных сочетаниях дает большинство опубликованных находок из стеклоделательных мастерских в Крыму и Танаисе, относящихся ко второй половине II—III в. н. э.[29]

Иная орнаментация украшает стеклянный кубок из Переяславля-Хмельницкого. Сосуд сплошь покрыт округлыми вдавлениями, отпечатавшимися с внутренней стороны и не имеющими резких граней снаружи. Судя по сопровождавшему сосуд комплексу вещей, он не может быть датирован ранее второй половины III в. н. э.[30]

Наиболее поздний экземпляр этой серии — кубок из Новых Сенжар, сплошь покрытый круглыми, хорошо шлифованными плоскостями. Исследователи относят его к V—VII вв. н. э.[31]

Так же неоднородна в хронологическом отношении группа VI — стаканообразные кубки, украшенные подобным же образом (рис. 1, *18*,

---

[24] *С. И. Капошина.* Итоги работы Кобяковской экспедиции. КСИА АН СССР, 103, 1965, стр. 51; *Г. М. Мелентьева.* Курган позднесарматского времени на Нижнем Дону. КСИА АН СССР, 133, 1973, стр. 128.

[25] *R. Roeren.* Zur Archaologie und Geschichte Süddeutschlands im 3. bis 5. Jahrhundert n. Chr. Jahrbuch des römisch-germanischen Zentralmuseums Mainz. Jg. 7. Mainz, 1960, S. 245, Taf. 35, *5*.

[26] *Э. А. Сымонович.* Орнаментация..., стр. 301, 302, рис. 18, *2*; 19, *3*.

[27] *Э. А. Сымонович.* Раскопки могильника..., стр. 218.

[28] *F. Fremersdorf.* Figürlich geschliffene Gläser. Eine Kölner Werkstatt des 3. Jahrhunderts. Berlin, 1951, Taf. 16, *2*; *F. Fremersdorf.* Römische Gläser aus Köln. Köln und Leipzig. 1939, S. 29, Abb. 36; *C. Isings.* Roman Glass from dated Finds. Groningen, 1957, pl. 5, fig. 6.

[29] *Т. Н. Высотская.* Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев, 1972, стр. 139; *Т. М. Висотьска.* Про виробництво скла в пізньоантичному Криму. Археологія, XVI, 1964, стор. 15, рис. 9, *22—32*; *Е. М. Алексеева, Т. М. Арсеньева.* Стеклоделие Танаиса. СА, 1966, 2, стр. 180, рис. 3.

[30] *В. К. Гончаров, Е. В. Махно.* Могильник черняхівського типу..., стор. 136, табл. II.

[31] *А. Т. Смиленко.* Находка 1928 г. у с. Новые Сенжары. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 158—166; *В. В. Кропоткин.* Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, стр. 88. При этом следует обратить внимание на позднее использование позднеантичных кубков в раннем Средневековье в скандинавских странах (по сообщению Э. Страуме). См. *G. Ekholm.* Orientalische Gläser in Skandinavien. Acta archaeologika, 27, København, 1956.

19). В Поднепровье они представлены шестью экземплярами с полным профилем (Жовнин, Журавка ольшанская, Николаевка под Херсоном — сосуд из раскопок М. Эберта 1912 г. и новая находка верхней части такого же кубка из раскопок 1967 г., а также два сосуда из с. Черняхова). Намечаются две разновидности подобного рода сосудов: с цилиндрическими или почти цилиндрическими и со слегка расширяющимися кверху стенками. Кроме того, их отличает бóльшая или меньшая вытянутость, а также форма овалов или кружков и характер их исполнения на поверхности. В частности, имеются более четкие фигуры или просто матовые затертости на стенках сосуда (рис. 1, *18*, *20*). Редкостью являются четко выполненные овалы удлиненой формы, известные по обломку сосуда из овчарни совхоза «Приднепровский» (рис. 1, *.26*). Четкими были контуры овалов на обломке кубка из Слободища на Волыни (рис. 1, *9*)[32]. Зато на кусочке стекла из Тилигуло-Березанки овалы представляли собой просто матовый след на поверхности (рис. 1, *20*), такой же, как орнаментация на кубке из журавского погребения с западной ориентировкой (рис. 1, *18*). Ближе всего этой находке сосуд из Жовнина и, возможно, несохранившийся сосуд из погребения с трупосожжением в Черняхове, имеющий, как отмечалось, слабо выраженное гранение[33]. Между тем для шлифованного сосуда с расширяющимися вверх на конус стенками, найденного в богатом погребении Черняховского могильника (№ 160), где были две монеты II—III вв. н. э., это обстоятельство не было отмечено[34].

Надо думать, четко выполненные шлифованные узоры следует относить к более ранней посуде, хотя до новых находок приходится оставлять вопрос открытым, пока довольствуясь не раз предложенными датировками подобных кубков второй половиной II—IV в. н. э. Именно так датирован обломок нижней части полуовального кубка из Керчи[35] и таковы предложенные датировки подобных кубков в большинстве зарубежных работ[36]. Однако, например, две находки стеклянных стаканообразных кубков из Спанцова (совсем, кстати, неоднотипных) румынские исследователи без достаточных оснований относят лишь к IV в. н. э., тогда как кубок из могилы 10 вполне может быть отнесен к концу III в. н. э.[37] Аналогичные цилиндрическому кубку из Спанцова сосуды Г. Экхольм относит именно к III—IV вв. н. э.[38] (находка из Холанда).

Наиболее поздними в черняховской культуре Поднепровья — Причерноморья являются конической формы кубки — группа VII (рис. 1, *16—17*, *21—25*), тоже украшенные шлифованными плоскостями. Имеются тонкостенные сосуды типа находок в Журавке ольшанской (рис. 1, *16*) и в Куте (рис. 1, *17*). Другая разновидность — толстостенные массивные, видимо, отлитые в форме сосуды, подобные находке в «княжеском» погребении могильника у овчарни совхоза «Приднепровский» типа журавских сосудов (рис. 1, *21*) и найденных в Причерноморье (ранжевских, рис. 1, *23*). Такие кубки сделаны из едва прозрачного зе-

---

[32] *И. С. Винокур.* Старожитності..., стр. 90, табл. XIII, *6*, где не точно воспроизведены четко шлифованные плоскости, показанные в виде кружочков, тогда как это были овалы. См. Фонды Житомирского краеведческого музея (находка 1955 г., без №). В описании И. С. Винокуром этой находки правильно говорится об орнаментации овалами (см. ту же работу, стр. 33, 54).

[33] *В. П. Петров.* Черняховский могильник..., стр. 103.

[34] Там же, стр. 103, 104.

[35] *Н. А. Сорокина.* Стекло из раскопок Пантикапея..., стр. 233, рис. 16, *5*.

[36] См. указатель литературы, составленный А. Т. Сміленко. (*А. Т. Сміленко.* Про деяки датуючи речі в культурі полів поховань. Археологія, IV, 1952).

[37] *B. Mitrea, C. Preda.* Necropole din secolul al IV lea e. n. in Muntenia. Bucureşti, 1966, fig. 20; 94, *3*.

[38] *G. Ekholm.* Orientalische Glasgefässe in Skandinavien. ESA, X, 19, S. 67; *idem.* Orientalische Gläser in Skandinavien. Acta archaeologica, 27. København, 1956, S. 45, Abb. 6.

леноватого стекла, достигающего иногда красновато-коричневатого цвета, например, уникальный сосуд с надписью из Ранжевого (рис. 1, *25*) [39].

Под краем сосудов этого рода, обычно под венчиком, прочерчена горизонтальная линия. Далее по тулову, покрывая его сплошь или находясь на некотором расстоянии друг от друга, располагаются овальные или ромбические плоскости. Они идут несколькими рядами. Внизу тоже прочерчивается горизонтальная линия. К наиболее северным разновидностям конических кубков можно отнести фрагмент края сосуда из с. Червоный Яр под Конотопом (рис. 1, *22*) из довольно прозрачного стекла и под Киевом, в с. Деревянном, возле г. Обухова. Там в черняховском погребении с трупоположением был найден фрагмент нижней части сосуда зеленоватого цвета [40]. Южнее, под Никополем, в с. Кут, был найден край такого же кубка [41].

Аналогичные кубки известны далеко за пределами черняховской культуры; на западе — на территории современной Польши, в Германии и Скандинавских странах [42]. Кроме находок под Одессой такие кубки находят в Молдавской ССР и Румынии [43]. По-видимому, фрагменты таких же сосудов были найдены в Керчи [44]. Г. Экхольм рассматривает кубки конической формы, украшенные шлифованными плоскостями, в статье, посвященной находкам стекла восточного происхождения, хотя эта точка зрения на происхождение подобных сосудов некоторыми учеными оспаривается.

Находки конических шлифованных стеклянных кубков из Поднепровья датированы вполне убедительно. Так, сосуд из овчарни совхоза «Приднепровский» был найден вместе с большой оригинальной фибулой подвязного типа, относящейся к концу IV—V вв. н. э.[45] Кубок с надписью из Ранжевого сопровождался щитковыми удлиненными фибулами, также употреблявшимися на рубеже IV—V вв. н. э.[46] Кубки, аналогичные черняховским экземплярам, встречаются и в V в. н. э., как можно заключить на основании датировки Э. Петерсеном сосуда из Силезии [47]. К группам V и VIII отнесены тонкостенные конические кубки, либо более крупные с оттянутой нижней частью (группа VIII), либо меньших размеров, более тонкостенные, правильно конической формы (группа V).

Группа VIII представлена на рис. 1, *27* находкой из Ранжевого; группа V — журавским экземпляром (рис. 1, *16*). Последний имеет края в виде небольшого раструба, неорнаментированную поверхность и закругленную на конце ножку. По-видимому, фрагмент края полупрозрачного стеклянного кубка из Кута принадлежал именно к этой группе (рис. 1, *17*). Примеры другой разновидности стеклянных конических кубков, бо́льших по размеру, в Поднепровье также немногочисленны. Лишь могиль-

---

[39] *Э. А. Сымонович.* Стеклянный кубок с надписью из-под Одессы. ВДИ, 1966, 1, стр. 105—109.

[40] Э. *А. Сымонович.* Работы на черняховских памятниках в Приднепровье. КСИА АН СССР, 94, 1963, стр. 85, рис. 25, *4*.

[41] *Э. А. Сымонович.* Поселения культуры полей погребений в районе города Никополя. МИА, 139, 1967, стр. 72, рис. 8, *8*.

[42] *K. Majewski.* Importy rzymskie na ziemiach slowianskich. Wroclaw, 1949, s. 92; *J. Wielowiejski.* Przemiany gospodarczo-spoleczne u ludnosti poludniowej Polsci. Warszawa, 1960, s. 234; *H. J. Eggers.* Der römische Import im freien Germanien. Hamburg, 1951, Karte 58.

[43] *G. Diaconu.* Tirgsor. Bucureşti, 1965, pl. CIX, *7*.

[44] *Н. П. Сорокина.* Стекло из раскопок Пантикапея..., стр. 233, рис. 18, *5*.

[45] *А. К. Амброз.* Фибулы Европейской части СССР. САИ, Д1-30, М., 1966, стр. 66, табл. II, *20*.

[46] *J. Werner.* Katalog der Sammlung Diergardt. Bd 1. Die Fiebeln. Berlin, 1961, S. 26, 27, Taf. 19, 89; Taf. 20, *92, 93*.

[47] *E. Petersen.* Schlesien von der Eisenzeit bis ins Mittelalter. Berlin — Leipzig, 1935, S. 194—196, Abb. 381; *H. G. Rau.* Facetschliffgläser und Chronologie der Spätkaiserzeit. Archäologisches Korrespondenzblatt. Jg. 3, Hf. 4. Mainz am Rein, 1973, S. 443.

ник у овчарни совхоза «Приднепровский» дал целый сосуд вполне похожий на находку из с. Ранжевого [48].

За пределами бассейна Днепра обе группы конических кубков на территории черняховской культуры также известны. Так, с журавской находкой сопоставим кубок из Малаешт [49] (погр. 33). Как в Журавке, так и в Малаештах сосуды происходят из погребений с трупоположениями с северной ориентировкой, вряд ли датируемых ранее IV в. н. э. Однако среди западных аналогий кроме находок позднеантичного времени имеются и стеклянные меровингские кубки, очень напоминающие описываемую серию [50].

Сосуды, относящиеся к группе VIII, известны по бугским находкам, из раскопок С. С. Гамченко в Даниловой балке [51]. Такого рода фрагменты имеются в материалах западноукраинской стеклоделательной мастерской Комарова [52]. Наиболее точное совпадение форм кубков из черняховских памятников прослеживается по находкам в могильнике Шагвар в Венгрии. Там они происходят из могил, датируемых монетами концом IV — началом V в. н. э.[53] Намеченная на этих сосудах тенденция к оттягиванию ножки позже развивается, этот признак становится характерным для средневекового времени, например в Скандинавии [54]. Возможно, что более приземистые кубки нашей первой разновидности следует датировать несколько более ранним временем [55]. Аналогии им мы находим у Д. Б. Хардена, который считает, что конические сосуды возникли на Востоке в начале IV в. н. э. и оттуда через западные провинциально-римские центры распространились по Европе. На Востоке подобные сосуды употреблялись как светильники-лампады [56]. Обе группы кубков черняховской культуры — конические со шлифованными плоскостями на поверхности и описанные конические с оттянутой нижней частью — М. Б. Щукин правильно относит к позднейшим датирующим находкам на поселениях и могильниках культуры полей погребений, но напрасно не предусматривает возможности отнесения их ко времени существования в начале или первой половине V в. н. э.[57]

Небезынтересно остановиться на выводах большой работы Г. Рау, посвященной находкам стекла в Одро-Вислянском регионе [58]. Немецким автором был собран материал не только из названных мест, но привлечены и картографированы стеклянные сосуды с прилежащих варварских

---

[48] *Э. А. Сымонович.* Раскопки могильника..., стр. 229, табл. IX, *14*.

[49] *Г. Б. Федоров.* Малаештский могильник. МИА, 82, 1960, стр. 278, 287, рис. 12.

[50] *U. Koch.* Die Grabfunde der Merowingerzeit aus Donautal. Berlin, 1966, Taf. 67.

[51] *Э. А. Сымонович.* Погребение V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка. КСИИМК, XLVIII, 1952, стр. 68, рис. 20, *1*.

[52] *М. Ю. Смішко.* Поселення III—IV ст. н. з слідами скляного виробництва біля с. Комарів, Чернівецької області. МДАПВ, 5, 1964, стор. 77, табл. III, *4*.

[53] *A. Sz. Burger.* The late roman cemetery at Ságvár. AAH, XVIII, 1966, p. 136, fig. 115, *2*; fig. 25, *5, 7*.

[54] *H. Arbman.* Birka I. Die Gräber (Tafeln). Uppsala, 1940, Taf. 189, *1, 2*; 190, *1—4*.

[55] *R. Pirling.* Das römisch-fränkische Gräderfeld von Krefeld — Gellep. Berlin, 1966, Typentafel, № 185—188; *F. Fremrsdorf.* Die Denkmäler des römischen Köln. Bd 1. Berlin, 1928, Taf. 38 (справа).

[56] *D. B. Harden.* Roman Glass from Karanis. University of Michigan Press, 1936, p. 157, 158.

[57] *М. Б. Щукин.* О трех датировках черняховской культуры. КСИА АН СССР, 112, 1967, стр. 12, рис. 3. Замечания Э. А. Рикмана о датировке подобных кубков III в. н. э. основаны на ошибочном сопоставлении их с сосудом, изображенным в руках петросской фигурки Кибелы. Петросская находка связывается с IV в. н. э., а детальное воспроизведение сосуда показывает, что мастер изобразил кубок другого типа, на кольцевом поддоне (см. *Э. А. Рикман.* Погребальные обряды Будештского могильника. МИАЭ Молдавской ССР, Кишинев, 1964, стр. 124, 125, рис. 14—15, ср. с публикацией *E. Dunazeanu-Vulpe.* La tresor de Pietroasa. Bucureşti, 1967, p. 49, fig. 8—10).

[58] *G. Rau.* Körpergräber mit Glasbeigaben des 4. nachchristlichen Jahrhunderts im Oder-Weichsel-Raum. Acta praehiestorica et archeologica, 3. Berlin, 1972, S. 109—214.

территорий. Конечно, Г. Рау не мог учесть всего количества находок, сделанных на периферии античного мира, в юго-западных областях СССР. Так, для областей Приднепровья, освещенных в данной статье, он знает лишь 13 пунктов с находками стекла, тогда как на приведенной картосхеме (рис. 2) они более чем вдвое превышают названную цифру.

Многие датировки стеклянных сосудов, предлагаемые Г. Рау, совпадают с советскими исследованиями. Однако отнесение ранних типов шлифованной посуды (таких, например, как найденные в Танаисе и в Крыму) к концу III в. н. э. не может не вызвать сомнений. Как известно, в своде стеклоплавильной печи в Крыму были вделаны амфоры типа танаисских. Их датируют второй половиной II—III в. н. э.[59], хотя имеются

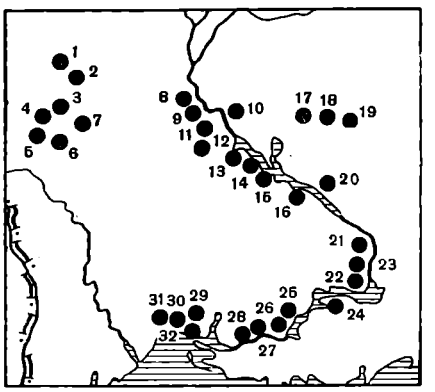


Рис. 2. Находки стеклянных сосудов и их фрагментов в поднепровско-причерноморских памятниках черняховской культуры: *1* — Рудка; *2* — Лепесовка; *3* — Пражев; *4* — Слободище; *5* — Маркуши; *6* — Иванковцы; *7* — Ягнятин; *8* — Жуковцы; *9* — Деревянное; *10* — Переяславль-Хмельницкий; *11* — Черняхов; *12*— Ромашки; *13* — Жовнин; *14* — Червона Слобода; *15* — Лески; *16* — Успенка; *17* — Лихачевка; *18* — Кантемировка; *19* — Писаревка; *20*— Компанейцы; *21* — Кут; *22* — Никольское; *23*— Привольное; *24* — Каменка Днепровская; *25*— Овчарня совхоза «Приднепровского»; *26*— Красный Маяк; *27* — Николаевка-Казацкое; *28* — Бургунка; *29* — Тилигуло-Березанка; *30*— Викторовка-II; *31* — Ранжевое; *32* — Коблево

сторонники ограничить время их существования только III в. н. э. Несмотря на это, насколько нам известно, попыток относить подобные сосуды лишь к концу III в. н. э. сделано не было. Соответственно вряд ли стеклянные полусферические кубки, найденные на памятниках черняховской культуры в могильнике у овчарни совхоза «Приднепровский»[60] или из Фрунзовки, должны быть датированы столь поздним временем, какое предлагает Г. Рау.

Г. Рау предпринял попытки более детальной датировки стеклянных кубков IV в. н. э. Составленная им хронологическая таблица заслуживает всяческого внимания[61]. Во всяком случае признание конических толстостенных шлифованных кубков и вытянуто-конических гладких сосудов позднейшими изделиями конца позднеримского и начала раннесредневекового времени, т. е. датировка их концом IV и первой четвертью V в. н. э., соответствует нашим наблюдениям. И в этом отношении закономерно отрицание Г. Рау пригодности датировок Г. Эггерса для стекла подобного рода[62].

Наконец, высказанное тем же автором мнение о местном характере стеклоделия на основании недавних находок стеклоделательных мастерских на варварских землях (Комарово), несмотря на его привлекательность, звучит слишком категорично. Могли ли такого рода центры производства снабжать варварскую периферию определенными видами шлифованных стеклянных сосудов на таких огромных пространствах, как земли от Скандинавии до берегов Черного моря? Стеклоделием, требовавшим навыков и квалификации, даже если оно проникло в пределы лимеса Империи, должны были заниматься специалисты-ремесленники из

---

[59] *Т. М. Висотська.* Про виробництво скла в пізньоантичному Криму. Археологія, XIV, 1964, стор. 11, рис. 5.

[60] *Э. А. Сымонович.* Раскопки могильника....

[61] *G. Rau.* Körpergräber..., S. 167, fig. 52.

[62] Ibid., S. 169.

провинциально-римских центров, или взятые в плен, или добровольно перешедшие к варварам. Надо обратить внимание на языческо-христианские надписи на греческом языке, встреченные на кубках из самого Комарова, из Малаешт и Ранжевого [63], что может многое сказать об этнической принадлежности ремесленников и их производственных традициях. По-видимому, также заимствованное из позднеантичных центров производство глиняной посуды, широко представленной на памятниках черняховской культуры, не было столь сложным, как стеклоделие. Оно быстро могло перейти в руки местных мастеров, хотя и с учетом опыта технологии позднеантичных гончарных центров. В области местного стеклоделия другое дело. Признаков существования его в развитом виде пока нет, неизвестны и центры массового производства стекла.

Важнейшим итогом работы Г. Рау является признание им самостоятельной датирующей роли стеклянных сосудов на варварских землях и его попытки определить узкие рамки существования отдельных сосудов, в частности кубков со шлифованной орнаментацией, признанных им в качестве доминирующих.

Бесспорный интерес представляют наблюдения над подражаниями в глине стеклянным кубкам. Их изучение должно явиться темой специального исследования. Пока можно сказать, что в черняховских памятниках подражания в глине известны прежде всего полусферическим и стаканообразным кубкам, тогда как для Поднепровья совсем нехарактерны воспроизведения в глине кубков в виде рога для питья. Только на западе известны более или менее выразительные экземпляры (например, Спанцов и др.) [64]. По-видимому, этот факт свидетельствует о некотором запаздывании глиняных воспроизведений по сравнению с образцами, которым они следуют. Существовал какой-то период внедрения и распространения моды на определенный тип стеклянных сосудов. После их «укоренения» начинают изготовлять точно такие же сосуды из глины. Может быть, в дальнейшем, по мере накопления наблюдений, подражания в глине явятся достаточно прочным датирующим материалом.

В заключение мы должны согласиться с тем, что стеклянные изделия характерны лишь для определенного периода существования черняховских памятников, в том числе и для поднепровских. Период проникновения стеклянных сосудов на варварские земли ограничивался III—IV — началом V в. н. э. На раннеславянских раннесредневековых памятниках VI—VII вв. н. э. стеклянные сосуды полностью отсутствуют [65].

Прекращение притока стекла в черняховский период не означает еще прекращения существования культуры и оставившего ее населения, но отрыв его от южных источников снабжения. Попытки наладить у местных племен свое стеклоделательное производство, о чем говорит упомянутая выше находка мастерской в Комарове, вероятно, работавшей какой-то ограниченный период с помощью труда пленных ремесленников из Империи, не могли дать существенных результатов из-за политических событий. Возрождение стеклоделия на славянских землях относится только к периоду Киевской Руси.

---

[63] См. сноску 39 данной статьи.

[64] *B. Mitrea, C. Preda.* Necropole din secolul al IV lea e. n. in Muntenia. Bucureşti, 1966, fig. 35, 1; fig. 264; *F. Pfützenreiter.* Ein Völkerwanderungszeitliches Gräberfeld. Altschlesien, Bd. 7. Breslau, 1937, S. 40—44.

[65] *Э. Сымонович.* Стеклянные кубки из Журавки..., стр. 11; *В. В. Кропоткин.* Экономические связи Восточной Европы..., стр. 88. В. В. Кропоткин хотя и предполагает неполное прекращение стеклянного импорта в V—VII вв., но, кроме Новых Сенжар, не может привести ни одной раннесредневековой находки с земель, где находились черняховские памятники.

E. A. Symonovitch

LA VERRERIE DES MONUMENTS DE LA CULTURE DE TCHERNIAKHOVO, DANS LES REGIONS DU DNIEPR ET DE LA MER NOIRE

Résumé

Le but de l'article est de donner une vue d'ensemble ainsi qu'une étude chronologique des récipients de verre découverts dans les monuments du bassin du Dniepr et dans ceux des régions avoisinant ses bouches, sur le littoral de la mer Noire. Ces fragiles objets de verre, qui d'ordinaire ne servaient pas longtemps, sont importants pour la chronologie des monuments de la culture de Tcherniakhovo de la période tardive (IIIe et IVe siècles, début du Ve siècle de notre ère). La fig. 1 donne les principaux types des vases décrits dans le texte, et indique la répartition géographique de ces pièces (en bas de la fig. 1).

Les récipients de verre sont absents des monuments qui ont suivi ceux de Tcherniakhovo (du type Pennkovka-Paster), bien que l'on puisse remarquer dans cette culture la présence de quelques éléments de l'époque précédente. La cessation de l'apport de vases en verre est due au fait que la population sylvo — steppique a été coupée des sources méridionales d'approvisionnement. Mais cette suppression ne signifiait nullement la disparition totale de cette culture, ni des tribus qui l'ont laissée.

В. Н. ПИЛИПКО

ЖЕНСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ СТАТУЭТКИ С БЕРЕГОВ СРЕДНЕЙ АМУДАРЬИ

Среди разнообразного археологического материала со среднеазиатских поселений античного времени видное место принадлежит женским культовым статуэткам. Для отдельных культурных областей Средней Азии (Маргианы [1], Согда [2], Бактрии-Тохаристана [3] и Хорезма [4]) уже проведена работа по их описанию и классификации, позволяющая судить об общих и локальных чертах в коропластике. Однако решение ряда вопросов, связанных с идеологией и материальной культурой населения древнеземледельческих оазисов, может быть достигнуто лишь при тщательном изучении всей среднеазиатской коропластики. В этом аспекте важное значение приобретает мелкая терракотовая пластика из районов по среднему течению Амударьи, находящихся на стыке крупнейших историко-культурных областей Средней Азии — Маргианы, Согда, Бактрии и Хорезма.

В литературе имеются лишь описания отдельных статуэток с побережья Средней Амударьи [5], данная работа представляет собой первую попытку массового учета и предварительной классификации самой многочисленной группы терракот, найденных в этой области, женских культовых статуэток. Участниками археологических экспедиций и отдельными лицами на Средней Амударье найдено 50 терракот этого вида [6]. Основная их масса относится к числу случайных находок. Изготовлены они в односторонних формах [7]. Тыльная и боковые стороны имеют следы подрезки или заглаживания. Глиняная масса тщательно подготовлена и хорошо обожжена. Черепок коричневый, иногда розовый, желтовато-корич-

---

[1] *Г. А. Пугаченкова.* Коропластика древнего Мерва. ТЮТАКЭ, XI, 1962, стр. 118—148.

[2] *В. А. Мешкерис.* Согдийская школа коропластики в кушанскую эпоху. Изв. АН Тадж. ССР (серия обществ. наук), № 2. Душанбе, 1968.

[3] *Г. А. Пугаченкова.* Новые данные о художественной культуре Бактрии. Сб. «Из истории античной культуры Узбекистана». Ташкент, 1973, стр. 104 сл.

[4] *М. Г. Воробьева.* Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки. Сб. «Кой-Крылган-кала». М., 1967.

[5] *Н. В. Брюллова-Шаскольская.* Глубины великих культур. Журнал «Семь дней», 1927, № 17, стр. 8; *Л. И. Ремпель.* Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. ТЮТАКЭ, I, 1949, стр. 337—339; *М. Е. Массон.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр. ТЮТАКЭ, XIII, 1966, стр. 146, 147; *В. Пилипко, А. Чиперис.* Загадочное божество. Памятники Туркменистана, № 1, 1968; *В. Н. Пилипко и И. Масимов.* Буддийская статуэтка из Ак-кала (Средняя Амударья). СА, 1969, 3; *А. Губаев.* Коропластика древнего Амуля. Памятники Туркменистана, № 1, Ашхабад, 1973.

[6] Пользуясь случаем, приношу благодарность учащимся средней школы № 11 Керкинского района, собравшим на городище Мирзабек-Кала под руководством преподавателя истории Н. Чарыевой около 30 терракотовых фигурок.

[7] Исключения, касающиеся условий находки терракот и техники их изготовления, оговорены в тексте.

невый или красный. Цвет внешней поверхности светло-серый, кремовый, реже зеленоватый.

Неполная сохранность большинства статуэток создает определенные трудности при их классификации, поэтому все терракоты разделены на две группы, в каждой из которых выделены самостоятельные типы. К первой отнесены целые статуэтки и статуэтки с отломанными головками [8]. При разделении этой группы терракот на типы учитывались следующие признаки: культовые атрибуты; каноническая поза, точнее

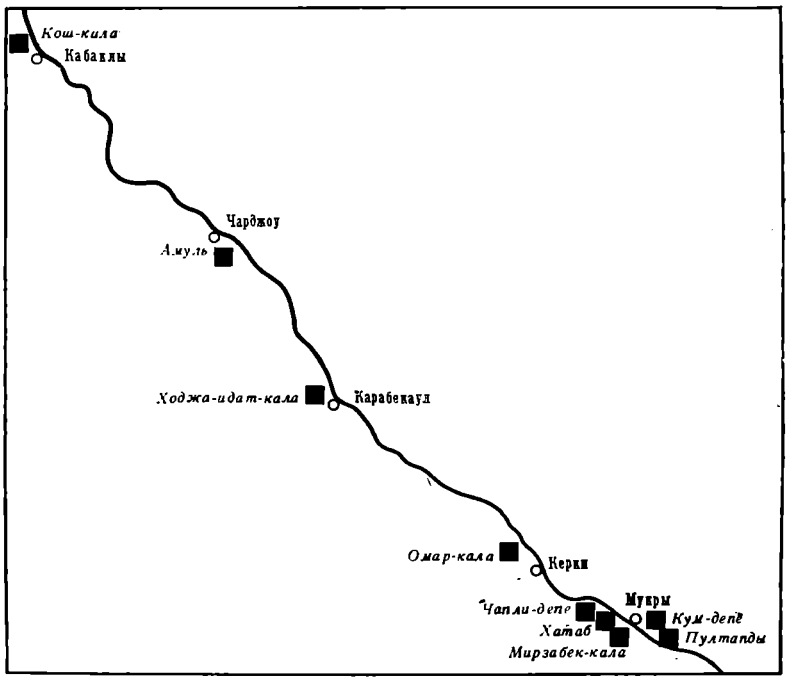


Рис. 1. Схема расположения памятников, на которых найдены женские культовые статуэтки

положение рук, поскольку поза у всех одинаковая — фронтальное изображение прямостоящих женщин; одеяние.

Ко второй группе отнесены головки. В основу их типологии положены следующие признаки: тип головного убора или прически; физический тип; возрастные различия.

Целые статуэтки и фигурки.

I. Обнаженная богиня. Этот тип представлен единственной статуэткой, найденной на городище Мирзабек-Кала (рис. 1). Покрывало или шарф скрывает лишь левую часть торса и низ бедер. Ноги ниже колен не изображены. Правая рука прижата к груди, левая, по-видимому, опущена вдоль туловища. Лицо удлиненное, с крупным носом. Большие выпуклые глаза без моделировки век, внешние уголки глаз опущены книзу. На голове небольшая шапочка, из-под которой на плечи опускаются длинные пряди волос. На шее ожерелье из мелких перлов. Остальные детали неразличимы из-за сильной потертости статуэтки (рис. 2, *1*; 3, *1*).

Близкие изображения обнаженных или полуобнаженных богинь характерны для всех основных историко-культурных областей Средней Азии, где существовала традиция изготовления культовых статуэток [9]. Они от-

[8] Ниже статуэтки с отломанными головками будут называться фигурками.

[9] *Г. А. Пугаченкова.* Коропластика древнего Мерва..., стр. 120—123; *В. А. Мешкерис.* Ранние терракоты Согда (К вопросу об истоках согдийской коропластики). Сб. «Искусство таджикского народа», вып. 3. Душанбе, 1965, стр. 11—29; *Г. А. Пуга-*

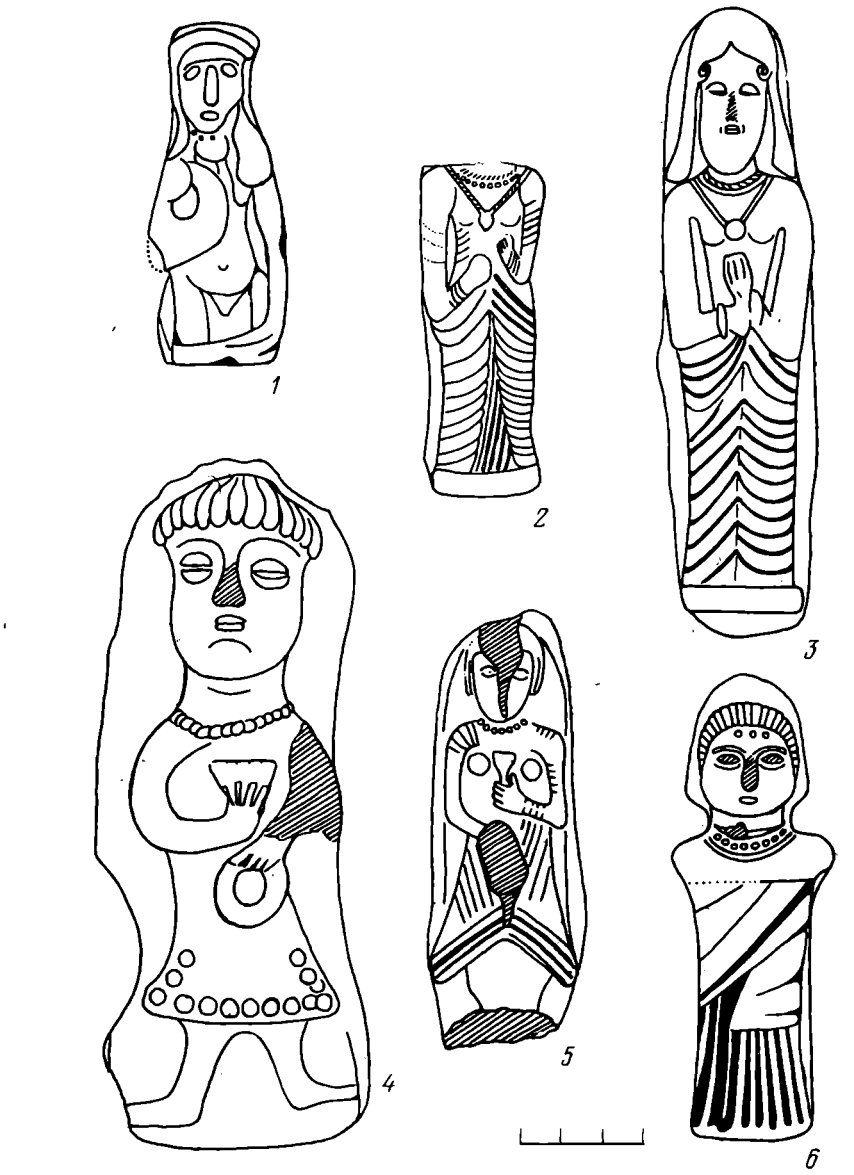


Рис. 2. Прорисовка статуэток

носятся к числу наиболее ранних терракот античного периода, что позволяет статуэтку из Мирзабек-Калы также относить к первым векам до нашей эры.

II. Богиня в складчатых одеждах. Имеется два экземпляра. Одна статуэтка происходит с городища Амуль [10]. Руки, согнутые в локтях, прижаты к животу; левая как будто перехвачена правой у запястья, однако не исключено, что богиня держит в руках какой-то предмет. Лицо сильно удлиненное, мягко очерченное; нос сколот. Крутой высокий лоб, большие миндалевидные, несколько схематизированно трактованные глаза и маленький рот с припухлыми губами. Богиня простоволосая; ниспадающие до плеч прямые волосы разделены по середине пробором, у висков по спиральному завитку.

ченкова. Халчаян. Ташкент, 1966, стр. 218—221; *М. Г. Воробьева.* Ранние терракоты древнего Хорезма. Сб. «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968, стр. 140, 141.

[10] Статуэтка найдена в пригородной части городища при разрушении слоев, относящихся к I—IV вв. н. э.

Рис. 3. Статуэтки и фигурки. Фото

На шее двухрядное ожерелье. Между выпуклостями небольших грудей расположен округлый медальон, подвешенный на массивной ленте. На правой руке, по-видимому, изображен браслет в два оборота. Ниже пояса одежды драпируются частыми поперечными складками, дугообразно охватывающими каждую ногу. На бедрах складки более крупные. Ноги упираются в горизонтальный массивный валик. Тыльная сторона неровно заглажена, с боков глина не обрезана и образует подобие фона для горельефного изображения (рис. 2, *3*).

Вторая фигурка этого типа найдена на городище Ходжа-Идат-Кала в Карабекаульском районе. Ноги слегка расставлены. Руки прижаты у живота, левая несколько выше правой, в ней небольшой круглый предмет, видимо, плод. На шее двухрядное ожерелье; верхний ряд в виде витой гривны, переданной рельефной полосой с косыми насечками; нижний — из крупных бусин. На грудь на широкой ленте, украшенной косыми насечками, спускается крупная подвеска миндалевидной формы.

На торсе, руках и ногах поперечные борозды, изображающие складчатые одежды. На бедрах дугообразные складки значительно крупнее и как бы налагаются на нижние, более мелкие; между ног одеяние дра-

пируется вертикальными складками. Нижняя часть статуэтки оформлена в виде дисковидного постамента (рис. 2, *2*; 3, *3*).

Обе статуэтки, несмотря на различие в деталях, несомненно, передают один иконографический тип местного женского божества. В ареал его почитания в настоящее время могут быть включены Чарджоуский и Карабекаульский оазисы. Вероятно, существовало какое-то крупное скульптурное изображение этой богини, послужившее образцом для местных коропластов. На это указывают монументальность, присущая этим маленьким фигуркам, и наличие цилиндрических пьедесталов, особенно отчетливо выраженного на терракоте из Ходжа-Идат-Калы. Различия в размерах и некоторых деталях изображения следует объяснить изготовлением статуэток разными мастерами и, возможно, некоторой разницей во времени их изготовления. Обе статуэтки найдены не при археологических раскопках и потому не могут быть точно датированы, хотя характер и стилистические особенности изображения не оставляют сомнения в их принадлежности кушанской эпохе. Статуэтка из Ходжа-Идат-Калы представляется нам более древней благодаря тонкости моделировки и реалистической передаче всех деталей.

III. Богиня с сосудом и инвеститурным кольцом. Этот тип представлен двумя терракотами.

Статуэтка с городища Амуль [11]. Левая рука прижимает к груди небольшой бокал на тонкой высокой ножке, кисть руки хорошо моделирована. Правая полусогнутая рука прижата к низу живота, кисть сколота. Значительная часть головы сколота, что затрудняет ее детальное описание. Правильный овал лица, глаза с рельефно смоделированными веками; небольшой рот. Головной убор отсутствует. Переданные бороздами волосы по сторонам лица ниспадают прямыми прядями до мочек ушей. На шее ожерелье из крупных бусин. Платье ниже пояса конусовидно расширяется. Рукава в частых поперечных складках. Низ подола спереди имеет стреловидный выем и по контуру оторочен широкой полосой с глубокими параллельными бороздами, остальная часть подола декорирована частыми, почти вертикальными бороздами. Ниже, несмотря на скол, угадываются очертания сомкнутых ног, по-видимому, в штанах и невысоких сапожках. Оттиск штампом высокого рельефа выполнен на плоской глиняной лепешке, образующей фон (рис. 2, *5*).

Статуэтка из Омар-Кала. Голова непропорционально большая. Крупное одутловатое лицо. Крутые дуги бровей, большие глаза с мясистыми тяжелыми веками; небольшой рот. Волосы короткими прямыми прядями спадают на лоб. На толстой короткой шее массивное ожерелье или гривна. Правая рука придерживает у груди конусовидный бокал; полусогнутая левая прижимает к низу живота крупный кольцевидный предмет. Ноги расставлены на уровне плеч, ступни развернуты в разные стороны. Платье короткое, до колен, прилегающее у талии и конусовидно расширяющееся книзу. Подол внизу и частично с боков украшен цепочкой вдавленных колец. Низ статуэтки несколько округлен. Головка статуэтки выполнена в более высоком рельефе, чем туловище. По сторонам изображения оставлен излишек глины, образующий фон. Контур плитки неправильной формы со следами неровной обрезки (рис. 2, *4*; 3, *2*).

Прямых аналогий статуэтка из Омар-Кала не имеет. Однако по технике изготовления ее можно сблизить с поздними образками «маргианской богини»: тулово выполнено на плоской плитке, а голова в высоком скульптурном рельефе. Сближает их также орнаментация в виде колец. Эта стилистическая близость позволяет предложить для статуэтки из Омар-Калы датировку в пределах II—IV вв. н. э.

При раскопках квартала керамистов в Саксонохуре (Южный Таджикистан) найдены статуэтки богини в одеждах другого типа и выполнен-

[11] Статуэтка хранится в Чарджоуском историко-краеведческом музее, инв. № 698.

ные в другой манере, но с теми же атрибутами: в правой руке, прижатой к груди, бокаловидный сосуд, в левой, опущенной к бедру, кольцевидный предмет, определяемый Х. Мухитдиновым как корзина [12]. Нам кажется правомернее определять этот предмет как инвеститурное кольцо. Подобное кольцо было, видимо, также в правой, сколотой руке богини из Амуля. Еще две статуэтки богини с кольцом в опущенной руке происходят из района Термеза [13]. Вероятно, эти атрибуты присущи какому-то одному женскому божеству, пользовавшемуся популярностью у населения долины Амударьи. Различия в одеждах и стиле могут быть обусловлены длительной эволюцией этого иконографического образа (подобный процесс прослежен в Маргиане) или разной этнокультурной средой, в которой и для которой изготавливались эти статуэтки.

IV. «Безрукая богиня». На уровне плеч имеются небольшие скругленные выступы. Схематично переданное туловище несколько сужается книзу. Голова крупная. Лицо округлое, несколько одутловатое. Глаза выпуклые, с припухлыми нижними веками. Нос сбит (вероятно, был с горбинкой). Рот небольшой. Волосы гладко зачесаны назад. Богиня простоволосая, но выше изображения прически оставлен излишек глины, создающий впечатление высокого головного убора. На низком лбу горизонтально расположены три крупные рельефные точки, вероятно, изображающие украшение начельного ремня. На шее массивное ожерелье. Прямое платье вверху драпируется крупными косыми складками, с уровня бедер складки расположены более часто и имеют вертикальное направление (рис. 2, *6*; 3, *4*). Статуэтка найдена в окрестностях станции Фараб [14]. Прямые аналогии неизвестны, но следует указать, что в Варахше найден обломок статуэтки, имеющий сходную орнаментацию подола длинного платья [15]. На Варахше и ее окрестностях широко распространены также головки, обнаруживающие сходство с описанной статуэткой в способе изображения прически [16].

V. Богиня с виноградной гроздью и плодом граната (сосудом). Это наиболее многочисленный в нашей коллекции тип. Он представлен семью фигурками и одной целой статуэткой. Среди них можно выделить несколько разновидностей, свидетельствующих о длительном бытовании статуэток этого типа.

А. Наиболее ранняя. Представлена двумя фигурками, найденными на городище Мирзабек-Кала. Фигурка лучшей сохранности изображает прямостоящую богиню в длинном платье. В правой, опущенной вдоль туловища руке большая виноградная кисть, в левой, согнутой под прямым углом, крупный плод граната или горшковидный сосудик. Верх и подол платья богато украшены небольшими кольцами и короткими дугообразными полосами. Рукава в мелких поперечных складках. Поверх платья наброшен шарф, драпирующийся косыми складками с левого плеча к правому бедру. От второй статуэтки сохранился только торс. Она отличается от первой лишь иным расположением колец и дугообразных полос. Следует также отметить сохранившееся на данном экземпляре ожерелье в виде дугообразной полосы с кольцевыми оттисками (рис. *4*, 1; 5, *1*).

Б. Отличается от первой наличием веерообразных складок на подоле и более скромной орнаментацией платья (рис. 4, *2*; 5, *2*). Представлена двумя фигурками и двумя обломками. Один обломок найден на Чоплидепе, одна фигурка в Хатабе, остальные на Мирзабек-Кале.

---

[12] *Х. Мухитдинов.* Терракоты Саксонохура. Тезисы докладов и сообщений советских ученых. Международная конференция по истории, археологии и культуре Центральной Азии в кушанскую эпоху. Душанбе, 1968, стр. 45.

[13] *Л. И. Альбаум.* Балалык-тепе. Ташкент, 1960, стр. 28, 29, рис. 14.

[14] Указание А. Губаева (Коропластика...) на ее связь с городищем древнего Амуля ошибочно.

[15] *В. А. Шишкин.* Варахша. М., 1963, стр. 50, рис. 134.

[16] Там же, стр. 49, рис. 12, *3*; стр. 143, рис. 73.

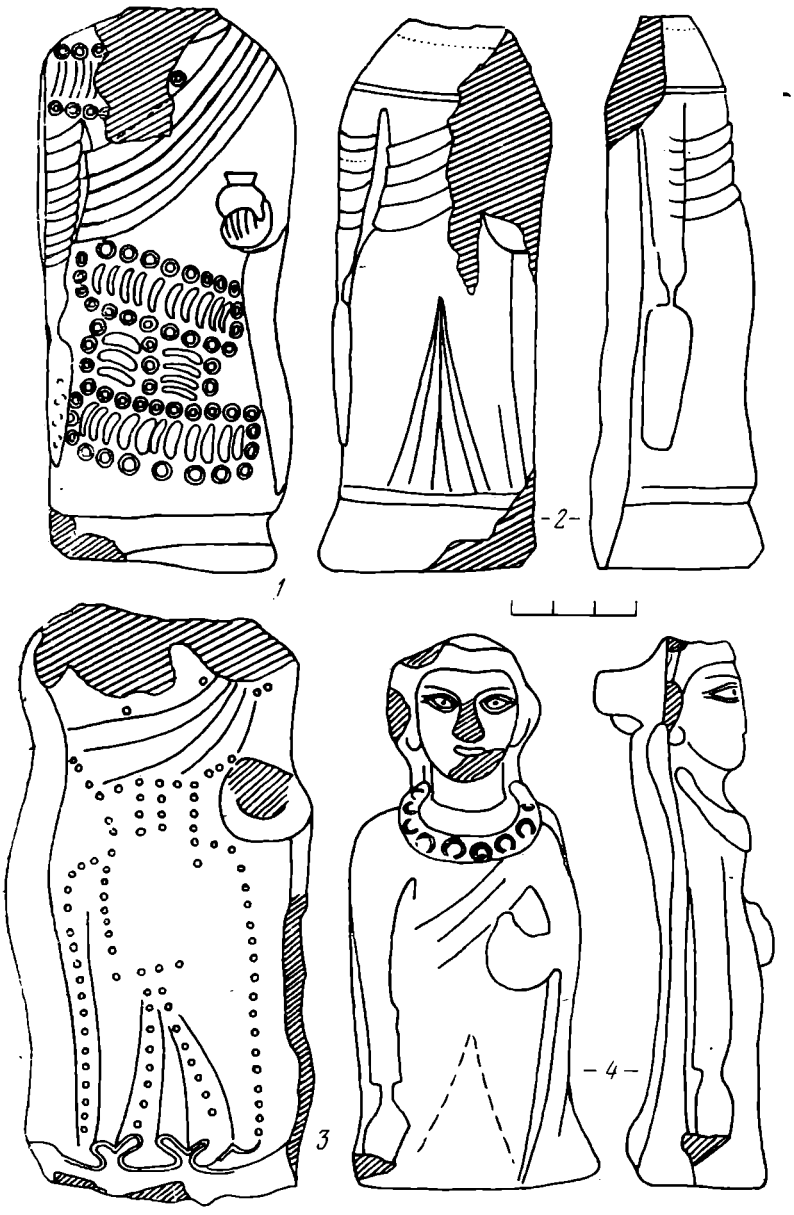


Рис. 4. Прорисовки фигурок

В. Представлена фигуркой с городища Мирзабек-Кала [17]. Правая рука не изображена (возможно, это дефект данного экземпляра). Левая придерживает несколько выше бедра какой-то круглый предмет, видимо, плод. Покрой платья такой же, как у разновидности Б. Оно украшено рельефными точками, имитирующими нашивные украшения; складки на подоле образуют внизу красивый волнистый узор (рис. 4, *3*).

Г. Представлена статуэткой с городища Мирзабек-Кала. Это поколенное изображение прямостоящей женщины. Для изготовления оттиска была использована старая потертая статуэтка, поэтому детали изображения нечеткие. Правая рука с виноградной гроздью вытянута вдоль тела. Левая, согнутая под прямым углом, прижата к туловищу, в ней небольшой округлый предмет — гранат или сосуд. На шее массивное ожерелье, налепленное уже после изготовления статуэтки в форме. От изображения

[17] Статуэтка найдена В. А. Левиной. Упоминание об этой статуэтке как фигурке Анахиты см. *М. Е. Массон.* Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг. ТЮТАКЭ, V, 1955, стр. 208.

шарфа сохранились лишь три косые складки на груди. Овал лица правильный. Лоб низкий. Зрачки больших миндалевидных глаз переданы углубленными точками. Волосы изображены валиком. В ушах серьги (?). Тыльная сторона головки имеет цилиндрический выступ (рис. 4, *4*; 5, *3*).

Данная разновидность наиболее поздняя в этой серии и является прекрасной иллюстрацией того, как многократное копирование привело

Рис. 5. Статуэтки и фигурки. Фото

к огрублению первоначального типа, утрате и искажению некоторых деталей. Датировка этих статуэток пока не может быть уточнена в пределах рассматриваемой эпохи.

VI. Богиня без культовых атрибутов. Имеется четыре статуэтки. Три из них найдены на Мирзабек-Кале, одна на Чопли-депе. Поза фронтальна. Руки непропорционально коротки. Почти прямая правая опущена вниз, согнутая левая прижата к груди. Характер одеяния не совсем ясен. Богиня одета в расширяющееся книзу платье. Верх его богато украшен. Орнамент у каждой статуэтки индивидуален. В средней части платья у всех фигурок показано пять косых складок. Начинают-

ся они под левой рукой и заканчиваются на правом боку. На левой стороне подола у большинства статуэток прослеживается знак (рис. 6, *3*). Ниже гладкого подола платья имеется широкая орнаментальная полоса. Узор у всех фигурок одинаковый: расширяющиеся книзу вертикальные полосы заполнены рядами кружков и клеток. С левого плеча свисает плащ, частично скрывающий левую руку. Верхний конец плаща косо пересекает грудь (рис. 6, *3*; 3, *5*, *6*). Мне представляется, что одеяние этих фигурок не очень удачно копирует наряд богинь с виноградной гроздью. У них сходным образом украшена верхняя часть платья. Но изображение шарфа у статуэток богини без культовых атрибутов превратилось в косые складки на платье. Нижняя орнаментальная полоса скорее всего является не оторочкой платья, а украшением постамента. Аналогичные декорированные постаменты известны по статуэткам из Мерва[18]. Следует отметить, что подобные постаменты, но без орнамента имеются у некоторых статуэток богини с виноградной гроздью. Ареал статуэток этих двух типов совпадает — городище Мирзабек-Кала и его окрестности.

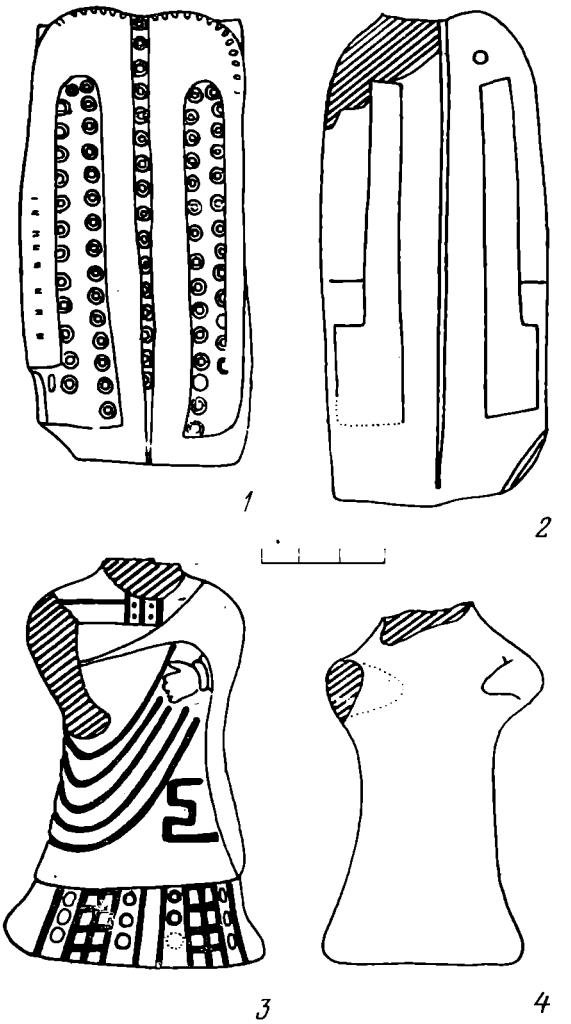


Рис. 6. Прорисовки фигурок

VII. Богиня в длинных одеждах. Крупные массивные фигурки, сильно стилизованные, но не лишенные некоторого изящества. Одежды длинные, до пят — подобие накидки с очень длинными, свисающими по сторонам рукавами. Рукава и борта накидки переданы рельефными полосами. Основания фигурок массивные, устойчивые.

Выделяются две разновидности. Для первой из них характерно обрамление рукавов и бортов накидки цепочками рельефных колец. По средней части рукавов, плечам и вокруг шеи проходит еще одна орнаментальная лента, состоящая из мелких рельефных точек и треугольников (рис. 6, *1*; 5, *4*). К этой разновидности относятся две фигурки, найденные на городище Мирзабек-Кала.

Вторую разновидность отличает полное отсутствие дополнительной орнаментации. У некоторых экземпляров маленькими рельефными кружками изображены груди (рис. 6, *2*; 5, *5*). Эта разновидность представлена тремя экземплярами. Две фигурки найдены на Мирзабек-Кале, одна на Чопли-депе.

Описанный тип статуэток не находит аналогий в известных образцах коропластики Средней Азии. Следует указать лишь на отдаленное

[18] *Г. А. Пугаченкова.* Коропластика..., стр. 128, рис. 8.

сходство этих статуэток в манере исполнения с изображениями «маргианской богини» во II—IV вв. Это сходство прослеживается в условной трактовке образа, а также в манере украшать платье богини множеством рельефных колечек. Появление в коропластике Средней Амударьи этого типа статуэток, по-видимому, следует относить ко времени не ранее II—III вв. н. э. Фигурки второй разновидности находят прямые аналогии среди материалов с городища Емши-депе в Северном Афганистане [19]. Отдаленные аналогии одежде этих фигурок можно найти в коропластике Согда и Бактрии, где встречаются изображения богинь в накидках со свободно свисающими рукавами [20]. Не исключено, что в рассматриваемом случае богиня также одета в подобную накидку, только наглухо застегнутую.

VIII. Лепные идольчики. К этому типу относятся две фигурки, найденные на Чопли-депе. Образ предельно схематизирован. Руки, переданные короткими конусовидными отростками, прижаты к торсу. Правая горизонтально, левая с наклоном вниз. Бугорками изображены груди, остальные детали опущены. Ниже пояса фигурка конусовидно расширяется и заканчивается плоским основанием (у одной фигурки основание полое) (рис. 6, *4*; 5, *6*).

Головки.

1. Богиня в двузубчатом головном уборе. Головка передает образ пожилой женщины с утяжеленным овалом лица. Низкий лоб. Массивные надбровные дуги. Большой армяноидный нос. Глаза с четкой моделировкой век и глазного яблока. Небольшой рот с плотно сжатыми губами. Волосы слегка волнистыми прядями обрамляют лицо. Высокий двузубчатый головной убор (рис. 7, *1*). Головка найдена при раскопках на городище Старого Чарджоу (Амуль) в слоях, датированных I—II вв. н. э. [21] Еще одна головка подобного типа найдена в крепости Кош-Кала [22]. Терракота с подобным головным убором найдена в Варахше [23].

2. Богиня в конусовидном головном уборе. Две головки, найденные на городище Мирзабек-Кала, изображают немолодую женщину с энергичным мужеподобным лицом. Лоб скошен назад. Массивный подбородок выдвинут вперед. Глаза с рельефно моделированными веками и глазным яблоком слегка скошены к носу. Схематично изображены уши. Нос слегка приплюснутый, с четко очерченными крыльями. Узкогубый рот близко расположен к носу. На лоб крупными прядями спадает челка. Пряди волос по сторонам лица заканчиваются спиральными завитками. Высокий головной убор слегка сужается кверху. Внизу он имеет широкий околыш, выше расположен орнаментальный пояс, расчлененный углубленными линиями на треугольники и трапеции, еще выше неорнаментированный пояс с прямоугольной выемкой в верхней части (рис. 7, *2*; 8, *1*). Вероятно, к этому же типу принадлежит плохо сохранившаяся головка с поселения Пультапды-депе [24]. Все эти головки несколько уплощены.

3. Узколицая богиня в небольшом головном уборе. На городище Мирзабек-Кала найдена форма для изготовления головок этого типа. У богини правильно очерченный овал лица. Уложенные валиком волосы полукругом обрамляют высокий лоб и спускаются не-

---

[19] *И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди.* Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. СА, 1971, 4, стр. 164, рис. 6, *5*.

[20] *В. А. Мешкерис.* Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962, рис. 4, на стр. 24 и рис. 5 на стр. 25; *Г. А. Пугаченкова.* Халчаян, стр. 221—223.

[21] *Г. Е. Трапезников.* Материалы с городища древнего Чарджоу (Амуля). СА, 1959, 1, стр. 271; *М. Е. Массон.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и Мавераннахр. ТЮТАКЭ, XIII, 1966, стр. 146, 147.

[22] Устное сообщение Г. А. Пугаченковой.

[23] *В. А. Шишкин.* Ук. соч., стр. 49, рис. 12, *2*.

[24] Из сборов А. М. Мандельштама, 1960 г.

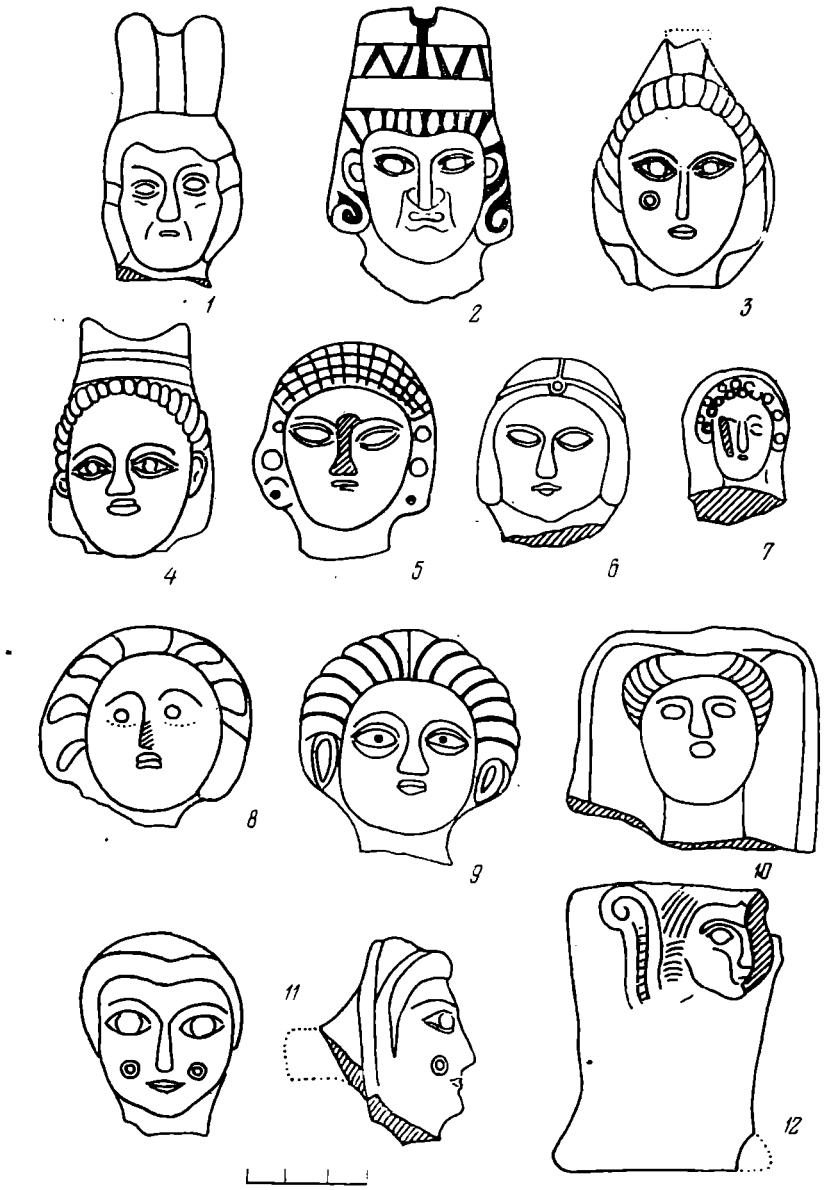


Рис. 7. Прорисовки головок

сколько ниже ушей, которые у этого типа головок моделированы достаточно четко. Лицо худощавое, с сильно выступающим носом и твердо очерченным подбородком. Глаза большие, веки и зрачок рельефно моделированы. Невысокий головной убор вверху несколько сужается. У него широкий околыш, сверху имеется дугообразная выемка (рис. 7, *4*; 8, *2*).

На этом же городище найдена головка, обнаруживающая большое сходство с описанной выше, но головной убор у нее совершенно иной формы — в виде небольшого, расширяющегося кверху конуса, не исключено даже, что это не головной убор, а подобие шиньона (рис. 7, *3*; 8, *3*). Богини с шиньонами и маленькими конусовидными головными уборами известны по коропластике Мерва [25].

Обломок еще одной головки в невысоком головном уборе (с округлым верхом) найден на поселении Кум-депе [26]. На этой головке сохранились остатки темно-красного плотного ангоба.

[25] *Г. А. Пугаченкова.* Коропластика..., стр. 124, рис. 4; стр. 151, рис. 10; стр. 132, рис. 11.

[26] Из сборов А. М. Мандельштама, 1960 г.

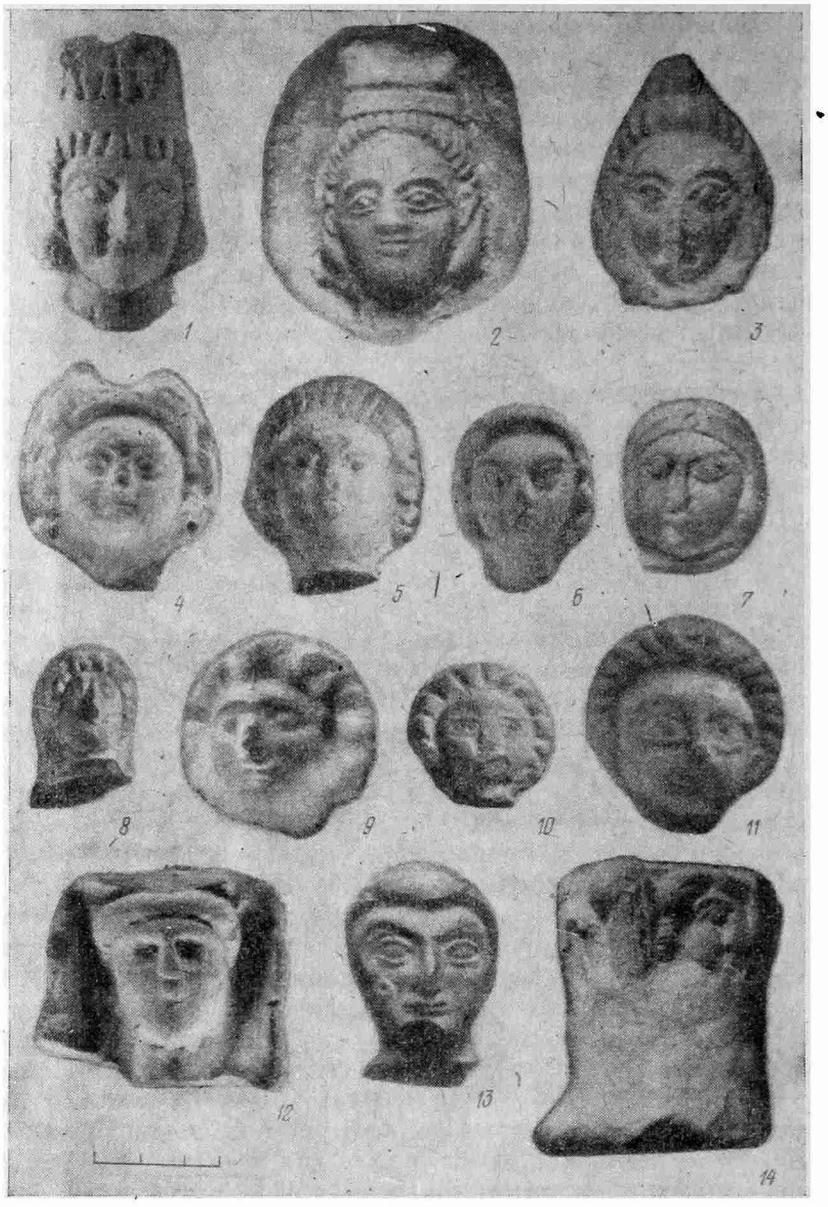


Рис. 8. Головки. Фото

4. Богиня в «кокошнике». Имеется пять головок с городища Мирзабек-Кала. Все они оттиснуты в разных формах. Правильный овал лица, полный, несколько скошенный подбородок, небольшой нос, маленький рот, большие раскрытые глаза; головной убор подобен кокошнику, поверхность которого украшена мелкими рельефными прямоугольниками [27]. У двух головок в верхней части «кокошника» имеются дугообразные выемки, сделанные пальцем уже после изготовления в форме. По сторонам лица по три бугорка. Это, вероятно, искаженное изображение волос. В двух случаях по сторонам лица до обжига сделаны сквозные отверстия (рис. 7, *5*; 8, *4*, *5*).

5. Богиня в диадеме. Округлое полное лицо монголоидного облика. Скошенный назад низкий лоб. Большие выпуклые миндалевидные глаза. Нос длинный, приплюснутый. Маленький рот. Небольшой приост-

[27] Изображение головного убора постепенно деформировалось и на поздних головках этого типа превратилось в дугообразный валик, больше напоминающий изображение волос, чем головной убор (рис. 8, *6*).

ренный подбородок. Волосы, разделенные посередине пробором, свисают по сторонам лица. Несколько выше лба они перехвачены лентой с круглой декоративной подвеской (рис. 7, *6*; 8, *7*). Головка найдена в окрестностях станции Фараб [28].

6. «Кудрявая» богиня. Единственная головка найдена на городище Мирзабек-Кала. Правильный овал лица. Низкий скошенный лоб. Крупный с горбинкой нос. Маленький рот близко расположен к носу. Верхнюю часть лица обрамляют волосы, переданные небольшими округлыми бугорками (рис. 7, *6*; 8, *8*). Небольшие размеры головки указывают на относительно раннюю дату ее изготовления.

7. Головки с веерообразным расположением прядей волос. Четыре головки этого типа обнаружены на городище Мирзабек-Кала. Они отражают разные стадии деформации первоначального образа. В головке, которую следует считать наиболее ранней, чувствуется влияние греческого искусства. Мягко очерченное, округлое лицо, низкий лоб, дугообразно изогнутые брови, глаза с выпуклым глазным яблоком без проработки век, нос прямой, маленький рот с припухлыми губами. Выражение лица скорбное. Волосы переданы клочковатыми, веерообразно расходящимися прядями (рис. 7, *8*; 8, *9*). Описываемая головка обнаруживает некоторое сходство с одним типом терракот с Афрасиаба, которые В. А. Мешкерис трактует «как изображение персонажа дионисийского круга (самого бога или менады)» [29], а Г. А. Пугаченкова и Л. И. Ремпель считают тематически восходящими к образу горгон Медуз, которые в эпоху эллинизма изображались «в виде прекрасного девичьего лица, искаженного ужасом и страданием, вокруг которого извиваются змеевидные пряди растрепанных волос» [30].

Остальные три головки еще более огрубленные. Глаза у них с рельефно моделированными веками и зрачком, переданным углубленной точкой. У одной из головок неумело и слишком низко изображены уши (рис. 7, *9*; 8, *10, 11*).

8. Головка на плоской плитке. Найдена на Мирзабек-Кале. Лицо скуластое, с непропорционально крупным подбородком. Волосы уложены валиком над низким лбом. Глаза запавшие, приплюснутый нос, маленький рот, тонкая длинная шея. Головка оттиснута на плитке с загнутыми вверх краями (рис. 7, *10*; 8, *12*). Она обнаруживает некоторое сходство в характере изображения и технике изготовления с одной из статуэток из Тали-Борзу, которая, по мнению В. А. Мешкерис, выделяется из общей массы типично кушанских (согдийских.— *В. П.*) терракот [31].

9. Женская головка среди стилизованных листьев аканта. Найдена на Мирзабек-Кале. Статуэтка повреждена еще в древности. Сохранилась лишь правая половина хорошо моделированного выразительного лица. Бровь передана рельефной широкой дугой; крупный глаз с выпуклым глазным яблоком и рельефно моделированным верхним веком. Пряди пышной прически закрывают лоб и обрамляют лицо сбоку. Волосы по сторонам лица переданы косым поперечным рифлением. Лист аканта сильно схематизирован и превращен в подобие волютообразного завитка. Верхняя часть статуэтки, где, видимо, имелось еще какое-то изображение, сколота. Левая половина лица смята при изготовлении, когда к только что извлеченному оттиску была приделена массивная, полая внутри подставка (рис. *7*, *12*; 8, *14*).

Статуэтка не имеет прямых аналогий в известных образцах среднеазиатской коропластики. Обнаруживается лишь некоторое ее сходство с

---

[28] Ср. *А. Губаев.* Коропластика древнего Амуля, стр. 15, 16.

[29] *В. А. Мешкерис.* Терракоты..., стр. 19, 20.

[30] *Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель.* История искусства Узбекистана. М., 1965, стр. 61.

[31] *В. А. Мешкерис.* Терракоты..., стр. 29, 73, 74; рис. на стр. 27, табл. X, *111*.

миниатюрной гипсовой капителью из Мерва [32] и обломком терракотовой капители из окрестностей Ангка-Калы (Хорезм) [33]. Но в том и другом случае эти женские погрудные изображения являются частью архитектурных деталей, в то время как описанная статуэтка являлась самостоятельным объектом почитания, на что указывает существование специальной подставки (хотя подобное ее использование могло быть и вторичным). Следует также отметить некоторое сходство в облике женского лица, изображенного на этой терракоте, с персонажами знаменитого Айртамского фриза. Однако этих аналогий недостаточно для датировки статуэтки в более узких пределах, чем кушанская эпоха в целом.

10. Головки от фигурок типа V. На Мирзабек-Кале найдены четыре однотипных головки. Их отличает тонкая моделировка. Черты лица правильные. Глаза большие, удлиненные, с рельефно моделированными веками и глазным яблоком. Нос прямой, тонкий. Рот небольшой. Волосы переданы массивным валиком, повторяющим контур бровей. На щеках изображены рельефные кольца. У трех головок с тыльной стороны имеются цилиндрические налепы (рис. 7, *11*; 8, *13*). Эти головки обнаруживают сходство с головкой целой статуэтки типа V, которое прослеживается в прическе, чертах лица и наличии цилиндрического налепа на тыльной стороне. Целая статуэтка ввиду ее сильной огрубленности представляется самой поздней в этой серии, поэтому рассматриваемые головки следует связывать с ранними разновидностями фигурок этого типа.

Для кушанского времени характерны две крупные тематические группы терракот — культовая и светская. Наибольшее распространение получила культовая тематика, связанная главным образом с широко распространенным в народной среде почитанием женских божеств. В литературе, посвященной этому вопросу, первоначально широко была распространена точка зрения, отождествляющая большинство женских терракот с образом Анахиты. Однако новый материал свидетельствует о наличии большого количества устойчивых иконографических типов, несомненно связанных с почитанием разных божеств. В Согде, например, В. А. Мешкерис, среди группы терракот «зрелого типа» (кушанского времени) выделено пять иконографических типов [34]. В Маргиане под условным термином «Великая маргианская богиня» объединено несколько типов культовых женских статуэток. Среди них наиболее распространенным и наиболее устойчивым были два типа — богиня-мать и богиня-дева, эволюция которых прослеживается с III—II вв. до поздней античности [35]. Терракотовые фигурки богини-матери Г. А. Пугаченкова предположительно отождествляет с персонажем древнеиранского пантеона — Аши, богини-девы — с Ардвисурой Анахитой. Помимо двух этих основных фигур местный пантеон божеств включал и другие образы, представленные в коропластике Мерва не столь многочисленными сериями. Подобная же картина прослеживается в коропластике Бактрии-Тохаристана и Хорезма.

Для Средней Амударьи в настоящее время при любых вариантах подсчета выделяется не менее 8—14 иконографических типов [36]. Столь большое их количество нельзя объяснить лишь разным временем создания или этническими различиями отдельных групп населения. Например, в Старом Чарджоу (Амуль) со слоями I—IV вв. н. э. связаны находки статуэток трех разных типов (см. таблицу). Среди 34 терракот с Мирзабек-

[32] *Г. А. Кошеленко, З. И. Усманова.* Коринфизированная капитель из Мерва. Изв. АН ТуркмССР (серия обществ. наук), № 1, Ашхабад, 1963.

[33] *С. П. Толстов.* Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э. Кой-Крылган-кала. ВДИ, 1953, 1.

[34] *В. А. Мешкерис.* Согдийская школа коропластики..., стр. 5—13.

[35] *Г. А. Пугаченкова.* Терракоты древнего Мерва.

[36] Если принимать во внимание только торсы, то выделяется 8 типов, если только головы (с учетом целых статуэток) — 14 типов.

Калы выделяются по крайней мере 9 иконографических типов, причем некоторые из них представлены несколькими вариантами, указывающими на длительное почитание одних и тех же божеств. Все это свидетельствует о существовании на Средней Амударье культа нескольких женских божеств. Значение их, вероятно, было разным. Некоторые пользовались почитанием у всего населения побережья (например, богиня с сосудом и инвеститурным кольцом). Сфера влияния других, видимо, ограничивалась отдельными оазисами.

Распределение статуэток по памятникам

	Тип	Амуль	Ходжа-Идат	Омар-Кала	Чопли-депе	Хатаб	Мирза-бек-Кала	Пультапды	Кош-Кала	Кум-депе	Всего
Фигурки	I	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
	II	1	1	—	—	—	—	—	—	—	2
	III	1	—	1	—	—	—	—	—	—	2
	IV	1*	—	—	—	—	—	—	—	—	1
	V	—	—	—	1	1	6	—	—	—	8
	VI	—	—	—	1	—	3	—	—	—	4
	VII	—	—	—	1	—	4	—	—	—	5
	VIII	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2
Головки	1	1	—	—	—	—	—	—	1	—	2
	2	—	—	—	—	—	2	1	—	—	3
	3	—	—	—	—	—	2	—	—	1	3
	4	—	—	—	—	—	5	—	—	—	5
	5	1*	—	—	—	—	—	—	—	—	1
	6	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
	7	—	—	—	—	—	4	—	—	—	4
	8	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
	9	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1
	10	—	—	—	—	—	4	—	—	—	4
Всего		5	1	1	5	1	34	1	1	1	50

* Цифры, отмеченные звездочками, относятся к статуэткам, найденным, как установлено по последним данным, в Фарабском районе.

Отождествление отдельных типов терракотовых статуэток с древнеиранскими божествами, известными по текстам Авесты и кушанским монетам, в настоящее время представляется проблематичным, так как научные критерии для подобных отождествлений еще не выработаны. Кроме того, следует иметь в виду, что почитаемые в народной среде женские божества не всегда были персонажами официальных религиозных культов.

В настоящее время общепризнано, что местные мастера в качестве моделей для изображений богинь использовали своих соплеменниц. В связи с этим можно отметить некоторые этнические особенности древнего населения Средней Амударьи. Несмотря на большое разнообразие физических типов, представленных на терракотах, в облике женщин этой области отмечаются некоторые общие черты. Большинство головок изображает женщин европеоидного типа [37], с длинными, сильно выступающими носами, маленькими ртами, близко расположенными к носу, массивными подбородками и покатыми лбами. Выделяются также особенности этнографического порядка, касающиеся причесок и покроя одежд. Прически короткие, во многих случаях богини простоволосые. За исключением одного случая (тип III), платья всегда длиной до пят. Широко распространена отделка платья многочисленными складками и накладными украшениями. Следует также отметить татуированные (?) кольца на щеках [38]. Наконец,

[37] Исключение составляет лишь головка типа 5.

[38] Подобные кольца, определяемые Г. А. Пугаченковой как родинки, встречаются на терракотах Бактрии-Тохаристана (*Г. А. Пугаченкова.* Новые данные..., стр. 112, 113, рис. 27, 28) и самаркандского Согда (*В. А. Мешкерис.* Терракоты..., табл. III, *24*; табл. IV, *42* и др.).

важная особенность — использование в качестве культового атрибута виноградной грозди, явления редкого в других областях Средней Азии [39].

В числе стилистических особенностей женских культовых терракот Средней Амударьи можно отметить следующие. Все изображения строго фронтальны. Богини изображены прямостоящими, но в положении рук наблюдается значительное разнообразие, в некоторых случаях руки вообще не изображены. В соответствии с этим значительная часть богинь не имеет культовых атрибутов. Встречаются поколенные изображения. Отношение высоты головы к высоте туловища обычно 1 : 4, реже 1 : 3. Высота целых статуэток от 8,2 до 16,5 *см*. По наиболее поздним терракотам отчетливо прослеживается тенденция к схематизации образов.

В заключение следует отметить, что в коропластике Средней Амударьи можно обнаружить некоторое сходство с терракотами античного времени Маргианы, Согда и Бактрии, что свидетельствует об общих истоках и путях развития этого явления в культуре древней Средней Азии. Однако в целом при сравнении терракот с побережья Средней Амударьи с аналогичными изделиями из сопредельных областей отчетливо прослеживается самобытность коропластики этой области, позволяющая поставить вопрос о существовании среднеамударьинской школы коропластики, отразившей особенности местной этнокультурной среды.

V. N. Pilipko

STATUETTES FEMININES CULTUELLES DU COURS MOYEN DE L'AMOU-DARIA

Résumé

A l'heure actuelle, les archéologues ont recueilli plus de 60 statuettes de terre cuite dans les monuments de l'Antiquité et du haut Moyen Age, qui se trouvent sur les rives du cours moyen de l'Amou-Daria. Par le type de représentation, toutes ces figurines peuvent être divisées en trois groupes: féminines, masculines et zoomorphes. Le présent article est consacré au groupe le plus nombreux, celui des statuettes féminines cultuelles. Le fait qu'il existe différents types iconographiques parmi les terres cuites de ce groupe prouve que la population locale adorait plusieurs divinités féminines. Les terres cuites du moyen Amou-Daria se distinguent des ouvrages semblables des régions limitrophes, tant par l'iconographie que par le style, ce qui permet de soulever la question de l'existence d'une école indépendante de koroplastique sur le cours moyen de l'Amou-Daria.

---

[39] *В. А. Мешкерис.* Терракоты..., стр. 68, № 83, 84. Предмет в правой руке богини напоминает виноградную гроздь, но держит она ее слишком неестественно, поэтому возможны и другие определения этого плода.

В. И. САРИАНИДИ

ПАМЯТНИКИ МОНУМЕНТАЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ БАКТРИИ

Открытие и исследование Советско-Афганской археологической экспедицией архитектурных памятников Бактрии II—I тысячелетий до н. э. представляет большой интерес с точки зрения развития древней архитектуры Передней Азии.

Монументальная архитектура эпохи бронзы. Два наиболее древних здания раскопаны в пункте Дашлы-3; одно из них, условно обозначенное как «круглое здание», частично уже опубликовано [1], так что ниже дается общая характеристика вновь раскопанного участка. Кратко отметим, что центральную часть всего сооружения составляло круглое здание с девятью башенками, входы которых ведут в обводную галерею (рис. 1). Внутри располагаются прямоугольные помещения, часть которых имеет суфы, а интерьеры украшены фигурными нишами. Культовое назначение их (рис. 2) подчеркивается наличием двухчастных очагов на кирпичных платформах, по-видимому, алтарей; как правило, следы обожжения имеются лишь в одном отделении. В ходе раскопок установлено, что на месте круглого здания находился естественный бугор, возвышающийся на 70—80 *см* над окружающей поверхностью. На его верху располагались центральные помещения 1, 2, 3, 6. Показательна их стратиграфия: все они сохранили два уровня полов, толщина слоя между которыми в среднем около 50 *см*. Этот слой состоит из кусков разложившегося кирпича, небольших горизонтальных зольников. В помещении 1 (п. 1) наиболее ранний пол сохранил ямки, впущенные в материк, сплошь заполненные угольками и сожженными костями животных. В центре комнаты 2 обнаружена огромная яма глубиной до 145 *см*, вырытая, видимо, позднее, так как сами стены не нарушены. Она заполнена угольками, красными кусками печины и обломками сырцового кирпича вперемешку с мелкими фрагментами керамики. Между первым и вторым полом этого помещения из ямки-лунки был взят уголь на радиоуглеродное определение, давший дату 3060±70 или 1110±70 до н. э. Показательно, что самые ранние полы сохранили ямки-лунки, заполненные золой и сожженными костями мелких рогатых животных, причем обнаружены они и под суфами, которые, таким образом, были возведены позднее на уровне вторых полов. Очевидно, что в первый период круглое здание имело более простую планировку, но наличие ямок на уровне обоих полов подчеркивает устойчивость ритуалов, предполагаемых культовых обрядов. На полу помещения 3 также выявлено несколько ямок-лунок, заполненных угольками и мелкими костями животных, сожженных «на стороне» и лишь затем засыпанных в лунки.

Круглое здание с башенками составляет лишь центральное ядро, вокруг которого широким поясом, и опять-таки по кругу, располагается

[1] *В. И. Сариниди.* Бактрия в эпоху бронзы. СА, 1974, 4, стр. 54—57, рис. 5.

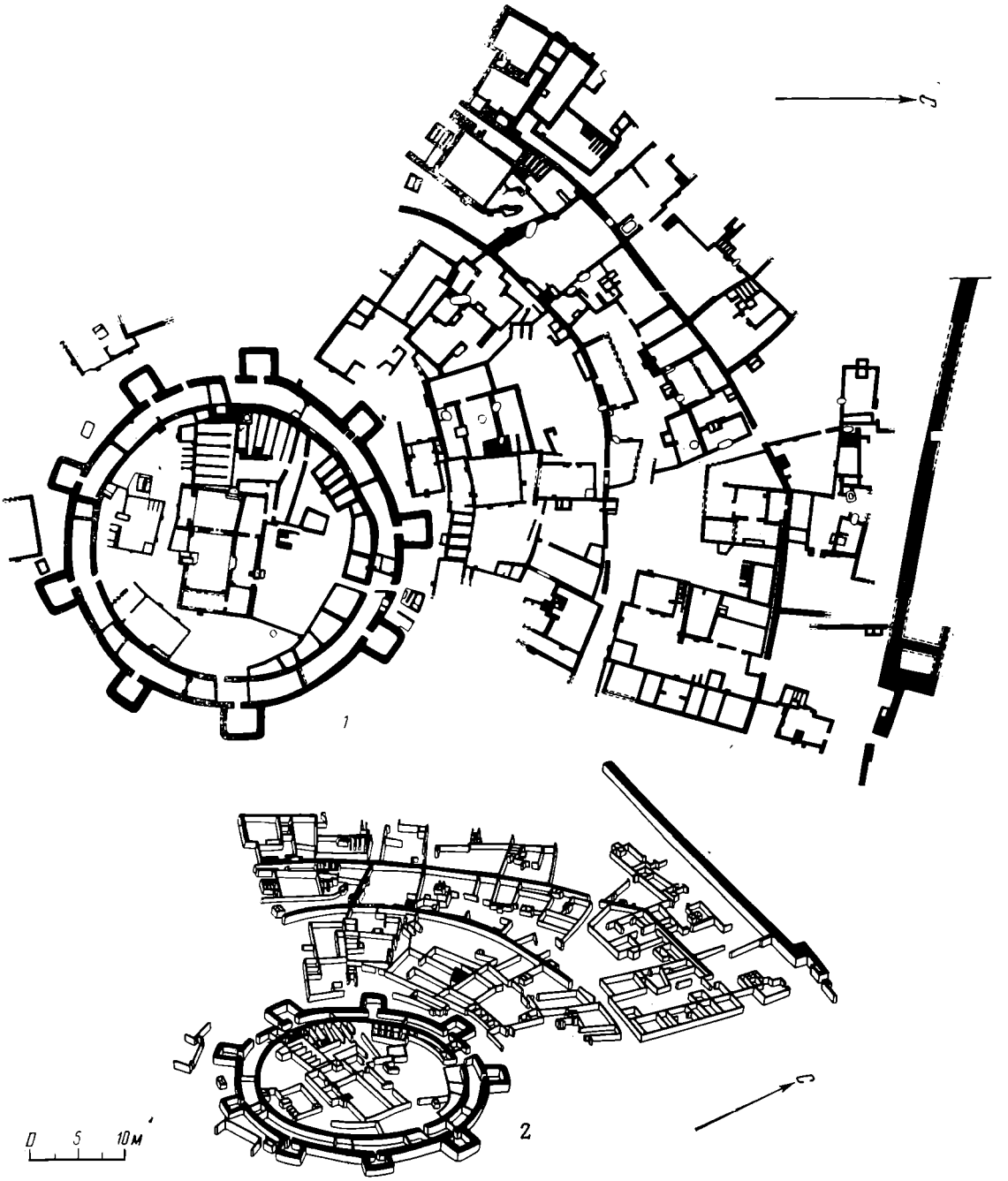


Рис. 1. Дашлы-3. Круглый храм: *1* — план раскопанной части; 2 — аксонометрия

серия помещений бесспорно бытового назначения, нередко сохранивших вкопанные в полы хумы, пристенные кухонные очаги, хозяйственные отсеки. Первое кольцо составляют помещения 21—35; 67—76; 107—108. Более широко вскрыта раскопками архитектура второго кольца, где выделяется несколько, возможно обособленных, жилых микрокомплексов. Один из них (п. 36—54, 112) сохранил помещения различного назначения, группирующиеся вокруг вытянутого внутреннего двора (п. 37). В одной комнате имеется кухонный очаг (п. 49), в другой (п. 37) — вкопанные хумы. Видимо, к этому же массиву относится серия помещений (51—54, 112), возможно, пристроенных несколько позднее. Вместе с тем показательно, что это не был наглухо изолированный и полностью отграниченный комплекс: наоборот, три широких прохода ведут в смежные комп-

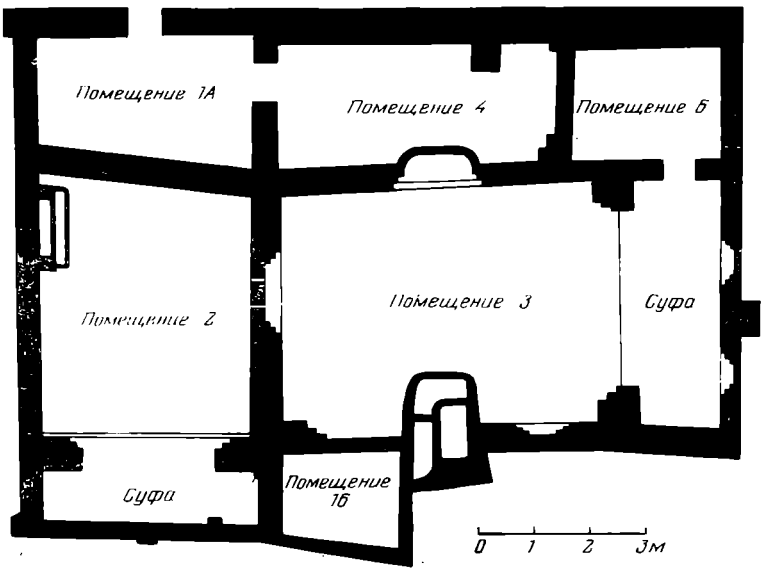


Рис. 2. Дашлы-3. Круглый храм. Культовый комплекс

лексы. Так, один проход ведет в помещение 105, по-видимому, двор, вокруг которого в свою очередь группируются помещения 95—110, составляющие следующий жилой комплекс. Здесь также имеются хозяйственные комнаты с хумами (п. 104) и двойными, явно бытовыми кухонными очагами (п. 95, 96, 103).

Строения третьего кольца помещений вскрыты частично, но и здесь как будто намечаются отдельные жилые комплексы (п. 55—64, 113; возможно, п. 76—89), полностью не раскопанные. Все вскрытые комнаты обнаруживают следы многочисленных и неоднократных перестроек, а внутреннее заполнение их состоит из обычных мусорно-зольных остатков, столь характерных для бытовых поселений. По внешнему фасу идет широкая, а главное прямая стена, у основания которой местами расчищен ров. Можно предполагать, что весь этот архитектурный комплекс был заключен в мощный кирпичный обвод, дающий в плане гигантский квадрат (130—150 *м* в стороне), у основания которого, возможно, проходил глубокий ров, наполненный водой. Центральное, круглое здание играло сакральную роль: здесь происходили культовые церемонии и располагались помещения специального назначения. Особого интереса заслуживает находка в помещении 10 каменного сосудика в форме почки; подобные изделия определяются как ритуальные, предназначенные для гадания [2]. Иное впечатление производит планировка построек, располагавшихся далее по периферии вокруг центральной части, где проживали обитатели, связанные с самим храмом. Это могли быть жрецы, храмовые служки — короче, лица, так или иначе принимавшие участие в его обслуживании; с другой стороны, если учесть огромные размеры жилой части сравнительно с культовой, создается впечатление, что большая его часть была населена рядовыми общинниками. Это в какой-то степени напоминает храмовое хозяйство передовых центров Древнего Востока. Сходное назначение предполагается для так называемого овального храма в Хафадже, где между двумя кольцами овальных в плане стен могли находиться дома священников; близкую картину дает храм Шара в Телл Аграбе, где и святилища, и дома служек объединены и обнесены вокруг широкой стеной. Хотя трудно судить о конкретном характере самих обрядов, отметим, что ритуальные трапезы, по-видимому, играли в них едва ли не

[2] Подробнее см. *E. During Caspers.* Some Motifs as Evidence for Martime Contact between Sumer and the Indus Valley. Persica, V, 1970—1971, p. 113.

основную роль. Вспомним также, что в передовых центрах древневосточного мира рядом с храмами нередко устраивались обширные «кухни», являвшиеся «важной частью храма», где совершали жертвоприношения богам [3], причем в месопотамских «кухнях» сохранились тексты, упоминающие «вечерние и утренние трапезы». Думается, что до определенной степени сходные обряды, тесно связанные с жертвенными трапезами (в основном мелкого рогатого скота), распространены были в Бактрии в эпоху бронзы.

Судя по той роли, которую играл огонь, а также по общему архитектурному принципу, кажется, что это мог быть храм огня, так как сооружения в виде круга имели сакральное значение у многих народов мира. В целом же храм на Дашлы-3 (рис. 3) выступает как бесспорно общественное, культовое сооружение, предназначенное для всех обитателей дашлинского оазиса. Наиболее характерная черта общего планировочного принципа заключается в максимальной замкнутости, стремлении отгородиться от внешнего мира. Налицо та стадия развития культовых зданий, когда храм превращается в сакральное, уединенное место, в котором обитало божество; применительно к Дашлы-3 этому назначению больше всего соответствует центральная часть круглого здания.

Если обратиться к культовой архитектуре ранней Месопотамии, то наиболее характерными признаками является отчленение сакральных построек от рядовых зданий и особая техника отделки помещений [4]. Так, показательна планировка храма Иштарь, когда центральные помещения отделяются от остальных специальными фигурными пилястрами в оформлении интерьеров [5], а также наличием приподнятых суф, которые нередко определяются как подиумы. Все эти признаки полностью приложимы к помещениям 1, 2, 3 круглого здания, причем показательна их общая планировка, состоящая из прямоугольного вытянутого помещения, заканчивающегося поперечной возвышенной суфой. Если обратиться к месопотамским материалам, и в особенности к раскопкам в Уруке, то увидим, что в пору Урук IV храм «С» отличает симметричный план и трехчленная целла, состоящая из центральной комнаты, заканчивающейся двумя меньшими, но поперечными комнатами. Налицо близкое сходство в решении планировочных принципов, дополняемое декоративными пилястрами. Все эти признаки продолжаются в культовой архитектуре Месопотамии и в пору Урук III — Джемдет Наср, а возможно, и позднее, что сокращает существующий хронологический разрыв с бактрийской архитектурой. Если обратиться к общим аналогиям, то сравнительные данные предоставляют опять-таки преимущественно месопотамские сооружения, как, например, «овальный храм» в Хафадже, где, как полагают, круглая стена отделяет сакральную часть от внешнего мира [6], что прямо перекликается с назначением обводной галереи с башенками на Дашлы-3. Еще более показателен так называемый круглый дом, встреченный в Тепе-Гавра, в центре которого располагаются прямоугольные помещения, определяемые как святилища. Круглая обводная стена имеет один проход, причем прилегающая архитектура лишь частично соприкасается с ней [7]. Еще более убедительные, а главное детализированные черты сходства обнаруживают центральный и северный храмы слоя Гавра XIII: прямоугольные в плане и декорированные внутри уступчатыми пилястрами, образующими фигурные ниши-простенки. Особенно важно отметить, что оба храма, имея принципиально сходную планировку, расположены

[3] *Л. Вулли.* Ур халдеев. М., 1961, стр. 110.

[4] *G. Gullini.* Struttura e Spazio nell' Architettura Mesopotamica Arcaica. «Mesopotamia», vol. V—VI, 1970—1971. Torino, p. 200.

[5] *A. Parrot.* Les Temples d'Ishtar et de Minni-Zaza, Institut Français d'Archéologie de Beyrouth, Bibliothéque Archéologique et Historique, t. LXXXVI. Paris, 1967, pl. III.

[6] *A. Moortgat.* The Art of Ancient Mesopotamia. London — New York, 1969, p. 20, fig. 16.

[7] *A. Tobler.* Excavations at Tepe Gawra, vol. II, 1950, p. 17—22, pl. VI.

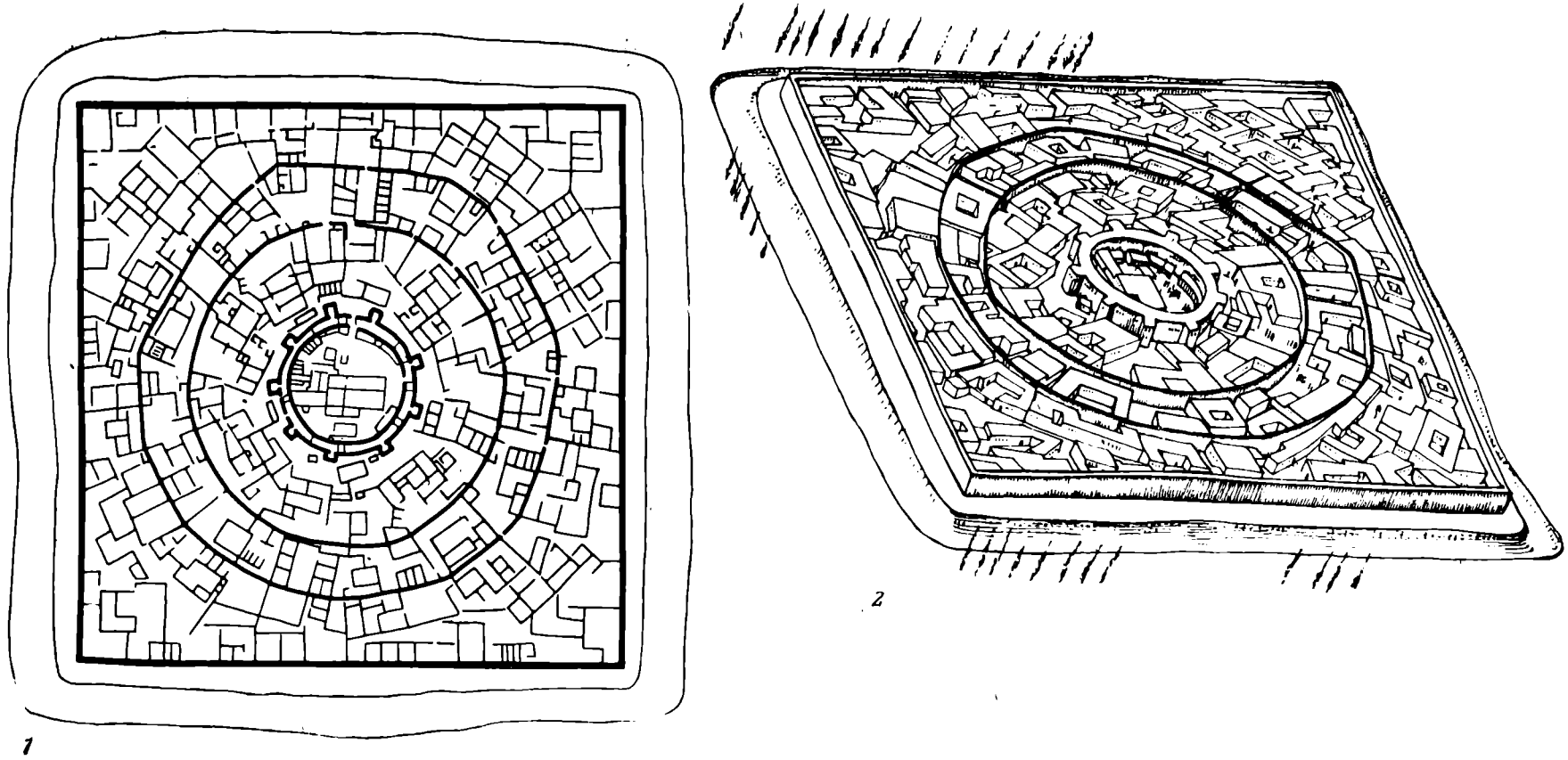


Рис. 3. Дашлы-3. Круглый храм. Варианты реконструкции (Я. М. Паромова)

перпендикулярно друг к другу [8], близко напоминая аналогичную картину в расположении помещений 2 и 3 круглого храма на Дашлы-3. Если исходить из общих планировочных принципов (круг, лежащий в основе всего плана) и архитектурных решений (декорировка интерьеров фигурными пилястрами), то следует признать, что круглый храм на Дашлы-3 ближе всего культовым зданиям Северной Месопотамии. Вместе с тем не следует и преувеличивать эти аналогии, учитывая большой хронологический, а главное территориальный разрыв, когда на промежуточной территории располагается такая обширная страна, как древний Иран, где открытие монументальной архитектуры на широких площадях является делом будущего.

В настоящее время имеется полная сводка К. Шиппмана по иранским храмам огня, где с завидной тщательностью собраны все известные сведения, касающиеся этого вопроса [9]. Из всех памятников, возможно, культового назначения, по мнению автора, лишь Нуши Джан (VIII—VII вв. до н. э.) и, может быть, Дахани Гуламан (VI—V вв. до н. э.) могут быть сопоставлены с храмами огня [10], но и в таком случае они относятся к несравненно более позднему времени, чем бактрийский. На холме Нуши Джан выявлен архитектурный комплекс, включающий западное здание, форт и храм огня [11]. Если сравнить общий план известных культовых сооружений Бактрии, Месопотамии и Ирана, то следует отметить большую близость с религиозными зданиями Месопотамии, чем Ирана: по существу лишь функциональное назначение роднит между собой Дашлы-3 и Нуши Джан.

Второе монументальное сооружение, условно обозначенное как дворец, было выявлено в том же пункте Дашлы-3. Здесь в первый (основной) период по единому архитектурному плану было возведено монументальное здание с общими размерами 88×84 *м* и центральным внутренним двором размером 40×38 *м* (рис. 4, *1*). Во второй (промежуточный) период дворец перестает существовать, а в восточной части двора возводятся обычные жилые и хозяйственные помещения рядовых общинников (рис. 4, *2*). Наконец, в третий (последний) период на руинах дворца, но в пределах внутреннего двора складывается небольшое периферийное поселение (рис. 4, *3*). Видимо, существовал еще один строительный горизонт, но к моменту раскопок он оказался практически полностью разрушенным в результате процессов дефляции.

Рассматриваемое монументальное здание возведено из сырцового кирпича (размером 52×24×10 *см*), стены покрыты глиняной штукатуркой желтоватого цвета. Отличительной чертой является чрезвычайно большое количество пилястр (в ряде случаев ступенчатых), особенно по внешнему фасу, которые выполняли как конструктивную роль в виде контрфорсов, так и декоративную — в общем оформлении всего здания. В ряде случаев, особенно в коридорах, сохранились «осевшие» перекрытия, с бесспорностью свидетельствуя о знакомстве бактрийских строителей с техникой возведения ложных сводов.

Центральную часть всего сооружения составляет внутренний двор, по четырем сторонам которого располагается хотя и сложная, но однотипная планировка (рис. 6). В центре каждого из четырех фасов устроен длинный Т-образный коридор, по обе стороны которого располагаются по одному обширному помещению типа залов, в которые в свою очередь вписаны Г-образные помещения. Общая планировка всех четырех фасов построена на принципе симметрии и взаимного абсолютного сходства;

[8] *E. A. Speiser.* Three Reports on the Joint Assyrian Expedition, BASOR, № 66. Baghdad, 1937, p. 4—6.

[9] *K. Schippman.* Die Iranischen Feuerheiligtumer. Berlin, 1971.

[10] *K. Schippman.* Op. cit., p. 55, 437.

[11] *M. Roaf and D. Stronach.* Tepe Nush-i Jan, 1970 Second Interim Report, IRAN, XI, 1973, p. 129—140.

некоторое отклонение от этой нормы представляет южный угол, где имеется предвратное сооружение, состоящее из трех вытянутых помещений (п. 45, 46, 47). Среднее из них (п. 46) сохранило внешний проход, на полу имеется узкая длинная канава, видимо, водосток.

Интересно, что внешние углы всего здания оформлены широкими поперечными соединительными стенами, нередко с проходами, в ряде случаев заложенными. Такие соединительные стенки, оформляющие внешние углы, хорошо прослежены в восточном (между п. 25 и 30, а также 42 и 43) и западном углах (между п. 13 и 15); лишь в северном углу, видимо, из-за просчета строителей помещения 42 и 32 смыкаются без стены-перемычки. По-видимому, помимо центрального входа имелись узкие проходы по углам всего здания, которые в случае необходимости наглухо закладывались кирпичами.

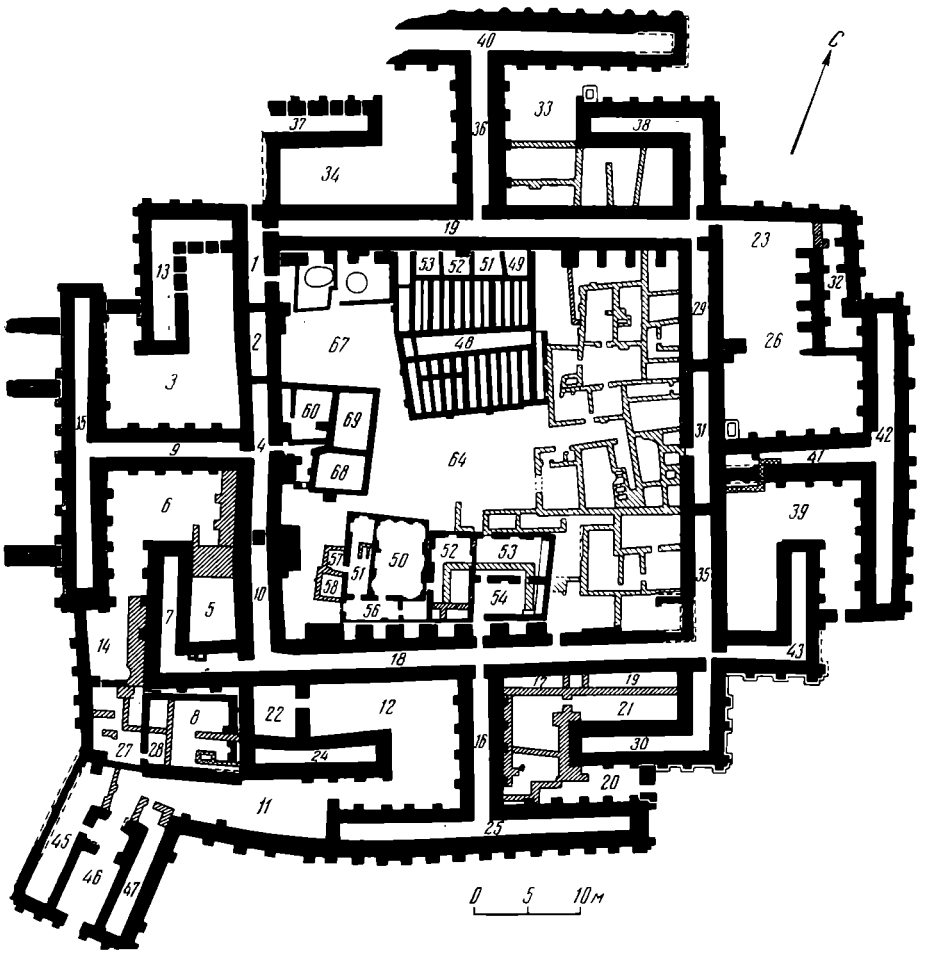
О многочисленных перестройках и ремонтах помимо встроенных стен-контрфорсов (как, например, в п. 6 и 5, 14 и др.) можно судить по трем контрфорсам, сохранившимся по внешнему фасу западной стены. Вдоль подошвы внешних стен проходил ров (достигающий местами 10-метровой ширины при глубине в 3 *м*), как бы отграничивший все здание от внешнего мира.

Почти квадратный внутренний двор окружен со всех четырех сторон обводным коридором. Посредине каждого обвода имелось по одному основному проходу, которому соответствовал проход, ведущий в Т-образные коридоры. В свою очередь из всех четырех углов обводного коридора имелись проходы, соответственно соединявшие его с Г-образными коридорами. В течение длительного периода существования комплекса некоторые из проходов закладывались и вместо них пробивались новые, как, например, проход в помещение 1.

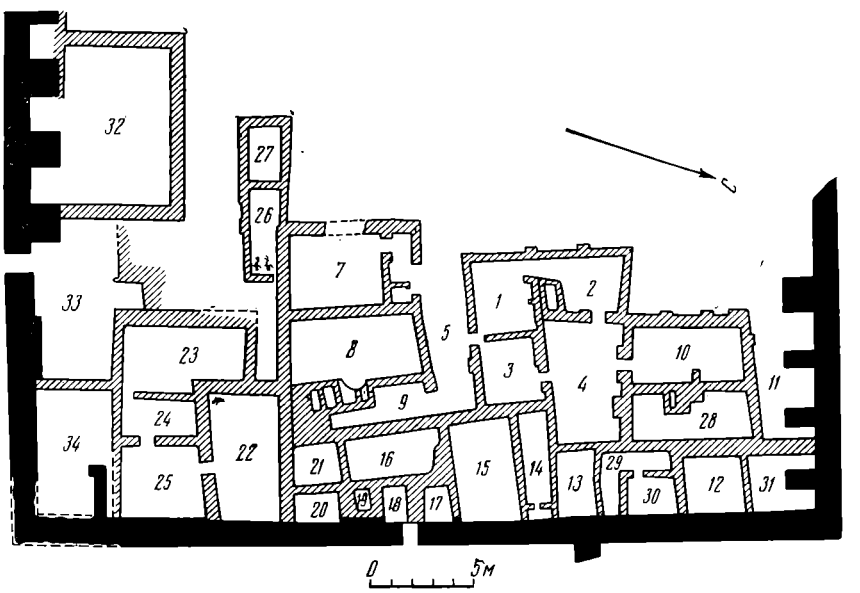
Внутри двора, преимущественно вдоль стен, располагаются несколько строительных микрокомплексов, имевших особое назначение. Так, южный микрокомплекс состоит из двух достаточно однотипных сооружений, но построенных последовательно. Наиболее ранний из них включает три помещения (52, 53, 54), среди которых помещение 54 играло роль своеобразного вестибюля. В него можно было попасть из обводного коридора и затем в соседние помещения 52 и 53, из которых в свою очередь вход ведет во внутренний двор. Первоначально обе эти смежные комнаты сообщались друг с другом двумя проходами, позднее оказавшимися заложенными. Выделяется помещение 52, по-видимому, центральное, с глубокими нишами и пристенной северной суфой, поверхность которой обожжена докрасна. В его западной стене имелся проход, оказавшийся застроенным при возведении следующего микрокомплекса, также включающего три помещения (50, 51, 55). Здесь имеется свой вестибюль (п. 55); два прохода из него ведут в смежные помещения, из которых п. 50 (рис. 4, *4*) является центральным.

Судя по стратиграфии, вначале это помещение имело простые стенные ниши, начинавшиеся на некоторой высоте от пола; сам пол состоял из глиняных промазок, нанесенных поверх нижележащей забутовки. Во второй период выстилается сплошной кирпичный пол, ниши украшаются фигурными «уголками», вдоль западной и северной стен пристраиваются суфы, у западной стены устраивается очаг-выкладка, слегка обожженный внутри. У его переднего бортика имеется специальное прямоугольное углубление в полу, заполненное угольками, но без следов воздействия огня. На полу ниш северной стены сохранились тонкие прослойки белой слежавшейся золы.

Уже в первый период в полу устраиваются крупные ямки, сплошь заполненные угольками и обожженными костями в основном мелкого рогатого скота вперемешку с краснообожженными кусочками кирпичной крошки или печины. Ямки-лунки как первого, так и второго периодов имеют аналогичное заполнение, но сами не несут следов воздействия



1



2

Первый (основной) строительный период

Второй (промежуточный) строительный период

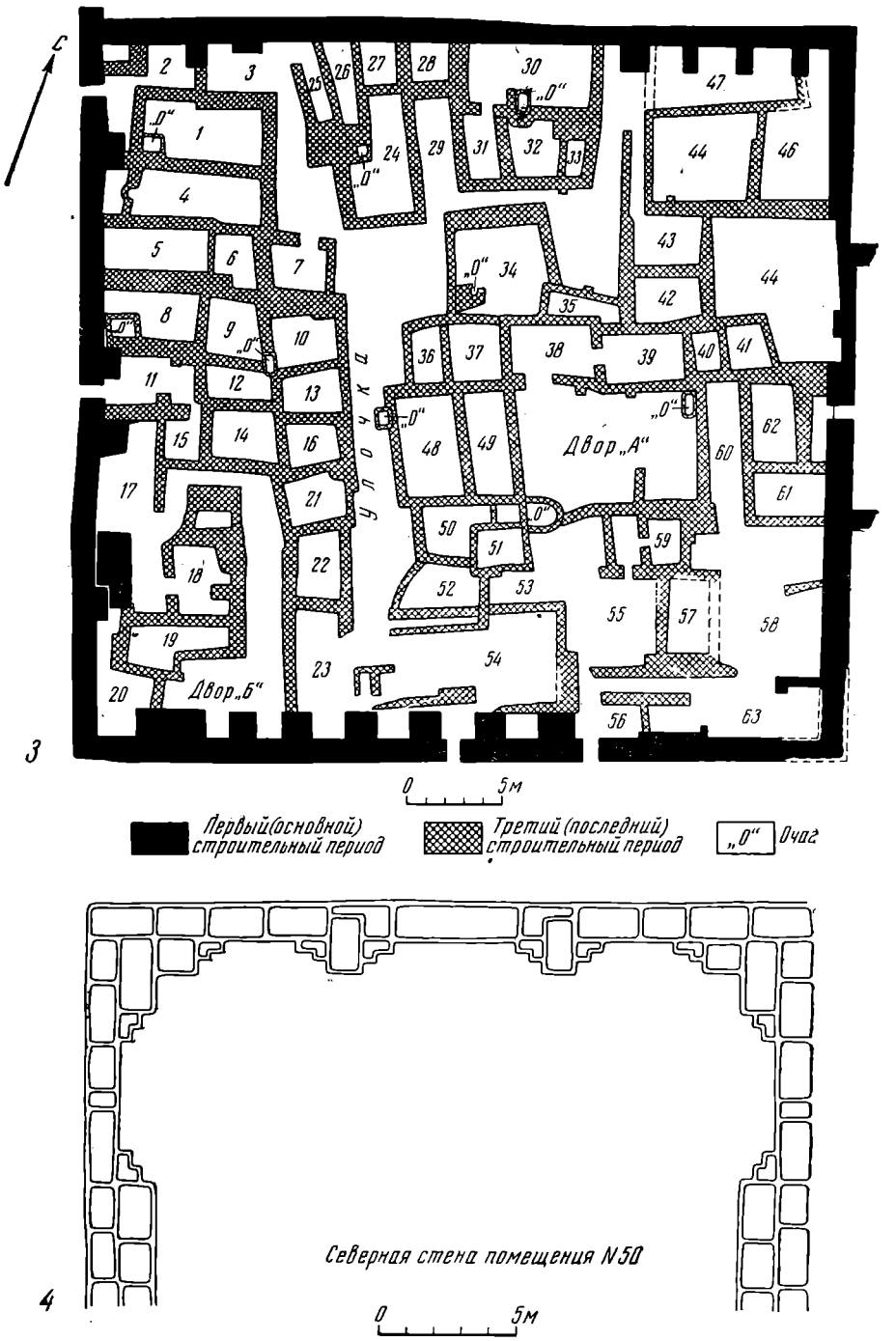


Рис. 4. Дашлы-3. Дворец: *1* — общий план; *2* — план второго строительного горизонта; *3* — план третьего строительного горизонта; *4* — помещение 50 (деталь)

огня. Та же картина отмечалась и для центральных святилищ круглого храма, причем здесь можно поставить во взаимную связь очаг-выкладку, золу в нишах и заполнение ямок-лунок. (Отметим наличие двухчастной печи, возможно не случайно построенной в смежном помещении 51, хотя ее принадлежность к основному периоду остается не совсем ясной.) Ямки-лунки после заполнения каждый раз перекрывались полами, что отмечено и для круглого храма. Налицо прямые археологические факты, указывающие на ритуалы, в которых едва ли не первое место играли культовые сожжения животных. Все помещения южного микрокомплекса имеют полы, выстланные регулярной кладкой кирпича, а интерьеры их покрыты тонкоотмученной штукатуркой.

Следующий, западный микрокомплекс включает два помещения (59, 60); на их особое назначение могут указывать пристенные суфы в северной стене в п. 59 и 60 и, возможно, двухчастный очаг (п. 60).

У северного фаса располагается сооружение, от которого сохранились лишь фундаменты в виде неправильного прямоугольника, разделенного узким коридором (п. 48) на две части, каждая из которых состоит из серии чрезвычайно узких отсеков. Сверху отсеки перекрыты поставленными на ребро и наклоненными друг к другу кирпичами, образующими как бы двускатные крыши в миниатюре, поверх которых идет кирпичная вымостка, скорее всего служившая полом несохранившегося здания. Именно на этом полу встречены фрагменты составной наборной мозаики, по-видимому, от облицовки интерьеров каких-то парадных комнат. Назначение всего этого сооружения остается не совсем ясным; отметим лишь, что до сих пор в Афганистане существуют так называемые табахана — здания, под полом у которых устроена отопительная система, предназначенная для обогрева всех помещений. Наконец, восточный микрокомплекс, включает несколько частично сохранившихся помещений, в одном из которых (п. 1) имеется очаг-выкладка без следов воздействия огня, возможно указывающий на их особое назначение. Судя по косвенным данным, можно предполагать, что сначала была построена «табахана» и восточный микрокомплекс, несколько позднее — западный и в последнюю очередь — южный.

Оценивая в целом всю вскрытую планировку, следует отметить ее необычность; в этом отношении показательны чрезвычайно узкие Т-образные коридоры, где трудно пройти даже одному человеку. Создается впечатление, что они имели «ложный» характер, не несли никакой функциональной нагрузки, а являлись тем архитектурно-ритуальным каноном, который должен был неукоснительно присутствовать в монументальных зданиях подобного назначения. Организующим ядром здания являлся внутренний двор, который через обводные коридоры сообщался со всеми четырьмя фасами всего комплекса. Здесь у северной стены на месте «табахана», видимо, располагалась жилая застройка, отдельные парадные комнаты которой могли быть украшены наборной мозаикой (рис. 5). Микрокомплексы у западной, восточной и особенно южной стен двора скорее всего имели культовое назначение (храмики), на что указывает их в целом однотипная планировка: интерьеры, украшенные нишами, очаги-выкладки, ямки-лунки, суфы-возвышения, всегда устроенные вдоль северных стен [12]. Приведенные наблюдения дают основания определить исследуемый комплекс как здание дворцово-культового назначения (рис. 6), где могла обитать местная администрация, возможно совмещавшая одновременно и религиозные функции (рис. 7 и 8).

Обращаясь к сравнительным материалам, в первую очередь необходимо упомянуть храм и дворец Мундигак IV (Южный Афганистан), внеш-

[12] Судя по месопотамским материалам, небольшие храмики и святилища имелись почти в каждом доме. Ср. *И. М. Дьяконов.* Проблемы Вавилонского города II тысячелетия до н. э. Сб. «Древний Восток. Города и торговля». Ереван, 1973, стр. 61.

ние фасы которых декорированы пилястрами, либо полукруглыми, либо остроугольными в плане [13]. В цёлом же дворец Дашлы-3 ближе не к дворцу, а к храму Мундигака, где также имеется обводной коридор [14]. Наличие многочисленных пилястр по внешнему обводу стен так называемого храма на Алтын-депе [15] до определенной степени напоминает монументальную архитектуру Афганистана. Однако здесь сходство в значительной мере формальное. В этом плане еще более показательно чрезвычайно широкое использование пилястр в месопотамской архитектуре (в том числе ступенчатых), а также устройство ниш [16].

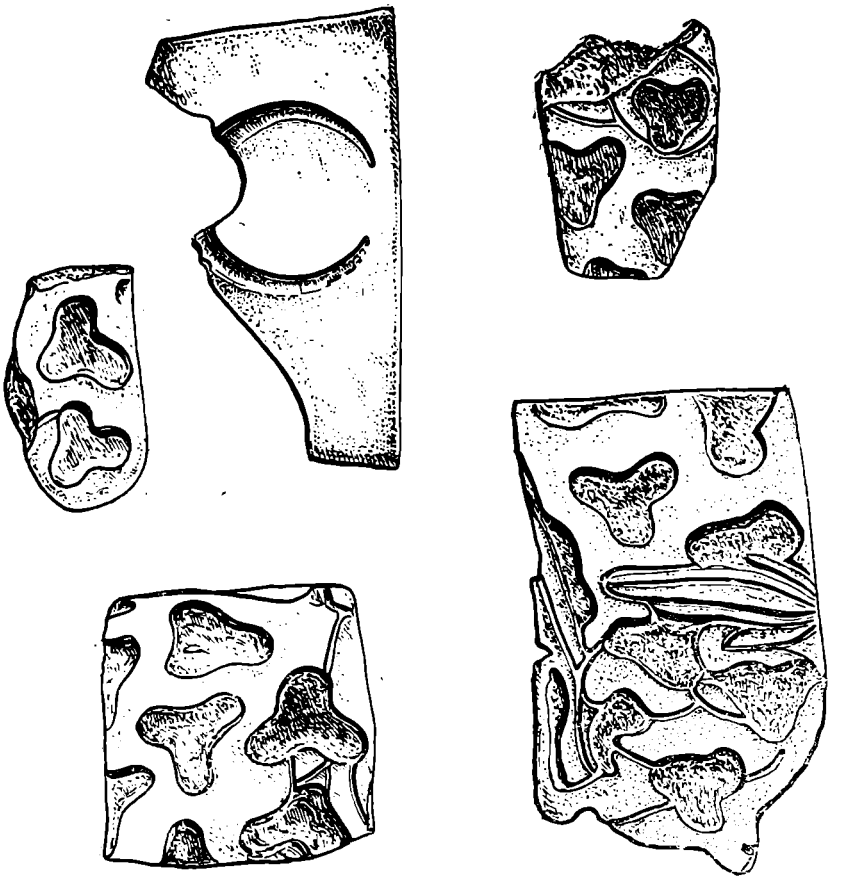


Рис. 5. Дашлы-3. Дворец. Фрагменты составной алебастровой мозаики

Первые бесспорные дворцы пока известны в Кише, где они состоят из внутреннего двора, застроенного с трех сторон необычно длинными комнатами, а с восточной — серией комнатушек [17], напоминая до определенной степени планировку двора во дворце на Дашлы-3. Взаимная перекличка отмечается и в наличии обводных коридоров, как, например, в храме Ашура [18]. Но особенно показателен план дворца в Агар Куфе (XII в. до н. э.), где внутри двора располагается возвышение, от которого отходят узкие отсеки, перекрытые сводами [19], что напоминает «таба-

[13] *I. M. Casal.* Fouilles de Mundigak..., fig. 24, 36.
[14] Ibid, fig. 36.
[15] *В. М. Массон.* Раскопки на Алтын-депе в 1969 г. Ашхабад, 1970.
[16] *A. Moortagat.* The Art of Ancient Mesopotamia, London — New York, 1969, p. 2—18.
[17] *E. Mackay.* Sumerian Palace in Kish, v. II, pl. XXXVI, 1.
[18] *A. Mootgat.* Op. cit..., fig. 51.
[19] *T. Bagir.* Iraq Government Excavations at Agar Quf. Iraq, v. III, 1946. London, pl. VI—IX; *T. Bagir.* Iraq Government Excavations at Agar Quf. Iraq, 1945, Supplement, pl. XVI.

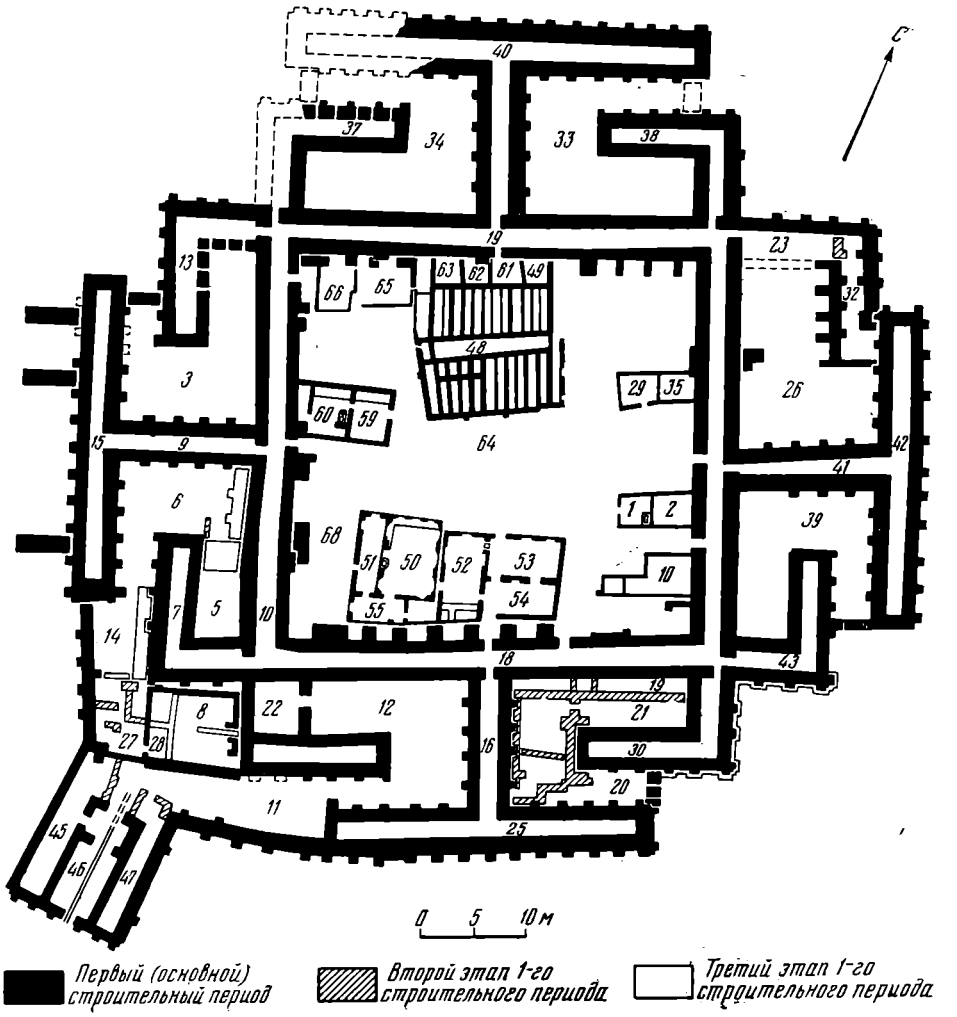


Рис. 6. Дашлы-3. Дворец, общий план

хана» с Дашлы-3. С другой стороны, показательно, что уже древнейшая монументальная архитектура Месопотамии, как, например, святилище в Телл Савван, имеет в плане форму Т-образного здания [20], причем этот принцип устойчиво выдерживается в Уруке VI—IV и Джемдет Насре [21], в связи с чем нельзя не вспомнить Т-образные коридоры сооружений с Дашлы-3. Отметим также, что в период Урук IV (3350—3150 гг. до н. э.) впервые появляются в месопотамской архитектуре сводчатые галереи, декоративные пилястры, а в раннединастический период — обширные дворы как организующий центр всего комплекса.

Уже эти лишь намечающиеся бактрийско-месопотамские параллели не оставляют сомнений в реальности общего сходства, что, однако, не исключает наличия таких сооружений и на промежуточной территории древнего Ирана. Косвенным свидетельством является архитектура Чоха Занбиль, где подножие зиккурата имеет обводные коридоры, фасированные пилястрами [22], но особенно показательна соответствующая архитектура в Персеполе (терраса) [23], дающая определенную перекличку как с востоком, так и западом.

---

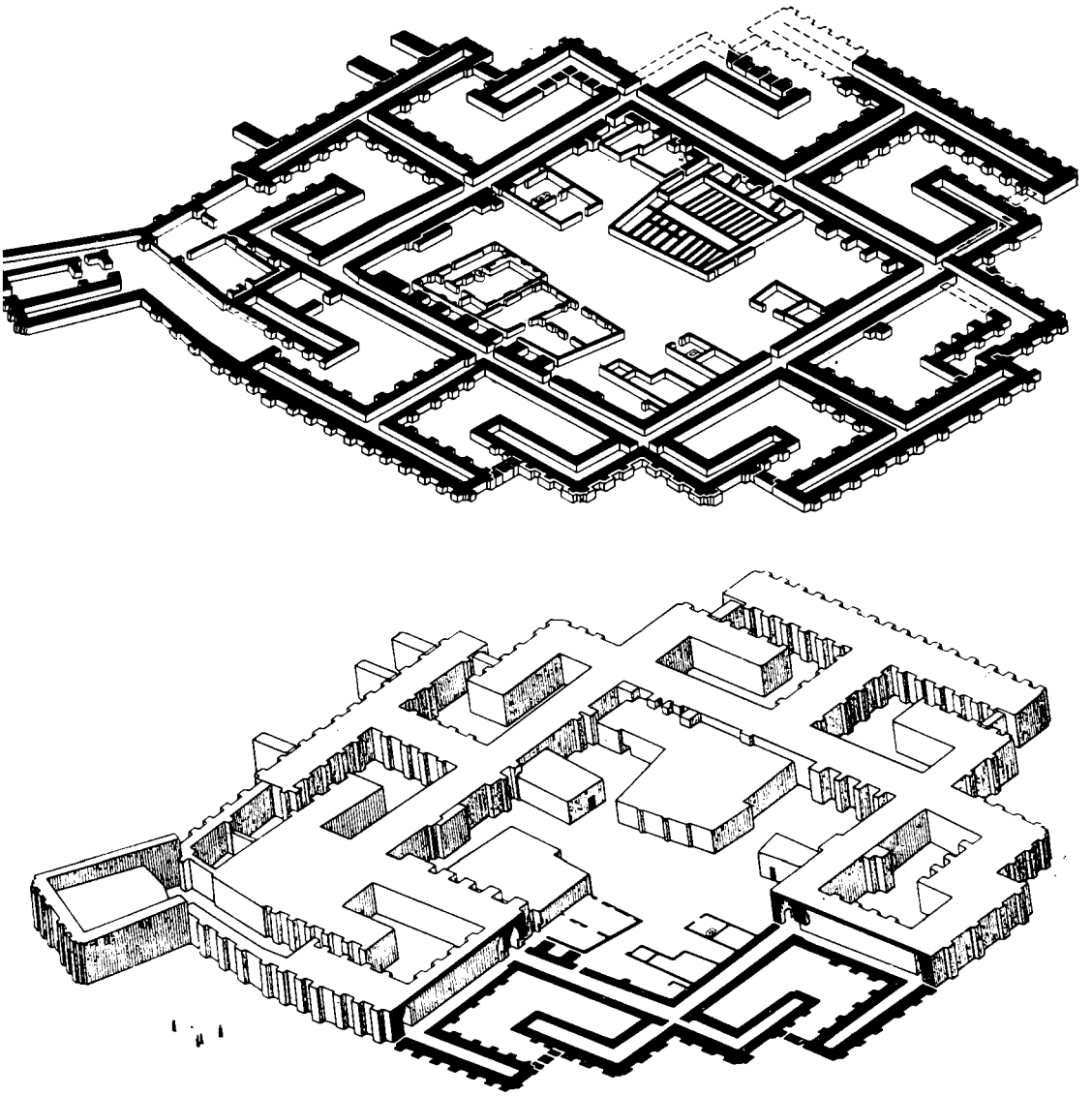
[20] *G. Gullini.* Struttura e Spazio nell' Architettura Mesopotamica Arcaica. «Mesopotamia», v. V—VI, 1970—1971. Torino, p. 190, 191, fig. C.

[21] *A. Moortgat.* Op. cit., p. 1—5.

[22] *R. Ghirshman.* Tchoga Zanbil. v. I. Paris, 1966, MDA en Iran, t. XXXIX, fig. 27.

[23] *E. Schmidt.* Persepolis, II, OIP, v. LXIX. Chicago, 1957.

1



2

Рис. 6а. Дашлы-3. Дворец: *1* — аксонометрия; *2* — вариант реконструкции (Я. М. Паромова)

Подводя итог рассмотрению монументальной архитектуры Бактрии в эпоху бронзы, можно утверждать, что, как и для месопотамской [24], для нее характерен строгий линейный ритм ниш и пилястр, создававший игру светотени и разбивавший однообразие плоскостей, отсутствие криволинейных элементов, сочетание плоских перекрытий со сводчатыми. Все это придавало зданиям особую торжественность, которой были лишены обычные частные дома. Думается, что основные планировочные принципы монументальной архитектуры Бактрии в конечном счете восходят к месопотамским, но, бесспорно, получившим местную переработку, что наиболее полно проявляется в четкой симметрии и поразительной однотипности каждой из сторон, фасирующих обширный внутренний двор.

Круглый храм и дворец не случайно располагались рядом, дополняя друг друга, они выполняли особые функции в общественной и культовой жизни местного населения. Как видно, уже в эпоху бронзы в Бакт-

[24] Всеобщая история архитектуры. М., 1970, т. 1, стр. 204.

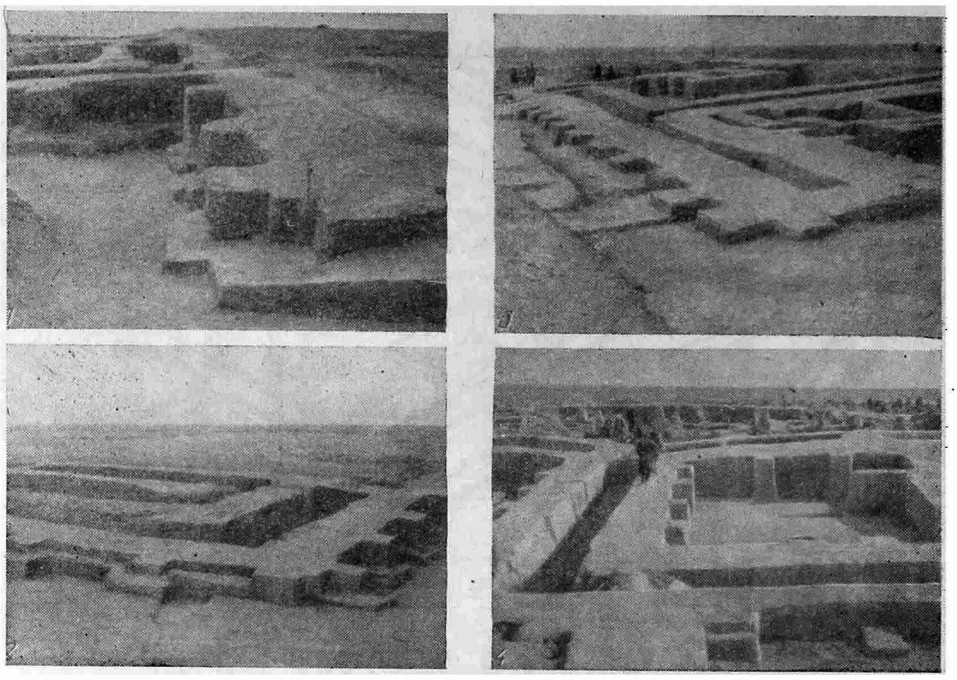


Рис. 7. Дашлы-3. Дворец: *1* — восточный угол; *2* — юго-восточный угол; *3* — южный фас; *4* — западный участок

рии сосуществуют два различных по архитектурному решению планировочных принципа: в основе одного лежит круг, в основе другого — квадрат.

Монументальная архитектура ахеменидской Бактрии. Первые памятники этого времени открыты САЭ в дашлинском (Алтын-10) и фарукабадском (Кутлуг-Тепе) оазисах. Холм Кутлуг-Тепе располагается на южной окраине огромного поселения ахеменидского времени. В древности на этом месте существовало небольшое естественное возвышение, на котором и было возведено основное здание, сохранившее по поверхности форму круга. Отмечается два строительных периода: первый (основной) и второй, когда внутри здания были встроены обычные жилые помещения (рис. 9, *3*). Следствием интенсивного обживания второго периода являются многочисленные хозяйственные ямы, прорезавшие основные полы; кроме того, внутренняя планировка претерпела большие изменения, так что, по-видимому, отдельные первоначальные стены вообще не сохранились к моменту раскопок.

К основному периоду относятся кольцевые стены, образующие две галереи со световыми амбразурами[25]. Галереи внутри не застроены и скорее всего являлись обводными коридорами с проходом в северной части. Из одной галереи в другую можно было попасть лишь через своеобразный вестибюль (п. 4), который ведет и в центральную часть всего сооружения. Обе галереи заключают внутри себя двор, в середине которого сохранилось длинное прямоугольное сооружение, частично застроенное поздними стенками. Выделяется помещение 6 с глубокими нишами в стене, белой обмазкой пола и остатками прямоугольного возвышения, предположительно алтаря.

Все сооружение окружено по периметру мощной стеной, образующей в плане пятигранник. Сразу же от подошвы ее начинается ров (средняя ширина около 12 *м* глубина около 5 *м*), вырытый в материке и заполненный к моменту раскопок чистым, надувным песком. Единственный

[25] Ср. аналогичные амбразуры на Годин-Тепе (*L. Levin.* The Iran Age Revealed, Expedition, v. 13. Philadelphia, № 3—4, p. 42).

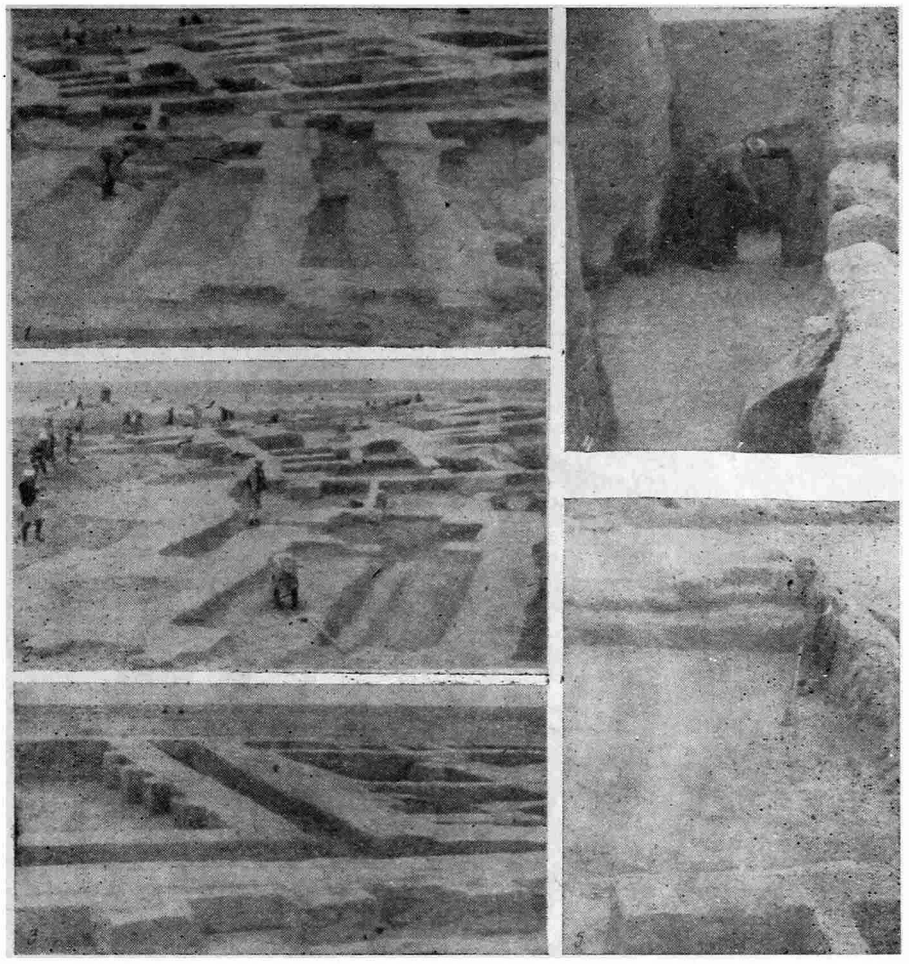


Рис. 8. Дашлы-3. Дворец: *1* — центральный въезд; *2* — общий вид западного фаса; *3* — общий вид южного фаса; *4* — проход обводного коридора; *5* — помещ. 50

въезд в виде длинного отрезка нераскопанного такыра располагается в северном углу комплекса.

Не трудно заметить, что общий план Кутлуг-Тепе (рис. 9, *1, 2*) в своей основе достаточно близко перекликается с планом круглого храма с Дашлы-3. На это в первую очередь указывает сам планировочный принцип кольцевых коридоров, заключающих внутри себя прямоугольные помещения, в том числе особого назначения.

Кутлуг-Тепе явно продолжает архитектурные традиции, заложенные еще в эпоху бронзы, демонстрируя генетическую линию развития культовой бактрийской монументальной архитектуры (рис. 10). Уже отмечалась определенная перекличка планировочных решений круглого храма Дашлы-3 и античного храма-мавзолея Кой-Крылган-кала [26], так что Кутлуг-Тепе обнаруживает весьма ощутимые параллели с обоими этими памятниками и заполняет существовавший ранее хронологический разрыв между ними.

В связи с открытием Кутлуг-Тепе возникает еще один аспект исследования, связанный с вхождением Бактрии в Ахеменидское государство. Рядом специалистов высказывалось мнение, что в ахеменидской державе был распространен исключительно зороастризм, а все местные культы

[26] *И. Т. Кругликова, В. И. Сарианиди.* Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. СА, 1971, 4, стр. 157.

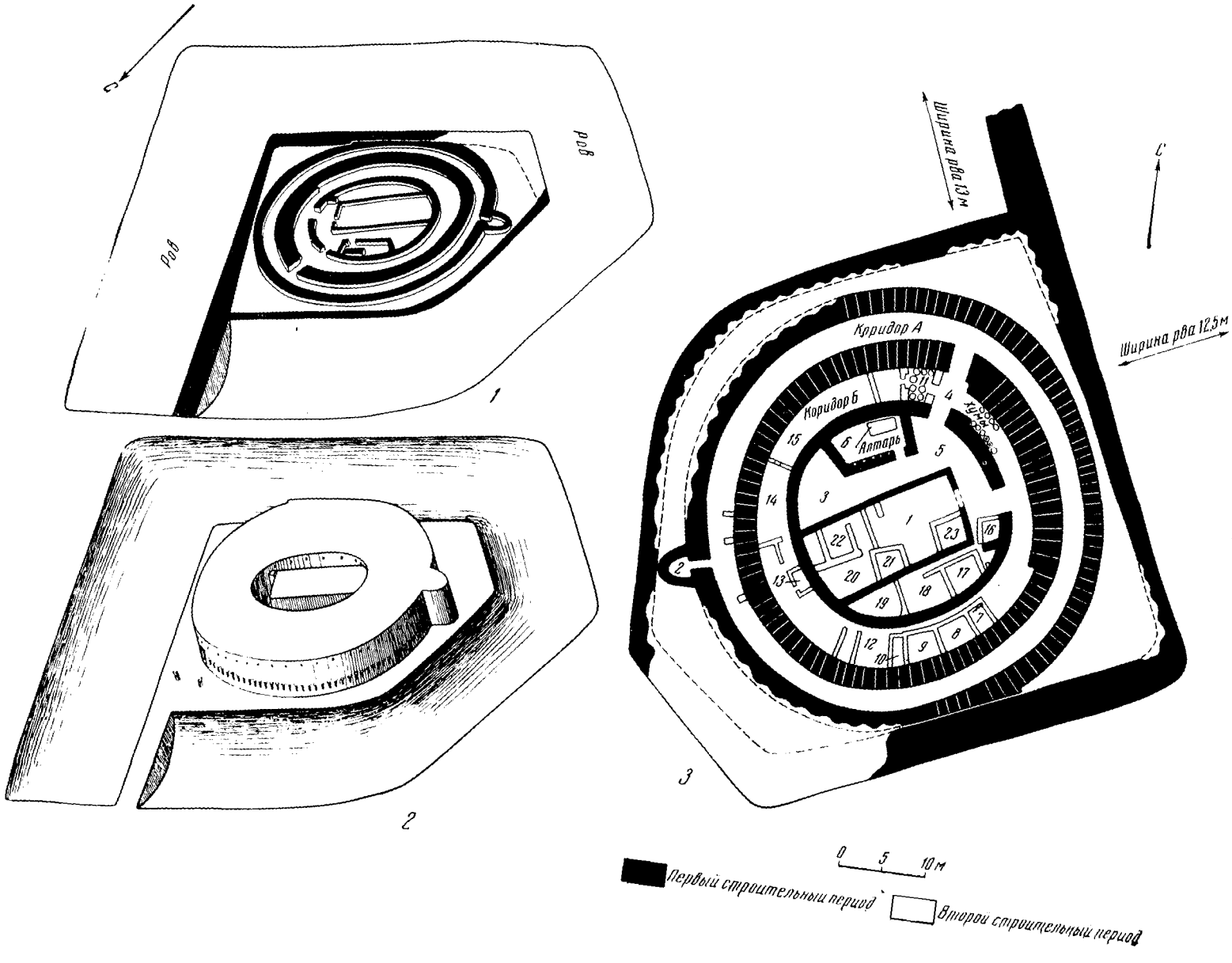


Рис. 9. Кутлуг-Тепе:
1 — аксонометрия;
2 — вариант реконструкции (Я. М. Паромова);
3 — общий план

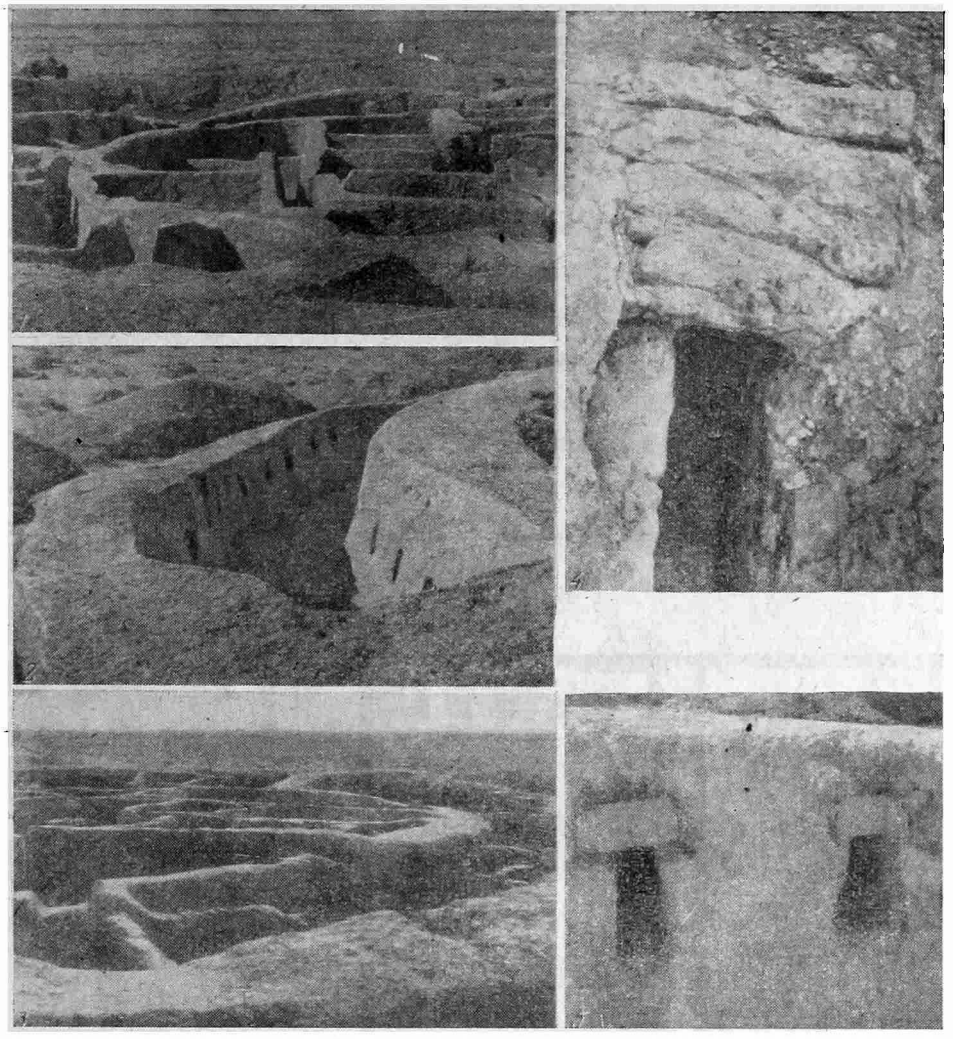


Рис. 10. Кутлуг-Тепе: *1* — вид с южной стороны; *2* — вид с восточной стороны; *3* — вид на центральную часть; *4, 5* — световые амбразуры

были запрещены. Однако М. А. Дандамаев показал, что наряду с поклонением Ахура Мазде иранское население, например, чтило и более древние, местные божества. Ахеменидские цари терпимо относились к религиям покоренных народов [27], что как будто находит свое косвенное подтверждение и на бактрийском материале.

Следующий монументальный комплекс, Алтын-10 находится в дашлинском оазисе и состоит из нескольких самостоятельных объектов, расположенных на окраине полуразвеянного поселения эпохи поздней бронзы.

Объект I представляет собой прямоугольное здание размером 80×55 *м*, сложенное сырцовым кирпичом (35×35×10 и 42×42×12 *см*). По всем четырем углам располагается по одному квадратному помещению с опорным столбом в центре; внешние углы помещений оформлены широкими пилястрами (рис. 11, *4*). Все здание делится посредине серией вытянутых в цепочку помещений, образующих вместе два обширных двора, оформленных с трех сторон кирпичными колоннами в виде своеобразных колоннадных портиков или айванов. Колонны поддерживали деревянную кровлю, которая таким образом охватывала крытым айваном оба двора со всех трех сторон (рис. 11, *5*).

[27] *М. А. Дандамаев.* Новые данные о религии в Персии на рубеже VI—V веков до н. э. ВДИ, 1974, 2, стр. 28—31.

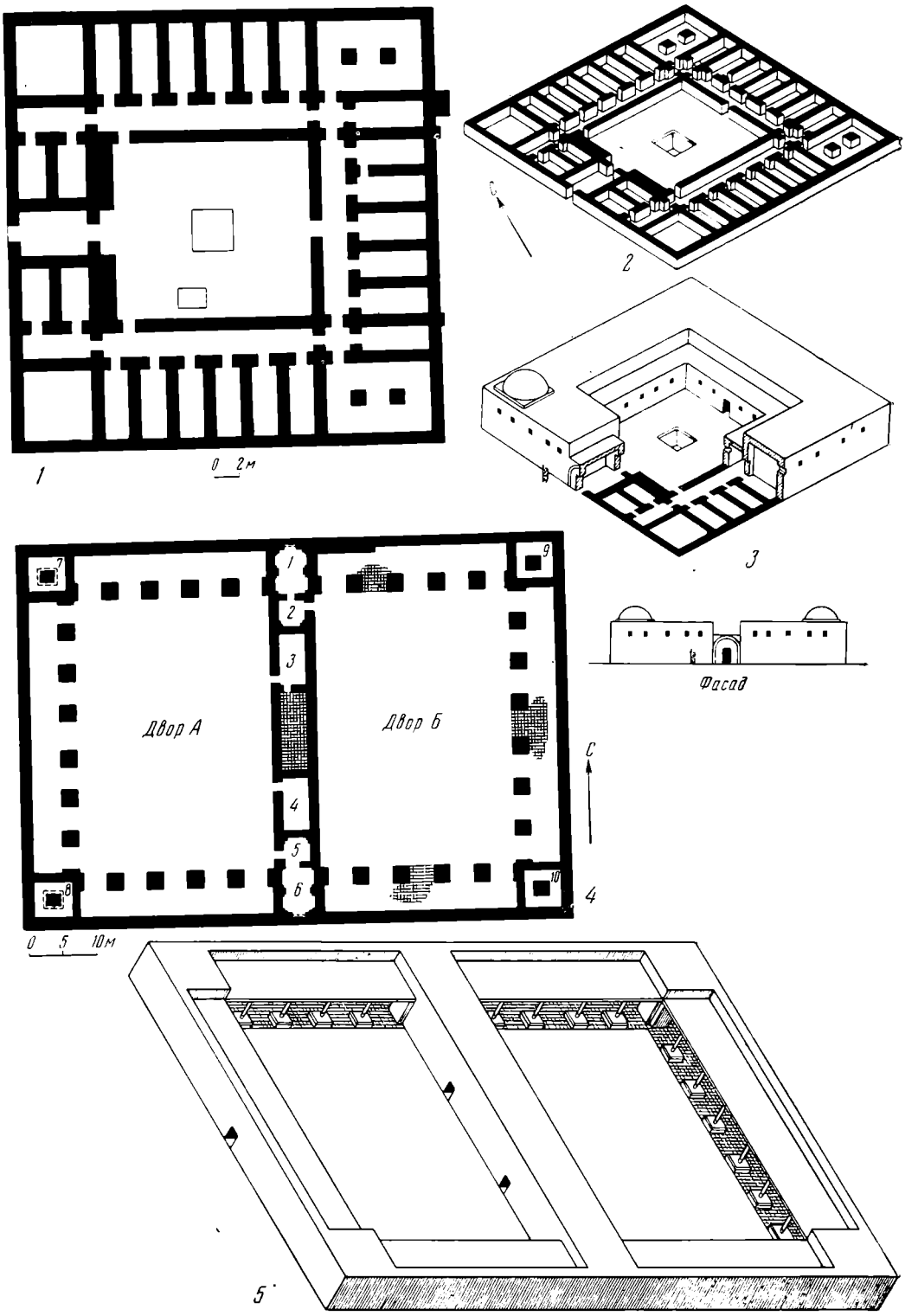


Рис. 11. Алтын-10: *1* — общий план объекта II; *2* — аксонометрия; *3* — реконструкция (Я. М. Паромова); *4* — общий план объекта I; *5* — реконструкция (Я. М. Паромова)

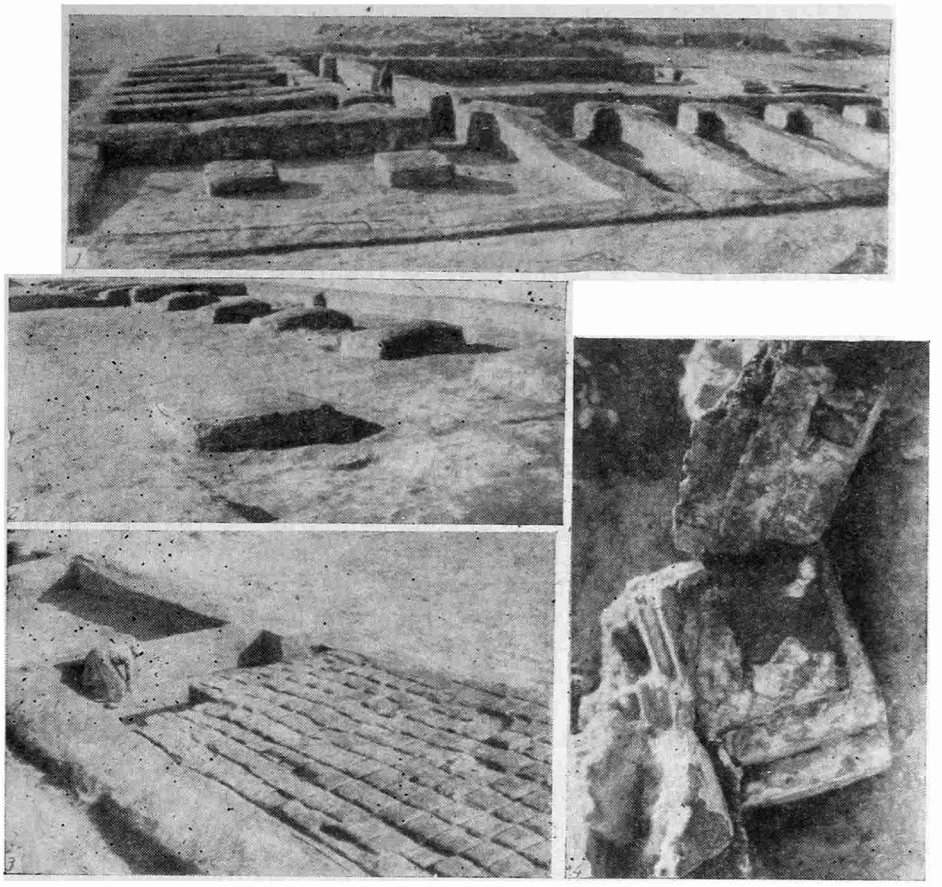


Рис. 12. Алтын-10: *1* — общий вид, на первом плане объект II, на втором плане объект I; *2* — объект I, остатки колонн; *3* — объект I, кирпичная платформа; *4* — объект II, глиняные алтарики

Упомянутая выше анфилада помещений (разделяющая два двора) состоит из центральной, прямоугольной формы «платформы», на которую ведет лесенка, по обе стороны от которой располагаются еще по два вытянутых помещения. Особый интерес вызывают два самых крайних помещения, с точностью копирующие друг друга. Интерьеры их имеют ниши, углы которых декорированы фигурными выступами.

Центральное место между обеими парами комнат (2, 3 и 4, 5) занимает «платформа» — вытянутое помещение, аккуратно заложенное внутри регулярной кладкой кирпича; сохранилось три ступени от лестницы, ведущей на ее верх. В таком случае не исключено, что на верху высокой кирпичной платформы могло находиться тронное место, как это, например, установлено для синхронного здания на Годин-Тепе в Иране [28].

Характерной особенностью вскрытого здания являются следы воздействия сильного огня, отмеченные внутри многих помещений, и особенно вдоль портика-айвана, свидетельствующие о гибели всего здания в результате пожара.

Раскопанное здание представляет собой, по-видимому, сооружение типа летнего дворца, на что указывает минимальное количество помещений в сочетании с обширными открытыми дворами (рис. 12, *1—3*).

Следующий объект, II располагается рядом с описанным выше и представляет собой небольшой холм, где раскопки выявили квадратное здание (размером 36×36 *м*), сложенное сырцовым кирпичом (43×43×12 *см*). По четырем углам его располагаются обширные помещения, из которых 8 и 30 — прямоугольной конфигурации, с двумя опорными столбами внут-

[28] *T. C. Young, H. Weiss.* The Godin Project: Godin Tepe. Iran, XII, 1974, p. 210.

ри; два других угловых помещения, 15 и 23 почти квадратные, но меньших размеров. Ряд косвенных наблюдений дает право предполагать проходы, некогда соединявшие помещения 15 и 23 с прилегающими коридорами (по аналогии с п. 8 и 30, соединяющимися с обводным коридором).

Между угловыми комнатами располагаются длинные узкие помещения, входы которых ведут соответственно в северный, восточный и южный обводные коридоры. Вдоль северного и южного фаса располагаются по шесть таких узких помещений, по восточному — семь. В середине внешней западной стены имеется вход, ведущий в вестибюль 19 и затем во внутренний двор. По обе стороны от вестибюля располагаются по три взаимосвязанных узких помещения (соответственно 16, 17, 18 и 20, 21, 22), возможно сообщавшихся общими проходами с угловыми постройками 15 и 23.

Как видно, все помещения имеют проходы, ведущие в обводной коридор, который в свою очередь охватывает с трех сторон обширный внутренний двор. Обводной коридор соединяется с внутренним двором тремя проходами, один из которых расположен в центре восточного коридора, а два других — в западных углах северного и южного коридора. Строго в центре внутреннего двора устроен бассейн (размером 3,5×3,5 *м*), около южного коридора имеется второй бассейн, но более поздний. Все помещения, исключая дворы, изнутри имеют алебастровую обмазку.

В системе раскопанного здания выделяется угловое помещение 8, культурное заполнение которого резко отлично от всех остальных. Здесь на самом полу находится слой золы толщиной до 8—10 *см*, а прилегающая часть стены сильно закопчена поверх алебастровой обмазки. Выше, до самой дневной поверхности, обнаружен сплошной завал глиняных «кессонов» или «алтарей», представляющих собой квадратные в основании (32×32 *см*) трехступенчатые пирамидки, изготовленные из тонкоотмученной глины с примесью самана; поверхность их сплошь покрыта тонким слоем белого алебастра (рис. 12, *4*).

В общем виде исследуемое сооружение реконструируется как небольшое здание, организующим центром которого является внутренний двор с бассейном. Ряд поразительно однотипных помещений, идущих вдоль всех трех сторон, ограничен со стороны двора обводным коридором. В таком случае свет в эти помещения попадал со стороны внешней стены, где могли быть устроены окна. В свою очередь обводной коридор мог освещаться световыми люками со стороны двора. Вход, располагавшийся на западном фасе, имел по обе стороны предвратные комнаты; угловые помещения этого же фаса без опорных столбов, видимо, имели купольные перекрытия. Это могло быть здание типа зимнего дворца, где пребывал местный правитель небольшого укрепленного городка Алтын-1, расположенного в 2 *км* к югу от Алтын-10. Преимущественно светское назначение комплекса на Алтын-10 не исключает и культового его значения, когда отдельные помещения могли использоваться в качестве домашних святилищ, косвенным свидетельством чего могут являться ступенчатые «алтарики».

От следующего сооружения (объект III), расположенного в нескольких метрах к югу от объекта I, сохранились лишь следы трех обширных помещений; остальная часть полностью развеяна процессами дефляции. Наконец, к западу от объекта II находилось еще какое-то сооружение, от которого сохранились лишь обрывки стен в виде основной длинной стены, от которой в обе стороны отходят короткие поперечные стеночки.

Если сравнить общую планировку объекта II Алтын-10 с дворцово-культовым сооружением Дашлы-3, то нетрудно отметить вполне очевидные линии связей. В первую очередь это проявляется в самом планировочном принципе, когда организующим центром является почти квадратный двор, сообщающийся проходами с обводным коридором. Сближает их и строгая симметрия общего плана, построенная на пересечении прямых

линий с четко выдержанными пропорциями. Вместе с тем налицо и новшества, отражающиеся в полном отказе от пилястр как декоративного элемента: на Алтын-10 ровные плоскости стен становятся господствующими в общей композиции здания. Ритм и симметрия — вот что теперь становится характерным для бактрийского зодчества.

Еще больше новшеств демонстрирует летний дворец на Алтын-10, что проявляется как в самой планировке, так и устройстве колоннадных портиков-айванов. Но и здесь все еще чувствуются глубоко местные традиции бактрийского зодчества, что наглядно видно на примере оформления интерьеров ряда комнат фигурными нишами, прямо напоминающими аналогичные приемы декорировки особых помещений зданий Дашлы-3.

Установленный факт почти тысячелетней преемственности в развитии монументальной архитектуры Бактрии не следует рассматривать только как чисто локальное явление. Напротив, в середине I тысячелетия до н. э. архитектура Бактрии демонстрирует все большую близость с сооружениями ахеменидского Ирана, и в первую очередь с монументальными зданиями Дахани Гуламан (особенно с так называемым священным зданием) [29]. Руководитель раскопок У. Шеррато склонен рассматривать все здание как храм огня, отмечая вместе с тем, что подобного рода здания не известны ни раньше, ни позже на территории Ирана [30].

В свою очередь К. Шиппман, оговаривая уникальность этого здания, предлагает три варианта решения: 1) это не храм огня, 2) храм огня, но не зороастрийский, 3) наряду с культом огня могли осуществляться и другие культы [31].

Независимо от подлинного назначения отметим общую близость планировочных решений здания 3 Дахани Гуламан и объекта I с Алтын-депе. В обоих случаях налицо обширные дворы с колоннадными портиками, угловыми помещениями и разделение двора на две части. Вместе с тем наряду с общими сходными признаками имеются и более частные отличия, что особенно четко видно на примере усложненного плана Дахани Гуламан [32].

Среди других сооружений Дахани Гуламан наибольший интерес представляет здание 15. Это было почти квадратное сооружение с примерными размерами 50×50 *м*. В центре его находится обширный двор, образованный симметрично расположенными, очень узкими помещениями по семь с каждой стороны; наконец, по всем четырем углам находилось по одному угловому помещению. Хотя и в упрощенном виде, но планировка здания 15 достаточно близко перекликается с объектом II на Алтын-10 [33]. Это сходство усиливается находкой в другом здании (дом 6) трехступенчатого алтаря, с точностью копирующего вышеописанные «алтари» с Алтын-10 (небольшое отличие заключается лишь в углублении на верхней плоскости сеистанского экземпляра).

Таким образом, перед нами очевидная перекличка сооружений особого назначения Бактрии и Дрангианы. Вместе с тем нет никаких оснований усматривать прямую связь между этими конкретными комплексами, так как отмечена определенная планиметрическая перекличка между зданием 3 с Дахани Гуламан и ахеменидскими сооружениями Фарса и в особенности Персеполя [34], причем акрополь в Сузах с обширными колоннадными дворами и особенно угловыми залами близко напоминают плани-

---

[29] *U. Scerrato.* Excavations at Dahan-i-Ghulaman (Seistan-Iran), First Preliminary Report (1962—1963). EW, v. 16, № 1—2, 1966, p. 9—30.

[30] *U. Scerrato.* Opt. cit., p. 16, 17.

[31] *K. Schippman.* Op. cit., p. 55.

[32] Кстати, отметим, что хорошая сохранность колонн позволила установить арочные перекрытия портика здания 3 (*U. Scerrato.* Op. cit., fig. 11), что дает основание предполагать существование аналогичной конструкции для колонн объекта 1 на Алтын-10.

[33] *U. Scerrato,* Op. cit..., fig. 2.

[34] Ibid., p. 15.

ровочные решения как Дрангианы, так и Бактрии [35]. Как видно, налицо достаточно широкое распространение в целом однотипных зданий «официального» назначения, хотя, конечно, периферийные здания далеко уступали по всем другим параметрам столичному Персеполю. При всем том истоки ахеменидского зодчества уходят в глубокую древность, к памятникам типа дворца Дашлы-3 и другим, еще не открытым, но подобным сооружениям, в том числе и на территории древнего Ирана. Все сказанное не исключает, а, наоборот, предполагает местные, региональные архитектурные традиции. Существовали свои локальные традиции и в других регионах, и в частности в иранском Сеистане, что, например, усматривается в наличии сводчатых перекрытий в Дахни Гуламан [36].

Но бесспорно, особого значения заслуживает (независимо от уточнения их назначения) общественно социальный аспект подобных сооружений. Расположенные далеко от Персеполя, на окраине ахеменидской империи комплексы сооружений типа Дахани Гуламан и Алтын-10 открывают новую главу в истории изучения периферийных сатрапий. Очевидно, что политическим и административным центром являлся комплекс сооружений на Алтын-10, который вместе с рядом расположенным укрепленным городком Алтын-1 составлял центр всего алтынского оазиса ахеменидского периода.

V. I. Sarianidi

EDIFICES D'ARCHITECTURE MONUMENTALE EN BACTRIANE

Résumé

Les fouilles entreprises dans le nord de l'Afghanistan (en Bactriane) ont mené à la découverte des grandioses constructions d'un temple-palais. Ainsi, dans le secteur Dachly-3, côte, à côte, se trouvent un édifice rond — probablement un temple du feu (fig. 1-3),— et le palais, sur les ruines duquel s'est édifié plus tard un simple village (fig. 4). Ces deux monuments appartiennent à l'époque du bronze (milieu du IIe millénaire av. n. é.), et étaient apparemment le centre administratif et religieux de tout l'oasis de Dachly.

A la période achéménide appartient l'édifice rond de Koutloug-tépé, entouré d'un fossé possédant un unique passage (fig. 9-10). Dans le secteur Altynn-10 se trouve un ensemble de constructions monumentales, dont deux ont été dégagées. On suppose que l'édifice I était le palais d'été (fig. 11-12), tandis que l'édifice II est conventionnellement désigné comme étant le palais d'hiver. On est arrivé à la conclusion qu'il existait une école d'architecture monumentale spéciale en Bactriane, dont les traditions connurent une évolution étalée sur un millénaire. Les parallèles les plus frappants de cette antique école d'architecture de Bactriane sont offerts par les monuments de Mésopotamie; ceci, cependant, concerne certains détails, et non le plan dans son ensemble. Les traditions qu'on peut observer dans les édifices cultuels de l'Age du Bronze (Dachly-3) jusqu'à l'époque achéménide (Koutloug-tépé) sont susceptibles de refléter la continuité des conceptions religieuses. Le rattachement de l'antique Bactriane à l'Etat achéménide ne signifiait pas que le zoroastrisme devait immanquablement supplanter les cultes locaux, qui ont pu exister jusqu'à l'époque de l'Antiquité.

---

[35] У. Шеррато усматривает предпочтительную близость здания 3 с Персеполем, а не Пасаргадами в первую очередь из-за своего квадратного, а не прямоугольного общего плана, однако в Алтын-10 имеются оба типа сооружений.

[36] *U. Scerrato.* Op. cit., p. 16. В настоящее время ложносводчатые перекрытия, по крайней мере узких коридоров, известны для мидийского времени (Нуши Джан) и эпохи бронзы (дворец Дашлы-3).

А. И. АЙБАБИН

САЛТОВСКИЕ ПОЯСНЫЕ НАБОРЫ ИЗ КРЫМА

Общепризнано, что поясные наборы входили в состав обязательного снаряжения раннесредневековых воинов. Поясные наборы салтовских воинов стали известны в результате раскопок Салтовского могильника, начавшихся в 1900 г.[1] В работах Н. Я. Мерперта, Б. А. Шрамко и С. А. Плетневой приводится реконструкция салтовских поясных наборов, намечается типология и анализируется орнаментация входящих в них пряжек, бляшек и наконечников[2]. Время бытования упомянутых поясных наборов обычно определяют хронологическими рамками существования самой салтово-маяцкой культуры — вторая половина VIII—IX в., по Н. Я. Мерперту и С. А. Плетневой[3].

Из Крыма происходит 14 салтовских поясных наборов и 27 пряжек, 12 бляшек, две соединительные петли и одно кольцо от подобных наборов. Однако они специально не рассматривались в археологической литературе. Многие из них не изданы[4]. Публикация и предварительный анализ названных вещей позволяют полнее осветить роль салтово-маяцкой культуры в истории раннесредневековой Таврики.

За основу классификации найденных в Крыму пряжек салтовского круга мы взяли технологию изготовления, форму и способ соединения основных деталей пряжек: кольца, язычка и щитка. По перечисленным признакам публикуемые пряжки можно разделить на три типа.

Тип I. 22 бронзовые и одна серебряная пряжки. Кольца и щитки пряжек отлиты вместе. Язычок литой, с массивным концом. Он подвижный и закреплен на бронзовом стерженьке, вставленном в отверстие в утолщенном месте перехода кольца в щиток. На обратной стороне щитка прикреплены два шпенька для крепления пряжки к ремню. По форме и орнаментации щитка пряжки I типа делятся на семь подтипов.

Подтипы. 1. Плоские щитки пряжек (пять из скалистинских склепов 127е, 132, 263, 303а, 391 и одна — из Керчи) имеют прямоугольную форму и неорнаментированы (рис. 1, *1*, *2*, *5*; 3, *54*; 4, *1*).

2. У семи пряжек (из Херсона, из скалистинских склепов 150 и 771, из чуфут-калинских склепов 13 и 98 и из тепсеньских могил 11/1952 и 26/1959-60) щитки завершаются треугольником или закруглены (рис. 1, *8*, *13*, *19*, *22*; 2, *1*, 19; 4, *13*). У одной из них (из чуфут-калинского склепа 13) верхняя поверхность щитка украшена характерным для салтовских пряжек узором: треугольниками и ромбами (рис. 2, *19*). Щиток

---

[1] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам. МИА, 143, 1967, стр. 3.

[2] *Н. Я. Мерперт.* Верхнее Салтово. Канд. дис., М., 1949, Архив ИА АН СССР. № 884, стр. 229—238; *Б. А. Шрамко.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 283, 285, рис. 109, *1*; *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 161—166.

[3] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 142—143.

[4] Приношу благодарность Е. В. Веймарну, В. В. Кропоткину, И. И. Лободе и С. А. Плетневой за разрешение использовать в работе материалы из раскопок могильников в Скалистом, Чуфут-Кале, Ароматном и Дмитриевке.

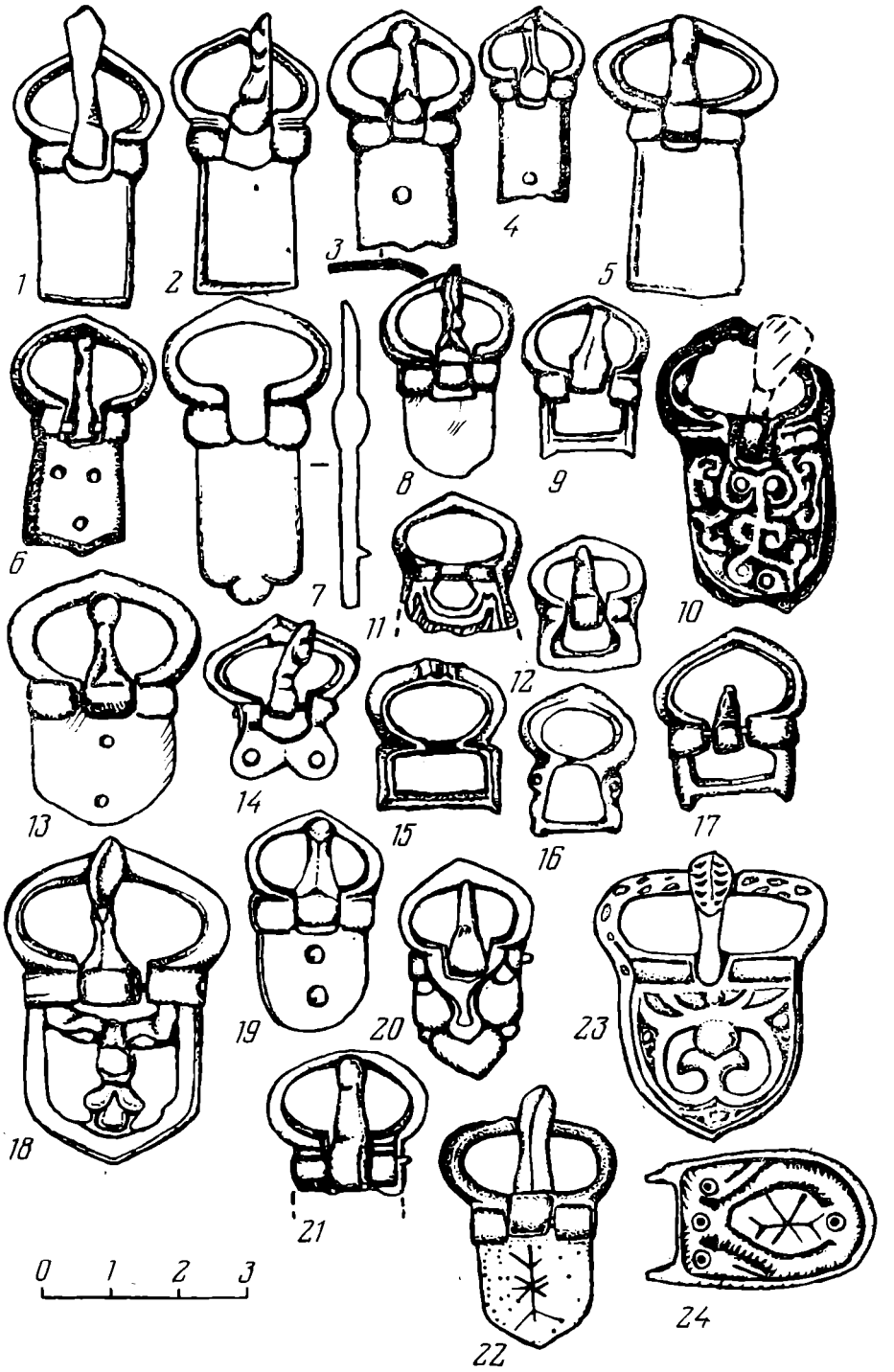


Рис. 1. *1* — склеп 127*е*; *2*—132; *4*—247; *8*—150; *9*—290; *10*—177; *12*—199; *18*—624; *22*—771, Скалистое; *3* — склеп 6, Бакла; *5* — случайная находка, Керчь; *6* — катакомба 121; *20*—118, Дмитриевка; *7* — Заветное; *11, 15, 16, 24* — случайные находки; *23* — склеп 2789, 1908 года, Херсонес; *13* — северо-западный могильник 1959—1960 гг., погр. 26; *17* — случайная находка, Тепсень; *14* — Верхоречье; *19* — склеп 98; *21*—110, Чуфут-Кале

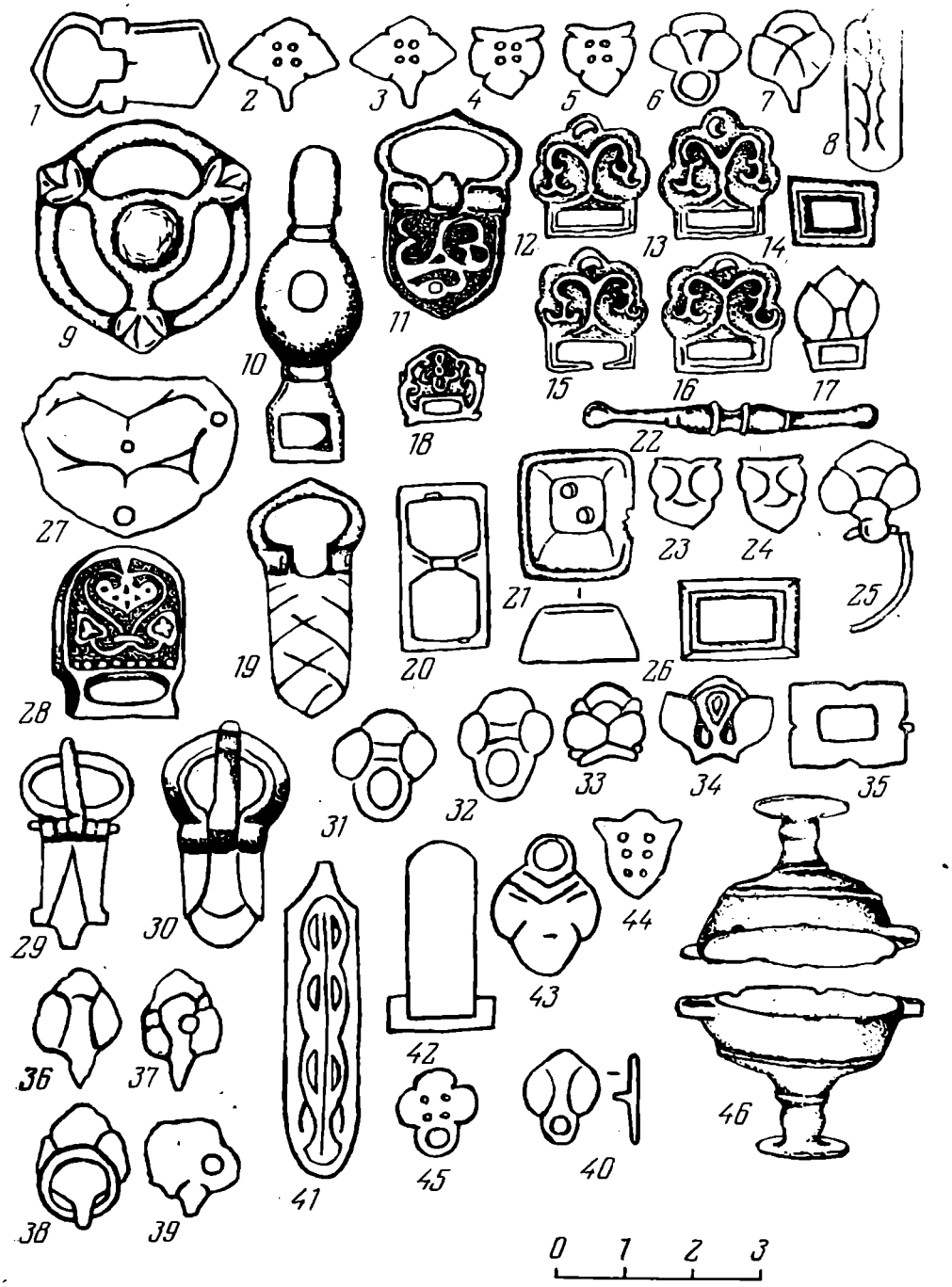


Рис. 2. *1—10* — Херсон; *11—17* — склеп 6, Ароматное; *18* — Лядинский могильник; *19—22* — склеп 13; *23—27* — 104, Чуфут-Кале; *28* — мог. 50; *29—35* — мог. 97. Суук-Су; *36—39* — Симеиз; *40* — землянка, Кордон-Оба; *41—43* — прорисовка наконечников и бляшек с литейной формы; *44*—1953 г., мог. 2 (39), Тепсень; *45*—мог. 8, Тиритака; *46* — склеп 269, Скалистое

пряжки из скалистинского склепа 771 декорирован точками и процарапанными скрещивающимися линиями (рис. 1, *22*). Подобный узор в виде скрещивающихся линий имеется на щитках некоторых херсонских пряжек (рис. 1, *24*) и на жуковинах перстней из Скалистого и Суук-Су [5].

[5] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области Крымских готов, ч. II, ЗООИД, XXVII, Одесса, 1907, рис. 101; Фонды Херсонесского музея, планшет XXVI, № 1880.

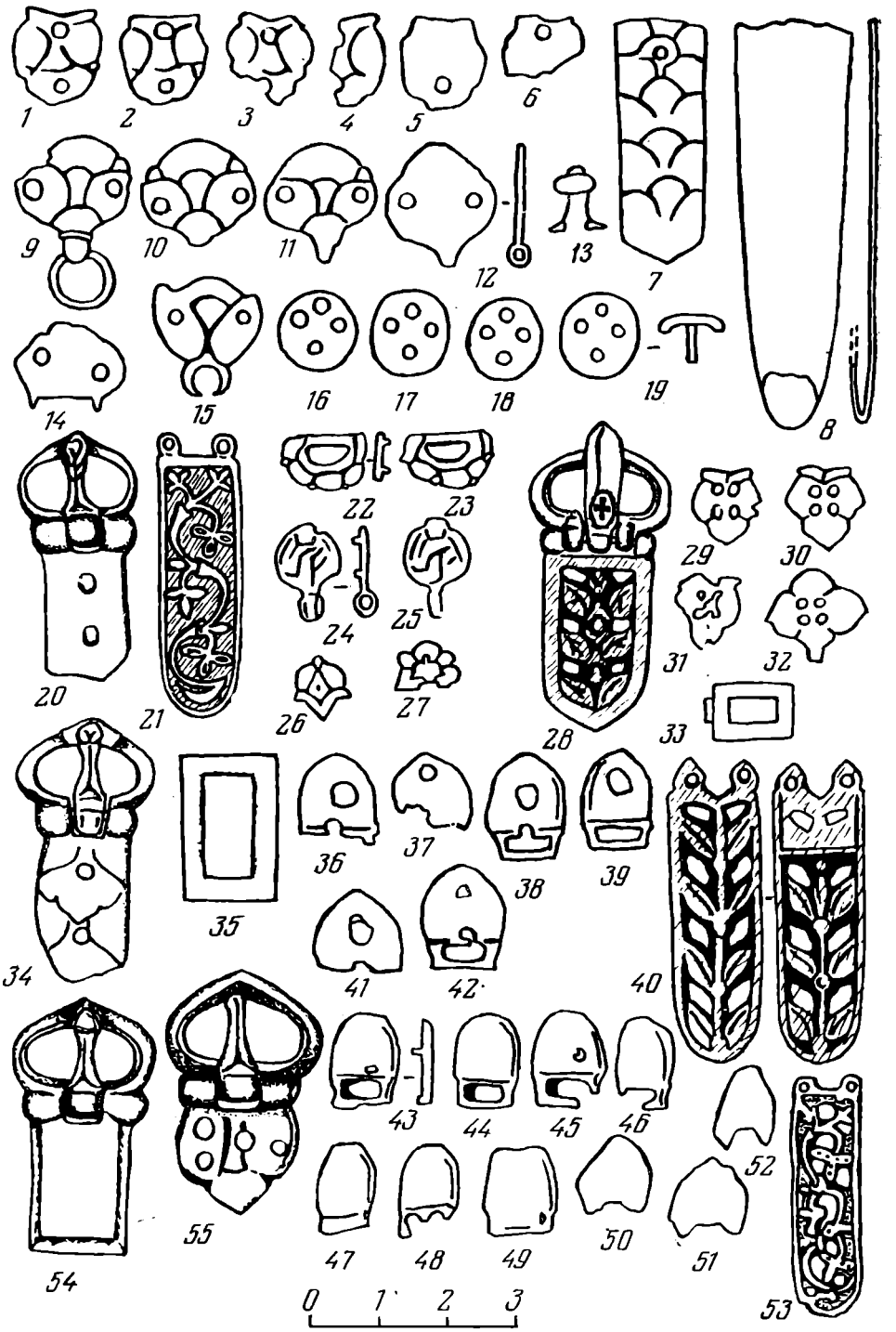


Рис. 3. *1—19* — склеп 17, Чуфут-Кале; *20, 21—24а*; *22—27—24б*; *28—33*—204; *34—42*—128; *43—55*—303*а*, Скалистое

3. Боковые края щитков трех пряжек из скалистинских склепов (24а, 128, 247), из Заветного (Бахчисарайский р-он) и из Баклинского (склеп 6) [6] загнуты вниз (рис. 1, *3, 4*; 3, *20*). Причем лицевая поверхность щитка пряжки из скалистинского склепа 128 декорирована фигура-

[6] Баклинский могильник расположен недалеко от скалистинского. Склеп исследован О. А. Махневой в 1970 г.

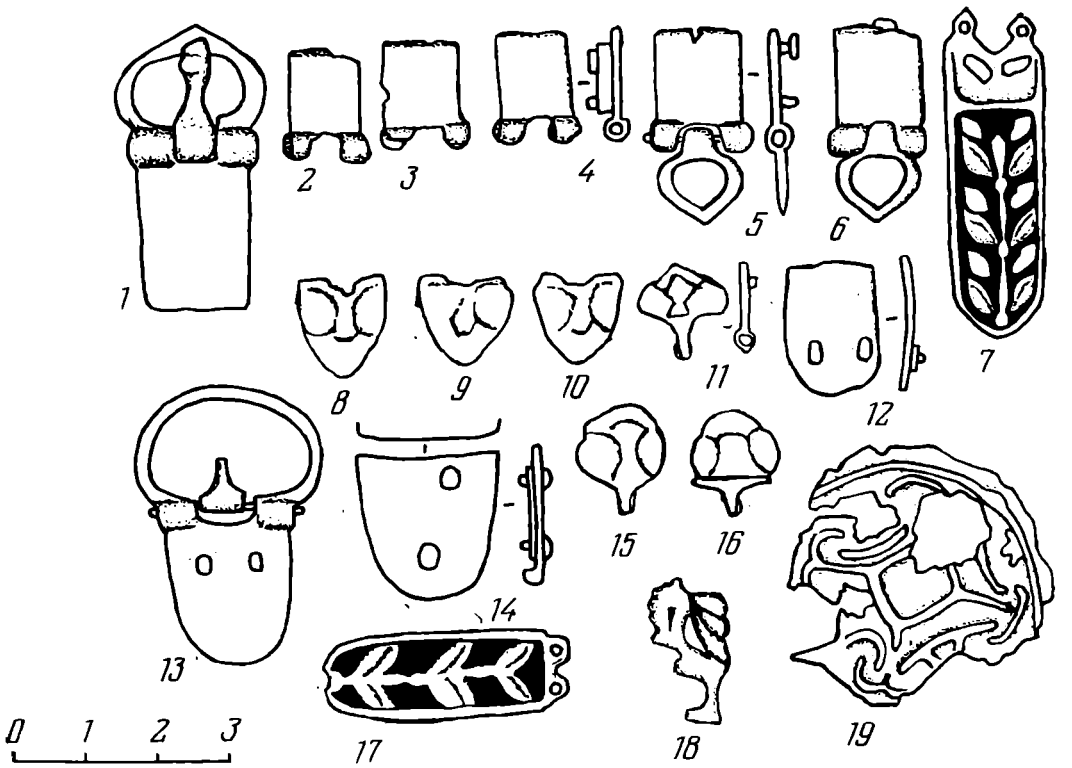


Рис. 4. *1—12* — склеп 391; *19*—279; *15*—471; *16*—278*а*; *18*—405, Скалистое; *17* — катакомба 118, Дмитриевка; *13—14* — мог. 11/1952, Тепсень, северо-западный могильник

ми неправильной формы (рис. 3, *34*), а у пряжки из заветнинского склепа щиток завершается трилистником (рис. 1, 7).

4. У двух пряжек из скалистинского склепа 177 и одной из араматнинского край щитка закруглен или заостряется. На щитках имеются маленькие круглые отверстия, в которые вставлялись шпеньки для крепления пряжки к ремню. Лицевая поверхность щитка скалистинских пряжек покрыта растительным узором, составленным из завитков, ответвляющихся от вертикального ствола (рис. 1, *10*). Орнамент пряжки из ароматнинского склепа и четырех бляшек от того же поясного набора (рис. 2, *11—13, 15, 16*), вероятно, представляет собой более схематичное изображение кустика со свисающими цветами. Прообраз этого орнаментального мотива был популярен в Византии в VI—VIII вв. В. Ф. Вольбах считает, что византийские мастера заимствовали данный сюжет из Ирана [7].

5. Щиток у пряжки из скалистинского склепа 303*а* имеет округлые боковые стороны и завершается треугольником. На щитке пряжки есть четыре небольших круглых отверстия для шпеньков (рис. 3, *55*). Орнамент и форма ее щитка восходят к декору дмитриевских пряжек, на которых он гораздо четче выражен (рис. 1, *20*). Еще более упрощенный вариант такого декора представлен на щитке серебряной пряжки из Суук-Су — из плитовой могилы 97 (рис. 2, *30*). Аналогичная пряжка есть и в Чми [8].

---

[7] *W. F. Volbach.* Early decorative textiles. London — New York — Sydney — Toronto, 1969, p. 100, 118, fig. 45, 46, 53; *J. Baum.* Das Warnebertusreiliquiar in Beromünster. Leitschrift fur Schweizerische Archaeologie und Kunstgeschichte. Bd. 8, Ht. 4, 1948, Taf. 57, Abb. 8; *Р. Шуринова.* Коптские ткани. М., 1969, рис. 42, *111*.

[8] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники..., ч. II, стр. 105, рис. 109; *В. Б. Деопик (Ковалевская).* Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. МИА, 114, 1963, стр. 128, рис. 1, 7.

6. Пряжка из земляного склепа 1, раскопанного П. П. Бабенчиковым в могильнике близ с. Верхоречье [9], отличается от предыдущих формой небольшого фигурного щитка (рис. 1, *14*).

7. Ажурный щиток пряжки из скалистинского склепа 624 украшен слегка распустившимся бутоном из трех лепестков на короткой толстой ножке (рис. 1, *18*). По форме и декору щитка ей близка шарнирная пряжка из погребения салтовского воина, исследованного близ совхоза Веселовский в Нижнем Подонье [10].

Ажурный щиток второй пряжки подтипа I, *7*, найденной в разграбленном херсонском склепе 2789, украшен таким же бутоном, но растущим вверх. Ее язычок и кольцо декорированы выемчатым орнаментом (рис. 1, *23*) [11].

Данный элемент декора херсонской пряжки встречается на неопубликованных византийских пряжках и поясных наборах из Перещепина и Херсона, а схематический вариант трилистника, изображенного на пряжках подтипа I, *7*, представлен на многих салтовских бляшках (рис. 2, *17* и др.).

Крымские пряжки подтипов I, *1—3, 5* по конструкции, форме кольца, щитка, язычка и технике их изготовления близки соответствующим пряжкам из Салтовского, Мыдлань-Шайского, Дмитриевского (рис. 1, *6, 20*) могильников и из Саркела [12].

Пряжки из ароматнинского и скалистинского (771) склепов также аналогичны салтовским по своей конструкции и форме кольца и язычка. Однако они декорированы крымско-византийским орнаментом. Скорее всего, эти пряжки изготовлены в Крыму. Пряжки подтипов I, *6* и I, *7* встречаются только в Крыму.

Тип II. В него включено восемь односоставных литых бронзовых безщитковых пряжек, сходных по форме кольца и язычка с пряжками I типа. Но вместо щитка пряжки II типа снабжены прямоугольной или трапециевидной рамкой, с помощью которой пряжки крепились на ремне (рис. 1, *9, 12, 15—17*). По способу крепления язычка среди пряжек II типа выделяется два подтипа.

Подтипы. 1. У четырех пряжек из скалистинских склепов 199, 241, 290, 381, одной с территории того же могильника и одной с Тепсеньского могильника язычок крепился так же, как и у пряжек предыдущего типа (рис. 1, *9, 12, 17*).

2. У двух пряжек из Херсонеса язычок крепился на передней стенке рамки (рис. 1, *15, 16*).

Аналогии пряжкам II типа найдены в Саркельском, Салтовском могильниках, в Волжской Болгарии, в Мыдлань-Шае и в Веселовском погребении [13].

---

[9] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. МИА, 168, 1970, стр. 14.

[10] *М. Г. Мошкова, В. Е. Максименко.* Работы Богаевской экспедиции в 1971 году. Сб. «Археологические памятники Нижнего Подонья», ч. II. М., 1974, стр. 45—48, табл. XXIX, *11*.

[11] *Н. И. Репников.* Дневник раскопок Херсонесского некрополя в 1908 г. ХСб., II. Севастополь, 1927, стр. 176, рис. 34.

[12] *Н. Макаренко.* Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. ИАК, 19, 1906, рис. 21; *В. А. Бабенко.* Новые исследования Верхне-Салтовского могильника в 1908 г. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911, стр. 227, рис. 150, 153; *М. И. Артамонов.* Саркел – Белая Вежа. МИА, 62, 1956, рис. 30 (во втором ряду 2 слева, 34, 35); *С. С. Сорокин.* Железные изделия Саркела — Белой Вежи. МИА, 75, 1959, стр. 151, рис. 7, *7*; *С. А. Плетнева.* Ук. соч., рис. 44, *6, 7, 9*; 45, *5, 6, 9*; *В. Ф. Генинг.* Мыдлань-Шай — удмуртский могильник VIII—IX вв. ВАУ, 3, 1962, табл. III, *1, 2, 4*.

[13] *С. С. Сорокин.* Железные изделия, рис. 3, 1; *О. А. Артамонова.* Могильник Саркела — Белой Вежи. МИА, 109, 1963, рис. 13; *В. Ф. Генинг и А. Х. Халиков.* Ранние Болгары на Волге. М., 1964, стр. 57, табл. 17, *2, 3*; *М. Г. Мошкова, В. Е. Максименко.* Работы Багаевской экспедиции, табл. XXIX, *4*; *С. А. Плетнева.* Ук. соч., рис. 45, *4*; *В. Ф. Генинг.* Мыдлань-Шай, табл. III, *9, 10, 12*; *Б. А. Шрамко.* Ук. соч., рис. 110, *6*.

Тип III. Две литые бронзовые прямоугольные пряжки с поперечной перекладиной для язычка из чуфут-калинского склепа 13 и с городища Тепсень использовались в салтовских поясных наборах для прикрепления вспомогательного ремня к основному (рис. 2, *20*). Об этом свидетельствует найденный в Салтовском могильнике кусок поясного ремня, к которому с помощью пряжки III типа был прикреплен вспомогательный ремень. Аналогичная пряжка есть и в Подгоровском могильнике [14].

В Херсоне и в разрушенном чуфут-калинском склепе 110 найдены также обломки литых бронзовых пряжек салтовского круга, которые довольно трудно отнести к какому-либо типу (рис. 1, *11, 21*).

Салтовские поясные наборы, обнаруженные в Крыму, не повторяют друг друга по форме и набору бляжек и наконечников. Поэтому мы приводим описание каждого из 14 поясных наборов и отдельных сохранившихся деталей от остальных поясов. Публикуемые поясные украшения, за исключением двух штампованных бляшек, отлиты из бронзы [15].

1. Поясной набор из Херсона не сохранился и известен по фотографии из архива Херсонесского музея (рис. 2, *1—8*). Он имеет аналогии в катакомбах Салтовского могильника [16].

2. На полу земляного склепа 6 у с. Ароматное среди разбросанных костей 13 погребенных собраны пряжка подтипа I, *4*, обоймица и пять бляшек от поясного набора салтовского типа, пряжки типа «Сиракузы», «Коринф» и бусы. Об орнаментации четырех бляшек, снабженных прямоугольным приемником для вспомогательного ремня, выше уже писалось (рис. 2, *12, 13, 15, 16*). По конструкции эти бляшки аналогичны некоторым салтовским бляшкам с прямоугольным приемником (рис. 2, *18*) [17]. Однако их форма и орнамент не характерны для соответствующих деталей салтовских поясов. Пятая бляшка и обоймица из ароматнинского склепа 6 типичны для салтовских поясных наборов (рис. 2, *14, 17*) [18]. На обратной стороне ароматнинских бляшек имеются шпеньки.

3. В скалистинском склепе 24*а* на одном из трех костяков вместе с салтовской пряжкой подтипа I, *3* найден удлиненный поясной наконечник (рис. 3, *20, 21*) [19]. Его лицевая поверхность декорирована рельефным вьющимся стеблем с трилистником. Листочки трилистника заглублены в центре. Близким по композиции орнаментом украшены отлитые из бронзы поясные наконечники из Салтовского могильника [20]. Однако одна деталь орнамента наконечника из скалистинского склепа 24*а* — трилистник — отличается по форме листьев от иранского или салтовского (рис. 1, *18*) [21]. Зато на некоторых крымских пряжках конца VII—VIII в. имеется трилистник, подобный изображенному на скалистинском наконечнике [22].

---

[14] *А. М. Покровский.* Верхне-Салтовский могильник. Тр. XII АС. т. I, 1902, стр. 472, 473, табл. XX, 21; *М. А. Фронджуло.* О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму. АИСК. Киев, 1968, рис. 14, *7*; *С. А. Плетнева.* Подгоровский могильник. СА, 1962, 3, рис. 2, *5*.

[15] В статье учтены не все найденные в Крыму салтовские поясные наборы. Часть находок дореволюционного времени утеряна.

[16] *В. А. Бабенко.* Раскопки в Верхнем Салтове. Тр. XIII АС, т. I. 1907, табл. XIV; *С. А. Плетнева.* Ук. соч., рис. 44, *28, 34, 55*.

[17] *А. М. Покровский.* Ук. соч., табл. XXI, *56*; *N. Fettich.* Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn. AH, XXI, Budapest, 1937. Taf. XVII, *7*.

[18] *В. А. Бабенко.* Раскопки в Верхнем Салтове, табл. XIV, *2*.

[19] *Е. В. Веймарн.* Отчет о работах Баклинской экспедиции в 1958—1960 гг. Архив ОАКР, стр. 21—23.

[20] *Н. Я. Мерперт.* О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951, рис. 2, *98*; *М. И. Артамонов.* История хазар. Л., 1962, рис. на стр. 297.

[21] *R. Girshman.* Iran, Parthians and Sassanians. London, 1962, p. 189, fig. 232.

[22] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники области крымских готов, ч. I. ИАК, 19, 1906, табл. XII, *17*; *Е. В. Веймарн.* Могильник біля висоти «Сахарна Голівка», АП, XIII, 1963, рис. 5, *18*.

Крымские мастера заимствовали трилистник, скорее всего, у своих византийских коллег. В Византии он широко применялся в орнаментации сережек, поясных наборов и т. д.[23] Как видно из анализа орнамента, публикуемый наконечник изготовлен крымским мастером, который объединил в своем изделии крымско-византийские и салтовские элементы.

4. Из разрушенного скалистинского склепа 24*б* происходят шесть бляшек от салтовского пояса, покрытых стилизованным растительным орнаментом (рис. 3, *22—27*). К ремню они крепились с помощью шпеньков[24].

5. В области таза одного из девяти костяков, расчищенных в скалистинском склепе 128, найден поясной набор, состоящий из пряжки подтипа I, *3*, шести бляшек, прямоугольной скобы и поясного наконечника (рис. 3, *34—42*)[25]. Бляшки с гладкой лицевой поверхностью и заостренным краем снабжены прямоугольной петлей. К поясу они крепились с помощью шпенька. Аналогичные наконечники встречаются в Дмитриевском и Салтовском могильниках (рис. 4, *17*)[26].

6. В скалистинском склепе 303*а* было погребено пять человек. После разборки скелетов на полу склепа в ходе зачистки были найдены 10 бляшек, аналогичных бляшкам из склепа 128, две пряжки подтипов I, *1* и I, *5* и поясной наконечник (рис. 3, *55*), вероятно, входивших в состав одного поясного набора (рис. 3, *43—55*)[27]. Причем две бляшки бракованные (рис. 3, *47, 49*). У них при отливе не получились прорези на прямоугольных петлях для вспомогательного ремня. Наконечник (рис. 3, *53*) украшен прорезным растительным узором, который подобен декору наконечника из склепа 24*а*.

7. В области таза единственного скелета из скалистинского склепа 204 лежала шарнирная пряжка[28], сочетающая в себе конструкцию и форму кольца и язычка крымско-византийских пряжек и салтовскую орнаментацию щитка (рис. 3, *28*). Рядом с костяком собраны четыре поясные бляшки и прямоугольная скоба, типичные для Салтовского и Крюково-Кужновского могильников[29].

8. В области таза одного из пяти костяков из скалистинского склепа 391 расчищен поясной набор[30], состоящий из пряжки подтипа I, *1*, наконечника, тождественного наконечнику из склепа 128, и 10 бляшек (рис. 4, *1—12*).

К нижней части двух прямоугольных бляшек (рис. 4, *5, 6*) с помощью стерженька прикреплено подвижное кольцо для подвешивания к поясу различных предметов. У трех других прямоугольных бляшек кольцо и стержень утрачены (рис. 4, *2—4*). Все бляшки крепились на поясе с помощью шпеньков. Если первая бляшка обычна для салтовских поясов, то пять других бляшек лишь по конструкции и форме напоминают пряжки I типа.

9. В Чуфут-Кале в склепе 13 на полу среди раскиданных костей и шести черепов найдены две пряжки подтипа I, *2* и III типа и бронзовый стерженек, принадлежавшие к салтовскому поясному набору. Оба края стерженька имеют форму шариков. Видимо, его применяли для крепления

---

[23] *Д. Чаллань.* Памятники византийского металлообрабатывающего искусства, ч. II. Acta Antiqua, t. IV. Budapest, 1956, табл. I, *3*; *M. C. Ross.* Catalogue of the Dumbarton Oaks Collektions, vol. II, pl. VIII, *4*, XXVI, *33*, XLVII, *87*, *90*; *B. Svoboda.* Poklad byzantskéno Kovotepca v Zemianskem Vrbovku. PA, XLIX, *1*, 1953, fig. 6.

[24] *Е. В. Веймарн.* Ук. отчет, за 1958—1960 гг., стр. 24.

[25] Там же, стр. 67—70.

[26] *В. А. Бабенко.* Раскопки в Верхнем Салтове, табл. XIV, *2*.

[27] *Е. В. Веймарн.* Ук. отчет за 1958—1960 гг., стр. 205—207.

[28] Там же, стр. 123. 124.

[29] Аналогии см. *М. И. Артамонов.* История хазар, рис. на стр. 297, крайняя справа бляшка во втором ряду сверху; *А. М. Покровский.* Верхне-Салтовский могильник, табл. XXI, *57*; *П. П. Иванов.* Крюково-Кужновский могильник. Материалы по истории Мордвы VIII—XI вв. Морошанск, 1952, табл. XXIX, *9*.

[30] *Е. В. Веймарн.* Ук. отчет за 1958—1960 гг., стр. 269—271.

к поясу вспомогательных ремней. На поясе салтовцы носили и коническую ворворку [31] (рис. 2, *19—22*).

10. В салтовский поясной набор из разрушенного чуфут-калинского склепа 17 входит 12 бляшек, 2 наконечника и 4 заклепки [32]. Бляшки представлены наиболее распространенными в Крыму вариантами (рис. 3, *1—19*). Один наконечник покрыт схематизированным растительным узором из листьев, отходящих от общего ствола (рис. 3, *7*). Другой наконечник сделан из согнутой пополам бронзовой пластины. Один его край и нижняя пластина отломаны. Бляшки и наконечники крепились к поясу с помощью шпеньков.

11. В Чуфут-Кале в склепе 104 среди разбросанных костей нашли три бляшки и прямоугольную скобу от салтовского поясного набора (рис. 2, *23—26*) [33].

12. Н. И. Репников опубликовал салтовский поясной набор из сууксинской плитовой могилы 97 [34]. Набор состоит из серебряной пряжки подтипа I, *5*, четырех бронзовых бляшек и одной прямоугольной скобы (рис. 2, *30—35*). Особенностью набора является то, что в него входит также одна бронзовая византийская шарнирная пряжка (рис. 2, *29*). Такие пряжки встречаются в Херсоне, на Кавказе, в Сицилии и Греции [35].

13. В фондах Ялтинского краеведческого музея хранятся четыре салтовские поясные бляшки из склепа, раскопанного в 1955 г. в Симеизе. Они снабжены кольцами. К ремню крепились с помощью шпенька (рис. 2, *36—39*). Помимо бляшек в склепе найдены 17 пряжек (в том числе 7 типа «Сиракузы»), бусы, амулеты, стеклянные браслеты и другие вещи. Количество погребенных в склепе не установлено.

14. В 1952 г. в грунтовой могиле 11, раскопанной на северо-западном могильнике на холме Тепсень, обнаружены бронзовые пряжка подтипа I, *2* и бляшка, которая крепилась к поясу с помощью двух шпеньков (рис. 4, *13, 14*). Подобные бляшки есть в Саркельском могильнике [36].

А. Л. Якобсон опубликовал три бляшки из Херсона, принадлежавшие, по его мнению, к салтовским поясным наборам [37]. Две из них по декору и форме близки бляшкам и наконечникам из Салтовского могильника [38]. Однако третья по форме аналогична бляшкам из аварских могильников в Венгрии [39].

В скалистинских склепах (278*а* и 471) в Тиритаке в плитовой могиле 8 и на полу землянки, зачищенной на поселении на Кордон-Оба, найдено по одной салтовской бляшке сердцевидной формы с неподвижными петлями. Все они орнаментированы тремя или пятью листиками (рис. 2, *40, 45*; 4, *15, 16*) [40]. Стилизованными листочками украшена также большая

---

[31] *Е. В. Веймарн.* Отчет об углубленных разведках аланского могильника у подножья Чуфут-Кале в 1948 г. Архив БИАМ, дело № 25, стр. 9—15; *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 166, рис. 44, *67*.

[32] *Е. В. Веймарн.* Ук. отчет за 1948 г., стр. 20—24.

[33] *В. В. Кропоткин.* Отчет об археологических раскопках раннесредневекового могильника на юго-западном склоне Чуфут-Кале в 1959 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, 2184, стр. 2.

[34] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники..., ч. II, стр. 105, рис. 115—117, 119, 128.

[35] Там же, табл. XV, *13*. *P. Orsi.* Byzantina Siciliae. Byzantinische Zeitschrift, 21, München, 1912, S. 204, fig. 25; *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес. МИА, 63, 1959, рис. 139, *16*.

[36] *О. А. Артамонова.* Могильник Саркела — Белой Вежи, стр. 110, рис. 64.

[37] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес, рис. 141, *16—18*, стр. 278, 279.

[38] Там же, рис. 16, 17; *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, рис. 44, *4, 49*; *И. И. Ляпушкин.* Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, 62, 1958, рис. 21.

[39] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес, рис. 18; *J. Kovrig.* Das awarenzeitliche Graberfeld von Alattyán. Budapest, 1963, tabl. 53, *2, 4*.

[40] *Ю. Ю. Марти.* Разведочные раскопки вне городских стен Тиритаки. МИА, 4, 1941, стр. 33—36, рис. 47; *А. И. Айбабин, И. А. Баранов.* Раскопки в пос. Курортный. АО — 1974, М., 1975; *они же.* Археологические раскопки на холмах Кордон-Оба. Тезисы докладов на Всесоюзной археологической конференции. Киев, 1975.

поясная бляха из чуфут-калинского склепа 29 (рис. 2, *27*) [41]. К поясу она крепилась с помощью трех дырок. Салтовскую поясную бляшку, декорированную шестью дырочками (рис. 2, *44*), обнаружили в 1953 г. на Тепсеньском могильнике в перекрытой досками мог. 2. Из полностью разрушенного скалистинского склепа 405 происходит фигурная прорезная бляшка от салтовского поясного набора с прямоугольным приемником (рис. 4, *18*). По мнению А. Л. Якобсона, салтовской поясной бляшкой является и украшение из мог. № 5, раскопанной в Гончарном [42]. В Суук-Су в плитовой могиле 50 найдена поясная бляшка с прямоугольным приемником. К поясу она крепилась с помощью шпенька. На лицевой стороне щитка изображена сердцевидная растительная фигура, от вершины которой ответвляются два трилистника. Последние близки крымско-византийским трилистникам на скалистинских наконечниках из склепов 24*а* и 303*а* (рис. 2, *28*; 3, *21, 53*). По конструкции сууксинская бляшка похожа на некоторые салтовские бляшки, а по форме приемника — на рельефные бляхи-оправы из Дмитриевского могильника, Столбиц, Песчанки и Придунавья [43]. Поскольку в декоре публикуемой бляшки есть крымско-византийский мотив, можно предположить, что она изготовлена в Крыму.

И, наконец, в скалистинском склепе 279 и баклинском склепе 2 [44] нашли по одной салтовской поясной бляшке, штампованной из тонкой бронзовой пластинки (рис. 4, *19*).

С Тепсеня также происходит пока единственная в Крыму форма для отливки деталей салтовского пояса. Однако приводимый в статье М. А. Фронджуло рисунок не очень четкий [45]. Оказалось, что в форме отливали популярные в Крыму бляшки в виде трилистника с петлей для подвешивания и по два наконечника с закругленным нижним краем. Один из них орнаментирован стилизованным растительным орнаментом (рис. 2, *41—43*). Аналогичные наконечники найдены в Салтове и Мыдлань-Шае [46].

Кроме пряжек, бляшек и наконечников в Крыму обнаружены и другие детали салтовских поясов. Так, в Херсоне найдены кольцевидная ажурная соединительная бляшка, украшенная трилистниками, и петля, применявшаяся в салтовских поясных наборах для прикрепления вспомогательного ремня к основному или для подвешивания к ремню кисета, ножа, печатки, амулета и т. д. (рис. 2, *9, 10*) [47]. Рисунок другой петли, вероятно, из распаханного до революции Артекского могильника опубликован М. И. Артамоновым [48] (типа рис. 2, *10*). Украшением салтовских поясов являлась и бронзовая подвеска из скалистинского склепа 269, сделанная в форме парного перевернутого самоварчика [49] (рис. 2, *46*).

---

[41] *В. В. Кропоткин.* Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, рис. 5, *5*.

[42] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые сельские поселения..., стр. 137, рис. 75, *22*.

[43] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники, ч. I, табл. XII, *6*, стр. 50, 51; *А. М. Покровский.* Верхне-Салтовский могильник..., табл. XXI, *56*; *В. В. Кропоткин.* Клады византийских монет на территории СССР. САИ, Е4-4, М., 1962, стр. 24, рис. 18; *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. СА, 1971, 3, стр. 130, рис. 13, *50*.

[44] Склеп 2 на Баклинском могильнике исследован А. А. Щепинским.

[45] *М. А. Фронджуло.* О раннесредневековом ремесленном производстве. стр. 147, 148, рис. 13, *2*.

[46] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, рис. 44, *46*; *Н. Макаренко.* Отчет..., рис. 22.

[47] *В. Ф. Генинг.* Ук. соч., табл. IV, *34*; *С. А. Плетнева.* Ук. соч., рис. 44, *62*; *N. Fettich.* Die Mettallkunst der Landnehmenden Ungarn. Taf. XVII, *14* (Лядинский мог. в Тамбовской обл.).

[48] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники..., ч. I, стр. 36; *М. И. Артамонов.* История хазар, рис. на стр. 165. В нижнем ряду крайняя справа.

[49] *М. А. Артамонов.* История хазар, рис. на стр. 297; *С. А. Плетнева.* Ук. соч., рис. 44, 63; *А. А. Иерусалимская.* О северокавказском «шелковом пути» в раннем средневековье. СА, 1967, 2, рис. 1, *2*.

Таким образом, в Крыму выявлено довольно значительное количество деталей салтовских поясных наборов. Попробуем теперь разобраться в вопросе об этнической их принадлежности.

Пряжки и бляшки с поселений на холмах Тепсень и Кордон-Оба и с Тепсеньского Северо-Западного могильника скорее всего принадлежали жившим там во второй половине VIII — начале X в. праболгарам [50]. Детали салтовских поясных наборов из Херсона могут свидетельствовать о том, что в VIII—IX вв. там селились носители салтово-маяцкой культуры. Вероятность такого предположения подтверждается наличием в Херсоне погребения, относящегося к одноименной культуре [51].

Склепы Ароматнинского, Баклинского, Верхореченского, Скалистинского, Симеизского и Чуфут-Калинского могильников, из которых происходят детали салтовских поясных наборов, по конструкции и зафиксированному в них обряду погребения покойников отличаются от катакомб, оставленных населением салтово-маяцкой культуры в Подонье. Упомянутые склепы аналогичны более ранним земляным склепам V—VII вв. в Херсоне, Юго-Западном и Южном Крыму [52], т. е. владельцами салтовских поясов, найденных в перечисленных крымских могильниках, были коренные жители Юго-Западного и Южного Крыма раннесредневекового времени: сармато-аланы и ассимилированные ими готы, хоронившие в земляных склепах [53].

К одной из названных этнических групп, очевидно, принадлежали принявшие христианство владельцы поясных наборов салтовского круга, похороненные в сууксинских плитовых могилах 50 и 97 [54].

Более спорен вопрос об этносе владельца салтовской поясной бляшки из Тиритаки. Там она найдена в плитовой могиле. По мнению А. Л. Якобсона, этот тип погребальных сооружений восходит к античности [55]. Присоединяясь к А. Л. Якобсону в вопросе о происхождении плитовых могил, О. А. Махнева пишет, что их широкое распространение в Таврике в VI—IX в. совершилось в результате христианизации погребального обряда местного населения [56]. А. В. Гадло и А. К. Амброз считают плитовые могилы характерными для византийско-христианского погребального обряда, причем А. К. Амброз датирует ранние плитовые могилы в Юго-Западном Крыму второй половиной VIII в.[57] И. А. Баранов связывает по-

---

[50] *И. И. Ляпушкин.* Славяно-русские поселения IX—XII ст. на Дону и Тамани по археологическим памятникам. МИА, 6, 1941, стр. 226—231; *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые поселения Восточного Крыма. МИА, 85, 1958, стр. 484—487; *А. В. Гадло.* О культуре городища на плато Тепсень близ с. Планерское. Археологический сборник VIII всесоюзной студенческой конференции. Л., 1964, стр. 96—104; *его же.* Этнографическая характеристика перехода кочевников к оседлости. Сб. «Этнография народов СССР». Л., 1971, стр. 61—74; *А. И. Айбабин, И. А. Баранов.* Раскопки в пос. Курортный, стр. 245, 246; *они же.* Археологические раскопки на холмах Кордон-Оба, стр. 113, 114.

[51] *А. К. Тахтай.* Раскопки Херсонесского некрополя в 1937 году. ХСб., IV, Симферополь, 1948, стр. 40, рис. 7, *8*.

[52] *Н. И. Репников.* Некоторые могильники..., ч. I, стр. 113—116; *В. В. Кропоткин.* Могильник Чуфут-Кале в Крыму. КСИА АН СССР, 100, 1965, стр. 109; *Е. В. Веймарн.* Могильник около высоты Сахарная Головка, стр. 52—61; *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековый Херсонес, стр. 253—259; *его же.* Раннесредневековые сельские поселения..., стр. 14.

[53] *В. В. Кропоткин.* Из истории средневекового Крыма, стр. 211, 212; *его же.* Могильник Чуфут-Кале в Крыму, стр. 115; *М. И. Артамонов.* История хазар, стр. 194, 293; *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые сельские поселения..., стр. 193, 194.

[54] *А. К. Амброз.* Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы (V—IX вв.). Автореф. докт. дис., М., 1974, стр. 25.

[55] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые сельские поселения..., стр. 187.

[56] *О. А. Махнева.* О плитовых могилах средневекового Крыма. АИСК, Киев, 1968, стр. 164, 165.

[57] *А. В. Гадло.* Рец.: А. Л. Якобсон. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики. ВВ, 34, М., 1973, стр. 274; *А. К. Амброз.* Ук. автореф. докт. дис., стр. 25; *его же.* Проблемы раннесредневековой хронологии..., ч. I, СА, 1971, 2, табл. II, *44*.

явление во второй половине VIII—IX в. на южном и юго-восточном побережье обычая хоронить в плитовых могилах с расселением там иконопочитателей, эмигрировавших из Малой Азии, а на Боспоре — с пребыванием там постоянного византийского (т. е. греко-малоазийского) гарнизона [58]. Хронологически плитовые могилы Тиритаки синхронны салтовскому поселению [59], перекрывшему раннесредневековые византийские постройки. Владельцем салтовской поясной бляшки из Тиритаки мог быть или боспорец — житель византийского поселения, уцелевший после салтовского разгрома, или салтовец, принявший христианство.

Итак, в Крыму поясные наборы салтовского типа бытовали как среди праболгар, так и среди сармато-аланского и готского населения Юго-Западной и Южной Таврики. Очевидно, здесь распространяется мода на салтовские поясные наборы. Время бытования этих поясов так же, как самой салтово-маяцкой культуры, определяется по комплексам с монетами, происходящими из катакомб Верхнего Салтова [60]. По монетам из тех же комплексов С. А. Плетнева установила нижнюю и верхнюю даты разработанной ею периодизации безмонетных комплексов Дмитриевского могильника, содержавших поясные наборы,— вторая половина VIII—IX в.[61] В Крыму нет прямых данных для датировки времени появления там салтовских поясных наборов первой половиной VIII в. Лишь в одном случае — в Чуфут-Кале, в разрушенном склепе 110, обломок салтовской поясной пряжки нашли вместе с золотой монетой Константина V Копронима (751—775 гг.) и монетой варварской чеканки, подражающей солидам Константина V Копронима 741—751 гг.[62] Это подтверждает общепринятую дату салтовских поясов.

В четырех склепах: ароматнинском (6), симеизском, скалистинском (471) и чуфут-калинском (98) — детали салтовских поясов лежали вместе с пряжками типа «Сиракузы». Из чуфут-калинского склепа 98 также происходит большая пряжка «готского типа», которая вышла из употребления не позднее конца VII в.[63] Пряжки типа «Сиракузы» И. Вернер, Д. Чаллань и В. К. Пудовин датируют концом VI — первой половиной VII в., А. К. Амброз — второй половиной VII — первой половиной VIII в.[64] Однако в склепах, приведенных в таблице А. К. Амброза (в которых пряжки типа «Сиракузы» обнаружены с вещами VIII в.), похоронено большое количество покойников. Подобные склепы являлись семейными усыпальницами и использовались длительное время несколькими поколениями одной семьи. Следовательно, найденные в них поздние вещи не определяют время бытования ранних вещей, и наоборот. Таким образом, у нас нет достаточных оснований для омоложения даты пряжек типа «Сиракузы» до первой половины VIII в.

Верхняя дата периода бытования деталей салтовских поясов в Крыму, очевидно, определяется временем прекращения существования салтово-маяцкой культуры в названном районе — начало X в. Напомним, что наиболее позднее из найденных здесь изделий подобного рода — салтовская

---

[58] *И. А. Баранов.* О восстании Иоанна Готского. Сб. «Феодальная Таврика». Киев, 1974, стр. 154.

[59] *В. Ф. Гайдукевич.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. МИА, 25, 1952, стр. 72.

[60] *Н. Я. Мерперт.* Верхнее Салтово, стр. 313—320.

[61] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 135—143.

[62] *В. В. Кропоткин.* Могильник Чуфут-Кале в Крыму, стр. 114.

[63] *В. В. Кропоткин.* Отчет о раскопках могильника на Чуфут-Кале в 1958 г. Архив ИА АН СССР, Р-2, 1853, стр. 10; *его же.* Могильник Чуфут-Кале в Крыму, стр. 112, рис. 45, *5*; *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии..., ч. I, табл. II, *18, 29*, стр. 114—117.

[64] *J. Werner.* Byzantinische Gürtelschnallen des 6. und 7. Jahrhunderts aus der Sammlung Diergardt. Kölner Jahrbuch für vor- und Fruhgeschichte, I, Köln, 1955, S. 37; *Д. Чаллань.* Памятники византийского металлообрабатывающего искусства, ч. I. Acta Antiqua, t. II, Budapest, 1954, стр. 326—330; *В. К. Пудовин.* Датировка нижнего слоя могильника Суук-Су. СА. 1961, 1, стр. 182, *А. К. Амброз.* Проблемы раннесредневековой хронологии..., ч. I, табл. II, *29*; *его же.* Ук. автореф. докт. дис., стр. 22, 23.

поясная бляшка из Гончарного,— датирована А. Л. Якобсоном X в.[65] Однако большинство публикуемых поясных наборов, видимо, находилось в употреблении во второй половине VIII—IX в. Только один набор найден в Симеизе с вещами — стеклянными браслетами, датируемыми как VII, так и X в.

Находка на Тепсеньском поселении формы для отливки салтовских бляшек и наконечников указывает на существование во второй половине VIII—IX в. в Восточном Крыму производства подобной продукции. Как видно из анализа публикуемых деталей салтовских поясных наборов, некоторые из них изготовляли в Юго-Западном Крыму. К этой группе относятся неорнаментированные бляшки с прямоугольным приемником из скалистинских склепов 128 и 303*а*, среди которых есть две бракованные бляшки. У них при отливке не получились отверстия в приемниках для ремня (рис. 3, *47, 49*). Видимо, в Крымских мастерских отлиты пряжки подтипа I, *4* из херсонского склепа 2789, из скалистинского склепа 771, бляшки из ароматнинского склепа 6, сууксинской могилы 50, наконечники из скалистинских склепов 24*а* и 303*а*. В их декоре заметны крымско-византийские элементы (рис. 1, *10, 22, 23*; 2, *11—13, 15, 16, 28*; 3, *21, 53*), причем салтовская в своей основе форма ароматнинских бляшек подверглась значительной переработке. Под влиянием салтовской моды сделана и пряжка из скалистинского склепа 204. В ней сочетаются характерные для крымско-византийских пряжек способ соединения и форма кольца, щитка и язычка и салтовская орнаментация щитка (рис. 3, *28*). Довольно сложно определить этнос мастеров, изготовлявших в Крыму детали салтовских поясных наборов. Ими могли быть как переселившиеся сюда салтовские ремесленники, так и жившие здесь местные (в том числе и византийские) мастера.

В Крыму и до прихода праболгар изготовляли пряжки и поясные наборы[66]. Ремесленники Крыма во второй половине VIII в. лишь приспособились к требованиям новой моды и стали делать не только византийские, но и салтовские пряжки и поясные наборы.

Не исключено, что часть найденных в Крыму салтовских поясных наборов изготовлена за его пределами. Они могли попасть в Таврику в результате установления торговых контактов с некрымскими центрами производства салтовских поясных наборов. Развитию такой торговли, равно как и распространению в Таврике моды на салтовские поясные наборы, способствовала политическая обстановка, сложившаяся тогда в Северном Причерноморье. В конце VII в. значительная часть Крыма попала в сферу влияния Хазарского каганата[67]. Судя по византийским письменным источникам во второй половине VIII — первой половине IX в. Крымская Готия и Восточная Таврика уже входили в состав Хазарского каганата. Так, в житиях Стефана Сурожского и Иоанна Готского говорится о хазарских гарнизонах, стоявших в конце VIII в. в Фуллах[68] и Сугдее и о введении хазарского военного отряда в Дорос в 787 г.[69] В житии Константина Философа сообщается об осаде хазарами во второй половине IX в. одного из близких к Херсону христианских городов[70]. И, наконец, из письма Анастасия Библиотекаря видно, что в конце 60-х — начале

---

[65] *А. Л. Якобсон.* Раннесредневековые сельские поселения..., стр. 137.

[66] *А. К. Амброз.* Ук. автореф. докт. дис., стр. 23.

[67] *М. И. Артамонов.* История хазар, стр. 171, 195—200, 325—329.

[68] В. В. Кропоткин убедительно локализовал Фуллы на месте поселения на холме Тепсень (см. *В. В. Кропоткин.* Из истории средневекового Крыма, стр. 218).

[69] *В. Г. Василевский.* Труды, том. III, Пг., 1915, стр. CXXXIX—CXLI; *А. Никитский.* Житие преподобного отца нашего Иоанна епископа Готии. ЗООИД, т. XIII, Одесса, 1883, стр. 26—34; *М. И. Артамонов.* История хазар, стр. 254—257; *И. А. Баранов.* О восстании Иоанна Готского, стр. 160.

[70] *И. А. Лавров.* Материалы для истории возникновения древнейшей славянской письменности. Труды Славянской комиссии, т. I. Л., 1930, стр. 12, 49; *М. И. Артамонов.* История хазар, стр. 330.

70-х годов IX в. хазары, вероятно, вновь вторгались в Крымскую Готию [71]. Только во второй половине IX в. Готия окончательно освободилась от власти хазар. В Восточной Таврике хазарское влияние, вероятно, сохранялось вплоть до первых десятилетий X в.[72]

К середине VIII в. на территории, объединенной крепкой административной властью Хазарского каганата, завершилось формирование салтово-маяцкой культуры [73]. Примечательно, что один из элементов этой культуры — мода на салтовские поясные наборы — распространяется среди алано-готского населения подвластной Хазарскому каганату Крымской Готии. Быть может, владельцами большинства таких поясов были коренные жители Готии, вступившие в военные отряды хазар и, видимо, как и все другие воины, прошедшие обряд посвящения [74]. Косвенным подтверждением выдвинутого предположения является сам факт отсутствия почти во всех погребениях с салтовскими поясами (раскопанных на территории Крымской Готии) вещей, достоверно датированных концом IX — началом X в., т. е. после прекращения военного присутствия хазар в Готии там исчезает и мода на салтовские пояса. Как мы видим, в упомянутом районе Таврики во второй половине VIII—IX в. салтовское влияние небезуспешно соперничало с византийским.

A. I. Aïbabine

ORNEMENTS DE CEINTURES DE LA CULTURE DE SALTOVO TROUVES EN CRIMEE

Résumé

Provenant de Crimée, nous possédons 14 garnitures de ceintures saltoviennes, et 27 boucles, 12 plaques, 2 éléments de jonction, I anneau, ainsi que d'autres pièces de ceintures semblables. Tous ces ornements, à l'exception de deux plaques et d'une boucle, ont été coulés en bronze.

A la base de la classification des boucles se trouvent la technique de fabrication, la forme et la façon dont sont reliées entre elles les principales parties des boucles: l'anneau de l'ardillon, et l'anneau proprement dit. D'après les signes caractéristiques énumérés on peut classer ces boucles en 3 types. Les boucles du Ier type se subdivisent en 7 sous — types, et celles du IIéme en 2 sous — types. Les boucles de Crimée des sous — types I, *1* (fig. 1, 1, 2, 5; 3, 54; 4, 1), I, *2* (fig. 1, 8, 13, 19, 22; 2, 1, 19; 4, 13), I, *3* (fig. 1, 3, 4; 3, 20), I, *5* (fig. 3, 55; 2, 30), et celles du type II (fig. 1, 9, 12, 15-17) et III (fig. 2, 20) ressemblent par la disposition, la forme et la technique de fabrication aux boucles provenant des cimetières fouillés à Saltovo, Sarkel, Dmitrievka et Mydlan Chaï. Les boucles d'Aromatnovo, du caveau 2789 à Kherson (l'antique Chersonèse), et du caveau 771, pratiqué dans le roc, sont toutes assez semblables aux boucles de Saltovo par leur disposition et la forme de l'anneau et de l'ardillon. Cependant, elles portent un ornement byzantino-criméen et un ornement propre aux régions du Danube et de Crimée (fig. 1, 22, 23; 2, 11). Elles ont eté sans doute faites en Crimée.

Dans l'Est de la Crimée, dans un village situé sur le mont Tepsen (près de Théodosie), on a découvert un moule de fondeur pour ornements de ceinture et plaques (fig. 2, 41-43). Ce sont des artisans du Sud-Ouest de la Crimée qui ont coulé les plaques

---

[71] *И. В. Ягич.* Новое свидетельство о деятельности Константина Философа. ЗАН, т. XXII, кн. 1, 1893, приложение № 6, стр. 6, 7, 10; *М. И. Артамонов.* История хазар, стр. 330.

[72] *М. И. Артамонов.* История хазар, стр. 195—200, 325—329; *Д. Л. Талис.* Из истории русско-корсунских политических отношений в IX—X вв. ВВ, XIV, 1958, стр. 114, 115, *его же.* Некоторые проблемы истории раннесредневековой Таврики и литература последних лет. ВВ, XIX, 1961, стр. 257, 258; *А. В. Гадло.* Ук. рецензия, стр. 275.

[73] *С. А. Плетнева.* От кочевий к городам, стр. 135.

[74] Об обряде посвящения у салтовских воинов см. *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 164.

trouvées dans la tombe d'Aromatnoié (fig. 2, 12, 13, 15, 16), ainsi que les ornements et les plaques des caveaux de Skalistoié 24a, 128, 303a (fig. 3, 21, 36-42, 43-53) et de la tombe 50 de Sououk-Sou (fig. 2, 28). D'autres éléments des ceintures de Saltovo ont été apportés en Crimée de centres de fabrication de ces ceintures, situés ailleurs qu'en Crimée.

Les ceitures de Saltovo provenant des localités et des cimetières de l'Est de la Crimée, ainsi que de Chersonèse, appartenaient à des Protobulgares. Les ceintures trouvées dans les caveaux et les tombes du Sud-Ouest de la Crimée appartenaient à des individus des populations sarmato-alano-gothes de la Gothie criméenne, soumise aux Khazars de la deuxième moitié du VIIIe s. au début de la deuxième moitié du IXe s. Probablement, les possesseurs de ces ceintures étaient des habitants autochtones de la Gothie, faisant partie des détachements armés Khazars. Comme on le voit, dans cette région de Tauride l'influence saltovienne, de la deuxième moitié du VIIIe s. jusqu'au IXe s., rivalisait heureusement avec celle de Byzance.

М. К. КАРГЕР

ХРАМ-УСЫПАЛЬНИЦА В ЕВФРОСИНИЕВСКОМ МОНАСТЫРЕ В ПОЛОЦКЕ

Руины древней постройки, расположенной на территории Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря, к северо-востоку от существующей церкви Спаса, впервые обратили на себя внимание более полувека назад. В I книге сборника «Полоцко-Витебская старина» издававшемся Витебской ученой архивной комиссией, сообщалось, что преподаватель Полоцкого кадетского корпуса И. И. Долгов, энергичный полоцкий краевед и археолог, предполагал в самом конце своей жизни (умер 5 октября 1911 г.) «начать раскопки на месте обнаружения в Спасо-Евфросиниевском монастыре древней кладки неизвестного здания XI—XII вв...» [1].

Позже некоторые подробности об этих же руинах сообщал известный белорусский археолог А. Н. Лявданский [2]. При археологическом обследовании в конце 20-х годов территории Евфросиниева монастыря выяснилось, что при постройке незадолго перед тем в районе древних руин нового склепа в качестве одной из стен его была использована кладка древней постройки, сложенной из плинф на цемяночном растворе, сохранившаяся на высоту до 2 *м*. Эта кладка внутри склепа была хорошо видна. Небольшим разведочным раскопом были обнаружены обломки плинф и древнего раствора.

В 1947 г. руины в Евфросиниевском монастыре подверглись частичным раскопкам, произведенным группой сотрудников Академии архитектуры СССР под руководством архитектора Е. Ащепкова [3]. В методическом отношении раскопки Е. Ащепкова оставляли желать лучшего. Е. Ащепков вырыл на территории руин несколько ям, обнажив на трех участках древнюю кладку стен, сложенных из плинф, отлично сохранившуюся на высоту до 1—1,5 *м* от уровня первоначального пола здания. Ямы, вырытые в 1947 г., оставались не засыпанными в течение десяти лет после раскопок, в результате чего древняя кладка, открытая раскопками, превратилась в мелкий щебень.

В связи с неотложной необходимостью принять срочные меры по консервации частей здания, обнаженных Е. Ащепковым, воспользовавшись стационарными раскопками на Верхнем замке Полоцка, проводившимися Полоцкой археологической экспедицией Института истории АН БССР под руководством автора, научный коллектив экспедиции уделил несколько дней для производства первоначального археологического исследования руин на территории Спасо-Евфросиниева монастыря. Небольшие

---

[1] *Д. Леонардов.* Памяти действительного члена Витебской ученой архивной комиссии И. И. Долгова. «Полоцко-Витебская старина», кн. I, Витебск, 1911, стр. 3.

[2] *А. Н. Ляўданскі.* Археолёгічные досляды ў Полацкай акрузі. Працы Археолёгічнай Камісcіі, т. II. Менск, 1930, стр. 170.

[3] *Е. Ащепков.* Раскопки древнего здания на территории Евфросиниева монастыря г. Полоцка. Архив Академии архитектуры и строительства. Отчет Е. Ащепкова за 1947 г., фонд № 2029.

разведочного характера зачистки и раскопки 1957 г. позволили установить, что руины, расположенные к северо-востоку от существующей церкви Спаса, представляют собой остатки большой трехнефной церкви, различные части которой разрушены разновременно и частично восстанавливались еще в древности, о чем свидетельствовали кладки отдельных частей зданий из «бороздчатого» брускового кирпича, тогда как все древние части сложены из плинфы на цемяночном растворе в технике кладки «с утопленным рядом». Среди руин было обнаружено несколько древних склепов, сложенных также из плинфы, размеры которой не отличались от плинфы, применявшейся в кладке стен здания.

Перекрытие одного из склепов, обнаруженное Е. Ащепковым на дне вырытой им небольшой ямы, оказалось расписанным фресковой росписью декоративного характера. Это перекрытие было принято исследователем за «пол», расписанный фресками, поднятый над общим уровнем, по мнению автора, ввиду большого значения помещения, где он был обнаружен.

Все разведочные раскопы 1957 г. и ямы, вырытые в 1947 г., были полностью засыпаны после окончания разведочных работ. К систематическим раскопкам руин в Евфросиниевском монастыре удалось приступить лишь в 1961 г. Раскопки были продолжены в 1962 г. и завершены в 1964 г.

Вскрыта западная часть большого трехнефного храма, к которому с западной, южной и северной сторон примыкали широкие притворы, служившие усыпальницами (рис. 1).

Все стены как основного храма, так и его притворов сложены из плинф на цемяночном растворе в технике кладки «с утопленным рядом», прикрытым гладко затертым раствором (рис. 2 и 3). Эта техника, за исключением кладки Полоцкой Софии, сложенной в так называемой смешанной кладке, хорошо известной в киевском зодчестве X—XI вв., стала характерной особенностью полоцкого зодчества в течение всего XII — начала XIII в. В кладке полоцкого храма, в основном в кладке лопаток, использованы в качестве забутовки крупные валуны. Из таких же валунов значительно меньшего размера сложены насухо, без применения раствора, фундаменты здания.

Средняя часть основного храма полностью уничтожена глубоким погребом-овощехранилищем, сооруженным во время Отечественной войны монастырской администрацией. Сохранившиеся на высоту 0,7—0,8 *м* северная и южная стены сохранили наружные лопатки двухобломного профиля, позволившие определить два равновеликих западных членения здания. На внутренней поверхности тех же стен расположены примерно через каждые 2 *м* небольшие выступы, служившие, по-видимому, основанием аркосолиев, в которых размещались вдоль этих стен кирпичные саркофаги. Из них сохранилось три саркофага в юго-западном углу храма.

Северная и южная стены сохранились не на всю их первоначальную длину. Восточные части двухобломных лопаток уничтожены по прямой, по которой вновь выложена из брускового бороздчатого кирпича восточная стена. К востоку от нее до линии северной стены продолжается на расстоянии 2 *м* фундаментный ров стены, на дне которого сохранилась кладка из небольших валунов, положенных насухо. В западной части здания рядом с лестницей, ведущей в погреб, уцелел на высоту 0,75 *м* юго-западный крестчатый столб церкви, находящейся на оси двухобломных лопаток на стенах. Ничтожные, еле уловимые следы северо-западного столба обнаружены на той же оси. Никаких следов восточной части храма обнаружить не удалось. Бóльшая их часть погибла при сооружении погреба и каких-то других земляных работах.

Как уже говорилось выше, к трем стенам храма примыкали древние притворы, сооруженные вскоре после постройки самого храма. Несмотря на далеко не полную сохранность стен притворов, план их восстанавливается с полной достоверностью. В значительной части сохранилась древняя кладка из плинфы на цемяночном растворе, а там, где она разруше-

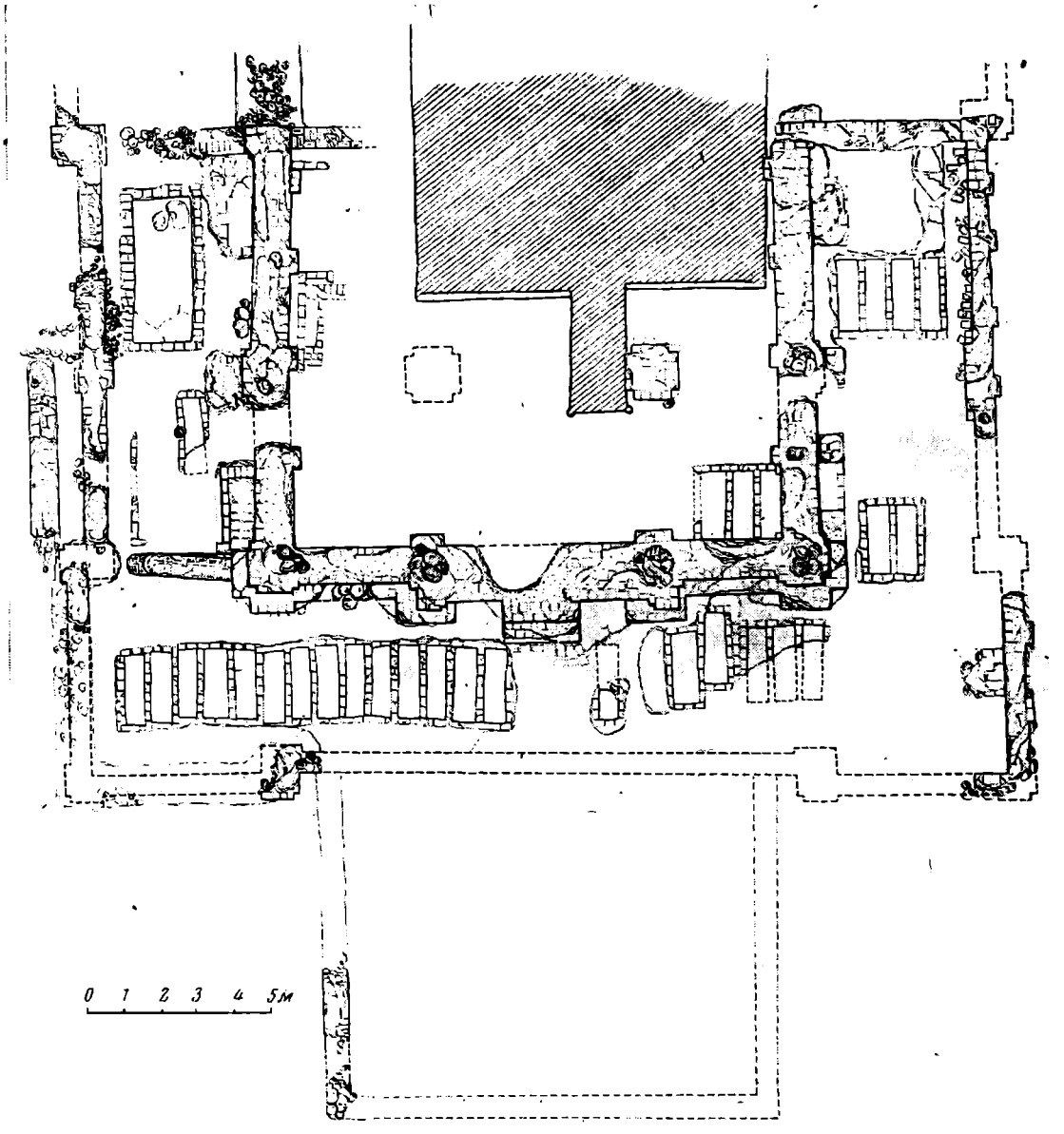


Рис. 1. План раскопанной части храма-усыпальницы

на, удалось проследить границы фундаментных рвов. План притворов отличается исключительным своеобразием. Ко всем четырем углам здания примыкали прямоугольные, вытянутые по оси В-З, помещения, узлы которых отмечены мощными пилонами, снаружи украшенными лопатками двухобломного профиля. Эти помещения не отделены от западной, южной и северной галерей, если не считать сложенной из брускового бороздчатого кирпича поздней стенки, которая отделяла северо-западное угловое помещение от северной галереи. Не решаюсь предложить объяснение причин, вызвавших необходимость в западной галерее мощной прикладки к древней западной стене основного храма. Отсутствие таких прикладок к северной и южным стенам позволяет думать, что западная прикладка не служила опорой для кирпичного свода притвора.

Сохранившиеся остатки пилонов у северо-восточного и юго-восточного углов северной и южной галерей, совершенно аналогичных восточным пилонам юго-западного и северо-западного прямоугольных помещений, позволяют с уверенностью реконструировать план юго-восточного и севе-

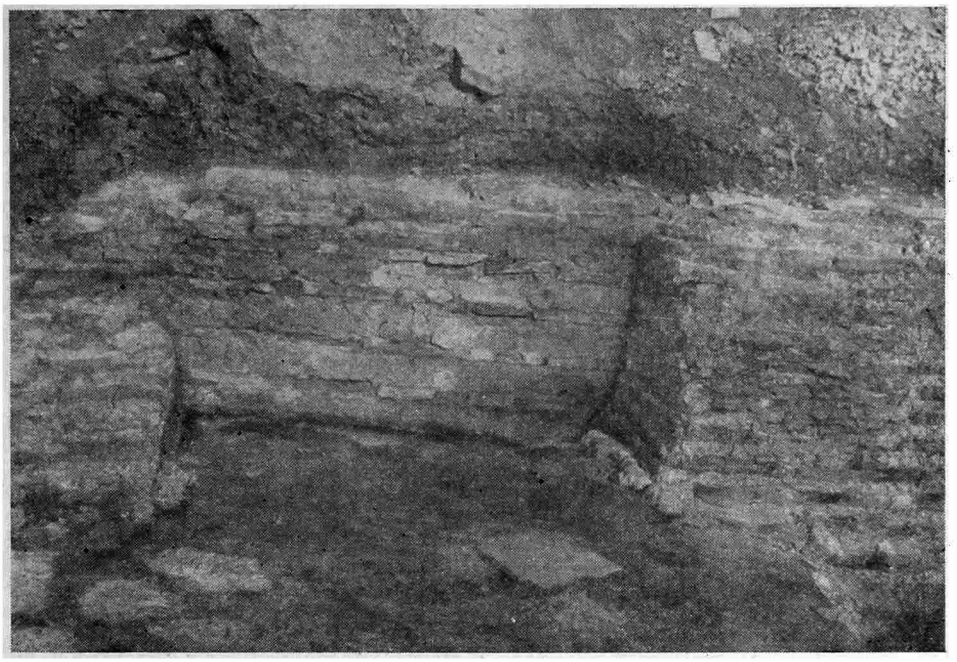


Рис. 2. Кладка. Западная стена храма

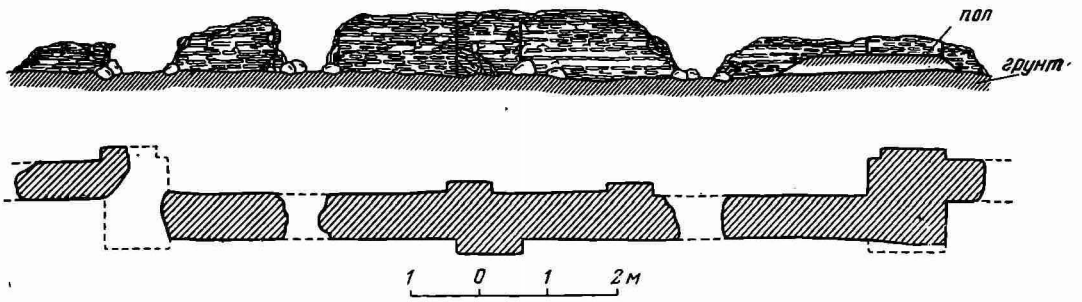


Рис. 3. Северная стена галереи

ро-восточного угловых прямоугольных помещений, аналогичных юго-западному и северо-западному. Восточная стенка этих помещений упиралась, очевидно, в четвертую пару лопаток на северной и южной стенах основного храма, что позволяет установить первоначальную длину храма (без апсид).

Изображенные на нашей реконструкции апсиды археологическими данными подтвердить не удалось ввиду полного их исчезновения. Конфигурация полуциркульной средней апсиды и двух прямоугольных снаружи и полуциркульных внутри условно воспроизводят восточную часть церкви Благовещения в Витебске, план которой достаточно близок к плану полоцкого храма (рис. 4).

К западной стене западной галереи примыкает сложенная из брускового бороздчатого кирпича поздняя паперть — одно из многочисленных свидетельств попыток реставрации храма в литовскую пору.

Во всех галереях под уровнем пола рядами расположены склепы, сложенные из плинф на цемяночном растворе (рис. 5 и 6). В южной галерее их размещалось семь, в западной — 20. В северной галерее кроме двух плохо сохранившихся склепов была раскрыта глубокая крипта, по-видимому, служившая местом захоронения наиболее почетных покойников.

Далеко не во всех склепах сохранились костяки. Ни при одном из них нет каких-либо остатков одежд или украшений. Костяки принадлежат в

основном старикам-мужчинам, хотя иногда в склепах попадались и женщины, по-видимому, похороненные в более поздний период истории монастыря.

Очень интересным оказалось заполнение одного из склепов, расположенного в западной галерее собора. Почти треть глубины склепа оказалась заполненной растопившимся свинцом кровли, который несколькими ручейками сбегал с расплавленной во время большого пожара кровли здания. Нам не без труда удалось привезти в Ленинград слиток в несколько десятков килограмм свинца, в котором оказались полусгоревшие кости погребенного. На другом участке здания был обнаружен хорошо сохранившийся свинцовый лист кровли.

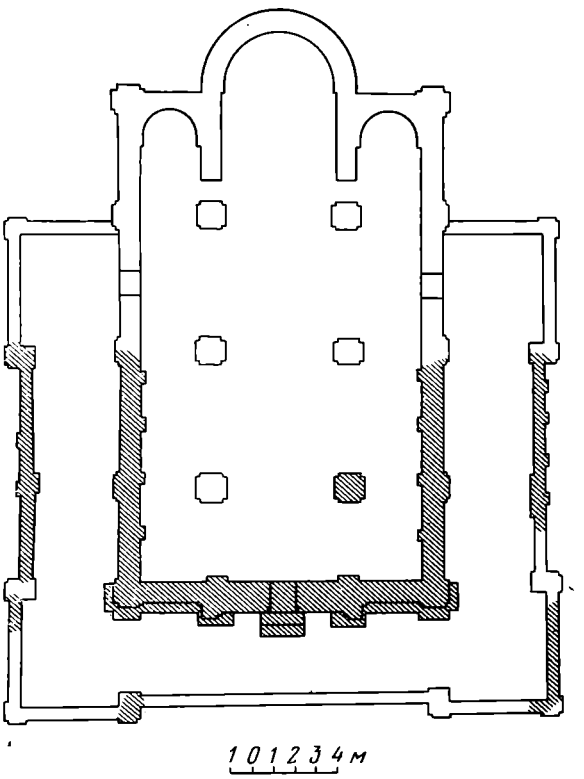


Рис. 4. План-реконструкция

Полоцкий храм-усыпальница был исключителен по богатству декора интерьера. Стены основного храма и его галерей были покрыты фресковой росписью, от которой in situ сохранились лишь декоративные панели мраморировок на нижних частях стен. В основном мелкие куски обвалившейся фресковой штукатурки лежали на древнем полу храма. Лишь в незначительном количестве сохранились фрагменты лиц, одежд, надписей (рис. 7). Особенно разнообразно был декорирован пол храма и его притворов. Майоликовые плитки — прямоугольные и отчасти фигурные в основном характерной, распространенной расцветки желтой, зеленой и коричневой поливой, отличались в отдельных участках храма, преимущественно в северной галерее, исключительным своеобразием. Плитки эти были покрыты черной с блеском поливой. Протертые от долговременного употребления, они по краям были как бы окаймлены красным керамическим тестом глины.

В западной галерее были обнаружены in situ в небольшом количестве маленькие плиточки, размером 4×4 *см*^{2}, с откосом по краям. Плиточки эти явно повторяли как бы мозаичную смальту пола. В северной галерее на полу крипты и вокруг нее были обнаружены в большом количестве смальты от мозаик пола желтого, зеленого и коричневого цветов. По-видимому, мозаиками был украшен пол крипты и ее окружение. Возле аркосолия в юго-западном углу храма был найден единственный фрагмент стенной мозаики из мелких смальт в растворе. Стенной мозаикой, видимо, были декорированы отдельные участки стен храма над саркофагами, стоявшими на полу храма в аркосолиях.

Руины храма-усыпальницы, раскопанные в Спасо-Евфросиниевском монастыре, по соседству с всемирно известной церковью Спаса, судя по некоторым особенностям строительной техники, по-видимому, отстояли по времени сооружения весьма недалеко. Так, о несколько более раннем периоде постройки свидетельствует применение двухобломных лопаток на фасадах здания, уже в середине XII в. в полоцком зодчестве уступивших место полуколоннам, которые к концу XII в. приобретают несколько уп-

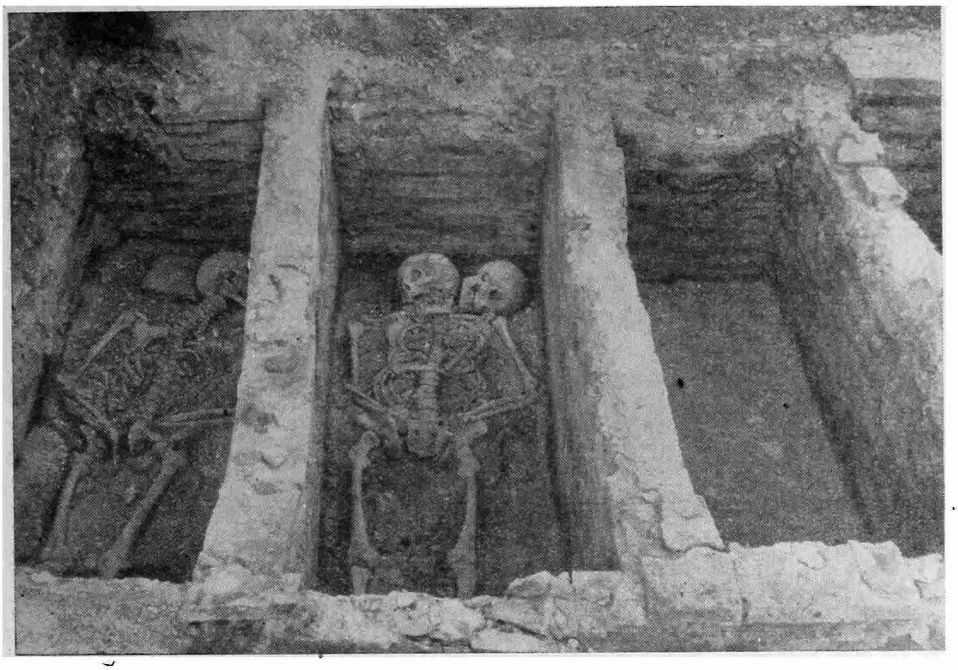


Рис. 5. Гробница в западной галерее

Рис. 6. Северная галерея

лощенный профиль. Эта особенность наружного декора фасадов храма-усыпальницы и применение в декоре интерьера мозаичных полов и даже, отчасти, стенных мозаик, позволяют отнести постройку храма-усыпальницы не позже чем к самому началу XII в. Отголоски времени строительства нашего храма сохранились в житийном повествовании о деятельности полоцкой княжны Предславы, более известной под монашеским именем Евфросинии.

Житие Евфросинии, дошедшее до нас в трех редакциях, в достаточно поздних переделках, однако несомненно восходит к древнему источнику,

Рис. 7. Фреска. Лик

близкому к описываемым событиям. В. О. Ключевский, изучавший древнерусские жития, как исторический источник, писал: «... по составу и литературному характеру оно напоминает риторические жития XV—XVI вв., но живость и обилие биографических черт вместе с остатками старинного языка заставляют предполагать у биографа какой-нибудь более древний источник» [4].

Княжна Предслава была дочерью князя Георгия — младшего сына полоцкого князя Всеслава Брячиславича. Еще не достигнув «совершена возраста телесного естества», Предслава отличалась не только ученостью в «книжном писании», но и, как полагается будущей святой, несмотря на «телесную доброту» и «лепость лица», обнаруживала полнейшее равнодушие к многочисленным именитым князьям, засылавшим сватов к отцу Предславы. Вскоре юная княжна тайно от родителей постриглась в монастырь. Пробыв там «несколько время», Предслава — теперь уже Евфросиния — «испроси у епископа ту сущего, нарицаемого Ильи, правящего престолом св. Софея в Полоцку, дабы ей повелел ту пребывати в церкви св. Софея в голбци», что и было ей разрешено. Спустя некоторое время ангел, явившийся Евфросинии ночью, когда она отдыхала после «многого труда» по переписыванию книг, повел ее, «идеже бе церкви всемилостивого Спаса метохия святыя Софеи, яже зовется Селце от людей», и указал ей на церковь Спаса, как на место, где ей «подобает быти». В ту же ночь ангел явился к полоцкому епископу Илье, предложив ему «ввести рабу божию Евфросинию в церковь св. Спаса, нарекомое Сельце».

Речь епископа, обращенная к Евфросинии, подробно переданная в тексте Жития, излагает, по-видимому, более реальные основания покинуть

[4] *В. О. Ключевский.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 262.

городской собор и переселиться в загородный монастырь. «Ведаешь, чадо,— сказал епископ,— се церковь есть соборна, идеже седиша, ту вси люди собираются, а тебе не лепо есть зде пребывать. Есть церкви всемилостивого Спаса Сельце, идеже братья наша лежат преже нас бывшие епископи». Получив согласие Евфросинии, епископ Илья в торжественной обстановке, пригласив сестер и отца Евфросинии Георгия, вручил ей место Вседержителя Спаса, предупредив всех присутствующих, чтобы «никто не посудит его деяния».

Храм-усыпальница, открытый раскопками 1961—1964 гг., несмотря на крайнюю степень разрушения, позволяющую реконструировать восточную часть здания лишь предположительно, по богатству декора интерьера фресками, мозаиками, разнообразными майоликовыми плитками явно мог конкурировать со всеми известными нам храмами Полоцка, не уступая во многих отношениях самому собору Софии.

Думаю, что краткий отрывок жития Евфросинии, свидетельствующий о существовании в окрестности Полоцка храма-усыпальницы «идеже,— по словам Ильи,— братья наша лежат преже нас бывшие епископи», позволяет высказать предположение, что раскопанные руины в Спасо-Евфросиниевском монастыре и представляют старый храм Спаса, служивший первоначальной усыпальницей полоцких епископов, высившийся когда-то на высоком берегу реки Полоты и позже упомянутый в Жалованной грамоте Стефана Батория, по которой иезуитам передавался во владение «женский, называемый игуменским монастырь св. Спаса, коего храм близкий к разрушению еще виднеется над рекою Полотой» [5]. Трудно предположить, чтобы грамота Стефана Батория имела в виду церковь Спаса, выстроенную мастером Иваном, которая, как известно, дошла до нашего времени, хотя и в перестроенном виде, но которую все же нельзя было в XVI в. охарактеризовать как «близкую к разрушению».

Еще до раскопок храма в Спасо-Евфросиниевском монастыре И. М. Хозеров и вслед за ним Н. Н. Воронин высказали предположение, что он мог в древности называться церковью Георгия, так как сам Спасский монастырь носил название «Спас-Юревичи».

M. K. Kargher

UNE CHAPELLE FUNERAIRE DANS LE MONASTERE DE SAINTE-EUPHROSINE, A POLOTSK

Résumé

L'article est consacré à la description des ruines d'une église, fouillée de 1961 à 1964, qui se trouve à Polotsk dans les limites du monastère de Ste-Euphrosine. Cette église est une chapelle funéraire. La partie orientale de l'édifice ne s'est pas conservée; le plan peut en être reconstitué seulement d'une manière hypothétique. D'après l'architecture et la technique de construction, ce monument appartient au début du XIIe siècle.

---

[5] «Жалованная грамота Стефана Батория на основание в Полоцке иезуитской коллегии и присвоения ей всех полоцких православных монастырей и церквей, с отчинами и имуществом их, за исключением только архиепископской кафедры 1582 г. января 20». *А. П. Сапунов.* Витебская старина, т. V. Витебск, 1888, стр. 73.

А. П. РУНИЧ

ДВА БОГАТЫХ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПОГРЕБЕНИЯ ИЗ КИСЛОВОДСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Среди общей массы катакомб, исследованных в Кисловодской котловине, публикуемые усыпальницы выделяются не только наличием богатого инвентаря, но и тем, что только над ними в слое дерна имеется каменная обкладка, которая в виде рамки окружает поверху как саму камеру, так и ее дромос. Первая такая катакомба под № 39 (113) находилась в верхней центральной части могильника «Мокрая балка» и резко выделялась среди всех остальных 122 камер, исследованных автором [1]. Ее обкладка, толщиной 25—35 *см*, полностью прослеживалась с северо-западной стороны, частично уцелела с северо-востока и юго-запада (рис. 1). Верхняя часть камеры и дромоса не сохранилась. Длина дромоса 180 *см*, ширина у начала 69, а у входного отверстия 84 *см*. Лаз шириной 48 *см* был на 62 *см* выше пола. Закладную плиту размерами 75×54×10 *см* со стороны дромоса подпирал камень. На дне дромоса находились два разбитых керамических сосуда (рис. 2, *1,7*) и фрагмент третьего (рис. 2, *5*). Камера овальная, размерами 178×126 *см*, вырублена в плотном алювиальном суглинке и была полностью заполнена хорошо слежавшимся грунтом. В южной стенке на 25 *см* выше пола сделана ниша. В ней стояли два керамических сосуда (рис. 2, *2, 4*), на дне одного из них имелось клеймо (рис. 2, *4а*). Еще два сосуда (рис. 2, *3, 6*) находились под нишей. На одном клеймо (рис. 2, *6а*). Около сосудов было бронзовое зеркало (рис. 3, *1*).

Мужской скелет с деформированным черепом лежал на спине со слегка подогнутыми ногами, головой на юго-запад (рис. 1). Никаких следов от подстилки под погребенным обнаружено не было. Между восточной стенкой и коленным суставом правой ноги находилась сломанная стальная сабля-палаш с железным перекрестием (рис. 3, *28*). Два куска ее клинка лежали параллельно друг другу. Сабля сделана из очень твердой и почти не подвергшейся коррозии стали.

Около палаша кучкой лежали различные украшения. Интересной их особенностью оказалось то, что они были согнуты, частично сломаны и на многих сохранились следы от ударов твердым предметом. Три золотые, массивные с зернью довольно тонкой ювелирной работы (рис. 3, *6, 8, 12*). Остальные из листовой бронзы, обложенные золотой фольгой, представлены четырьмя типами: к первым двум относятся четыре экземпляра (рис. 3, *9, 10*), к третьему — восемь (рис. 3, *11*). Все они имеют довольно сложный тисненый орнамент, в центре помещено, видимо, схематичное погрудное изображение бородатого человека с нимбом и крестом на лбу (рис. 3, *10*). Но на некоторых вместо креста сделан треугольник (рис. 3, *11*) или точки (рис. 3, *9*). Эта существенная деталь дает основание пола-

[1] *А. П. Рунич.* Отчеты о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1968, 1969, 1970, 1971 гг. Архив ИА АН СССР.

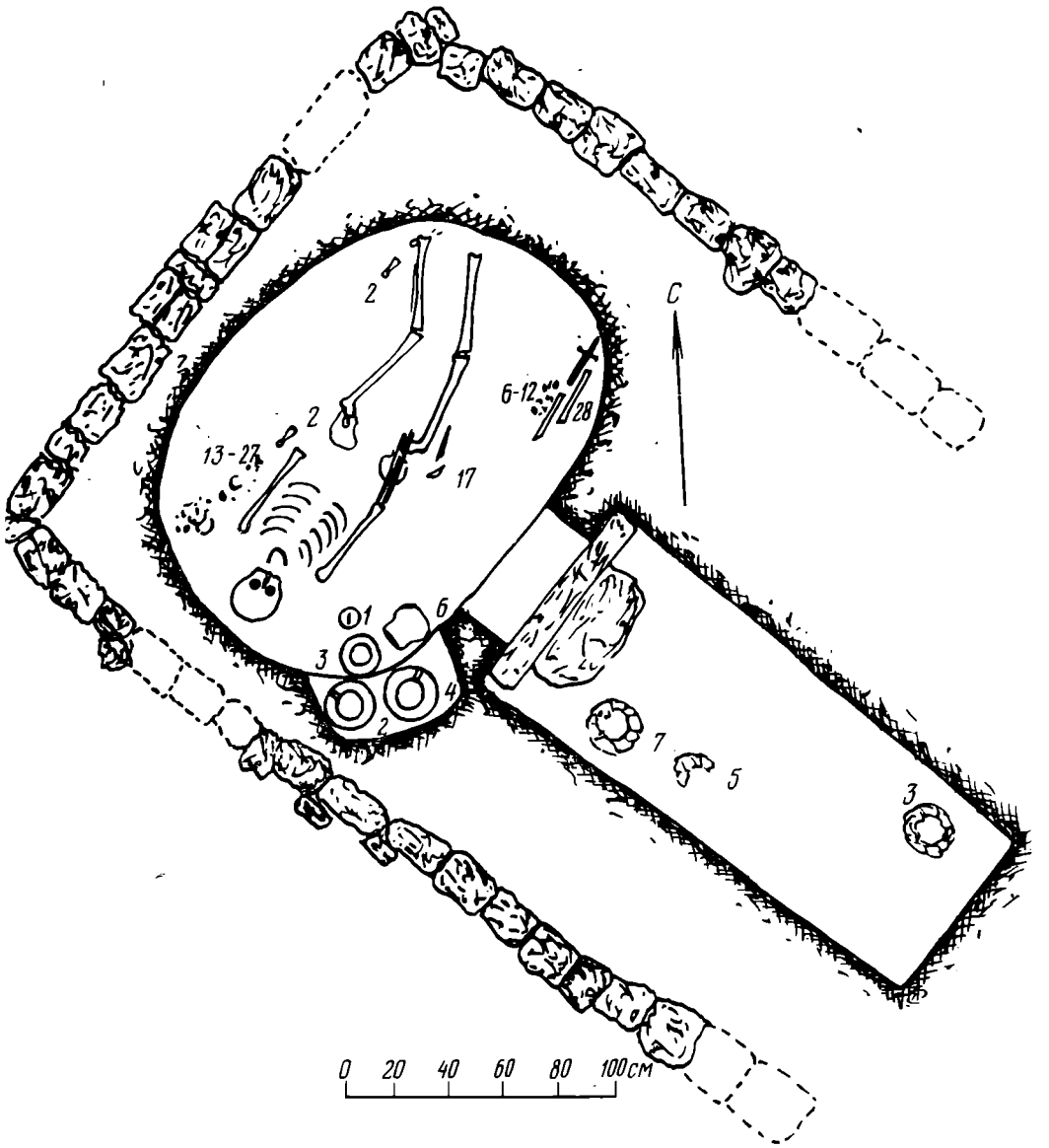


Рис. 1. «Мокрая балка», план катакомбы № 39 (113)

гать, что они являются грубым подражанием каким-то христианским образцам и изготовлены местными мастерами. По краям все имеют бронзовые штифтики, при помощи которых прикреплялись к коже (видимо, к поясу). К четвертому типу относятся два бронзовых украшения в виде трех сопряженных полусфер, также обложенных золотой фольгой (рис. 3, *5*). Все описанные украшения с тыльной стороны были заполнены довольно прочной белой пастой.

Около локтя правой руки погребенного находились бронзовая фибула (рис. 3, *17*) и плохо сохранившийся железный нож. У левого бедра был бронзовый колокольчик (рис. 3, *2*), второй такой же — у левого локтевого сустава. Там же и у плечевого сустава лежали различные бронзовые предметы, большая часть которых оказалась умышленно сломанной. Среди них были четыре сломанных браслета из бронзовой проволоки (рис. 3, *18*), подвеска или наконечник ремня из этого же металла (рис. 3, *4*), две бронзовые серьги в виде калачика (рис. 3, *19*), 24 сферические бронзовые бляшки (рис. 3, *7*), бронзовая подвеска-идол (рис. 3, *3*), четыре бронзовые пряжки (рис. 3, *13—16*) и бусы — шесть янтарных (рис. 3, *24*), две пастовые (рис. 3, *20—26*), шесть сердоликовых (рис. 3, *21—22*), две стеклян-

ные (рис. 3, *23*, *27*) и одна крестообразная из агата (рис. 3, *25*). Вполне возможно, что все эти предметы, лежавшие кучкой, были положены женой в дар умершему.

Около черепа погребенного находились шесть серебряных монет с пробитыми у краев маленькими отверстиями, видимо, для ношения (рис. 4). Среди них были две византийские — Маврикия (589—602), диаметр 17 *мм*, вес 1,163 *г* (рис. 4, *1*) и Фоки (602—610); диаметр 16,5 *мм*, вес 1,108 *г* (рис. 4, *2*), четыре сасанидские — три Хосроя Анушервана

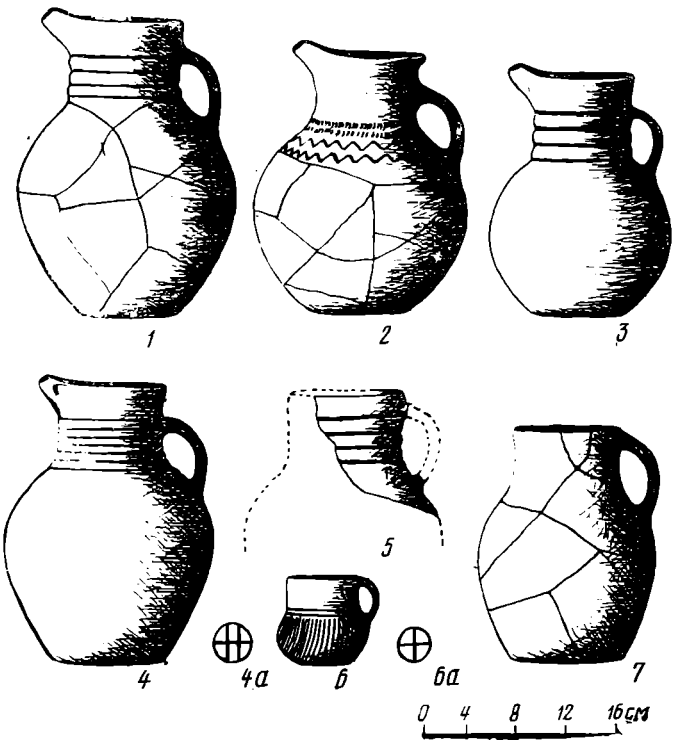


Рис. 2. «Мокрая балка», керамические сосуды из катакомбы № 39 (113)

(531—579), диаметр 27 *мм*, вес 3,475 *г* (рис. 4, *3*) и одна Хосроя II Парвиза (590—628), диаметр 27,1 *мм*, вес 2,088 *г* (рис. 4,*4*) [2].

Как выяснилось, очень странной особенностью этого погребения оказалось то, что большая часть находящегося здесь инвентаря была умышленно сломана, а на некоторых предметах даже сохранились следы от ударов твердым предметом. Это, безусловно, надо объяснить особенностью погребального культа. Возможно, что такая умышленная порча предметов (палаша, золотых украшений, браслетов и т. д.) связана с убеждением, что они были достойны только погребенного и не должны были больше служить никому.

Необходимо особо отметить, что умышленной порчи погребального инвентаря ни в остальных захоронениях этого могильника, которые относятся к тому же времени, ни в других могильниках изучаемого района отмечено не было.

Заслуживает внимания и своеобразный набор сосудов в этом погребении. Так, в остальных погребениях этого могильника преобладают небольшие сосуды типа кружек (рис. 2, *6*), где на один кувшин в среднем приходится 3,3 кружки [3]. В описанной же катакомбе № 39 (113) на одну

[2] Определение монет сделано Э. В. Ртвеладзе, за что мы приносим ему искреннюю благодарность.

[3] *А. П. Рунич.* Ук. отчеты за 1968, 1969, 1970, 1971 гг.

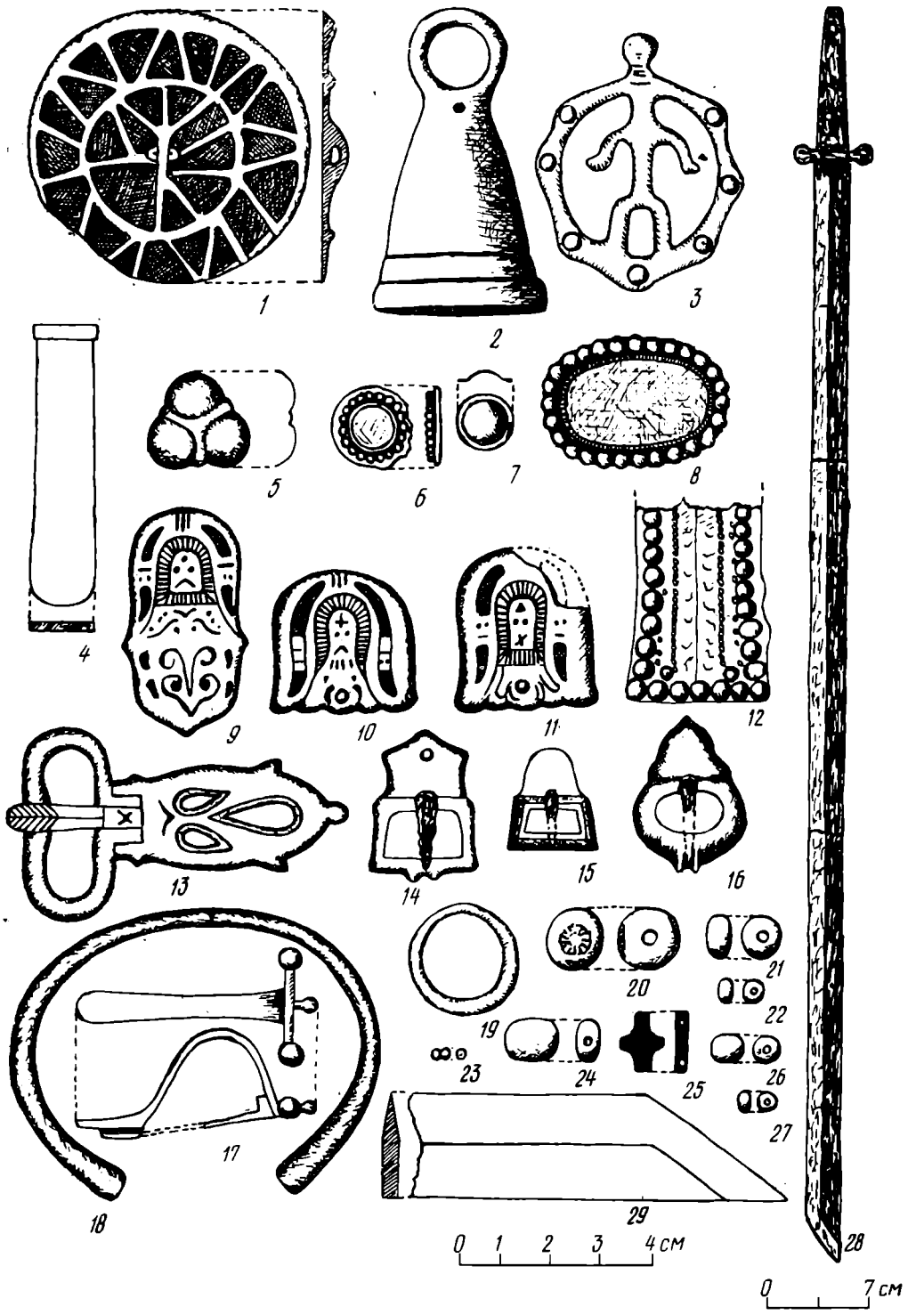


Рис. 3. «Мокрая балка», инвентарь катакомбы № 39 (113) бронзовые предметы: *1* — зеркало; *2* — колокольчик; *3* — идол; *4* — наконечник от пояса; *7* — бляшки; *13—16* пряжки; *17* — фибула; *18* — браслет; *19* — серьга; *6, 8, 12* — украшения из золота; *5, 9, 10, 11* — бронзовые украшения, обложенные золотой фольгой; бусы: *20, 25* — пастовые; *21, 22* — сердоликовые; *23, 27* — стеклянные; *24* — янтарная; *24* – агатовая; *28* – сабля-палаш; *29* – разрез клинка

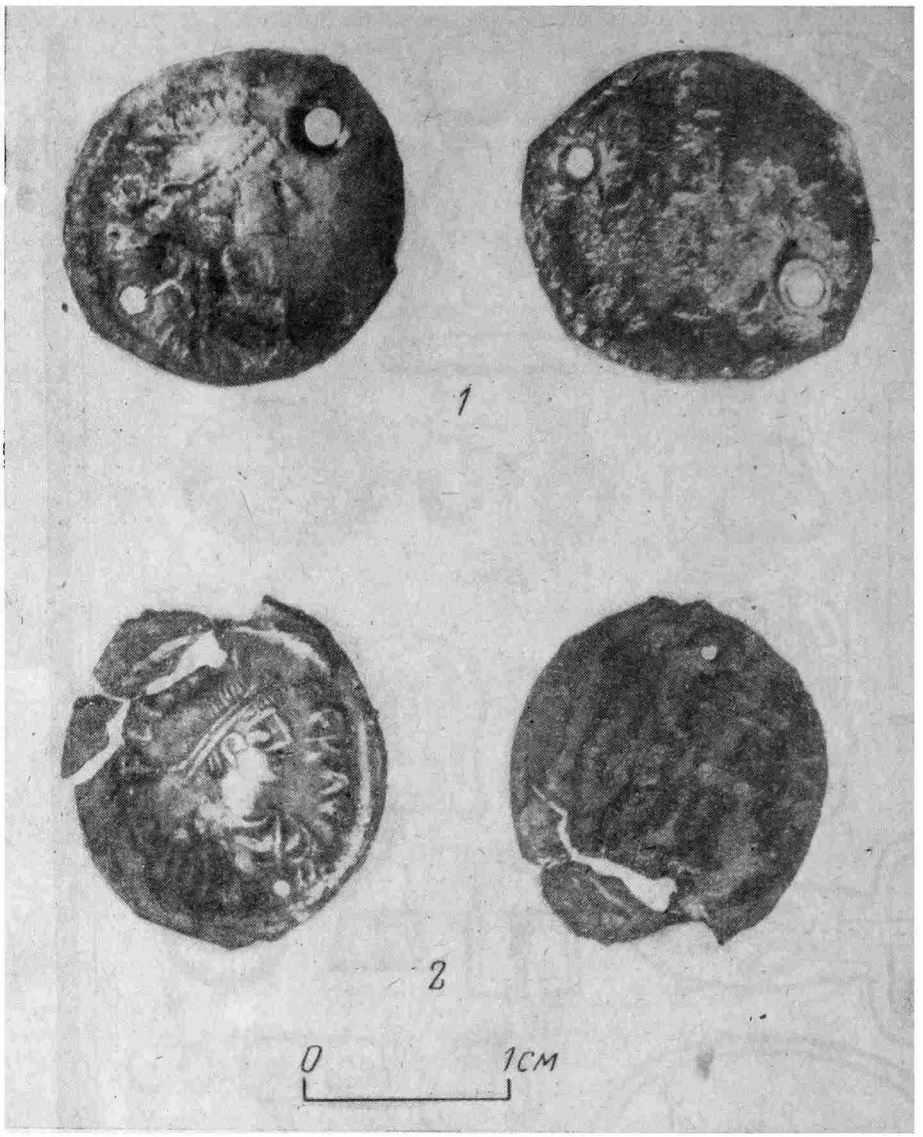


Рис. 4. «Мокрая балка», серебряные монеты из катакомбы № 39 (113), византийские: *1* — Маврикий (589—602); *2* — Фока (602—610); сасанидские: *3* — Хосрой Анушерван (531—579); *4* — Хосрой II Парвиз (590—628)

кружку (рис. 2, *6*) приходится шесть различных кувшинов (рис. 2, *1—5, 7*). Все находившиеся в этой катакомбе сосуды черного цвета и сделаны на гончарном круге. Тесто, из которого они изготовлены, однородное, с значительной примесью крупного кварцевого песка и гранитной дресвы.

Один небольшой кувшин без носика-слива, с ручкой, закрепленной чуть ниже венчика, без орнамента и лощения, сильно закопчен снаружи, что дает основание считать его «кухонной посудой» (рис. 2, *7*). Остальные шесть сосудов хорошо лощеные, с орнаментом, и, очевидно, являлись «столовой посудой». Эти сосуды следует подразделить на два типа. К первому относится сосуд типа кружки с орнаментом в виде наклонных вдавленных лощеных линий по корпусу. Ручка закреплена на уровне венчика (рис. 2, *6*). Ко второму принадлежат пять небольших кувшинов. Четыре из них с носиком-сливом, на двух орнамент состоит из широких горизонтальных вдавленных лощеных линий, нанесенных по горловине (рис. 2, *1, 3*), у одного еще добавлены конические бугорки в виде глаз у носика-слива (рис. 2, *4*). Четвертый кувшин с более сложным орнаментом: по горло-

вине нанесены две параллельные горизонтальные линии, состоящие из мелких овальных вдавлений. Ниже два лощенных вдавленных зигзага (рис. 2, *2*). На дне двух сосудов имеются клейма (рис. 2, *4а, 6а*).

Особого внимания заслуживает сабля-палаш. По типу перекрестия и прямому клинку он близок к палашу из Змейского катакомбного могильника[4]. Аналогичные перекрестия известны на саблях X—XII вв. из района Кисловодска[5] и из катакомб Рим-горы того же времени[6], но, к сожалению, клинки этих сабель сохранились исключительно плохо и представляли собой сплошную коррозию. То же надо сказать и о других многочисленных железных предметах, найденных в погребениях V—XII вв. в Кисловодской котловине (ножи, стрелы, браслеты, фибулы и др.); от металла там фактически ничего не осталось. Из всей этой массы железных

[4] *В. А. Кузнецов.* Змейский катакомбный могильник АРРЗСО, Орджоникидзе, 1961, табл. II, *2*.

[5] *А. П. Рунич.* Катакомбные могильники в районе Кисловодска. СА, 1963, 3, рис. 2, *15*.

[6] *А. П. Рунич.* Катакомбы Рим-горы. СА, 1970, 2, рис. 7, *7*.

предметов прекрасно сохранился только палаш в указанной катакомбе «Мокрой балки». Нужно особо подчеркнуть, что все эти железные предметы находились в совершенно одинаковых условиях, но сохранились различно. На основании этого можно предположить, что описанный палаш изготовлен из другого сплава, чем все остальные поделки из железа, найденные в погребениях Кисловодской котловины (к сожалению, еще не удалось сделать анализ металла, из которого был изготовлен указанный палаш). Не имеет аналогий и форма его клинка.

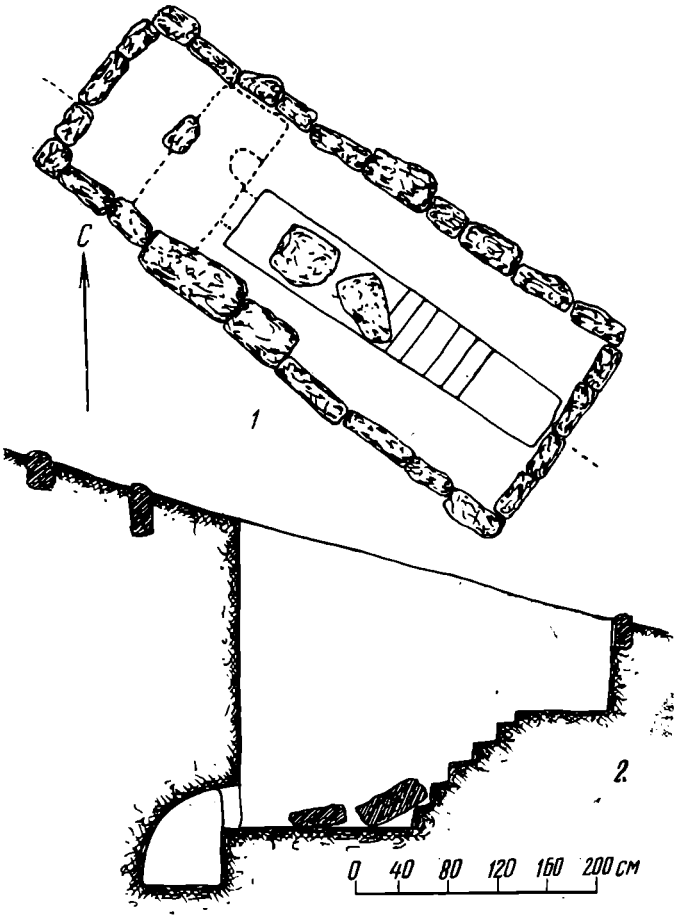


Рис. 5. Острый мыс 2. План (*1*) и разрез катакомбы (*2*)

Весь описанный комплекс хорошо датируется найденными в нем монетами, относящимися ко времени позже 628 г., т. е. концом первой половины VII в.

Погребение «Острый мыс 2» находилось на левом высоком берегу Подкумок в 400—450 *м* западнее железной дороги Кисловодск — Минводы, примерно посредине между железнодорожным мостом через речку и станцией Подкумок [7].

Это могильное сооружение оказалось очень интересным прежде всего по своему внешнему оформлению, состоящему из каменной обкладки, которая на 5—10 *см* выступала из хорошо задернованного склона и имела вид «рамки», ограничивающей как участок над усыпальницей, так и весь дромос (рис. 5, *1*). Каменная обкладка была сделана из крупных плит песчаника размерами 80×50×20 и 92×57×24 *см*, установленных и закопанных «на ребро», массивных глыб песчаника 120×60×54 и 75×60×

[7] *А. П. Рунич.* Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1974 г. Архив ИА АН СССР.

×62 *см* и более мелких камней. Внутренние размеры «рамки» 600×210 *см*. Почти в центре сооружения и параллельно его длинной стороне обозначился дромос. Его верхняя часть на 40 *см* сделана в супеси, а нижняя вырублена в песчанике. У входа дромос имел глубину 98, ширину 60 *см* и представлял собой горизонтальную площадку длиной 103 *см*. За этим участком начиналась лестница, состоящая из шести ступеней высотой 12, 20, 21, 20, 24 и 20 *см*, вырубленных в скале. После лестницы находилась вторая горизонтальная площадка длиной 186 и шириной 78 *см*, которая подходила к входному отверстию в усыпальницу (рис. 5, *1, 2*). Глубина дромоса в этом месте 336 *см*, а размеры полукруглого лаза в камеру 44× ×45 *см*. Перед входом на дне дромоса лежала плита (60×60×17 *см*), прежде закрывавшая лаз в катакомбу. В начале нижней горизонтальной площадки и на шестой ступеньке лежала глыба песчаника (80×48×50 *см*), которая, очевидно, подпирала входную плиту со стороны дромоса. Камера и нижняя часть дромоса были вырублены в песчанике и оказались полностью заполненными плотным и хорошо слежавшимся грунтом. Ровный пол катакомбы находился на 64 *см* ниже входного отверстия.

Севернее лаза в полу было вырублено полукруглое углубление размером 30×30 *см* и глубиной 35 *см*, в котором ничего не оказалось.

В плане усыпальница имела вид прямоугольника размерами 190× ×85 *см*, ориентированного длинной осью с северо-востока на юго-запад, причем его юго-западная стенка имела вид полукруга (на рис. 5, *1* камера показана пунктиром). Потолок был сферическим и местами обрушился.

При исследовании дромоса у его дна обнаружены разбросанные обломки человеческих костей, кости лошади[8] и остатки от погребального инвентаря. То же было и в камере. Но находка только одного раздавленного человеческого черепа у западной стенки, а также размеры усыпальницы дают основание утверждать, что погребенный был один и лежал в вытянутом положении, головой на юго-запад. Положение же плиты на дне дромоса, разбросанные кости и остатки от инвентаря убедительно свидетельствовали об ограблении камеры через входное отверстие, хотя никаких внешних следов грабительского раскопа заметно уже не было. Могильное сооружение оказалось исключительно интересным не только по своему устройству и оформлению, но и по сохранившемуся погребальному инвентарю.

Наиболее интересными оказались остатки от чешуйчатого панциря, сделанного из железных пластинок размерами 8,5×2 *см* (таких пластинок целых и в обломках сохранилось около 70 шт.). Наиболее хорошо уцелевшая часть панциря состояла из пяти «спаянных» окисью железа пластинок, которые частично перекрывали одна другую (рис. 6, *1*). На некоторых пластинках видно по четыре отверстия (рис. 6, *2*) для пришивания к коже, следы которой еще сохранились на некоторых пластинках.

Прямоугольных пластинок с закругленными углами целых и в обломках найдено около 60 шт. Три загнуты в виде крючка и имеют на конце отверстие (рис. 6, *3*). Видимо, к ним прикреплялись ремни, при помощи которых панцирь закреплялся на груди воина. Другим типом являлись изогнутые пластинки, которые, видимо, находились на верхней части панциря и защищали плечи. Очевидно, с панцирем были связаны пять довольно крупных железных пряжек (рис. 6, *7*) — одна такая пряжка была «спаяна» окисью железа с пластинкой первого типа.

Средневековые доспехи этого типа впервые найдены в Кисловодской котловине. Однако надо отметить, что чешуйчатые панцири в рассматриваемом районе Северного Кавказа существовали значительно раньше. Об этом убедительно свидетельствует богатое захоронение в каменном ящике у поселка Индустрия около Кисловодска. В этом захоронении со скор-

[8] По заключению ветеринарного врача В. Б. Федотова, принимавшего участие в раскопках, лошадь была старой и низкорослой.

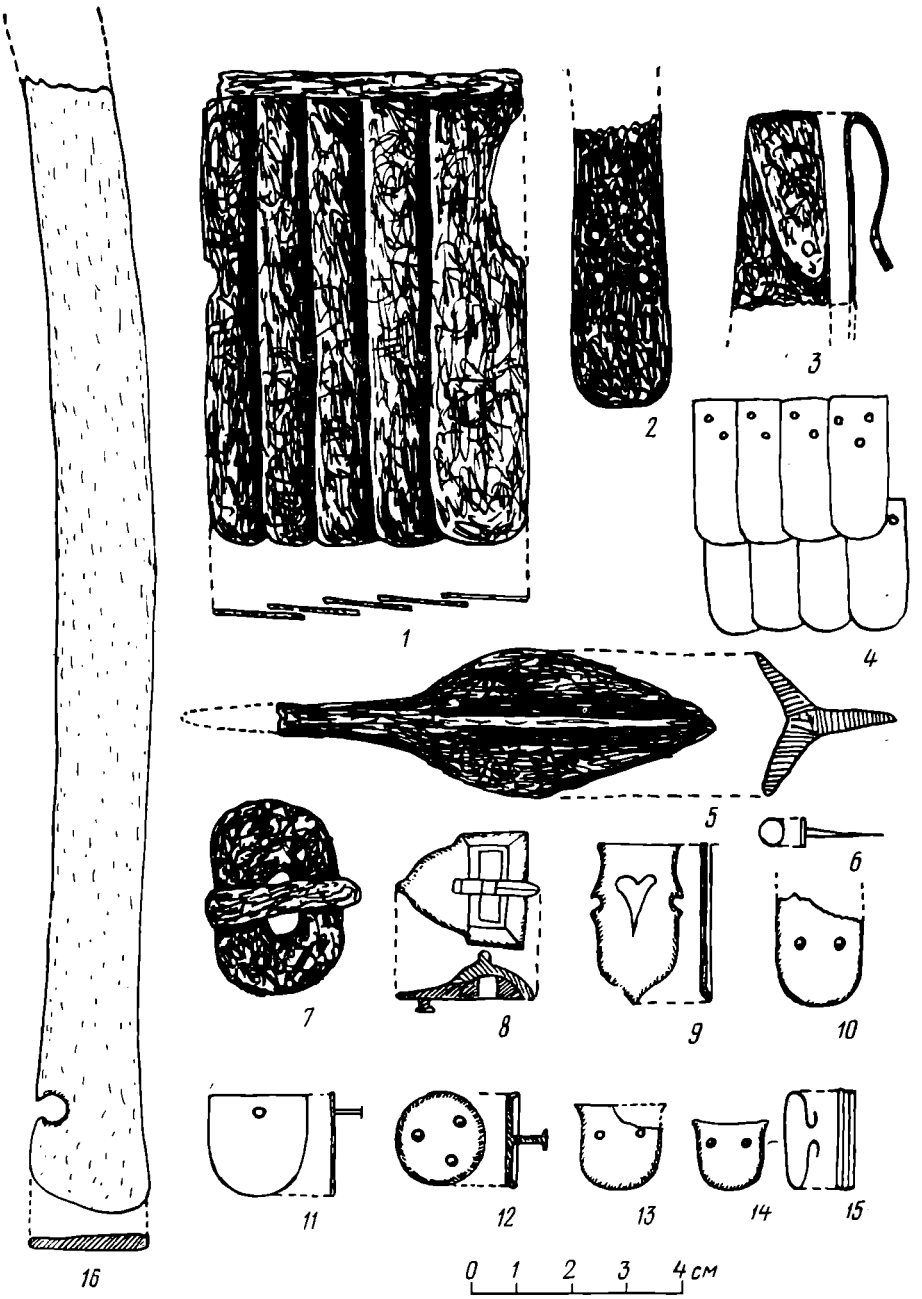


Рис. 6. Инвентарь из катакомбы Острый мыс 2: *1—3* детали железного панциря; *4* — бронзовые пластинки от панциря VIII—VII вв. до н. э.; *5*— наконечник стрелы; *6* — бронзовый гвоздик; *7* — железная пряжка; *8*— серебряная пряжка; *9—15* — украшения от пояса; *16* — костяная накладка от лука

ченным костяком вместе с бронзовыми топорами кобанского типа и другими предметами VIII—VII вв. до н. э. находились и остатки бронзового чешуйчатого панциря (рис. 6, *4*) [9]. А. М. Хазановым приводится большой материал о скифских и савроматских пластинчатых доспехах [10].

Заслуживает внимания первая находка в районе Кисловодска костяной накладки от лука (рис. 6, *16*). Имеется целый массивный трехперый черенковый наконечник стрелы (рис. 6, *5*) и фрагмент другого. Интересен серебряный набор от пояса (рис. 6, *9—15*) и прямоугольнорамчатая

[9] *А. П. Рунич.* Ук. отчет за 1969 г., рис. 23, *15*.
[10] *А. М. Хазанов.* Очерки военного дела савроматов. М., 1971.

пряжка со щитком (рис. 6, *8*). В камере встречались кусочки древесного угля, а некоторые человеческие кости (особенно ребра) были интенсивно окрашены окисью меди. Но никаких следов бронзовых предметов и сосудов в камере и дромосе не оказалось, кроме бронзового гвоздика (рис. 6, *6*).

Поскольку тип могильного сооружения, железный наконечник стрелы, пряжка и поясной набор оказываются довольно близкими к таким же предметам из могильника в «Мокрой балке», который хорошо датируется найденными там монетами и индикациями VI—VIII вв.[11], захоронение «Острый мыс 2», очевидно, следует датировать VI—VIII вв.

Общей особенностью двух публикуемых богатых захоронений является наличие над ними каменной оградки. В X—XII вв. в Кисловодской котловине существовал другой способ для обозначения места катакомбных захоронений: в дромосах перед входной плитой нередко ставили грубо обработанные глыбы камня, которые выступали над поверхностью склона на 20—60 *см*. Никаких знаков на них обнаружить не удалось. Такое обозначение имелось как над довольно богатыми, так и над рядовыми захоронениями на Рим-горе [12]. Каменная же обкладка в виде «рамки» обнаружена только над этими, самыми богатыми катакомбными захоронениями VI—VIII вв.

При сравнении особенностей этих могильных сооружений и находившегося в них инвентаря с остальной массой катакомбных захоронений в Кисловодской котловине прослеживается резкое различие между ними как в оформлении камер, так и в инвентаре, сопровождавшем умерших. Находившийся здесь богатый инвентарь указывает на существовавшее классовое неравенство и выделение из среды алан богатой и привилегированной верхушки, которой могли быть только вожди племен, что хорошо прослеживается в Кисловодской котловине начиная с IV—V вв.[13]

A. P. Rounitch

DEUX RICHES SEPULTURES DU HAUT MOYEN AGE DANS LA DEPRESSION DE KISLOVODSK

Résumé

Dans la dépression de Kislovodsk est concentré un grand nombre de monuments du haut Moyen Age: agglomérations, fortifications, postes de garde, et cimetières. Une partie des sépultures étaient pratiquées dans des rochers à pic et des excavations; mais les inhumations en catacombes étaient en prépondérance. A l'heure actuelle, on a repéré à cet endroit 38 cimetières, où environ 500 caveaux ont été ouverts.

Le mobilier funéraire en est assez modeste. Dans le nombre, trois sépultures se distinguent non seulement par l'abondance du mobilier,— dont la plus grande partie est en métaux précieux,— mais encore par le fait qu'il s'y trouvait des armes (épée, sabre, flèches) et des armures métalliques de guerriers, objets qui ne se rencontrent pas dans les tombes ordinaires du bassin de Kislovodsk. De plus, deux d'entre elles se font remarquer par leur construction, qui consiste en rangées de pierres dans une couche de terre gazonneuse, entourant la chambre funéraire ainsi que le dromos.

La présence d'un aussi riche mobilier, et uniquement dans ces trois tombes, donne une base pour parler de l'existence d'une inégalité de classes, et de chefs issus des milieux alains, ce qu on peut remarquer à partir des IVe ou Ve siècles.

---

[11] *А. П. Рунич.* Аланский могильник в Мокрой балке у г. Кисловодска. МАДИСО, III. Орджоникидзе, 1975, стр. 132—150.

[12] *А. П. Рунич.* Катакомбы Рим-горы, стр. 207.

[13] *А. П. Рунич.* Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из кисловодской котловины. СА, 1976, 3.

Приношу благодарность М. А. Гуськову, В. А. Аученкову, С. Н. Сивенко и В. Б. Федотову, которые выполняли все земляные работы при исследовании погребений.

Заметки

А. Е. МАТЮХИН

ОПЫТЫ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ЧОППЕРОВ И ЧОППИНГОВ В КАЧЕСТВЕ РУБЯЩИХ ОРУДИЙ

Определение функций галечных орудий типа чопперов и чоппингов может осуществляться как с помощью трасологического анализа [1], так и экспериментальным путем, причем последний исследовательский прием часто оказывается единственным. В ходе применения галечных орудий для различных практических целей, например рубки, резания, скобления, пиления и строгания, можно получить сведения о вероятном их назначении.

Рассмотрим опыты по использованию чопперов и чоппингов для перерубания стволов и веток деревьев и отбиванию эпифизов трубчатых костей. Эксперименты проводились автором в течение нескольких лет в рамках работ лаборатории, возглавляемой С. А. Семеновым, а также самостоятельно в экспедициях в различных климатических и ландшафтных зонах. Основные цели, которые ставились в этих экспериментах,— установить эффективность чопперов и чоппингов с разными технико-морфологическими признаками при перерубании различных пород деревьев, продолжительность работы одним орудием, влияние подправки на рабочие свойства галечных орудий, время, затраченное на перерубание стволов разного диаметра, и т. д. Эксперименту подвергались следующие породы деревьев: дуб, бук, граб, сосна, береза, ясень, лещина, тополь, клен, осина, боярышник и акация. Чопперы и чоппинги изготавлялись из кремня, песчаника разной степени окремненности, кварцита, известняка, доломита и других пород. Каждый опыт подробно описывался, орудия зарисовывались перед началом работы, а также всякий раз, когда происходило выкрашивание рабочего края или его подправка.

В результате опытов установлено, что на эффективность галечных орудий влияют тип сырья, из которого изготовлено орудие, его вес, угол заострения, характер и форма рабочего края, удобство захвата орудия, угол положения обработанной поверхности относительно поверхности ствола, сила удара и умение экспериментатора, а также порода, степень влажности и положение ствола дерева. Все эти признаки в конкретной ситуации сочетаются самым различным образом. Так, эффективность орудия значительно понизится, если экспериментатору во время работы будут мешать близлежащие кустарники, деревья или при перевертывании орудия противоположной стороной по направлению движения и т. д. Оптимальный угол заострения рубящих орудий от 55 до 65°. Однако для перерубания веток толщиной 3—4 *см* пригодны для работы орудия с углом 70—80°. Минимальный вес использованных нами образцов 150 *г*. Все указанные признаки взаимосвязаны. Когда, например, вес, угол заострения и степень заостренности края не в норме, то они

[1] *В. Е. Щелинский.* Изучение производственных функций галечных орудий из позднепалеолитических стоянок Енисея. МИА, 185, Палеолит и неолит СССР, т. 7, 1972, стр. 142—156.

могут компенсироваться за счет увеличения амплитуды, силы удара и угла положения орудия. Чопперы более эффективны, чем чоппинги. Полезные свойства последних часто снижаются из-за наличия у них извилистого рабочего края. Опыты по перерубанию стволов и веток деревьев показывают, что длина обработанной части края орудия не совпадает с фактической длиной рабочего края, которая определяется практически в процессе его использования (рис. 1, *1, 4*). Полезная часть рабочего края в ходе опытов, в том числе и отдельного опыта, используется неравномерно. Как правило, в каждый конкретный момент работает небольшой участок края. Затем осуществляется перехват орудия, и нагрузка падает на другой участок и т. д. (рис. 1, *4, 5*; рис. 2, *9, 11, 13*).

Оптимальный угол заострения сам по себе еще не указывает на эффективность рубящего орудия и не определяет фактическую протяженность его рабочего края. Важно, чтобы орудие было удобно для захвата, а его лезвие было острым по всей длине и без заметных выступов. При этом работающая часть лезвия должна располагаться по направлению удара, т. е. по направлению движения руки во время работы (рис. 1, *1*). Этим определяется эффективность чопперов и чоппингов с выделенным рабочим краем. У орудий из кремнистых и окремненных пород с углом заострения 50—55° более целесообразен прямой или слегка выпуклый рабочий край, как у кливеров или каменных топоров верхнего палеолита и неолита.

Поскольку каждый опыт по перерубанию стволов продолжается достаточно длительное время и рука испытывает большую мышечную нагрузку, то использовать какой-то один способ захвата практически невозможно. Самым эффективным при соответствующем весе оказался способ захвата орудия тремя пальцами, так как он позволяет осуществлять свободное манипулирование, в частности легко менять угол наклона орудия и его положение в руке. При перерубании ствола, расположенного горизонтально, удары наносятся справа налево и наоборот, а растущего — сверху вниз и снизу вверх, так же как при работе металлическим топором. Захват орудия пятью пальцами, с упором в ладонь, приводит к статичному его положению, снижению манипуляторных возможностей кисти. Такой способ захвата удобен главным образом для перерубания лежащих на земле стволов. При большой амплитуде удара наблюдается сильная отдача, причем поверхность ладони травмируется.

Такие параметры опыта, как амплитуда удара и угол наклона орудия, имеют широкий диапазон. Амплитуда удара может колебаться от 15 до 60 *см* в зависимости от степени заостренности рабочего края, величины его угла, веса, удобства захвата, глубины и ширины надруба, характера конусовидности краев последнего. Чопперы и чоппинги из кремнистых пород, хорошо окремненных песчаников и сланцев более эффективны, чем орудия, изготовленные из мягких разновидностей двух последних пород. При затуплении рабочего края во всех случаях наблюдается практически не перерубание, а сминание, разрывание волокон древесины. Особенно это заметно при перерубании стволов сосны, березы и других деревьев с похожей древесиной. При этом важно удалять подрубленную массу древесины нанесением подрубных ударов. Лежащие на земле стволы перерубать гораздо удобней, чем стволы растущих деревьев. Когда стволы находятся в горизонтальном положении, то обработке легко подвергаются даже подсохшие стволы твердых пород, в частности граба и дуба. Если у чоппера или чоппинга нормальный угол заострения и выраженная по всей длине рабочего края приостренность лезвия, то можно перерубать ствол, не переворачивая. Напротив, когда рабочий край орудия затуплен, приходится по мере углубления канавки ствол неоднократно переворачивать, надрубая его по всей окружности.

Давая общую оценку полезных свойств галечных орудий, следует отметить, что это достаточно эффективные орудия для обработки дерева,

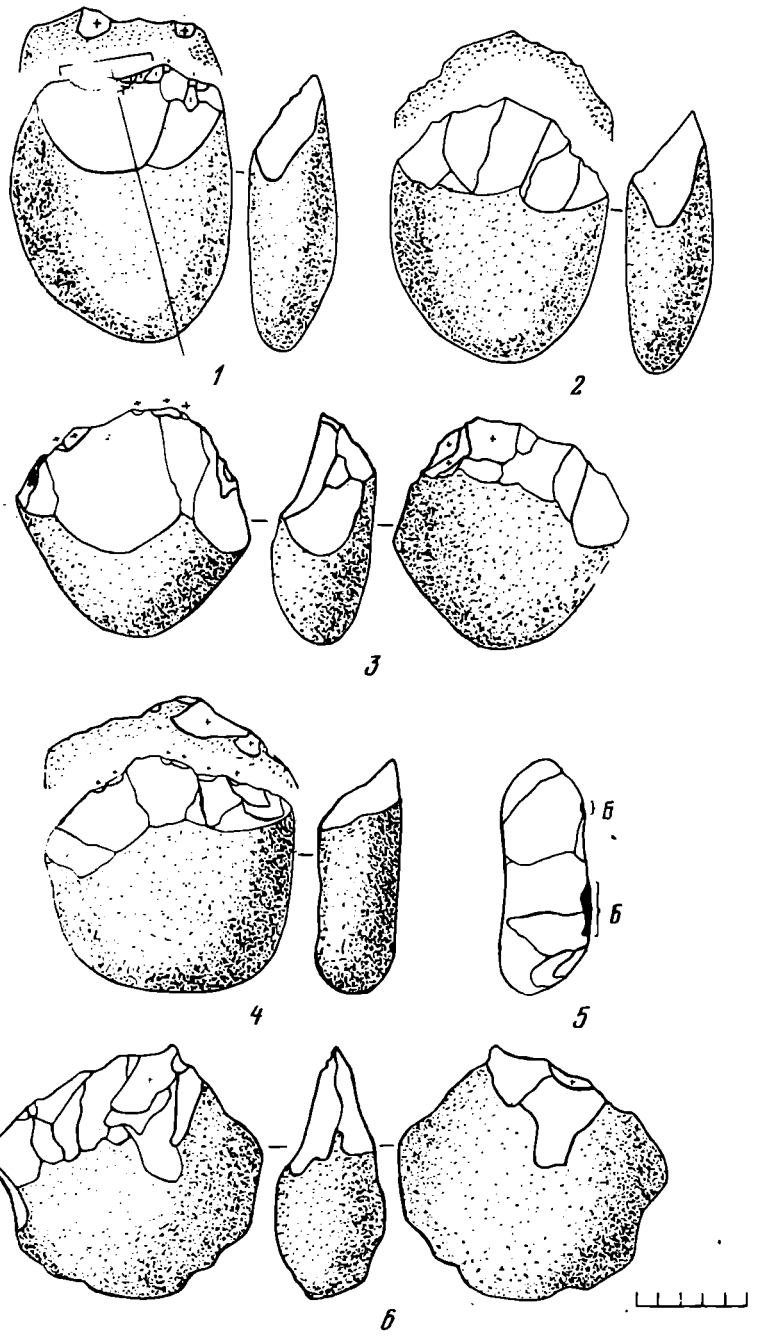


Рис. 1. *1* — сплошной линией показано основное направление движения орудия во время работы. Стрелками указана полезная часть рабочего края орудия. Крестиками отмечены фасетки выкрашивания, появляющиеся в ходе перерубания стволов деревьев. *2* — тот же чоппер после подправки; *3—6* — локализация и характер фасеток выкрашивания на рабочих краях орудий; *4, 5* — вязкий песчаник; *6* — кремень. Б — полоски затупливания на рабочем крае чоппера после 12 часов работы

не менее эффективные, чем, например, ручные рубила. Приведем некоторые цифры. Чоппером весом 650 *г* из песчаника, с углом заострения 60—65°, стволы дуба и граба диаметром 8,5 *см* были перерублены соответственно за 16 и 21 *мин.* Сучковатый ствол боярышника диаметром 8 *см* перерублен этим же чоппером за 26 *мин.* Для срубания растущих стволов дуба и граба примерно одинакового диаметра уходило не меньше, а в отдельных случаях и больше времени. Достаточно мало времени требуется для перерубания лежащих на земле, а также на деревянной

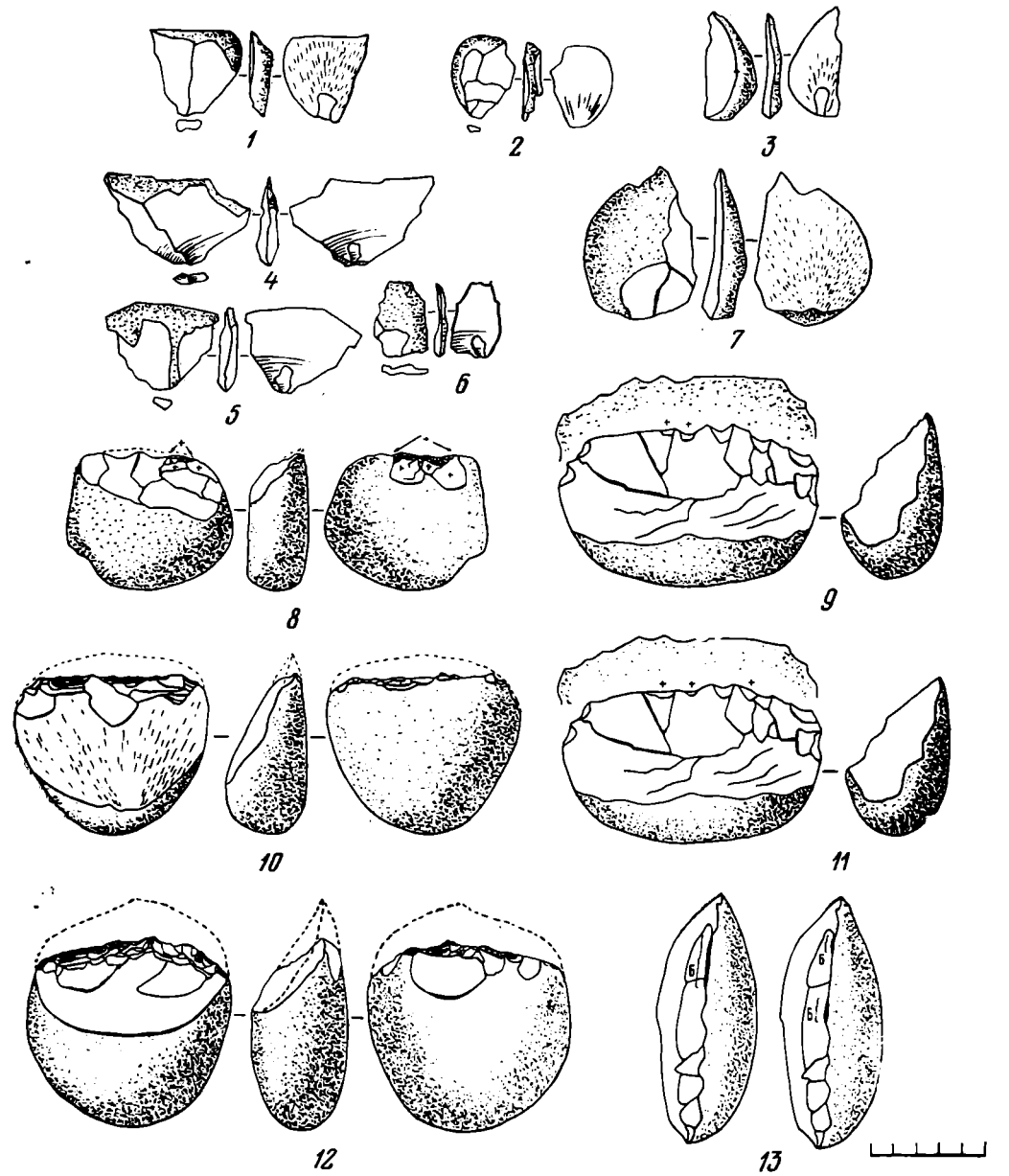


Рис. 2. *1—3, 7* — отщепы от подправки чоппера из вязкого песчаника (рис. 1, *1, 2*); *4—6* — отщепы от подправки кремневого чоппинга (рис. 1, *6*); *8, 12* — фасетки выкрашивания, появляющиеся при отбивании эпифизов трубчатых костей; *8* — доломит; *12* — глинистый окремненный сланец; *9—11* — фасетки выкрашивания на галечных орудиях, использовавшихся для перерубания стволов деревьев; *9, 11* — вязкий песчаник; *10* — глинистый окремненный сланец; *13* — полоска затупливания на рабочем крае чоппера (*9, 11*) после 2 часов работы (слева) и 6 часов (справа)

или каменной основе сырых стволов дуба, березы, сосны, клена и других пород. Например, чоппером весом 800 *г* и с углом заострения 55° ствол дуба диаметром 10 *см* перерублен за 21 *мин*. На перерубание растущих стволов диаметром 4—5 *см* сосны, березы, дуба, ясеня, клена и тополя чоппером весом 550 *г* и с углом заострения 55—60° уходило от 5 до 7 *мин*, а лежащих на земле — от 3,5 до 5 *мин*. Эффективность рубящих орудий резко падает при затуплении рабочего края. Длительность опыта значительно увеличивается. Особенно неэффективны в этом смысле чоппинги с большим углом заострения и сильно извилистым краем. Однако они вполне пригодны для перерубания тонких веток и стволов деревьев. Если ставится цель просто перерубить ствол или ветку, то

после нанесения ряда ударов можно сломать их, наступив на один конец ногой, а другой нагибать к себе. При этом происходит размочаливание конца и расщепление части ствола. Чтобы этого избежать, нужно рубить ствол до тех пор, пока с помощью руки и ноги его можно будет легко сломать.

В Сочинской и Белорусской опытных экспедициях нами проводились эксперименты по разбиванию трубчатых костей коровы. Использовались свежие бедренные, берцовые и плечевые кости с остатками мяса на их поверхности. Отбивание эпифизов обычно проводилось на поваленном стволе дерева. Толщина компактной массы кости неодинакова по всей ее окружности, а ее твердость зависит от возраста и породы животного. Немаловажную роль здесь играет и навык экспериментатора. В начальной стадии опытов на эту процедуру уходило много времени. Так, чоппером из окремненного сланца весом 600 *г* и углом заострения 50° один эпифиз бедренной кости путем кругового надрубания был отделен за 5 мин. 40 сек. (рис. 1, *12*). Основное число ударов пришлось по той части кости, где толщина ее компактной массы была максимальной — около 5 *см*. На расщепление же диафиза затрачено всего пять ударов. На отбивание эпифиза берцовой кости чоппером весом 400 *г* и с углом заострения 65° ушло 5 *мин*. Позднее с приобретением навыка были получены иные результаты. В частности, чоппером весом 700 *г* и двумя чоппингами весом 500 и 700 *г* (угол заострения всех трех орудий в пределах 60—90°) оба эпифиза бедренной кости отрублены в течение 2 *мин*, а берцовой — 40 *сек*. Кремневым чоппером весом 900 *г* и с углом заострения 75° оба эпифиза берцовой кости были отделены всего за 10 *сек*. Вполне можно использовать для этих целей чопперы и чоппинги небольшого веса, например 200—250 *г* (рис. 1, *8*). Во всех приведенных случаях удары наносились по такому участку эпифиза, где толщина компактной массы кости была минимальной — 2—3 *мм*. Не исключено, что разница в длительности ранних и последующих опытов обусловлена в какой-то мере и неодинаковой твердостью трубчатых костей. Очень эффективны при отбивании эпифизов трубчатых костей полностью необработанные, но удобные в захвате гальки и валунчики. В результате концентрированных точных ударов и увеличения площади соприкосновения рабочего участка гальки-валунчика, с одной стороны, и поверхности кости — с другой, происходит дробление твердого вещества кости, даже на утолщенных участках трубки и одновременное разбивание диафиза. Затраченное время составляет от 10 до 40 *сек*. Кости, пролежавшие в воде 1—2 суток, теряют свою первоначальную твердость, и отделение обоих эпифизов возможно после 6—10 ударов.

Уже в самом начале наших опытов по перерубанию стволов деревьев и отбиванию эпифизов трубчатых костей было замечено, что в результате сильных ударов на поверхности чопперов и чоппингов появляются фасетки выкрашивания, а в отдельных случаях и негативы достаточно крупных сколов, которые приводят к самозаострению, т. е. самооформлению рабочего края рубящих орудий (рис, 1, *1, 3, 4, 6*; рис. 2, *8—12*). В некоторых случаях фасетки выкрашивания и особенно выбоины приводят к затуплению рубящих орудий. Результатом затупления чопперов и чоппингов из кремня является также истирание от длительного употребления их лезвия. При перерубании стволов твердых пород деревьев и отбивания эпифизов на рабочем крае изделий с углом заострения от 40 до 60° и преимущественно с прямым лезвием нередко появляются регулярные фасетки ретуши, такой же, как и наносимая преднамеренно, с помощью отбойника (рис. 2, *8, 10, 12*). После нескольких минут работы лезвие стабилизируется и почти не выкрашивается.

Если кремневые чопперы, чоппинги и ручные рубила необходимо подправлять через 1,5—2 часа непрерывной работы и даже раньше, то эти же орудия из вязкого песчаника могут быть в работе более 5—10 часов

без подправки (рис. 1, *4, 5*; рис. 2, *9, 11, 13*). Причины такой стабильности рабочего края до конца не ясны. Можно предположить, что здесь частично происходит самозатачивание рабочего края, причем древесина выступает в роли своеобразного абразива. Следствием этого является выравнивание кромки, удаление неровностей в непосредственной с ней близости и появление полоски затупливания, смена рабочих участков, удлинение протяженности рабочего края и в конечном итоге повышение эффективности рубящего орудия (рис. 1, *4, 5*; рис. 2, *9, 11, 13*). Результат самозатачивания рабочего края можно наблюдать после 1—2 часов работы. Это относится к орудиям с различной формой рабочего края, в том числе и крупнозубчатой (рис. 2, *9, 11*). Продолжительность работы галечных орудий из вязких пород песчаника весьма значительна. Например, чоппером весом 650 *г* (рис. 1, *4, 5*) было срублено 30 сухих и сырых стволов дуба, граба, боярышника и березы диаметром 7—11 *см*. При этом полезные свойства чоппера до конца не были исчерпаны, хотя рабочий край сильно затупился.

При подправке чопперов и чоппингов, особенно из вязких пород, чаще всего наблюдается не заострение, а, наоборот, затупление их рабочего края. В известной мере это происходит и при подправке галек-валунчиков округлой формы из кремнистых пород, а также хорошо окремненных сланцев и песчаников. Оформление края широкими сколами не всегда дает положительные результаты. Нередко это ведет к уменьшению веса орудия, увеличению угла заострения края и его полному забиванию. Тем не менее подправка рабочего края изделий из твердых пород камня, и в первую очередь галек-валунчиков уплощенной формы, проводится весьма успешно (рис. 1, *1, 2*; рис. 2, *1—7*). Подправка часто превращается по существу в изготовление новых орудий, что выражается в значительном изменении технико-морфологических характеристик, использовавшихся в работе чопперов и чоппингов (рис. 1, *1, 2*).

Нам кажется, что описанные опыты дают известное основание ставить вопрос об определении коэффициента использования галечных орудий. При внимательном визуальном и трасологическом анализе можно установить характер и степень сработанности рабочего края, а отсюда и продолжительность их использования. Разумеется, это в том случае, если орудие не было подправлено в ходе работы. Следы работы в виде фасеток выкрашивания локализуются преимущественно как на одной, так и на обеих сторонах и чаще всего не на участке вогнутой или прямой части рабочего края, а, наоборот, на его зубцах и шипах (рис. 1, *3, 4, 6*; рис. 2, *9, 11*).

Эксперименты позволяют также определить остаточный коэффициент использования. Гораздо сложнее обстоит дело с установлением общего коэффициента использования. Это возможно только при условии регистрации отщепов, полученных в ходе изготовления того или иного орудия, и доказательстве их применения. Проведение такой исследовательской операции, вероятно, исключается полностью. Тем не менее подсчитать примерное количество снятых отщепов, их характер и размеры в отдельных случаях удается достаточно точно.

Н. Н. СКАКУН

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КЕРАМИЧЕСКИХ ОРУДИЙ ТРУДА ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА

(по материалам Алтын-депе и Теккем-депе)

Появление в эпоху энеолита и бронзы в древнеземледельческих культурах Средней Азии нового сырья — металла повлекло за собой резкое уменьшение кремневого и костяного производственного инвентаря, а затем и полное его исчезновение. Однако наряду с металлическими инструментами в некоторых отраслях хозяйства в силу их специфики продолжают сохраняться традиционные каменные орудия труда: зернотерки, куранты, песты и т. п.— и возникают новые, связанные с переработкой руды и обработкой металла: рудодробилки, наковальни, молоточки. В это же время в качестве сырья для орудий используется и керамика. Это не только широко известные керамические изделия — пряслица, но и новые типы орудий, не имеющие аналогий в более раннее время. Различные керамические инструменты обнаружены при раскопках древнеземледельческих поселений Ближнего Востока — Теллон, Эриду и др.[1] В последнее время стали известны оригинальные керамические орудия в материалах халафской культуры в Ираке на Ярым-Тепе II, раскапываемом советско-иракской экспедицией под руководством Р. М. Мунчаева[2]. На территории СССР подобные предметы встречены на поселениях в энеолите Азербайджана[3] и памятниках эпохи бронзы в Южной Туркмении[4].

В научной литературе долгое время существовало мнение, что большинство керамических орудий труда имеют культовое назначение и непосредственно в производственных операциях из-за хрупкости материала не применялись. Только изучение некоторых типов этих изделий с помощью трасологического метода позволило определить их действительное назначение и подтвердило возможность их утилитарного использования. Глиняные орудия — серпы впервые были исследованы под бинокулярным микроскопом С. А. Семеновым. Анализ следов изношенности на рабочих поверхностях этих орудий позволил говорить об употреблении их для срезания стеблей злаковых растений и молодого камыша. Проведенные экспериментальные работы подтвердили этот вывод[5].

Своеобразные керамические предметы были обнаружены среди керамики с поселений эпохи бронзы в Южной Туркмении Теккем-депе[6] и Алтын-депе[7]. При обработке коллекции керамики с первого памятника Л. И. Хлопина обратила внимание на несколько изделий, которые в дальнейшем были изучены в лаборатории первобытной технологии ЛОИА АН СССР[8]. Это фрагменты верхних частей сосудов, специально обработанные крупными односторонними или двусторонними сколами по краю. Микроскопическое изучение поверхности изделий показало, что обработанный выпуклый край имеет четкие следы изношенности. Два орудия находились в работе долгое время, лезвия их сильно затупились, приобрели яркий блеск. На кромке видны линейные следы в виде тонких штрихов, направленных перпендикулярно рабочему краю. Другое орудие

---

[1] *С. А. Семенов.* Керамический серп из древнего поселения Эриду в Ираке. СА, 1965, 5.

[2] *N. Merpert, R. Munchaev.* The archaeological Research in the Sinjar Valley. Sumer. LXXXVII, N III, 1971.

[3] Приношу искреннюю благодарность И. Г. Нариманову за сообщение о подобных находках.

[4] *Л. И. Хлопина.* Новый тип орудий труда эпохи бронзы. СА, 1974, 3.

[5] *С. А. Семенов.* Ук. соч.

[6] *А. Я. Щетенко.* Раскопки Теккем-депе. АО — 1972, М., 1973.

[7] *В. М. Массон.* Раскопки на Алтын-депе в 1969 г. Л., 1970.

[8] *Л. И. Хлопина.* Ук. соч.

употреблялось короткое время. Рабочее лезвие округлое, по краю заметен блеск, линейные следы отсутствуют. Обушковой частью, как правило, служил венчик. Характер следов изношенности этих орудий показывает, что они использовались в качестве скребков для обработки шкур животных.

Исследования керамических орудий продолжаются. В настоящее время большая серия обработанных керамических предметов, полученных с Алтын-депе, изучается с помощью бинокулярной лупы [9]. Большая часть из них обнаружена в хозяйственных помещениях и культурных напластованиях дворов. По форме найденные орудия можно разделить на два

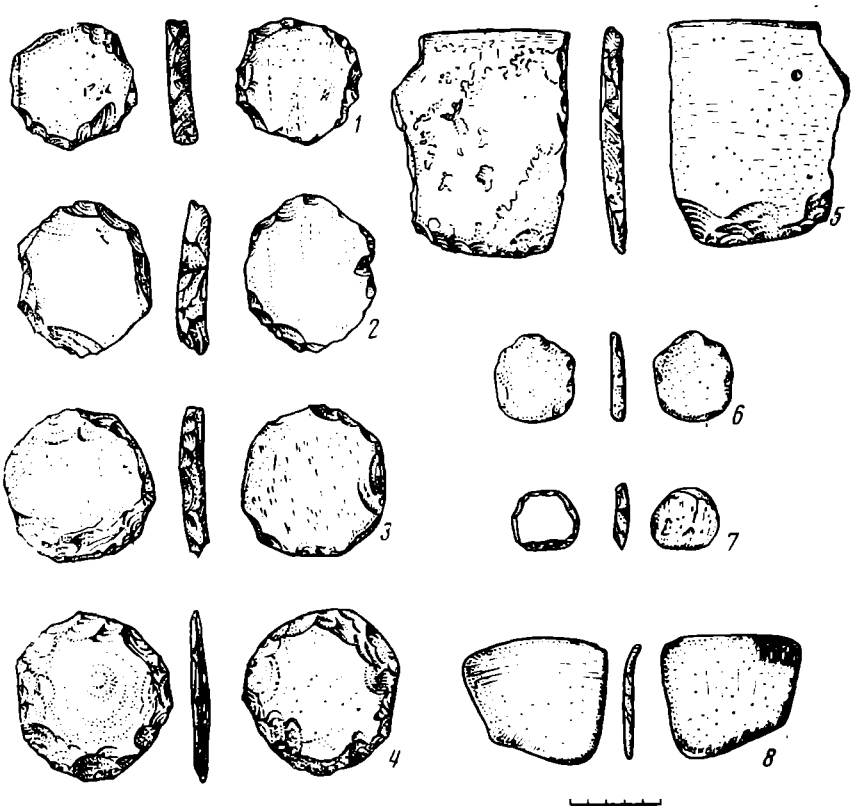


Рис. 1. Керамические орудия труда Алтын-депе: *1, 2* — орудия, применявшиеся при размельчении охры; *3—8* — скребки

вида — дисковидные и подчетырехугольные (рис. 1). К одному виду относятся изделия из стенок, реже донец неорнаментированных гончарных сосудов времени Намазга V. Они представляют собой диски разного диаметра от 9 *см* до 5 *см* и разной толщины, от 1,5 *см* до 1 *см*. Все диски имеют правильную форму, образованную рядом вертикальных или пологих краевых сколов, расположенных по кругу и направленных от края к центру, одновременно оформляющих и приостряющих рабочий край. Среди этих изделий выделены две группы орудий, отличающихся друг от друга по функциям.

Рабочие края одних отделаны небрежными фасками по кругу, с одной стороны полностью, с другой частично. Сколы грубые ступенчатые и в некоторых местах образуют слегка выемчатый край. Короткие глубокие линейные следы располагаются на боковой поверхности по краю, перпендикулярно рабочему лезвию. На плоских поверхностях орудий много царапин, рисок, выбоин, в пазах которых, так же как и на рабочем крае,

[9] Благодарю автора раскопок В. М. Массона за предоставленную возможность опубликовать эти материалы.

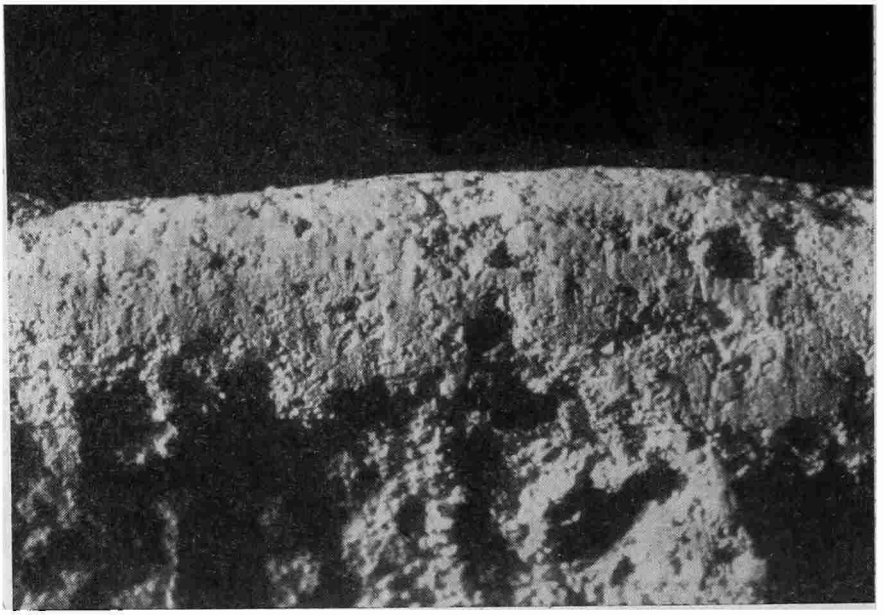


Рис. 2. Микрофотография рабочего лезвия керамического скребка

сохранились остатки охры. Эти инструменты применялись для измельчения крупных кусков охры (рис. 1, *1, 2*).

Другая группа дисковидных изделий связана с обработкой шкур и выделкой кож. Орудия сильно уплощены с двух сторон пологими крупными и мелкими фасетками, направленными от краев к центру. Рабочие лезвия округлых очертаний. Кромки их и прилегающие к ней участки боковых поверхностей сильно изношены и заполированы до блеска. На рабочем крае под микроскопом хорошо видны линейные следы, типичные для скребков (рис. 2). Размеры их диаметров различны: 7—3 *см*, толщина 1 *см* — 0,5 *см* (рис. 1, *3, 4, 6, 7*). Иногда для скребков использовались близкие по форме описанным орудиям глиняные колесики от моделей повозок, которые в изобилии встречаются при раскопках. Как и дисковидные орудия, они обработаны крупными сколами по кругу. Следует отметить, что сходные дисковидные орудия на Алтын-депе делались также из мягких пород камня и применялись в кожевенном производстве.

Скребки подчетырехугольной формы изготовлены на обломках венчиков сосудов и имеют выпуклый рабочий край. Среди них выделяются два характерных изделия (рис. 1, *5, 8*). Первое орудие с единственным рабочим лезвием сделано из крупного фрагмента сосуда с прямым венчиком. Выпуклый рабочий край обработан крупными пологими двухсторонними сколами, направленными вверх от края. В результате этой обработки кромка несколько утончилась и приобрела острые очертания. Орудие, по-видимому, находилось в длительном употреблении, вследствие чего сильно изношено. Рабочее лезвие округло, заполировано, с хорошо заметными линейными следами. Обушком служил венчик. Другое орудие представляет собой обломок верхней части тонкостенного сосуда и имеет специальную подработку одного края. Однако, как показал микроанализ, в работе использовались все четыре края фрагмента. Так, два боковых рабочих лезвия прямые, верхняя часть венчика слегка выпуклая, а нижняя скошена. На рабочих частях прослеживаются линейные следы, характерные для скребков. Оба фрагмента керамики происходят из стратиграфического раскопа, изготовлены на гончарном круге, расписные и относятся к эпохе энеолита.

Кроме того, при раскопах одного из хозяйственных комплексов было обнаружено уникальное орудие, применявшееся при изготовлении кера-

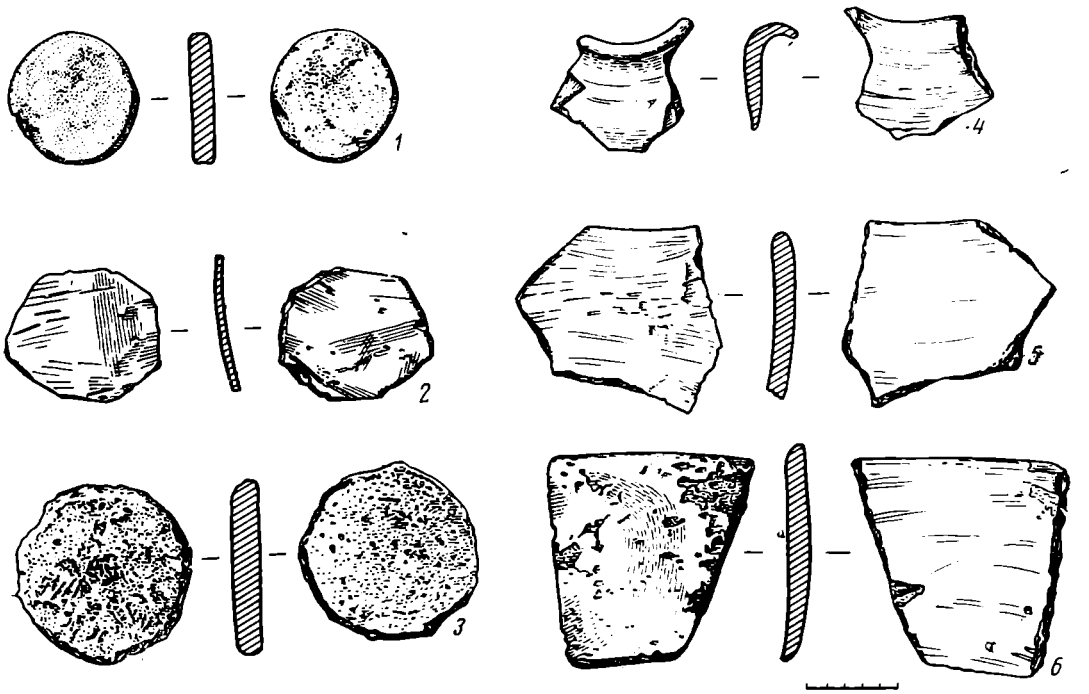


Рис. 3. Экспериментальные орудия труда: *1—6* — скребки

мической посуды. Это плоско-выпуклый предмет элипсовидной формы, утончающийся к краям, специально изготовлен из обожженной глины. Линейные следы, видимые даже невооруженным глазом, концентрируются на торцах и одном из боковых краев орудия. Боковые поверхности его сглажены и залощены. Орудие находилось в длительном употреблении и использовалось для заглаживания стенок сосудов.

Дополнительные сведения о керамических орудиях труда получены в ходе экспериментальных работ, которые впервые проводились автором в Молдавском экспериментальном отряде в 1974 г., руководимом Г. Ф. Коробковой. Они доказали не только возможность применения керамических орудий для обработки шкур и выделки кож, но и показали их эффективность в работе. Испытывались несколько орудий подчетырехугольной и дисковидной формы разных размеров (рис. 3). Как показали эксперименты, для различных операций при обработке шкур требуются и орудия с разными формами и очертаниями рабочего края. Так, для первичной обработки — мездрения нужен инструмент с длинным зубчатым краем. В этой функции употреблялись орудия на обломках венчиков и дисковидные изделия, рабочее лезвие которых обработано крупными сколами. Миниатюрные дисковидные скребочки с плоским дугообразным лезвием применялись при пушении бахтормы и изготовления замши. Испытывались скребки и без дополнительной обработки боковых краев, но они оказались менее производительными в работе. Лезвия их слишком массивны, а острые углы повреждают обрабатываемую поверхность шкур. Опыты показали, что шкура барана площадью 4500 *см*^{2} может быть обработана пятью скребками за 4—5 часов чистого времени, включающего две операции: мездрение и пушение бахтормы. Первые яркие следы изношенности появились на орудиях после 20 мин. интенсивной работы. Однако рабочие части оставались еще достаточно острыми и могли использоваться в работе без подправки.

Таким образом, функциональное и экспериментальное исследования внесли много нового в изучение керамических орудий. Микроанализ позволяет говорить о полифункционализме глиняных инструментов. Среди них выделены скребки, скоблящие орудия для измельчения кусков охры, шпатель для керамики. В свою очередь среди скребков наблюдается диф-

ференциация орудий с разной обработкой рабочего края, применявшихся в различных производственных процессах — мездрения и пушении бахтормы. Несмотря на быстрый износ керамических орудий по сравнению с кремневыми, они достаточно эффективны в работе. На их изготовление затрачивается небольшое количество времени.

Появление керамических инструментов в эпоху ранних металлов, когда изделия из кремня выходят из употребления, вызвано в первую очередь спецификой отдельных отраслей хозяйства и домашних промыслов, где не было необходимости, а иногда и возможности использования металлических орудий труда. В какой-то мере здесь сказался и недостаток металлического сырья.

Как отмечалось выше, керамические орудия известны в материалах древнеземледельческих культур эпохи раннего металла в Ираке, на территории СССР на Кавказе, в Азербайджане и Южной Туркмении. В 1974 г. Л. И. Хлопиной [10], обратившей внимание на обработанные сколами фрагменты керамики, была собрана большая коллекция аналогичных предметов на памятниках эпохи бронзы в Туркмении. Достоверная интерпретация этих орудий возможна только после функционального их исследования.

[10] Доклад Л. И. Хлопиной «Новый тип орудий эпохи бронзы», прочитанный на заседании сектора Средней Азии и Кавказа ЛОИА АН СССР 24 ноября 1974 г.

А. Л. НИКИТИН

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ ПЛЕЩЕЕВО IV

Среди археологических памятников западного берега Плещеева озера неолитическое поселение Плещеево IV занимает особое место. Это объясняется его лучшей, сравнительно с другими памятниками, изученностью и теми культурными компонентами, которые представлены в слоях поселения: ямочно-гребенчатой керамикой и комплексом «волосово I» [1], членимыми не только типологически, но и стратиграфически.

Поселение Плещеево IV, входящее в группу стоянок «Плещеево», впервые было открыто и обследовано во время разведок 1957 г.[2], а в 1964 г. подверглось разведочным раскопкам [3], подтвердившим важность его дальнейшего изучения. Оно занимает заросший лесом низкий песчаный мыс древнего берега озера, расположенный в 250—300 *м* к северу от ручья Симанец. Территория поселения по предварительной оценке (сборы материала, осмотры, зачистки) достигает 5—7 тыс. $м^2$ и повреждена линией узкоколейной железной дороги Переславль — Купанское, проходящей у подножия древнего берегового вала. При обследовании памятника на его территории было отмечено около десятка заплывших впадин от жилищ. Рядом с одной из них, на краю железнодорожного кювета, и был заложен раскоп 1964 г. общей площадью 76 $м^2$. Приводимое ниже описание одного из разрезов (рис. 1) дает исчерпывающее представление о характере слоев и залегании культурных остатков на территории всего раскопа:

[1] *А. Л. Никитин.* Существовала ли «волосовская культура»? СА, 1974, 2.

[2] *А. Л. Никитин.* Отчет об археологической разведке в Переславском районе Ярославской области в 1957 году. Архив ИА АН СССР, Р-I, 1637. Материал хранится в Переславль-Залесском историко-художественном и краеведческом музее.

[3] *А. Л. Никитин.* Отчет о работах Переславского неолитического отряда в Переславском районе Ярославской области в 1964 г. Архив ИА АН СССР, Р-1, 4178. Там же профили и планы раскопов. Материал хранится в ГИМ.

0 —0,19 *м* — темно-серый песок подзола.
0,19—0,42 *м* — оранжево-охристый песок с углями, кремневыми отщепами, орудиями и керамикой «волосовского» типа; содержит много пылевидных частиц.
0,42—0,55 *м* — темно-серый слой разбитой погребенной почвы, сохранившийся не везде; включает углистые линзы разрушенных кострищ, редкие находки каменных орудий и керамику ямочно-гребенчатого типа.
0,55 *м* и ниже — белый слоистый песок озерных отложений.

Такова стратиграфия слоев северной стенки кв. 56/Б. Разрез по северной стенке кв. 51/В отличается от приведенного лишь тем, что с глубины 0,44 *м* (т. е. с поверхности погребенной почвы) вплоть до 0,66 *м* идет темно-серая линза кострища с прослойками ортзандов, пронизывающих

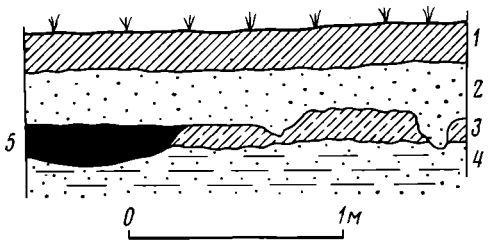


Рис. 1. Профиль северной стенки кв. 56/Б. *1* — современный почвенно-дерновый слой; *2* — эоловые пески дюны, *3* — остатки погребенной почвы, *4* — слоистые озерные пески (материк); *5* — кострище

очажную впадину. Следует отметить, что аналогичные прослойки имелись во всех очагах нижнего слоя [4].

Таким образом, Плещеево IV является памятником двуслойным, причем материал обоих культурных комплексов («волосовского» и ямочно-гребенчатого) перемешан менее, чем можно было ожидать на песчаной дюне. Крупные фрагменты толстостенных «волосовских» сосудов лежат почти исключительно в толще охристого песка эолового происхождения, тогда как керамика с ямочно-гребенчатым орнаментом концентрируется преимущественно в слое разрушенной погребенной почвы и на ее поверхности. Естественно, столь четкую дифференциацию материала можно наблюдать лишь за пределами жилищных впадин, где сохранились ненарушенные напластования древней дюны.

Наибольшее количество находок из раскопок поселения приходится на долю «волосовского» комплекса с его специфической керамикой, представленной обломками толстостенных крупных сосудов с округлым дном (рис. 2, *5, 7*), несколько утолщенным венчиком без профилировки (рис. 2, *1, 4*) и высоким цилиндрическим туловом. В изломе легких пористых черепков хорошо видны следы выгоревших органических примесей к глине, среди которых можно признать стебли травы, измельченную кору и толченые раковины. Столь же характерен орнамент, присущий данному керамическому комплексу: вертикальные (рис. 2, *5, 6*) и горизонтальные (рис. 2, *2, 4, 6, 8*) зигзаги, созданные оттисками толстого зубчатого или короткого «рамчатого» штампа. На внутренней поверхности черепка часто можно видеть «расчесы» — следы заглаживания стенок зубчатым штампом. Остальные элементы орнамента — «тычковые» отпечатки гребенчатого штампа (рис. 2, *9*), разного рода ямки и «копытные» отпечатки (рис. 2, *7*) — играют лишь вспомогательную роль в орнаментальных мотивах.

Характер черепка и преобладание в орнаменте простых узоров, равно как оттисков короткого «рамчатого» штампа (рис. 2, *1, 2*), свидетельствуют, что перед нами не слишком ранний вариант данной культуры. Это подтверждает находка фрагмента широкой круглодонной миски с закраиной (рис. 3), не известной в более северных и северо-западных памятниках «волосово-I» [5].

Найденные на поселении каменные орудия, которые мы можем с максимальной долей вероятия отнести к «волосовскому» комплексу, пред-

[4] *А. Л. Никитин.* Ук. отчет за 1964 г. Профили раскопов.
[5] *А. Л. Никитин.* Существовала ли «волосовская культура»?, стр. 30.

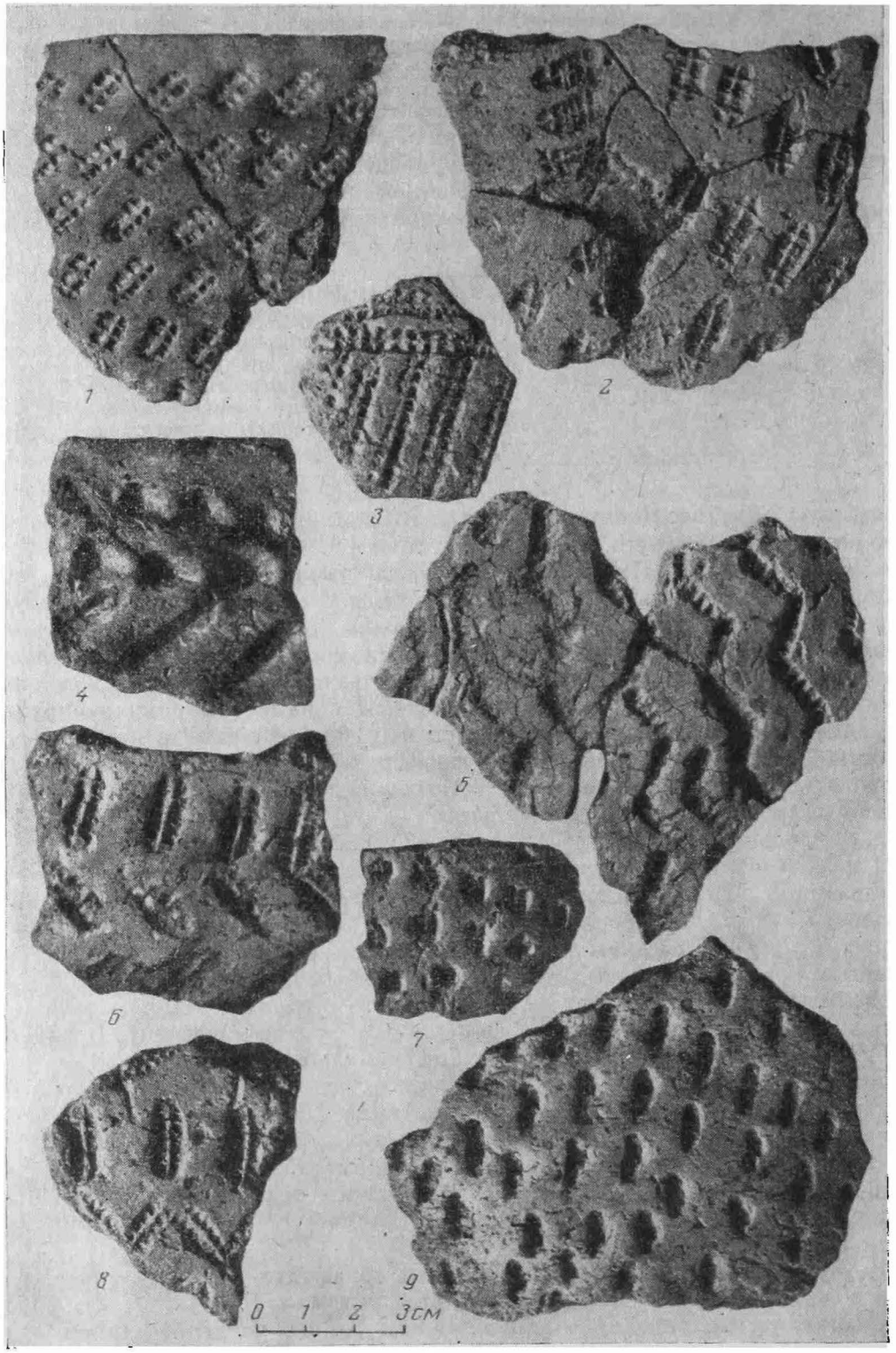


Рис. 2. Керамика «волосовского» типа

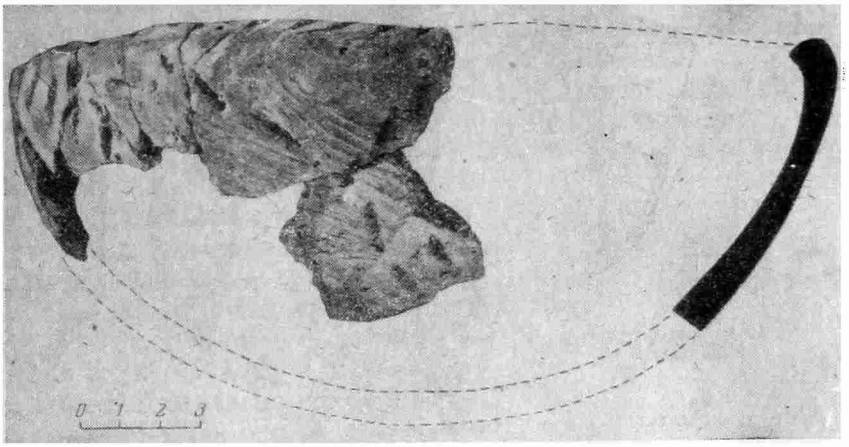


Рис. 3. Фрагмент миски

ставлены типичными формами (рис. 4, *1—6, 11—15, 17—20*). Ножевидные пластины полностью отсутствуют. Основой для изготовления орудий служили массивные кремневые отщепы. Таковы изогнутые пластинчатые ножи (рис. 4, *12, 13, 19*), подтреугольные скребки со слабо выпуклым краем (рис. 4, *2, 3, 18*), очень характерные сверла или провертки с вытянутым рабочим стержнем, усиленным обязательным резцовым сколом (рис. 4, *6, 15, 20*). Наконец, именно этому комплексу принадлежит узкое каменное долото (рис. 5, *1*), плоская сланцевая подвеска с двусторонней сверлиной (рис. 4, *1*), найденные в верхнем горизонте охристого песка, а также обломок широкого плоского кинжала из черного кремня (рис. 4, *14*), хранящийся в коллекции Переславского музея.

Таков материал «волосовского» комплекса Плещеева IV, перекрывшего следы более древней стоянки с ямочно-гребенчатой керамикой, к материалу которой мы и переходим.

В нижних горизонтах раскопа 1964 г. между темными пятнами сохранившихся участков погребенной почвы было отмечено несколько разрушенных очажных линз. Однако лишь одну из них, находившуюся на кв. 54/Б, можно с достаточной определенностью связывать с остатками жилого комплекса культуры ямочно-гребенчатой керамики. Очаг был расположен в центре овальной утоптанной площадки диаметром около 2 *м*, окруженной по периметру небольшими ямками от столбов или шестов, служивших, как можно догадываться, остовом легкого чума (рис. 6). Этому жилищу с достоверностью принадлежит только фрагмент донца сосуда, украшенного крупными коническими ямками и концентрическими оттисками зубчатого штампа (рис. 7, *10*), т. е. типичного для культуры ямочно-гребенчатой керамики. Возможно, сюда же следует отнести фрагменты яйцеобразного сосуда средних размеров полузакрытого типа с зональным расположением орнамента из конических ямок, разделенных оттисками зубчатого штампа (рис. 7, *1—3*). Из каменных орудий этому комплексу принадлежит наконечник дротика листовидной формы (рис. 4, *8*), овальный, тщательно обработанный скребок (рис. 4, *9*), обломок ножа (?) (рис. 4, *16*) и массивное толстообушное тесло с широким лезвием (рис. 5, *2*).

Сложность возникает при атрибуции двух сосудов, крупные фрагменты которых были обнаружены на поверхности древней почвы (рис. 7, *4, 7, 8, 11*). Первый из них — тонкостенный, с вертикальным венчиком и стенками — орнаментирован зонами мелких цилиндрических ямок, разделенных полосами косых оттисков мелкого зубчатого штампа (рис. 7, *4, 7*). Второй сосуд полузакрытого типа украшен коническими ямками, зоны которых разделены полосами косых отпечатков «перевитой веревоч-

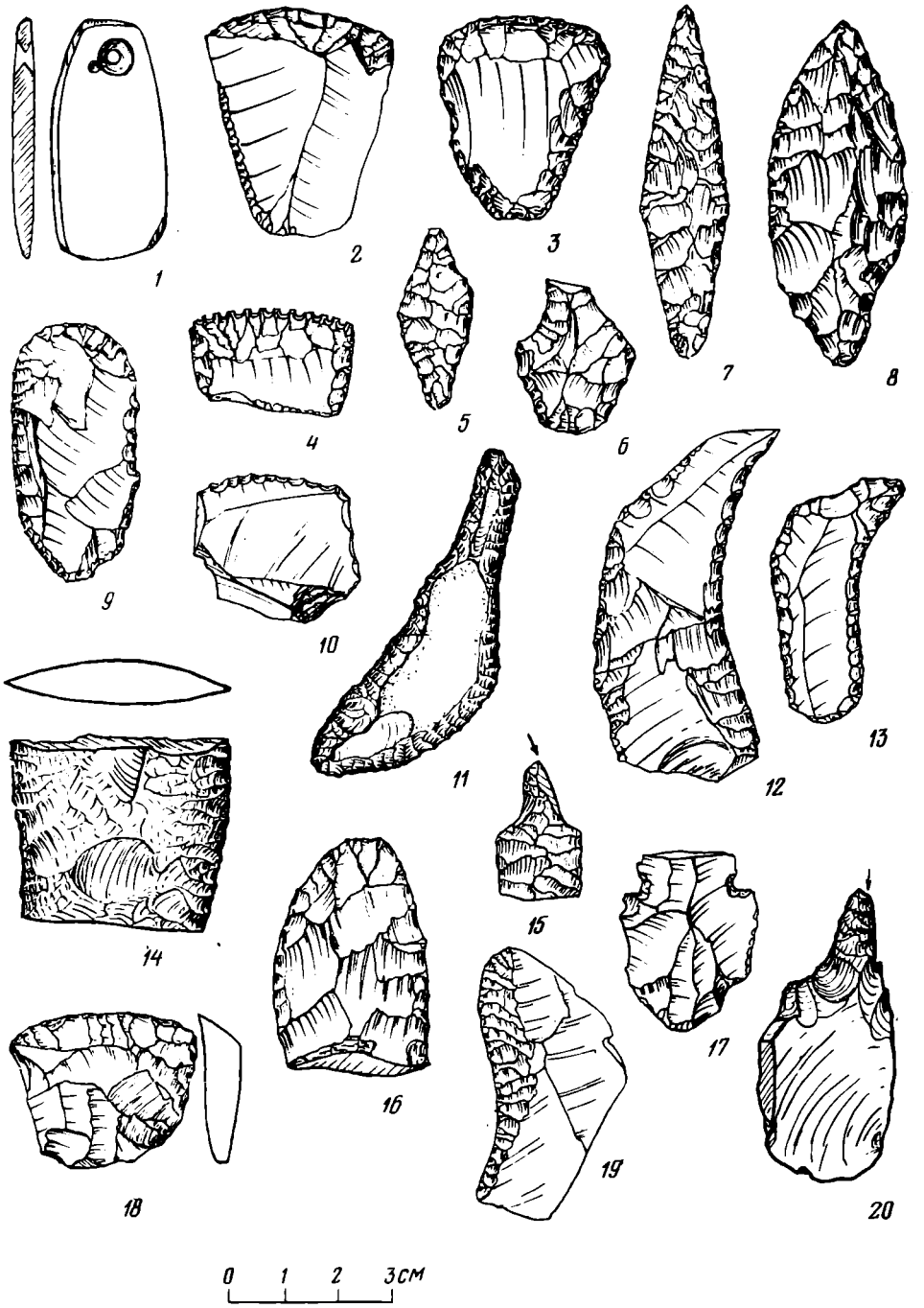


Рис. 4. Орудия и украшения: *1—6, 11—15, 17—20* — верхний слой; *7—10, 16* — нижний слой

ки» (рис. 7, *8, 11*). Оба сосуда сходны по технологии изготовления — примесь к глине лишь песка и последующее выколачивание стенок.

Такая керамика не является чем-то необычным для данного района. Она известна на соседних Плещееву IV памятниках: на стоянке Плещеево II [6], в «берендеевском» слое 1-го раскопа Польца, наконец, на болотном поселении Берендеево I [7]. Все это позволяет предполагать нали-

[6] *А. Л. Никитин.* Неолитическая стоянка Плещеево II. СА, 1976, 2.

[7] *А. Л. Никитин.* Неолитическое поселение Берендеево I. СА, 1976, 3; *А. Л. Никитин, Н. А. Хотинский.* Свайное поселение на болоте Берендеево Ярославской области. Сб.: «Значение палинологического анализа для стратиграфии и палеофлористики». М., 1966.

чие на поселении Плещеево IV третьего культурного комплекса, хронологически помещающегося между комплексом ямочно-гребенчатой керамики и «волосово-I». Однако возможно и иное решение.

В том же 1964 г. на правом берегу р. Куротни, впадающей в Плещеево озеро, в дюне древнего берегового вала при зачистке очажной ямы был найден небольшой сосуд, повторяющий один из сосудов Плещеева IV (рис. 7, *4*, *7*). Рядом с ним лежал обломок миски, идентичный фрагменту, представленному на рис. 3. Условия находки не позволяют сомневаться в одновременности обоих сосудов, что в свою очередь заставляет признать взаимосвязанность сосудов, изображенных на рис. 7, *4*, *7*, *8*, *11* и комплекса «волосово-I» для Плещеева IV.

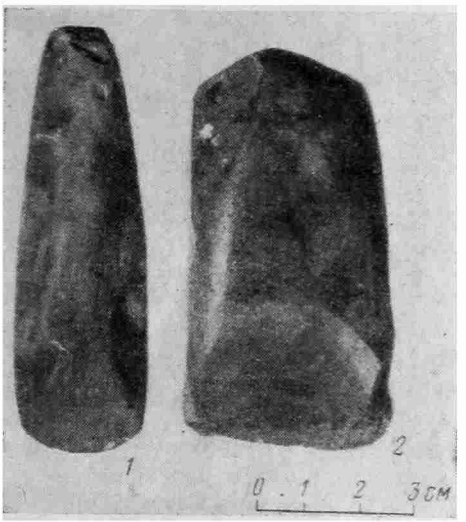


Рис. 5. Каменные тесла: *1* — из верхнего слоя, *2* — из нижнего слоя

Следующая попытка установить хронологию Плещеева IV подтверждает возможность такой зависимости.

Начнем с того, что комплекс ямочно-гребенчатого неолита из нижнего слоя поселения нам хорошо известен по материалу 3-го раскопа Польца, однослойной стоянки Векса I, древнейшей части поселения Торговище (Сомино II) на оз. Сомино и некоторых других памятников Переславского района. Разница заключается лишь в положении этого комплекса по отношению к уровню озера. Как правило, относительно уровня гидросистемы Плещеево — Сомино этот комплекс занимает наивысшую позицию (вторая надпойменная терраса), тогда как на Плещеево IV он заключен в верхних горизонтах первой надпойменной террасы (2,30 *м* над уровнем озера) и указывает на синхронность слоя одной из регрессий озера, сопровождавшейся понижением уровня грунтовых вод. Другое отличие заключается в отсутствии на поселении Плещеево IV ножевидных пластин, что может свидетельствовать о более поздней дате этого комплекса по сравнению с его аналогами.

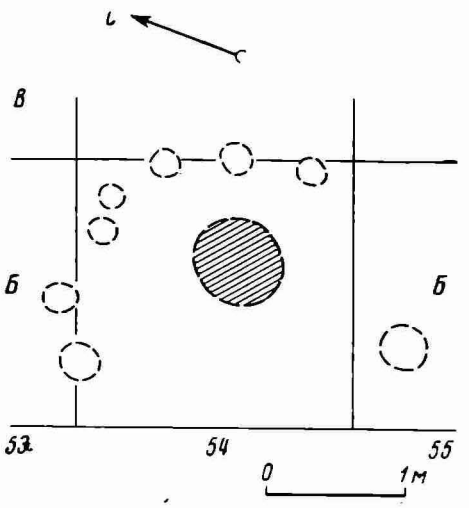


Рис. 6. Следы наземного жилища на гл. 0,6 *м* от поверхности

Приняв вслед за А. В. Шнитниковым рубеж IV—III тысячелетий до н.э. как время минимальной увлажненности материков и наиболее низкого стояния уровня грунтовых вод[8], мы увидим, что появление человека на 1-й террасе Плещеева IV приходится на первую половину III тысячелетия до н.э. Такому расчету довольно точно соответствует радиоуглеродная дата, полученная В. В. Чердынцевым для углей из очага нижнего слоя — 4720±50 лет от наших дней (ГИН-115).

[8] *А. В. Шнитников.* Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария. Записки Географического общества, т. 16. Л., 1957.

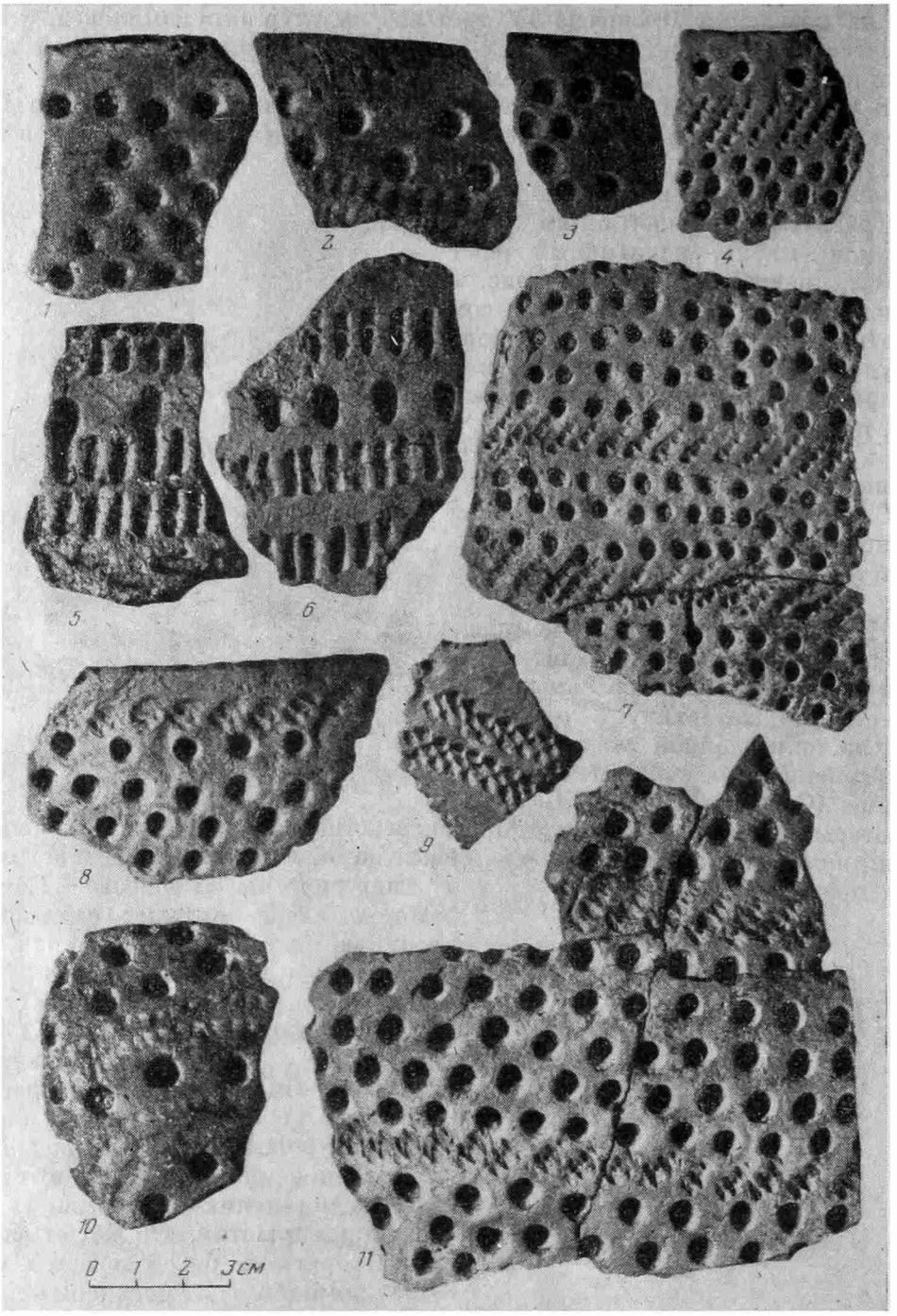


Рис. 7. Керамика ямочно-гребенчатого типа

К сожалению, пока нет никаких оснований даже для приблизительного расчета времени, разделяющего комплексы нижнего и верхнего слоя. Можно лишь полагать, что этот период был не особенно длителен. Ортзанды в заполнении нижних очагов, отмечающие трансгрессию озера и подъем грунтовых вод, скорее всего явились следствием той же причины, которая заставила последних обитателей Плещеева IV покинуть это место столь быстро, что на дюне не успел отложиться достаточно мощный слой «волосово-I», характерный для памятников этой культуры.

Такую возможность подтверждает следующее соображение.

Если «волосово-I» появляется на берегах Плещеева озера не позже середины III тысячелетия до н. э. (стратиграфия 1-го раскопа Польца) [9], то возникновение верхнего слоя Плещеева IV с изменениями, происшедшими в облике культуры, оказывается возможным уже для конца третьей четверти того же тысячелетия [10], т. е. непосредственно перед подъемом грунтовых вод. Это объясняет как бедность «волосовского» слоя, так и хорошую сохранность его остатков.

---

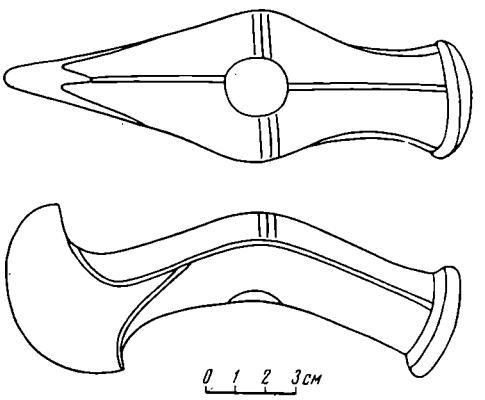
[9] *А. Л. Никитин.* Многослойное поселение Польцо. СА, 1975, 3.
[10] *А. Л. Никитин.* Существовала ли «волосовская культура»?, стр. 32.

Н. Ф. ПЕТРОВА

КАМЕННЫЙ ТОПОР ИЗ САРАТОВСКОГО МУЗЕЯ

В 1952 г. Саратовскому областному музею краеведения был передан каменный топор из серпентина (инв. № 2850), найденный на огороде в с. Березовка Базарно-Карабулакского р-на Саратовской обл. (рисунок).

Топор имеет плавный изгиб в лобной части лезвия, образующий клювообразный залом, а с тыльной стороны хорошо выраженную лопасть. Обух топора грибовидной формы, слегка отогнут вниз и переходит у основания в два валика. Шейка обуха расширяется к отверстию. Вся лобная часть лезвия до обуха разделена слабо выступающим валиком — нервюром. У проуха острым предметом нанесены три параллельно идущие рез-



Каменный топор из Березовки

ные линии, которые соединяют сверлину с хордами-нервюрами, проходящими по боковым поверхностям и подчеркивающими изогнутость линий топора. Топор прекрасно отполирован, поэтому мелкие выбоины на лезвии, плечах и обухе не портят его внешний вид. Длина топора 14,5, ширина у проуха 4,6, диаметр сверлины 2,4 *см*.

В Саратовском музее собрана коллекция каменных сверленых топоров, изготовленных из диорита, нефрита, серпентина — горных пород, месторождения которых нехарактерны для районов Нижнего Поволжья, что наводит на мысль об импорте изготовленных из них предметов, в том числе и публикуемого топора.

В. Б. ВИНОГРАДОВ, С. Л. ДУДАРЕВ

КЛАД БРОНЗОВЫХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ с. СОВЕТСКОЕ
(Чечено-Ингушетия)

Зимой 1974 г. близ с. Советское (бывш. Кескем) Малгобекского р-на Чечено-Ингушской АССР на склоне оврага сельские школьники вырыли несколько бронзовых вещей — сосуд с лежавшими в нем пятью топорами, горловина которого частично обнажилась, видимо, в результате размыва почвы талыми водами.

Рис. 1. Бронзовое ведерко (клад из с. Советское)

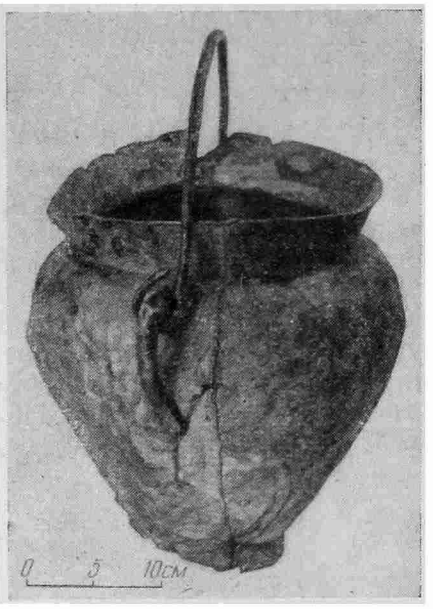


Рис. 2. Бронзовое ведерко (вид сбоку)

Впоследствии три топора были утеряны. Остальные вещи собрал студент Чечено-Ингушского государственного университета С. А. Картоев и передал авторам данной заметки, которые летом 1974 г. доследовали место находки и произвели рядом с ним небольшие разведочные раскопки, позволившие определить обнаруженный комплекс как клад, зарытый на территории, возможно, синхронного ему могильника, поскольку в одной из двух заложенных траншей на глубине 0,6 *м* были выявлены разрозненные останки человеческого скелета плохой сохранности [1].

Найденные предметы весьма выразительны. Бронзовый сосуд (рис. 1—2) представляет собой ведерко с литыми ушками по бокам, сделанными из массивного, круглого в сечении прута толщиной 13 *мм*, на которых сохранились следы от спиленных еще в древности каких-то выступов. Ушки служили для подвешивания кованой, многогранной в сечении толстопроволочной дужки длиной 50,5 *см* и толщиной 8 *мм*. Сосуд склепан из двух металлических листов, толщина которых чуть более 1 *мм* (на обоих боковых швах по семь бронзовых заклепок). Дно выбито находчиками, поэтому диаметр его может быть указан приблизительно — около 9 *см*. Высота сосуда 26,5 *см*. Устье, подвергнувшееся деформации

[1] *В. Б. Виноградов, С. Л. Дударев, Х. М. Мамаев, В. А. Петренко.* Разведочные работы в Чечено-Ингушетии. АО — 1974. М., 1975, стр. 101, 102. На рисунке к этой заметке, по независящим от ее авторов причинам, железные раннесредневековые аланские топоры из могильника Мартан-Чу ошибочно названы «бронзовыми топорами VIII—VII вв. до н. э., сел. Советское (Кескем)».

еще в древности, имеет овальную форму. Наибольшая ширина его 24 *см*, диаметр самой широкой части сосуда 26 *см*. По словам школьников, дужка от ведерка лежала в согнутом виде вместе с топорами внутри сосуда.

Данное ведерко уникально для древностей эпохи бронзы — раннего железа территории Чечено-Ингушетии. Бронзовая посуда этого времени была здесь не известна. В то же время она является характерной особенностью раннекобанских памятников Центрального Кавказа (Верхняя Рутха, Фаскау, Жемтала, Тли, Заюково, Эшкакон, Султан-гора, «Мебельная фабрика» и др.) [2]. Сосуд из с. Советское — четвертая находка

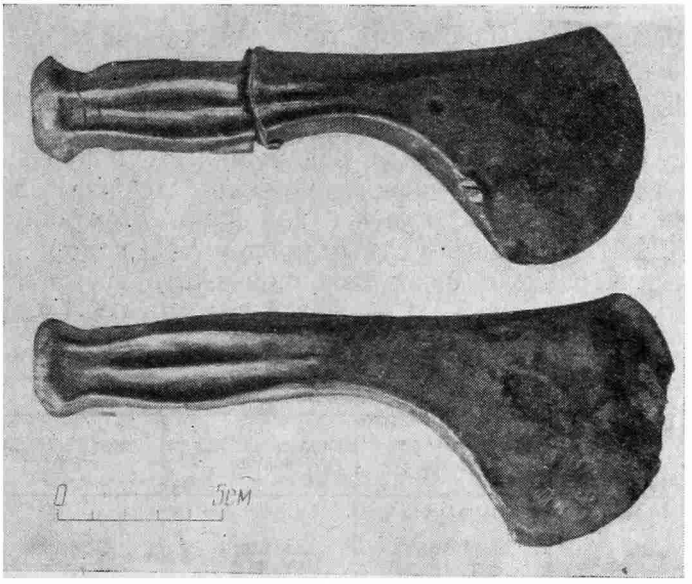


Рис. 3. Бронзовые топоры из клада у с. Советское

такого типа на Северном Кавказе. Сходные ведерки происходят из разрушенного погребения могильника у хутора Кубанского (Прикубанье) [3] и Эшкаконского курганного некрополя (Пятигорье) [4]. Еще один миниатюрный подобный сосуд известен из Кабардино-Балкарии (с. Кашкатау) [5]. Особенно же близки кескемскому некоторые ведерки, обнаруженные в составе пышных инвентарей Тлийского могильника в Южной Осетии, где их число достигало 20. Суммарно относя тлийские экземпляры к VIII—VI вв. до н. э., Б. В. Техов отмечает, что подобные сосуды особенно свойственны комплексам VII—VI вв. до н. э. [6]

За пределами Северного Кавказа бронзовые сосуды, почти неотличимые от нашего, известны на Жаботинском поселении и относятся

---

[2] *П. С. Уварова.* Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, 1900; *О. А. Дудко.* Опыт классификации археологического материала из галиатского могильника «Фаскау». Археологический сборник. Изд. МГУ. М., 1961, табл. 1, *16, 17*; *Е. И. Крупнов.* Жемталинский клад. М., 1952; *Б. В. Техов.* Очерки древней истории и археологии Юго-Осетии. Тбилиси, 1971, стр. 202—205; *В. Б. Виноградов, А. П. Рунич.* Новые данные по археологии Северного-Кавказа. АЭС, 3, 1969, стр. 13, рис. 13, *19*.

[3] *Н. В. Анфимов.* Новый памятник древнемеотской культуры. Сб. «Скифский мир». Киев, 1975, стр. 38, рис. 1, *4*.

[4] Собрание М. И. Рыбенко.

[5] Сосуд находится в экспозиции Кабардино-Балкарского краеведческого музея.

[6] *Б. В. Техов.* Раскопки Тлийского могильника в 1966 г. СА, 1970, 4, стр. 109; *его же.* Тлийский могильник и проблема хронологии культуры эпохи поздней бронзы — раннего железа Центрального Кавказа. СА, 1972, 3, стр. 31, 32, рис. 2, *244, 286, 314*.

Е. Ф. Покровской к раннему этапу функционирования поселения — вторая четверть и середина VII в. до н. э. [7]

Сохранившиеся топоры (длина 20 и 19,5 *см*) принадлежат к числу рабочих топоров кобанского типа, характеризующихся отсутствием гравировки, граненым обухом, прямым корпусом и оттянутым назад лезвием (рис. 3). Топор бо́льших размеров овальнопроушной (наибольшая ширина проуха — 5 *см*). Другой экземпляр, к сожалению, разломан находчиками, причем проушное отверстие деформировано. Скорее всего оно также имело овальные очертания.

Подобные формы топоров, по мнению Е. И. Крупнова, одинаково распространены как в кобанской, так и в колхидской культурах [8]. Для Центрального Кавказа топоры кобанских типов обычны, в то время как в памятниках предскифского времени Чечено-Ингушетии они не так многочисленны (Сержень-Юртовский могильник и случайная находка из Ведено) [9].

Топоры из исследуемого клада обнаруживают наибольшее сходство с некоторыми тлийскими и западногрузинскими топорами, датирующимися X—VIII вв. до н. э.[10], а также с топорами Жемталинского клада, датированного Е. И. Крупновым самым концом VIII в. до н. э. [11]

Приведенные параллели позволяют определить время зарытия клада скорее всего в рамках конца VIII — первой половины VII в. до н. э.

Результаты спектрального анализа, %

Элемент	Клад из с. Советское (Кескем)		
	анализ 16424 (топор)	анализ 16425 (топор)	анализ 16426 (ведерко)
Cu	Основа	Основа	Основа
Sn	10,0	8,0	0,3
Pb	0,2	0,2	0,03
Zn	0,03	0,35	0,007
Bi	0,004	–	–
Ag	0,1	0,1	0,2
Sb	0,2	0,02	0,007
As	0,6	0,2	0,1
Fe	0,02	0,2	1,2
Ni	0,02	0,007	0,007
Co	0,007	0,06	–
Mu	–	–	0,01
Au	0,003–0,01	0,001–0,003	0,001

Большое сходство бронзового ведерка и сопровождающих его топоров с аналогичными вещами с южного склона Главного Кавказского хребта заставляет предположить их импортное происхождение. С целью проверить эту версию Т. Б. Барцевой в лаборатории спектрального анализа ИА АН СССР было произведено исследование состава металла предметов клада (таблица) [12].

[7] *Е. Ф. Покровская.* Предскифское поселение у с. Жаботин. СА, 1973, 4, стр. 177, рис. 4, *1, 5,* стр. 181, 183.

[8] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 84.

[9] *В. И. Козенкова.* Раннекобанский могильник у села Сержень-Юрт. СА, 1969, 4, стр. 174, рис. 1, *8*; *ее же.* О раскопках Сержень-Юртовского могильника. АО — 1969. М., 1970, стр. 95; *ее же.* Раскопки могильника у сел. Сержень-Юрт. АО — 1970. М., 1971, стр. 107; *ее же.* Сержень-Юртовский могильник кобанской культуры. АО — 1971. М., 1972, стр. 128; *В. И. Марковин.* Дагестан и горная Чечня в древности. М., 1969, стр. 101, рис. 42, *1.* Здесь же следует упомянуть и литейную форму для кобанского топора, обнаруженную при раскопках Сержень-Юртовского поселения. См.: *В. И. Козенкова.* Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии. АЭС, 2, 1968, стр. 37, рис. 3.

[10] Любезная консультация Б. В. Техова.

[11] *Е. И. Крупнов.* Древняя история Северного Кавказа, стр. 128.

[12] Приносим глубокую благодарность Т. Б. Барцевой за спектральный анализ металла.

Второй топор (ан. 16425) и ведерко (ан. 16426) изготовлены из оловянистой бронзы, а первый топор (ан. 16424) — из оловянисто-мышьяковистой бронзы. По химическому составу металл клада из с. Советское близок сплавам Центрального Кавказа эпохи раннего железа, в которых содержание олова колеблется от 1—2 до 12—15% [13]. В итоге изучения многочисленных образцов бронзолитейного производства из раскопок памятников Сержень-Юртовского комплекса Т. Б. Барцева обнаружила, что ведущим типом сплава на территории Чечено-Ингушетии была мышьяковистая бронза (40%). Большой процент составляют также медно-оловянисто-мышьяковистые и медно-оловянистые сплавы (соответственно 23 и 18%), состав которых близок показателям анализа клада из с. Советское [14]. Как полагает В. И. Козенкова, высокий процент содержания олова во многих предметах из Сержень-Юрта (от 1 до 15%) «несомненно, отражает связи изучаемой группы с металлом классической территории Кобани» [15]. Однако после специального изучения Т. Б. Барцевой металла этого района этот вывод В. И. Козенковой можно считать правильным только в широком плане, поскольку доказано лишь общее направление связей двух районов, а вопрос о местном или импортном происхождении предметов рассматриваемого клада не может быть решен на основе этого вывода В. И. Козенковой. Состав металла публикуемых изделий соответствует составу двух типов цветных сплавов (I и II по Т. Б. Барцевой) [16], характерных для всего Северного Кавказа в VIII—VII вв. до н. э.

Таким образом, судить о месте изготовления вещей публикуемого комплекса по составу металла в данный момент нельзя. Значительная однородность набора примесей в металле вещей клада может свидетельствовать, что они изготовлены в одном центре, возможно, в одной мастерской.

Трудно установить и конкретные причины зарытия клада. Сегодня известны еще три клада (все они обнаружены на территории Центрального Кавказа и Чечено-Ингушетии), хронологически сближающиеся с исследуемым: Жемталинский (самый конец VIII в. до н. э., по Е. И. Крупнову), Быллымский (VIII — первая половина VII в. до н. э., по В. М. Батчаеву), Майртупский (VIII—VII вв., по В. Б. Виноградову) [17]. Можно предположить, что происхождение подобных кладов связано с военной опасностью в период походов киммерийцев и скифов через Северный Кавказ [18].

---

[13] *Е. Н. Черных.* Исследование состава медных и бронзовых изделий методом спектрального анализа. СА, 1963, 3, стр. 150, 151; *Б. В. Техов.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. Автореф. докт. дис. Тбилиси, 1974, стр. 40.

[14] *Т. Б. Барцева.* Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке. Автореф. канд. дис. М., 1974, стр. 9.

[15] *В. И. Козенкова.* Металлообработка у племен эпохи раннего железа..., стр. 22.

[16] *Т. Б. Барцева.* Ук. соч., стр. 7, 8.

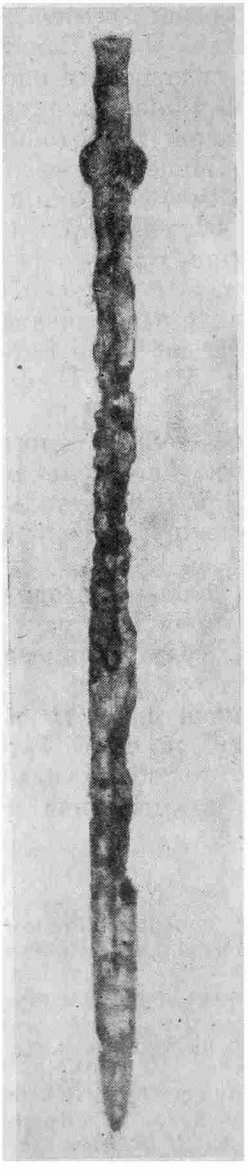
[17] *Е. И. Крупнов.* Жемталинский клад. М., 1952; *его же.* Древняя история Северного Кавказа, стр. 128; *В. М. Батчаев.* Быллымский клад. Тезисы докладов IV «Крупновских чтений» по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, стр. 43; *В. Б. Виноградов.* Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии. СА, 1970, 3, стр. 203.

[18] *Е. И. Крупнов.* О походах скифов через Кавказ. ВССА, М., 1954, стр. 186 сл.; *его же.* Древняя история..., стр. 54 сл.; *В. Б. Виноградов.* О скифских походах через Кавказ (по письменным источникам). Сборник статей. Грозный, 1964, стр. 21—48; *его же.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, стр. 8 сл.; *А. М. Лесков.* Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Автореф. докт. дис. М., 1975, стр. 61, 68.

С. А. СКОРЫЙ

РАННЕСКИФСКИЙ МЕЧ ИЗ с. ИЗЮМОВКА БЛИЗ СТАРОГО КРЫМА

В 1961 г. при вспашке поля у с. Изюмовка Кировского р-на Крымской обл. [1] было разрушено одно из погребений расположенной здесь группы курганов. К сожалению, судьба погребального инвентаря (за исключением меча [2]) не известна [3].



Меч из с. Изюмовка

Меч — железный, обоюдоострый, цельнокованный (клинок — рукоять), с горячей наковкой перекрестия и тщательной проковкой боковых лезвий (рисунок). По центру клинка хорошо виден гребень. Параллельные лезвия сужаются в последней трети длины. В сечении клинок линзовидной формы. Рукоять гладкая, в сечении овальной формы. Отметим хорошую сохранность меча, что, вероятно, объясняется не только условиями залегания, но и качеством металла и изготовлением.

Общая длина меча 110, длина клинка 95, ширина клинка 5,1, длина перекрестия, рукояти и навершия 15, ширина перекрестия 4,7, ширина рукояти 3,8, ширина сохранившейся части навершия 4,2 *см*. Последнее, как представляется, имело брусковидную форму, но было обломано в древности.

Меч по типу перекрестия (почковидное), исполнению клинка относится к серии скифских [4]. Подобные датируются VI в. до н. э.[5] (возможно, первой половиной). М. И. Артамонов относил их к древнейшим [6].

Исследователи отмечали, что обычная длина скифских мечей 40—60 [7], 50—85 *см*[8], подчеркивая, что вообще «длинный меч у скифов встречался редко» [9]. Самым длинным из известных нам экземпляров данного типа является меч из Старшой могилы (75 *см*)[10]. Прямых аналогий публикуемому мечу нам найти не удалось. Довольно редкая форма рукояти (глад-

---

[1] Раньше — земли колхоза им. Калинина, ныне — совхоза «Старокрымский», в 2,5—3 *км* от Старого Крыма по трассе Симферополь — Феодосия, справа.

[2] Меч хранится в краеведческом музее Старокрымской средней школы им. братьев Стояновых. Благодарим директора школы В. М. Осипова за любезное разрешение опубликовать данный экспонат.

[3] По некоторым сведениям, кроме меча в погребении были шлем и панцирь.

[4] *Б. И. и В. И. Ханенко.* Древности Приднепровья, вып. III. Киев, 1900, табл. XXXIII; *А. И. Мелюкова.* Вооружение скифов. САИ, Д. 1—4. М., 1964, стр. 47; *В. А. Іллінська, О. Т. Тереножкин.* Скіфський період. «Археологія Української РСР», т. II. Київ, 1971, стр. 129.

[5] *А. И. Мелюкова.* Ук. соч., стр. 47.

[6] *М. И. Артамонов.* Киммерийцы и скифы. Л., 1974; стр. 40.

[7] *А. И. Мелюкова.* Ук. соч., стр. 47.

[8] *М. И. Артамонов.* Ук. соч., стр. 40.

[9] *В. Д. Блаватский.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954, стр. 18.

[10] *В. А. Ильинская.* Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968, табл. I, *1*.

кая) [11] и форма перекрестия близки мечам из курганов у сел Аксютинцы и Рыжановка [12].

Рассматриваемый меч дает основание с большей уверенностью говорить о том, что уже в VI—V вв. до н. э. скифы наряду с коротким мечом-акинаком, используемым в рукопашном бою, применяли длинный рубящий меч, приспособленный для конного боя [13].

Примечателен район находки. Если раннескифские подкурганные погребения встречаются в восточном [14], северном [15], юго-западном Крыму [16], то они практически неизвестны в юго-восточной части полуострова. Лишь в последние годы при исследовании курганов эпохи бронзы в окрестностях Старого Крыма [17] обнаружено впускное скифское погребение, датируемое VI—V вв. до н. э. [18]

---

[11] *А. И. Мелюкова.* Ук. соч., стр. 47.

[12] Там же, стр. 48, табл. XI.

[13] *В. А. Ильинская.* Скифы, стр. 89; *Е. В. Черненко.* Скифский доспех. Киев, 1968, стр. 168; *его же.* О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии. Сб. «Проблемы скифской археологии». М., 1971, стр. 36; *В. А. Ильинская.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. Киев, 1975, стр. 98.

[14] ОАК за 1869 г. СПб. 1970, стр. XII—XIII; ОАК за 1870—1871 гг., СПб., 1872, стр. XX—XXI.

[15] *А. А. Щепинский, Е. Н. Черепанова.* Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до нашей эры. Симферополь, 1969, стр. 70.

[16] *Т. Н. Троицкая.* Скифские курганы Крыма. Известия Крымского отдела Географического общества СССР, вып. I. Симферополь, 1951, стр. 90, 92.

[17] *А. А. Щепинский.* Работы Северо-Крымской и Крымской охранной экспедиций, АО — 1970. М., 1971, стр. 233.

[18] Любезное сообщение А. А. Щепинского.

А. А. МОРУЖЕНКО, В. А. КОСИКОВ

КУРГАНЫ У с. ГОРОДНОЕ

В 1974 г. экспедицией Донецкого государственного университета обследованы городище «За́мок» и селище Мерчик, расположенные на возвышенности правого берега р. Мерлы (левого притока Ворсклы) при впадении в нее р. Мерчик (рис. 1, *1*). Возвышенность прорезана современной дорогой, отделяющей городище от селища. Городище площадью 0,7 *га* расположено на высоком останце, известном у местного населения под названием «За́мок», имеет округлую в плане форму и со всех сторон окружено невысоким валом, несколько увеличивающимся у входа. Вход расположен в западной части со стороны селища. Шурф, заложенный на городище, дал фрагменты кружальной керамики. На селище Мерчик собран значительный подъемный материал, представленный фрагментами кружальной и лепной керамики, железной пряжкой и железным наконечником стрелы. На срезе склона возвышенности, примыкающего к грунтовой дороге, хорошо прослеживаются профили нескольких хозяйственных ям грушевидной формы. При зачистке двух из них обнаружены фрагменты роменской (рис. 4, *29*) и кружальной посуды, обломки костей животных и изделия из железа: пряжка (рис.4, *25*), долотце (рис.4, *20*) и рыболовный крючок (рис. 4, *26*). Все это позволяет говорить о существовании на поселении двух слоев: относящегося к роменской культуре раннеславянского и древнерусского, эпохи Киевской Руси.

На этой же возвышенности в 0,5—1 *км* к востоку от поселения на усадьбах хут. Могилки (у с. Городное) и прилегающей к ним территории открыта группа славянских курганов (рис. 1, *2*), состоящая из 76 насыпей. Курганы расположены по краю и верхней части склона возвышенности. Они представляют собой круглые в плане полушаровидные насыпи

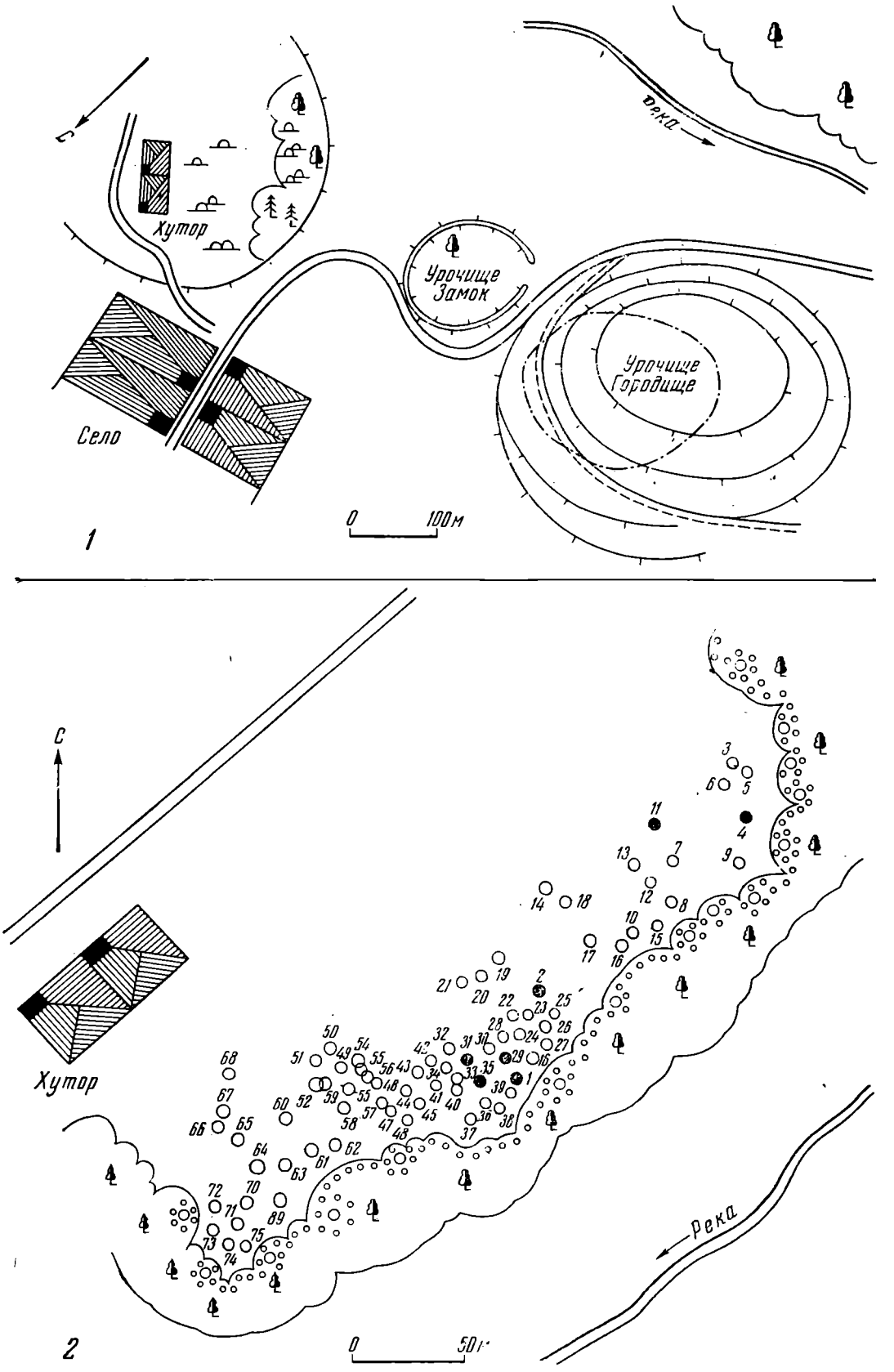


Рис. 1. *1* — план славянских памятников у с. Городное; *2* — план славянского могильника у хут. Могилки

различной высоты. Бо́льшая часть курганов имеет небольшие размеры: от 4 до 6 *м* в диаметре и от 0,5 до 1,5 *м* высотой. Несколько курганов в центральной части могильника, где они сконцентрированы наиболее густо, отличаются бо́льшими размерами — до 3,5 *м* высотой. В восточной части могильника встречаются единичные насыпи. Ровиков вокруг курганов нет. В 1973—1974 гг. раскопано семь курганов, в профилях которых не замечено каких-либо конструктивных особенностей. Погребения с трупоположением устроены в основании насыпи и, как правило, имеют северо-западную ориентировку. Во всех курганах под насыпью прослеживаются остатки обуглившегося дерева. Кусочки древесного угля находятся по всей подошве кургана, а также встречаются единичными вкраплениями в насыпи. Очевидно, это следствие расчистки предназначенного для погребения участка от кустарника и мелких деревьев. Возможно, что выжигание растительности носило ритуальный характер как пережиток распространенного в VII—X вв. у северян обряда трупосожжения [1].

Курган 1 (высота — 1, диаметр — 6 *м*) расположен в северной части могильника, на краю возвышенности. Из верхней части песчаной насыпи происходит несколько фрагментов кружального сосуда и обломок лепного баночного горшка (рис. 4, *27*). У подошвы кургана обнаружены два женских погребения с северо-западной ориентировкой. Это — вытянутые трупоположения на спине, руки вдоль туловища. Одно расположено в центре, другое смещено к западу. Однородность насыпи позволяет говорить, что оба погребения одновременны (рис. 2, II). Первое погребение (рис. 3, *1*) очень плохой сохранности: имеются только остатки черепа и длинных костей конечностей. Слева возле черепа находилась небольшая спиралевидная бронзовая подвеска (рис. 4, *12*), на груди большая зонная бусина из синей пасты с белыми глазками (рис. 4, *15*). Бусы у женщин иногда могли служить пуговицами [2]. Так, в кург. 13 Ницахского могильника, раскопанного в начале XX в., бусина прилегала к остаткам ткани [3]. Справа у бедренной кости лежали два железных черенковых ножа (рис. 4, *22, 23*), на фаланге пальца правой руки было бронзовое спиралевидное кольцо (рис. 4, *2*).

Второе погребение отличается лучшей сохранностью скелета (рис. 3, II). Оно богаче первого. Возле черепа три бронзовых височных кольца (рис. 4, *5*), несколько в стороне — обломок серебряного (рис. 4, *14*). На фаланге пальца левой руки бронзовый пластинчатый овальнощитковый усатый перстень (рис, 4, *1*), на шее ожерелье из 8 сердоликовых бипирамидальных, 51 стеклянной золоченой (рис. 4, *18*), 9 пастовых бусин и 50 — зеленого бисера. В ожерелье была и одна сердоликовая бусина шарообразной формы (рис. 4, *19*), получившей распространение с VI в. [4], редко встречающейся у славян [5]. У правого бедра два железных ножа плохой сохранности. Помимо этого в погребении найдены два железных четырехгранных гвоздя от гроба с загнутой под прямым углом верхней частью (рис. 4, *21*).

Курган 2 (высота — 0,95, диаметр — 6 *м*) расположен на северо-северо-восток от кургана 1, несколько выше по склону. У подошвы насыпи по центру кургана обнаружен вытянутый на спине скелет мужчины с северо-западной ориентировкой (рис, 2, *1*; рис. 3, III). Возле кисти правой руки находился железный нож плохой сохранности.

---

[1] *В. В. Седов.* Славяне Верхнего Поднепровья. МИА, 163, 1970, стр. 127; *Д. Т. Березовець.* Дослідження слов'янських пам'яток на Сеймі в 1949—1950 рр. АП, V, 1955, стр. 57; *его же.* Северяне. Автореф. канд. дис. М., 1969, стр. 11; *Д. Я. Самоквасов.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908, стр. 14; *Б. А. Шрамко.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962, стр. 313.

[2] *А. В. Арциховский.* Курганы вятичей. М., 1930, стр. 99.

[3] *Е. Мельник.* Раскопки курганов в Харьковской губернии в 1900—1901 гг. Тр. XII АС, т. I. М., 1905, стр. 698.

[4] *В. Б. Деопик.* Классификация бус юго-восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, 3, стр. 211.

[5] *А. В. Арциховский.* Ук. соч., стр. 38.

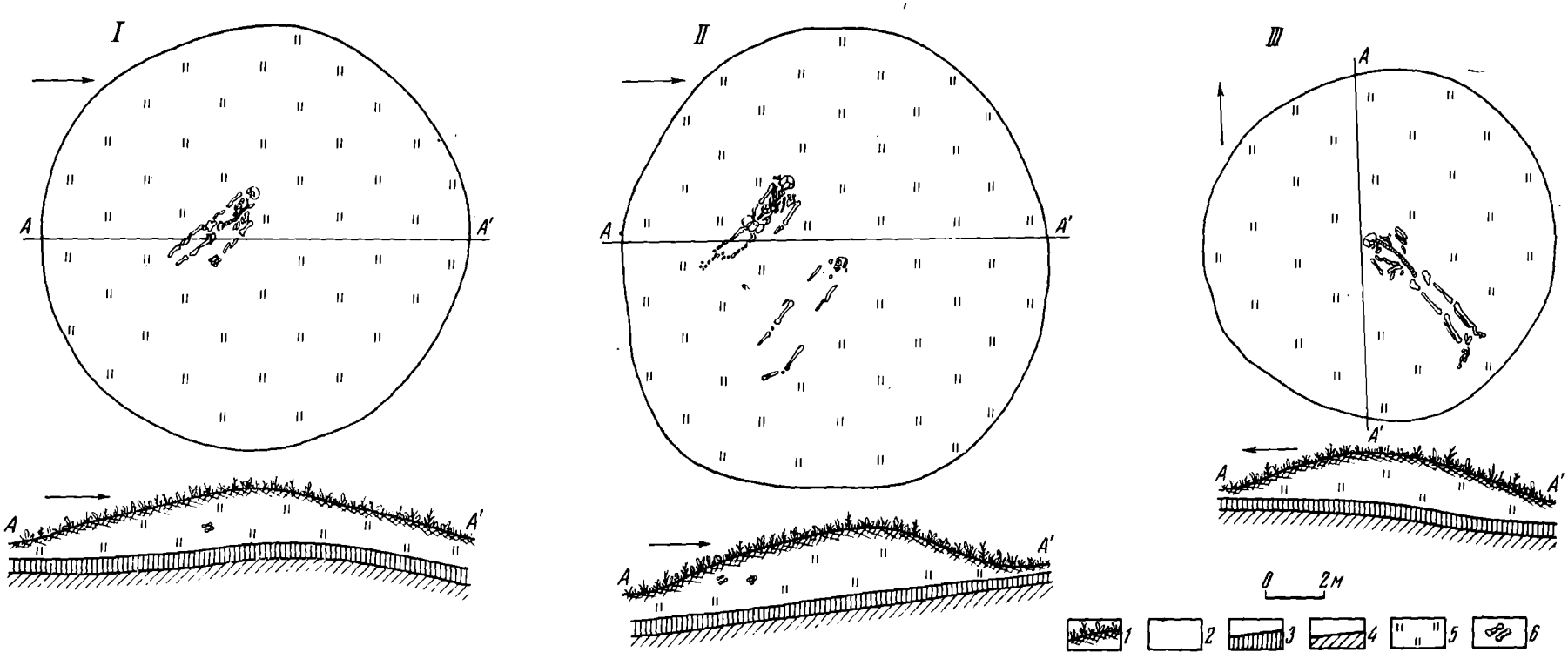


Рис. 2. Планы и профили курганов: I – кург. 2; II – кург. 1; III – кург. 31.
1 – дерн, *2* – гумусированный песок, *3* – погребенная почва, *4* – материк, *5* – угольки, *6* – кости

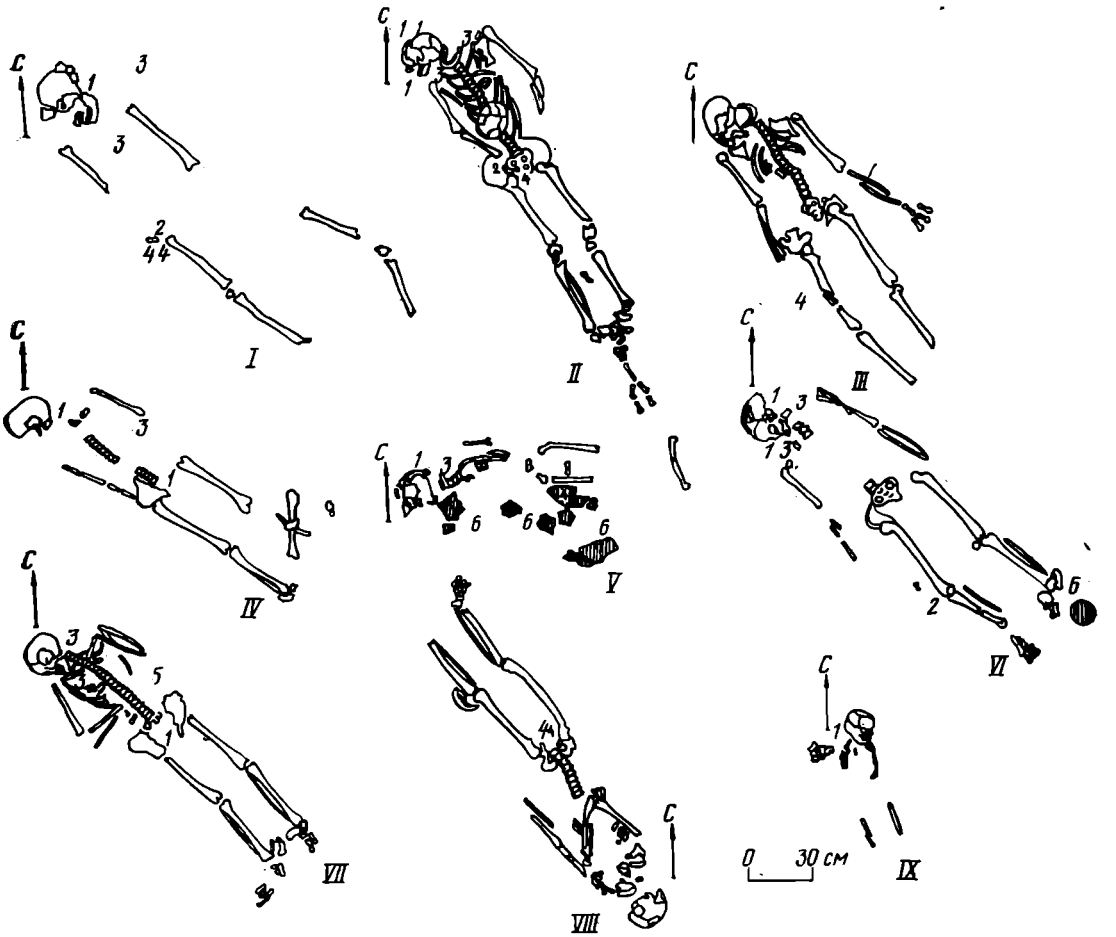


Рис. 3. Погребения: I — 1 в кург. 1; II — 2 в кург. 1; III — в кург. 2; IV — 1 в кург. 4; V — 2 в кург. 4; VI — в кург. 11; VII — в кург. 31; VIII — 1 в кург. 35; IX — 2 в кург. 35. *1* — височное кольцо, *2* — перстень, *3* — бусы, *4* — нож, *5* — писанка, *6* — керамика

Курган 4 (высота — 1,1, диаметр — 6,5 *м*) расположен в восточной части могильника. В насыпи найден железный гвоздь. В основании кургана два одновременных женских погребения с северо-западной ориентировкой. Костяки лежали в вытянутом положении на спине, руки вдоль туловища. Первое погребение несколько выше второго по склону, на котором насыпан курган. От скелетов сохранились только черепа, длинные кости конечностей и несколько позвонков (рис, 3, IV, V). В первом погребении у левого виска находилось бронзовое височное кольцо, около таза — бронзовый перстень с несомкнутыми краями, орнаментированный косыми насечками (рис. 4, *10*). На уровне груди у левого плеча лежала стеклянная ребристая бусина бирюзового цвета (пуговица?) (рис. 4, *16*). В курганах Черниговской и Петербургской губерний такие бусы датируются XI—XIII в. [6] Однако они довольно редки и не могут служить датирующим материалом.

Возле второго скелета лежали обломки двух кружальных сосудов (рис. 4, *30, 31*) с характерными клеймами на днищах (рис. 4, *9*). Форма сосудов и подобные знаки на клеймах были весьма широко распространены на территории Европейской части СССР [7]. Справа у таза на развале сосуда лежал нож с деревянной ручкой (рис. 4, *24*), слева у черепа —

[6] *Ю. Л. Щапова.* Стеклянные бусы древнего Новгорода. МИА, 55, 1956, стр. 275, табл. II, рис. 6.

[7] *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань. МИА, 49, 1955, стр. 120; *М. П. Кучера.* Гончарные клейма из раскопок Древнего Плеснеска. КСИА АН УССР, 10, 1960, стр. 119.

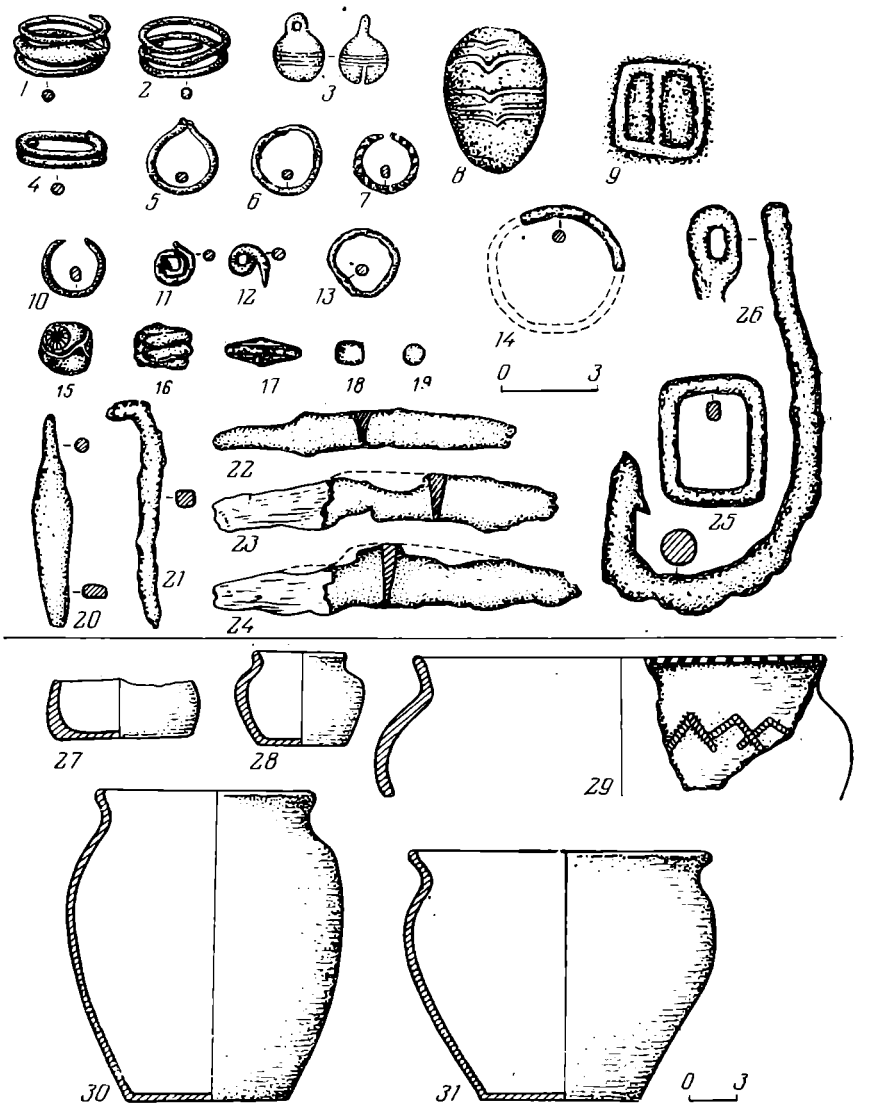


Рис. 4. Вещи из славянских курганов и поселения Мерчик: *1* — пластинчатый усатый перстень; *2, 4* — спиралевидные кольца; *3* — бубенчик; *5, 6, 13* — височные кольца; *7* — витое кольцо; *8* — поливная писанка; *9* — клеймо на днище кружального сосуда; *10* — перстень с косыми насечками; *11, 12* — спиралевидные подвески; *14* — обломок височного кольца; *15—19* — бусы; *20* — долотце; *21* — гвоздь; *22—24* — ножи; *25* — пряжка; *26* — рыболовный крючок; *27—29* — лепная керамика; *30, 31* — кружальные сосуды. *1—7, 10—13* — бронза; *15—19* — стекло, *14* — серебро, *20—26* — железо, *8—9, 27—31* — керамика.

20, 25, 26, 29 — находки на поселении. Вещи из курганов: *2, 12, 15, 22, 23, 27* — кург. 1, погр. 1; *1, 5, 14, 18, 19, 21* — кург. 1, погр. 2; *10, 16* — кург. 4, погр. 1; *6, 9, 24, 30, 31* — кург. 4, погр. 2; *4, 11, 13, 28* — кург. 11; *3, 7, 8, 17* — кург. 31

золоченая стеклянная бусина бочковидной формы, обломок пастовой бусины и бронзовое колечко с заходящими концами (рис. 4, *6*).

Курган 11 (высота — 1,7, диаметр 6 *м*) находится в 40 *м* на запад от кург. 4. Из насыпи происходит фрагмент кружального сосуда, орнаментированного волнистыми и прямыми линиями. В северной части кургана обнаружено женское погребение с северо-западной ориентировкой (рис. 3, VII). С обеих сторон у висков находилось по три бронзовых височных кольца (рис. 4, *13*), на шее — ожерелье из 46 стеклянных золоченых бусин бочковидной формы, 18 таких же серебряных и трех пастовых. Рядом лежала бронзовая спиралевидная подвеска (рис. 4, *11*), близкая по форме к подвеске из первого погребения кург. 1. Б. А. Рыбаков

датирует их XI в.[8] У ног погребенной стоял небольшой лепной горшочек (рис. 4, *28*). На правой руке находился бронзовый спиралевидный в полтора оборота перстень (рис. 4, *4*).

Курган 29 (высота — 1,1, диаметр — 6 *м*) расположен на северо-запад от кург. 1. Погребения в нем не было.

Курган 31 (высота — 1, диаметр — 4 *м*) расположен на запад от кург. 29. В насыпи над погребением обнаружен железный гвоздь. Погребение, отличающееся от исследованных ранее лучшей сохранностью (рис. 2, III) и богатством инвентаря, находилось строго по центру кургана и имело обычную северо-западную ориентировку (рис. 3, VII). Костяк вытянут на спине, обе руки согнуты в локтях, причем кисть правой руки положена на грудь, а левой — на левое плечо. Возможно, с женщиной был погребен ребенок. У головы погребенной расчищен развал гончарного сосуда, на шее — ожерелье из 25 сердоликовых бипирамидальных (рис. 4, *17*) и 19 стеклянных (одна большая и 18 маленьких) бус. У правого виска лежали пять бронзовых височных колец с заходящими концами и бронзовый бубенчик (рис, 4, *3*). Подобный бубенчик происходит из роменского слоя Донецкого городища[9]. У левого локтя находилась поливная писанка зеленого цвета, расписанная желтыми скобками (рис. 4, *8*). На пальце правой руки витое бронзовое кольцо с несомкнутыми концами (рис. 4, 7).

Курган 35 (высота — 0,6, диаметр — 4 *м*) расположен на запад от кург. 1. Из насыпи происходит фрагмент глиняного лепного сосуда. В юго-восточной части лежал скелет мужчины в вытянутом положении на спине (рис. 3, VIII), ориентированный на юго-восток. Левая рука вытянута вдоль туловища, кисть правой — на груди. Справа у таза обнаружен железный нож плохой сохранности. На расстоянии 1 *м* к северо-востоку от скелета находились остатки черепа лошади.

Второе погребение сооружено в 70 *см* к востоку от центра. Скелет детский, очень плохой сохранности, ориентирован на север (рис. 3, IX). Справа у черепа найдены два маленьких височных колечка.

Судя по обряду, курганы сооружены в одно время. Обнаруженный инвентарь типичен для славянских погребений[10]. Аналогичный набор вещей (бисер, бусы, височные кольца, перстни, ножи, писанки) характерен и для курганов у с. Ницахи. Перстнеобразные височные кольца с сомкнутыми концами обычны для всех славянских племен, в том числе и для северян[11]. Железные ножи с прямой или слегка изогнутой спинкой и выступом в месте перехода от черенка к спинке лезвия широко представлены в славянских комплексах[12]. Усатые перстни с гладким щитком получили распространение в X — начале XII в. в восточных и северо-восточных областях Европейской части СССР[13], но встречаются и в более южных районах[14]. Золоченые стеклянные бусы появляются

---

[8] *Б. А. Рыбаков.* Новый суджанский клад антского времени. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 84.

[9] *Б. А. Шрамко.* Ук. соч., стр. 304, рис. 120, *2*.

[10] *Д. Я. Самоквасов.* Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М., 1908, стр. 17.

[11] *А. В. Арциховский.* Курганы вятичей, стр. 61, 62.

[12] *Д. Т. Березовец.* Поселения уличей на реке Тясмине. МИА, 108, 1963, стр. 162, рис. 10, *18, 19*; *Ю. В. Кухаренко.* Раскопки у с. Сахновки. МИА, 108, 1963, стр. 245, рис. 2, *10*; *И. И. Ляпушкин.* Городище Новотроицкое. МИА, 74, 1958, стр. 327, табл. XCIII, *1—8*; стр. 144, рис. 93, *4*; стр. 23, рис. 10; *А. Л. Монгайт.* Старая Рязань, стр. 103, рис. 69, *8, 10—12* и др.

[13] *Н. Г. Недошивина.* Перстни. Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. Тр. ГИМ, 43, 1967, стр. 258, рис. 31, *5а*.

[14] *Д. Я. Самоквасов.* Дневник раскопок в окрестностях с. Гочева Обоянского уезда Курской губернии. М., 1915, стр. 17; *его же.* Атлас Гочевских древностей. М., 1915, табл. XXII, XIV и др.; *Е. Мельник.* Ук. соч., стр. 701.

с X в. и получают широкое распространение на территории славянских земель в XI— начале XII в.[15]

Основой для датировки могут служить клейма на днищах сосудов, имеющие аналогии на посуде древнего Плеснеска XI в.[16] Этим же временем датируется и писанка, относящаяся ко II группе, по классификации Т. И. Макаровой[17], и имеющая аналогии в Гочеве и Влазовичах в курганах XI в. В XII—XIII вв. они сменяются совсем иными более примитивными изделиями.

В «Повести временных лет» определена локализация различных славянских племен, в том числе и северян, которые «седоша по Десне и по Семи, по Суле»[18]. Исследования Б. А. Рыбакова убедительно показали, что территория северян на юго-востоке охватывала верховья Ворсклы и Северского Донца[19]. На карте, составленной В. В. Седовым, в область расселения северян включены среднее и верхнее течения р. Ворсклы[20]. Б. А. Шрамко также вполне определенно на основе археологического материала включает в ареал распространения северян верховья Псла, Ворсклы и Донца[21]. Отнесение курганной группы у с. Городное (хут. Могилки) к памятникам северян вполне согласуется с западной ориентировкой погребенных и обрядом трупоположения в основании курганной насыпи, ставшей с XI в. господствующим у северян[22]. Таким образом, обряд и состав инвентаря позволяют датировать исследованные погребения XI в.

Особо следует выделить погребения кург. 35, отличающиеся северной и юго-восточной ориентировкой. Костяки людей, обращенные головой на восток, юг и север с отклонениями в 30—40°, а также наличие конских костей находят аналогию в кочевнических курганах[23]. Однако размещение погребения в основании насыпи — это признак, характерный для погребального обряда славянских племен. Сочетание в одном погребении кочевнических и славянских признаков требует более тщательного изучения и, может быть, объясняется проникновением в местную среду других этнических элементов.

Курганы у с. Городное — это первый славянский могильник, обнаруженный на Харьковщине. Вместе с городищем «За́мок» и поселением Мерчик, второй период существования которого синхронен раскопанным погребениям, они составляют единый комплекс, расширяющий наши представления о древнерусском населении этого района.

---

[15] *Ю. Л. Щапова.* Стеклянные бусы древнего Новгорода, стр. 178; *ее же.* Стекла Киевской Руси. М., 1972, стр. 83.

[16] *М. П. Кучера.* Ук. соч., стр. 117.

[17] *Т. И. Макарова.* О производстве писанок на Руси. Сб. «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 143.

[18] ПВЛ, ч. I, 1950, стр. 11.

[19] *Б. А. Рыбаков.* Поляне и северяне. СЭ, 6—7, 1947, стр. 94, 105, карта 9; *его же.* Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 72, рис. 15.

[20] *В. В. Седов.* Ук. соч., стр. 130, рис. 38.

[21] *Б. А. Шрамко.* Ук. соч., стр. 296.

[22] *Б. А. Рыбаков.* Поляне и северяне, стр. 94.

[23] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 126 сл.

А. М. ЖДАНОВСКИЙ

СТАТУЯ ПОЛОВЕЦКОГО ВОИНА ИЗ СТАНИЦЫ НОВОМАЛОРОССИЙСКОЙ

Статуя воина, находящаяся в настоящее время в Краснодарском краеведческом музее (инв. № 4031-КМ), была обнаружена при вспашке в ноябре 1974 г. близ ст. Новомалороссийской Выселковского р-на Краснодарского края. Она находилась на вершине небольшого кургана, входящего в группу из четырех курганов, под слоем земли около 0,5 *м*. Исследования кургана не проводились, поэтому время его сооружения неизвестно.

Статуя изготовлена из известняка, ее размеры 1,80×0,38×0,28 *м*. Статуя разбита на три части — отбиты голова и ноги с пьедесталом. Левая рука от плеча до кисти сбита еще в древности. Выступающий живот поврежден плугом. В остальном сохранность статуи отличная, все детали одежды и оружия, черты лица и коса тщательно обработаны и четко прослеживаются, что дает полное представление о первоначальном виде статуи (рисунок).

Статуя стоящая, выполнена в технике круглой (объемной) скульптуры, ноги упираются в приступку. По классификационной схеме С. А. Плетневой, она относится к типу III-В (круглая объемная скульптура, стройная, с высокой шеей) [1]. Лицо тщательно моделированное, округлое, полное, со слегка заостренным подбородком. Брови не выделены, глаза изображены с двойным ободком, в углублении. Нос прямой, выпуклый, с выделенными ноздрями. Усы с заостренными, загнутыми вверх концами, нижняя губа выделена. Руки согнуты в локтях и держат ниже живота горшкообразный сосуд. Большие пальцы рук отогнуты вверх, мизинцы — вниз, а три пальца расположены горизонтально.

На голову надет шлем сфероконической формы. Он увенчан навершием и состоит из четырех треугольных пластин, соединенных внизу обручем. Под четырьмя вертикальными полосами, являющимися местами соединения пластин, изображены круги. Шлем относится к 3 подтипу I типа, по С. А. Плетневой [2].

Очень интересен способ косоплетения на нашей статуе. Коса заплетена у виска и под углом спускается на шею. На кончик косы одет чехольчик, немного не доходящий до большой круглой бляхи и оканчивающийся заострением. Коса, как и все остальные детали статуи, тщательно обработана. Она выступает на 0,6 *см* над поверхностью статуи. Чтобы коса лучше выделялась, мастер подчеркнул ее форму небольшими (2 *мм*) врезанными бороздками вдоль обеих сторон. На изображение косы нанесены горизонтальные насечки, изображающие плетение. Тщательный осмотр головы, особенно затылочной части, показал, что ни на самой косе, ни на затылке и шее статуи нет никаких признаков стертости. Поэтому мы можем с уверенностью говорить, что коса нашей статуи не входит в три типа, выделенные С. А. Плетневой [3]. Видимо, в III типе «однокосых» статуй можно выделить подтип по способу плетения косы на новой статуе Краснодарского музея. Наибольшее количество «однокосых» статуй встречено в Предкавказской группе (три; две из них находятся в Краснодарском музее) и в Поволжской группе (также три статуи). Впрочем, в Краснодарском музее представлены почти все виды «косоплетения», а также и бескосые статуи. Мы намеренно так подробно остановились на способе плетения косы, поскольку С. А. Плетнева обоснованно полагает, что способ «косоплетения» является этнографическим признаком [4].

---

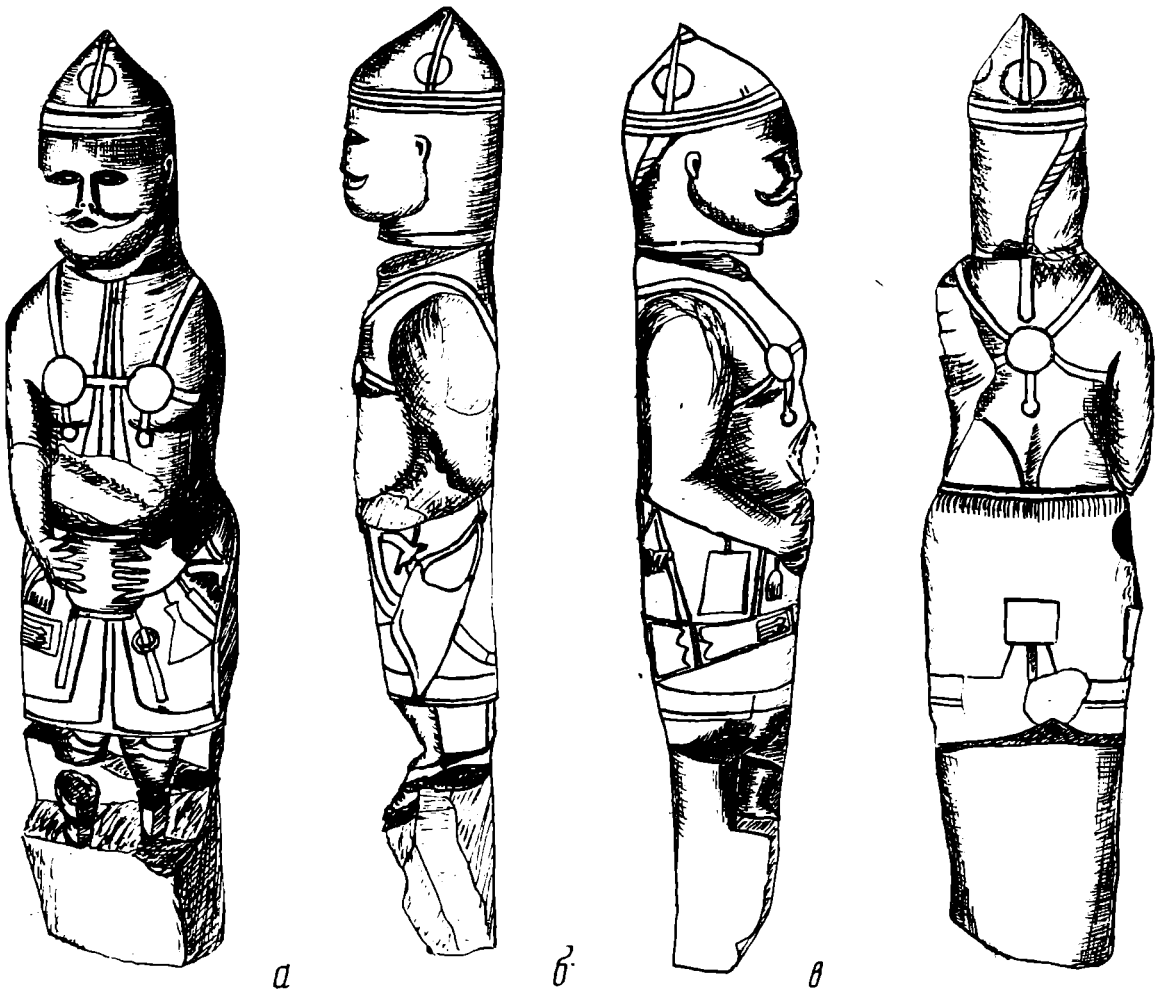
[1] *С. А. Плетнева.* Половецкие каменные изваяния. САИ, Е4-2. М., 1974, стр. 61.
[2] Там же, стр. 25.
[3] Там же, стр. 33, стр. 30, рис. 9.
[4] Там же, стр. 33.

Статуя половецкого воина из станицы Новомалороссийской (фото)

Воин одет в длинный, облегающий тело кафтан. Ворот круглый, простой, полы кафтана расходящиеся (II тип, по А. С. Плетневой). Из-под кафтана виден край исподней рубахи. Сзади кафтан имеет разрез с расходящимися концами. В верхней части разреза изображена бляха (или войлочная нашивка) прямоугольной формы. Пояс виден только на спине, он изображен двумя параллельными полосами; от пояса вниз отходят короткие параллельные насечки, напоминающие бахрому. Над поясом изображены две полуарки — бляхи или украшения кафтана. Ноги в высоких сапогах с выступающими заостренными наколенниками.

Поверх одежды представлены бляхи и ремни. На груди изображены две круглые бляхи с ремнями, перекинутыми вверх на плечи и отходящими в стороны — подмышки. Кроме того, от этих блях отходят вниз дополнительные ремешки, заканчивающиеся маленькими круглыми бляшками. Еще один ремешок опускается вниз от соединяющего бляхи поперечного ремня (III тип, по С. А. Плетневой). Ремни, закинутые за плечи и проходившие подмышки, скрещивались на спине, место скрещивания прикрыто круглой бляхой. Вниз от нее спускается ремешок, оканчивающийся небольшой круглой бляшкой. Этот ремешок не связан с косой, чехол которой немного не доходит до большой бляхи.

На поясе воина прикреплены оружие и различные бытовые предметы. На левом боку висит сабля, клинок ее слегка изогнут, рукоять наклонена в сторону лезвия, концы перекрестия немного опущены вниз. Там же, слева, висит лук в налучье, закрывающем нижнюю часть лука. Верхний



Статуя половецкого воина из станицы Новомалороссийской (прорись)

край налучья имеет вогнутую форму, чем отличается от опубликованных С. А. Плетневой [5]. Деревянная основа лука имеет прямую спинку (II тип, по С. А. Плетневой), тетива и основа разной толщины, хорошо видна петля на верхнем конце лука. На правом боку на двух ремнях подвешен колчан со стрелами. Колчан представляет собой продолговатый расширяющийся внизу футляр, верхняя (передняя) часть короче нижней. С. А. Плетнева относит такие колчаны к III типу. В колчане находятся две стрелы с ромбовидными наконечниками. Футляр украшен орнаментом: в средней части поперек колчана проходят две параллельные полосы, по обе стороны от них волнообразные линии. Слева на поясе подвешена плеть, представляющая собой полосу с кольцом в верхнем конце.

Бытовые предметы. На правом боку к поясу прикреплены: нож с прямыми спинкой и лезвием, гребень односторонний с округлой верхней частью и длинными прямыми зубцами в нижней части (интересно отметить, что такие гребни отмечены еще только на двух — мужской и женской — статуях из Краснодарского музея) [6]. На правом боку большой прямоугольный предмет неизвестного назначения (сумка?). На левом боку к поясу прикреплен кошелек треугольной формы и неопределенный предмет удлиненной формы (оселок?).

Статуя очень тщательно обработана, следы грубой обработки видны

[5] Там же, стр. 30, рис. 9.
[6] Там же, табл. 58.

только на нижней части, остальные поверхности сглажены. Особенности костюма, оружия, техники обработки позволяют отнести нашу статую к концу XII — началу XIII в., согласно классификационной схеме С. А. Плетневой.

Наиболее близкие аналогии описанной выше статуи находятся также в Краснодарском музее. Приемы изображения лица, тип шлема аналогичны статуе 1095[7] (сохранилась только голова). Самой близкой нашей статуе по абрису, некоторым приемам изображения является статуя 1120. Эти две статуи сближают приемы изображения лица, тип шлема, «почти женская грудь», приемы закрепления блях на груди и спине, украшения на спине в виде полуарок (из статуй, опубликованных С. А. Плетневой, только на одной женской из Донецкого музея — 257 — имеется украшение в виде полуарок, на мужских статуях таких украшений нет). Изображение пояса с «бахромой» тоже имеется только на этих двух статуях (публикуемой и 1120). Сходны на обеих статуях изображения плети и ножа.

Статуя 1143 Краснодарского музея также имеет некоторые сходные черты с новой: трактовка лица, абрис, грудь, нагрудные бляхи, шлем, сосуд.

Некоторые сходные черты имеет и статуя 1142. Объединяет эти статуи материал изготовления — мел, известняк. Из других районов некоторое сходство с новой статуей имеют статуи 134 из Запорожья и 1156 из Симферополя[8].

Таким образом, новая статуя половецкого воина из ст. Новомалороссийской, без сомнения, относится к предкавказской группе изваяний и составляет единое целое с уже известными краснодарскими. Статуя имеет и свои особенности — способ «косоплетения», некоторые детали костюма и оружия.

---

[7] Там же, табл. 58.
[8] Там же, табл. 20 и 65.

В. А. ИВАНОВ

ПОГРЕБЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ КОЧЕВНИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ОХЛЕБИНИНСКОГО ГОРОДИЩА

Охлебининское городище, известный и хорошо изученный памятник караабызской культуры (IV в. до н. э.— II в. н. э.), расположено в 35 *км* к югу от Уфы, на правом высоком и крутом берегу р. Белой, в устье р. Сим.

В 1973 г. силами учащихся, членов археологического кружка средней школы с. Охлебинино, руководимого автором, были продолжены раскопки городища, начатые в свое время А. Х. Пшеничнюком.

Нами был вскрыт участок площадью 80 $м^2$, вытянутый по линии С — Ю. Южная граница раскопа на 25 *м* удалена от обрывистого склона городища.

Мощность культурного слоя в раскопе не превышает 25 *см*. Собрана богатая коллекция керамики, изделий из кости и камня, относящихся к материальной культуре населения, оставившего данное городище.

В толще культурного слоя памятника были обнаружены три погребения: два (погр. 1 и 2) хорошо сохранились, а одно (погр. 3) — почти полностью разрушено. Могилы расположены в один ряд, по линии С — Ю (рис. 1). Расстояние между двумя крайними погребениями (погр. 1 и 2) — 15 *м*. Никаких внешних признаков могилы не имели.

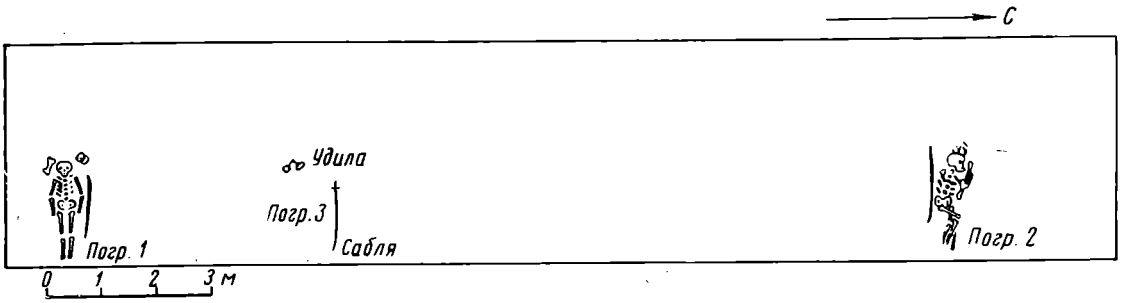


Рис. 1. План раскопа

Погребение 1 обнаружено в 20—25 *м* от южного склона городища на глубине 20 *см*. Костяк залегал в толще культурного слоя городища, очертания могильной ямы не прослеживаются.

Костяк принадлежал, по-видимому, подростку (длина — 150 *см*). Скелет, вытянутый на спине, головой на запад, сохранился хорошо, за исключением фаланг пальцев рук и ног (рис. 2, *1*). Руки расположены вдоль тела, причем кисть правой руки лежала под тазом. Вещей при погребенном очень немного. Возле черепа, несколько слева, обнаружены два железных круглых стремени с расплющенной дужкой и узкой выгнутой подножкой (рис. 3, *5, 6*). Стремена были положены одно на другое. Диаметр стремени 11,5 *см*, ширина подножки 2,5 и 3 *см*. Слева от погребенного находилась железная сабля с железным плохо сохранившимся перекрестием (рис. 4, *1*). Длина сабли 101 *см*, длина клинка 92 *см*, кривизна клинка 2,5 *см*. Под клинком прослежены следы деревянных ножен в виде тлена. Возле черепа находилась плечевая кость лошади.

Погребение 2 обнаружено в северном конце раскопа, в 15 *м* к северу от погр. 1 (рис. 1). Хорошо сохранившийся костяк лежал на левом боку, головой на запад. Руки согнуты в локтях, причем кисти расположены возле лица. Ноги согнуты в коленях (правая согнута больше левой, см. рис. 2, *2*).

Погребение 2 также совершено в культурном слое городища (глубина — 20 *см*); очертания могильной ямы не прослежены.

Сопровождающие вещи идентичны вещам из погр. 1. Возле черепа обнаружены обломки двух железных стремян формы, близкой к арочной, с узкой чуть уплощенной подножкой и расплющенной дужкой (рис. 3, *2*). Диаметр стремени 12,5 *см*, ширина подножки 1,5 *см*. Тут же найдены обломки плохо сохранившихся железных коленчатых удил с круглыми конечными кольцами (рис. 3, *3*). Диаметр колец 3,3 *см*.

Слева от костяка, за спиной погребенного, лежала плохо сохранившаяся железная сабля. Длина ее 100 *см*, длина клинка 95 *см*, кривизна сабли 3 *см* (рис. 4, *2*). В области пояса обнаружено круглое железное кольцо, диаметр его 3,8 *см* (рис. 3, *4*), видимо, от сабельной портупеи. Возле груди, на локте правой руки, лежала плечевая кость лошади.

Остатки погребения 3 обнаружены в 5 *м* к северу от погр. 1 (рис. 1), на глубине 35 *см*, почти на материке. Следы могильной ямы не обнаружены. Найдены железная сабля с костяным перекрестием (рис. 4, *3*), длина ее 90 *см*, длина клинка 80 *см*, кривизна сабли 2,5 *см*. Под саблей и на ней прослеживается древесный тлен от ножен. Сабля лежала острием на восток. В 50 *см* к юго-западу от сабли, на глубине 30 *см* от современной поверхности, обнаружены железные коленчатые удила с круглыми конечными кольцами (рис. 3, *1*). Диаметр колец 5,5 *см*. Одно кольцо сильно деформировано. Костяк не сохранился.

Полученный материал, к сожалению, не позволяет определить культурную принадлежность погребений. Сабли и стремена имели слишком широкое распространение, чтобы быть использованными в качестве этнического признака.

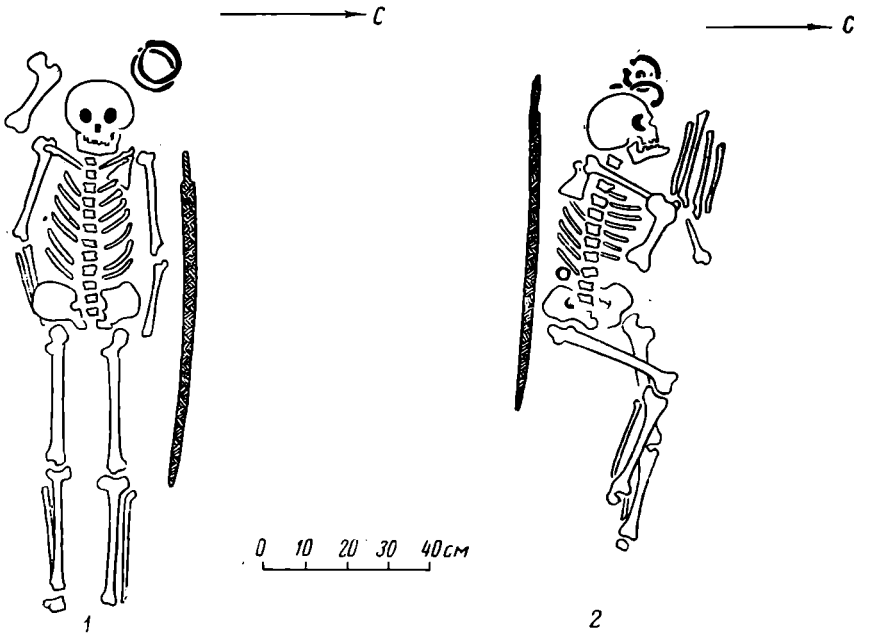


Рис. 2. Планы погребений. *1* — погр. 1, *2* — погр. 2

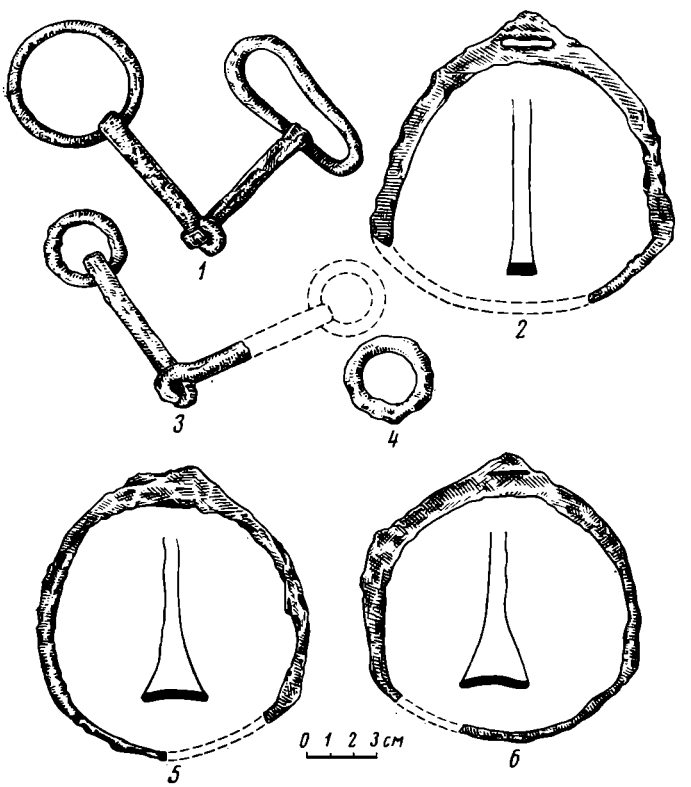


Рис. 3. Вещи из погребений: *1* — железные удила из погр. 3, *2* — стремя из погр. 2, *3* — удила из погр. 2, *4* — железное кольцо из погр. 2, *5*, *6* — стремена из погр. 1

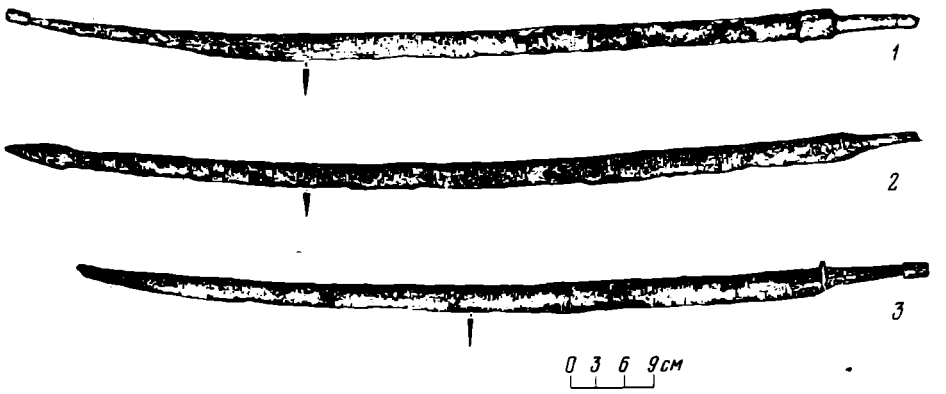


Рис. 4. Сабли из погребений: *1* — погр. 1, *2* — погр. 2, *3* — погр. 3

Единственным элементом, проливающим некоторый свет на культурную принадлежность погребенных, является обряд трупоположения вытянуто на спине (погр. 1) или на боку с подогнутыми ногами (погр. 2), головой на запад — обряд, широко встречающийся у средневековых кочевников Нижнего Поволжья [1].

Стремена и сабли, обнаруженные в охлебининских погребениях, имеют близкие аналогии среди кочевнических древностей, относящихся к золотоордынской эпохе.

Так, удила из погр. 2 (рис. 3, *3*) аналогичны удилам типа Г-I (классификация Г. А. Федорова-Давыдова) [2], а также удилам, опубликованным С. А. Плетневой среди древностей черных клобуков (тип Г-I) [3].

Удила для погр. 3 (рис. 3, *1*) прямую аналогию находят в удилах типа Г-II (Г. А. Федоров-Давыдов, С. А. Плетнева). Эти типы, как считают оба автора, были «распространены чрезвычайно широко и вообще не поддаются датировке» [4]. Г. А. Федоров-Давыдов также пишет, что подобные удила были распространены в средневековых памятниках широкого хронологического диапазона (IX—XIV вв.) [5].

Более точной датировке поддаются обнаруженные в Охлебининских погребениях стремена. Стремена из погр. 1 (рис. 3, *5, 6*) свою прямую аналогию находят среди стремян из опубликованной С. А. Плетневой коллекции черных клобуков (тип Г-II) [6].

Г. А. Федоров-Давыдов стремена типа Г-II датирует XII — началом XIII в. [7]

Стремя из погр. 2 (рис. 3, *2*) напоминает очертаниями стремена типа Г-IV (по Г. А. Федорову-Давыдову), которые также датируются XII—XIII вв. [8]

Что касается имеющихся в нашем распоряжении сабель, то прежде всего необходимо обратить внимание на сохранившийся у сабли из погр. 1 наконечник ножен в виде свернутой из листа железа трубки (рис. 4, *1*). Подобная же «трубка» имелась и на конце рукоятки сабли из погр. 3 (рис. 4, *3*). С. А. Плетнева считает, что это характерно для кочевнических сабель XII — начала XIII вв. [9]

Указанные аналогии вещам, обнаруженным в Охлебининских погребениях, позволяют с уверенностью датировать их XII — началом XIII в.

---

[1] *К. Ф. Смирнов.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. Сб. «Памятники Нижнего Поволжья», т. 1. МИА, 60, 1959; *М. В. Синицын.* Археологические исследования Заволжского отряда.— Там же.

[2] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, стр. 18.

[3] *С. А. Плетнева.* Древности черных клобуков, М., 1973, стр. 15.

[4] Там же.

[5] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Ук. соч., стр. 20.

[6] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., рис. 5, *7*; табл. 4, *5*; табл. 6, *8*; табл. 12, *20*.

[7] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Ук. соч., стр. 15.

[8] *Г. А. Федоров-Давыдов.* Ук. соч., стр. 12, рис. 1; стр. 15.

[9] *С. А. Плетнева.* Ук. соч., стр. 18.

Критика и библиография

A. Nowakowski. Górne Pobuże w wiekach VIII—XI. Acta archaelogica Lodziensis, № 21. Lódz, 1972

Основной задачей книги А. Новаковского «Верхнее Побужье в VIII — XI вв.» является систематизация археологического материала, добытого в бассейне верхнего течения Западного Буга, на границе восточно- и западнославянских племен.

Территория, о которой идет речь в этой работе, издавна привлекала к себе внимание исследователей. Многие поколения историков и языковедов пытались интерпретировать недостаточно ясные свидетельства письменных источников о дулебах, бужанах, волынянах и лендзянах, локализуемых в Верхнем Побужье. Немало споров в литературе породили и летописные известия о Червене и червенских городах, породившие многолетнюю дискуссию о границах Древней Руси и Польши в пределах Побужья.

А. Новаковский пытается решить проблему польско-русского пограничья в VIII—XI вв. на археологическом материале, и в первую очередь на тех памятниках, которые были исследованы советскими и польскими археологами в Верхнем Побужье после второй мировой войны. Это Подгорцы (Плиснеск), Рипнев, Зимно и некоторые другие памятники на территории Украины и поселения в Чермно, Грудке Надбужном, Стржижеве и др., раскапывавшиеся Польской экспедицией по изучению червенских городов [1].

Книга А. Новаковского состоит из вступления, трех глав и заключения. Во вступительной части автор формулирует задачи своего исследования. Они заключаются в том, чтобы выделить в археологическом материале Верхнего Побужья такие черты, которые позволили бы установить этнический состав населения этой территории.

Определяя хронологические рамки своей работы, автор в качестве нижней даты избирает VIII в. (в тексте обычно упоминаются VII—VIII вв.). Верхней хронологической границей является XI в. (точнее 1031 г.), когда после похода Ярослава Мудрого Верхнее и Среднее Побужье входят в состав Киевской Руси. Таким образом, задачей автора является определить по археологическим данным этнический состав населения верхнего Побужья в конце I и начале II тысячелетия н. э.

Значительную часть текста (почти треть объема книги) составляет историографическая глава, в которой отдельно рассматриваются археологические исследования в Верхнем Побужье, а также работы, основанные на изучении письменных источников. Освещая историю археологических раскопок на территории Верхнего Побужья и исследованиях, основанных на добытых здесь материалах, А. Новаковский, естественно, уделяет больше внимания работам, опубликованным за последние десятилетия. Автор хорошо ориентирован не только в польской, но и в советской археологи-

[1] *М. П. Кучера.* Древній Плиснеськ. АП, 12, 1962; *В. В. Аулих.* Славянское поселение у с. Рипнев (Рипнев I) Львовской области. МИА, 108, 1963, стр. 366—381; *Р. С. Багрий.* Нові слов'янські древньоруські пам'ятки на території Волині. МДАПВ, 4, 1962, стор. 127—130; *K. Jażdzewski.* Ogólne wiadomości o Czermnie — Czerweniu. AP. t. 4, z. 1, 1958, s. 81; *A. Nadolski.* Prace wykopaliskowe w Czermnie nad Huczwa. Ibidem, s. 93—102; *A. Abramowicz.* Ceramika z Czermna nad Huczwą. Ibidem, s. 105—148; *Z. Rajewski.* Sprawozdanie z badań na grodach czerwieńskich w 1957 r. SpA, t. II, 1957, s. 49—53; *A. Poppe.* Gród Wolyn. Studia wczesnośredniowieczne w Strzyżowie pow. Hrubieszów. WA, t. XXIV, z. 2, 1957, s. 113—128.

ческой литературе, хотя нельзя не указать здесь на некоторые упущения. Так, отмечая исследования советских ученых по архитектуре Галицко-Волынской Руси, А. Новаковский ссылается на работы Н. Н. Воронина и М. К. Каргера (1940 г.)[2], однако автор обходит молчанием специальные археолого-архитектурные работы М. К. Каргера во Владимире Волынском, произведенные в 1955 г., результаты которых опубликованы в ученых записках ЛГУ [3].

А. Новаковский прошел мимо таких важных для археологии Побужья материалов, как полученные Ю. В. Кухаренко при раскопках городища, селища и курганов у с. Головно Волынской обл. [4] Данные этого комплекса, в частности курганы с обрядом трупосожжения, позволили Ю. В. Кухаренко выделить памятники «типа Головно» [5].

Автор справедливо оценивает работы украинских археологов по изучению памятников Верхнего Побужья. Вместе с тем он склонен трактовать многие из них однозначно, хотя в атрибуции и датировке ряда памятников этой территории советские ученые отнюдь не единодушны. Так, Подгорцы (Плиснеск) — основной памятник для исследования А. Новаковского — поселение, вызвавшее в нашей литературе немало споров. И. И. Ляпушкин критически оценивал датировку раннего Плиснеска М. П. Кучерой VII—VIII вв. и писал по этому поводу следующее: «М. П. Кучера датирует это поселение VII—VIII вв. К сожалению, обоснование этой датировке не дается. В частности, вещей VII—VIII вв. среди найденных материалов, по существу, не указывается. Привлекаемая для обоснования наличия слоя VII—VIII вв. шпора с крючкообразными концами с таким же успехом может быть отнесена к IX в.» [6]. И. И. Ляпушкин считал более правдоподобной датировку одного из первых исследователей городища И. Д. Старчука, который определял его нижнюю дату IX в. Взгляды М. П. Кучеры были подвергнуты критике П. А. Раппопортом (опубликован также ответ М. П. Кучеры) [7]. Возвращаясь к вопросу о датировке памятников Верхнего Побужья, исследованных украинскими археологами, уместно вспомнить, что И. И. Ляпушкин также оспаривал дату VII—VIII в. для слоев с раннегончарной керамикой другого поселения этой земли, а именно Рипнева [8]. Странно, что А. Новаковский оставляет без внимания коренные вопросы хронологической атрибуции основополагающих для его работы памятников этими учеными. Ведь указанные работы ему хорошо известны, и он ссылается на них в своей книге по другим поводам.

Разумеется, автор имеет право поддерживать те взгляды на характер памятников, которые представляются ему приемлемыми, тем более что украинские археологи, датирующие памятники Верхнего Побужья с раннегончарной керамикой, во многом опираются на польские памятники, где находки шпор с крючкообразными концами являются одним из важнейших датирующих предметов [9]. Тем не менее автору не следовало оставлять читателя в неведении о существовании в советской археологии других мнений относительно памятников Верхнего Побужья, чем те, которых он придерживается.

Уже после выхода в свет книги А. Новаковского в советской литературе вновь были поставлены вопросы датировки некоторых поселений Верхнего Побужья. Так, И. П. Русанова, как и ранее И. И. Ляпушкин, оспаривает датировку VII—VIII вв. раннегончарной керамики, которые предлагает для Подгорцев (Плиснеска)

---

[2] *Н. Н. Воронин.* К вопросу о взаимоотношении Галицко-Волынской и Владимиро-Суздальской архитектуры. КСИИМК, 3, 1940; *М. К. Каргер.* Зодчество Галицко-Волынской земли в XII—XIII вв.— Там же.

[3] *М. К. Каргер.* Вновь открытые памятники зодчества XII—XIII вв. во Владимире Волынском. Уч. зап. ЛГУ, № 252 (серия истории искусств), 29, 1958, стр. 3—33.

[4] *Ю. В. Кухаренко.* Средневековые памятники Полесья. САИ, Е1-57. М., 1961, стр. 31, 32.

[5] *Ю. В. Кухаренко.* Ук. соч., стр. 10.

[6] *И. И. Ляпушкин.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. МИА, 152, 1968, стр. 40, 41.

[7] *П. А. Раппопорт.* К вопросу о Плеснеске. СА, 1965, 4, стр. 92—103; *М. П. Кучера.* К вопросу о Плеснеске. СА, 1968, 1, стр. 301—308.

[8] *И. И. Ляпушкин.* Ук. соч., стр. 42, 43.

[9] *M. Drewko.* Wielki kurhan wczesnośredniowiecznego cmentarzyska we wsi Lipsko, pow. Zamośc. WA, t. 20, z. 3, 1954, s. 307—309.

М. П. Кучера, а для Рипнева В. В. Аулих [10]. Споры вызывает и интереснейший памятник этой земли — городище у с. Зимно, раннеславянские слои которого В. В. Аулих относит к VII в. [11] В свое время Ю. В. Кухаренко отнес их к VII—VIII вв.[12] По мнению И. П. Русановой, эти слои городища Зимно существовали в течение всей второй половины I тысячелетия н. э.[13] Этих же взглядов придерживается А. И. Айбабин, убедительно показавший, что разнообразный инвентарь городища Зимно, отнесенный В. В. Аулихом к VII в., в действительности имеет широкую датировку, в ряде случаев выходящую за границы I тысячелетия н. э. [14]

Если в первой части историографической главы автор имел дело со сравнительно небольшим количеством исследований по археологии Верхнего Побужья, то во второй ее части необходимо было дать представление об огромной литературе, источниками для которой послужили письменные свидетельства о племенах и событиях, имеющих отношение к Верхнему Побужью. Автор вынужден был ограничиться кратким перечислением взглядов исследователей на лендзян, дулебов, бужан, волынян и хорватов, завершая эту часть главы обозрением историографии червенских городов. При всей краткости данного раздела историографической главы читателю становится очевидной пестрота взглядов исследователей, основывающихся на скудных и неясных письменных источниках.

Следующая глава книги А. Новаковского — «Источники» открывается небольшим разделом «Письменные источники русско-польского пограничья». Сведения, изложенные в трудах арабских историков (Аль-Масуди и Ибрагима Ибн Якуба), Константина Багрянородного, географа Баварского и древнерусской летописи, имеющие отношение к Истории Верхнего Побужья, приводятся А. Новаковским критически с учетом значительной источниковедческой литературы.

Весьма интересна вторая часть этой главы — «Элементы, выбранные для анализа культуры польско-русского пограничья». А. Новаковский выделяет три группы древностей: западнославянские, восточнославянские и местные. Специфическими особенностями культуры западнославянского, польского населения этого периода, по мнению автора, являются «крюковая» конструкция оборонительных сооружений, полуземлянки неправильной формы с открытыми очагами, некоторые формы украшений, в первую очередь височные кольца с S-видным окончанием, сосуды с вертикальным горлом и цилиндрические богато орнаментированные сосуды, шпоры с крючковидными окончаниями и курганы с обрядом трупосожжения.

Типично восточнославянскими древностями, которые можно было связывать с Киевской землей, А. Новаковский считает внутривальную срубную конструкцию и прямоугольные и квадратные в плане полуземлянки с печами. Среди украшений наиболее типичны височные кольца с заходящими концами, серьги киевского типа, браслеты и некоторые другие вещи. Специфика керамического комплекса Киевской земли, по мнению автора, проявляется в проникновении белоглиняной посуды и амфор-корчаг. Что касается массовой керамики, то для нее характерны плоские днища, скудная орнаментация и довольно часто встречающиеся сосуды с ушками. Среди других находок, которые можно связывать с проникновением из Киева, автор выделяет писанки, цилиндрические замки, шиферные пряслица, булавы и кистени. Хорошим этноопределяющим признаком восточнославянского населения на западнорусских землях, по мнению А. Новаковского, являются курганы с обрядом трупоположения, не встречающиеся у польских славян.

Каковы же особенности культуры, характерной, по А. Новаковскому, для собственно Верхнего Побужья? Это городища так называемого волынского типа и городища с концентрическими валами, выделенные П. А. Раппопортом [15]. Украшения

---

[10] *И. П. Русанова.* Славянские древности VI—IX вв. между Днепром и Западным Бугом. САИ, Е1—25. М., 1973, стр. 18—21.

[11] *В. В. Ауліх.* Зимнівське городище. Київ, 1972, стор. 86—90.

[12] *Ю. В. Кухаренко.* Ук. соч., стр. 9.

[13] *И. П. Русанова.* Ук. соч., стр. 18.

[14] *А. И. Айбабин.* Рец.: В. В. Аулiх. Зимнівське городище. Київ, 1972 (См. СА, 1975, 1).

[15] *П. А. Раппопорт.* Военное зодчество западнорусских земель. X—XIV вв. МИА, 140, 1967, стр. 51—57, 71, 72.

этой земли, в свое время исследованные Р. Якимовичем, являются подражаниями польским образцам, но выполнены они грубее [16]. Наиболее ярким местным материалом является гончарная керамика, которую автор вслед за М. П. Кучерой и В. В. Аулихом датирует временем от VI—VIII до XI вв.

Выделив три группы источников, автор пытается проследить их размещение на территории Верхнего Побужья в главе «География культурных элементов». К сожалению, реальные археологические материалы Верхнего Побужья включают очень мало вещей, соответствующих этническим критериям, логично отобранным А. Новаковским. По существу, единственным памятником, на котором можно проследить некоторую часть этноопределяющих материалов, является Подгорцы (Плиснеск). Второй памятник Побужья, исследования в котором производились на значительной площади,— это Грудек Надбужный (предполагаемый летописный город Волынь), но материалы его опубликованы недостаточно. В важнейшем городе этой земли — летописном Червене — производились очень скромные по масштабам археологические исследования. Что касается остальных памятников Побужья, то это главным образом открытые поселения, основным вещевым материалом которых является керамика. Таким образом, в распоряжении А. Новаковского оказываются единичные факты. Если для таких культурных явлений, как оборонительные сооружения или жилища, можно в какой-то степени ссылаться на единичные примеры, то отдельные находки украшений (на всей территории Побужья — 3—5 находок) вряд ли можно считать этноопределяющими.

Почти все археологические материалы, рассматриваемые А. Новаковским, происходят с южной части Верхнего Побужья, с памятников, расположенных у истоков Западного Буга (Подгорцы, Рипнев и др.), а также с поселений и погребальных памятников, расположенных по р. Луг, правому притоку Западного Буга и Гучве — его левому притоку. Именно на этой территории проводились значительные раскопки. Очень мало материалов имеется по северной части интересующей автора земли — Волынскому Полесью и Холмщине. К сожалению, за пределами внимания автора остались исследования Ю. В. Кухаренко на правобережье верхнего и среднего течения Западного Буга. Мало изучена Люблинская возвышенность. На карте археологических памятников этой территории, опубликованной Я. Гурбой, здесь зафиксировано немало городищ и открытых поселений, относящихся к тому периоду, который рассматривается в книге А. Новаковского [17].

Прослеживая элементы культуры западных славян, автор находит их на всех памятниках Верхнего Побужья. Так, полуземлянки с открытыми очагами встречены в Рипневе и на поселениях Грубешовского повета (Грудек Надбужны, Волаевицы, Стржижев). Височные кольца с S-видными окончаниями найдены в Подгорцах, Чермно и некоторых курганах. Сосуды с вертикальным горлом известны во Владимире Волынском и Вульке-Угрузке, шпоры с крючковидными окончаниями известны как на правом, так и на левом берегах Западного Буга.

Курганы с обрядом трупосожжения, открытые в Верхнем Побужье, автор относит к западнославянским памятникам на том основании, что на Руси в X в. обряд кремации сменяется ингумацией. Однако почти все приведенные А. Новаковским курганные материалы не датированы. В тех случаях, когда время насыпания курганов можно было установить, положение автора не подтверждается. Так, курганы с обрядом трупосожжения, исследованные в Подгорцах, относятся к IX—X вв. [18] и могли принадлежать и восточным славянам. В Новоселках Владимиро-Волынского района среди 58 курганов с обрядом трупоположения был один с сожжением [19], что свидетельствует только о более ранней дате этого последнего по сравнению с восточнославянскими курганами более позднего времени. Своеобразный большой курган у

---

[16] *R. Iakimowicz.* O pochodzeniu ozdób srebrnych znajdowanych w skarbach wczesnonistorycznych. WA, t. 12, 1933, s. 103—131.

[17] *J. Gurba.* Z problematyki osadnictwa wczesnośredniowiecznego na Wyżynie Lubelskiej. Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska, t. XX, 1965. Lublin, 1968, s. 50—54.

[18] *И. Д. Старчук.* Раскопки на городище Плиснеска в 1949 г. АП, 5, 1955, стр. 34.

[19] *О. Ратич.* Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957, стор. 12.

с. Гусынне Грубешовского повета датируется авторами раскопок концом X или началом XI в.[20] Характер этого памятника в общем остается неясным. Ю. В. Кухаренко сопоставляет с этим курганом большой курган в Пинске и полагает, что в нем захоронен славянский князь или предводитель дружины[21]. Курган у с. Гусынне представляет интерес не столько в этническом, сколько в социальном плане.

Переходя к распространению восточнославянских древностей на территории Верхнего Побужья, А. Новаковский справедливо отмечает характерные для восточных славян лесостепи квадратные и прямоугольные полуземлянки с печами. Далее автор приводит немногочисленные восточнославянские и древнерусские украшения (височные кольца, металлические браслеты, лунницы и др.).

Как уже отмечалось ранее, к числу древнерусских элементов, проникших в Побужье из Поднепровья, А. Новаковский причисляет и белоглиняную керамику. Автор полагает, что этот вид сосудов проник с русской ратью, пришедшей в Побужье с Владимиром Святославовичем в конце X в. Если бы это было так, то в Поднепровье, вероятно, была бы встречена более ранняя белоглиняная керамика, чем в Побужье. Между тем сосуды, изготовленные из белой глины, на территории древнего Червеня в небольшом количестве были встречены в его древнейшем культурном слое, относящемся к концу X в. В XI в. белоглиняные сосуды составляли 60 % керамического комплекса, причем на городище были найдены запасы белой глины. Любопытно, что в древней Вольыни (Грудке Надбужном) основания печей промазывались белой глиной[22]. Все это свидетельствует о том, что к концу I и началу II тысячелетия белоглиняные сосуды были элементами местной культуры.

Среди остальных материалов, свидетельствующих о культурном проникновении в Побужье древнерусской культуры,— шиферные пряслица, энколпионы, датировка которых выходит за хронологические рамки рассматриваемого периода, и некоторые другие единичные находки. Наконец, А. Новаковский в качестве характерно русских древностей отмечает курганы с обрядом трупоположения, среди которых особое место занимают погребальные памятники в Подгорцах (Плиснеске).

Переходя к географическому размещению городищ «волынского» типа и городищ с концентрическими валами, А. Новаковский обращается к карте, составленной П. А. Раппопортом, обращая внимание, что первые расположены южнее вторых. Причисляя к местным особенностям оборонительных сооружений каменные конструкции внутри вала в Плиснеске, А. Новаковский как бы забывает, что П. А. Раппопорт указал, что такие конструкции не типичны для древней Руси, но характерны для скифского времени, к которому относится часть укреплений памятника[23].

Переходя к географии распространения собственно побужской керамики, А. Новаковский выдвигает интересное положение о том, что здесь намечаются две области. Люблинская возвышенность, керамика которой имеет много сходства с польской, и собственно Волынь, для керамики которой характерен местный облик и большее техническое совершенство по сравнению с приднепровской. А. Новаковский снова отмечает в волынской керамике раннегончарную VII—VIII вв., керамику IX—X вв., в которой намечается проникновение западнославянских форм, и керамику XI в., где снова заметно проникновение западнославянских форм. Таким образом, южная часть рассматриваемой территории характеризуется «чистым» волынским типом.

Чрезвычайно важное значение имеет заключение рецензируемой книги. Большой интерес представляют карты, составленные автором. Наиболее густо представлены памятники по рекам Луг и Гучве, т. е. район Червеня, Волыня и Владимира Волынского. Второй, менее заселенный район — это территория Плиснеска — Бужска в истоках Западного Бута и, наконец, третий расположен в районе Холма по течению р. Угерки. При этом А. Новаковский обоснованно подчеркивает, что выделенные им

---

[20] *K. Żurowski, G. Mikolajczyk.* Sprawozdanie z badań kurhanu we wsi Husynne w pow. Hrubieszowskim w 1954. SpA, 1, 1955, s. 254—256.

[21] *Ю. В. Кухаренко.* Пинские курганы. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 87—90.

[22] *A. Abramowicz.* Ceramika z Czermna nad Huczwą. Archeologia Polona, t. 4. 1959. z. 1, s. 149—184. *M. Goździkiewicz.* Sprawozdanie tymczasowe z badań prowadzonych w 1954 r. na stanowisku 2 (podgrodzie) w Gródku Nadbużnym, pow. Hrubieszów. SpA II. 1956, s. 71, 72.

[23] *П. А. Раппопорт.* Военное зодчество..., стр. 131.

три области заселения появились не в итоге планомерного исследования всей территории Верхнего Побужья, а отражают реальные и далеко не полные сведения о ней. Поселения одной и той же культуры, размещенные по обоим берегам Западного Буга, как убедительно полагает автор, свидетельствуют о том, что эта река не являлась границей между разноплеменным населением.

А. Новаковский отмечает два ареала погребальных памятников: курганы с обрядом трупосожжения, концентрирующиеся в северо-западной части Верхнего Побужья, и курганы с обрядом ингумации, размещенные в его юго-восточной части. На уязвимость членения погребальных памятников указывалось выше. Элементом западнославянской культуры автор считает также городища с концентрическими валами, в противоположность местному характеру городищ волынского типа.

Смешанный характер, по мнению автора, имеет и домостроительство. Западный тип полуземлянок с очагами, если исходить из датировок автора, в Побужье существует лишь до IX в. и сочетается с находками шпор с крючковидными концами. Оба эти явления характерны для центральной части Верхнего Побужья и в виде исключения достигают на юге Рипнева.

Такое же членение на северную и южную часть Верхнего Побужья автор производит для керамики. Признавая ограниченность сведений о керамических комплексах, А. Новаковский тем не менее полагает, что в южной части территории распространена волынская керамика, а в северной — западнославянская. Нередко оказывается, что при этом обе категории керамики смешиваются.

Весь остальной немногочисленный материал Верхнего Побужья (украшения, оружие и др.) также, по мнению автора, отражает две культурные области Верхнего Побужья.

Таким образом, археологические материалы Верхнего Побужья, как полагает автор, делятся на две культурные провинции — северную и южную. В северной зоне, от устья Гучвы и Луга, сосредоточены городища с концентрическими валами, курганы с обрядом трупосожжения и наиболее характерная западнославянская керамика. В южной встречаются курганы с обрядом трупоположения, полуземлянки с печами и типичная волынская керамика. Изредка известны полуземлянки неправильной формы с очагами, курганы с обрядом трупосожжения и украшения, указывающие на проникновения западнославянской культуры.

Изучение материала приводит А. Новаковского к заключению, что северные районы Верхнего Побужья следует связывать с западнославянским населением. В южной части смешивается культура местная, восточно- и западнославянская. При этом западнославянское влияние прослеживается больше в начальный период (до IX в.), в то время как в более позднее время там появляется сильное восточнославянское воздействие.

Центральную и южную часть Верхнего Побужья автор рассматривает как зону контактов между польским и древнерусским населением. Мозаика культурных элементов в VIII—XI вв. не дает возможности установить этническую границу, и лишь с XI в. намечается преобладание в этом крае древнерусской культуры. А. Новаковский присоединяется к мнению К. Яжджевского о переходном характере этих земель.

Население здесь не было единым, и автор склоняется к мысли о том, что северную часть рассматриваемых им земель занимали лендзяне письменных источников. Однако границу этих племен можно наметить только с юга. На севере, востоке и западе она остается неустановленной. Южная часть, культуру которой нельзя причислить ни к русской, ни к польской, принадлежала бужанам. А. Новаковский отвергает дулебов как население этих земель, присоединяясь к тем авторам, которые локализуют последних в Чехии.

Выводы А. Новаковского, построенные на археологическом материале, бесспорно, представляют немалый интерес, хотя источниковедческое обоснование их выглядит иногда довольно шатким. Это касается в первую очередь территории, приписываемой лендзянам. Здесь до сих пор неизвестно ни одного жилища и, естественно, нет полуземлянок западнославянского характера. Отсутствие систематических раскопок не дает представления о керамическом комплексе. Найденная здесь керамика представлена единичными находками, а картографирование курганов с обрядом трупосожжения, не имеющих убедительных датировок, не дает желаемого результата.

До тех пор, пока на территории Холмской земли не будут произведены более или менее систематические раскопки, противопоставлять оба региона Верхнего Побужья нет никакой возможности.

При сравнительно небольшом количестве памятников, с которыми имеет дело автор (50 пунктов), допущены досадные пропуски, получившие отражение в картах, помещенных в конце книги. Выше мы отмечали, что в Головно помечено только открытое поселение и оказались неучтенными городище и курганы. При перечислении городищ с концентрическими валами на карте не нанесены два пункта. Один у с. Канье, пов. Холм, который кстати, упомянут в тексте, второй у с. Посадов на притоке р. Гучвы. Последний памятник, опубликованный в 1956 г., не учтен вовсе [24].

Подчеркивая незначительное распространение белоглиняной керамики в Верхнем Побужье, автор не учел еще четыре пункта, в которых эта керамика была найдена. Это Гусынне [25], Лежница, Литовеж и Устилуг [26]. Автор упорно помещает городище Старгород на левом берегу Западного Буга, хотя этот памятник, по-видимому являющийся остатком летописного города Всеволожа, расположен среди болотистой поймы на правом берегу Западного Буга [27]. В число памятников не включено поселение Ольшанка Волынской области, находящееся на правом берегу Западного Буга, на котором была найдена керамика X в.

Воздавая должное автору в его логичном стремлении систематизировать накопленный в Верхнем Побужье археологический материал, мы полагаем, что состояние этого материала таково, что спорить с автором или соглашаться очень трудно. Из двух этнических слагаемых этой земли одно (лендзяне) по существу не имеет своих специфических археологических памятников. К тому же автор счел возможным определить лендзян в качестве западнославянского, точнее, польского населения, в то время как этническая принадлежность синхронных им бужан не получает атрибуции и это население предстает как «местное», испытывающее влияние западных и восточных славян.

Несмотря на указанные недочеты, обусловленные как недостатком источников, так и некоторым субъективизмом автора, рецензируемая работа не лишена достоинств. Она представляет собой определенное, новое осмысление накопленного археологического материала Верхнего Побужья, этническая принадлежность населения которого в рассматриваемый период остается спорной.

Ф. Д. Гуревич

---

[24] *J. Gurba.* Wczesnośredniowieczne grodzisko w miejscowości Posadów, pow. Tomaszów Lubelski. WA, t. XXIII, z. 1, s. 112.

[25] *K. Żurowski, G. Mikolajczyk.* Op. cit., s. 255.

[26] *L. Rauhut.* Wczesnośredniowieczne materialy z terenów Ukrainy w Państwowym muzeum archeologicznym w Warszawie. Materiały wczesnośredniowieczne, t. V. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1960, s. 244, 245, 253.

[27] *П. А. Раппопорт.* Военное зодчество..., стр. 43.

ЗАРУБЕЖНЫЕ РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ *

Амусин И. Д. Тексты Кумрана. Вып. 1. М., 1971, 495 стр.
Rec.: Bardtke H.— Deutsche Literatur-Zeitung. Berlin, 1973, Jg. 94, H. 10—11, S. 688—691.

Античная цивилизация. М., 1973, 271 стр.
Rec.: Wasowicz A.— Archeologia. 25. 1974. Wrocław, 1975, s. 163, 164.

Артамонов М. И. Сокровища саков. М., 1973, 279 стр.
Рец.: Венедиков И. — Археология, София, 1975, т. 17, кн. 2, стр. 66, 67.

Археологія Української РСР. Т. 2. Скіфо-сарматска та антична археологія. Київ, 1971, 504 стор.
Rec.: Dušek M. Slovenská archeologia. Bratislawa. 1973, roč. 24, № 2, s. 472—474.

Ауліх В. В. Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині. Київ, 1972, 124 стор.
Rec.: Szymański W.— Archeologia Polski. Wrocław, 1974, t. 19, z. 1, s. 263—266.
Rec.: Nowakowski A.— Sprawozdania archeologiczne. Wrocław, 1975, t. 27, s. 330—335.

Ахраров И. А., Ремпель Л. И. Резной штук Афрасиаба. Ташкент, 1971, 158 стр.
Rec.: Brentjes B.— Bibliotheca orientalis. Leiden, 1973, Jg. 30, № 3—4, s. 301.
Rec.: Glaesser G.— East and West. Roma, 1974, vol. 24, № 1—2, p. 171—174.

Барцева Т. Б., Вознесенская Т. А., Черных Е. Н. Металл черняховской культуры. М., 1972, 119 стр.
Rec.: Kozłowska R.— Kwartalnik historii kultury materialnej. Warszawa, 1973, t. 21, № 3, s. 518—523.

Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М., 1971, 319 стр.
Rec.: Held W.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin, 1973, H. 7, S. 872.

Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси XII в. Владимир. Боголюбово. М., 1969,
Rec.: Widera B.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin, 1973, H. 7, s. 874.

Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II—V ст. н. е. Київ, 1972, 180 стор.
Rec.: Babes M.— Studii si cercetări de istorie veche si arheologice. Bucureşti, 1974, t. 25, № 2, s. 327—328.

Даркевич В. П. Путями средневековых мастеров. М., 1972, 191 стр.
Rec.: Onasch K. Deutsche Literaturzeitung. Berlin, 1974, Jg. 95, H. 6, S. 435, 436.

Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М., 1969, 191 стр.
Rec.: Dušek M.— Slovenská archeologia. Bratislava, 1975, roč. 23, № 2, S. 463, 464.

Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев VII—V вв. до н. э. М., 1971, 267 стр.
Рец.: Попов Вл.— Векове. София, 1972, т. I, кн. 4, стр. 81—82.

Искусство Древнего Египта. Живопись, скульптура, архитектура, прикладное искусство. М., 1972, 33 стр.
Rec.: Wehig S.— Asien, Afrika, Lateinamerika. Berlin, 1974, Bd. 2, H. 6, S. 1023.

Кетрару Н. А. Памятники эпох палеолита и мезолита. Кишинев, 1973, 177 стр.
Rec.: Bitiri M.— Studii si cercetări de istori veche si archeologie. Bucureşti, 1974, t. 25, № 3, p. 479—482.

Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э.— I в. н. э. М., 1973, 254 стр.
Rec.: Kuryłowicz M.— Czasopismo prawo historyczne. Poznań, 1975, t. 27, z. 181.

Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, 211 стр.
Rec.: Fodor I.— Acta historica. Budapest, 1973, t. 19, № 3—4, 426—430 old.
Rec.: Ecsedy J. Ural-Altaische Jahrbücher. Wiesbaden, 1974, Bd. 46, S. 182 сл.

Массон В. М. Поселение Джейтун. М., 1971, 208 стр.
Rec.: Krzak L.— Swiatowit. Rocznik Katedry archeologii pradziejowej i wczesnośredniowicznej Uniwersytety Warszawskiego, t. 34. Warszawa, 1975, s. 329—333.
Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, 191 стр.
Rec.: Glaesser G.— East and West. Roma, 1973, vol. 23, № 1—2, p. 204—207.

Нумизматика и эпиграфика, т. 9, М., 1971, 222 стр.
Rec.: Caspar H.— Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin, 1973, H. 6, S. 733.

Проблемы археологии и древней истории угров. Сборник статей советских и венгерских археологов. М., 1972, 312 стр.
Rec.: Péter V.— Ethnographia. Budapest, 1975, 86, évf., 1 sz., 222—226 old.

---

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в 1973—1975 гг.

Пугаченкова Г. А. Искусство Туркменистана. Очерк с древнейших времен до 1917 г. М., 1967, 327 стр.
Rec.: Glaesser G.— East and West. Roma, 1974, vol. 24, № 1—2, p. 164—168.

Рафалович И. А. Славяне VI—IX веков в Молдавии. Кишинев, 1972, 244 стр.
Rec.: Szymański W.— Kwartalnik historii kultury materialnej. Warszawa, 1974, r. 22, № 4, s. 718—720.

Ривкин Б. И. Античное искусство. М., 1972, 356 стр.
Rec.: Oppermann M.— Deutsche Literaturzeitung. Berlin, 1974, Jg. 95, H. 10, S. 733—736.

Римантене Р. К. Палеолит и мезолит Литвы. Вильнюс, 1971, 203 стр.
Rec.: Bănesz L.— Slovenská archeológie. Bratislawa, 1973, roč. 21, № 2, s. 474 сл.
Rec.: Chmielewska M.— Archeologia Polski. Wrocław, 1974, t. 19, z. 1, s. 247 сл.

Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, 295 стр.
Rec.: Andrejev N.— Slavic review. Seattle, 1974, vol. 33, № 4, p. 767, 768.

Рыбаков Б. А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972, 520 стр.
Rec.: Andrejev N.— Slavic review. Seattle, 1974, vol. 33, № 4, p. 767, 768.
Rec.: Slovenský přehled. Praha, 1974, № 1, s. 70.

Седов В. В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.
Rec.: Dostál B.— Sbornik praci filosofické fakulty Brnénské university. Rada archeologickoklasická (E), 1972, № 17, s. 151—154.

Соколов Г. И. Античное Причерноморье. Памятники архитектуры, скульптуры, живописи и прикладного искусства. Л., 1973, 191 стр.
Rec.: Wasowicz A.— Archeologia, 25, 1974. Wrocław, 1975, s. 164, 165.

Средневековые древности Восточной Европы. КСИА АН СССР, 129, М., 1972.
Rec.: Goehrke C.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1974, Bd. 22, H. 2, S. 283—286.

Стиль работы и полевой быт Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад, 1972. 106 стр.
Rec.: Glaesser G.— East and West. Roma, 1974, vol. 24, № 1—2, p. 168—171.

Третьяков П. Н. У истоков древнерусской народности. Л., 1970, 156 стр.
Rec.: Dostál B.— Sbornik praci filosofické fakulty Brnénské university. Rada archeologickoklasicka (E). 1972, № 17, s. 148—151.
Rec.: — Slovenský přehled. Praha, 1973, № 6, s. 503.

Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии. М., 1973, 411 стр.
Rec.: Diaconu P.— Studii si cercĕtari de istorie veche si archeologie. Bucureşti, 1974, t. 25, № 2, p. 325.

Федоров-Давыдов Г. А. Курганы, идолы, монеты. М., 1968, 152 стр.
Rec.: Donnert E.— Zeitschrift für Slawistik. Berlin, 1974, Bd. 19, H. 6, S. 811, 812.

Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, 180 стр.
Rec.: B. Sp.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Wiesbaden, 1974, Bd. 22, H. 2, S. 304, 305.

Чеботаренко Г. Ф. Калфа — городище VIII — X вв. на Днестре. Кишинев, 1973.
Rec.: Diaconu P.— Studii si cercĕtări de istorie veche si archeologie. Bucureşti, 1974, t. 25, № 3, p. 486, 487.

Черненко Е. В. Скифский доспех. Киев, 1968, 191 стр.
Rec.: Bukowski L.— Archeologia Polski. Wrocław, 1973, t. 18, z. 2, s. 558—565.

Чубинишвили Т. Н. К древней истории Южного Кавказа. Ч. I. Древняя культура Южной Грузии (V—III тыс. до н. э. и проблема становления куро-аракской культуры на Южном Кавказе). Тбилиси, 1971, 169 стр.
Rec.: Garsoian N. G.— American historical review. Washington, 1974, vol. 79, № 5, p. 1525, 1526.

Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971, 323 стр.
Rec.: Kuriłowicz M.— Czasopismo prawno-historyczne. Poznań, 1974, t. 26, z. 2, s. 268, 269.

Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X—XV вв. Т. 1—2, 1970. (Т. 1 — 326 стр. Т. 2 — 367 стр.).
Rec.: Haisig M.— Studia Zródloznawcze, 18. Warszawa — Poznań, 1973, s. 249 сл.
Kashtanov S. M.— Slavic review. Seattle, 1974, vol. 33, № 1, p. 119—123.
Langer L. N.— Slavic review. Seattle, 1974, vol. 33, № 1, p. 114—119.

Хроника

К СТОЛЕТИЮ МИНУСИНСКОГО МУЗЕЯ

Исполняется 100 лет со дня основания Минусинского музея, носящего имя его основателя — Н. М. Мартьянова. Уже в конце XIX в. Минусинский музей был широко известен не только в нашей стране, но и за ее пределами, причем в значительной мере благодаря его уникальному археологическому собранию [1] (см. фото). Это собрание вместе с поступившими в музей в советское время материалами раскопок помогло «заговорить языком истории всей массе сибирских древностей» [2].

Основатель Минусинского музея Николай Михайлович Мартьянов — типичный разночинец, сын лесного объездчика Виленской губернии, вынужден был зарабатывать на жизнь собственным трудом с 16 лет. В то же время он много внимания уделял самообразованию и сбору коллекций. Молодые годы Н. М. Мартьянов провел в Царском Селе, Петербурге, Москве, Казани, где посещал музеи и выставки. «Музеи — пишет А. А. Формозов,— представлялись Н. М. Мартьянову очагами культуры, с помощью которых со временем удастся рассеять темноту русской жизни» [3].

Страстный натуралист, коллекционер и краевед, Н. М. Мартьянов прибыл в Минусинск в начале 1874 г. как провизор аптеки доктора А. В. Малинина, движимый идеей организации краеведческого музея. Энергичный, настойчивый, целеустремленный, Н. М. Мартьянов посвятил этому всю свою жизнь. С первых же дней пребывания в Минусинске он начал совершать поездки по округу и собирать материал для будущего музея. В Минусинске Н. М. Мартьянов нашел благоприятную почву для своей деятельности. Вокруг себя он сплотил кружок преданных науке сотрудников из среды местной интеллигенции и политических ссыльных. Н. М. Мартьянову удалось заинтересовать научным коллекционированием широкие круги минусинцев, и к нему вскоре стали стекаться всевозможные находки.

10 января 1877 г. Н. М. Мартьянов подал в Минусинскую городскую думу заявление с предложением открыть музей. Предложение было принято и Н. М. Мартьянов передал все собранные коллекции новому музею. Этот день и принято считать днем основания музея.

Первоначально профиль Минусинского музея был естественноисторическим. Комплектуя коллекции для будущего музея, Н. М. Мартьянов, по его собственному признанию, не думал об открытии при нем отдела местных древностей. Вскоре в дар от золотопромышленника П. И. Кузнецова, отца археолога-мецената И. П. Кузнецова, в музей поступила небольшая коллекция местных древностей. Эта коллекция положила начало сбору археологических материалов. В первые годы существования музея приток археологического материала был случайным, единственным источником были частные пожертвования. В дальнейшем Н. М. Мартьянов стал выделять из скудного бюджета музея средства на приобретение древностей.

Почти лишенный государственной финансовой поддержки, музей существовал на частные пожертвования. Круг лиц, способствовавших своими вкладами формированию археологических коллекций музея, был весьма широк. Среди дарителей музея мы видим ученых, политических ссыльных, представителей интеллигенции, учащихся, купцов и чиновников, крестьян. «Отчеты музея показывают,— писала газета „Восточное обозрение“,— что главное содействие музей встречает у людей небогатых и создается он на их грошовые средства» [4].

Научно-просветительский, демократический характер Минусинского музея, отсутствие казенщины и рутины привлекали в музей многочисленных преданных делу сотрудников, принимавших участие в сборе и изучении коллекций. Среди сотрудников, активно содействовавших научной обработке собраний музея, следует особо отметить политических ссыльных.

---

[1] *М. А. Дэвлет.* Очерк комплектования, изучения и экспонирования археологических коллекций Минусинского музея. Очерки по истории музейного дела в СССР. М., 1963, стр. 327—372.

[2] *С. В. Киселев.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 6.

[3] *А. А. Формозов.* Материалы по истории русских музеев. СА, 1965, 4, стр. 280.

[4] *Н. М. Ядринцев.* Частная инициатива в деле общественных учреждений. «Восточное обозрение», Иркутск, 1882, 12, стр. 2.

Минусинский музей. Экспозиция 1890 г.

В Минусинском крае отбывали ссылку представители трех поколений русских революционеров — декабристы, народники и социал-демократы. Ф. Я. Кон в своих воспоминаниях писал, что не было ни одного политического ссыльного ни в самом Минусинске, ни в округе, ни даже за пределами Минусинского округа, который не был бы в переписке с Н. М. Мартьяновым, по тем или иным вопросам не обращался к нему, и не получал книг из библиотеки музея [5]. В период сибирской ссылки в музее бывал и пользовался книгами из его библиотеки Владимир Ильич Ленин [6].

В адресе, прочитанном Н. М. Мартьянову Ф. Я. Коном от лица политических ссыльных в дни празднования 25-летнего юбилея музея, говорилось: «Оторванные от жизни и тех интересов и целей, которые составляли ее содержание, здесь в Минусинске, в Вас и в созданном Вами музее мы нашли частичку того, чего лишились. Вы и музей дали нам возможность продуктивно работать на ниве науки и просвещения. Вы и музей создали благоприятные условия для этой работы» [7].

В собирании и изучении археологического материала принимали непосредственное участие такие политические ссыльные, как Д. А. Клеменц — один из основателей общества «Земля и Воля», ученый и писатель, отбывавший с марта 1883 г. ссылку в Минусинске; Е. К. Яковлев, высланный за участие в организации «Социально-Революционной партии Народного права»; Е. В. Барамзин, социал-демократ, участник «Съезда 17-ти социал-демократов» в с. Ермаковском в 1899 г. под руководством В. И. Ленина по поводу «Credo» экономистов; Ф. Я. Кон, высланный по делу польской социалистической партии «Пролетариат», и др.

Первое место среди упомянутых политических ссыльных, сотрудничавших в музее, в деле изучения древнейшего прошлого Южной Сибири по праву принадлежит Д. А. Клеменцу, автору «Древностей Минусинского музея» [8].

Е. В. Барамзин составил описание глиняных сосудов Минусинского музея из курганов, раскопанных А. В. Адриановым, и проиллюстрировал этот каталог 24 карандашными рисунками наиболее типичных форм [9]. Е. К. Яковлев составил каталог

[5] *Ф. Я. Кон.* За пятьдесят лет. Собр. соч., т. 2. М., 1933, стр. 240.

[6] *Г. П. Яворский, Н. М. Мартьянов.* Абакан, 1961, стр. 12, 13.

[7] *Ф. Я. Кон.* Минусинский музей. «Сибирская жизнь», Томск, 1902, № 19, стр. 2.

[8] *Д. А. Клеменц.* Древности Минусинского музея. Томск, 1886; *М. А. Дэвлет.* Д. А. Клеменц как археолог. СА, 1963, 4, стр. 3—9.

[9] Отчет по Минусинскому местному музею и общественной библиотеке за 1901 г. Красноярск, 1901, стр. 21.

коллекции каменных баб музея, он же фотографировал древности для Археологической комиссии.

Не имея материальных возможностей для проведения стационарных полевых исследований, Минусинский музей тем не менее был опорным пунктом в деле изучения края и его археологических памятников, способствовал росту местных научных кадров. Вокруг музея сплотились исследователи, проводившие раскопки в крае,— Д. А. Клеменц, А. В. Адрианов, И. П. Кузнецов, И. Т. Савенков, И. С. Боголюбский.

В изучении археологических коллекций Минусинского музея принимали участие не только отечественные, но и иностранные специалисты. Шведский ученый ориенталист Ф. Р. Мартин, посетивший музей в 1891 г., издал в Стокгольме альбом бронзовых произведений древнего искусства из собрания музея [10]. Познакомиться с археологическими коллекциями Минусинского музея приезжал французский археолог барон де Бай. Деятельность музея привлекла внимание финских археологов, организовавших ряд экспедиций. Представленные на VI археологическом съезде в Одессе рисунки с «руническх» камней, хранящихся в Минусинском музее, обратили внимание профессора И. Р. Аспелина. Финские археологи А. Гейкель, И. Аспелин, Х. Аппельгрен-Кивало, производившие исследования в 1887—1889 гг. по поручению Финляндского археологического общества в долине Среднего Енисея, работали в фондах музея.

Познакомиться с жемчужиной, чудом Сибири, как часто называли Минусинский музей, съезжались жители многих сибирских городов, крестьяне из окрестных сел. В 1881 г. в городе с четырехтысячным населением музей посетило 2 тыс. человек, а в 1904 г. число посетителей достигло 8—9 тыс. Во время летних каникул в Минусинск регулярно приезжали ученики красноярских училищ на экскурсии. «Объясняющие коллекции,— писал Ф. Я. Кон,— развертывали перед юными слушателями загадочный клубок прежнего развития народов, то указывая в постепенном порядке на предметы, иллюстрирующие эволюцию орудий, то отмечая общность происхождения многих верований, зарождая этим в юные головы искорки сознательного отношения к окружающим явлениям» [11].

С момента возникновения Минусинского музея Н. М. Мартьянов мечтал об организации при нем на базе музейных коллекций лектория. В музее был создан специальный образовательный отдел, где сосредоточивались коллекции наглядных пособий для лекций. В число этих пособий входили и археологические материалы. Н. М. Мартьянов начал чтение лекций, вызвавших большой интерес у слушателей, но вскоре был вынужден прекратить начатое дело, так как царская полиция напала на след переписки, которую с его помощью политические ссыльные вели с «внешним миром».

Со своими археологическими коллекциями Минусинский музей выступал на многих выставках: в 1891 г. в Красноярске, в 1892 г. в Москве на Международном конгрессе по археологии и доисторической антропологии, в 1896 г. на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде, на Всемирной выставке в Париже в 1900 г. На выставках коллекции музея имели неизменный успех, удостаивались почетных дипломов.

Отъезд из Минусинска политических ссыльных, активно работавших в музее, и смерть Н. М. Мартьянова привели в середине первого десятилетия XX в. к временному упадку музея; поступление археологических находок резко сократилось.

В первые десятилетия своего существования Минусинский музей, собрав огромный археологический материал, создал значительную базу для развития науки. Однако до революции музей не имел ни средств, ни разрешения на проведение самостоятельных полевых исследований, хотя вопрос о необходимости раскопок ставился с первых лет существования музея. Мечта Н. М. Мартьянова о самостоятельных археологических раскопках музея не осуществилась. Из материалов, добытых путем полевых исследований, музей получил лишь небольшую коллекцию из раскопок И. Т. Савенкова на Афонтовой горе, инвентарь из кургана на Тагарском острове, раскопанного для музея А. В. Адриановым на средства, пожертвованные для этой цели, а также сосуды из раскопок, произведенных А. В. Адриановым по поручению Археологической комиссии.

Дореволюционное собрание древностей Минусинского музея состояло в основном из случайных находок и подъемного материала, который мог стать источником для воссоздания древней истории края лишь при наличии широко поставленных планомерных раскопочных работ на базе новой методики.

В 1920 г. первую археологическую поездку по Минусинскому краю совершил С. А. Теплоухов. Еще в 1913 г., проезжая через Минусинские степи в Туву, где он работал как орнитолог, С. А. Теплоухов видел множество курганов, познакомился с красочным бытом хакасов, побывал в Минусинском музее и твердо решил, что будет заниматься археологией этого района. В результате планомерных исследований 1920—1928 гг. С. А. Теплоухов создал четкую периодизацию древних памятников

---

[10] *F. R. Martin.* L'âge du bronze au Musée de Minoussinsk. Stokholm, 1893.

[11] *Ф. Я. Кон.* Исторический очерк Минусинского местного музея, Казань, 1902, стр. 143.

бассейна Среднего Енисея, в значительной мере основанную на изучении коллекции Минусинского музея.

В 1923 г. В. А. Городцов по заданию Главнауки совершил поездку по Сибири с целью обследования музеев. Он посетил Минусинский музей, где рекомендовал расширить экспозиционную площадь археологического отдела и увеличить количество экспонатов в экспозиции. В 1927 г. Минусинский музей направил в Государственную Академию истории материальной культуры ходатайство о разрешении на проведение раскопок. В 1928 г., воспользовавшись рекомендацией ГАИМК, Минусинский музей пригласил для проведения археологических раскопок и разведок аспиранта Научно-исследовательского института археологии и искусствознания РАНИОН С. В. Киселева.

Еще совсем молодой ученый, но уже необычайно целеустремленный и глубоко эрудированный, С. В. Киселев с энергией и страстностью, свойственными его натуре, принялся за изучение далекого и малоисследованного края [12].

В 1929 г. С. В. Киселев продолжил разведки и раскопки, которые увеличили археологическую коллекцию музея более чем на 500 предметов. Кроме того, С. В. Киселевым были сняты эстампажи более чем с 80 писаниц, с которых для музея были сделаны копии. Материалы раскопок 1928—1929 гг. обогатили коллекционный фонд музея, внесли в него научную систему. Используя материалы этих раскопок, а также другие коллекции Минусинского музея, С. В. Киселев в дальнейшем впервые смог перейти к широким историческим обобщениям, впоследствии нашедшим отражение в экспозиции Минусинского музея.

К изучению археологического собрания Минусинского музея С. В. Киселев возвращался и в дальнейшем.

В капитальной монографии С. В. Киселева «Древняя история Южной Сибири» подробное рассмотрение материалов Минусинского музея занимает важное место.

С 1930 г. в течение 17 лет в Минусинском музее работала В. П. Левашова. Ученица В. А. Городцова, ориентировавшего своих учеников на исследование малоизученных в археологическом отношении областей, В. П. Левашова после окончания Московского университета работала в Омске, где сформировался ее интерес к сибирской археологии. Переехав в Минусинск, В. П. Левашова активно включилась в работу музея, занялась обработкой материала, перестройкой экспозиции, производила раскопки. Приступая к работе в Минусинском музее, В. П. Левашова решила прежде всего проверить сведения дореволюционных исследователей о наличии археологических памятников.

Задачей полевых исследований ставилось пополнение недостающих материалов в экспозиции. В 1930—1931 гг. был взят курс на изучение погребений эпохи бронзы, исследования 1933—1938 гг. были направлены на изучение памятников I тысячелетия: таштыкских, енисейских кыргызов, а также большое внимание было уделено изучению древних железоплавилен с целью выяснения производственных процессов и техники обработки металлов древним населением края. В 1938 г. в археологические работы Минусинского музея включился Хакасский областной музей, а в 1939 г.— Красноярский краевой музей.

Археологической конференцией Наркомпроса в апреле 1939 г. был утвержден пятилетний план сплошного обследования и учета археологических памятников силами четырех музеев (Красноярского, Минусинского, Хакасского и Ачинского), который должен был проводиться в жизнь под общим руководством археолога Минусинского музея В. П. Левашовой. С 1941 г. Минусинский музей был включен в общий 15-летний план сплошного археологического обследования РСФСР, утвержденный Наркомпросом. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. помешала выполнению этих планов. Однако и в тяжелых условиях войны музей не прекратил археологические исследования. В 1942 г. археологический отряд вошел в состав комплексной экспедиции по выявлению местных сырьевых ресурсов. Археологи учитывали и выявляли археологические памятники по маршруту экспедиции. Кроме учета памятников для каталога археологической карты разведка 1942 г. занималась выяснением района распространения древних культур к югу от Минусинска.

Уже после отъезда из Минусинска В. П. Левашова приезжала в музей для перестройки экспозиции с учетом нового уровня археологических знаний о крае. Большую помощь в этом деле оказал ей Л. Р. Кызласов.

С 1959 г. работает в музее Н. В. Леонтьев. Им вновь перестроена экспозиция в соответствии с современными требованиями. Специалист по окуневскому искусству, Н. В. Леонтьев провел большую работу по выявлению и фиксации наскальных рисунков окуневской культуры, в частности в труднодоступных горно-таежных районах, проводил сплошное археологическое обследование района. Существенный вклад в дело учета и хранения археологических коллекций внесла старейший сотрудник музея Н. В. Тихонова.

Более полутора десятилетий работает на Среднем Енисее Красноярская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР, руководимая из-

[12] *С. В. Киселев.* Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г. Ежегодник Государственного музея имени Н. М. Мартьянова, т. VI, вып. 2. Минусинск, 1929.

вестным советским археологом М. П. Грязновым, начавшим свои работы в этих краях еще в экспедиции С. А. Теплоухова.

Как и во времена Н. М. Мартьянова, Минусинский музей оказывает доброжелательную и действенную помощь всем экспедициям и исследователям, работающим в этом богатом археологическими памятниками крае.

М. А. Дэвлет

АНТИЧНЫЕ, ВИЗАНТИЙСКИЕ И МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ (ВСЕСОЮЗНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ТБИЛИСИ, 1975 г.)

Темы, предложенные инициативной группой, организовавшей Всесоюзную конференцию в Тбилисском государственном университете, которая состоялась в мае 1975 г., привлекли видных ученых Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Баку, Владимира, Воронежа, Чернигова, Кишинева, Саратова, а также зарубежных исследователей из Йенского университета, из Берлина, Лейпцига, Бонна и Софии. Было заслушано около 100 докладов [1].

Проблемы взаимодействия античного мира и Византии, с одной стороны, и Восточного Черноморья — с другой, чрезвычайно сложны, многоплановы, поскольку речь идет о взаимодействии разнотипных обществ. При этом поднимаются вопросы весьма разнохарактерных контактов (политических, социальных, экономических, культурных), протекающих в самых различных исторических условиях в течение нескольких тысячелетий [2]. Наиболее активные контакты приходятся на античное и византийское время. В этот наиболее освещенный период альтернатива Запад — Восток сложна и многопланова, несмотря на то, что по этим эпохам имеется самый разнообразный материал, включая и наиболее достоверный — письменные источники.

На пленарном заседании конференции акад. Б. Б. Пиотровский выступил с докладом о наиболее древних связях Кавказа со Средиземноморьем, которые можно проследить по археологическим материалам II тысячелетия до н. э. Большой интерес вызвал совместный доклад профессоров Тбилисского университета А. В. Урушадзе и О. Д. Лордкипанидзе «Колхида мифическая и реальная», в котором сопоставлялись мифологические свидетельства о Колхиде с реальными археологическими открытиями кладов и захоронений, содержащих громадное количество первоклассных местных ювелирных изделий из золота. Д. Б. Шелов в своем выступлении сообщил о роли Колхиды в военно-политической истории эпохи Митридатовых войн. Доклад проф. Й. Ирмшера (Берлин) «К толкованию античности нашей социалистической действительностью» заключал пленарное заседание конференции.

Заседания последующих дней проводились параллельно в трех секциях. На первой секции рассматривались проблемы древнейших средиземноморских цивилизаций на базе языковых и культурных взаимоотношений. Большой интерес вызвали доклады, заслушанные на этой секции: А. И. Болтуновой «Аргонавты и Колхида», Г. А. Кавтарадзе «К вопросу о взаимоотношении раннебронзовых культур Центральной Анатолии и Северного Кавказа», Ш. Дедабришвили и Г. Мирцхулава «Куро-аракская культура и Центральная Европа». Методике этнической атрибуции греко-язычного ономастического материала был посвящен доклад Ю. Г. Виноградова.

На второй секции зачитывались доклады по проблемам античной колонизации и античным культурным влияниям на Востоке. В докладе проф. О. Д. Лордкипанидзе «Античный мир и восточное Причерноморье» на археологическом материале рассматривались основные аспекты длительного взаимовлияния Колхиды и Иберии с античным миром. По мнению докладчика, наличие в местной культуре черт, характерных для всего античного мира, не следует переоценивать: в этот период интенсивно развивались многие отрасли местной культуры, не затронутые античным влиянием, в том числе ювелирное дело, торевтика и особенно художественная обработка бронзы. Унификация ремесленных изделий, изготовляемых в различных городских центрах Колхиды, начиная с эпохи бронзы, рассматривается автором как отражение культурного единства Колхиды, из чего следует заключение: Колхида избежала наи-

---

[1] Античные, византийские и местные традиции в странах Восточного Причерноморья. Тезисы конференции. Тбилиси, 1975.

[2] *О. Д. Лордкипанидзе.* Античный мир и восточное Причерноморье. ТГУ, 1975, стр. 3. (Следует отметить, что интерес к этой проблеме за последнее время сильно возрос, так как Тбилисская конференция явилась третьей, после всесоюзной конференции в Эрмитаже 19—21 ноября 1973 г. «Античные города Северного Причерноморья и варварский мир» и второй, проведенной 9—13 декабря 1974 г. Государственным музеем искусства народов Востока в Москве. «Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока».— *И. П.*)

более сильных воздействий эллинизации, ярко наблюдаемых в областях греческой колонизации.

И. Б. Брашинский в своем выступлении «Греко-варварская торговля античного Причерноморья и ее особенности в Колхиде» подчеркнул, что в некоторых районах, где уровень политической организации местного общества достиг высокой ступени (фракийцы Западного Понта, колхи Восточного Причерноморья), греко-варварская торговля уже в раннее время (VI—IV вв. до н. э.) носила товарно-денежный характер. Здесь импорт вина не играл сколько-нибудь существенной роли, значение импорта керамики, а также дорогих украшений было меньше, чем на других территориях Причерноморья, где торговый обмен на протяжении веков состоял именно из этих изделий и оставался на уровне натурального безденежного товарного обмена (греко-скифский обмен VII—III вв.). В силу этого греко-варварская торговля в Колхиде, служившая источником сырья и других товаров для Греции, была в целом активной для Колхиды. По мнению И. Б. Брашинского, торговый обмен осуществлялся в контактных зонах — в самих греческих колониях или в крупных варварских поселениях, выполнявших для греков роль торговых «факторий» или «эмпориев».

Сообщение М. П. Инадзе «Из истории греческой колонизации Колхидского побережья» было посвящено отражению колонизационной деятельности Хиоса, Родоса (Пичвнари, Батумис-цихе) и Милета (Фасис, Диоскурия) в письменных источниках и импортной керамике. Докладчик высказала точку зрения, что Фасис и Диоскуриада развивались как города со смешанным населением, причем греческое и местное население занимало отдельные кварталы. М. П. Инадзе считает вероятным, что первоначально здесь были сравнительно сильны перенесенные из метрополии полисные традиции: культы, определенное внутреннее устройство, правопорядки, о чем, помимо косвенных данных свидетельствует написание «Политии фасианов» (жителей города Фасиса), приписываемое Аристотелю. Со временем существовавшие на колхидском побережье города с греческим элементом подвергаются определенной трансформации. Со второй половины V в. до н. э. внешние экономические связи Колхидского побережья сосредотачиваются в руках представителей торговых кругов Аттики, а после ослабления могущества Афин — Синопы, в результате чего происходят некоторые изменения в составе и образе жизни греческого населения, а также в облике греческих кварталов.

А. И. Немировский в докладе «Колхида, Иберия и держава Митридата» подробно осветил вопросы региональной политики этого времени. Колхида должна была служить опорной базой для борьбы Митридата с воинственными горными племенами Кавказского побережья, так и не покоренными Митридатом. Порты Колхиды — Фасис, Диоскуриада и др.— были стоянками понтийского флота, ведшего борьбу с пиратами. Колхида поставляла необходимое Понту сырье: лес, лен, а также золото. Дружественная позиция Иберии к Понту особенно отчетливо проявилась на заключительном этапе Митридатовых войн. Выступая в поддержку Митридата, иберы навлекли на себя римское нашествие. Разобщенность кавказских народов, отсутствие опыта ведения войны с хорошо обученными римскими армиями были причинами военных неудач иберов и колхов.

Своеобразным тематическим продолжением последнего сообщения явился доклад Н. Ю. Ломоури «Социально-экономические основы грузинско-римских взаимоотношений». Римляне не смогли более или менее прочно утвердиться не только в Иберии, фактически всегда остававшейся независимым государством, но даже и в Колхиде, в течение ряда веков формально входившей в сферу политического господства Рима. Экономические связи между Римом и грузинскими государствами также были неглубокими и не играли значительной роли в экономике последних. Ограниченным было и воздействие римско-эллинистической культуры на культурную жизнь Иберии и Колхиды.

Г. Ф. Дундуа в своем сообщении рассказал о результатах изучения экских кладов 20-х годов III столетия н. э., позволивших установить, что Колхиде угрожала военная опасность, о которой письменные источники умалчивают.

Целый ряд докладов был посвящен духовной культуре Армении. Академик АН Арм. ССР Б. Н. Аракелян сделал сообщение «Эллинистические традиции в культуре древней Армении». Б. Н. Аракелян на многочисленных примерах показал влияние эллинистических достижений градостроительства на принципы планировки городов и крепостей древней Армении. Значительный памятник архитектуры — Гарнийский храм (восстановленный полностью А. А. Саинияном), архитектурное убранство остальных сохранившихся зданий, монументальная живопись и мозаика являются яркой иллюстрацией силы эллинистических традиций в Армении. Скрещивание местных и эллинистических традиций, имевшее место в религии, нашло обширное и всестороннее выражение и во многих областях материальной культуры и прикладного искусства. Античные традиции в культуре древней Армении были устойчивыми, сохранялись долго и сыграли значительную роль в литературе Армении раннефеодальной эпохи. Член-кор. АН Арм.ССР Г. Х. Саркисян изложил свои взгляды «О чертах эллинизма в духовной культуре древней Армении».

Несколько докладов, зачитанных на этой секции, было посвящено результатам раскопок и археологическому материалу. Б. Бетгер (Берлин) в своем выступлении рассмотрел надписи краской (дипинти) как источник для изучения римской тор-

говли. Г. А. Тирацян рассказал о последних раскопках в древнем Армавире урартского, эллинистического и средневекового периодов. Г. А. Лордкипанидзе сделал доклад о фортификации Ванского городища. И. Р. Пичикян — о методике реконструкций античных ордерных зданий по отдельным сохранившимся фрагментам. Особенный интерес вызвало сообщение Ю. М. Гагошидзе об открытии уникального храмового комплекса близ деревни Дедоплис Миндори в Восточной Грузии. Раскопками выявлены: главный и малый храмы, восточные и западные пропилеи, ведущие во внутренний квадратный двор (90×90 *м*). Деревянные перекрытия храмов поддерживали колонны, белокаменные капители которых были украшены рельефными лепестками лотоса, пальметтами и розетками. Портики Главного храма имели плоскую глинобитную кровлю с ложным куполом балочной конструкции в центре над алтарем. Стены храма были расписаны. Особенности архитектуры храма и применение при его сооружении строительных приемов древнего и эллинистического Востока (Персеполь, Сузы, Ниса, набатейские храмы в Сирии) свидетельствуют, что этот памятник является первым крупным храмовым комплексом древневосточного типа, выявленным на территории Закавказья. Местонахождение и размеры храма, построенного в пределах домена грузинских царей, говорит в пользу общегосударственного значения культа, которому он посвящен.

Был заслушан целый ряд докладов по литературным источникам и изобразительному искусству, прочитанных зарубежными коллегами, из которых следует отметить: Й. Вернера (Лейпциг) «Демокрит и восточный мир», Р. Мюллера (Берлин) «Платон и Восток. К антитезе эллины — варвары», Д. Лотце (Йена) «Формы зависимости в дофеодальных обществах», М. Симон (Йена) «Восточные понятия у Горация» и В. Цинзерлинг (Йена) «Об изображении Медеи в греческом и римском искусстве».

На третьей секции были зачитаны доклады, посвященные Византии и грузинской культуре и взаимоотношению Византии с Востоком. М. Д. Лордкипанидзе в докладе «К вопросу об использовании античных и византийских письменных источников в грузинской историографии» рассмотрела тесные политические и культурные контакты Грузии с античным миром и Византией, обусловившие наличие богатой информации о Грузии в античных и византийских источниках и определившие знакомство грузинских историков с данными греко-римской и византийской историографии.

А. А. Дерюгин в сообщении «Гомер в переводе В. К. Тредиаковского» отметил что в результате длительных и плодотворных контактов Восточного Причерноморья с античным миром классическая литература Грузии носит следы влияния Древней Греции, и в первую очередь Гомера. Филологический анализ влияния Гомера на литературу Грузии ранневизантийского времени дан в докладе А. В. Урушадзе «Гомер и передача дактилического гекзаметра в древнегрузинской литературе».

В докладе член.-кор. АН АрмССР В. С. Налбандяна «Становление древнеармянской литературы. Роль античных и местных традиций» были прослежены трансформации некоторых поэтических ситуаций и категорий античной эстетики в армянской эстетической мысли.

Ряд докладов был посвящен средневековой архитектуре и изобразительному искусству. А. В. Банк изложила свои взгляды на взаимоотношения Византии и Востока по материалам художественного металла. На раннем этапе (VI—VII вв.) при господствующей роли греко-римских традиций можно наблюдать сирийские элементы на группе серебряных изделий с христианскими изображениями. В период, близкий арабским завоеваниям, византийские прототипы легли в основу среднеазиатских и сиро-египетских памятников. На заключительном этапе византийского сереброделия можно наблюдать совмещение образов, насыщенных чертами так называемого палеологовского стиля, и орнаментальных деталей со следами восточного воздействия. И. Лордкипанидзе изложила свои наблюдения над росписью придела Вамека Дадиани в Хобском монастыре, отдельные части которой принадлежат к XIII, XIV и XVII вв. Некоторым аспектам грузинской архитектуры Черноморского побережья был посвящен доклад Л. Д. Рчеулишвили. На примерах анализа купольных храмов в Бзыби, Лыхне, Анакопия, Мокви и некупольных – в Дзвели Гагра, Миуссера, Гантиади и др. было показано слияние форм, выросших на местной почве с воспринятыми из Византии, причем последние осмыслялись и перерабатывались согласно местным художественным вкусам.

Бачковскому монастырю было посвящено два доклада: Э. Бакаловой (София) «Взаимосвязь византийских, грузинских и болгарских средневековых традиций во фресках церкви-гробницы Бачковского монастыря» и Р. Г. Сирадзе «Новооткрытая древнегрузинская надпись из кострицы Бачковского монастыря».

Участники конференции побывали в Мцхете на раскопках древней столицы Грузии, осмотрели памятники средневекового зодчества — Светицховели, Джвари и Самтавро. Были проведены экскурсии по Государственному музею Грузии и картинной галерее. Наиболее сильное впечатление на участников конференции произвел осмотр золотой кладовой Государственного музея Грузии. После закрытия конференции была проведена экскурсия в Боржоми и Вардзия — средневековый пещерный город и монастырь (XII—XVI вв.).

Проведенная конференция способствовала более углубленному изучению культуры Колхиды и Иберии и взаимных связей эллинской и восточной цивилизаций.

И. Р. Пичикян

IV МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ФИННОУГРОВЕДОВ В БУДАПЕШТЕ, 1975 Г.

ДОКЛАДЫ АРХЕОЛОГОВ НА IV МЕЖДУНАРОДНОМ КОНГРЕССЕ ФИННОУГРОВЕДОВ

Будапештский конгресс 9—15 сентября 1975 г. был четвертым международным форумом финноугроведов. Как известно, первый конгресс состоялся 15 лет назад в Будапеште (1960), второй — в Хельсинки (1965), третий — в Таллине (1970).

В IV конгрессе приняли участие ученые из 25 стран (в том числе из США, Южной Америки и Японии), всего 674, а вместе с приславшими доклады 702 человека. Наиболее представительными были делегации СССР — 216 чел., Венгрии — 211 чел. и Финляндии — 193 чел. Из СССР приехали на конгресс около 190 чел., включая 35 студентов из Эстонии. В нашей делегации были представлены научные организации Ижевска, Йошкар-Олы, Казани, Киева, Ленинграда, Москвы, Новосибирска, Петрозаводска, Риги, Саранска, Сыктывкара, Таллина, Тарту, Томска, Уфы, Ханты-Мансийска и Чебоксар. Главой советской делегации был акад. А. П. Окладников.

Работа конгресса протекала в форме пленарных заседаний и в четырех секциях: лингвистической, этнографической, археолого-историко-антропологической, литературоведческой, в обсуждениях специальных тем за круглым столом, тесно связанных с работой секций, а также в особой секции докладов на свободные темы.

Кроме того, демонстрировались многочисленные кинофильмы по финно-угорской тематике, большая книжная выставка и специальная этнографическая выставка, организованная в Будапеште Ленинградским музеем антропологии и этнографии Академии наук СССР. По окончании конгресса состоялась двухдневная экскурсия по стране. В вечерние часы происходили официальные приемы в Президиуме Венгерской Академии наук, в финляндском и советском посольствах, у председателя Президиума Верховного Совета ВНР и у отдельных венгерских ученых. В день открытия конгресс приветствовал председатель Президиума Верховного Совета Венгерской Народной Республики Пал Лошонци.

На пленарных заседаниях были заслушаны доклады Г. Лако (Венгрия) «Пути и методы в финноугроведении», К. Вилкуна (Финляндия) «Языковая граница, этническая граница, культурная граница», Б. А. Серебренникова (СССР) «Праязык как необходимая модель», А. И. Йоки (Финляндия) «Родство и интерференция в языках североевропейского ареала» и В. Шлахтера (ФРГ) «Глагол и его синтаксис». На пленарных заседаниях состоялся также ряд содокладов, среди которых был и содоклад А. Х. Халикова (Казань) на тему «Финно-угры в Восточной Европе по данным археологии» — единственное археологическое сообщение на пленуме.

По мнению А. Х. Халикова, «определенные элементы сходства, наблюдаемые в культурах эпохи мезолита лесной полосы Западной Сибири и Восточной Европы (Андреевка-Деуково-Вис-Суомсъярви-Кунда), сопровождающихся в этих же широтах распространением до Прибалтики в позднемезолитических могильниках (Звениеки, Олений остров) монголоидных антропологических типов, позволяет ставить вопрос о проникновении уже в раннем голоцене (около 8—7 тысяч лет назад) предков финно-угорских племен до Восточной Прибалтики». «В эпоху раннего неолита (V—IV тысячелетие до н. э.) в лесостепной полосе от Енисея – Оби на востоке (раннегорбуновская культура) через Каму — Волгу (ранняя волго-камская и верхневолжская культуры), Дон — Днепр (днепро-донецкая культура) до Восточной Прибалтики (культура с керамикой нарвского типа), Карелии и Финляндии (культура сперрингс) распространяются сходные культурные особенности (накольчато-прокатанная и прочерченная орнаментация преимущественно котловидных сосудов с примесью в тесте растительных остатков и иногда небольшим плоским или уплощенным дном), которые возможно рассматривать и как особенности этнического порядка». На рубеже III—II тысячелетий до н. э. почти на всей территории расселения финноязычных племен наблюдается распространение культурных традиций, «связанных с волго-камским миром (памятники турбинского типа в Прикамье, волосовского типа в Поволжье, типа стоянок Золотец III в Карелии, Экерле III в Южной Финляндии, Тамула и Валма в Эстонии), что, очевидно, усилило финноязычность населения этих областей». Далее докладчик прослеживает образование в I тысячелетии до н. э. двух крупных этнокультурных зон: ананьинской на востоке и культуры с текстильной керамикой на западе, а в I тысячелетии н. э. оформление этнических особенностей «отдельных финноязычных народов Восточной Европы — древних пермян, мари, мордвы, мери, муромы, эстов, финнов и др.». В дальнейшем различные финноязычные народы входят в сферу влияния соседних этнических массивов (Волжской Булгарии, Руси, раннегерманских и скандинавских государств), в связи с чем происходит ослабление межплеменных контактов внутри финноязычного мира.

Характеризуя работы секций, остановлюсь только на обсуждении вопросов более ранней тематики, которой занималась руководимая мною и К. Мейнандером секция, а также секция докладов на свободные темы, не касаясь темы «Заселение венграми современной территории», которой руководил В. Ф. Генинг.

Открывая 10 сентября работу секции археологии, истории и антропологии, О. Н. Бадер во вступительном слове отметил, что между III финно-угорским конгрес-

сом 1970 г. в Таллине и настоящим конгрессом во всех странах, где звучит финская и угорская речь, а также и в некоторых других странах шла целеустремленная работа в области финно-угорской проблематики, включая и вопросы этногенеза. Одним из выражений продуктивности этой работы является выход в свет ряда публикаций. В СССР это был сборник, составленный из работ советских и венгерских ученых «Проблемы археологии и древней истории угров» («Наука», М., 1972), а также сборник «Этногенез финно-угорских народов по данным антропологии» («Наука», М., 1974).

Принимая во внимание большую роль Урала для проблемы финно-угорского этногенеза и в то же время придавая большое значение ее южным связям в древности, организаторы IV конгресса в Будапеште при составлении программы работ Секции археологии, истории и антропологии выдвинули на первый план вопрос о южных связях Урала в эпоху камня и предложили соответствующий доклад Л. И. Крижевской (СССР, Ленинград), которая несколькими годами раньше опубликовала книгу по неолиту Южного Урала [1]. Этот доклад был полностью опубликован в предварительном выпуске трудов конгресса [2], поэтому не буду останавливаться на его содержании.

По первой проблеме был заслушан и обсужден доклад И. И. Гохмана (СССР, Ленинград) «О происхождении финно-угров по данным краниологии и палеоантропологии».

Докладчик, анализируя обширные материалы по краниологии и палеоантропологии из Прибалтики, Северо-Восточной Европы и Западной Сибири, с помощью разработанного им метода определения модуса профилированности лица и переносья пришел к выводам, не укладывающимся, по его мнению, в распространенные гипотезы происхождения уральской расы: ни в гипотезу длительной метисации европеоидных и монголоидных популяций (Дебец и др.), ни в гипотезу самостоятельной северной евразийской формации, генетически не связанной ни с европеоидами, ни с монголоидами, представляющей собой древнюю, недифференцированную группу, происхождение которой восходит к палеолиту (В. В. Бунак). По мнению докладчика, ослабленная профилированность лица и переносья, свойственная населению Северо-Восточной Европы, восходит к неолитическим могильникам типа Оленеостровского и нижнеднепровских и палеолитическим погребениям на Сунгире и выражает «различия между населением северных областей Восточной Европы и южными европеоидами, граница между которыми, по-видимому, проходила вдоль лесостепной зоны широкой полосой от Северного моря до Приуралья». Именно это население «могло быть тем основным субстратом, на базе которого в процессе контактов с южными европеоидами и сибирскими монголоидами протекал процесс расогенеза финно-угорских популяций». Строго говоря, эта точка зрения примыкает к гипотезе В. В. Бунака.

По той же проблеме состоялось выступление А. Г. Панкрушева (СССР, Петрозаводск) на тему «О единстве культур на территории Карелии и Финляндии в мезолите и раннем неолите». В выступлении показано, что заселение Карелии и Финляндии произошло в раннем голоцене, в X—IX тысячелетиях до н. э. одной и той же волной переселенцев с востока, вероятнее всего из Приуралья, постепенно осваивавших освобождавшиеся из-под ледников пространства. Этот вывод подтверждается единством мезолитических культур Аскола и Суомусъярви в Карелии, а также ранненеолитической керамики типа сперрингс.

В дискуссии, состоявшейся по докладам, Е. Кемписты (Варшава) остановилась на вопросе о юго-западной границе распространения гребенчатой керамики. Полученные в последние годы новые неолитические материалы в Северо-Восточной Польше позволяют проводить эту границу на запад от среднего течения Одера и на север от бассейна Вепша и Кшны, вдоль южной границы Мазурского Приозерья и до устья Вислы.

С. В. Ошибкина (Москва) напомнила, что идея о расселении финно-угорского населения в эпоху мезолита по европейскому Северу от Урала до Северной Скандинавии неоднократно высказывалась исследователями, и в частности археологами. Исследования последних лет в бассейне Вятки, Сухоны и между Волгой и Онегой позволяют предварительно наметить три зоны. Одна из них примыкает к территории, занятой культурой суомусъярви (Карелия, Финляндия). Восточная зона включает бассейн Вятки, мезолитические памятники которого сходны с приуральскими. Третья, центральная, зона отличается особенностями, которые позволяют считать мезолит Сухоны самостоятельным образованием. Имеющиеся материалы не дают основания для вывода о прямом переселении с Урала в лесную зону европейского Севера.

Тибор Тот (Будапешт) подчеркнул, что поставленные в докладе Л. Я. Крижевской вопросы имеют особый интерес для древнейших периодов истории и для происхождения народов угро-финской языковой группы. Особенно важно установить длительность данного периода и основные направления связей.

---

[1] *Л. Я. Крижевская.* Неолит Южного Урала. М., 1968.

[2] *Л. Я. Крижевская.* Южные связи уральских культур в эпохах позднего каменного века. «Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I». Budapest, 1975, p. 161—179.

А. Х. Халиков (Казань) отметил, что проблема южных связей Урала, поставленная в докладе Л. Я. Крижевской, имеет большой научный интерес. Но такие же контакты происходили и в других направлениях вдоль всей зоны расселения финно-угорских народов от Прибалтики до Зауралья. В Прибалтике и, может быть, в Верхнем Поволжье в эпоху неолита ощущается воздействие культур гребенчатого неолита Польши и Белоруссии, о чем говорила здесь Е. Кемписты. Области Поволжья и Нижнего Прикамья, как показывают новые материалы (памятники с накольчато-прочерченной керамикой в Верхнем и Среднем Поволжье), были тесно связаны с предъямными племенами Подонья и Нижнего Поволжья, оставившими памятники типа Ракушечного Яра. Интересно и то, что все области (Прибалтика, Поволжье, Западное Приуралье и Зауралье) позднее оказываются занятыми тремя основными группами финно-угорских народов — прибалтийскими, пермскими и угорскими племенами. В последнее время А. Йоки (Финляндия) на языковых материалах широко ставит проблему контактов уралоязычных и индоевропейских народов. Очевидно, на будущем конгрессе целесообразно поставить проблему таких контактов по данным археологии и других наук.

Антал Барта (Венгрия, Будапешт) заметил, что доклад Л. Я. Крижевской обстоятельно анализирует южные контакты уральского ареала в позднем каменном веке. Речь идет о контактах с Приаральем и более южными районами. Показано существование контактных зон разной интенсивности. На Среднем Урале южные контакты были хотя и заметными, но более слабыми. По-видимому, следует критически пересмотреть позицию В. Н. Чернецова, придерживавшегося точки зрения сильных южных контактов.

И. М. Золотарева (Москва) выступила с замечаниями по докладу И. И. Гохмана. Она отметила, что, во-первых, картосхема, демонстрировавшаяся докладчиком, показывает, что по его модулю уплощенности максимальной уплощенностью лицевого скелета обладают краниологические серии Африки, а не монголоиды Азии. Значит ли это, что мы не можем говорить об уплощенности лица как об одном из основных признаков монголоидного расового типа? Можно думать, что использованный И. И. Гохманом модуль не полностью учитывает структуры этой уплощенности, вследствие чего максимум оказался в Африке, причем не только у бушменов. Во-вторых, близкая величина «модуля уплощенности» у народов Скандинавии — шведов, норвежцев, финнов и финноязычных народов Восточной Европы кажется странной, так как все другие антропологические характеристики (и отнюдь не только пигментация!) проводят весьма резкую грань даже между шведами и финнами-суоми, но говоря уже о более восточных финно-угорских народах (Поволжья, Приуралья). Как следует объяснить это сходство по использованному докладчиком модулю? Может быть, неполнотой этого модуля?

Г. М. Давыдова (Москва) отметила, что результаты, полученные И. И. Гохманом о своеобразии антропологического типа со средним значением индекса уплощенности порядка 112 единиц и о его широком распространении, представляются новыми и очень интересными. Для территорий, прилегающих к Уралу, они находят подтверждение и на современном соматологическом материале. В составе восточных финноязычных и угорских групп выделяется древнейший для этой области антропологический пласт, характеризующийся заметной уплощенностью лица и спинки носа и светлой пигментацией. Его вполне можно отнести к типу, выделяемому И. И. Гохманом в северной части Восточной Европы. Что касается включения этого типа в число северных вариантов европеоидной расы, оно кажется спорным, во всяком случае на представленном И. И. Гохманом материале.

В дискуссии выступили также И. И. Гохман и Р. Я. Денисова (СССР).

Заключая заседание, О. Н. Бадер отметил многогранность работы секции, затронувшей весьма широкие проблемы происхождения и древнейшей истории финно-угорских народов в Восточной Европе и Сибири. Обращаясь к стоящим перед археологами-финноугроведами большим неразрешенным и дискуссионным проблемам, которые необходимо разрабатывать и желательно обсудить на следующем или одном из следующих конгрессов, О. Н. Бадер наметил для Восточной Европы следующие темы: 1. Восточные и западные связи финно-угорских культур в древности (как продолжение проблемы, обсуждавшейся сегодня). 2. Проблемы присутствия древнейшего уральского субстрата на территории Восточной Европы в каменном веке. 3. Проблема этнической принадлежности днепро-донецкой культуры на Украине. 4. Время и конкретные признаки разделения финно-угорского единства в свете археологических данных. 5. Связь древнего топонимического комплекса с окончаниями на -га, -ма, -ша с археологическими материалами. 6. Вопрос о финно-угорской принадлежности турбинской культуры в Приуралье. 7. Вопрос о финно-угорской принадлежности волосовской культуры на Русской равнине и близких культур в Прибалтике. 8. Проблема общности культур, использовавших сейменско-турбинскую бронзу. 9. Ананьинская культура и ее этнос. 10. Культура сетчатой керамики и городищ дьяковского и городецкого типа и их этнические признаки. 11. Преемственное развитие мезолитических, неолитических и металлических культур в Прибалтике.

В предварительных материалах к конгрессу по второй проблеме на Секции археологии, истории и антропологии был опубликован ведущий доклад покойного А. П. Смирнова (СССР, Москва) «Возникновение производящего хозяйства и финно-

угры»[3]. Председательствовал при обсуждении второй проблемы К. Мейнандер (Финляндия, Хельсинки).

Среди содокладов основную тему развивал В. А. Лыугас (СССР, Таллин): «Возникновение древнейшего производящего хозяйства у прибалтийско-финских племен». Он обратил внимание на совпадение ареалов древнего льноводства и ранней текстильной керамики и склонен связывать с льноводством самое появление керамики с текстильными отпечатками. Он указывает, что Южная Эстония и Восточная Латвия от позднего неолита до развитого железа были основными центрами распространения древнего льноводства и текстильной керамики.

В содокладе Э. С. Мугуревича (СССР, Рига) на тему «Производительное хозяйство ливов в X—XV вв. (по новейшим археологическим раскопкам)» содержалась характеристика богатого материала из более чем 10 ливских селищ, недавно раскопанных латвийскими археологами. Исследованные селища сохранили остатки многочисленных жилищ и дают представление о развитом земледельческо-скотоводческом хозяйстве и ремеслах древних ливов. Ими культивировалась пшеница, рожь и другие сельскохозяйственные культуры. В X—XII вв. разводили больше рогатого скота, позже происходит увеличение числа свиней. Констатированы следы развитой металлургии железа, а также цветных металлов. Рыболовство и охота также играли известную роль, хотя в остеологическом материале кости диких животных составляют всего 5—10%. Кроме ливов здесь же жили латыши и латгалы, постепенно ассимилировавшие ливов.

Иштван Фодор (Будапешт) не согласен с локализацией прародины угров в Прикамье. Древние угры помещены им за Уралом, в южной части лесной полосы Западной Сибири. Угорская коневодческая терминология восходит к эпохе бронзы. Огромная андроновская культура была этнически неоднородна; среди ее племен в северо-восточной части андроновского ареала проживали и угры. В XVIII—XVI вв. у андроновцев уже было развито скотоводство и в меньшей степени земледелие; с XVI—XV вв. засвидетельствована верховая езда. Западносибирские угры уже в первой половине II тысячелетия до н. э. перешли к скотоводству, заимствованному из Средней Азии и, возможно, уже тогда частично просочились на юге в Приуралье. Сейменско-турбинские племена были распространителями бронзы и домашних животных. Но основными районами обитания угров были территории андроновского ареала в Западной Сибири. Затем началось движение на север. Прохоровские племена, которые И. Фодор также склонен причислять к древним уграм, двигались из Западной Сибири в Башкирию. Угры, оставшиеся в Западной Сибири, затем были оттеснены на север тюрками-гуннами; это позднейшие хантэ и манси, сохранившие следы производящего хозяйства в фольклоре и искусстве.

В выступлении по докладу А. П. Смирнова Я. Матолчи (Венгрия, Будапешт) высказал мнение, что племена балановской и фатьяновской культур, распространявшие производящее хозяйство на севере Восточной Европы, были ираноязычными.

К. А. Смирнов (СССР, Москва) в сообщении «Сетчатая керамика в Восточной Европе» привел классификацию сетчатой керамики эпохи поздней бронзы и раннего железа, рассматриваемой им как «признак древнейшей, безусловно финно-угорской, культуры».

В сообщении «Развитие производящей экономики у пермских народов во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. по материалам ломоватовско-родановских памятников» Р. Д. Голдина (СССР, Ижевск) характеризует ее как чередование подсечной и переложной систем земледелия, переходящих, по мнению исследователя, еще в гляденовское время в пашенное земледелие с цельнодеревянными ралами с посевами ячменя, ржи, овса, пшеницы и полбы. Земледелие сопровождалось животноводством с вольным выпасом скота на основе прочной оседлости. «В начале II тысячелетия коми-пермяки, как и их соседи (удмурты, марийцы), осваивают плужное земледелие (массовые находки лемехов, серпов и кос)».

Выступая в дискуссии, М. Ф. Жиганов (СССР, Саранск) сделал информацию «Новые археологические исследования в северных районах Сурско-Волжского междуречья и вопросы развития хозяйства мордвы в I — начале II тысячелетия н. э.», в которой показал процесс развития земледелия и ремесла у мордвы в указанное время и появление во второй половине I тысячелетия пашенного земледелия.

Выступление Сильвии Лаул (СССР, Таллин) касалось вопроса «Об образовании западных и восточных этнических группировок прибалтийско-финских племен». Указывая, что в I тысячелетии н. э. предки прибалтийских финнов «населяли теперешнюю Эстонию, Северную Латвию, большую часть Финляндии и Карелии, а также расположенные к востоку области» и на деление их «на две большие коренные группы — восточную и западную», она отмечает длительные тесные контакты племен западной группы (предков ливов, эстонцев, суоми и гэме) с балтийскими и скандинавскими племенами, сказавшиеся и на антропологическом типе финнов. Далее автор сообщения указывает на различия похоронных обрядов у финнов западной и восточной группы в конце I — начале II тысячелетия н. э.: у западных — это могилы

---

[3] *А. П. Смирнов.* Возникновение производящего хозяйства и финно-угры. «Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum». Pars I. Budapest, 1975, p. 181—193.

с каменными насыпями; у восточных (карелов, ижоров, вепсов, вотов и у Псковского озера) — могилы под земляными курганами.

В группе заслушанных на конгрессе докладов на свободные темы было и два доклада по ранней тематике.

Первый из них принадлежал А. П. Окладникову: «Сейменская культура и ее восточные связи». В нем докладчик, подчеркивая крупное значение сейменско-турбинской культуры в древней истории Евразии, указывает на близость к ней самусьской и окуневской культур и на ряд находок бронзовых кельтов на Лене, Ангаре и Байкале; одновременно он обращает внимание на произведения искусства в сейменско-турбинских памятниках (Ростовкинский могильник), связывает их с мифологическими сюжетами памятников наскальной живописи Ангары и прослеживает их распространение от Прибайкалья до Скандинавии включительно. Устанавливая, таким образом, существование столь широких культурных связей — от Скандинавии до Якутии — во II тысячелетии до н. э., докладчик заключает, что «есть все основания искать конкретных носителей этих связей среди исконного населения лесной полосы Восточной Европы. Таким населением, согласно мнению большинства исследователей, еще со времен ямочно-гребенчатой керамики были финно-угры». Таким образом, А. П. Окладников предполагает, что распространение перечисленных вещей и идей между Скандинавией и Якутией объясняется контактами родственных финно-угорских народов. Финно-угры представляли собой «реальный культурно-исторический мост III и II тысячелетий до н. э., по которому осуществлялись трансконтинентальные связи эпохи бронзы и даже ранее, в неолитическое время».

Во втором докладе на свободные темы «Могильники Урала и Поволжья и их связи» Александр Гейслер (ГДР, Берлин) отметил, что неолитические погребения в Восточной Европе от Урала до Прибалтики имеют преимущественно восточную ориентировку, а на запад от Прибалтики и Северного моря преобладает западная ориентировка. В эпоху бронзы здесь появляется и становится частой речная ориентировка. Докладчик приходит к выводу, что погребальный обряд неолитического времени в Приуралье и Поволжье один и что по ритуалу неолитические погребения от Атлантического океана до Урала и далее, в глубь Сибири, неразделимы и внутри этой территории нельзя проводить этнические границы.

Остановлюсь еще на одном докладе в той же секции, принадлежащем советскому ученому Эвальду Тыниссону (Таллин). Докладчик приходит к следующему выводу: «...по имеющимся археологическим и историческим данным можно судить о том, что развитие угро-финнов, в частности, также прибалтийских финнов происходило в направлении возникновения более мелких народов. Относительно ясно этот путь становления можно проследить у эстонцев, финнов и частично у карелов».

По докладу А. П. Окладникова О. Н. Бадер отметил несомненный интерес указанных докладчиком отдельных находок бронзовых кельтов сейменского типа в Прибайкалье. Распространение сейменско-турбинской бронзы, еще недавно определявшееся географическим положением двух Турбинских и Сейменского могильников, как и местонахождением отдельных предметов, менее 10 лет назад было уточнено открытием нового замечательного Ростовкинского могильника близ Омска, исследованного В. И. Матющенко. Богатый Ростовкинский могильник перевесил восточную, сибирскую чашу весов в вопросе о локализации основных сейменско-турбинских центров. Однако сейчас В. Ф. Черниковым открыт новый, Решенский могильник сейменско-турбинского типа на Оке, притом гораздо западнее Сейменского могильника, выше Мурома. Нельзя принять мнение о существовании особой сейменско-турбинской культуры. На двухтысячекилометровом пространстве между Ростовкинским и Решенским могильниками с областью Урала в центре сейменско-турбинская бронза распространилась из одного или скорее двух металлургических центров среди населения не одной, а нескольких локальных культур. Эти культуры были различными, но родственными, что облегчало распространение среди них бронзовых изделий единого происхождения.

В. Ф. Генинг сказал, что проблема сейменско-турбинской бронзы, является одной из актуальнейших в современной археологии. Ареал этого металла включает южную окраину лесной зоны Восточной Европы и Западной Сибири в первой половине II тысячелетия до н. э. Однако если мы обратимся к несколько более раннему времени, то обнаружим довольно примитивное меднолитейное производство в этих районах (в качестве примера возьмем гаринские поселения Среднего Прикамья). Важнейшим памятником степных племен явился могильник Синташта на юге Челябинской обл., относящийся к концу первой половины II тысячелетия до н. э. Могильник поражает прежде всего обилием принесшихся в жертву домашних животных. Во многих могилах, даже детских, на погребальную камеру укладывались 2—7 целых туш коней, в других в составе жертвенных комплексов содержится до 10—14 черепов и костей ног лошадей, коров и баранов. Реконструируется высокопродуктивное скотоводство в сочетании с земледелием. Вместе с тем в могилах на Синташте достаточно много бронзовых изделий: боевых вислообушных топоров, наконечников копий, пластинчатых тесел, серпов, ножей, пилок, различных крючков и т. д. Среди прочих находок много очень крупных кремневых и медных наконечников стрел, зернотерки, костяные дисковидные псалии с шипами, остатки колес со спицами от боевых колесниц. Надо полагать, именно у этих и подобных им степных племен на-

селение сейменско-турбинского круга заимствовало высокоразвитую технологию меднолитейного производства. Не исключено, что во II тысячелетии до н. э. мощный импульс в развитии металлургии в Восточной Европе и Западной Сибири связан с продвижением на восток каких-то западных групп населения, достигших чрезвычайно высокого уровня развития металлургии уже в предшествующее тысячелетие. Материалы могильника Синташта также указывают на очень далекие западные аналогии.

А. Х. Халиков указал, что доклады А. П. Окладникова и А. Гейслера только на первый взгляд не связаны между собой. Во втором докладе предпринята интересная попытка выяснить закономерности в погребальном обряде неолитических племен Севера Европы. Можно согласиться с тем, что в IV—III тысячелетиях до н. э. и, очевидно, в первой половине II тысячелетия до н. э. для местного населения была характерна преимущественно широтная ориентация погребенных, тогда как у племен Прибайкалья начиная с глазковской поры вырабатывается речная ориентация. У племен Волго-Камья такая традиция, как и следы поминания в виде головы и шкуры животных, в том числе и лошади, а также элементы шаманизма появляются не раньше третьей четверти II тысячелетия до н. э., т. е. тогда же, когда здесь появляются комплексы сейменско-турбинского типа. Последние, как это показано в докладе А. П. Окладникова, имеют скорее восточное (сибирско-байкальское), чем местное или более западное, происхождение. Одновременно возникновение этих явлений заставляет полагать, что распространение сейменско-турбинского металла и сопровождающих его некоторых каменных предметов (наконечников стрел и ножей с усеченным основанием, серпентиновых и нефритовых колец) было не просто результатом культурного воздействия, как полагает О. Н. Бадер, но и следствием передвижения этнических групп.

Из речей, произнесенных на пленарном заседании конгресса при его закрытии, следует отметить выступления главы советской делегации акад. А. П. Окладникова, подытожившего работу конгресса, и финского профессора К. Вилкуна, отметившего роль Великой Октябрьской социалистической революции как мощного стимула развития финно-угорских народов Советского Союза, а также науки финноугроведения.

Международные финно-угорские конгрессы созываются уже в четвертый раз. Это вселяет в нас уверенность, что и мы — археологи, историки и антропологи — встретимся через 5 лет для новых обсуждений нашей проблематики. Об этой проблематике следует подумать уже сейчас и наметить конкретные вопросы для разработки.

О. Н. Бадер

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВЕНГРОВ

Одно из заседаний археолого-историко-антропологической секции IV Международного конгресса финно-угроведов было посвящено теме «Заселение венграми современной территории и его предпосылки».

Тема, поставленная на обсуждение секции,— одна из актуальнейших не только в современной венгерской исторической науке, но и во всем финноугроведении. Столь живой интерес к этой тематике не только в наше время, но уже и в древности, когда были написаны сочинения Константина Багрянородного или Венгерского Анонима, вызваны в значительной мере исторической значимостью и сложностью этого явления. Традиционная точка зрения, выработанная венгерской историографией еще в прошлом столетии, связывает происхождение венгров в Прикарпатье с переселением в 896 г. так называемых мадьяр Арпада из Восточной Европы. На основании этого предпринимались уже неоднократные попытки отыскать прародину — «Великую Венгрию», используя различные виды источников. Привлечение разнообразных источников, данных различных наук — одна из особенностей современного подхода к разрешению поставленной проблемы. Но комплексный подход к проблемам этнической истории предполагает не только привлечение различных источников, но и всестороннюю увязку этнического аспекта исследования с изучением социально-экономического процесса, в свете которого этнический аспект и получает свое правильное объяснение как одна из сторон закономерного развития общества. Проблема происхождения венгров должна рассматриваться как проблема этногенеза венгерского народа и консолидация на протяжении всего I тысячелетия н. э. различных по происхождению групп населения в долине Среднедунайской низменности.

Среди 15 докладов и выступлений на заседании можно выделить три направления. Одно развивало основные положения доклада, представленного Д. Ласло, второе касалось так называемой «Великой Венгрии» и третье — объединяло выступления, посвященные общеугорской проблематике.

Основной доклад профессора Будапештского университета Д. Ласло был опубликован полностью еще до начала работы конгресса [1].

[1] *Gy. László.* Die ungarische Landnahmen und ihre Vorereignisse. «Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum». Bd. I. Budapest, 1975, S. 195—208.

Д. Ласло подвел итоги в исследовании проблемы происхождения венгров и наметил основные перспективы дальнейших работ. Автор отметил, что комплексное изучение источников различного характера обнаружило немало фактов, заставляющих подвергнуть сомнению традиционное представление о единовременном переселении венгров на Дунай. Главное в этом Д. Ласло видит в «двойственности» венгерского населения X—XI вв., когда по самым различным источникам четко прослеживается сосуществование культурных традиций оседлого земледельческого населения, с одной стороны, и кочевого скотоводческого — с другой. Д. Ласло считает, что уже в 670 г., когда на Дунай переселились болгары, вместе с ними пришла большая группа племен оногуров, которые и распространили венгерскую (угорскую) речь среди аварского населения.

Иштван Диенеш (Венгерский национальный музей, ВНР) в своем докладе подверг анализу мотив «Древа жизни» в изобразительном искусстве древневенгерских изделий, привлекая две новые находки подвесок, на которых этот мотив выражен весьма реалистично. Докладчик дал толкование отдельных деталей — дерева, голов птиц и т. д., исходя из верований народов Сибири и иранских прототипов. Впервые этот мотив четко фиксируется у пришедших с востока венгров. Его нет в аварских древностях. Учитывая также, что аварские погребения имеют иную ориентировку, чем мадьярские, автор приходит к заключению, что указанные народы имели различные религиозные представления, что не позволяет согласиться с мнением Д. Ласло о раннем, в 670 г., появлении венгров в Прикарпатье.

Мирчу Русу (Институт истории и археологии АН Румынии) остановился на характеристике памятников второй половины I тысячелетия на территории Трансильвании, где была сосредоточена значительная группа болгарского населения, входившего в состав Дунайско-Болгарского государства. Материальная культура их аналогична дунайско-болгарской и имеет также приазовское происхождение. Аварское население сосуществовало с болгарским. Весьма значительным был и славянский компонент. Мадьярские памятники появляются позднее и первоначально не составляют большинство.

Дениш Шинор (Блюмингтонский университет, США) указал, что если венгерский язык был широко распространен или даже господствовал у позднеаварского населения, то мадьяры Арпада IX в. могли быть тюрками, а не венграми. Тюркизмы в венгерском языке весьма значительны. Андрош Рона-Таш (университет в г. Сегед, ВНР) отметил в своем выступлении важное значение теории Д. Ласло, выдвинутой на основании обобщения большого и разнообразного материала. Разбирая эту теорию, он отметил, что она построена на двух посылках: 1) в ранней венгерской истории обнаруживается «двойственность» (две группы культурных явлений, которые не могут еще получить объяснения); 2) сравнение археологических и исторических данных, материалов погребений и поселений позволяет предполагать, что позднеаварское население этнически и лингвистически уже было венгерским. Далее А. Рона-Таш остановился на критическом анализе некоторых положений Д. Ласло.

Одна часть проблемы «двойственности» оказывается недостаточно обоснованной, а другая не получает разъяснения и через теорию двукратного заселения. До сих пор не решен главный вопрос проблемы «двойственности» — это соотношение оседло-земледельческого и кочевого населения. Д. Ласло считает, что земледельцами были венгры, пришедшие в 670 г., а кочевниками — те, которые появились в 896 г. Однако сравнительно-исторические материалы показывают, что нет кочевников, которые не знали бы и земледелия. Так было у монголов, где земледельческая культура имела тюркское происхождение, как и у древних венгров. Предположим, что венгры 670 г. были земледельцами, но откуда происходит их земледельческая культура? Возможны два ответа: они могли принести ее с собой или заимствовать в Прикарпатье. Если принять первое положение, то проблема «двойственности» не разрешается, а лишь отодвигается на два столетия вглубь. Если принять второе, то мы должны предположить, что кочевники 670 г. чрезвычайно быстро восприняли земледельческий образ жизни и оказались способными через 200 лет после прихода новых кочевых групп сохранить этот образ жизни и дальше. Можно также допустить, что венгры 670 г. заимствовали земледельческую культуру от более раннего населения этой территории. Выступавший отметил, что венгерская земледельческая культура имеет сильный восточный компонент. Еще один пример о логике рассмотрения «двойственности»: почему она соотнесена с венграми X и XI вв., а почему такая картина не могла возникнуть и раньше, скажем, в Ателькузе?

Проф. Ласло обратил внимание, что позднеаварские могильники расположены в местах, которые, по карте Иштвана Книжа, были заселены венграми. Но работа И. Книжа написана в 40-х годах, и никто критически ее не проанализировал. Но главное даже другое: хотя она и называется «Венгерские народы в XI в.», но написана целиком на источниках XII и более поздних веков, а аварские памятники относятся к VII или VIII вв. Таким образом, хронологический разрыв между картами, которые сравнивает Ласло,— не менее трех или более столетий! Кроме хронологических трудностей существуют и другие. Как появилась карта Книжа? Он этимологизировал топонимы, известные по ранним источникам, и разделил их на три группы: 1 — венгерские, 2 — славянские, которые приобрели венгерские формы, и 3 — сла-

вянские. И. Книжа не рассматривал первые две группы как доказательство этнического расселения венгров, а акцентировал внимание на третьей группе как доказательстве наличия славянского населения. Исходя из теории Д. Ласло, вторую группу следует объединить с третьей и рассматривать их как показатель процесса поглощения славянского населения венграми. А. Рона-Таш не останавливается на анализе и этимологии топонимов, но считает, что необходимо карту Книжа проанализировать на общем фоне развития прикарпатского населения. При детальном обследовании топонимов, очевидно, мы придем к выводу, что топонимы венгерского и славянского происхождения составляют лишь небольшую часть. И. Книжа рассматривал тюркские заимствования как венгерские. В свете гипотезы Д. Ласло это не так просто. Если местность в 1055 г. (старейший документ) носит тюркское название, можно ли предполагать, что в этом месте с 670 г. жили венгры с венгерским языком? И когда это слово в Венгрии было заимствовано от оногуров?

А. Рона-Таш отметил, что задача его выступления не в дискуссии с Д. Ласло по отдельным деталям, а лишь в том, чтобы обратить внимание на некоторые слабые методологические стороны этой теории, чтобы продолжить дискуссию. Гипотеза Д. Ласло имеет огромное, эпохальное значение: она заставляет искать, продолжать исследование ранневенгерской истории.

Антал Барта (Институт истории АН Венгрии) обратил внимание на необходимость совершенствования методологической стороны сравнительного анализа. Отметив большую значимость теории Д. Ласло о многократном заселении Венгрии, он высказал ряд замечаний, которые, однако, снимают далеко не все неясности и противоречия и которые пока не позволяют решать проблему однозначно.

Вторая тема, рассматривавшаяся на заседании, касалась так называемой проблемы «Великой Венгрии».

Р. Г. Кузеев и Т. М. Гарипов (Башкирский филиал АН СССР, Уфа) в докладе «Magna Hungaria и древняя Башкирия» рассматривали старую точку зрения, заимствованную из средневековых источников, согласно которой территория «Великой Венгрии» отождествляется с Башкирией. Авторы при этом оговаривают свою посылку, считая ее установленным фактом, что мадьярские племена во второй половине I тысячелетия н. э. обитали между Уралом и Волгой. Эту область они условно и называют «Великой Венгрией». Вопрос о времени и территории, откуда сюда пришли венгры, остается пока открытым. Локализацию территории «Великой Венгрии» авторы производят на основании анализа исторических и лингвистических источников. Среди названий венгерских племен имеется ряд имен, обнаруживающих аналогии в башкирских этнонимах: Юрматы, Йэнэй, Тархан, Кесе, Нагман, Юлман, Булгар и др. В XII—XIII вв. эти племена обитали западнее р. Б. Ик, в верховьях рек Шешма, Степной Зай, Б. Черемшан, Кундарча и Сок, в области Бугульминской возвышенности, т. е. в непосредственном соседстве с Волжской Булгарией, чем и может объясняться большой пласт (до 200 слов) тюркизмов в венгерском языке. Древние башкиры — тюркские племена центрально-азиатского происхождения — в процессе движения на запад осели в районе Бугульминской возвышенности, причем территория их расселения лишь частично перекрывала территорию «Великой Венгрии». По мнению авторов, мадьярские племена покинули Урало-Поволжье прежде, чем сюда пришли протобашкиры, но частично оставшиеся венгры и часть булгар были в дальнейшем ассимилированы башкирами (булгаро-мадьярский компонент у башкир, сохранивший перечисленные выше этнонимы).

В докладе Е. А. Халиковой (Казанский университет) рассматривались материалы недавно открытого могильника у с. Большие Тиганы в Алексеевском районе Татарии, содержавшего более 30 могил VIII—IX вв. Погребальный обряд и вещевой комплекс этого могильника сравнивался с могильниками венгров эпохи Арпада IX—X вв. в Прикарпатье, и на основании ряда совпадений было сделано заключение об их чрезвычайно большой близости, что, по мнению автора, позволяет говорить о первоначальной территории расселения венгров на левобережье Нижней Камы. Е. А. Халикова объединяет с Больше-Тиганским могильником большую группу памятников Предуралья и Нижнего Прикамья, с находками керамики кушнаренковского типа в том числе курганы VIII—IX вв. типа хусаиновских, которые, по ее мнению, и очерчивают территорию легендарной «Великой Венгрии», где расселялись древневенгерские племена накануне их переселения в Прикарпатье. По мнению докладчика, венгерские племена покинули Прикамье около 830 г. и через 60—70 лет появились в Прикарпатье. Ч. Балинт (Институт археологии Венгерской АН), касаясь некоторых вопросов сравнительного анализа венгерских могильников IX в. и поволжских захоронений в областях, где ищут «Великую Венгрию», отметил, что хотя отдельные элементы сходства и намечаются, но в целом все же нет тождества и прямая генетическая связь недостаточно аргументирована. И. Фодор (Венгерский национальный музей) в своем выступлении также рассматривал вопрос о связи Больше-Тиганского могильника, о котором доложила Е. А. Халикова, с древними венграми. Приведенные аналогии не убеждают его в правомерности такого отождествления; по его мнению, мадьяр Арпада на востоке надо искать в более южных районах, ближе к среднеазиатским центрам, которые оказали большое влияние на искусство мадьярских мастеров. А. Барта сделал замечание о методической стороне анализа доклада Е. А. Халиковой, которая представляется недостаточно отработанной и выдержан-

ной. Необходим более углубленный сравнительный анализ с местными, прикамскими материалами, чтобы обосновать специфику Больше-Тиганского могильника, что позволило бы убедительно аргументировать его связь с древневенгерскими. Пока приведенные материалы, особенно по поясным наборам, которые происходят в абсолютном большинстве из среднеазиатских торгово-ремесленных центров, не позволяют столь прямолинейно проводить параллель между прикамскими и венгерскими могильниками. Проблема Ателькузу и Леведии, которая у Е. А. Халиковой выглядит весьма ясной, гораздо сложнее и требует дальнейшего изучения в свете новейших исследований. И. И. Гохман (Институт этнографии АН СССР) остановился на антропологической характеристике пока немногочисленного и фрагментарного материала из могильника у с. Большие Тиганы. Предварительное обследование показало, что он не выходит за рамки ранее известных прикамских антропологических типов, особенно тех, в которых как будто имеются незначительные монголоидные примеси. Пока еще сравнительный анализ антропологического материала из Больших Тиган с венгерскими не проделан. Это затруднено тем, что последние обработаны в несколько иной системе. Сейчас представляется возможность ознакомиться с некоторыми венгерскими черепами IX—X вв. Только после их сравнительного изучения можно будет говорить об отношении Больше-Тиганского могильника к венгерским памятникам IX—X вв. В. Ф. Генинг (Институт археологии АН УССР) отметил, что вопрос о характере переселения мадьяр Арпада в 896 г. и в связи с этим вопрос о «Великой Венгрии» — это центральные проблемы этногенеза венгерского народа. Е. А. Халикова считает бесспорным, что доложенные ею материалы по Больше-Тиганскому могильнику позволяют говорить о прародине мадьяр до IX в. Подобная постановка не нова. Этнический анализ археологических материалов, особенно для установления генетических связей, требует применения весьма тонкой и проверенной методики. Действительно ли группа памятников кушнаренковского типа может быть связана с предками мадьяр, как это считает Е. А. Халикова? Сделаем вначале несколько общих замечаний. 1. Памятники кушнаренковского типа выделены в археологии Южного Прикамья уже давно и неоднократно описывались и интерпретировались в литературе, о чем умолчал докладчик. 2. Для памятников второй половины I тысячелетия в Южном Прикамье характерна исключительно пестрая мозаика культурных типов, и среди них кушнаренковский не является преобладающим. Смешение различных типов на поселениях и могильниках отмечалось уже многими авторами. Отождествляя кушнаренковский тип с мадьярскими племенами и «уводя» их в начале IX в. на запад, Е. А. Халикова тем самым вырывает из уже органически единого, слившегося населения какую-то одну группу, общность которой устанавливается лишь в плане происхождения. 3. Для сравнительного анализа различных групп памятников — кушнаренковских и Больше-Тиганского могильника, а также венгерских могильников IX—X вв. необходимо вначале дать каждой группе четкую характеристику, скоррелировав признаки, определяющие отдельные типы. Это автором доклада не сделано, как и не выделены специфические черты комплекса, позволяющие установить генетические связи.

Кушнаренковский погребальный обряд известен по ряду других памятников, в описании Г. И. Матвеевой, В. Ф. Генинга, Н. А. Мажитова, С. Васюткина. 1. Форма могильных ям простая, без дополнительных конструкций. Подобную же форму имеют древневенгерские могильники, а также очень многие другие типы могил Прикамья. 2. Кости коня, остатки положенной в могилу шкуры коня не типичны для погребений кушнаренковского типа, хотя и встречались часто в Больших Тиганах, что сходно с венгерскими погребениями. Однако такие же остатки встречаются в очень многих прикамских могилах иных типов. 3. В могилы очень часто у изголовья умерших ставили глиняные сосуды и клали кусок мяса, от которого сохранилась кость. Этого обычая нет в венгерских могилах. 4. Костюм, который реконструирует Е. А. Халикова по Больше-Тиганским погребениям и сравнивает с венгерскими реконструкциями, характерен для широкого круга волго-камского населения. 5. Керамика кушнаренковского типа, которая фактически и определяет карту распространения этого типа, а для Е. А. Халиковой служит основой для выделения территории «Великой Венгрии», чрезвычайно специфична, легко отличима от любого другого типа по системе фигурно-штампованной орнаментации, технике изготовления и грушевидной форме. Подобной керамики нет в Венгрии на памятниках IX—X вв., как в могильниках, так и в поселениях. Последние исследования поселений IX—X вв. показали, что керамика здесь совершенно иного типа — котловидная и горшковидная без орнамента. 6. Стиль поясных наборов, сходный в Больше-Тиганском и венгерских могильниках,— это стиль изделий, в большинстве своем вышедших из среднеазиатских торгово-ремесленных центров, как на это указал уже А. Барта, а аналогии к нему наблюдаются во многих памятниках.

Таким образом, даже беглый обзор показывает, что генетически могильники кушнаренковского типа и венгерские IX—X вв. несопоставимы, следовательно, неправомерно выделение территории низовьев р. Белой как «Великой Венгрии», которая пока остается легендарной.

Последняя группа докладов была посвящена выявлению в археологических материалах культурных элементов, аналогичных венгерским или связанных с другими угорскими племенами.

Г. А. Архипов (Марийский НИИ) в своем сообщении «Общие элементы в материальной культуре марийцев и венгров (по археологическим данным)» рассмотрел несколько категорий археологических находок — в могильниках IX—X вв. с территории Венгрии и Марийской АССР, обнаруживающих чрезвычайно большое сходство. Среди этих находок — поясные сумки, украшенные иногда серебряными пластинками, принадлежности поясных ремней и др. Автор считает, что эти вещи были заимствованы древними марийцами от кочевнических племен степей, где обитали и предки венгров, чем и объясняется их большое сходство.

Е. П. Казаков (Казанский ИЯЛИ) сообщил об угорских средневековых памятниках в Среднем Поволжье. Автор отмечает, что со времени нашествия гуннов в Восточную Европу, в том числе Среднее Поволжье, проникают значительные группы тюркского, угорского и, возможно, самодийского и енисейского населения. Среди археологических памятников Среднего Поволжья выделяется группа кушнаренковских, оставленных, по-видимому, протохантыйскими или самодийско-енисейскими этническими группами. В Нижнем Прикамье в VIII—IX вв. обнаруживаются значительные элементы ломоватовской и сылвенской культур, которые включали протомансийский компонент. На территориях башкирских племен, эней и буляр, выявлены археологические памятники XII—XIV вв. чияликского типа, близкие сылвенским и связанные, по мнению автора, с протомансийскими племенами. Е. П. Казаков считает, что письменные источники X в. позволяют локализовать мадьяр на южной и восточной окраине Волжской Булгарии.

В. А. Семенов (Удмуртский НИИ) в своем докладе рассматривал угорский элемент в поломской культуре, легшей в основу формирования удмуртов. Автор, ссылаясь на ранее высказанное мнение В. Ф. Генинга о связи решетчато-шнуровой орнаментации поломской керамики с прото-хантыйскими племенами, дает подробный анализ ее элементов (штампов и композиции), которые появляются лишь в позднеполомских памятниках середины VIII в. Это позволяет предполагать приход на р. Чепцу значительной группы угорских племен, смешавшихся здесь с протоудмуртами, что и сыграло решающую роль в выделении удмуртов из общепермской общности.

Доклад Д. Ласло, и ряд вызванных им выступлений, показал своевременность постановки для широкого обсуждения проблемы происхождения венгерского народа. Многие вопросы остаются спорными, слабо исследованными. В ходе дискуссии выяснились еще значительные расхождения во взглядах на проблему формирования венгерского народа. Но дискуссия и обмен мнениями на нынешнем конгрессе и заседании данной секции позволили лучше понять позиции отдельных исследователей, оценить значимость новых материалов.

В. Ф. Генинг

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА КНИПОВИЧ

В июне 1975 г. в возрасте 79 лет скончалась Татьяна Николаевна Книпович, известный советский исследователь античности, археолог, историк, эпиграфист, доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного университета.

Т. Н. Книпович родилась 27 мая 1896 г. в с. Лыкошино бывш. Новгородской губернии (ныне Калининская обл.) в семье известного зоолога академика Н. М. Книповича. Детство и годы ученичества Татьяны Николаевны прошли в Петербурге. Семья Н. М. Книповича, связанная с русской социал-демократией, была известна своими прогрессивными взглядами. Атмосфера увлеченности наукой, царившая в доме, несомненно, повлияла на формирование исследовательских интересов Татьяны Николаевны.

Вся жизнь и научная деятельность Т. Н. Книпович связана с Ленинградским институтом археологии (бывш. ГАИМК — ЛОИИМК), куда она поступила в 1920 г., закончив Высшие женские курсы, а затем Петроградский университет. В этом центре археологической науки страны Т. Н. Книпович прошла путь от регистратора до крупнейшего специалиста в области античной археологии, эпиграфики и искусства. В 1938 г. ей была присвоена степень кандидата наук. В 1939 г. по совокупности научных работ Т. Н. Книпович была присвоена ученая степень доктора исторических наук.

Не прекращая своей основной деятельности в ЛОИИМКе, Т. Н. Книпович в течение долгого времени работала в Государственном Эрмитаже.

Посвятив себя изучению античных центров на северных берегах Черного моря, Т. Н. Книпович на протяжении многих лет принимала непосредственное участие в раскопках на Нижнем Дону, на Боспоре, Березани и главным образом в Ольвии. Во время Великой Отечественной войны, находясь в эвакуации, Т. Н. Книпович участвовала в археологических исследованиях в Узбекистане.

В своей научной деятельности Татьяна Николаевна постоянно искала новые пути и подходы к наиболее важным проблемам археологии; старалась идти непроторенными дорогами. В 1934 г. в фундаментальной статье «К вопросу о торговых сношениях греков с областью р. Танаиса в VII—V веках до н. э.» были подняты и по-новому освещены две важнейшие проблемы: греческой колонизации и ранних греко-варварских контактов. Положения Т. Н. Книпович способствовали возникновению новой концепции колонизации северных берегов Черного моря, развивавшейся в дальнейшем рядом советских ученых. Т. Н. Книпович не раз возвращалась к проблеме греко-варварских контактов и взаимовлияний, являющейся сейчас одной из наиболее важных в причерноморской археологии, освещая ее с разных сторон. В сферу научных интересов Т. Н. Книпович входил источниковедческий анализ самых разнообразных источников — массового археологического материала, памятников прикладного искусства и эпиграфических памятников. Ею впервые были заложены основы систематики и датировки краснолаковой керамики, происходящей из раскопок античных центров северного Причерноморья, исследовалась художественная керамика и керамика местного производства из Ольвии, отдельные группы архаических расписных ваз. В основном источниковедческий характер носит и вышедшая в 1949 г. книга Т. Н. Книпович «Танаис. Историко-археологическое исследование» — первое монографическое исследование об этом важном центре северо-восточного Причерноморья и Приазовья; в ней Татьяна Николаевна, с присущей ей тщательностью, обобщила все сохранившиеся материалы раскопок Недвиговского городища и его некрополя за предшествующее столетие. Эта работа привела в систему итоги первоначального изучения памятника, очертила круг нерешенных задач и послужила толчком к началу систематических раскопок Танаиса.

Значительный вклад внесла Татьяна Николаевна в античную эпиграфику Причерноморья, посвятив ей последние десятилетия своей жизни. Она постоянно изучала и публиковала новые надписи, подготовила сводку лапидарных памятников Ольвии из раскопок 1920—1954 гг., принимала самое деятельное участие в составлении и подготовке к печати таких капитальных изданий, как «Корпус боспорских надписей» (М.— Л., 1965) и «Надписи Ольвии (1917—1965)» (Л., 1968). Чтение, перевод, эпиграфический, филологический и исторический комментарий значительного количества надписей в указанных корпусах принадлежит перу Т. Н. Книпович. Большое значение имеют исследования Т. Н. Книпович в области причерноморской греческой палеографии, а также монографическое исследование Т. Н. Книпович «Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников» (МИА, № 50, 1956).

Как профессор Ленинградского университета Татьяна Николаевна много сил отдавала подготовке молодых научных кадров. С предельной тщательностью относясь к археологическим и историческим фактам, их сбору, анализу и интерпретации, она требовала того же и от своих учеников.

Татьяна Николаевна Книпович являла собой пример беззаветного служения науке, которой она отдала всю свою жизнь. Таким примером она остается и для тех, кто знал ее лично, и для тех, кто пользовался и продолжает пользоваться результатами ее трудов.

А. Н. Щеглов

ПЕТР НИКОЛАЕВИЧ ТРЕТЬЯКОВ

Советская историческая наука понесла большую утрату.

12 июня 1976 г. на 67 году жизни после тяжелой продолжительной болезни скончался Петр Николаевич Третьяков, член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук. Имя П. Н. Третьякова, виднейшего советского историка и археолога-слависта, хорошо известно в научном мире не только в нашей стране, но и за рубежом.

П. Н. Третьяков родился 13 ноября 1909 г. в Костроме, в семье преподавателя гимназии. Еще будучи школьником, Петр Николаевич проявляет живой интерес к археологии родного края, а поступив в 1926 г. в Ленинградский государственный университет на факультет языка и истории материальной культуры, сделал выбор на всю жизнь.

Научная деятельность П. Н. Третьякова началась в 1928 г. в стенах Государственной Академии Истории Материальной культуры. В 1931 г. вышли в свет его первые печатные труды. Работа молодого ученого «Костромские курганы» — образец умелого анализа археологических источников — не потеряла своего научного значения до наших дней.

С 1933 по 1937 годы старший научный сотрудник ГАИМК П. Н. Третьяков возглавляет археологическую экспедицию в зоне строительства гидроэлектростанций на Верхней Волге. Результатом этих изысканий явилась капитальная монография П. Н. Третьякова «К истории племен Верхнего Поволжья в I тыс. н. э.», вышедшая из печати в 1941 г. и защищенная им в качестве докторской диссертации в 1945 г.

Раскопки знаменитого городища у дер. Березняки, где было найдено такое уникальное сооружение, как «домик мертвых», до сих пор являются образцовыми по методике и точности научных выводов. Автору удалось воссоздать картину жизни небольшого общинного поселка, его быта, хозяйства, идеологии.

Происхождение и ранняя история восточных славян, их социально-экономический строй и возникновение государственности, рассматриваемые на широком общеисторическом фоне,— основная проблема, над которой на протяжении всей жизни плодотворно работал ученый. Разработке этой проблемы были подчинены предпринятые еще в 30-х годах археологические исследования славянских памятников в Поднепровье, на Полтавщине и в Киевском Полесье.

Глубокий анализ письменных источников, обобщение накопленных ранее и полученных им самим материалов позволили П. Н. Третьякову перейти к созданию монографии «Восточнославянские племена», выдержавшей два издания (1948 и 1953 годы). В этой книге П. Н. Третьяков выдвинул совершенно новую концепцию этногенеза и древней истории восточного славянства. Автор убедительно показал, что жизнь восточных славян была далеко не однообразной и примитивной, а богатой и весьма динамичной.

В 1940 г. Петр Николаевич Третьяков вступил в члены КПСС. В своей научной и общественной деятельности он всегда проявлял партийную принципиальность, пользовался заслуженным авторитетом.

Годы Великой Отечественной войны прервали его научные исследования. С июля 1941 г. П. Н. Третьяков в рядах Красной Армии. В течение пяти лет Петр Николаевич работает в системе Главного Политического управления РККА в качестве про-

пагандиста, преподавателя Военно-политической академии имени В. И. Ленина, на Высших курсах усовершенствования политсостава Красной Армии. В конце войны П. Н. Третьяков был награжден орденом Красной Звезды.

После демобилизации из рядов Советской Армии в ноябре 1945 г. П. Н. Третьяков занимает должность заместителя директора ИИМК и заведующего Ленинградским отделением Института.

В конце 1946 г. П. Н. Третьяков переходит на работу в Отдел науки Управления пропаганды и агитации ЦК КПСС и переезжает из Ленинграда в Москву. Работу в ЦК КПСС П. Н. Третьяков совмещает с работой в Академии общественных наук и в Институте истории материальной культуры, в котором с июля 1947 года он возглавляет Сектор этногенеза народов СССР. В научной проблематике Сектора, в многочисленных статьях П. Н. Третьякова уделялось большое внимание вопросам теории этногенетического процесса. Эта работа велась в тесном контакте с виднейшими учеными-лингвистами.

В 1950—1953 годах П. Н. Третьяков — главный редактор журнала «Вопросы истории». В это же время он становится директором Института славяноведения АН СССР и заместителем академика-секретаря Отделения истории и философии АН СССР.

В 1952 г., как один из авторов коллективного труда «История культуры древней Руси», П. Н. Третьяков был удостоен Государственной премии и награжден орденом Ленина.

В 1958 г. П. Н. Третьяков избирается членом-корреспондентом АН СССР.

В последние годы П. Н. Третьяков проводил широкие полевые исследования на Смоленщине, в Верхнем Поднепровье и Подесенье, много и плодотворно работал по проблемам славянской археологии, выпуская одну книгу за другой: «Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге» (1966), «У истоков древнерусской народности» (1970), а также «Древние городища Смоленщины» (совместно с Е. А. Шмидтом) — основные капитальные труды, в которых подведены итоги многолетних и разносторонних творческих поисков П. Н. Третьякова. П. Н. Третьяков обладал редкой способностью обобщать археологические данные, видеть за отдельными фактами значительные явления социальной жизни.

П. Н. Третьяков неизменно представлял советскую науку на всех крупнейших международных конгрессах, посвященных этногенезу славян, пользовался признанием и высоким авторитетом среди зарубежных ученых, он был членом Польского археологического общества. Профессор Ленинградского государственного университета, П. Н. Третьяков всегда был другом и наставником молодых ученых Москвы и Ленинграда, руководитель аспирантов — он воспитал большую плеяду учеников, многие из которых стали крупными исследователями.

Память о нем навсегда останется в наших сердцах.

ОТ ОТДЕЛА ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Отдел полевых исследований ИА АН СССР напоминает всем археологам, получившим Открытые листы на 1976 г., что крайний срок представления отчетов о работах 1976 года – 1 мая 1977 г. Отчеты, поданные в ОПИ после этого срока, рассматриваться до осени 1977 г. не будут и авторы их не смогут получить Открытые листы на полевые работы сезона 1977 г. Несвоевременное представление отчетов о раскопках предыдущих лет уже привело к тому, что Отдел не выдал Открытых листов на 1976 г. А. И. Алексееву (Якутский университет), Ю. П. Чемякину (Уральский университет), Л. Г. Нечаевой (Институт этнографии АН СССР) и другим.

Отдел полевых исследований обращает также внимание всех держателей Открытых листов на недопустимость нарушения характера и превышения объема работ, предусмотренных Открытыми листами форм № 2 и 3. За подобные нарушения в 1975 г. ОПИ отказал в выдаче Открытого листа на 1976 г. А. К. Пономаренко (Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВНЦ АН СССР) и С. Л. Дудареву (Чечено-Ингушский университет).

Зарегистрированы отдельные случаи выездов археологов на полевые работы без получения соответствующего Открытого листа. В 1976 г. работы без листа вели Н. В. Анфимов (Краснодарский университет), Н. И. Дроздов (Красноярский пединститут), С. М. Васюткин (Башкирский университет) и некоторые другие. Отдел полевых исследований указывает на недопустимость таких противозаконных действий. Отделом поднят вопрос о деквалификации, как полевых работников, археологов, злостно практикующих (как, например, Н. В. Анфимов) браконьерские раскопки и не представляющих отчеты о проведенных работах.

Отдел полевых исследований
Института археологии АН СССР

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Абх. ИЯЛИ — Абхазский институт языка, литературы и истории
АЗР — Акты Западной России
АЕ — Археографический ежегодник
АИЕН — Сб. «Археология и естественные науки»
АИСК — Сб. «Археологические исследования средневекового Крыма». Киев, 1968
АИУ — Археологические исследования на Украине, Киев
АИЧПЕ — Ассоциация по изучению четвертичного периода Европы
АО — Сб. «Археологические открытия»
АП — Археологічні пам'ятки УРСР, Київ
АРРЗСО — Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии
АС — Археологический съезд
АЭС — Археолого-этнографический сборник
БАС — Башкирский этнографический сборник, Уфа
БИАМ — Бахчисарайский историко-археологический музей
ВАУ — Вопросы археологии Урала, Свердловск
ВВ — Византийский временник
ВГМГ — Вестник Государственного музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный Исторический музей, Москва
ГО СССР — Географическое общество СССР
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии
ИАНО — Известия Абхазского научного общества, Сухуми
ИАС — Историко-археологический сборник, Москва
ИАСК — Сб. «История и археология средневекового Крыма». М., 1958
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИАЭ КазССР — Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР
ИТОИАЭ — Известия Таврического Общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
КБНИИ — Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт
КВЕД — Сб. «Кавказ и Восточная Европа в древности»
КСИА АН СССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР, Москва
КСИА АН УССР — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН УССР, Киев
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
МАДИСО — Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края
МИСО — Материалы по истории Смоленской области
МОПИ — Московский областной педагогический институт им. Н. К. Крупской
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОАКР — Отдел археологии Крыма ИА АН УССР, Симферополь
ОИДР — Общество Истории Древностей Российских
ОИМ — Отчеты Исторического музея
ОУАК — Оренбургская ученая архивная комиссия
ПВЛ — Повесть временных лет
ПГУ — Пермский государственный университет
ПИФР — Проблемы истории феодальной России
ПРП — Памятники русского права
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
РАИК — Русский археологический институт в Константинополе
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМК — Саратовский областной музей краеведения
СУАК — Саратовская ученая архивная комиссия
СЭ — Советская этнография
ТГУ — Тбилисский государственный университет
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ОИАЭ — Труды Общества истории, археологии, этнографии
Тр. ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, Ашхабад

ХСб.— Херсонесский сборник
AAA — Annals of archaeology and anthropology, Liverpool
AAH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, Budapest
AJA — American Journal of Archaeology
AH — Archaeologia Hungarica
AS — Anatolian Studies, London
AP — Archeologia Polski, Wrocław — Warszawa — Kraków
AR — Archeologické rozhledy
Bull MMA — The Metropolitan Museum of Art Bulletin
ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua, Helsinki
EW — East and West
JNES — Journal of Near Eastern Studies, Chicago
KHKM — Kwartalnik historii kultury materialnej
MDA in Iran — Mêmoires de la Delegation in Iran
OIP — Oriental Institute Publications, Chicago
PA — Památky Archeologické
PPS — Proceedings of the Prehistoric Society
PZ — Prähistorische Zeitschrift, Berlin
RA — Revue archéologique, Paris
SA — Slovenska archeologia
SMYA — Suomen Muinasmuisto yhdistuksen Aikakauskirja, Helsinki
SprA — Sprawosdania Archeologiczne, Wrocław
TTAED — Türk Tarih Arkeologya ve Etnografia Dergisi
WA — Wiadomości Archeologiczne, Warszawa

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19
Телефон 126-94-45

Зав. редакцией *Л. М. Бушкина*

Технический редактор *Т. А. Аверкиева*

Сдано в набор 17/VII-1976 г. Т-03202 Подписано к печати 5/I—1977 г. Тираж 3260 экз.
Зак. 1260 Формат бумаги 70×108¹/₁₆ Усл. печ. л. 28,7+1 вкл. Бум. л. 10¼ Уч.-изд. л. 30,3

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Советская археология» публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой научный интерес, критические статьи и рецензии на новые книги по археологии.

Направляемые в журнал статьи должны быть оформлены в СООТВЕТСТВИИ С ПРАВИЛАМИ, ПРИНЯТЫМИ В ЖУРНАЛЕ. **Статьи, оформленные без учета этих правил, возвращаются авторам без рассмотрения.**

1. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (23—25 машинописных страниц) и 10 иллюстраций.

2. Статьи должны быть напечатаны на машинке через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного размера с полями с левой стороны. Материалы, напечатанные на портативной машинке, редакцией журнала не рассматриваются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи.

3. Статьи следует присылать в двух экземплярах. Текст должен быть ТЩАТЕЛЬНО проверен и подписан автором с указанием даты отправления, подробного почтового адреса, а также телефона.

4. Сноски помещаются внизу каждой страницы; нумерация сносок дается постатейная. Сноски также печатаются через два интервала.

5. В журнале принят следующий порядок цитирования:

Для монографии: инициалы и фамилия автора, название работы (без кавычек), место издания, год издания, страница.

Для статей: автор, название статьи (без кавычек), название журнала или сборника, том или год выпуска, год издания, номер журнала.

При ссылках на иностранную литературу том (выпуск), страницу, рисунок, таблицу следует давать на языке оригинала.

6. К статье следует приложить русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом 0,5—1 страница машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на французский язык необходимо:

а) при употреблении названий периодов, типов, культур, вариантов, производных от географических названий, давать эти последние в именительном падеже единственного числа (например, кушнаренковский тип от Кушнаренково);

б) наиболее специфические термины или давать в переводе или в расшифровке.

К статье следует приложить список сокращений. И текст резюме, и список сокращений следует присылать в двух экземплярах, напечатанных на машинке.

7. Количество иллюстраций зависит от объема статьи, но не должно превышать 10. Иллюстрации следует представлять в пригодном для вопроизведения виде (контрастные фотографии на глянцевой бумаге в двух экземплярах или рисунки в туши на ватмане или кальке). Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. На обороте каждого рисунка карандашом следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. Список иллюстраций с подрисуночными подписями представляется в 2 экз.

8. Все знаки в тексте, которые не могут быть воспроизведены буквами русского, латинского или греческого алфавита, должны быть сдублированы на отдельном листе для изготовления клише.

9. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные с доработки позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

10. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Обращаем внимание авторов на то, что с текущего, 1977 года, авторская корректура высылаться не будет.

В связи с этим редакция просит авторов строго соблюдать правила оформления статей, тщательно готовить все материалы, направляемые в редакцию, уделив особое внимание точному цитированию иностранной литературы.